

А. Алферовъ и А. Грузинскій.

Алферов
"

ДО ПЕТРОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

И

народная поэзія

ТЕКСТЫ, ПЕРЕВОДЫ, ПРИМЪЧАНІЯ, СЛОВАРЬ.

Издание второе, исправленное и дополненное.

Съ 14 рисунками.

Изд. фирмы „Сотрудникъ Школь“
Москва. 1907.

PG 3223

A4

1907

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОВ. Д.
1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 1-му ИЗДАНИЮ.

Древне-русская литература теперь въ средней школѣ не въ модѣ.

Говорятъ, что юношество нужно вводить въ текущую жизнь, что новѣйшая литература даетъ несравненно больше цѣнныхъ мыслей, художественныхъ впечатлѣній, что она больше даетъ и для языка. Говорятъ, что древняя наша литература важна для спеціалиста-ученаго, а не для подрастающаго поколѣнія, которое прежде всего рвется къ новой жизни и къ злободневнымъ вопросамъ. Говорятъ, что лучшія мысли нашихъ старыхъ книгъ теперь и для юноши стали уже избитымъ общимъ мѣстомъ, и не на малограмотныхъ и старомодныхъ домослахъ людей, давнымъ давно сошедшихъ со сцены, воспитывать, въ самомъ дѣлѣ, молодой умъ и свѣжія чувства вступающаго въ жизнь человѣка.

А между тѣмъ, едва ли это справедливо. Безспорно, новая литература должна занимать главенствующее положеніе въ средней школѣ, но ополчаться на древнюю литературу можно только по недоразумѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, главное основаніе, почему древняя литература должна занимать свое мѣсто въ курсѣ исторіи литературы, вовсе не въ томъ, что она можетъ соперничать съ новой въ богатствѣ мыслей и образовъ. Главное основаніе, почему она вводится въ курсъ средней школы, — въ цѣли ея изученія. Никто не станетъ читать „Домостроя“, чтобы взять его взгляды, какъ правила собственной жизни, но его нужно знать, чтобы глубже и сознательнѣе относиться къ многимъ бытовымъ и культурнымъ явленіямъ современности. Если считать исторію культуры нужной для общаго образованія человѣка, то и древнюю нашу литературу,

въ главныхъ моментахъ ея развитія, нужно знать каждому, желающему сознательно отнестись къ быту и взглядамъ нашего времени. Самые упреки въ скудости мысли, въ недостаткѣ художественности нашихъ старыхъ книгъ, также едва ли вполнѣ справедливы; ближайшее знакомство съ лучшими сочиненіями, въ которыхъ люди до-петровскаго времени своеобразно, сильно и нерѣдко мужественно шли на защиту того, что было для нихъ въ жизни дорого, дастъ много свѣжихъ жизненныхъ впечатлѣній молодому поколѣнію. Наконецъ, если люди старой Руси смотрѣли на многое въ жизни наивно, узко и съ особыми предразсудками, то исторія того, какъ наше общество и все населеніе освобождалось отъ невѣжества, какихъ усилий стоили ему первые культурные шаги, имѣетъ важное значеніе въ общемъ пониманіи русской культурности.

Можетъ быть, главное, что отталкивало до сихъ поръ юношество отъ древней литературы,—это незнакомство съ старымъ русскимъ языкомъ, а затѣмъ двойственность задачи, которая ставилась обыкновенно курсу древней русской литературы. До сихъ поръ предлагалось, изучая древнюю литературу, знакомиться и съ древнимъ русскимъ языкомъ. Нерѣдко бывало, что знакомство съ языкомъ даже заслоняло собою чисто историко-литературныя задачи. Соединеніе этихъ двухъ цѣлей губило дѣло: не достигалась ни та, ни другая задача. Разбросанный и случайный комментарий къ фактамъ языка никогда не былъ въ силахъ хорошо ознакомить съ послѣднимъ, но въ то же время служилъ настоящимъ препятствіемъ для свѣжаго интереса молодежи къ идейной сторонѣ литературы. Такое изученіе нѣсколько напоминало изученіе у насъ древнихъ классиковъ, когда ученики знали хорошо построеніе періода у Цицерона, но оставались совершенно незнакомы съ его міросозерцаніемъ и съ его ролью въ общественной жизни Рима, съ условіями, вызывавшими его трактаты и рѣчи. Изученіе древне-русскаго языка и древней русской литературы — двѣ различныя задачи, и онѣ должны быть раздѣлены. Можетъ быть, изученіе древняго нашего языка не столько еще разработано въ наукѣ, чтобы стать предметомъ школьнаго курса, но

есть уже къ этому попытки, и введеніе этого предмета въ старшемъ классѣ средней школы есть дѣло недалекаго будущаго. Во всякомъ случаѣ, исторія древней русской литературы должна преслѣдовать свои собственные задачи, и подборъ самыхъ текстовъ старинныхъ памятниковъ долженъ быть сдѣланъ въ ея цѣляхъ, а не въ цѣляхъ изученія особенностей стараго русскаго языка.

Эти соображенія и руководили составителями предлагаемой книги.

Выборъ памятниковъ въ ней основанъ на степени ихъ важности съ историко-литературной точки зрѣнія. Тексты старинныхъ сочиненій (до „Домостроя“) переведены дословно на современный языкъ, чтобы учащіеся могли безъ помощи учителя знакомиться съ ихъ содержаніемъ. Старинный текстъ данъ рядомъ съ переводомъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы прочесть выбранныя вещи въ подлинникѣ. (Для тѣхъ текстовъ, которые совпадаютъ съ выборомъ Буслаева въ его „Русской Хрестоматіи“, нами удержано его систематизированное правописаніе, причемъ приняты были во вниманіе поправки, внесенныя въ 9-е изданіе академикомъ Соболевскимъ; для остальныхъ текстовъ по возможности выдерживалась та же система). Уже изъ оглавленія легко увидѣть, что въ хрестоматію цѣлый рядъ памятниковъ введенъ впервые; особенно это касается отдѣла повѣстей и отдѣла народной словесности; что же касается произведеній, обычно включаемыхъ въ такія хрестоматіи, то повсюду, гдѣ памятникъ брался не въ полномъ видѣ, выборъ былъ сдѣланъ специально для данной книги. Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ большая часть темныхъ мѣстъ опущена; въ чтеніи нѣкоторыхъ словъ и въ интерпункціи принято за руководство изданіе Тихонравова.

Каждому памятнику предпослана руководящая замѣтка, а подъ текстомъ даны примѣчанія, намѣренно краткія, чтобы не разбивать впечатлѣнія. Въ концѣ книги помѣщенъ словарь, который по своему характеру во многихъ случаяхъ можетъ служить замѣной подстрочныхъ примѣчаній.

Вступительныя замѣтки, примѣчанія и словарь составлены А. Грузинскимъ.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, составители не считаютъ свою задачу законченной. Предлагаемая хрестоматія есть первый опытъ поставить преподаваніе древней литературы на тотъ путь, который составителямъ представляется наиболѣе желательнымъ. Выпускаемое одновременно 5-е изданіе „Сборника вопросовъ по исторіи русской литературы“ тѣхъ же авторовъ можетъ познакомить полнѣе съ тѣми взглядами, которыхъ держатся составители этой книги на общую постановку преподаванія даннаго предмета въ средней школѣ.

А. Алферовъ. А. Трузихскій.

Августъ 1906 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 2-му ИЗДАНІЮ.

Въ новомъ изданіи Хрестоматіи сдѣланъ рядъ измѣненій, надобность въ которыхъ успѣла выясниться за одинъ учебный годъ, отдѣляющій это изданіе отъ перваго. 1) Принятъ новый порядокъ размѣщенія матеріала: убѣдившись въ трудности соблюсти точное соотвѣтствіе текстовъ и ихъ переводовъ на лѣвыхъ и правыхъ страницахъ, мы рѣшились отказаться отъ этого порядка. Теперь вся Хрестоматія дѣлится на три части: въ первой помѣщены переводы памятниковъ, кончая Стоглавомъ, во второй — Домострой и другіе памятники, къ которымъ перевода уже не дастся; и въ третьей — подлинныя тексты къ первой части. Всѣ примѣчанія (число ихъ нѣсколько увеличено) приурочены къ переводамъ. 2) Нами совмѣстно проредактированы и во многихъ случаяхъ расширены вводныя статьи. 3) Внесено три новыхъ произведенія: разказъ Ипатьевской лѣтописи о походѣ Игоря на Половцевъ, мѣста изъ сочиненій протопопа Аввакума и Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ. Изъ мелкихъ добавленій отмѣтимъ одно, въ Изборникѣ Святослава 1073 г., о необязательности аскетизма и монашества, важное по связи съ религіозными взглядами Вл. Мономаха. 4) Выпущено нѣсколько отрывковъ изъ Паломника Даниїла, Начальной лѣтописи (разказъ о Киево-Печерскомъ монастырѣ) и изложеніе повѣсти о Брунцвикѣ. 5) Помѣщено 14 рисунковъ, могущихъ по нашему мнѣнію дать учащимся нѣсколько наглядныхъ представленій въ области древней литературы. Шесть изъ нихъ касаются внѣшняго вида рукописей (№№ 1, 2, 3, 7, 8, 9); здѣсь учащіеся найдутъ образцы почерковъ разнаго времени, миниатюръ, инициаловъ, заставокъ, вязи. Три рисунка (№№ 4, 5, 6) иллюстри-

руютъ представленія нашихъ предковъ о мірѣ и природѣ. № 10 даетъ лубочную картинку къ повѣсти о Бовѣ. Наконецъ четыре послѣдніе рисунка вносятъ наглядность въ понятіе о народной поэзіи и ея современныхъ носителяхъ—народныхъ пѣвцахъ.

Въ заключеніе скажемъ, что мы слѣдили за указаніями печати по поводу 1-го изданія и старались воспользоваться ими. Дошедшіе до насъ отзывы были благопріятны, кромѣ одного (Журн. Мин. Нар. Просв. № 4). Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній отзывъ оказался для насъ всего менѣе полезенъ. Мы не въ силахъ были извлечь никакихъ опредѣленныхъ указаній изъ разбора оффиціального рецензента: рецензія составлена безъ всякаго вниманія къ педагогической сторонѣ дѣла и съ общими, голословными утвержденіями автора намъ нечего было дѣлать. Несомнѣнно существующія отличія нашей Хрестоматіи отъ другихъ—худы они или хороши—остались незамѣченными. За почти единственное опредѣленное указаніе рецензента—нѣсколько опечатокъ въ славянскомъ шрифтѣ первой страницы Святославова Изборника 1073 г.—мы, конечно, благодарны, хотя, надо думать, въ силахъ были бы усмотрѣть ихъ и сами. Но не можемъ согласиться, будто эти опечатки доказываютъ, что тексты брались нами „какіе попало“: мы взяли текстъ Изборника изъ большой Хрестоматіи Буслаева 1861 г.—источника достаточно авторитетнаго, и съ нимъ дѣлимъ вину единственной ошибки—не опечатки (*мѣстѣхъ* вмѣсто *мѣстѣхъ*). Теперь текстъ провѣренъ по фототипическому изданію Изборника.

А. Алферовъ. А. Грузинскій.

Июль 1907 г.

СКОННБЪ СЛОВО
НСЛОВО БЪ ОТЪ
БѢ · НБЪ БЪ
СЛОВО ^и СЕ БЪ
НСКОННОУ
БѢ · НТЪ МЪ ВСА БЪ
ША ^и НБЕЗНЕГО НН
УБТО ЖЕНЕ БЪ ИСТЬ
НЕЖЕ БЪ ИСТЬ ^и ВЪ ТО
МЪ ЖНВОТЪ БЪ · Н

Рис. 1. Начало Остромирова Евангелия 1056 г. (Древнѣйшій памятникъ русской письменности. Заглавная буква въ подлинникѣ рисована въ нѣсколько красокъ).

1. Изборникъ Святославовъ, 1073 г.

Подлинникъ „Изборника Святослава 1073 г.“ византийскаго происхожденія. Съ VI вѣка въ византийской литературѣ начинается падать оригинальное творчество. Писатели этой эпохи начинаютъ изучать своихъ предшественниковъ, дѣлать изъ нихъ выборки, соединять ихъ въ сборники. Сюда входятъ выписки изъ Св. писанія, изъ отцовъ церкви, изъ разныхъ мірскихъ писателей: философовъ, историковъ, ораторовъ и поэтовъ. Съ VII вѣка эта форма сборниковъ стала господствующей формой въ византийской письменности.

Къ такимъ сборникамъ принадлежитъ и подлинникъ нашего „Изборника“, составленный въ IX вѣкѣ, а въ слѣдующемъ столѣтіи переведенный въ Болгаріи для царя Симеона, извѣстнаго покровителя просвѣщенія, при которомъ болгарская литература особенно процвѣтала. Въ 1073 г. нѣкій дьякъ Іоаннъ переписалъ его для Черниговскаго князя Святослава Ярославича, и сборникъ сталъ ходить по Руси съ именемъ русскаго князя.

Изборникъ Святославовъ даетъ типичный примѣръ господствующей черты нашей старой письменности: ея компилятивности и тѣсной связи съ византийской литературой. Содержание „Изборника“ представляетъ случайную энциклопедію церковныхъ и мірскихъ свѣдѣній: отъ богословскихъ статей до притчей и загадокъ. Это „Сборъ отъ многъ отецъ—вкратцѣ сложенъ на память и на готовъ отвѣтъ“. Древніе русскіе читатели любили такіе сборники, такъ какъ изъ нихъ можно было узнать сразу о многомъ.

Пергаментная рукопись Изборника хранится въ Москвѣ въ Синодальной библиотекѣ; она украшена заставками; кромѣ того отдѣльные рисунки въ краскахъ изображаютъ: 1) Князя Святослава Ярославича съ женой и тремя сыновьями, 2) Иисуса Христа, держащаго въ лѣвой рукѣ Евангеліе и правою благословляющаго; по сторонамъ Христа два павлина; 3) Храмъ съ тремя куполами; на аркѣ—лицъ Спасителя, а по сторонамъ храма—павлины и другія птицы. Последній рисунокъ съ вариациями повторяется нѣсколько разъ.

1. Вопросъ. Если кто будетъ старъ или боленъ или не въ силахъ и не можетъ стать монахомъ или жить по монашески, то какъ можетъ такой человѣкъ каяться и спастись?

Отвѣтъ. Такъ какъ Господь сказалъ: „иго Мое благо и бремя Мое легко“, то совершенно ясно, что и старый и немощный могутъ исполнять Его заповѣдь. Въдъ сказано въ Писаніи: „правы пути Господни и праведные пойдуть

по нимъ, а нечестивые будутъ не въ силахъ слѣдовать“, и еще: „все лежитъ передъ тѣми, кто разумѣтъ, и все истинно для тѣхъ, кто находятъ пониманіе“, и еще: „справедливо слово Господне и всѣ дѣла Его въ вѣрѣ“. Не заповѣдано намъ ни безбрачія, ни удаленія отъ всего въ мірѣ, но любить Бога и ближняго, смиряться, быть милостивыми, молиться, терпѣть скорби, быть кроткими, миролюбивыми, не питать злобы, не осуждать, не лгать.... Видишь ли, что не уставлено для насъ ничего тяжелаго и непосильнаго. Истинно сказалъ Господь: „иго Мое благо и бремя Мое легко“.

2. Изъ статьи святаго Епифанія о 12 камняхъ, которые были нашиты на первосвященническомъ логионѣ¹⁾.

Рубинъ цвѣтомъ очень красенъ. Находится онъ въ Карвагенѣ Ливійскомъ, который называется Африкой. Говорятъ, его ищутъ не днемъ, а ночью; онъ издалика, словно свѣтильникъ или уголь, то сверкаетъ искрами, то перестаетъ; тѣ, кто его ищетъ, понявъ, что это онъ, идутъ на свѣтъ и находятъ. Когда его несутъ, онъ свѣтится сквозь всякую одежду, какую бы его ни закрыть.

Гиацинтъ—красноватаго цвѣта, находятъ его во внутренней Варваріи Сирійской; древніе называютъ Скифіей всю эту сѣверскую область, гдѣ живутъ Готы и Давны. Тамъ среди пустыни великой Скиіи есть пропасть, очень глубокая и недоступная для людей, отовсюду огражденная каменными утесами; если сверху, словно со стѣнъ, нагнуться и смотрѣть внизъ, то дна пропасти не видно, а въ глубинѣ мракъ, какъ въ какой нибудь безднѣ. Сосѣдніе владѣтели насильно посылаютъ туда осужденныхъ преступниковъ (добывать гиацинтъ); тѣ закалываютъ ягнятъ, обдираютъ шкуру и бросаютъ мясо въ пропасть съ каменныхъ утесовъ. Тамъ драгоцѣнные камни прилипаютъ къ мясу, а орлы, живущіе въ этихъ горахъ, спускаются на запахъ мяса и выносятъ наверхъ ягнятъ съ прилипшими камнями; когда они съѣдятъ мясо, камни остаются наверху горы. Преступники же наблюдаютъ, куда таскаютъ мясо орлы, идутъ и такимъ образомъ приносятъ камень. Гиацинтъ обладаетъ такимъ свойствомъ, что, если его бросить на раскаленные уголья, онъ самъ не повреждается, но угашаетъ угли.

¹⁾ Логионъ—нагрудное украшеніе на одеждѣ ветхозавѣтныхъ первосвященниковъ.

Рис. 2. Изъ Святославова Изборника 1073 г.

3. Лѣтописецъ вкратцѣ отъ Августа до Константина и Зоя, царей греческихъ¹⁾.

1) Августъ, онъ же и Октавіанъ (правиль) 56 лѣтъ, 4 мѣсяца, 1 день; на 43-мъ году его правленія родился Христосъ Богъ нашъ, отъ сотворенія міра въ 5501 году.

2) Тиверій—22 года, 6 мѣсяцевъ, 19 дней.

3) Гай—3 года, 10 мѣсяцевъ.

4) Клавдій—13 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ, 19 дней.

5) Неронъ—13 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ, 17 дней; онъ убилъ двухъ верховныхъ апостоловъ въ Римѣ.

6) Гальба— 7 мѣсяцевъ, 6 дней.

7) Оттонъ—3 мѣсяца, 5 дней.

8) Виттелій—7 мѣсяцевъ, 1 день.

9) Веспасіанъ—10 лѣтъ; при немъ былъ завоеванъ Иерусалимъ.

10) Титъ—3 года; былъ убитъ Дометіаномъ.

11) Дометіанъ, сынъ его—15 лѣтъ, 5 дней; онъ послалъ въ заточеніе Іоанна Богослова.

12) Нерва—1 годъ, 1 мѣсяць, 3 дня.

4. О составѣ человѣческаго тѣла. Мы говоримъ, что тѣло человѣческое составлено изъ четырехъ частей: отъ огня заимствуетъ оно теплоту, отъ воздуха холодъ, отъ земли сухость, отъ воды мокроту.

5. О злой женѣ. Лучше жить въ пустынѣ, чѣмъ съ женой долгоязычной и сварливой; какъ червякъ губитъ дерево, такъ мужа жена злая; какъ капель въ дождливый день выгоняетъ человѣка изъ жилья, такъ и жена долгоязычная; что кольцо золотое въ носу у свиньи, то же красота женѣ злосмысленной. Никакой звѣрь не сравнится съ злой и долгоязычной женой. Что свирѣпѣ льва среди четвероногихъ или что злѣе змѣи среди пресмыкающихся? Но все это ничто въ сравненіи съ злой женой.

2. Изборникъ Святославовъ, 1076 г.

Изборникъ составленъ нѣкимъ Іоанномъ „изъ многихъ книгъ княжскихъ“ для того же князя Черниговскаго Святослава Ярославича. По содержанию онъ существенно отличается отъ Избор-

¹⁾ Взято начало „Лѣтописца“, составленнаго константинопольскимъ патриархомъ Никифоромъ въ началѣ IX вѣка. Здѣсь видно, что Никифоръ считаетъ отъ сотворенія міра до Рожд. Христова не 5508 лѣтъ, какъ обычно считалось тогда, а 5500.

ника 1073 года. Его статьи объединены идеей нравственного поучения. Статьи представляют или краткіе афоризмы, или обширныя „слова“ и „наказанія“ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Глава „О чтеніи книгъ“—представляетъ вступленіе въ этотъ Изборникъ.

О чтеніи книгъ. Хорошее дѣло, братія, чтеніе книгъ, особенно для христіанина. „Блаженны—сказано—тѣ, которые, стараясь узнать его, всёмъ сердцемъ стремятся къ тому“. Что же значать слова: „стараясь узнать его“? Когда читаешь книгу, не спѣши поскорѣе дочитать до слѣдующей главы, но раздумывай, о чемъ говоритъ книга, и что значать ея слова, и трижды вернись къ одной главѣ. Ибо сказано: „въ сердцѣ своемъ запечатлѣлъ я слова твои, чтобы не погрѣшить передъ тобою“. Не сказано: „одними устами произнесъ я“, но и „въ сердцѣ сохранилъ, чтобы не погрѣшить передъ тобою“. Кто же, какъ слѣдуетъ, понимаетъ Писаніе, тотъ руководится имъ. Скажу такъ: конь управляется и удерживается уздою, а праведникъ книгами. Нельзя построить корабль безъ гвоздей, нельзя сдѣлаться праведникомъ безъ чтенія книгъ; какъ тѣ, кто въ плѣну, постоянно думаютъ о своихъ близкихъ, такъ праведникъ—о чтеніи книжномъ. Красота воину—оружіе, а кораблю—паруса; такъ и праведнику чтеніе книжное.

3. Слово Феодосія Печерскаго о вѣрѣ латинской или варяжской.

„Слово Феодосія Печерскаго о вѣрѣ латинской или варяжской“ долго приписывалось преподобному Феодосію, игумену Печерскаго монастыря, и относилось поэтому къ XI вѣку. Въ настоящее время изслѣдованія Голубинскаго и Шахматова устанавливаютъ, что „Слово“ это принадлежитъ Феодосію Греку, также игумену Печерскаго монастыря, но жившему въ XII вѣкѣ: онъ былъ избранъ игуменомъ въ 1142 году и умеръ въ 1156 г.

Это слово написано, какъ предостереженіе князю Кіевскому Изяславу Мстиславичу, который находился въ свойствѣ и родствѣ съ владѣтельными князьями народовъ римскаго исповѣданія: король Угорскій (Венгерскій) былъ его зятемъ, Болеславъ Польскій и Владиславъ Чешскій — сватами. Феодосій Грекъ въ общеніи князя съ „латынью“ могъ видѣть опасность для греческаго вліянія въ Россіи.

Слово имѣеть въ виду не обширный кругъ читателей, а опредѣленную личность кіевского князя. На первый взглядъ казалось бы поэтому, что это „Слово“ не могло имѣть большого вліянія въ

русской культурѣ того времени. Но въ дѣйствительности было не такъ: есть основанія думать, что „Слово“ существовало во многихъ спискахъ и кругъ его вліянія могъ быть значителенъ.

Это поученіе даетъ характерный примѣръ религиозной нетерпимости, вносившейся въ древнюю Русь византійской культурой.

У меня для тебя, князь боголюбивый, есть слово (поученіе). Я, Θεодосій, худой рабъ Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, рожденъ въ чистой и правовѣрной вѣрѣ и воспитанъ въ добромъ наставленіи, правовѣрными отцомъ и матерью, наставлявшими меня въ добромъ законѣ. Слѣдуетъ намъ не свykаться съ латинской вѣрой, не держаться ихъ обычая, избѣгать причастія ихъ и всякаго ихъ ученія, и гнущаться ихъ правами; и беречь своихъ дочерей, не выдавать за нихъ, и не брать замужъ ихъ дочерей; не брататься съ нимъ, не кланяться ему, не цѣловать его, не ѣсть и не пить съ нимъ изъ одной посуды и не принимать ихъ ѣды. Однако, если попросятъ ради Бога ѣсть и пить, то дать имъ, но въ ихъ посудѣ; если не будетъ у нихъ посуды, въ своей дать; потомъ, вымывши ее, сотворить надъ ней молитву, потому что они неправо вѣруютъ и не чисто живутъ, ѣдятъ со псами и кошками... ѣдятъ львовъ, дикихъ коней, ословъ, удавленину, мертвечину, медвѣдину, бобровину и хвостъ бобра, и во время говѣнья ѣдятъ мясо, опускаая его въ воду. На первой недѣлѣ поста, во вторникъ, ихъ монахи ѣдятъ масло, и въ субботу постятся такъ, что переждавъ вечеръ, ѣдятъ молоко и яица. Если они согрѣшаютъ, то не у Бога просятъ прощенья, но прощаютъ ихъ священники за дары. А священники ихъ не женятся законною женитьбою.... и на войну ходятъ и служатъ на облаткахъ. Они не цѣлуютъ ни иконъ, ни святыхъ мощей, а крестъ цѣлуютъ, нарисовавши его на землѣ, и, вставъ на него, попираютъ его ногами; мертвецовъ же кладутъ ногами на западъ, а руки подъ него подложивши. У нихъ берутъ въ жены одну сестру послѣ другой, крестятъ однимъ погруженіемъ, а у насъ тремя. Мы при крещеніи мажемся муромъ и масломъ, а они сыплютъ въ ротъ крещаемому соль. Они не даютъ ребенку имени какого-либо святого, а какъ прозовутъ родители, въ то имя и крестятъ. Они говорятъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и отъ Сына; и много другихъ злыхъ дѣлъ у нихъ есть... Мнѣ же сказалъ отецъ мой: „Ты, мой сынъ, остерегайся кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ

словъ, такъ какъ и наша земля наполнилась тою злою вѣрою. Кто хочетъ спасти свою душу, спасетъ ее, живя въ православной вѣрѣ. Ибо нѣтъ вѣры лучше нашей, такъ какъ наша православная вѣра чиста и свята; живя въ этой вѣрѣ, можно избавиться отъ своихъ грѣховъ и избѣгнуть муки вѣчныя, и стать участникомъ жизни вѣчной, и вѣчно со святыми радоваться.... Если ты видишь нагого, или голоднаго, или холоднаго, или находящагося въ бѣдѣ, будетъ ли это еврей, или еретикъ, или латинянинъ, или какой бы то ни было поганый, всякаго пощади и избавь отъ бѣды, насколько можешь, и не будешь лишенъ награды отъ Бога.

4. Начальная Лѣтопись.

Начальной Лѣтописью называется древній историческій рассказъ о событіяхъ на Руси съ IX стол. до начала XII в. (до 1110 года). Это повѣствованіе обыкновенно помѣщается въ началѣ всѣхъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ. Два древнѣйшіе списка этихъ сводовъ, какіе мы имѣемъ, — Лаврентьевскій и Ипатьевскій — продолжаютъ рассказъ послѣ Начальной лѣтописи — первый о событіяхъ въ Кіевской и въ Суздальской Руси до 1305 года, а второй о Кіевской, Галицкой и Волынской землѣ до 1292 года. Сама Начальная Лѣтопись представляетъ изъ себя тоже сводъ или сборникъ разнообразнаго историческаго матеріала, возникшаго въ разное время и принадлежащаго различнымъ авторамъ. Въ настоящее время ученые различаютъ три главныхъ составныхъ части Начальной Лѣтописи: 1) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, оканчивающуюся приблизительно на княженіи Олега; эта часть составлена не позже смерти Ярослава (1054 г.). 2) Сказаніе о крещеніи Руси при Владимірѣ, писанное въ началѣ XII вѣка и 3) Кіево-Печерскую лѣтопись, идущую приблизительно отъ половины XI вѣка до 1110 года. Лишь эта послѣдняя часть, вѣроятно, составлена лѣтописцемъ Несторомъ, но и она, войдя въ сборникъ, подвергалась, какъ и другія части, сокращеніямъ и вставкамъ отъ руки составителя свода, которымъ, какъ предполагаютъ, можно считать игумена Выдубицкаго Кіевского монастыря Сильвестра. Онъ, вѣроятно, и пополнилъ промежутокъ между указанными тремя частями на основаніи устныхъ народныхъ преданій и письменныхъ источниковъ.

Вотъ нѣкоторые замѣчанія проф. Ключевскаго о древней русской лѣтописи. (Курсъ р. исторіи, гл. V и VI) „Первичныя записи, веденныя въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, почти всѣ погибли; по уцѣлѣли составленные изъ нихъ лѣтописные своды. Эти своды составлялись также въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ....

„Въ такомъ же составномъ, сводномъ изложеніи дошло до насъ и древнѣйшее повѣствованіе о томъ, что случилось въ нашей землѣ въ IX, X, XI и въ началѣ XII в. по 1110 годъ включительно. Разсказъ о событіяхъ этого времени, сохранившійся въ старинныхъ лѣтописныхъ сводахъ, прежде было принято называть *Лѣтописью Нестора*, а теперь чаще называютъ *Начальной Лѣтописью*.... Такъ называемая Начальная лѣтопись, читаемая нами по Лаврентьевскому и родственнымъ ему спискамъ, есть лѣтописный сводъ, а не подлинная лѣтопись кіево-печерскаго инока. Эта кіево-печерская лѣтопись не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ, а частью сокращенная, частью дополненная вставками, вошла въ начальный лѣтописный сводъ, какъ его послѣдняя и главная часть. Значить, нельзя сказать ни того, что Сильвестръ былъ начальнымъ кіевскимъ лѣтописцемъ, ни того, что Несторъ составилъ читаемую нами древнѣйшую лѣтопись т. е. начальный лѣтописный сводъ: Несторъ былъ составителемъ древнѣйшей Кіевской лѣтописи, не дошедшей до насъ въ подлинномъ видѣ, а Сильвестръ — составителемъ начального лѣтописнаго свода, который не есть древнѣйшая кіевская лѣтопись: онъ былъ и редакторомъ вошедшихъ въ составъ свода устныхъ народныхъ преданій и письменныхъ повѣствованій, въ томъ числѣ и самой Несторовой лѣтописи....

„Послѣ приписки Сильвестра съ 1111 года оба древнѣйшіе списка, Лаврентьевскій и Ипатьевскій, какъ и списки болѣе поздніе, разнятся между собою гораздо значительнѣе, чѣмъ до этого момента: очевидно, эти уже различные лѣтописные своды, а не разные списки одного и того же свода.

„Начальная лѣтопись представляетъ сначала прерывистый, но чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе послѣдовательный разсказъ о первыхъ 2½ вѣкахъ нашей исторіи, и не простой разсказъ, а освѣщенный цѣльнымъ, тщательно выработаннымъ взглядомъ составителя на начало отечественной исторіи...

„Подъ перомъ лѣтописца XII вѣка все дышетъ и живетъ, все безустанно движется и безъ умолку говоритъ; онъ не просто описываетъ событія, а драматизируетъ ихъ, разыгрываетъ передъ глазами читателя. Такимъ драматизмомъ изложенія особенно отличается Ипатьевскій списокъ. Не смотря на разногласію чувствъ и интересовъ, на шумъ и толкотню описываемыхъ событій, въ лѣтописномъ разсказѣ нѣтъ хаоса: всѣ событія, мелкія и крупныя, стройно укладываются подъ одинъ взглядъ, которымъ лѣтописецъ смотритъ на міровыя явленія...

„Такъ лѣтописецъ является моралистомъ, который видитъ въ жизни человѣческой борьбу двухъ началъ, добра и зла, Провидѣнія и дьявола, а человѣка считаетъ лишь педагогическимъ матеріаломъ, который Провидѣніе воспитываетъ, направляя его къ высокимъ цѣлямъ, ему предначертаннымъ. Добро и зло, внѣшнія и внутреннія бѣдствія, самыя знаменія небесныя—все въ рукахъ Провидѣнія служитъ воспитательнымъ средствомъ для человѣка, пригоднымъ матеріаломъ для „строенія Божія“, мірового нравственнаго порядка, созидаемаго Провидѣніемъ. Лѣтописецъ болѣе всего разсказываетъ о политическихъ событіяхъ и о международныхъ

отношеніяхъ; но взглядъ его по существу церковно историческій. Его мысль сосредоточена не на природѣ дѣйствующихъ въ исторіи силъ, извѣстной ему изъ другихъ источниковъ, а на образѣ ихъ дѣйствій по отношенію къ человѣку и на урокахъ, какіе человѣкъ долженъ извлекать для себя изъ этого образа дѣйствій. Эта дидактическая задача лѣтописанья и сообщаетъ спокойствіе и ясность разсказу лѣтописца, гармонію и твердость его сужденіямъ⁴.

Но лѣтопись не только *историческій* трудъ моралиста: она развивалась въ то время, когда отдѣльные литературные виды еще не обособились въ особую форму, и внимательный читатель найдетъ въ нашей Начальной лѣтописи зачатки будущаго разнообразія литературныхъ произведеній.

1. Обычаи славянскихъ племенъ. У нихъ были свои обычаи—законъ и преданья ихъ отцовъ; у каждаго племени нравы были свои. Поляне отъ своихъ отцовъ унаследовали кроткіе и тихіе нравы, большое уваженіе къ снохамъ, сестрамъ, матерямъ, родителямъ, свекровямъ, деверьямъ; у нихъ были брачныя обычаи: женихъ не ходилъ за невѣстой, но ее приводили къ нему вечеромъ, а на другой уже дѣнь приносили, что давали за ней. А древляне жили, какъ звѣри, по скотски: убивали другъ друга, были все нечистое, брака у нихъ не было, а дѣвицъ похищали у воды. У радимичей, вятичей и сѣверянъ были такіе же обычаи: они жили въ лѣсу, какъ всякій звѣрь, были все нечистое. срамословили отцовъ и снохъ; брака у нихъ не было, но устранивались игрища между селеньями. Они сходились на эти игрища, плясали, бѣсовски веселились, и здѣсь похищали себѣ женъ, кто съ какою согласился; у нихъ было по двѣ и по три жены. Если кто умиралъ, то надъ нимъ устраивали тризну, послѣ этого складывали большой костеръ, возлагали на него мертвеца и сжигали; потомъ собирали кости въ небольшую посудину и ставили ее на столбѣ на дорогѣ. Вятичи и теперь еще дѣлаютъ это. Этихъ же обычаевъ держались и кривичи, и другіе язычники, не знающіе закона Божія, и сами для себя создававшіе законы.

2. Основаніе Кіева. Были три брата: одинъ—по имени Кій, другой—Щекъ, а третій—Хоревъ, сестра ихъ звалась Лыбедь. Кій жилъ на горѣ, гдѣ нынѣ спускъ къ Дѣпру—Боричевъ, а Щекъ жилъ на горѣ, которая нынѣ называется Щековица, а Хоревъ—на третьей горѣ; отъ него она прозвана Хоревница. И основали они городъ во имя старшаго брата, и дали ему имя—Кіевъ. Около

города былъ громаднѣй и темный лѣсъ: они ловили въ немъ звѣрей. Были они мужи весьма мудрые; назывались Полянами; отъ нихъ ведутся поляне въ Кіевѣ и донинѣ. А нѣкоторые, не зная дѣла, говорили, что Кій былъ перевозчикомъ; потому что у Кіева былъ тогда перевозъ съ той стороны Днѣпра, а потому и говорилось: „на Кіевъ перевозъ“. Если бы Кій былъ перевозчикъ, то не ходилъ бы онъ къ Царьграду; но этотъ Кій княжилъ въ своемъ родѣ. Когда онъ приходилъ къ царю, сказываютъ, что принялъ отъ царя большую честь, отъ того царя, при которомъ онъ приходилъ. И, когда онъ возвращался, пришелъ къ Дунаю, полюбилъ это мѣсто и выстроилъ небольшой городокъ, и хотѣлъ поселиться съ родомъ своимъ, но не дали ему близъ живущіе. Такъ что и теперь тамошніе жители называютъ это городище — Кіевецъ. Когда же Кій вернулся въ свой городъ Кіевъ, то тамъ онъ и скончался. И братья его Щекъ и Хоревъ и сестра ихъ Лыбедь тамъ же скончались.

3. Смерть Олега. Олегъ княжилъ въ Кіевѣ и жилъ въ мирѣ со всѣми странами. Наступила осень, и вспомнилъ Олегъ про своего коня, котораго онъ поставилъ кормить и не садился на него. Потому что онъ передъ тѣмъ спрашивалъ волхвовъ, кудесниковъ: „Отъ чего мнѣ суждено умереть? И одинъ изъ кудесниковъ сказалъ ему: „Князь! тебѣ умереть отъ того коня, котораго ты любишь и на которомъ ѣдишь“. Олегу это запало въ умъ, и онъ сказалъ: „Никогда больше не сяду на этого коня, и даже не буду на него смотрѣть“. И велѣлъ онъ кормить его и не приводить къ себѣ. И прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не видалъ его, вплоть до похода на грековъ. И вернувшись въ Кіевъ, онъ прожилъ еще 4 года, и на 5-ый годъ вспомнилъ про своего коня, отъ котораго волхвы предсказали ему смерть. И призвалъ Олегъ своего старшаго конюха. и сказалъ ему: „Гдѣ мой конь, котораго я велѣлъ кормить и беречь“? Конюхъ сказалъ: „Онъ умеръ“. Олегъ же посмѣялся и попрекнулъ кудесника, говоря: „неправду говорятъ волхвы,—все это ложь: конь умеръ, а я живъ.“ И велѣлъ осѣдлать себѣ коня: „посмотрю на его кости“. И пріѣхалъ онъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости коня и его голый черепъ, и слѣзъ Олегъ съ коня и посмѣялся такими словами: „не отъ этого ли черепа мнѣ умереть?“ и наступилъ погою на черепъ; и выползла оттуда змѣя, и ужалила ему ногу,

онъ отъ этого разболѣлся и умеръ. И всѣ плакали о немъ великимъ плачемъ, и понесли его, и погребли на горѣ, которая называется Щековица. Эта могила цѣла до сихъ поръ; она слыветъ Олеговой могилой. Всего онъ княжилъ 33 года. Какъ это дивно, что волхвованія чародѣйствомъ сбываются!

4. Смерть Игоря. Въ 945 году. Въ этотъ годъ дружина сказала Игорю: „Отроки Свѣнелда богаты оружьемъ и платьемъ, а мы наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью: и у тебя будетъ добыча, и у насъ.“ Игорь ихъ послушалъ, пошелъ за данью въ землю древлянъ, и собиралъ больше, чѣмъ прежде, дѣлалъ насилія, также и дружинники его. Собравъ дань, онъ пошелъ въ свой городъ. На возвратномъ пути онъ поразмыслилъ и сказалъ своей дружинѣ: „Идите вы съ данью домой, а я возвращусь и похожу еще.“ Онъ отпустилъ свою дружину домой, а самъ съ малою ея частью возвратился, желая большей добычи. Когда древляне узнали, что онъ опять идетъ, то стали такъ совѣщаться съ своимъ княземъ Маломъ: „Когда волкъ повадится къ овцамъ, то перетаскаетъ все стадо, если его не убьютъ. Такъ и онъ, если мы его не уберемъ, то всѣхъ насъ погубитъ.“

Они послали къ нему съ такими словами: „Зачѣмъ идешь опять? вѣдь ты собралъ всю дань.“ И не послушалъ ихъ Игорь, и древляне, выйдя изъ города Искоростеня, убили Игоря и перебили его дружину, потому что ея было мало. И былъ погребенъ Игорь; могила его въ землѣ древлянъ, у города Искоростеня есть до сихъ поръ.

5. Мщеніе Ольги. Ольга была въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ, малолѣтнимъ Святославомъ; при немъ былъ его дядька Асмудъ, воеводой же былъ Свѣнелдъ и отецъ Мистишинъ. Древляне говорили между собою: „Вотъ мы убили русскаго князя; возьмемъ Ольгу въ жены нашему князю Малу, а съ Святославомъ поступимъ, какъ захотимъ“. И послали древляне лучшихъ мужей своихъ, числомъ 20, въ ладѣ къ Ольгѣ, и пристали они подъ Боричевымъ. А тогда вода текла у самой подошвы Кіевской горы, и на Подолѣ люди не жили, а на горѣ. И Ольгѣ сказали, что пришли древляне; Ольга велѣла позвать ихъ къ себѣ, говоря: „они съ добромъ пришли.“ Древляне, придя къ ней, сказали: „вотъ мы пришли, княгиня“. И сказала имъ Ольга: „Такъ скажите, зачѣмъ вы сюда пришли?“ И

сказали древляне: „Насъ послать древлянскій народъ сказать тебѣ: мы убили твоего мужа, потому что твой мужъ расхищаль и грабилъ, какъ волкъ; а наши князья добры: они, какъ пастухи о стадѣ, заботятся о древлянской землѣ. Иди за нашего князя Мала.“ Малъ—было имя древлянскаго князя. Ольга же сказала имъ: „Мнѣ ваша рѣчь люба; мнѣ уже не воскресить своего мужа, но я хочу оказать вамъ завтра почеть передъ своимъ народомъ; теперъ идите въ свою лодку, ложитесь въ ней съ честью, я завтра пошлю за вами, и вы скажите: не поѣдемъ на коняхъ, не поѣдемъ пѣшіе—несите насъ въ лодкахъ“. И отпустила ихъ къ лодкѣ. Ольга же велѣла выкопать большую и глубокую яму на теремномъ дворѣ, внѣ города. На другой день Ольга сѣла въ теремъ и послала за гостями. Къ нимъ пришли и сказали: „Васъ заветъ Ольга для великаго почета“.—Они же отвѣчали: „Не поѣдемъ ни на коняхъ, ни въ повозкахъ, и пѣшкомъ не поѣдемъ—несите насъ въ лодкѣ.“ Кіевляне сказали: „Не наша воля: князь нашъ убить, а княгиня хочетъ идти за вашего князя.“ И понесли ихъ въ лодкѣ, а они сидѣли гордо и разодѣтые. Ихъ принесли къ Ольгѣ на дворъ, и прямо, какъ несли, такъ и бросили вмѣстѣ съ лодкой въ яму. Ольга нагнулась надъ ямой и сказала имъ: „Хорошали вамъ честь?“ Они же сказали: „Хуже Игоревой смерти.“ Она велѣла засыпать ихъ живыми, и засыпали ихъ.

Ольга послала къ древлянамъ сказать: „Если вы, дѣйствительно, сватаете меня, то пришлите самыхъ важныхъ людей, чтобы я съ большимъ почетомъ пошла за вашего князя, а то не пустятъ меня Кіевляне.“ Услышавши это, древляне выбрали лучшихъ мужей, которые управляли древлянской землей, и послали за ней. Когда же они пришли, Ольга велѣла приготовить имъ баню, и сказала: „Сначала вымойтесь, а потомъ приходите ко мнѣ.“ Баню сильно натопили; древляне въ нее вошли и стали мыться. И она велѣла запереть за ними избу, и зажечь ее отъ дверей; тамъ они всѣ и сгорѣли.

И послала она къ древлянамъ съ такими словами: „Вотъ, я уже иду къ вамъ; приготовьте побольше меда въ томъ городѣ, гдѣ вы убили моего мужа, чтобы мнѣ поплакать надъ могилой мужа и устроить ему тризну.“ Они же, услышавши это, навезли много меда и наварили. Ольга же, взявъ съ собой немного дружины, налегкѣ пришла къ

могилѣ его и плакала о своемъ мужѣ. И велѣла своимъ людямъ насыпать огромный могильный холмъ; когда его насыпали, она велѣла начать тризну. Послѣ этого древляне сѣли пить, а Ольга велѣла своимъ отрокамъ прислуживать имъ. Древляне спросили у Ольги: „Гдѣ наша дружина, которую мы посылали за тобой?“ Она же сказала: „Идетъ за мной съ дружиною мужа моего.“ Когда древляне перепились, она сама отошла въ сторону, а дружинѣ велѣла идти на нихъ и рубить ихъ. Всего ихъ изрубили 5000, а Ольга вернулась въ Кіевъ и снарядила свои войска на остальныхъ древлянъ.

6. Смерть Ольги. Въ 969-мъ году. Сказалъ Святославъ своей матери и своимъ боярамъ: „Нелюбо мнѣ оставаться въ Кіевѣ; хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, потому что тамъ середина моей земли, потому что туда сходитъ всякое добро: изъ Греціи золото, драгоцѣнныя ткани, вина, разные плоды, изъ Чехіи и Венгріи серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабы“. Ольга сказала ему: Ты видишь, что я больна, куда же ты хочешь отъ меня идти?“ (Она сильно расхворалась). „Похорони меня—сказала она ему,—а потомъ иди, куда хочешь“. Черезъ три дня умерла Ольга; и ее оплакивалъ и сынъ ея, и внуки, и весь народъ плачемъ великимъ; и ее понесли и похоронили. Ольга завѣщала не устраивать надъ нею тризны, потому что у нея былъ свой пресвитеръ; онъ и похоронилъ блаженную Ольгу. Она была предвѣстницею христіанства въ нашей землѣ, какъ денница передъ солнцемъ, какъ заря передъ разсвѣтомъ; она сіяла какъ луна ночью; среди невѣрующихъ людей она свѣтилась, какъ перлъ среди грязи; а они были грязны, потому что не омыли грѣховъ святымъ крещеніемъ. Она же омылась святою купелію, совлекла съ себя грѣховную одежду ветхозавѣтнаго человека Адама, и облеклась въ обновленнаго Адама, который есть Христосъ. И мы скажемъ ей: „Радуйся, познаніе русскими Бога! Съ тебя началось наше примиреніе съ Богомъ“. Она первая изъ русскихъ вошла въ царство небесное, ее восхваляютъ всѣ русскіе, какъ начинательницу христіанства; она и по смерти молила Бога за Русь.

7. Крещеніе Руси. Въ 988-мъ году. Послѣ этого Владиміръ взялъ съ собою царицу, Анастасія, Корсунскихъ священниковъ, мощи св. Климента и Фифа, ученика его, взялъ себѣ на благословеніе церковные сосуды и иконы.

Онъ поставилъ въ Корсунѣ церковь на горѣ, которую насыпали среди города, когда носили тайкомъ землю изъ-подъ стѣны; та церковь стоитъ и теперь. Уходя изъ Корсуни, онъ взялъ съ собою двѣ мѣдныя статуи и четырехъ мѣдныхъ коней; они и теперь стоятъ за церковью св. Богородицы, а невѣжды думаютъ, что они изъ мрамора. Онъ отдалъ Корсунъ Грекамъ вмѣсто вѣна (цѣны невѣсты) за царицу, а самъ пришелъ въ Кіевъ. Какъ только онъ пришелъ, онъ велѣлъ испровергнуть идоловъ: нѣкоторыхъ изрубить, другихъ предать огню, Перуна же велѣлъ привязать къ конскому хвосту, и волочь его съ горы по Боричеву на Ручай; и приставилъ двѣнадцать человѣкъ колотить его палками. Это не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который въ этомъ видѣ прельщаль людей; пусть получить онъ отъ людей возмездіе. Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои! Вотъ, наканунѣ онъ былъ чтимъ людьми, а теперь надъ нимъ ругаются! Когда его волочили по Ручаю къ Днѣпру, невѣрующіе люди оплакивали его, потому что они не приняли еще святого крещенія. Приволокши къ Днѣпру, кинули его туда. И Владиміръ приставилъ къ нему людей и сказалъ: „Если гдѣ онъ пристанетъ, вы отталкивайте его отъ берега, пока пройдетъ пороги; тогда оставьте его.“ Они исполнили велѣнное имъ. Когда его пустили, и онъ прошелъ черезъ пороги, вѣтеръ выкинулъ его на отмель, отсюда она и прослыла Перуновой отмелью; и теперь она такъ слыветь.

Послѣ этого Владиміръ послалъ объявить по всему городу: „кто не окажется на рѣкѣ, будетъ ли онъ богатъ, или бѣденъ, или нищъ, или рабъ—тотъ мнѣ будетъ врагомъ“. Услышавши это, люди пошли съ радостью, радовались и говорили: „Если бы это не было добро, князь и бояре не приняли бы этого“. На другой день утромъ вышелъ Владиміръ съ царицыными и корсунскими священниками на Днѣпръ: и сошлось туда безчисленное множество народа: они вошли въ воду и стояли, кто по шею, кто по грудь; дѣти были у берега; нѣкоторые держали младенцевъ на рукахъ, взрослые бродили по рѣкѣ; священники стояли и читали молитвы. И можно было тутъ видѣть радость и на небѣ, и на землѣ отъ спасенія столькихъ душъ. Дьяволь, стелая, говорилъ: „Увы мнѣ, меня отсюда гонять! я здѣсь думалъ поселиться, потому что

туть нѣтъ ученья апостольскаго, и они не знаютъ Бога; и я веселился ихъ службой мнѣ, и вотъ я побѣжденъ не апостолами и мучениками, а невѣждами; мнѣ ужъ не не царствовать въ этой землѣ!“ Когда же люди были крещены, каждый пошелъ въ свой домъ. Владиміръ же, радуясь, что онъ самъ и народъ его узнали Бога, воззрѣлъ на небо и сказалъ: „Боже, сотворившій небо и землю! посмотри милостиво на этихъ обновленныхъ людей, и дай имъ, Господи, узнать Тебя, истиннаго Бога, какъ узнали и другія христіянскія страны; утверди въ нихъ правую и несомнѣваемую вѣру, а мнѣ помоги, Господи, въ борьбѣ противъ дьявола, чтобы, надѣясь на Тебя и Твою силу, я побѣдилъ козни его“. И сказавши это, онъ велѣлъ строить церкви и ставить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли идолы; а церковь святаго Василия онъ поставилъ на холмѣ, гдѣ прежде стоялъ идолъ Перуна и другіе, и гдѣ прежде князь и народъ приносили жертвы; и началъ онъ строить по городамъ церкви и ставить священниковъ, и приводить людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Онъ посылалъ брать у лучшихъ дружинниковъ дѣтей и отдавать ихъ въ книжное ученіе, матери же этихъ дѣтей плакали объ нихъ, потому что онѣ еще не утвердились въ вѣрѣ: онѣ плакали объ нихъ, какъ объ мертвецахъ.

8. Единоборство съ печенѣгомъ. Въ 992-мъ году Владиміръ пошелъ на хорватовъ. И вотъ, когда онъ вернулся послѣ войны съ хорватами, пришли печенѣги на ту сторону рѣки Сулы. Владиміръ пошелъ на нихъ и встрѣтилъ ихъ около брода на рѣкѣ Трубежѣ, гдѣ теперь Переяславль. Владиміръ остановился на одной сторонѣ рѣки, а печенѣги на другой; и ни тѣ, ни другіе не осмѣливались перейти на другой берегъ. И пріѣхалъ князь печенѣжскій къ рѣкѣ, вызвалъ Владиміра и сказалъ ему: „Выставь ты своего воина, а я своего: пусть борются; если твой ударить объ землю моего, то не будемъ воевать три года, если мой—твоего, то будемъ три года воевать“. И они разошлись. Владиміръ же, вернувшись въ станъ, послалъ глашатаевъ съ такими словами: „Нѣтъ ли такого воина, который бы взялся биться съ печенѣгомъ?“ И нигдѣ такого воина не находилось. На другой день утромъ пріѣхали печенѣги и привели съ собою своего воина, а у нашихъ не было. И началъ Владиміръ тужить, и послалъ опять по всѣмъ своимъ войскамъ. И пришелъ одинъ ста-

рикъ къ князю и сказалъ ему: „Князь! есть у меня одинъ сынъ, младшій, дома; я вышелъ воевать съ четырьмя, а онъ остался; съ самаго его дѣтства никто не могъ его побороть; разъ, когда я его бранилъ, а онъ мялъ кожу, онъ разсердился на меня и разорвалъ кожу руками“. Князь, услышавъ это, обрадовался, послалъ за нимъ, и привелъ его къ князю, и князь разсказалъ ему все; а онъ сказалъ князю: „Князь! не знаю, могу ли я, надо меня испробовать: нѣтъ ли большого и сильнаго быка?“ И нашли большого и сильнаго быка, и онъ приказалъ его разъярить; быка прижгли раскаленнымъ желѣзомъ и пустили; быкъ побѣждалъ мимо него, онъ схватилъ быка рукою за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько захватила рука. И сказалъ ему Владиміръ: „можешь съ нимъ бороться“. И на другой день утромъ пришли печенѣги, и начали кричать: „Развѣ нѣтъ у васъ воина? нашъ ужъ готовъ“. А Владиміръ въ эту ночь велѣлъ ему надѣть оружіе; и оба они выступили. Печенѣги выставили своего воина, и былъ онъ очень великъ и страшенъ; и вышелъ воинъ Владиміра; посмотрѣлъ на него печенѣгъ и разсмѣялся, потому что онъ былъ средняго роста. Размѣрили мѣсто между обоими полчищами, пустили борцовъ другъ на друга; они схватились и крѣпко держали другъ друга; и нашъ удавилъ печенѣга руками до смерти и ударилъ имъ о землю. И наши вскрикнули; печенѣги побѣжали, и рускіе преслѣдовали ихъ и рубили, и прогнали ихъ. Владиміръ былъ очень радъ; онъ основалъ на томъ бродѣ городъ и назвалъ его Переяславль, потому что тотъ отрокъ перехватилъ славу у печенѣговъ. Владиміръ сдѣлалъ его и отца его знатными мужами. Владиміръ вернулся въ Кіевъ съ побѣдою и великою славою.

9. Пиръ Владиміра. Вотъ что Владиміръ дѣлалъ для своего народа каждое воскресенье. Онъ завелъ обычай, чтобы въ его дворѣ, въ гридницѣ устраивался пиръ, и чтобы приходили на этотъ пиръ бояре, стража, сотники, десятники и знатные мужи, и при князѣ и въ его отсутствіе; тутъ бывало много мяса, говядины и дичи; было всего въ изобиліи. Когда они подопьютъ, то начнутъ роптать на князя, говоря: „Горе нашимъ головамъ: ѣдимъ деревянными ложками, а не серебряными“. Услышавши это, Владиміръ велѣлъ выковать серебряныя ложки для ѣды дружинѣ и сказалъ такъ: „Серебромъ и золотомъ я не найду себѣ

дружины, а съ дружиною добуду и серебра и золота, какъ дѣдъ мой и отецъ добыли дружиною серебра и золота“. Владиміръ, вѣдь, любилъ дружину и совѣщался съ ней объ устроеніи своей земли, о войнахъ, о земскихъ порядкахъ.

10. Убіеніе Бориса и Глѣба. Святополкъ занялъ кіевскій столъ послѣ отца своего; и созвалъ онъ кіевлянъ и сталъ надѣлать имуществомъ; они брали, но сердце ихъ не лежало къ нему, потому что братья ихъ были съ Борисомъ. Когда же Борисъ возвратился съ войсками, не найдя печенѣговъ, къ нему пришла вѣсть: „Отецъ у тебя умеръ“. И плакалъ онъ очень по отцѣ, потому что отецъ любилъ его больше всѣхъ. Вернувшись, онъ остановился на рѣкѣ Альтѣ. И сказала ему отцовская дружина: „У тебя отцовская дружина и войско; поди, сядь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ“. Онъ же сказалъ: „Не будетъ того, чтобы я поднялъ руку на старшаго брата; если отецъ мой умеръ, то онъ долженъ быть мнѣ вмѣсто отца“. Услышавши это, войско разошлось отъ него, а Борисъ остался только съ своими слугами. Святополкъ же, полный беззаконія, питая канновскіе замыслы, послалъ къ Борису съ такими словами: „хочу съ тобою жить въ любви, и къ тому, что тебѣ даль отецъ, прибавлю тебѣ еще“. А это онъ обольщалъ его, желая его погубить. Святополкъ же пришелъ ночью въ Вышгородъ, тайно призвалъ Путшу и вышгородскихъ бояръ, и сказалъ имъ: „Преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?“ И сказалъ Путша съ вышгородцами: „Можемъ головы свои сложить за тебя“. Онъ сказалъ имъ: „Никому не говоря, подите и убейте брата моего Бориса“. Они же обѣщали ему вскорѣ это сдѣлать. О такихъ людяхъ Соломонъ сказалъ: „Они скоры на неправое кровопролитіе крови; приобщаясь крови, они готовятъ себѣ злое; такова дорога всѣхъ, совершающихъ беззаконіе: своимъ нечестіемъ они губятъ свою душу“. Посланные же пришли на Алту ночью, подошли близко и услышали, что блаженный Борисъ поетъ утреннія молитвы; онъ былъ, вѣдь, ужъ извѣщенъ, что его хотятъ погубить. И вставши, онъ началъ молиться, говоря: „Господи! почему умножились мои притѣснители? многіе возстаютъ на меня“.

И помолившись, онъ легъ на свою постель. И напали на него, окруживъ шатеръ, какъ дикіе звѣри, просунули сквозь шатеръ копыя, и прокололи Бориса, а также и слугу

его прокололи, который легъ на него, чтобы защититъ: онъ былъ очень любимъ Борисомъ. Этотъ отрокъ былъ родомъ венгръ, по имени Георгій; его очень любилъ Борисъ и повѣсилъ ему на шею большое золотое ожерелье, въ которомъ тотъ и прислуживалъ ему. Они перебили и другихъ отроковъ Бориса. А у этого Георгія такъ какъ они не могли быстро снять ожерелья съ шеи, то отрубили ему голову, и тогда сняли, поэтому то послѣ и не нашли его тѣла среди другихъ труповъ. Убивши Бориса, окаянные завертѣли его въ шатерь, положили на повозку и повезли, а онъ еще дышалъ. Окаанный Святополкъ, узнавши о томъ, что онъ дышетъ, послалъ двухъ варяговъ прикончить его. Когда они пришли и увидали, что онъ еще живъ, одинъ изъ нихъ вынулъ мечъ и пронзилъ ему сердце. И такъ скончался блаженный Борисъ, принявъ вѣнецъ отъ Христа Бога вмѣстѣ съ праведными; сопричтенный пророкамъ и апостоламъ, водворившись въ раю съ мучениками, почиваетъ онъ на лонѣ Авраама, испытываетъ несказанную радость, поетъ вмѣстѣ съ ангелами и веселится среди святыхъ. Тѣло его тайно принесли въ Вышгородъ и похоронили у церкви св. Василія. А эти окаанные убійцы пришли къ Святополку, какъ будто заслуживши похвалу, беззаконники. Имена этихъ законопреступниковъ: Путьша, Талець, Еловить, Ляшько, а отецъ ихъ сатана. Такими слугами бываютъ бѣсы: бѣсы посылаются на злое, а ангелы на добро. Ангель, вѣдь, зла человѣку не дѣлаетъ, но всегда думаетъ объ его пользѣ, особенно же помогаетъ христіанамъ и защищаетъ ихъ отъ врага—дьявола; а бѣсы ловятъ человѣка на злое дѣло, завидуя ему, потому что они видятъ, что человѣкъ почтенъ Богомъ. Они скоры, когда ихъ посылаютъ на злое дѣло. А злой человѣкъ, въ стремленіи къ злу, хуже бѣса: бѣсы, вѣдь, Бога боятся, а злой человѣкъ ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бѣсы боятся креста Господня, а злой человѣкъ даже и креста не боится.

Святополкъ же окаанный подумалъ про себя такими словами: Вотъ я убилъ Бориса; какъ бы убить Глѣба? И питая кайновы замыслы, коварно послалъ къ Глѣбу сказать слѣдующее: „Иди скорѣе, тебя зоветъ отецъ, такъ какъ онъ очень нездоровъ“. Глѣбъ, сейчасъ же сѣвъ на коня, поѣхалъ съ небольшою дружиною, потому что онъ былъ послушенъ отцу. И когда онъ пріѣхалъ на Волгу, то

въ полѣ споткнулся у него во рву конь и ушибъ ему нѣсколько ногу. И приѣхаль онъ къ Смоленску; отѣхавъ отъ Смоленска, на сколько можетъ видѣть глазъ, онъ остановился около Смядина на лодкѣ. А въ это время пришло извѣстіе къ Ярославу отъ Передслavy о смерти отца, и послалъ Ярославъ сказать Глѣбу: „Не ходи, отецъ у тебя умеръ, а братъ твой убитъ Святополкомъ“. Услышавъ это, Глѣбъ возопилъ со слезами, оплакивая отца, а особенно брата, и началъ слезно молиться, говоря: „Увы мнѣ, Господи! лучше бы мнѣ умереть съ братомъ, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ. Если бы я, о братъ мой, видѣлъ лице твое ангельское, умеръ бы съ тобою, а теперь, что я одинъ остался? гдѣ теперь слова твои, которыя ты мнѣ говорилъ, братъ мой любимый? Я теперь уже не услышу твоего кроткаго наставленія? Если ты получилъ теперь у Бога милость, молись обо мнѣ, чтобы и я принялъ такое же страданіе; лучше мнѣ было бы умереть съ тобою, чѣмъ жить въ этомъ коварномъ свѣтѣ“. И когда онъ такъ молился со слезами, внезапно пришли посланные отъ Святополка погубить Глѣба, и они захватили корабль Глѣба, и обнажили оружіе. Отроки Глѣба пали духомъ, и окаянный посланный, по имени Горясѣрь, велѣлъ какъ можно скорѣе зарѣзать Глѣба; и поварь Глѣба, родомъ торчинъ, извлекши ножъ, зарѣзалъ Глѣба. Какъ непорочный агнецъ, онъ былъ принесенъ въ жертву Богу, и принялъ вѣнецъ мученической, въ фиміамѣ духовномъ, словесная жертва. Вступивъ въ небесныя обители, онъ увидалъ своего желаннаго брата, и радовался съ нимъ несказанною радостью, которую оба они заслужили своимъ братолюбіемъ. Какъ хорошо, какъ прекрасно жить братьямъ вмѣстѣ!...

Глѣбъ былъ убитъ и брошенъ на берегу между двумя колодами; потомъ его взяли, повезли и положили около его брата у церкви Святого Василія. Такъ соединенные тѣлами и особенно душами, пребывая у Владыки Всецаря въ безконечной радости, въ несказанномъ свѣтѣ, приносятъ они спасительные дары русскимъ людямъ и изъ другихъ земель приходящимъ съ вѣрою даруютъ исцѣленіе: хромые ходятъ, слѣпые прозрѣваютъ, больные исцѣляются, окованные освобождаются, заключенные въ темницахъ выходятъ, печальные утѣшаются, находящіеся въ напастяхъ избавляются. Они заступники за русскую землю, они сіяющіе свѣтильники, всегда молящіеся Владыкѣ за свой народъ. Потому

то и мы должны достойно восхвалять Христовыхъ стратотерпцевъ, прилежно молясь имъ, въ такихъ словахъ: „Радуйтесь, стратотерпцы Христовы русской земли, подающіе исцѣленіе приходящимъ къ вамъ съ вѣрою и любовью“.

11. Смерть Святополка. Въ 1019 году. Пришелъ Святополкъ, соединившись съ печенѣгами, съ огромной силой; и Ярославъ собралъ множество войска, и вышелъ противъ него на рѣку Альту. Ярославъ сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убили Бориса, поднялъ руки къ небу, и сказалъ: „Кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ, Владыко! отмсти за кровь этого праведника, какъ отмстилъ за кровь Авеля, наложивъ на Каина стenanіe и трясеніe; наложи тоже и на этого“. Помолившись, онъ сказалъ: „Братья мои! если вы тѣломъ и ушли отсюда, то помогите мнѣ молитвою въ борьбѣ съ этимъ вражескимъ и гордымъ убійцею“. И когда онъ это сказалъ, они пошли другъ на друга, и оба многочисленныя войска совсѣмъ покрыли поле при Альтѣ. Это было въ пятницу. На восходѣ солнца сошлись оба войска, и была злая сѣча, какой еще не было на Руси: схватывались руками и рубились. Три раза такъ сходились; по долинамъ текла кровь. Къ вечеру Ярославъ одолѣлъ, и Святополкъ побѣжалъ. Во время бѣгства напалъ на него бѣсъ, и кости его разслабли; онъ не могъ сидѣть, и несли его на носилкахъ. Его принесли въ этомъ бѣгствѣ къ Бресту, онъ же говорилъ: „Бѣгите со мною, гонятся за нами!“ Отроки его посылали развѣдать, не гонится ли кто за ними, но никакой погони не было, и они бѣжали съ нимъ. Онъ же, лежа больной, вскакивалъ и говорилъ: „Охъ, гонятся! бѣгите!“ Онъ не выносилъ остановокъ на мѣстѣ, и пробѣжавъ польскую землю, гонимый Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжалъ въ пустыню между Польшей и Чехіей, и тамъ злымъ образомъ испустилъ духъ свой. И его, грѣшника, постигъ правый судъ, и по отшествіи изъ этого свѣта его окаяннаго постигли муки; это явно показывала насланная болѣзнь, которая безъ пощады привела его къ смерти, и послѣ смерти онъ осужденъ вѣчно мучиться. Въ той дикой мѣстности могила его есть до сихъ поръ; изъ нея идетъ тяжелый смрадъ. Это Богъ показалъ русскимъ князьямъ, чтобы они знали, что если будутъ поступать такъ же, то такую же казнь примутъ; даже и больше этой, потому что сдѣлаютъ такое злое преступленіе, уже зная это.

12. Ярославъ. Заботы о просвѣщеніи. Въ 1037 году Ярославъ началъ строить въ Кіевѣ большую городскую ограду, у которой есть золотыя ворота; основалъ и церковь святой Софіи, митрополичью, и послѣ этого церковь святого Благовѣщенья Богородицы, что на Золотыхъ воротахъ, послѣ этого монастыри св. Георгія и св. Ирины. При немъ вѣра христіанская начала широко распространяться, умножились монахи, и начали основываться монастыри. Ярославъ любилъ церковныя уставы, очень любилъ священниковъ, особенно монаховъ, прилежно читалъ книги ночью и днемъ. И собралъ онъ многихъ писцовъ, приказывалъ переводить съ греческаго на славянское письмо, и списали они много книгъ; онъ и приобрѣлъ много книгъ, поучаясь которыми вѣрующіе люди наслаждаются Божественнымъ ученіемъ. И какъ бываетъ, что одинъ распашетъ землю, другой насѣетъ, а третьи пожинаютъ и ѣдятъ нескучную пищу, такъ и онъ. Его отецъ Владиміръ распашалъ и размягчилъ, т. е. просвѣтилъ крещеніемъ, онъ засѣялъ книжными словами сердца вѣрующихъ людей, а мы пожинаемъ, усвоивая книжное ученіе. Великая бываетъ польза отъ книжнаго ученія: книгами мы учимся и представляемся на путь покаянія; отъ книжныхъ словъ приобретаемъ мы мудрость и воздержаніе; онѣ, вѣдь, рѣки, напоющія вселенную, онѣ источники мудрости, въ книгахъ неисчетная глубина, ими мы въ печали утѣшаемся, онѣ узды воздержанія..... Ярославъ же, какъ мы уже сказали, любилъ книги, онъ много ихъ приказалъ написать и положить въ церкви св. Софіи, которую самъ и построилъ; онъ украсилъ ее золотомъ и серебромъ и церковными сосудами; въ этой церкви въ обычное время установленныя молитвы воспѣваютъ Богу. И другія церкви онъ ставилъ по городамъ и селеніямъ, ставилъ священниковъ и давалъ имъ часть своего имущества, приказывая имъ учить людей, потому что это имъ поручено самимъ Богомъ, и часто приходитъ въ церковь. И умножились священники и христіане. Ярославъ очень радовался, видя большое множество церквей и христіанъ; а диаволъ горевалъ, будучи побѣждаемъ людьми, обновленными христіанствомъ.

13. Комета. Въ 1064 году. Въ это время было знаменіе на западѣ: огромная звѣзда, съ кровавыми лучами, восходила вечеромъ послѣ солнечнаго захода. Являлась она около 7 дней. Она предсказывала недоброе. Послѣ

этого было много усобиць и нашествіе поганыхъ на Русскую землю; эта звѣзда была какъ бы кровава, и обозначала кровопролитіе. Передъ этимъ же временемъ и солнце перемѣнилось; оно не было свѣтлое, а было въ родѣ мѣсяца; невѣжды говорятъ, что его кто-то съѣдаетъ... Знаменія въ небѣ, въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, или въ птицахъ или въ какомъ - нибудь другомъ видѣ бываютъ не къ добру, а ко злу: предвѣщаютъ наступленіе войны или голода, или мора.

14. Нашествіе половцевъ. Въ 1068 году. Пришли иноплеменники на Русскую землю — многочисленные Половцы. Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ вышли противъ нихъ на рѣку Альту. И была ночь; подошли другъ противъ друга. Богъ попустилъ на насъ поганыхъ за грѣхи наши! и побѣжали Русскіе князья, и побѣдили Половцы. Богъ, вѣдь, по гнѣву своему наводитъ иноплеменниковъ на землю, и когда люди начнутъ сокрушаться, тогда и вспомнать Бога; междоусобная же война бываетъ по соблазну дьявола, ибо Богъ хочетъ не зла людямъ, а добра, а дьяволъ радуется злему убійству и кровопролитью, возбуждая свары, зависть, братоненавидѣніе, клеветы. Если же какая-нибудь земля согрѣшитъ, то Богъ караетъ смертью, или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или язвою, или гусеницею (саранчею), или казнями, ожидая, не будемъ ли мы, пскаявшись, жить такъ, какъ велитъ Богъ... А не язычески ли мы живемъ, если вѣруемъ во встрѣчу? Вѣдь, если кто встрѣтитъ монаха, то возвращается съ пути, или, если встрѣтитъ дикаго кабана, или свинью: развѣ это не язычество? Вѣдь этого гаданья держатся по наущенію дьявола. Нѣкоторые вѣрятъ въ чиханье, которое здорово для головы. Всѣмъ этимъ и другими способами прельщаетъ дьяволъ, всяческими прельщеніями переманиваетъ насъ отъ Бога,—трубами, скоморохами, гусями и русальями. Мы видимъ притоптанныя мѣста для игрищъ, гдѣ такое множество народа, что толкаютъ другъ друга, смотря на дѣла, замышленные бѣсомъ, а между тѣмъ церкви пустыютъ, когда бываетъ время молитвы, мало ихъ оказывается въ церкви. За это то мы и принимаемъ отъ Бога всяческія казни, и нашествія ратныхъ людей, по Божьему повелѣнію, испытываемъ, какъ казнь за наши грѣхи. Вернемся же къ прежнему разсказу...

15. Волхвы ¹⁾. Въ 1071-мъ году. Въ это время пришелъ волхвъ, прельщенный бѣсомъ; придя къ Киеву, онъ рассказывалъ, что на пятый годъ Днѣпръ потечетъ назадъ, и страны перейдутъ на другія мѣста, такъ что Греческая земля станетъ на мѣстѣ Русской земли, а Русская земля на мѣстѣ Греческой, и другія земли измѣнятся. Невѣжды слушали его, вѣрующіе же смѣялись надъ нимъ, говоря ему: „Бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ“. Это съ нимъ и случилось, ибо онъ въ одну ночь пропалъ безъ вѣсти. Бѣсы, вѣдь, подстрекательствомъ вводятъ въ зло, а потомъ насмѣхаются, ввергнуть человѣка въ смертную пропасть, сами научивши и подучивъ его говорить, прямо скажемъ, по своему бѣсовскому наущенію и воздѣйствію. Когда однажды въ Ростовской области былъ голодъ, то появились два волхва изъ Ярославля, говорившіе: „Мы знаемъ, у кого скрыто изобиліе всего“. И пошли они по Волгѣ; куда придутъ они въ селеніе, тамъ указываютъ на лучшихъ женъ, говоря, что та скрываетъ жито, та—медь, та—рыбу, а та—мѣха. И приводили къ нимъ сестеръ, матерей и женъ своихъ. Они же, дѣлая видъ, что прорѣзаютъ у нихъ за плечами и вынимаютъ либо жито, либо рыбу, убивали многихъ женъ, а имущества ихъ брали себѣ. И пришли они на Бѣлоозеро: около нихъ собралось человѣкъ 300. Въ это же время случилось прійти отъ Святослава для собиранія дани Яну, сыну Вышаты. Бѣлоозерцы извѣстили его, что два кудесника уже избили многихъ женъ по Волгѣ и по Шекснѣ и пришли сюда. Янъ же спросилъ, чьи они, и узнавъ, что они подвластны его князю, послалъ къ тѣмъ, кто собрался около нихъ, сказать: „Выдайте сюда тѣхъ волхвовъ, потому что они смерды моего князя“. Они же

¹⁾ Въ параграфахъ 15 и слѣдующихъ особенно живо сказывается та старая языческая подпочва, сверхъ которой тонкимъ слоемъ легли новыя христіанскія воззрѣнія. Въ рассказахъ лѣтописи о волхвахъ, кудесникахъ и волшебствахъ прекрасно видно, какое множество суевѣрныхъ понятій жило въ народной массѣ. Важно не только то, что огромное большинство населенія легко поддавалось вѣрѣ въ тайныя силы и напр. при Глѣбѣ въ Новгородѣ одинъ князь съ дружиной пошли за епископомъ съ крестомъ, а всѣ жители стали за волхва; интересно, что даже люди, казалось бы, проникнутые христіанствомъ и возстававшіе противъ волхвовъ, въ сущности сходились съ ними въ понятіяхъ о чарахъ, о волшебствѣ и т. д., но лишь приписывали все это діаволу. Въ рассказѣ о Чудскомъ (т. е. Финскомъ) колдунѣ языческія божества прямо признаются и находятъ себѣ мѣсто въ христіанскомъ міропониманіи въ качествѣ бѣсовъ. Это — типичный фактъ для характеристики полнаго *двоевѣрія*, т. е. тѣснаго сліянія двухъ религій, ихъ внутренняго переплетенія.

его не послушали, и Янъ самъ пошелъ къ нимъ безъ оружія; и сказали ему отроки его: „Не ходи безъ оружія; они тебя осрамятъ“. Онъ велѣлъ отрокамъ взять оружіе; и было съ нимъ 12 отроковъ; и пошелъ онъ къ нимъ по лѣсу. Они же стали толпою, приготовившись къ сопротивленію, и когда Янъ пошелъ съ топоромъ, то выступили изъ нихъ трое, подошли къ Яну и сказали: „Видишь, что идешь на смерть: не ходи“. Онъ же велѣлъ окружить ихъ, а самъ пошелъ на остальныхъ. Они же устремились на Яна, одинъ чуть не попалъ по Яну топоромъ. Янъ же, обернувъ топоръ, ударилъ его обухомъ и велѣлъ рубить ихъ. Они бѣжали въ лѣсъ, и тутъ былъ убитъ священникъ Яна. Янъ же, вошедши въ городъ Бѣлозерцевъ, сказалъ имъ: „Если не схватите этихъ волхвовъ, не уйду отъ васъ цѣлый годъ“. Бѣлозерцы же пошли и поймали ихъ, и привели ихъ къ Яну, и онъ сказалъ имъ: „Зачѣмъ вы погубили столько человѣкъ“? И когда они сказали: „Потому что онѣ скрываютъ урожай, если ихъ истребить, то будетъ урожай: если хочешь, то передъ тобою вынемъ житѣ, рыбу, или что другое“, то Янъ отвѣтилъ: „Это, по истинѣ, ложь: Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, онъ составленъ изъ костей, жилъ и крови, и нѣтъ въ немъ ничего; и онъ не знаетъ ничего, а знаетъ только одинъ Богъ“. Они же сказали: „Мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ“. Онъ спросилъ: „Какъ же“? Они же сказали: „Богъ мылся въ банѣ и вспотѣлъ, отерся ветошкой, и бросилъ ее съ неба на землю; и заспорилъ сатана съ Богомъ, кому изъ нея сотворить человѣка? И дьяволъ сотворилъ человѣка, а Богъ вдунулъ въ него душу: потому то, если умретъ человѣкъ, то тѣло идетъ въ землю, а душа къ Богу“. И сказалъ имъ Янъ: „По истинѣ, прельстилъ васъ бѣсъ! Въ какого вы бога вѣруете“? Они сказали: „Въ антихриста“. Онъ же сказалъ имъ: „Гдѣ же онъ“? Они сказали: „Сидитъ въ безднѣ“. Янъ же сказалъ имъ: „Какой такой богъ, сидитъ въ безднѣ? Это бѣсъ, а Богъ сидитъ на небѣ, на престолѣ, славимый ангелами, которые стоятъ передъ нимъ со страхомъ и не могутъ смотрѣть на него! Одинъ изъ этихъ ангеловъ былъ сверженъ,—тотъ, котораго вы называете антихристомъ; онъ былъ низвергнутъ съ неба за свою гордость, и находится въ безднѣ, какъ и вы говорите, и ждетъ, когда придетъ съ неба Богъ, возьметъ этого антихриста, скуетъ оковами и заключитъ, взявши его вмѣстѣ съ его

слугами и съ тѣми, кто въ него вѣруеть. Вамъ же принять муку и здѣсь отъ меня, и тамъ послѣ смерти“. Когда же они сказали: „Намъ возвѣщаютъ боги—не можешь ты намъ сдѣлать никакого зла“, то онъ сказалъ: „Лгутъ вамъ боги“. Они сказали: „Намъ нужно стать передъ Святославомъ, и ты не смѣешь намъ ничего сдѣлать“. Янъ же велѣлъ ихъ бить и выдергать имъ бороды. И когда ихъ избили и бороды выдергали клещами, Янъ сказалъ имъ: „Что вамъ говорятъ боги“? Они сказали: „Стать намъ передъ Святославомъ“. Янъ велѣлъ всунуть имъ въ ротъ по клину, привязать ихъ къ мачтѣ и пустить передъ собою въ ладѣ, а самъ отправился за ними. Остановились на устьи Шексны и сказалъ имъ Янъ: „Что вамъ говорятъ боги“? Они же отвѣтили: „Намъ боги говорятъ такъ, что не остаться намъ живыми отъ тебя“. И сказалъ имъ Янъ: „Это они вамъ правду сказали“. Они же сказали: „Но если ты насъ отпустишь, то тебѣ много добраго будетъ; а если насъ погубишь, то примешь большую печаль и много зла“. Онъ же сказалъ имъ: „Если я васъ отпущу, то мнѣ зло будетъ отъ Бога“. И сказалъ Янъ везшимъ ихъ: „Не убить ли ими кто-нибудь изъ вашихъ родныхъ“. И они сказали: „у меня мать, у другого сестра, у третьяго дочь“. Онъ же сказалъ имъ: „Мстите за своихъ“. Они же схватили ихъ и повѣсили на дубѣ. Такъ они получили справедливое отмщенье отъ Бога. И когда Янъ ушелъ домой, то на другую ночь взлѣзъ на дерево медвѣдь, изгрызъ ихъ и съѣлъ. Такъ они и погибли отъ бѣсовскаго наущенья, про другихъ-то зная, а своей гибели не зная, потому что, если бы они знали, то не пришли бы на то мѣсто, гдѣ имъ суждено было быть схваченными. А разъ уже они взяты были, то зачѣмъ говорили: „Намъ не умереть“, когда онъ задумалъ ихъ убить? Но въ томъ то и состоитъ бѣсовское наущенье: бѣсы, вѣдь, не знаютъ мыслей человѣческихъ, но влагаютъ помыслъ въ человѣка, не зная тайнаго. Богъ одинъ знаетъ человѣческія помышленія, бѣсы же ничего не знаютъ,—потому что они немощны и скверны видомъ. Вотъ мы расскажем о наружности ихъ и объ ихъ омраченіи. Въ эти времена, и въ эти годы, случилось прійти одному Новгородцу въ Чудь, и пришелъ онъ къ кудеснику, чтобы тотъ ему погадалъ. И тотъ началъ, по своему обыкновенію, призывать бѣсовъ въ свою комнату. Новгородецъ сидѣлъ на порогѣ той комнаты, а кудесникъ

лежалъ въ ней оцѣпенѣлый: бѣсъ ударилъ его о землю. Тогда кудесникъ, вставши, сказалъ новгородцу: „боги не смѣютъ прійти, на тебѣ есть нѣчто, чего они боятся“. Новгородецъ же вспомнилъ, что на немъ есть крестъ, и, отошедши, поставилъ крестъ снаружи той комнаты. Кудесникъ же опять началъ призывать бѣсовъ. Бѣсы же, бросая его по полу, дали отвѣтъ на то, зачѣмъ пришелъ новгородецъ. Послѣ онъ сталъ спрашивать кудесника: „Отчего они боятся креста, который мы носимъ на себѣ?“ Кудесникъ отвѣтилъ: „Потому что это знаменіе небснаго Бога, котораго наши боги боятся“. Онъ же спросилъ; „Такъ какіе же ваши боги: гдѣ они живутъ?“ Тотъ сказалъ: „Въ безднахъ; они съ виду черны, крылаты, съ хвостами, они подлетаютъ и подъ небо, слушаютъ вашихъ боговъ; а ваши — ангелы, живущіе на небѣ; если кто изъ вашихъ людей умретъ, то возносится на небо; если кто изъ нашихъ умираетъ, то уносится въ бездну, къ нашимъ богамъ“...

Одинъ такой волхвъ появился въ Новгородѣ при Глѣбѣ; онъ говорилъ людямъ, выдавая себя за Бога, и многихъ прельстилъ, чуть не весь городъ: онъ говорилъ, что знаетъ все, хулилъ вѣру христіанскую, и говорилъ: „Перейду по Волхову на глазахъ у всѣхъ“. И въ городѣ было смятеніе, и всѣ повѣрили ему, и хотѣли убить епископа. Епископъ же, взявши крестъ, облекся въ ризы, всталъ и сказалъ: „Кто хочетъ вѣрять волхву, пусть идетъ къ нему: кто вѣруетъ, пусть идетъ къ кресту“. И раздѣлился на двое: князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали рядомъ съ епископомъ, а весь остальной народъ пошелъ къ волхву; и было между ними большое смятеніе. Глѣбъ же, спрятавши подъ полою топоръ, подошелъ къ волхву и сказалъ ему: „Знаешь ли ты, что будетъ утромъ, и что вечеромъ?“ Онъ же сказалъ: „Я все знаю“. И сказалъ Глѣбъ: „Знаешь ли, что будетъ сейчасъ?“ Онъ сказалъ: „Я сотворю великія чудеса“. Глѣбъ же, вынувши топоръ, разсѣкъ его, и онъ упалъ мертвый, а народъ разошелся. Онъ погибъ тѣломъ и душою, отдавшись дьяволу.

16. Знаменія. Въ 1091 году. Въ этотъ годъ было знаменіе въ солнцѣ: оно какъ будто погибало, и его оставалось мало; оно было, какъ мѣсяцъ, во 2-мъ часу дня 21-го мая. Въ это же время Всеволодъ охотился на звѣрей подъ Вышегородомъ, и когда поставили тенета и загонщики закричали, упалъ съ неба большой змѣй. Всѣ люди пришли

въ ужасъ. Въ это же время многіе слышали, какъ земля гремѣла. Въ этомъ же году волхвъ явился въ Ростовъ и вскорѣ погибъ.

17. Моровая язва. Въ 1092 году. Въ Плоцкѣ происходило что-то удивительное: ночью раздавался какъ будто гулъ, стонъ стоялъ на улицѣ, и бѣсы рыскали въ видѣ людей. Если кто выходилъ изъ дому, желая посмотрѣть, тотчасъ невидимо уязвлялся бѣсами язвою, и отъ этого умиралъ. И не смѣли выходить изъ домовъ. Послѣ этого днемъ начали появляться какія-то существа на коняхъ, и ихъ самихъ нельзя было видѣть, но только слѣды копытъ ихъ коней. Такъ они уязвляли жителей Полоцка и всю полоцкую область. Люди поэтому говорили, что мертвецы бьютъ полочанъ. Это знаменіе пошло начиная отъ Друцка. Въ это же время было знаменье и на небѣ: посреди неба былъ большой кругъ. Въ этотъ же годъ стояли такіе жары, что земля сгорала, и много лѣсовъ и болотъ сами загорались. По разнымъ мѣстамъ было много знаменій, и было большое нашествіе половцевъ отовсюду: взяли три города, Песочный, Переволоку, и много селеній завоевали. Въ это же время много людей умирало отъ различныхъ недуговъ, такъ что торгующіе гробами говорили, что они продали отъ Филиппова дня до мясопуста 7000 гробовъ. Все это было за грѣхи наши, такъ какъ грѣхи наши и несправедливыя дѣла умножились; Богъ и навелъ на насъ все это, повелѣвая намъ покаяться и воздержаться отъ грѣха, и отъ зависти, и отъ другихъ злыхъ и непріязненныхъ дѣлъ.

18. Сказаніе о народѣ, заключенномъ въ горахъ*). Въ 1096 году. Вотъ я хочу сказать, что я слышалъ 4 года тому назадъ, мнѣ рассказывалъ Гюрята Роговичъ Новгородецъ слѣдующее. „Разъ послалъ я отрока своего въ Печерскую землю, жители которой платятъ дань

*) Это сказаніе взято, какъ указано самимъ лѣтописцемъ, изъ греческаго апокрифическаго сочиненія „Слово Меводія Патарскаго о царствіи языка послѣднихъ временъ, сказаніе отъ перваго человѣка до скончанія вѣка“. Слово это пользовалось на Руси большою извѣстностью; списки его идутъ вплоть до 19-го вѣка; изъ него наши предки, начиная съ древняго лѣтописца 11-го столѣтія, почерпали подробности о будущей кончинѣ міра и пришествіи антихриста; у раскольниковъ до сихъ поръ оно пользуется уваженіемъ. Нечистые народы, о которыхъ говорится здѣсь, названы въ словѣ „Гога и Магога“. Разсказъ же Гюряты Новгородца очевидно представляетъ украшенное фантазіей описаніе мѣновой торговли Новгородцевъ съ сѣверными инородцами. Подобныя легендарныя рассказы о Самоѣдахъ и др. жителейхъ сѣвера ходили по Руси до 17-го вѣка.

Новгороду. И, когда мой отрокъ пришелъ къ нимъ, онъ оттуда пошелъ въ Югорскую землю. У Югорскаго же племени языкъ нѣмой, и живутъ они съ самоѣдами въ сѣверныхъ странахъ. Югра же говорила моему отроку: „Дивное нашли мы чудо, о которомъ до сихъ поръ не слыхивали; уже третій годъ, какъ оно началось. За морскимъ заливомъ есть горы высотой до небесъ; въ тѣхъ горахъ идетъ крикъ большой и говоръ; тамъ рубятъ гору, желая вырубиться изъ нея; въ той горѣ прорублено небольшое оконце, и оттуда говорить; языка ихъ понять нельзя, но они показываютъ на желѣзо и манятъ руками, прося желѣза, и если кто дастъ имъ ножъ или топоръ, они оплачиваютъ мѣхами. Путь же до тѣхъ горъ непроходимъ отъ пропастей, снѣга и лѣса, поэтому мы не всегда доходимъ до нихъ; они есть и еще дальше на сѣверѣ“. Я же сказалъ Гюратъ: „Это народъ, заключенный царемъ Александромъ Македонскимъ“... Объ нихъ такъ говоритъ Меѳодій Патарскій: „И дошелъ (Александръ) на востокъ у моря до мѣста, называемаго Солнечнымъ, и увидѣлъ тутъ нечистыхъ людей изъ племени Іафетова. Они ѣли всякую нечистоту, комаровъ и мухъ, кошекъ, змѣй; и мертвецовъ не хоронили, а ѣли, также, какъ и всѣхъ нечистыхъ животныхъ. Увидѣвъ это, Александръ испугался, чтобы они не размножились и не осквернили землю, и загналъ ихъ на сѣверъ въ высокія горы. И по повелѣнію Божію задвинулись за ними сѣверныя горы; только на 12 локтей не сошлись, и здѣсь образовались мѣдныя ворота, покрытыя сунклитомъ. Если бы захотѣли огнемъ разрушить ихъ, нельзя ихъ сжечь, потому что свойство сунклита таково, что ни огонь его не можетъ сжечь, ни желѣзо не беретъ. Но въ послѣдніе дни выйдутъ изъ пустыни Тривской 8 колѣнъ, тогда выйдутъ по волѣ Божіей и эти нечистые народы, которые въ сѣверныхъ горахъ. Мы же теперь возвратимся къ тому, о чемъ говорили прежде.

5. Новгородская Первая Лѣтопись.

Новгородскія лѣтописи составляютъ особый отдѣлъ лѣтописей. Онѣ, также какъ и двѣ Псковскія, носятъ опредѣленно выраженный мѣстный характеръ, отличающій ихъ отъ южныхъ лѣтописей (Кіевской и Волынской). Отличаются онѣ и характеромъ изложе-

нія. По словамъ историка Соловьева „Новгородская лѣтопись отличается краткостью и сухостью разсказа; такое изложеніе происходитъ, во первыхъ, отъ бѣдности содержанія: Новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, Новгородцы не любили разглагольствовать, они не любятъ даже договаривать своей рѣчи и однако хорошо понимаютъ другъ друга. Разсказъ южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостью, образностью, можно сказать, — художественностью“.

Новгородскихъ лѣтописей считается четыре; первая изъ нихъ, изъ которой взятъ приведенный здѣсь отрывокъ, обнимаетъ событія между 1016—1444 годами. Болѣе древній періодъ, повидимому, излагался въ недошедшей до насъ Начальной Новгородской лѣтописи, отрывокъ которой подъ именемъ Іоакимовской лѣтописи найденъ былъ историкомъ 18-го в. Татищевымъ въ позднемъ спискѣ и помѣщенъ въ его „Русской исторіи“.

При выборѣ отрывка имѣлось въ виду дать не столько характерный образчикъ новгородскаго изложенія, сколько картину, важную по чертамъ быта и по настроенію.

Голодъ. Въ 1230 году. Тогда Богъ увидѣлъ наши беззаконія, и братоненавидѣніе, и непокорность другъ другу, и зависть, и ложныя клятвы на крестѣ, котораго и ангелы не могутъ видѣть и многоочитые закрываются крылами, а мы, держа въ рукахъ, цѣлуемъ скверными устами. И за то Богъ навелъ на насъ поганыхъ, а они опустошили нашу землю, а въ иномъ и сами мы по небрежности сильно разорили свои владѣнія, и они запустѣли, и вотъ Господь Богъ воздалъ намъ по дѣламъ нашимъ. На Воздвиженіе честнаго креста во всей нашей области морозъ побилъ хлѣбъ, и оттого произошло большое горе. Мы начали покупать хлѣбъ по 8 кунъ, кады ржи по 20 гривенъ, а во дворахъ по 15, а пшеницы по 40 гривенъ, а пшеница—по 50, а овса по 13 гривенъ. И разошлись люди изъ нашего города, и изъ всей области нашей; и чужіе города и страны наполнились нашими братьями и сестрами, а остальные начали умирать. И кто не прослезится, видя, какъ мертвецы валяются по улицамъ, и псы ѣдятъ младенцевъ!..

Вернемся же къ прежнему, къ воспоминанію о той горькой и бѣдной веснѣ. Что же говорить, что разсказать о казни, посланной на насъ Богомъ? Одни ѣли мохъ, ушъ, сосну, липовую кору, ильмовый листь, кто что придумалъ; а другіе злые люди начали зажигать дома добрыхъ людей,

узнавши гдѣ про рожь, и такъ разграбляли ихъ имущество...

Тогда намъ надо было бы, видя все это своими глазами, стать лучшими, а мы стали еще хуже. Не жалѣли ни брать брата, ни отецъ сына, ни мать дочери; сосѣдъ сосѣду не удѣлялъ куска хлѣба; не было милосердія между нами, но было горе и печаль, на улицѣ скорбно было встрѣчаться, дома была тоска при видѣ дѣтей, съ плачемъ просящихъ хлѣба, а другихъ умирающихъ. И мы покупали хлѣбъ по гривнѣ и больше, а ржи $\frac{1}{4}$ кади покупали по гривнѣ серебра. И отцы и матери отдавали своихъ дѣтей изъ-за хлѣба купцамъ въ полную собственность. Это бѣдствіе было не въ одной только нашей землѣ, но и во всей Русской области, кромѣ одного Кіева. Такъ Богъ воздалъ намъ за дѣла наши.

6. Изъ Ипатьевского списка.

1. Походъ Игоря на Половцевъ 1185 г. Игорь Святославичъ, внукъ Олега, отправился изъ Новгорода во вторникъ 23-го апрѣля, взявъ съ собой брата Всеволода изъ Трубчевска, племянника Святослава Олеговича изъ Рыльска и сына своего Владиміра изъ Путивля; и онъ выпросилъ себѣ на помощь у Ярослава Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Черниговскими Ковуями. Они шли медленно, собирая войско; кони у нихъ были очень раскормлены. И вотъ, когда они приближались къ рѣкѣ Донцу, разъ вечеромъ Игорь посмотрѣлъ на небо и увидѣлъ, что солнце похоже видомъ на мѣсяцъ. Онъ сказалъ боярамъ и дружинѣ: „видите ли вы? что означаетъ это знаменіе?“ Они посмотрѣли и увидали и поникли головами и сказали: „Княже! это знаменіе не къ добру!“ Игорь возразилъ: „Братія и дружина! Тайнъ Божіихъ никто не знаетъ; Богъ— Творецъ этого знаменія, какъ и всего своего міра, а на добро посылаетъ намъ его Богъ, или на зло, посмотримъ“. Съ тѣмъ Игорь переправился черезъ Донецъ и, придя къ Осколу, два дня ждалъ брата своего Всеволода, который шелъ изъ

¹⁾ Ипатьевскимъ называется списокъ лѣтописнаго свода конца XIV или начала XV в., найденный въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. О его составѣ см. вступительную статью къ Начальной Лѣтописи.

Курска другой дорогой. Оттуда они вмѣстѣ пошли къ рѣкѣ Сальницѣ; здѣсь къ нимъ вернулись развѣдчики, посланные впередъ, чтобы поймать „языка“; они сказали: „мы видѣли ратныхъ людей; враги ваши ѣздятъ готовые къ бою, и вы или идите впередъ быстрѣе, или возвращайтесь домой: не впору мы собрались.“ Тогда Игорь сталъ говорить съ своими братьями такъ: „если мы вернемся, не бившись, то намъ позоръ будетъ пуще смерти; пусть уже что Богъ пошлетъ.“ Такъ поразмысливши, они продолжали ѣхать впередъ всю ночь, а на другой день, въ пятницу, въ обѣденную пору встрѣтили Половцевъ. Тѣ, дойдя до Русскихъ, собрались всѣ отъ мала до велика и выстроились на другомъ берегу рѣки Сюрлія, оставивъ свой лагерь за собою. Наши раздѣлились на шесть полковъ: Игорь съ отрядомъ въ срединѣ, справа братъ его Всеволодъ, по лѣвую руку племянникъ Святославъ; впереди сталъ сынъ Игоря Владиміръ, потомъ отрядъ Ярослава—Ковун, бывшіе подъ начальствомъ Ольстина, а третій полкъ—стрѣльцы, выбранные изъ всѣхъ полковъ;—такъ построились они къ битвѣ. Игорь сказалъ братьямъ: „братья! мы этого искали—будемъ держаться“; и двинулись на враговъ, возложивъ надежду на Бога.

Когда они подступили къ рѣкѣ Сюрлію, изъ Половецкихъ рядовъ выѣхали стрѣльцы и, пустивъ въ Русскихъ по стрѣлѣ, помчались обратно, а Рускіе еще не успѣли перейти рѣку; поскакали назадъ и остальные Половцы, стоявшіе далеко отъ рѣки. Святославъ Олеговичъ, Владиміръ Игоревичъ, Ольстинъ съ Ковуями и стрѣльцы погнались за Половцами, а Игорь со Всеволодомъ слѣдовали за ними, не торопясь и не распуская своихъ полковъ; передовые отряды рубили Половцевъ, брали въ плѣнъ; тѣ промчались за свой лагерь, и наши, дойдя до ихъ палатокъ, стали забирать добычу; нѣкоторые же гнались дальше и уже ночью вернулись къ полкамъ съ плѣнными. Разсѣянные Половцы стали собираться вмѣстѣ; и Игорь сказалъ своимъ братьямъ и войску: „вотъ Богъ помогъ намъ одолѣть враговъ и получить честь и славу, но мы видѣли, что Половцевъ большое число, да всѣ ли еще они собрались? Двинемся теперь же, ночью назадъ; если они погонятся завтра за нами, то даже если они всѣ поѣдутъ, хоть лучшая наша конница спасется, а остальные будемъ сражаться, какъ Богъ велить.“ Но Святославъ Олеговичъ

сказалъ своимъ дядямъ: „я далеко гнался за Половцами, и кони мои утомились; если я сейчасъ поѣду, мнѣ придется остановиться на дорогѣ“. Всеволодъ поддержалъ его въ томъ, чтобы остаться на почъ тутъ же. Игорь сказалъ: „что же, братья! не трудно и умереть, если это неизбежно“. И расположились на ночлегъ.

Въ субботу на разсвѣтъ Половцы стали наступать словно густой лѣсъ; русскіе князья не знали даже, кому изъ нихъ противъ какого отряда биться: такое множество ихъ было. Игорь сказалъ: „видно, на насъ собрался весь ихъ народъ; тутъ и Кончакъ, и Козубурновичъ, и Токсобичъ, и Етебичъ, и Терьтробичъ.“ Обдумавши это, они рѣшили всемъ спѣшиться и пробиваться къ Донцу; они говорили: „если мы поскачемъ, то сами спасемся, а простыхъ воиновъ оставимъ; грѣхъ намъ будетъ выдать ихъ; будемъ сражаться пѣшей ратью: всѣ вмѣстѣ или умремъ или спасемся.“ И всѣ сошли съ коней и бились пѣшимъ боемъ. И тутъ по Божьему попущенію Игорь былъ раненъ въ лѣвую руку и не могъ ею двигать; его полкъ былъ сильно опечаленъ, что ихъ воевода въ самомъ началѣ былъ раненъ. Такъ бились крѣпко весь этотъ день до вечера, и въ русскомъ войскѣ было много ранено и убито. Настала ночь субботы, а бой все продолжался. На разсвѣтъ воскресенья полкъ (отрядъ) Ковуевъ пришелъ въ смятеніе и побѣждалъ. Игорь въ это время былъ верхомъ по случаю раны; онъ поскакалъ къ ихъ полку, чтобы вернуть ихъ къ войску, но замѣтивъ, что слишкомъ удалился отъ своихъ, повернулъ назадъ и снялъ съ себя шлемъ, чтобы бѣгущіе узнали князя и остановились. Но никто не вернулся кромѣ Михалка Юрьевича, который узналъ князя. Изъ воиновъ немногіе пришли въ смятеніе вслѣдъ за Ковуями, лишь кое кто изъ рядовыхъ или изъ боярской дружины, а хорошіе воины всѣ бились дружно пѣшіе, и среди нихъ Всеволодъ выказывалъ большую храбрость. Когда Игорь уже приблизился къ своему войску, Половцы загородили ему дорогу и взяли его въ плѣнъ на одинъ перелетъ стрѣлы отъ его полка. Уже схваченный, онъ увидалъ, что братъ его Всеволодъ храбро отбивается отъ нападавшихъ на него, и началъ просить себѣ смерти, чтобы только не видѣть, какъ одолѣютъ брата. Всеволодъ же такъ бился, что въ рукахъ не осталось оружія. И они бились, идя вокругъ озера. Такъ въ день святаго воскресенья,

на рѣкѣ Каялѣ, Богъ навелъ на нихъ гнѣвъ свой и послалъ намъ плачь вмѣсто радости и скорбь вмѣсто веселья. Игорь говорилъ: „Вспомнилъ я грѣхи мои передъ Господомъ Богомъ, ибо много убійствъ и кровопролитія совершилъ я въ землѣ христіанской. Я не пощадилъ христіанъ, но взялъ приступомъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда не мало зла приняли безвинные христіане: отцы разлучались съ дѣтьми, братъ съ братомъ, другъ съ другомъ, жены съ мужьями, дочери съ матерями и подруги съ подругами; всѣ были въ смятеніи отъ плѣна и скорби, живые завидовали мертвецамъ, а мертвые были счастливы, что подобно святымъ мученикамъ отошли изъ этой жизни послѣ испытанія огнемъ; старцы умерщвлялись, юноши несли ужасныя раны, мужи побивались и разсѣкались на части, женщины терпѣли поруганіе.“ — „И все это совершалъ я,“ сказалъ Игорь: „я недостойнъ оставаться въ живыхъ, и вотъ теперь вижу возмездіе себѣ отъ Бога. Гдѣ теперь любимый мой братъ? Гдѣ племянникъ? Гдѣ сынъ? Гдѣ совѣтные бояре, гдѣ храбрые мужи и строи воиновъ? Гдѣ кони и дорогое оружіе? Всего этого я лишень и связанный предаю въ руки беззаконныхъ. Вотъ Господь воздалъ мнѣ по беззаконію моему и по гнѣву своему на меня; обрушились на мою голову грѣхи мои. Праведенъ Господь и справедливъ судъ Его, и нѣтъ мнѣ уже мѣста среди живыхъ; и я вижу, какъ другіе принимаютъ мученическіе вѣнцы; почему я, одинъ виновный, не пострадалъ за всѣхъ нихъ? Но, Владыко, Господи, Боже мой! не отвергни меня до конца, но если воля Твоя на то, буди милостивъ къ намъ, рабамъ Твоимъ“.

Кончилась битва и плѣнники были разведены каждый по разнымъ шатрамъ. Игоря взялъ изъ племени Тарголовъ мужъ именемъ Чилбукъ, а Всеволода, брата его, Романъ Кзичъ, Святослава Олѣговича Ельдечукъ Бурчевичъ, и Владиміра Коптя Улашевичъ. Тогда же, еще на полѣ битвы Кончакъ взялъ своего свата Игоря на поруки, такъ какъ онъ былъ раненъ. Изъ столь великаго множества мало спаслось какимъ нибудь случаемъ; нельзя было и бѣгствомъ спастись, такъ какъ окружены были (Русскіе) Половцами, словно крѣпкими стѣнами. По слухамъ Русскихъ убѣжало челоуѣкъ съ пятнадцать, а Ковуевъ еще меньше, остальные утонули въ морѣ.

Въ это самое время великій князь Святославъ Всево-

Лодовичъ ходилъ въ Карачевъ, собиралъ войско въ сѣверныхъ владѣніяхъ, чтобы итти на все лѣто къ Дону противъ Половцевъ. Когда онъ возвратился, то у Новгорода Сѣверскаго услышалъ о своихъ братьяхъ, которые пошли на Половцевъ тайно отъ него; это ему было не по душѣ. Онъ плылъ въ ладьяхъ и когда пріѣхалъ къ Чернигову, туда явился Бѣловолодъ Просовичъ и разсказалъ ему, что вышло съ этимъ походомъ на Половцевъ. Услышавъ разсказъ, Святославъ тяжело вздохнулъ и со слезами сказалъ: „О милые мои братья, сыны и мужи земли Русской! Богъ далъ бы мнѣ усмирить поганыхъ; но вы не сдержали своихъ молодыхъ силъ и отворили (имъ) ворота на Русь: Да будетъ воля Господня во всемъ. Мнѣ было досадно на Игоря, но теперь я больше всего скорблю о немъ, братъ моему“. И послалъ тогда Святославъ сыновей своихъ, Олега и Владиміра, въ Посемье, такъ какъ услышалъ, что города на Посемьи пришли въ смятеніе; такая была сильная печаль и горе, какъ никогда раньше, по всему Посемью, въ Новгородѣ Сѣверскомъ и во всей Черниговской области: князья захвачены, дружина въ плѣну или побита—народъ волновался и безпокоился... (Дальше разсказывается, что Половцы, возгордившись побѣдой надъ Игоремъ, пошли на Русь войной; Кончакъ осадилъ Переяславль въ Кіевской землѣ, князь Владиміръ Глѣбовичъ былъ опасно раненъ въ битвѣ и только помощь Святослава и Рюрика спасла городъ; тогда Половцы взяли и разорили городъ Римовъ. Въ то же время другой Половецкій ханъ Кза подошелъ къ Путивлю, разорилъ его окрестности и сжегъ городскія укрѣпленія. Затѣмъ лѣтопись снова возвращается къ судьбѣ Игоря въ плѣну).

„Половцы оказывали уваженіе его званію и не дѣлали ему ничего дурнаго; къ нему приставили 15 Половцевъ простыхъ, да еще 5 познатнѣе, такъ что всей стражи было 20 человекъ, но давали ему свободу ѣздить и охотиться съ ястребами; при немъ было пять или шесть человекъ своей прислуги; а стража относилась къ нему съ уваженіемъ и слушалась его: если онъ кого пошлетъ куда, они безпрекословно исполняли его приказанія. Онъ велѣлъ прислать себѣ изъ Руси священника со всемъ, что нужно для службы церковной; онъ вѣдь не зналъ Промысла Божія о себѣ и думалъ, что долго останется въ плѣну. Но Богъ спасъ его ради молитвъ христіанскихъ, такъ какъ многіе

о немъ скорбѣли и проливали слезы за него. Когда онъ жилъ у Половцевъ, тамъ нашелся одинъ Половчинъ по имени Лавръ; онъ возымѣлъ благое намѣреніе уйти съ княземъ на Русь и сказалъ ему объ этомъ. Игорь сперва не довѣрялъ ему, да и въ головѣ у него были другія, смѣлыя мысли; онъ задумалъ бѣжать вмѣстѣ со всеми своими, разсуждая такъ: „я ради чести тогда не спасался бѣгствомъ, оставивъ дружину, и теперь не хочу идти безславнымъ путемъ“. Но сынъ его тысяцкаго и конюшій, бывшіе при немъ, склоняли его къ тому, говоря: „князь, иди на Русскую землю, если Богу угодно тебя спасти“. И все не выпадало ему удобной поры, какой онъ хотѣлъ. Но когда, какъ мы говорили раньше, Половцы возвращались изъ подъ Переяславля, совѣтники Игоря сказали ему: „Ты питаешь въ душѣ намѣреніе гордое и неудобное Богу; хочешь бѣжать, взявъ съ собою людей, а почему ты вотъ о чемъ не подумаешь: вотъ пріѣдутъ Половцы съ войны, и мы слышали, что они хотятъ перебить васъ князей и всѣхъ русскихъ; тогда не будетъ у тебя ни славы, ни жизни“. Игорь принялъ къ сердцу ихъ совѣтъ, встревожился по поводу пріѣзда Половцевъ и сталъ думать о бѣгствѣ; но ни днемъ, ни ночью нельзя ему было бѣжать, ибо стража караулила, а нашелъ онъ, что самое удобное время—на заходѣ солнца. И послалъ Игорь своего конюшаго къ Лавру сказать: „переѣзжай на тотъ берегъ Тора съ запаснымъ конемъ въ поводу“;—онъ сговаривался раньше съ Лавромъ бѣжать вмѣстѣ. Пришелъ вечеръ; Половцы перепились кумысомъ. Конюшій пришелъ къ Игорю съ извѣстіемъ, что Лавръ ждетъ его. Игорь, ужасаясь и трепеща, всталъ и помолился на образъ Божій и на честной крестъ, говоря: „Господь сердецвѣдецъ! Спаси, Владыко, меня недостойнаго!“ И взявъ съ собою крестъ и икону, поднялъ стѣну палатки и вылѣзъ наружу; стража его занималась играми и веселилась, считая, что князь спитъ. А онъ, дойдя до рѣки, перешелъ ее въ бродъ и сѣлъ на коня; такъ они пробрались черезъ Половецкій станъ. Это спасеніе сотворилъ Господь въ пятницу вечеромъ. Игорь шелъ пѣшкомъ 11 дней до города Донца, а оттуда отправился въ свой Новгородъ, гдѣ ему всѣ обрадовались. Изъ Новгорода онъ пошелъ въ Черниговъ къ брату Ярославу, прося помощи для Посемья; Ярославъ обрадовался ему и обѣщалъ подать помощь. Оттуда Игорь

поѣхалъ въ Кіевъ къ великому князю Святославу; и радъ былъ ему Святославъ, а также и свать его Рюрикъ.

2. Изъ Волынской лѣтописи ¹⁾. Умеръ великій князь Романъ, приснопамятный самодержецъ всей Руси. Онъ одолѣлъ всѣ языческіе народы, мудро исполнялъ заповѣди Божіи и устремлялся на язычниковъ, какъ левъ; былъ сердитъ, какъ рысь; губилъ ихъ, какъ крокодилъ; перелеталъ ихъ землю, какъ орелъ; храбръ былъ, какъ туръ. Онъ ревностно слѣдовалъ своему дѣду Мономаху, который погубилъ поганыхъ Измаильтянъ, т. е. Половцевъ, выгналъ Отрока въ землю Абхазовъ за Желѣзныя врата, въ то время какъ Сырчанъ остался у Дона, оживши какъ рыба. Тогда Владиміръ Мономахъ пилъ изъ Дону золотымъ шлемомъ, взявъ въ свою власть всю ихъ землю и загнавъ окаянныхъ Агарянъ. По смерти же Владиміра, Сырчанъ послалъ оставшагося у него пѣвца Ора въ землю Абхазовъ къ Отроку, говоря: „Володимеръ умеръ; воротись, братъ; приди въ свою землю“; скажи ему мои слова, и пой ему пѣсни половецкія; если же онъ не захочетъ вернуться, дай ему понюхать травы, по имени евшанъ ²⁾.“ Когда же Отрокъ не захотѣлъ ни обернуться, ни послушать пѣвца, онъ передалъ ему траву. Вдохнувши запахъ травы, Отрокъ заплакалъ и сказалъ: „Лучше мнѣ на своей землѣ лечь костью, чѣмъ быть славнымъ на чужой сторонѣ“. И вернулся въ свою землю.

7. Хожденіе игумена Даніила въ Святую Землю.

„Хожденіе игумена Даніила“ представляетъ древнѣйшій образчикъ многочисленныхъ описаній путешествій къ Св. мѣстамъ въ древней Руси. Даніиль совершилъ свое паломничество въ самомъ началѣ XII в. (какъ полагають, между 1106—1108 годами). По ясности и достовѣрности описаній Палестины „Хожденіе“ высоко цѣнятся западно-европейскими учеными. У насъ на Руси оно стало образцомъ для послѣдующихъ паломниковъ, и многіе изъ нихъ

¹⁾ Волынской лѣтописью называется рассказъ о событіяхъ въ Волынской и Галицкой землѣ между 1201—1292 годами; въ Ипатьевскомъ сводѣ, откуда взятъ отрывокъ, она составляетъ послѣднюю часть. Лѣтопись эта отличается особенно яркимъ, поэтическимъ изложеніемъ, напоминающимъ языкъ Слова о Полку Игоревѣ. Отрокъ и Сырчанъ, упоминаемые здѣсь, были половецкіе ханы.

²⁾ Степная душистая трава, родъ полыни.

пользовались имъ при своихъ описаніяхъ. Оно было сильно распространено на Руси; до насъ дошло около ста рукописныхъ списковъ „Хожденія“; въ числѣ ихъ есть украшенные рисунками („лицевые“). Извѣстно важное значеніе паломничества въ древней Руси; паломники или „калики переходже“ играли видную роль въ христіанскомъ просвѣщеніи темной народной массы. Они были люди близкіе къ церкви, среди нихъ нерѣдко встрѣчались духовныя лица, т. е. грамотные; они владѣли апокрифической, легендарной литературой, которой въ обиліи запасались въ своихъ странствованіяхъ, въ ихъ средѣ составлялись духовныя стихи; наконецъ просто какъ люди, видѣвшіе на своемъ вѣку многое, они были цѣнны своимъ опытомъ и знаніями. Разнообразная духовная пища, которую калики предлагали народу, была близка ему и интересна, и странники съ глубокой древности были желанными гостями вездѣ. Народъ придавалъ имъ въ былинномъ эпосѣ богатые черты.

Хожденіе Даниїла представляетъ образчикъ того, что давали населенію наиболѣе серьезныя калики. Древніе калики ходили къ Св. мѣстамъ обыкновенно цѣлыми группами (Даниїль упоминаетъ о своей „дружинѣ“), какъ объ этомъ говорятъ и былины. У Даниїла есть указаніе и на то, какъ они запасались легендами и преданіями. „Не можно—говорить онъ—безъ вожа (руководителя) добрѣ ходити и безъ языка (переводчика, истолкователя) добрѣ испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣсть“. Даниїлу посчастливилось найти въ Іерусалимскомъ монастырѣ св. Саввы „мужа свята и стара денми и книжна вельми“; этотъ „вожъ“ водилъ его вездѣ, указывалъ всѣ свята мѣста и рассказывалъ о нихъ, „отъ святыхъ книгъ испытавъ добрѣ“. Большая часть легендъ и священныхъ преданій, внесенныхъ Даниїломъ въ свое „Хожденіе“ по рассказамъ этого „вожа“, оказывается взятой изъ апокрифическаго Первоевангелія Іакова.

1. Вступленіе. Вотъ я Даниїль, недостойный игумень Русской земли, худшій изъ всѣхъ монаховъ, смиренный по многимъ грѣхамъ и невѣжеству, ничего добраго не совершившій, побуждаемый своимъ намѣреніемъ и своимъ нетерпѣніемъ, захотѣлъ увидать святой городъ Іерусалимъ и землю, обѣщанную Богомъ Аврааму. Хранимый волею Божьею, я дошелъ до святого города Іерусалима и видѣлъ всю землю Галилейскую и свята мѣста; я всѣ ихъ обошелъ, и всю ту землю, гдѣ ступалъ своими ногами Христось Богъ нашъ, и гдѣ онъ преславно показалъ много чудесъ святымъ апостоламъ и своимъ ученикамъ. И все это я видѣлъ своими грѣшными глазами, все это Богъ удостоилъ меня видѣть, все, чего я жаждалъ много дней, мучимый своею мыслью. Но, братья и отцы, господа мои, простите меня и не осуждайте за худоуміе и грубость, съ которыми я написалъ о святомъ городѣ Іеруса-

лимѣ и святой землѣ, объ этомъ святомъ пути. Вѣдь, кто идетъ этимъ путемъ со страхомъ и смиреніемъ, тотъ никогда не погрѣшитъ противъ милости Божіей. Я же ходилъ этимъ святымъ путемъ не такъ, какъ надо, со всякой слабостью и лѣнностью, пилъ, ѣлъ и дѣлалъ, чего не слѣдовало; но я всетаки надѣюсь на милость Божию и на вашу молитву, не проститъ ли мнѣ Христосъ Богъ моихъ безчисленныхъ грѣховъ. И я описалъ этотъ путь и эти святыя мѣста, не возносясь и не величаясь этимъ путемъ: этого не можетъ и быть, потому что я ничего добраго не сдѣлалъ во время этого пути, но я изъ любви къ святымъ мѣстамъ описалъ все то, что видѣлъ своими грѣшными глазами, чтобы не было забыто то, что меня недостойнаго удостоилъ видѣть Богъ; побоялся я и такого осужденія, какъ тотъ лѣнивый рабъ, который скрылъ талантъ своего господина и не получилъ на него прибыли. Написалъ я это и для вѣрующихъ людей, чтобы кто-нибудь, услышавши объ этихъ святыхъ мѣстахъ, устремился туда душою и мыслию и получилъ бы награду равную съ тѣми, которые ходили къ этимъ святымъ мѣстамъ. Вѣдь, многіе добрые люди, сидя дома, на своихъ мѣстахъ, милостынею убогимъ и своими добрыми дѣлами какъ бы достигаютъ этихъ святыхъ мѣстъ, они и большую награду получаютъ отъ Бога. А многіе, и дошедшіе до святыхъ мѣстъ, и видѣвшіе святой городъ Іерусалимъ, возносятся умомъ, какъ будто сдѣлали какое-то доброе дѣло; этимъ они утрачиваютъ награду за свой трудъ. Изъ нихъ первый я.

2. О Іерусалимѣ. Святой городъ Іерусалимъ находится въ дикой мѣстности. Около него большія и высокія каменныя горы, такъ что святой городъ Іерусалимъ можно увидеть, только подойдя близко: сперва увидишь столпъ Давида, потомъ, немного пройдя, увидишь Елеонскую гору и Святая Святыхъ, а потомъ увидишь и весь городъ. На разстояніи около версты отъ Іерусалима у дороги есть гладкая гора; на этой горѣ люди сходятъ съ коней и всѣ идутъ пѣшіе, и христіане поклоняются храму Святого Воскресенія. И бываетъ великая радость всякому христіанину увидеть святой городъ Іерусалимъ: никто не можетъ не прослезиться, увидавши желанную землю и святыя мѣста, гдѣ ходилъ Христосъ Богъ, нашего ради спасенія. И идутъ всѣ пѣшіе съ великою радостію къ Іерусалиму.

3. О серединѣ земной и о церкви. Та церковь Воскресенія Господня видомъ кругла, равностороння; въ длину и поперекъ она имѣеть 30 сажень. При ней есть просторныя палаты, и въ этихъ палатахъ, наверху, живетъ патріархъ. Отъ дверей гроба Господня до стѣны великаго алтаря 12 сажень, и тамъ внѣ стѣны за алтаремъ середина земная. Надъ нею сдѣланъ сводъ, и на верху мозаикою изображенъ Христосъ, и надпись говоритъ: „Се пядію моею измѣрихъ небо, а дланію землю“. Отъ середины земной до Распятія Господня и до Лобнаго мѣста 12 сажень. Распятіе Господне расположено отъ храма Воскресенія къ востоку лицомъ; на этомъ мѣстѣ тамъ стоитъ камень вышиною съ копье. Камень этотъ круглъ, какъ малая гора. По серединѣ же этого камня есть круглое отверстіе, побольше локтя глубиною, и менѣе пяди шириною; тутъ былъ водруженъ крестъ Господень. Подъ этимъ камнемъ лежитъ голова Адама, перваго созданнаго человѣка. Во время распятія Господа, когда Господь нашъ Иисусъ Христосъ испустилъ на крестѣ духъ свой, разодралась церковная завѣса и камни распались; тогда треснулъ и тотъ камень надъ главою Адама, и сквозь эту трещину стекла кровь и вода изъ реберъ Владыки на главу Адама, и омыла грѣхи рода человѣческаго. И есть трещина на томъ камнѣ, и до сихъ поръ можно замѣтить это знаменіе честное на правой сторонѣ отъ распятія Господня.

4. О Иорданской рѣкѣ. Рѣка Иорданъ течетъ быстро: ея берегъ по ту сторону крутой, а отсюда пологій. Вода Иордана мутна и очень сладка для питья, и нельзя насытиться этой святою водою; она здорова для пьющихъ ее; отъ нея ничего не болитъ и не бываетъ боли въ животѣ. Иорданъ всѣмъ похожъ на рѣку Сновъ ¹⁾, шириной и глубиной, и течетъ очень извилисто и быстро. Онъ имѣеть береговья долины, какъ и рѣка Сновъ. Въ серединѣ самой купели онъ глубиной 4 сажени, какъ я самъ на себѣ испробовалъ и измѣрилъ, переходя въ бродъ на ту сторону Иордана. И много ходилъ я по тому берегу Иордана съ любовью. Шириною рѣка Иорданъ, какъ рѣка Сновъ при устьи. И есть по сию сторону купели той какъ

¹⁾ Рѣка Сновъ есть въ Черниговской губ., поэтому предполагають, что Давидъ былъ оттуда родомъ.

бы небольшой лѣсокъ, много превысокихъ деревьевъ по берегу Иордана, въ родѣ вербы; и похоже, но не верба; выше купели много какъ будто лозы по берегу Иордана; но это не наша лоза, а иная... тамъ много тростника.

И сподобилъ меня Богъ три раза быть на Иорданѣ, и въ самый праздникъ крещенія воды я былъ на Иорданѣ со всею дружиною моею, и видѣли мы благодать Божию, исходящую на воду Иорданскую. И тогда безчисленное множество народа приходитъ къ водѣ со свѣчами; и всю эту ночь бываетъ прекрасное пѣніе и горитъ безъ числа свѣчей. Въ полночь же совершается крещеніе воды; тогда Духъ Святой сходитъ съ неба на воды Иорданскія, и достойные люди хорошо видятъ, какъ сходитъ Духъ Святой, а весь народъ не видитъ, но только у всякаго человѣка радостно тогда бываетъ на сердцѣ. И когда священники погружаютъ честной крестъ и когда запоютъ: „Въ Иорданѣ крещающу Ти ся Господи“, тогда всѣ бросаются въ Иорданъ, принимая крещеніе въ Иорданской рѣкѣ, какъ и Христосъ крестился въ полночь отъ Іоанна.

5. О томъ, какъ сходитъ съ неба свѣтъ святой. Вотъ что Богъ удостоилъ меня видѣть,—меня, худого и недостойнаго раба своего, инока Даниїла. Видѣлъ я своими грѣшными глазами по истинѣ, какъ сходитъ свѣтъ святой къ животворящему Гробу Господа Спаса нашего Иисуса Христа. Вѣдь, многіе другіе странники неправду говорятъ о схожденіи святого свѣта: одинъ рассказываетъ, что Духъ Святой сходитъ ко Гробу Господню въ видѣ голубя, другіе говорятъ, что онъ сходитъ въ видѣ молніи и зажигаетъ лампы надъ Гробомъ Господнимъ. Это ложь; тогда ничего нельзя видѣть, ни голубя, ни молніи, но благодать Божія сходитъ совсѣмъ невидимо, и зажигаются лампы надъ Гробомъ Господнимъ. Вотъ я расскажу объ этомъ по правдѣ, какъ я видѣлъ. Въ великую пятницу послѣ вечерни отпираютъ Гробъ Господень, вымываютъ лампы, находящіяся надъ Гробомъ Господнимъ, наливаютъ эти лампы чистымъ деревяннымъ масломъ, однимъ безъ воды, и вставивши свѣтильни въ оловянныя трубочки, не зажигаютъ, но такъ и оставляютъ эти свѣтильни не зажженными и запечатываютъ Гробъ Господень въ 8-мъ часу вечера, и тогда гасятъ всѣ лампы, не только тамъ, но и по всѣмъ церквамъ, какія есть въ Іерусалимѣ. Тогда и я, недостойный, пошелъ въ ту великую

пятницу въ 7-мъ часу утра къ князю Балдуину, и поклонились мы ему до земли; онъ же, увидавъ, что я, недостойный, поклонился ему, пригласилъ меня съ любовью, и сказалъ: „Чего ты хочешь, игумень Русскій?“ Онъ, вѣдь, меня хорошо зналъ и очень любилъ, такъ какъ былъ мужъ добрый, кроткій и нимало не гордый. И я сказалъ ему: „Княже и господине мой! Молю тебя, ради Бога и ради Русскихъ князей, разрѣши мнѣ поставить свою лампаду на Гробъ святомъ отъ всей Русской земли“. Тогда онъ съ большимъ вниманіемъ и охотой разрѣшилъ мнѣ поставить лампаду у Гроба Господня и послалъ со мною мужа, своего лучшаго слугу, къ эконому церкви Святого Воскресенія и къ тому, у кого ключъ отъ Гроба. И велѣли мнѣ они оба, и экономъ, и ключарь Гроба Господня, принести свою лампаду; я же поклонился имъ съ радостію великою и, сходявъ на торгъ, купилъ большую стеклянную лампаду и налилъ ее чистымъ деревяннымъ масломъ безъ воды; и принесъ ко Гробу Господню, уже когда наступилъ вечеръ, и упросилъ того ключаря, который одинъ оставался внутри Гроба, и сказался ему; онъ же открылъ мнѣ святая двери и велѣлъ мнѣ снять калиги (обувь), и такъ босого ввелъ меня одного въ святой Гробъ Господень съ лампадой, которую я несъ своими грѣшными руками; и велѣлъ онъ мнѣ поставить лампаду на Гробъ Господень, и я поставилъ ее своими грѣшными руками въ ногахъ, гдѣ лежали пречистыя ноги Господа нашего Иисуса Христа, такъ какъ въ головахъ стояла лампада греческая, на груди была поставлена лампада монастыря святого Саввы и всѣхъ монастырей. Такъ уже тамъ обычай; всегда ставятъ лампаду греческую и монастыря святого Саввы. Благодатію же Божіею тѣ три нижнія лампы зажглись, а фряжскія лампы были повѣшены наверху, и изъ этихъ лампадъ не зажглась ни одна; только тѣ три однѣ и зажглись. Я же поставилъ свою лампаду на святомъ Гробѣ Господа нашего Иисуса Христа и поклонился честному Гробу Господню, и поцѣловалъ съ любовью и со слезами мѣсто то святое и честное, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа нашего Иисуса Христа; и мы вышли изъ Гроба святого съ великою радостію и пошли каждый въ свою келью.

Поутру же въ великую субботу, въ 12 часовъ дня собирается весь народъ передъ церковью Воскресенія Христова—безчисленное множество народа изъ всѣхъ странъ, пришельцы

и туземцы; и изъ Вавилона, и изъ Египта, и изъ Антиохіи и изъ всѣхъ странъ собирается въ тотъ день несказанно много народу, такъ что наполняется все то мѣсто около церкви и около Распятія Господня. Въ это время бываетъ великая тѣснота и страшная усталость у всѣхъ; многие тогда задыхаются отъ тѣсноты въ этой безчисленной толпѣ народу. Всѣ эти люди стоятъ съ незажженными свѣчами и ждутъ, когда откроются церковныя двери. Внутри же церкви тогда находятся только одни священники. И священники, и весь народъ ждутъ, пока придетъ князь Балдуинъ съ своею дружиною. Тогда открываются церковныя двери, и входитъ весь народъ въ церковь въ страшной тѣснотѣ и давкѣ, и наполняютъ всю ту церковь и хоры; все становится полно народу. Всѣ люди не могутъ помѣститься въ той церкви, и огромное множество народа стоитъ внѣ церкви около Голгофы и около Лобнаго мѣста; до того мѣста, гдѣ былъ крестъ Господень, все наполняется безчисленнымъ множествомъ народа. Въ это время ничего другого не говорятъ, но только неослабно взываютъ: „Господи помилуй!“ и кричатъ такъ сильно, что отъ вопля этого народа по всей той мѣстности дрожить и гудить земля. Тутъ вѣрующіе люди проливаютъ ручьи слезъ; кто окаменѣлъ сердцемъ, и тотъ тогда не можетъ не прослезиться. Вѣдь, тогда всякій человѣкъ осуждаетъ себя, воспоминаетъ свои грѣхи и говоритъ самъ себѣ: „неужели изъ-за моихъ грѣховъ не сойдетъ святой свѣтъ!“ И такъ стоятъ всѣ вѣрующіе со слезами, сокрушаясь въ сердцахъ своемъ. И самъ князь Балдуинъ стоитъ со страхомъ и великимъ смиреніемъ; изъ его очей текутъ ручьями слезы. Такъ же и дружина его стоитъ около него прямо противъ Гроба, близъ великаго алтаря.

Когда наступилъ 1-й часъ пополудни субботы ¹⁾, князь Балдуинъ пошелъ изъ своего дома къ Гробу Господню съ своею дружиною: всѣ шли съ нимъ босые и пѣшіе. И послалъ князь въ монастырь св. Саввы, и пригласилъ игумена вмѣстѣ съ монахами, и пошелъ игумень съ братіею къ Гробу Господню, и я недостойный тутъ же пошелъ съ игуменомъ тѣмъ и съ бра-

¹⁾ Въ Палестинѣ часы считаются отъ восхода солнца, такъ что первый часъ дня есть, по нашему счету, седьмой часъ утра, а первый часъ ночи—седьмой часъ вечера.

тію. И пришли мы къ тому князю, и всѣ ему поклонились, и онъ тогда поклонился игумену монастыря святого Саввы. И велѣлъ князь игумену монастыря святого Саввы и мнѣ недостойному итти около себя, а другимъ велѣлъ итти передъ собою, а дружинѣ велѣлъ итти за собою. И пришли мы къ западнымъ дверямъ церкви Воскресенія Христова, и вотъ множество народа загородило двери церковныя, и мы не могли войти въ церковь. Тогда князь Балдуинъ велѣлъ своимъ воинамъ силою разогнать людей. И сдѣлали вродѣ улицы сквозь народъ вплоть до Гроба Господня, и такъ мы могли пройти. И пришли мы къ восточнымъ дверямъ Гроба Господня, а князь пришелъ за нами и всталъ на своемъ мѣстѣ, на правой сторонѣ, у перегородки великаго алтаря противъ восточной двери Гроба; тамъ сдѣлано возвышеніе для князя. И велѣлъ князь игумену монастыря св. Саввы стать надъ Гробомъ со всѣми монахами и съ правовѣрными священниками, мнѣ же недостойному велѣлъ встать высоко надъ самыми дверями Гроба противъ великаго алтаря, такъ что мнѣ было видно въ двери Гроба. Всѣ же три двери Гроба были заперты и запечатаны царскою печатью. Латинскіе же священники стояли въ великомъ алтарѣ. И было около двухъ часовъ дня, и начали правовѣрные священники наверху, надъ Гробомъ, пѣть вечерню, и все духовенство, и монахи и пустынники многіе пришли туда; латиняне же въ великомъ алтарѣ начали кричать по своему, и въ то время, какъ всѣ такимъ образомъ пѣли, я внимательно смотрѣлъ въ двери Гроба. И когда начали читать пареміи великой субботы, вышелъ епископъ съ дьякономъ своимъ изъ великаго алтаря и пришелъ къ дверямъ Гроба, и посмотрѣвъ внутрь Гроба Господня сквозь переплетъ тѣхъ дверей, и не видя свѣта въ Гробѣ, возвратился опять въ алтарь. Когда начали читать 6-ую паремію, тотъ же епископъ съ дьякономъ пришелъ опять къ дверямъ Гроба, и не увидалъ ничего въ Гробѣ Господа. И тогда весь народъ со слезами возопилъ: „Киръ елейсонъ“. И на исходѣ 3-го часа дня, когда начали пѣть переходную пѣснь: „Господи поемъ“..., тогда внезапно пришла съ востока небольшая туча и остановилась надъ непокрытымъ верхомъ той церкви, и оросила немного дождемъ святой Гробъ и сильно вымочила насъ, стоявшихъ надъ Гробомъ Господнимъ. И тогда внезапно заблесталъ свѣтъ святой въ Гробѣ Господ-

немъ, и вышло изъ Гроба Господня очень страшное и свѣтлое блистаніе этого свѣта. И пришелъ епископъ съ 4-мя дьяконами, открыли двери Гроба Господня, и взявши свѣчу у князя, епископъ вошелъ во Гробъ Господень и зажегъ первую эту княжескую свѣчу тѣмъ святымъ свѣтомъ, вынесъ ту свѣчу изъ Гроба и далъ ее самому князю въ руки. И князь стоялъ на своемъ мѣстѣ, держа ту свѣчу съ очень большою радостью; и отъ той свѣчи мы всѣ зажгли свои свѣчи, а отъ нашихъ свѣчей зажгли свои свѣчи и всѣ остальные. И святой свѣтъ не таковъ, какъ земной огонь, но онъ свѣтится иначе—чудно и прекрасно, пламя его красно, какъ киноваръ, и совершенно несказанно свѣтится. И такъ всѣ люди стоятъ съ горящими свѣчами и непрерывно вопіють съ очень большою радостью и веселіемъ оттого, что увидали святой Божій свѣтъ.

8. Поученіе Владиміра Мономаха.

Почуеніе Владиміра Мономаха вставлено въ Лаврентьевскій списокъ лѣтописи подъ 1096 годомъ, (хотя учеными признается, что оно составлено позднѣе: приглашеніе двоюродными братьями Мономаха къ походу на Ростиславичей, упомянутое имъ въ началѣ, было послѣ Витичевского сѣзда 1100 года). Мономахъ (1053 — 1125 г.), сынъ Всеволода Ярославича, княжившій въ Черниговѣ, а послѣдніе 12 лѣтъ жизни въ Кіевѣ, пользовался репутаціей храбраго, справедливаго и миролюбиваго князя; лѣтописи зовутъ его „добрымъ страдальцемъ за русскую землю“. Онъ постоянно заботился о мирѣ и справедливости между князьями, оберегалъ Русь отъ Половцевъ, которымъ нанесъ нѣсколько сильныхъ поражений. (См. объ этомъ выше, въ отрывкѣ Волынской Лѣтописи). Поученіе его ярко характеризуетъ и тогдашній княжескій бытъ, и воззрѣнія самого автора. Образцомъ при составленіи „Почуенія“ для Мономаха могли служить различныя подобнаго рода поученія, какихъ немало имѣлось въ древне русской письменности: уже въ Святославовомъ Сборникѣ 1076 г. есть поученія дѣтямъ Ксенофонта и Теодоры; затѣмъ отмѣчено учеными, что рассказъ Мономаха о своихъ походахъ и о борьбѣ съ дикими звѣрями на охотѣ сильно напоминаетъ изображеніе такихъ же подвиговъ патріарха Іуды въ древнемъ апокрифѣ „Завѣты 12-ти патріарховъ“. Для сравненія и для полноты характеристики Влад. Мономаха приводимъ по лѣтописи нѣсколько фактовъ изъ его жизни. Послѣ смерти отца своего, великаго князя, онъ имѣлъ всѣ основанія занять его мѣсто въ Кіевѣ, такъ какъ Кіевляне его знали и любили; — онъ

предпочель уступить престоль своему двоюродному брату Святополку, уважая его права старшинства. Послѣ ослѣпленія Василька Ростиславича Владиміръ пошелъ войною на вел. кн. Святополка чтобы наказать его за это, неслыханное на Руси, коварное злодѣйство. Онъ уже стоялъ подъ Кіевомъ, когда Святополкъ и Кіевляне выслали къ нему съ просьбой остановиться его мачиху, вдову Всеволода; Мономахъ сдался на просьбы не губить русской земли войнами, онъ заплакалъ и сказалъ: „По истинѣ отцы и дѣды наши соблюли землю русскую, а мы хотимъ погубить“. Когда вѣсть объ ослѣпленіи Василька дошла до него, онъ „ужасеся и восплакавъ рече: сего не бывало есть въ русьстѣй земли. И абіе посла къ Давыду и къ Ольгови, глаголя: Поправимъ сего зла, еже ся ствари въ русьстѣй земли и въ насъ въ братіи, да аще сего не правимъ, то больше зло встанетъ на насъ и начнетъ братъ брата закалати и погибнетъ земля русская и врази наши Половцы пришедше возьмутъ землю русскую“. — Есть впрочемъ факты, показывающіе и въ этомъ идеальномъ князѣ человѣка того времени. Въ 1095 году къ нему пришли два половецкихъ хана договариваться о мирѣ, одинъ (Итларь) вошелъ въ городъ, а другой съ отрядомъ остался внѣ, взявъ въ заложники сына Мономахова. Бояре стали уговаривать Владиміра убить Итларя; — онъ отвѣчалъ: „Какъ я могу это сдѣлать, давши имъ клятву?“ Тѣ сказали: „Князь, на тебѣ не будетъ грѣха; Половцы всегда даютъ тебѣ клятву, а все губятъ русскую землю, льютъ кровь христіанскую“. Мономахъ согласился, и ночью его сынъ-заложникъ былъ выкраденъ, отрядъ Половцевъ перебитъ, а на другой день Итларь обманомъ былъ запертъ въ избѣ и застрѣленъ изъ лука.

Вы, дѣти мои, или кто бы то ни было, кому придется слушать это писаніе мое, не смѣйтесь надъ нимъ; а кому изъ дѣтей моихъ придется оно по душѣ, пусть восприметъ его въ сердце свое и начнетъ вести нелѣбностную, дѣятельную жизнь, а больше всего, ради Бога и для души своей, имѣйте въ сердцѣ страхъ Божій и творите щедрую милостыню; это—начало всякаго добра. Если же кому не понравится мое писаніе, пусть не сердятся, а просто скажутъ: „вотъ ѣдучи въ дальній путь, наговорилъ пустяковъ“¹⁾.

Меня на Волгѣ встрѣтили послы отъ братьевъ съ такими словами: „присоединись къ намъ и пойдемъ на Ростиславичей, отнимемъ у нихъ владѣнія; если же не пойдешь съ нами, то у насъ съ тобой все будетъ врознь“. Я отвѣтилъ имъ: „Хотя вы и сердитесь, я не могу идти съ вами

¹⁾ Мономахъ ѣздилъ тогда въ Ростовскую землю; во время этого путешествія и встрѣтили его послы отъ братьевъ. Подъ „Волгой“, вѣроятно, разумѣется погостъ этого имени, стоявшій въ древности на мѣстѣ нынѣшняго Углича.

и нарушить крестное цѣлованіе“. Отпустивъ съ этимъ по-словъ, я въ печали взялъ Псалтирь, раскрылъ ее, и вотъ что мнѣ вынулось: „Зачѣмъ скорбишь ты, душа? зачѣмъ смущаешь меня?“ и т. д. Тогда я выбралъ изъ этихъ словъ тѣ, которыя припелись мнѣ по сердцу, соединилъ ихъ вмѣстѣ и написалъ: если вамъ не понравится то, что я послѣ прибавляю отъ себя, то вы принимайте то, что стоитъ вначалѣ... Въ самомъ дѣлѣ, дѣти мои, поимите, насколько милостивъ и многомилостивъ человѣколюбецъ Богъ: мы, люди—сами грѣшны и смертны, а если кто намъ сдѣлаетъ зло, то мы готовы его истребить и кровь его пролить; Господь же нашъ, Владыка жизни и смерти, терпитъ грѣхи наши, въ которыхъ мы погрязаемъ съ головой, и много разъ, въ теченіе всей жизни нашей, словно любящій отецъ дѣтей, то наказываетъ насъ, то снова привлекаетъ къ себѣ. И Господь намъ показатъ, какъ побѣдить врага нашего діавола; тремя добрыми дѣлами можно отъ него избавиться и одолѣть его: покаяніемъ, слезами и милостыней. Вѣдь не тяжела эта заповѣдь Божія, дѣти мои; этими тремя дѣлами можно избавиться отъ грѣховъ и не лишиться царства небснаго. И я умоляю васъ: ради Бога не лѣнитесь, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не тяжелы; это не отшельничество, не монашество, не строгое постничество, которыя несутъ нѣкоторые доблестные люди;—малымъ дѣломъ можно свискать милость у Бога.¹⁾

Что такое человѣкъ, какъ подумаешь объ немъ? Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои, и разумъ человѣчскій не въ силахъ изъяснить твоихъ чудесъ! И снова скажемъ: великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои, и благословенно и похвально имя Твое во вѣкъ по всей землѣ. И кто не восхвалить и не прославить силы Твоей и Твоихъ великихъ чудесъ и красоту, устроенныхъ на свѣтѣ! Какъ устроено небо, какъ солнце, и луна и звѣзды, и тьма и свѣтъ, какъ земля утверждена на водахъ Твоимъ промыслемъ, Господи! Звѣри различные, птицы и рыбы—всѣ украшены Твоимъ промыслемъ, Господи! И вотъ еще какому чуду удивляемся: какъ изъ земли создалъ Ты человѣка и далъ различные образы человѣческимъ лицамъ, такъ что если и со всего свѣта собрать людей, они не будутъ похожи другъ на

¹⁾ Эту мысль о необязательности монашескаго аскетизма предки наши могли вынести также изъ византійской литературы: см. первый отрывокъ изъ Святослава Изборника 1073 г.

друга, но у каждого будетъ свое лицо по мудрости Божіей¹⁾). И тому подивимся, какъ птицы прилетаютъ изъ теплыхъ странъ и при этомъ не остаются въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ, но и сильныя и слабыя разлетаются Божиимъ повелѣніемъ по всѣмъ землямъ, чтобы наполнить лѣса и поля; и все это Богъ даетъ на пользу людямъ—въ пищу или для утѣхи. Велика милость Твоя, Господи, къ намъ, что все это Ты сотворилъ на пользу грѣшнаго человѣка. И птицы эти небесныя тоже умудрены Тобою, Господи: поволѣ Твоей онѣ поютъ и увеселяютъ человѣка, не повелишь, умолкаютъ, хотя и имѣютъ голосъ²⁾). Благословенъ Ты, Господи, и премного хвалы достоинъ, сотворивъ и устроивъ всѣ эти чудеса и красоты! Кто же не восхваляетъ Тебя, Господи, и не вѣруетъ всѣмъ сердцемъ и всею душою во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ³⁾).

Дѣти мои, прочитавъ эти божественныя слова, восхвалите Бога, оказавшаго намъ милость Свою.

А вотъ вамъ наставленіе отъ моего худаго разума: послушайте меня и примите, если не все, то хоть половину. Когда Господь смягчитъ ваше сердце, плачьте о грѣхахъ своихъ, говоря: „какъ блудницу, и разбойника, и мытаря помиловалъ Ты, Господи, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй“. Дѣлайте такъ и въ церкви, и дома, ложась спать. Не пропусайте безъ того ни одной ночи и по возможности кладите земные поклоны: если уже разнеможетесь, то хотя три раза поклонитесь, но не забывайте этого и не лѣнитесь дѣлать. Такими ночными поклонами и пѣніемъ молитвъ человѣкъ побѣждаетъ діавола и избавляется отъ грѣховъ, которые сдѣлалъ днемъ.⁴⁾ Даже и сидя на конѣ, когда не будете ничѣмъ заняты, то, коли другихъ молитвъ не знаете, повторяйте постоянно про себя: „Господи помилуй“, вмѣсто того, чтобы думать о пустякахъ; это очень хорошая молитва.

¹⁾ Эти мысли могли быть заимствованы авторомъ изъ „Бесѣдъ на Шестодневъ“ Василія Великаго.

²⁾ Очевидно, имѣется въ виду фактъ, что пѣвчія птицы перестаютъ пѣть во время вывода птенцовъ.

³⁾ Все это мѣсто, начиная отъ словъ: „Великъ Ты, Господи“ представляетъ рядъ выписокъ изъ Псалтири, свободно истолкованныхъ и развитыхъ Мономахомъ. Имѣя въ виду псалтирную основу этой части, онъ и называетъ ее далѣе „божественными словами“.

⁴⁾ Почти тѣми же словами говорятъ о ночной молитвѣ старыя наша Прологи.

Въ особенности же не забывайте бѣдныхъ, но на сколько можете, питайте ихъ; и о сиротѣ заботьтесь, и вдовѣ окажите справедливость сами, не давайте сильнымъ погубить человѣка. Никого, даже виноватаго, не убивайте и не приказывайте убивать, хотя бы и былъ достоинъ смерти: не губите никакой христіанской души. Когда говорите, хорошее или дурное, не клянитесь Богомъ и не креститесь, въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Если же вамъ надобно будетъ присягать на крестѣ роднѣ, или кому другому, подумайте въ сердцѣ своемъ и въ томъ цѣлуйте крестъ, на чемъ можете устоять, а присягнувъ, соблюдайте клятву, чтобы клятвопреступленіемъ не погубить своей души. Съ любовью принимайте благословеніе отъ епископовъ, священниковъ и игумновъ и не сторонитесь отъ нихъ, а по возможности любите ихъ и снабжайте всѣмъ, чтобы получить ихъ молитву за васъ передъ Богомъ. Главное дѣло, не имѣйте гордости въ душѣ; мы должны говорить такъ: „мы смертны, нынче живы, а завтра въ гробу, и все, что Ты намъ далъ, Господи, не наше, а Твое, и Ты лишь поручилъ намъ это на короткое время“. Не прячьте имущества въ землю—это большой грѣхъ. Старыхъ почитай, какъ отца, а молодыхъ, какъ братьевъ.

Въ домѣ своемъ будьте дѣятельны и сами смотрите за всѣмъ; не надѣйтесь ни на тиуна, ни на слугу, чтобы не посмѣялись приходящіе къ вамъ ни надъ домомъ вашимъ, ни надъ обѣдомъ вашимъ. Вышедши на войну, не предавайтесь лѣни; не надѣйтесь на воеводу, не потворствуйте себѣ ни въ напиткахъ, ни въ ѣдѣ, ни въ снѣ; стражу разставляйте сами и ночью, вездѣ поставивъ караулъ, сами ложитесь вмѣстѣ съ воинами, а вставайте рано; да не снимайте съ себя оружія второпяхъ, не подумавши; отъ такой небрежности человѣкъ можетъ внезапно погибнуть. Берегитесь лжи и пьянства—это губить и тѣло, и душу. Когда пойдете куда по своей землѣ, не позволяйте ни своимъ, ни чужимъ отрокамъ обижать жителей ни въ селеніяхъ, ни въ поляхъ, чтобы васъ не стали проклинять. А куда пойдете или гдѣ остановитесь въ пути, вездѣ напойте и накормите всякаго просящаго; особенно чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ, — простой ли человѣкъ, или именитый, или посоль;—если не можете подарить чѣмъ либо, то угостите пищей или питьемъ: эти люди, ходя по разнымъ землямъ, разславятъ человѣка, какъ хорошаго или

какъ дурнаго. Больныхъ навѣщайте, мертваго пойдите проводить: вѣдь всѣ мы смертны;—не пройдите мимо человѣка, не привѣтствуя его, а скажите всякому при встрѣчѣ доброе слово. Жѣну свою любите, но не дайте ей надъ собою власти. А самое главное—выше всего ставьте страхъ Божій. Если что забудете изъ моихъ словъ, то перечитывайте ихъ почаще: и мнѣ не будетъ за васъ стыдно, и вамъ будетъ хорошо. Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; вотъ, на примѣръ, мой отецъ: онъ, пе выѣзжая изъ своей земли, изучилъ пять языковъ; за это въ чужихъ земляхъ уважаютъ¹⁾). А лѣнность—мать пороковъ: лѣнливый, что умѣетъ, забываетъ, а чего не умѣетъ, тому не учится; вы же, если хотите поступать хорошо, отнюдь не лѣнитесь на все доброе. Первое дѣло—ходить въ церковь; пусть не застаётъ васъ солнце въ постели—такъ поступалъ мой блаженный отецъ и всѣ доблестные мужи; воздавъ же хвалу Богу въ заутреню и потомъ увидавъ восходящее солнце, съ радостью прославьте Бога и скажите: „Ты просвѣтилъ очи мои, Христе Боже, и даровалъ мнѣ свѣтъ Твой прекрасный“! И потомъ: „Господи, продли мнѣ вѣку, чтобы я, покаившись въ остальныхъ грѣхахъ своихъ и очистивъ жизнь свою, восхвалилъ Бога“. Послѣ этого садитесь держать совѣтъ съ дружиной или чинить судъ и расправу, или поѣзжайте на охоту, на проѣздку или ложитесь спать: спать въ полдень опредѣлено Богомъ; въ эту пору отдыхаютъ и птицы, и звѣри, и человѣкъ.

А вотъ я расскажу вамъ, дѣти мои, какъ я трудился въ походахъ и на охотѣ въ теченіе 13 лѣтъ. Въ первый разъ я пошелъ къ Ростову, черезъ землю Вятичей; меня туда послалъ отецъ, когда самъ пошелъ подъ Курскъ. Второй разъ—къ Смоленску со Ставкомъ Скордятичемъ: онъ то пошелъ дальше съ Изяславомъ къ Бресту, а меня послалъ въ Смоленскъ; изъ Смоленска я пошелъ во Владиміръ. Въ ту же зиму братья послали меня на пожарище въ Брестъ, который они сожгли; тутъ я смотрѣлъ, чтобы въ городѣ было тихо.

¹⁾ Карамзинъ предполагаетъ, что Всеволодъ могъ знать, кромѣ русскаго, языки: греческій, скандинавскій, половецкій и венгерскій. Легко понять, почему Мономахъ цѣнилъ знаніе языковъ и уважалъ иностранцевъ: вспомните, что онъ былъ сынъ греческой царевны, дочери Византійскаго императора Константина Мономаха; есть извѣстіе, что самъ Влад. Мономахъ былъ женатъ на дочери короля Гарольда, погибшаго въ Гастингской битвѣ; его дочь Марія была выдана за греческаго царевича Леона Диогена; наконецъ не задолго до смерти онъ видѣлъ свою внучку женой одного изъ Комненовъ.

Потомъ пошелъ я къ отцу въ Переяславль, а послѣ Пасхи изъ Переяславля во Владиміръ, на Сутейску для заключенія мира съ Ляхами; оттуда на лѣто опять во Владиміръ. Потомъ Святославъ послалъ меня къ Ляхамъ, и я былъ въ ихъ землѣ четыре мѣсяца, ходилъ за Глоговы до Чешскихъ горъ¹⁾..... Олегъ²⁾ съ Половцами пришелъ воевать со мной къ Чернигову, и моя дружина билась съ нимъ восемь дней изъ-за небольшого вала, не впуская ихъ въ городъ. И жаль мнѣ стало душъ христіанскихъ и горящихъ селъ и монастырей; я сказалъ: „Пусть не радуются поганые!“—и рѣшилъ отдать брату отцовскій удѣлъ, а самъ пошелъ на отцовское мѣсто въ Переяславль. На день святаго Бориса насъ человекъ около сотни дружины съ женщинами и дѣтьми вышло изъ Чернигова; мы ѣхали сквозь Половецкія полчища, а они, какъ волки, облизывались на насъ, стоя кругомъ, и отъ перевоза, и съ горъ. Но Богъ и св. Борисъ не допустили ихъ поживиться отъ насъ, и мы невредимы дошли до Переяславля. Я прожилъ тутъ три лѣта и три зимы, и много бѣды приняли мы съ дружиной и отъ войны и отъ голода.... Когда я ѣхалъ изъ Чернигова въ Кіевъ къ отцу, то проѣжалъ это разстояніе въ одинъ день до вечеренъ. Всѣхъ моихъ большихъ походовъ было 83, а прочихъ, малыхъ и не упомню. Я 19 разъ заключалъ миръ съ половецкими князьями при отцѣ и послѣ него, давая при этомъ много имущества и одежды. На волю изъ плѣна выпустилъ я лучшихъ половецкихъ князей вотъ сколько: двухъ братьевъ Шарукановыхъ, трехъ Багубарсовыхъ и четверыхъ Овчинъ, всѣхъ же прочихъ лучшихъ князей до 100. А мнѣ живьемъ Богъ въ руки далъ князей — Коксуся съ сыномъ, Аклана Бурчевича, Таревскаго князя Азгулуя и другихъ молодыхъ витязей 15 человекъ; всѣхъ ихъ я привелъ живыми, порубилъ и побросалъ въ рѣку Сальну; всего въ разное время перебито было лучшихъ вождей около 200.

А вотъ какъ я трудился на охотѣ.... Въ Черниговѣ я вотъ что дѣлалъ: дикихъ коней въ пущахъ живьемъ своими руками ловилъ, вязалъ по 10 и по 20, а, кромѣ того, ѣздя по Роси, тоже ловилъ своими руками дикихъ коней. Два тура метали меня на рогахъ и съ конемъ, олень меня

¹⁾ Въ подлинникѣ: „до Чешскаго лѣса“; это—Böhmerwald, Богемскія горы.

²⁾ Это — Олегъ Святославовичъ, извѣстный своими постоянными ссорами, набѣгами и захватами; Слово о полку Игоревѣ выразительно зоветъ его „Гореславичемъ“.

бодаль, а лоси—одинъ ногами топталъ, а другой рогами бодаль; кабанъ оторвалъ мечъ у меня съ бедра, медвѣдь укусилъ мнѣ чепракъ около колѣна, волкъ вскочилъ ко мнѣ на бедра и повалилъ меня вмѣстѣ съ конемъ; — и Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Съ коня я часто падалъ, два раза разбивалъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги,—съ юныхъ лѣтъ не щадилъ я жизни и не берегъ своей головы. То, что надо бы дѣлать слугѣ, я дѣлалъ самъ, на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и въ зимнюю стужу, не заботясь о своемъ покоѣ. Я не надѣялся ни на посадниковъ, ни на биричей, а дѣлалъ самъ все, что нужно было: самъ смотрѣлъ за всѣми домашними дѣлами, самъ держалъ въ порядкѣ охоту, коней, соколовъ и ястребовъ. Послѣдняго убогаго смерда и бѣдной вдовы не позволялъ сильнымъ обижать; самъ заботился о церковныхъ нуждахъ и о службахъ.

Вы, дѣти мои, и всѣ, кто будетъ читать это, не осуждайте меня: я вѣдь не смѣлостью своей хвалюсь, но хочу прославить Бога и Его милость ко мнѣ, за то, что онъ меня, грѣшнаго и дурнаго человѣка, столько лѣтъ хранилъ отъ такихъ смертельныхъ опасностей и сотворилъ меня грѣшнаго не лѣнивымъ на всѣ нужныя для человѣка дѣла.

Вы, прочитавъ это писаніе, устремитесь на все хорошее, восхваляя Бога со святыми Его. Смерти же, дѣти, не бойтесь ни на войнѣ, ни отъ звѣря, но, какъ вамъ Богъ дастъ, совершайте, что подобаетъ мужу, какъ и я, подвергаясь опасности и на войнѣ, и отъ звѣря, и отъ воды, и падая съ коня. Никто изъ васъ не можетъ ни быть убитъ, ни получить какой-либо вредъ, если не будетъ на то воли Божіей, а если смерть отъ Бога будетъ назначена, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ защитить; если и хорошо—беречься, все же Божіе попеченіе лучше человѣческаго.

9. Слово о полку Игоревѣ.

Этотъ замѣчательный памятникъ древне-русской поэзіи былъ найденъ въ рукописномъ сборникѣ, случайно купленномъ въ концѣ XVIII в. для любителя старины графа А. И. Мусина-Пушкина въ числѣ другихъ книгъ, принадлежавшихъ Ярославскому архимандриту Іоилію. Сборникъ былъ рѣдокъ по своему составу: въ немъ

Было восемь произведений древней свѣтской литературы. Первое извѣстіе о „Словѣ“ появилось въ 1797 г. за границей на страницахъ Гамбургскаго журнала *Spectateur du Nord* (октябрь). Присланная изъ Россіи замѣтка сообщала: „Два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы, называющейся „Пѣснь Игоревыхъ воиновъ“, которую можно сравнить съ лучшими пѣснями Оссіана“. Въ 1812 году во время нашествія французовъ Сборникъ сгорѣлъ и до сихъ поръ не удалось найти другого списка Слова о Полку Игоревѣ. Это тѣмъ болѣе огорчительно, что печатное изданіе, которое Мусиянъ-Пушкинъ успѣлъ сдѣлать съ своей рукописи въ 1800 году, очень неисправно; рукопись была довольно поздняя (XVI вѣка), съ трудомъ поддавалась чтенію, самый слогъ и языкъ „Слова“ были очень своеобразны; поэтому издатель и тѣ, кто ему помогали, дурно справились въ своей задаче. Въ результатѣ мы имѣемъ въ „Словѣ“ рядъ малопонятныхъ мѣстъ (многія изъ нихъ здѣсь пропущены), въ объясненіи которыхъ ученые часто не сходятся.

Неизвѣстный авторъ „Слова“ изобразилъ въ немъ несчастный походъ противъ Половцевъ четырехъ мелкихъ князей изъ Сѣверской области (около Чернигова). Это были: Игорь Новгородъ - Сѣверскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, сынъ Игоря Владиміръ Путивальскій и племянникъ Святославъ Рылскій. Походъ ихъ (1185 г.) описанъ и въ лѣтописи: оттуда видно, что за годъ до того вел. кн. кievскій Святославъ собралъ большое войско и нанесъ сильное пораженіе Половцамъ, привезя въ числѣ плѣнныхъ хана Кобяка. Сѣверскіе князья тогда отказались участвовать въ большомъ походѣ, а на будущій годъ задумали воевать отдѣльно. Послѣ первой удачной битвы они были разбиты, и Игорь съ сыномъ попали въ плѣнъ, откуда Игорь удачно бѣжалъ, а Владиміръ вернулся позднѣе, женатый на дочери половецкаго хана Кончака.

Авторъ „Слова“ несомнѣнно былъ выдающимся поэтомъ - художникомъ. Онъ далъ рядъ яркихъ картинъ похода, сраженія, степной природы, написанныхъ сжатомъ, поэтическимъ языкомъ, полнымъ образовъ и сравненій, обыкновенно взятыхъ изъ народной поэзіи. Кромѣ того авторъ съ большой силой передаетъ чувства и настроенія дѣйствующихъ лицъ, какъ и свои собственныя. Его личный лиризмъ проникаетъ собою все произведеніе; источникъ этого лиризма—горячая любовь къ родинѣ и сильно развитое общественное сознаніе. Манера изложенія въ „Словѣ“ кажется отрывистой при полной внутренней связности; авторъ вмѣсто спокойнаго и непрерывнаго разсказа даетъ какъ бы рядъ отдѣльныхъ моментовъ и картинъ. По своимъ поэтическимъ достоинствамъ, по сжатой силѣ и выразительности рѣчи „Слово“ стоитъ почти совершенно особнякомъ въ нашей древней литературѣ; къ нему приближаются развѣ только отдѣльныя мѣста въ южныхъ лѣтописяхъ (напр. въ Волынской). Тѣмъ не менѣе авторъ связанъ и въ художественномъ отношеніи въ своимъ временемъ; объ этомъ говорить не только его близость къ народному творчеству, но и его частыя упоминанія о знаменитомъ его предшественникѣ, пѣвцѣ

Боянѣ, который служить ему образцомъ, несмотря на заявленное нами авторомъ въ началѣ желаніе писать не такъ, какъ пѣлъ Боянъ. Существуетъ довольно вѣроятное предположеніе, что авторъ „Слова“ самъ былъ воиномъ: его восхищеніе звономъ славы въ Киевѣ, удалю побѣды, живая передача звуковъ битвы, его „веселіе“ отъ соколиной охоты—это все чувства и впечатлѣнія, родныя для война и чуждыя благочестивому писателю древней Руси. („А мы уже, дружина, жадни веселія“).

Не начать ли намъ, братія, на старинный ладъ разсказъ о бѣдственномъ походѣ Игоря Святославича? Но пусть наша пѣснь начнется по былямъ нашего времени, а не такъ, какъ пѣлъ Боянъ. Вѣдь когда вѣщій Боянъ хотѣлъ кого нибудь воспѣть, его мысль носилась словно сѣрый волкъ по землѣ или сизый орелъ подъ облаками ¹⁾. Онъ, говорятъ, помнилъ битвы давнишнихъ временъ и выпускалъ своихъ десять соколовъ на стадо лебедей; на какую лебедь налеталъ соколъ, та первая запѣвала пѣснь въ честь стараго Ярослава или храбраго Мстислава, что зарѣзалъ Редедю передъ полчищами Касоговъ, или прекраснаго Романа Святославича. Но не десять соколовъ, братіе, пускалъ Боянъ на стадо лебедей; это онъ свои вѣщіе персты возлагалъ на живыя струны, а онѣ и рокотали славу князьямъ.

Начнемъ же, братіе, нашу повѣсть отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, который укрѣпился мыслью, сердце закалилъ въ храбрости и, полный воинственной отваги, повелъ свои храбрые полки на землю Половецкую за землю русскую.

Взглянулъ Игорь на солнце и увидаль, что отъ него идетъ тьма и покрываетъ его войско ²⁾. И сказалъ онъ дружинѣ своей: „Братья и дружина! А все же лучше быть убитыми, чѣмъ взятыми въ плѣнъ. Сядемъ, братья на своихъ борзыхъ коней и поѣдемъ посмотрѣть на синій

¹⁾ Характеристика „замышлений“ Бояна показываетъ, что въ творествѣ Бояна нашего автора особенно поражалъ свободный полетъ воображенія. Однимъ изъ приемовъ Бояна повидимому была, какъ говорится въ „Словѣ“, привычка пользоваться прошлымъ при изображеніи настоящаго („свивать оба полы сего времени“). Нашъ авторъ не прочь подражать въ этомъ Бояну: въ повѣсть свою онъ хочетъ захватить эпоху „отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря“; и далѣе онъ вѣрзаетъ упоминаетъ о прошломъ.

²⁾ Рѣчь идетъ о солнечномъ затменіи, которое предвѣщало бѣду. Это затменіе описано и въ Лѣтописи. Слово очень образно и вѣрно передаетъ впечатлѣніе отъ затменія солнца: во время солнечнаго затменія весь небосклонъ остается свѣтелъ, какъ днемъ; одно солнце, среди этого дневнаго неба, виситъ темнымъ пятномъ и кажется источникомъ злобѣщей тьмы, покрывающей землю.

Донъ“. „Хочу, говорилъ онъ, „поломать копій на дальней крайнѣ степей половецкихъ; пусть я сложу съ вами, русскіе, свою голову, а хочется мнѣ напитаться шлемомъ изъ Дона“¹⁾.

О Боянъ, соловей стараго времени! Вотъ тебѣ бы воспѣть это войско, носясь мѣслями, какъ соловей по дереву, летая умомъ подъ облаками, соединяя, о соловей, въ своихъ пѣсняхъ обѣ половины времени—прошлое съ настоящимъ. Слѣдуя по тропѣ Бояновой, черезъ поля на горы, вотъ какъ надобно было бы воспѣвать Игоря:

„Не буря занесла соколовъ въ широкія степи; галки стаями бѣгутъ къ великому Дону“.

Или вотъ какъ надо бы запѣть, о вѣщій Боянъ, внукъ Велеса:

„Кони ржутъ за Сулой, звенить слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новгородѣ“²⁾.

Стоять знамена въ Путивлѣ, Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ ему буй-туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорь, оба мы съ тобой Святославичи! Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, осѣдланы, впереди у Курска. А Куряне мои—умѣлые воины: подъ звуки трубъ спеленуты, подъ шлемами взлелѣяны, съ конца копья вскормлены; дороги имъ извѣстны, овраги знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли наточены, сами они скачутъ, словно сѣрые волки въ степи, ища себѣ чести, а князю славы“.

Вотъ князь Игорь вступилъ въ золотое стремя и поѣхалъ въ степь. Солнце затменіемъ заграждало ему путь; ночь стонала грозю и перебудила птицъ, звѣри кричали... Съ вершины дерева кричить дивъ, и крикъ его разносится по всей чужой землѣ, по Волгѣ и Поморію и по Сулѣ, до Сурожа, Корсуня и Тмуторокани. А половцы цѣликомъ по степи бѣгутъ къ великому Дону: скрипятъ ночью ихъ телѣги, словно вспугнутые лебеди. Игорь ведетъ войско къ Дону.... волки грозно воютъ по оврагамъ, орлы клекчутъ,

¹⁾ Значить—воевать на Дону. Подобныя обозначенія нерѣдки; ср. выше Волыск. Лѣтопись.

²⁾ Авторъ, вспомнивъ про Бояна, пробуетъ начать въ его стилѣ двумя Бояновскими размѣрами: первая проба—длинными стихами, вторая—болѣе живымъ, короткимъ складомъ, причемъ вторая проба незамѣтно переходитъ у него въ продолженіе его разсказа (рѣчь Всеволода). Все описаніе Курской дружины выдержано во второмъ Бояновскомъ размѣрѣ съ дактилическими окончаніями каждаго стиха.

созывая звѣрей на кости, лисицы лають на красные щиты русскихъ. О русская земля! ты уже за холмомъ! ¹⁾

Долго длится мракъ ночной... Но вотъ палъ на небо свѣтъ зари, степь покрылась туманомъ, прекратилось соловьиное пѣніе, проснулись и заговорили галки. Русскіе широко выстроились въ степи съ своими красными щитами, ища себѣ чести, а князю славы.

Въ пятницу на разсвѣтъ они смяли полчища поганыхъ Половцевъ и разсыпавшись, какъ стрѣлы, по степи, мчались, забирая красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото, парчи и бархатъ; епанчами, тулупами и всякими половецкими узорными тканями устилали болота и грязныя мѣста. Красное знамя и бѣлая хоругвь, красный султанъ и серебряное копье достались храброму Святославичу. И вотъ уснуло въ степи храброе гнѣздо Олегово, далеко залетѣвшее ²⁾. Не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый Половчинъ! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ къ Дону, а Кончакъ слѣдомъ за нимъ.

На другой день утромъ кровавая заря возвѣщаетъ разсвѣтъ; съ моря надвигаются черныя тучи, чтобы закрыть четыре солнца; въ нихъ трепещутъ синія молніи: быть великой грозѣ, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго; тутъ копья будутъ ломаться, тутъ сабли притупятся о шлемы половецкіе на рѣкѣ Каялѣ у Дона великаго. О русская земля! ты уже за холмомъ ³⁾.

¹⁾ *Сурожъ*—Азовское море. Тмурораканъ (около нынѣшней Керчи) была занята въ то время Половцами. *Дивъ*, который кричитъ съ дерева, можетъ быть, стоитъ въ связи съ птицами, которыхъ встревожила гроза, и означаетъ зловѣщую ночную птицу.—Заключительное восклицаніе о русской землѣ очень хорошо передаетъ настроеніе Игорева войска, которое, зайдя далеко въ степь, смущенное затменіемъ и грозой, ночью прислушивается къ звукамъ степи; каждый воинъ по опыту знаетъ, что недаромъ бродятъ и кричатъ около отряда волки, лисицы, орлы; всѣ они зовутъ другъ друга на близкій пиръ. Въ такомъ настроеніи мысль невольно обращалась къ оставленной назади родной землѣ.

²⁾ Игорь и Всеволодъ были внуки Олега „Гориславича“, значить, принадлежали къ его роду—„гнѣзду“.

³⁾ Наступающее войско представляется въ видѣ грозной тучи и въ малорусскихъ пѣсняхъ, напр.

„Изъ за горы хмара (туча) выступаете, выхожае,
До Чигрина громомъ выгремае,
На Украинску землю блискавкою блискае“.

Тоже и въ великорусскихъ пѣсняхъ:

„Что не облаки подымалися,
Не грозны тучи соходилися,
Собиралися тмы невѣрныхъ врагъ“.

Далѣе картина наступленія Половцевъ все время рисуется красками бури и грозы: гулъ идетъ по землѣ, рѣки помутились, поднялась пыль, бьются и хлопаютъ отъ вѣтра знамена.

Вотъ и вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; земля гудить, рѣки помутились; пыль несется по степи, знамена хлопаютъ. Половцы идутъ отъ Дона, отъ моря, и со всѣхъ сторонъ окружили русскіе полки. Съ крикомъ наступаютъ бѣсовы дѣти; храбрые русскіе стоятъ на степи съ своими красными щитами. Ярнй туръ Всеволодъ! Ты стоишь въ битвѣ, осыпаешь враговъ стрѣлами, гремишь о шлемы булатными мечами: куда ты, туръ, поскачешь, сверкая своимъ золотымъ племомъ, тамъ лежатъ головы поганыхъ Половцевъ; разбиваешь ты шлемы аварскіе калеными саблями, ярнй туръ Всеволодъ!

Были Бояновы вѣка, прошли времена Ярославовы, были походы Олеговы, Олега Святославича. Этотъ Олегъ мечемъ ковалъ смуту и сѣялъ по землѣ стрѣлы. Онъ (готовясь къ походу) садился на коня въ Тмуторокани, а звонъ его золотого стремени слышалъ великій Всеволодъ, сынъ Ярослава; Владиміръ же въ Черниговѣ зажималъ уши, не желая слышать этого звона. А храбраго и молодаго князя Бориса Вячеславича желаніе вступить за Олега и получить славу привело къ смертному суду ¹⁾.

Въ тѣ времена, при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и вырастали междоусобицы, погибала жизнь княжеская и отъ княжескихъ раздоровъ вѣкъ людской сокращался. Тогда въ русской землѣ рѣдко слышался голосъ пахаря, но часто раздавалось карканье вороновъ, дѣлящихъ себѣ трупы, и галки перекликались между собой, собираясь легѣть кормиться.

Вотъ что было въ тѣ походы и въ тѣ войны. А такой битвы, какъ теперь, еще не бывало. Съ утра до вечера и съ вечера до разсвѣта летятъ каленныя стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ булатныя копыя въ чужой степи среди половецкой земли. Земля, взрытая конскими копытами, была засѣяна костями и полита кровью; — печалью взошелъ этотъ посѣвъ по русской землѣ ²⁾.

¹⁾ Битва съ Половцами напомнила автору „Слова“ „первыхъ временъ усобицы“, которая воспѣвалъ Боянъ, и онъ говоритъ о междоусобицѣхъ 1077 года, когда Олегъ вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ привели изъ Тмуторокани Половцевъ и, разбивъ Всеволода, отца Владиміра Мономаха, заняли Черниговъ, но скоро снова потеряли его: противъ нихъ выступили Изяславъ Кіевскій и Всеволодъ съ сыномъ и нанесли имъ сильное пораженіе близъ Чернигова на Нѣжатинѣ нивѣ; въ этой битвѣ и былъ убитъ Борисъ (слава привела его на судъ, т. е. къ смерти).

²⁾ Сравненіе битвы съ земледѣльческими работами нерѣдко въ народной поэзіи; напр. въ одной пѣснѣ читаемъ: „За славной за рѣченькой Ут-

Что такое на ранней зорѣ шумить и звенить вдалькѣ? Игорь заворачиваетъ свое войско: ему жаль милаго брата Всеволода. Они бились день, бились другой, на третій день къ полудню пали знамена Игоревы. Тутъ разстались два брата на берегу быстрой Каялы; тутъ не хватило кроваваго вина, и храбрые русскіе окончили пиръ, напоили сватовъ, и полегли сами за землю русскую¹⁾. Никнетъ трава отъ жалости и дерево печально наклонилось къ землѣ. Невеселое время настало, братія, степь погубила силу русскую. Поднялась бѣда на Руси, встала въ образѣ дѣвы на землю Троянову и заплескала лебедиными крыльями на синемъ морѣ у Дона; прошли счастливыя времена. У князей усобицы: братъ сталъ говорить брату: „это—мое и то—мое!“ И начали князья изъ малаго дѣлать большое и сами создавали усобицы, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили на русскую землю и побѣждали. Далеко залетѣлъ соколъ, избивая птицъ—къ самому морю! а уже не воскресить храбраго войска Игорева.—Жены русскія плакали, приговаривая: „Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни въ мысляхъ не вздумать, ни воочію не видать, а золота и серебра и подавно не носить“.

И застоналъ, братія, Кіевъ отъ печали и Черниговъ отъ напасти; горе охватило русскую землю, сильная тоска разлилась по землѣ русской. А князья сами создавали усобицы, поганые же дѣлали набѣги на русскую землю и брали дань по бѣлкѣ со двора.

Грозный Святославъ кіевскій вступилъ на землю половецкую, потопталъ холмы и овраги, помутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота, и словно вихремъ вырвалъ поганаго Кобяка изъ лукоморья отъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ; и очутился Кобякъ въ Кіевѣ, въ гридницѣ у Святослава²⁾. Тутъ Нѣмцы и Венеціанцы, Греки и Моравы

вою.. распахана была пашенька яровая, не плугомъ была пашня пахана, не сохою, а острыми Мурзаецкими копыями; не бороною была пашенька изборонована, а коневыми рѣзвыми ногами; не рожью посѣяна была пашенька, не пшеницей, а посѣяна была пашенька казачьими буйными говнами“...

¹⁾ Также обычно въ народной поэзіи сравненіе битвы съ пиромъ или свадьбой. Ср. напр. извѣстную пѣсню „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“, гдѣ умирающій воинъ говорить, что онъ женился на другой женѣ, его сосватала сабля острая. Въ другой пѣснѣ умирающій добрый молодецъ говорить матери: „Напоилъ меня турецкій царь тремя пойлами... какъ первое-то пойло—сабля острая, а другое его пойло—копые мѣткое, его третье-то пойло—пуля свинчатая“.

²⁾ Пораженіе Игоря заставило автора вспомнить объ удачномъ походѣ на Половцевъ за годъ до того (въ 1184 г.) подъ предводительствомъ вел.

воспѣвають Святослава и порицають Игоря, который погубилъ счастье на днѣ половецкой рѣки Каялы; тутъ насыпали русскаго золота. А князь Игорь съ золотого сѣдла пересѣлъ въ сѣдло раба; въ городахъ стѣны поникли и веселье исчезло.

А Святославъ на Киевскихъ высотахъ видѣлъ смутный сонъ. „Нынче ночью съ самаго вечера—разсказывалъ онъ—одѣвали меня чернымъ покрываломъ на тисовой кровати; черпали мнѣ синее вино, смѣшанное съ отравой, сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ изъ пустыхъ колчановъ... и нѣжили меня. А доски на крышѣ моего златоверхаго терема безъ князька... Всю ночь каркали вороны“...

И сказали бояре князю: У тебя, князь, печаль заполонила умъ: вѣдь два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого престола, чтобы добыть градъ Тмутороканъ или напиться шлемомъ воды изъ Дона, а этимъ соколамъ крылья подрѣзали саблями поганыхъ, а самихъ ихъ опутали желѣзными путами. Тьма наступила на третій день: два солнца померкли, оба огненные столпа погасли, а съ ними два молодыхъ мѣсяца;—Олеги и Святославъ—затуманились. Нарѣкъ Каялѣ тьма закрыла свѣтъ; по русской землѣ разсѣялись Половцы, словно выводокъ барсовъ... Готскія красавицы поютъ на берегу синяго моря, позванивая русскимъ золотомъ; они воспѣвають время Буса и мести Шарокана. А мы, дружина, ждемъ-не дождемся радостныхъ дней¹⁾.

Тогда великій Святославъ проронилъ золотое слово сквозь слезы, говоря: „О мои племянники, Игорь и Всеволодъ! Рано начали вы грозить половцамъ своими мечами и искать себѣ славы; не пришлось вамъ побѣдить съ честью и пролить кровь поганыхъ. Ваши храбрыя сердца скованы изъ твердаго булата и закалены въ мужествѣ. Что вы сдѣлали съ моей серебряной сѣдиной!“...

князя Святослава Всеволодовича; тогда было взято много плѣнныхъ, въ томъ числѣ ханъ Кобякъ. (*Лукой моря* или Лукоморьемъ здѣсь названъ берегъ Азовскаго моря, занятый Половцами). Слава этого похода, говорить авторъ далѣе, дошла даже до другихъ народовъ, которые „поютъ славу Святославу“, также и несчастье Игоря стало извѣстно повсюду и вездѣ его укоряютъ („каютъ“) за то, что онъ погубилъ у рѣки Каялы русскую силу и самъ попалъ въ плѣнъ (пересѣлъ въ сѣдло раба— „кощя“).

¹⁾ *Готскія красавицы*—Половецкія. Онѣ воспѣвають удачные набѣги своихъ хановъ на Русь. Шаруканъ въ началѣ XII в. былъ прогнанъ русскими, но черезъ нѣсколько лѣтъ Половцы сдѣлали большой набѣгъ, чтобы отмстить за Шарукана.

А развѣ диво, братія, и старому помолодѣть? Когда соколъ линяетъ, онъ высоко взбиваетъ птицъ, не давая своего гнѣзда въ обиду...

Великій князь Всеволодъ! Развѣ нѣтъ у тебя и въ мысляхъ- прилетѣть издалека и постеречь отцовскій золотой престолъ: ты вѣдь можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ вычерпать шлемами; если бы ты былъ здѣсь, то плѣнница стояла бы только ногату, а плѣнникъ—одну рѣзану...¹⁾. Вы, ярые Рюрикъ и Давидъ! Не плавали ли ваши золоченые шлемы въ крови? Не вапа ли храбрая дружина кричить, какъ туры, раненая калеными саблями въ безвѣстной степи? Вступите въ золотыя стремена за теперешнюю обиду, за землю русскую, за раны храбраго Игоря Святославича²⁾!

Галицкій Ярославъ Осьмомысль! Ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ, своими желѣзными полками упираешься въ Венгерскія горы, заступая путь королю, преграждая дорогу по Дунаю, творя судъ и расправу до Дуная. Страхъ передъ тобой распространяется кругомъ; ты пропускаешь къ Кіеву, кого захочешь, ты пускаешь стрѣлы съ отцовскаго золотого престола черезъ земли султановъ. Стрѣлай же, о господинъ, поганаго раба Кончака за землю русскую, за раны храбраго Игоря Святославича³⁾!

А вы, храбрые Романъ⁴⁾ и Мстиславъ! отважная мысль влечетъ васъ на подвиги: вы высоко парите на крыльяхъ мужества, какъ соколъ ширяетъ въ воздухѣ, собираясь ударить птицу. У васъ желѣзныя брони и латинскіе шлемы; отъ нихъ потерпѣли многія страны... Литва, Ятвяги и Половцы побросали свои копья и склонили головы подъ ваши булатные мечи...

Слышится голосъ Ярославны; одинокой кукушкой кричитъ она рано утромъ: „Полечу я кукушкой по Дунаю,

¹⁾ Здѣсь авторъ мысленно обращается къ Суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу по прозванію Большое Гнѣздо.

²⁾ Рюрикъ и Давидъ, внуки Мстислава Великаго, правнуки Владимира Мономаха.

³⁾ Галицкій князь Ярославъ былъ извѣстенъ умомъ и энергіей, его боялись всѣ сосѣди. Онъ былъ отецъ Ефросиніи, второй жены Игоря, выведенной ниже въ „Словѣ“ подъ именемъ просто „Ярославны“.

⁴⁾ Романъ Мстиславичъ, Волынскій князь, о которомъ упоминается здѣсь, извѣстенъ въ южныхъ лѣтописяхъ, какъ воинственный и храбрый князь, именемъ котораго Половцы пугали своихъ дѣтей; Лѣтопись сравниваетъ его съ львомъ, туромъ и орломъ и говоритъ, что онъ уподоблялся предку своему Влад. Мономаху. (См. выше отрывокъ изъ Волынской лѣтописи).

омочу бобровый рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ и утру кровавыя раны моего князя“.

Ярославна плачетъ рано утромъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, причитая:

О вѣтеръ, вѣтеръ! зачѣмъ ты такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ ты на своихъ легкихъ крыльяхъ несешь ханскія стрѣлы на воиновъ моего милаго? Развѣ мало тебѣ вѣять подь облаками и лелѣять корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты развѣялъ мою радость по ковылю“?

Ярославна плачетъ рано утромъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, причитая:

„О Днѣпръ славный! ты пробилъ каменныя горы сквозь половецкую землю, ты лелѣялъ на себѣ Святославовы ладьи до войска Кобяка: принеси ко мнѣ моего милаго, чтобы я не посылала къ нему на море слезъ на зарѣ“.

Ярославна плачетъ рано утромъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, причитая:

„Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и прекрасно: зачѣмъ ты простерло свои знойныя лучи на воиновъ моего милаго? въ безводной степи отъ жажды у нихъ луки согнулись, а отъ тоски колчаны замкнулись“¹⁾.

Въ полночь море зашумѣло, нашли тучи, стало темно: князю Игорю Богъ указываетъ путь изъ половецкой земли на Русь къ отцовскому золотому престолу²⁾). Погасла вечерняя заря; Игорь спитъ—нѣтъ, не спитъ, онъ мысленно мѣрять степь отъ великаго Дона до малаго Донца. Въ полночь Овлуръ свиснулъ коня за рѣкой, давая этимъ знакъ князю... Стукнула земля, зашумѣла трава, задвигались по-

¹⁾ Чутье поэта сказывается въ томъ, что авторъ, мысленно обратившись къ цѣлому ряду князей съ горячимъ воззваніемъ вступить за обиду сего времени, за раны Игоря, въ концѣ концовъ спасеніе своего героя поставилъ въ ближайшую связь съ сильнымъ душевнымъ порывомъ и тоской самаго близкаго Игорю существа. Ея причитанье и заклинаніе стихій, т. е. обращеніе къ чудеснымъ силамъ природы имѣли слѣдствіемъ чудесное спасеніе Игоря изъ плѣна. Какъ бы повинувшись волшебной силѣ заклинанія, вся природа далѣе помогаетъ бѣгству: встаетъ туманъ, идутъ тучи—это Богъ Игорю путь кажетъ на родину; рѣка Донецъ о немъ заботится, птицы тоже участвуютъ въ его возвращеніи.—Въ заклинаніи Ярославны требуютъ поясненія ея упреки солнцу: по лѣтописи мы знаемъ, что во время послѣдней битвы, длившейся больше двухъ сутокъ, Половцы отрѣзали Русскихъ отъ воды, и они изнемогли отъ жажды и пали духомъ („изнемогли бо ся бяху безводьемъ, кони и люди, въ зноѣ и въ тузѣ“). Эти страданія и этотъ упадокъ духа Ярославна и передаетъ здѣсь образной рѣчью, справедливо видя ихъ причину въ горячихъ лучахъ степнаго солнца.

²⁾ Разсказъ о бѣгствѣ Игоря совпадаетъ съ лѣтописнымъ и поясняется послѣднимъ. См. выше Ипатьевскую лѣтопись.

ловецкіе шатры. А Игорь скакнулъ горностаемъ въ камышъ и бѣлымъ гоголемъ на воду; вскочилъ на бораго коня, потомъ соскочилъ съ него сѣрымъ волкомъ и побѣжалъ къ луку Донца и соколомъ полетѣлъ подѣ облаками, избивая гусей и лебедей къ завтраку, обѣду и ужину. Игорь соколомъ полетѣлъ, а Влуръ волкомъ побѣжалъ, стряхивая по дорогѣ холодную росу: они надорвали своихъ борзыхъ коней.

Донецъ сказалъ: князь Игорь! не мало тебѣ славы, а Кончаку досады, а русской землѣ веселія“. Игорь отвѣчалъ: „О Донецъ! не мало и тебѣ славы за то, что ты лѣлѣялъ князя на волнахъ своихъ, постилалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами подѣ зеленой сѣнью деревьевъ, стерегъ его, какъ голя на водѣ, чаекъ на струяхъ и утокъ на воздушѣ“¹⁾.

То не сороки затрещали: по слѣду Игореву ѣдутъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали, галки замолчали, сороки не кричали... дятлы стукомъ путь къ рѣкѣ указываютъ, соловьи веселыми пѣснями возвѣщаютъ разсвѣтъ. И сказалъ Гзакъ Кончаку: „Коли соколъ къ гнѣзду летитъ, мы соколенка разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами“. Кончакъ отвѣтилъ Гзѣ: „Нѣтъ, если соколъ летитъ къ гнѣзду, мы соколенка опутаемъ красною дѣвицей“. Гзакъ сказалъ Кончаку: „Если мы его опутаемъ красною дѣвицей, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и начнутъ насъ птицы бить въ половецкой степи“²⁾.

Сказалъ Боянъ: „Тяжко тебѣ, голова, безъ плечъ, худо тебѣ, тѣло, безъ головы“. Такъ и русской землѣ безъ Игоря. Солнце свѣтитъ на небѣ, Игорь князь въ русской землѣ. На Дунаѣ поютъ дѣвицы, голоса ихъ несутся черезъ море

1) Разговоръ съ рѣкой очень нерѣдко встрѣчается въ народной поэзіи: герои бьются и пѣсень, приходя къ рѣкѣ, дѣлятся съ ней своими чувствами или просятъ пропустить на другую сторону; и рѣка открываетъ свои броды и мосты или даже понижаетъ свою глубину для спасенія какого-нибудь бѣглеца (въ одной пѣснѣ рѣка, по просьбѣ спасающейся изъ плѣна героини, „становится по женскимъ перебродищамъ“). Но помимо пѣсенной традиціи обращеніе Игоря къ Донцу здѣсь вполне понятно психологически: Игорь въ теченіе нѣсколькихъ дней шелъ берегомъ Донца; рѣка указывала ему направленіе бѣгства въ степи, онъ спалъ на ея берегахъ, укрывался отъ зноя въ тѣни прибрежныхъ кустовъ и деревьевъ, питался дичью, живущей при рѣкѣ: онъ долженъ былъ реально почувствовать, что многимъ обязанъ Донцу.

2) Разговоръ Гзака съ Кончакомъ ведется въ чисто народномъ стилѣ загадокъ Соколенокъ, т. е. Владиміръ Игоревичъ, дѣйствительно былъ „опутанъ красною дѣвицей“: черезъ два года онъ вернулся, женатый на Кончаковнѣ и съ ребенкомъ.

до Кіева: Игорь ѣдетъ по Боричеву ко св. Богородицѣ Пирогощей; страны рады, города веселы.

Спѣвъ пѣсню старымъ князьямъ, надо пѣть и молодымъ: „Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина въ борьбѣ за христіанъ съ погаными полчищами! Слава князьямъ и дружинѣ“. Аминь¹⁾.

10. Изъ поученій Серапіона, епископа Владимірскаго.

Среди древнихъ нашихъ проповѣдниковъ слѣдуетъ различать два типа. Одни (Иларіонъ, Кирилль Туровскій), усвоивъ приемы византійскаго краснорѣчія, излагаютъ передъ паствою догматы и ученіе христіанской религіи: они представляютъ интересъ главнымъ образомъ съ богословской точки зрѣнія и для историка духовнаго краснорѣчія; другіе (Феодосій Печерскій, Лука Жидята, Серапіонъ Владимірскій) входятъ глубже въ интересы своей паствы и въ простосердечной бесѣдѣ подвергаютъ оцѣнкѣ нравы и жизнь своихъ слушателей. Такія проповѣди являются драгоцѣннымъ источникомъ для знакомства съ бытомъ и взглядомъ того времени.

Здѣсь приведены отрывки изъ нѣсколькихъ проповѣдей Серапіона. О немъ извѣстно лишь слѣдующее: въ 1274 г. Митрополитъ Кіевскій Кирилль, придя въ Суздальскую землю, привелъ съ собою Печерскаго архимандрита Серапіона и поставилъ его епископомъ во Владиміръ, но въ слѣдующемъ же году Серапіонъ умеръ. Его поученія важны, во первыхъ, сохранившимися въ нихъ живыми впечатлѣніями современника о запустѣніи русской земли въ первыя времена татарскаго ига, и во вторыхъ, указаніями на то, что въ его время толпа сжигала или бросала въ воду тѣхъ, кого считала волхвами и колдуньями. Это изуверство, съ которымъ борется нашъ проповѣдникъ, какъ извѣстно, было широко распространено на Западѣ даже въ XVII в.; тамъ духовенству наоборотъ принадлежала руководящая роль въ этихъ ужасахъ.

1. Я чувствую большую печаль въ сердцѣ своемъ изъ за васъ, дѣти мои, потому что вижу, что вы вовсе не оставили вашихъ дурныхъ дѣлъ. Не такъ скорбитъ мать, видя своихъ больныхъ дѣтей, какъ я, вашъ грѣшный отецъ, скорблю, видя васъ страдающихъ отъ беззаконныхъ дѣлъ. Много разъ говорилъ я съ вами, желая уничтожить ваши

¹⁾ „Аминь“ прибавленъ къ поэмѣ, вѣроятно, позднѣе, какъ обычное слово, которымъ заключался трудъ переписчика.

злые нравы; но вижу, что вы нисколько не перемѣнились. Если кто изъ васъ разбойникъ, онъ не оставляетъ разбоя; кто крадетъ, продолжаетъ красть; кто обижаетъ и грабитъ, продолжаетъ грабить ненасытно; кто даетъ въ ростъ, не оставляетъ ростовщичества...

Страшно, дѣти мои, подпасть подъ гнѣвъ Божій! Отчего мы не обращаемъ вниманія на то, что постигло насъ еще здѣсь, въ этой жизни? Чего только мы не навели на себя? Какихъ казней не приняли отъ Бога? Не оказались ли въ плѣну наша земля? Не взяты ли были наши города, а наши отцы и братья пали мертвыми на землю? Не отведены ли наши жены и дѣти въ плѣнъ? Не порабощены ли оставшіеся иноплемениками горькимъ рабствомъ? Вотъ уже скоро исполнится 40 лѣтъ, какъ мы терпимъ томленіе и муку и несемъ тяжелыя дани, какъ не прекращаются у насъ голодъ и моръ на скотъ. Мы не можемъ всласть поѣсть хлѣба своего, и вздохи и печаль сушатъ наши кости.

2. Подивимся, братья, на человѣколюбіе Бога нашего, какъ онъ приводитъ насъ къ себѣ! какими только словами онъ насъ не наставляетъ, и какихъ предостереженій онъ намъ не дѣлаетъ? Мы же всетаки къ нему не обращаемся. Видя, что наши беззаконія умножились, видя, что мы заповѣди Его отвергли, Онъ показалъ намъ много знаменій, много ужаснаго наводилъ на насъ, много училъ насъ черезъ служителей своихъ, и мы нисколько не оказались лучше! Тогда Онъ навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій юной красоты, немощи старцевъ, младенчества дѣтей. Мы возбудили противъ себя ярость Бога нашего; по словамъ Давида, быстро разгорѣлась ярость Его на насъ.

Разрушены божественныя церкви, осквернены священныя сосуды, потоптаны святыни, святители стали жертвой меча; тѣла преподобныхъ монаховъ были брошены на съѣденіе птицамъ; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ обильная вода, напоила землю; сила нашихъ князей и военачальниковъ исчезла; наши храбрыя, полныя страха, бѣжали, множество братьевъ и дѣтей нашихъ отведено въ плѣнъ; наши селенія заросли кустарникомъ; наше величіе смирилось; красота наша погибла; богатство наше пошло въ прибыль другимъ; нашимъ трудомъ воспользовались поганые; наши земли стали достояніемъ иноплемениковъ. Мы

НАРЦАЖЕЛЫИ
ГРАДЪ. НТОЦЖИВА
ШЕСООЦУЕННИКЫ
СВОИМИ

ВЪВОКТО РѢ. 2. ПѢ
КЕЦА С. ѠНОАНА

ЪОНОВРЕМЯ
СВѢТЪСТВОРИ
ША ФАРИСѢИ
И ЖЕРАЦИИ
СА. ПРЕКОШАВЦЕ
БЕ. ВЪИДИТЕ ТАКОМ
КАКИ ПОЛЬЗА ЕСТЬ.

Рис. 3. Изъ Луцкаго Евангелія XIV в. (Въ почеркѣ есть уже отличія отъ древняго устава, заглавная буква характерна для такъ назыв. „звѣрнаго“ орнамента XIV—XV вѣковъ).

стали поношеніемъ для живущихъ на окраинахъ нашей земли; стали посмѣшищемъ нашихъ враговъ; мы навели на себя гнѣвъ Божій, какъ дождь съ неба.

3. Недолго я порадовался на васъ, дѣти мои, видя вашу любовь и послушаніе мнѣ грѣшному, и предполагалъ, что вы уже утвердились въ вѣрѣ и съ радостью принимаете божественное писаніе; не ходите на совѣтъ нечестивыхъ, и не сидите на сѣдалищѣ губителей. А вы еще держитесь языческихъ обычаевъ: вѣруете волхованію, сжигаете на огнѣ невинныхъ людей и наводите убійство на весь народъ. Вѣдь если кто и не принималъ прямого участія въ убійствѣ, но былъ въ толпѣ убивавшихъ, тотъ мысленно уже убійца; или если кто могъ защитить и не защитилъ жертву, тотъ самъ какъ бы велѣлъ убить.

Изъ какихъ книгъ и изъ какого писанія вы слышали, что отъ волхованія бываетъ голодъ на землѣ или отъ волхованія увеличиваются урожаи?

А если вы этому вѣрите, затѣмъ вы ихъ (волхвовъ) сжигаете?—молитесь имъ, чтите ихъ дарами, дѣлайте имъ приношенія, пусть устраиваютъ мѣръ, пускаютъ дождь, приводятъ тепло, заставляютъ землю давать урожаи. Вотъ теперь уже три года не родится хлѣбъ не только на Руси, но и въ латинской землѣ: неужели это волхвы сдѣлали?.. Молю васъ, оставьте языческія дѣла.

Если вы хотите очистить городъ отъ незаконныхъ людей, я этому радуюсь: но очищайте такъ, какъ Давидъ, пророкъ и царь, истреблялъ въ городѣ Іерусалимѣ всѣхъ творящихъ беззаконіе: однихъ убивая, другихъ заточая, третьихъ заключая въ темницу; онъ всегда держалъ городъ Господень чистымъ отъ грѣховъ. Но кто же могъ бы быть такимъ судьей, какъ Давидъ? Онъ судилъ страхомъ Божиимъ, видѣлъ Святымъ Духомъ, и по правдѣ давалъ отвѣтъ.

А вы какъ осуждаете на смерть? Вѣдь вы сами полны страстей и по правдѣ не судите! Иной дѣлаетъ это по враждѣ, другой изъ жажды грѣховнаго прирѣдка, иной по малоумію жаждетъ только убить и пограбить. А что касается вины, то, убивая, не знаютъ того правила божественнаго, что осудить человѣка на смерть можно только по свидѣтельству очень многихъ человѣкъ. А вы свидѣтелемъ поставили воду и говорите: если начнетъ топать, пе-

винна; если же поплыветъ, то колдунья.¹⁾ Развѣ не можетъ дѣволъ, видя ваше маловѣріе, поддержать ее на водѣ, чтобы она не погрузилась, и чтобы вовлечь васъ въ душегубство, такъ какъ вы, оставивши свидѣтельство чело-вѣка, созданнаго по образу Божію, обратились къ бездуш-ному веществу—водѣ? Принявъ это свидѣтельство, вы гнѣ-вите Бога.

Вы слышали, какую казнь посылалъ Богъ на землю, отъ времени первыхъ людей до потопа, на гигантовъ огнемъ, при потопѣ водою, въ Содомѣ сѣрнымъ дождемъ, при Фа-раонѣ 10-тью казнями, на хананеянъ мухами, огненными каменьями съ неба, при судіяхъ войнами, при Давидѣ мо-ромъ, при Титѣ плѣномъ, потомъ землетрясеніями и гра-добитіемъ.

А въ своей землѣ чего мы не видали? Войны, голодъ, морь, землетрясенье, и вотъ наконецъ теперь мы отданы поплеменникамъ не только на смерть и въ плѣнъ, но и въ тяжелое рабство.

II. Сказаніе о Псковскомъ взятіи.

Это сказаніе о томъ, какъ Псковъ въ 1510 г. утратилъ по-слѣднюю свою самостоятельность и окончательно былъ присоеди-ненъ въ Москвѣ, вошло въ Псковскую лѣтопись. Оно составлено пско-вичемъ, современникомъ разгрома 1510 года, и живо отражаетъ настроеніе Пскова и отношеніе къ Москвѣ. Извѣстно, что возвы-шеніе Москвы въ XIV и XV вв. сопровождалось захватомъ цѣ-лаго ряда удѣловъ, городовъ и областей; наиболѣе крупныя изъ этихъ захватовъ, совершенныя съ конца XIV-го вѣка до конца XV-го, перечислены въ началѣ „Сказанія“. Борьба съ Москвой Твери, Новгорода, Пскова отразилась въ многихъ литературныхъ произведеніяхъ—лѣтописяхъ, житіяхъ, легендахъ; тутъ нашли себѣ мѣсто и чувство мѣстнаго патріотизма, прославленіе и возвеличеніе роднаго города, его святынь, богатства и силы, и плохо скрытая боязнь, что не устоятъ родинѣ противъ могучаго сосѣда, и от-крытая вражда и озлобленіе противъ него. Среди этихъ памятни-ковъ, полныхъ горькими чувствами отживающей областной жизни съ обособленными мѣстными особенностями и интересами, „Сказаніе о Псковскомъ взятіи“ выдѣляется своимъ мягкимъ, элегическимъ тономъ; здѣсь нѣтъ ни задора, ни озлобленія, которыя можно встрѣ-тить въ Новгородскихъ памятникѣхъ; грустнымъ чувствомъ роко-

¹⁾ Испытанію водой подвергались большей частью женщины.

вой неизбежности вѣтъ отъ всего разсказа. Интересно отмѣтить, что и въ критическую минуту, среди отчаянія самозащиты, Псковичи не забыли о нравственныхъ и юридическихъ основаніяхъ, мѣшавшихъ имъ „поставить щитъ противъ государя“. Прекрасенъ конецъ разсказа, гдѣ скорбь автора облеклась въ народно-поэтическую форму иносказательнаго разсказа. Всѣ эти особенности памятника связаны съ свойствами нравственнаго характера Псковитянъ. Проф. Ключевскій замѣчаетъ: „Переходя въ изученіи исторіи вольныхъ городовъ отъ новгородскихъ лѣтописей къ псковскимъ, испытываешь чувство успокоенія, точно при переходѣ съ толкучаго рынка въ тихій переулочекъ.... Герберштейнъ, собиравшій свои наблюденія и свѣдѣнія о Россіи немного лѣтъ спустя послѣ паденія вольности Пскова, съ большою похвалою отзывается о благовоспитанныхъ и человѣчныхъ нравахъ псковичей, говоря, что они въ торговыхъ сдѣлкахъ отличались честностью и прямою, не тратя лишнихъ словъ, чтобъ подвести покупателя, а кратко и ясно показывая настоящее дѣло“.

Городъ Псковъ съ самаго начала Русской земли не былъ подвластенъ никакимъ князьямъ, псковитяне жили на своей волѣ. Великій князь Московскій взялъ подъ свою власть прежнія удѣльные княжества не сразу войною, но въ разное время, какъ пишетъ объ этомъ Лѣтописная книга: первымъ онъ покорилъ себѣ суздальскаго князя Симеона, потомъ Новгородъ, потомъ взялъ и Тверь, а князь Михайло Тверской убѣжалъ въ Литву. Городъ же Псковъ крѣпокъ стѣнами, и людей въ немъ было множество; поэтому онъ не пошелъ на нихъ войною; да боялся онъ и того, чтобы они не отошли въ Литву; вслѣдствіе этого онъ льстиво и коварно сохранялъ со псковичами миръ. И псковичи цѣловали ему крестъ въ томъ, чтобы имъ не уходить отъ великаго князя никуда. И великій князь посылалъ къ нимъ князей, по ихъ прошенію: кого они хотѣли, того и посылалъ; иногда же онъ и самъ, по своей волѣ, посылалъ своихъ намѣстниковъ во Псковъ: кого захочетъ, того и пошлетъ; эти же дѣлали насилія, грабили, и клеветою и неправеднымъ судомъ разоряли жителей. Жители же города Пскова и другихъ окрестныхъ городовъ посылали своихъ посадниковъ жаловаться на нихъ великому князю. И много разъ такъ было.

Въ 1510-мъ году, 26-го октября мѣсяца, въ день памяти св. Димитрія, великій князь Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ свою вотчину Великій Новгородъ съ своимъ братомъ, удѣльнымъ княземъ Андреемъ и своими боярами. И псковичи, услышавши, что государь великій князь Ва-

силій Ивановичъ въ Новгородѣ, послали своихъ пословъ въ Великій Новгородъ: посадника Юрія Елисеевича, посадника Михаила Помазова и бояръ изъ каждаго конца ¹⁾). И псковичи поднесли въ даръ великому князю Василю Ивановичу полтораста новгородскихъ рублей и били ему челомъ, прося милости и печалуюсь за псковскихъ мужей, людей свободныхъ, говоря: „Мы очень обижены твоимъ намѣстникомъ, княземъ нашимъ Иваномъ Михайловичемъ Рѣпней, его людьми, его намѣстниками въ пригородахъ и ихъ людьми“. И великій князь отвѣчалъ нашимъ посадникамъ: „Я васъ, свою вотчину хочу жаловать и защищать, какъ и отецъ нашъ, и дѣды наши, великіе князья; а что вы рассказываете о намѣстникѣ моемъ, о своемъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ Рѣпнѣ, то я его обвиню передъ вами, если на него окажется много жалобъ“. И отпустилъ онъ нашихъ посадниковъ и бояръ.

И посадники наши сказали псковичамъ на вѣщѣ, что великій князь принялъ ихъ дары честно, а неизвѣстно, что задумалъ въ сердцѣ своемъ великій князь сдѣлать съ своей вотчиной, мужами псковскими и городомъ Псковомъ.

Потомъ, той же зимой, немного времени спустя, князь Псковскій Иванъ Михайловичъ Рѣпня, изъ суздальскихъ князей, поѣхалъ изъ Пскова къ государю великому князю жаловаться на псковичей, что-де псковичи его обезчестили. А этотъ Рѣпня пріѣхалъ во Псковъ и сѣлъ на княженіе не такъ, какъ пошло изъ старины, сталъ жить во Псковѣ не по крестному цѣлованію, не желалъ добра церкви Святой Троицы²⁾ и псковскимъ мужамъ; этотъ Рѣпня много зла дѣлалъ дѣтямъ боярскимъ и посадничьимъ; и тѣ дѣти боярскіе и посадничьи, пораздумавши, что тотъ Рѣпня, князь Псковскій, много зла имъ дѣлалъ, поѣхали къ великому князю жаловаться на него, князя Ивана Михайловича Рѣпню.

Въ то же время посадники Псковскіе, сдумавши думу съ псковичами (не на добро себѣ они надумали!), начали писать по пригородамъ и волостямъ грамоты съ такими словами:

„Если какой либо человекъ, кто бы онъ ни былъ, имѣеть

¹⁾ Псковъ, какъ и Новгородъ, дѣлится на „концы“—части города.

²⁾ Соборный храмъ въ Псковѣ; названіе его употреблялось вмѣсто имени города, какъ „Св. Софія“ вмѣсто Новгорода.

жалобу на князя, пусть ѣдетъ къ государю великому князю въ Великій Новгородъ, бить на него челомъ“.

На той же недѣлѣ посадникъ Леонтій поѣхалъ бить челомъ на посадника Юрія Копыла; и Юрій поѣхалъ въ Новгородъ отвѣчать ему и судиться съ нимъ. И посадникъ Юрій прислалъ свою грамоту изъ Великаго Новгорода во Псковъ, а въ грамотѣ было написано такъ: „Если посадники не поѣдутъ изъ Пскова говорить противъ князя Ивана Рѣпни, то будетъ вся земля виновата“.

И тогда сердце заняло у псковичей, и на четвертый день, по этой грамотѣ, ко Новгороду поѣхали 9 посадниковъ и купеческіе старосты ото всѣхъ рядовъ. А великій князь не далъ имъ никакой управы, а говорилъ такъ: „Собирайтесь вы, жалобники, на Крещеніе Господне, и я вамъ всѣмъ дамъ управу, а теперь вамъ никакой управы нѣтъ“. И вернулись всѣ псковичи во Псковъ, а когда сталъ подходить тотъ срокъ, то посадники и купеческіе старосты, не вѣдая своей гибели, поѣхали въ Новгородъ къ великому князю.

На самый праздникъ Крещенія Господня великій князь Василій Ивановичъ велѣлъ всѣмъ посадникамъ, боярамъ, купцамъ и купеческимъ старостамъ собираться и итти на рѣку, на водоосвященіе. А самъ великій князь вышелъ со всѣми своими боярами на рѣку Волховъ, и священники и діаконъ вышли съ крестами, потому что въ тотъ день наступилъ праздникъ Крещенія Господня. А владыки въ то время не было въ Новгородѣ, и крестилъ воду владыка смоленскій и священники; окрестивъ воду, они пошли къ церкви св. Софіи. И великій князь велѣлъ своимъ боярамъ исполнять то, что у него съ ними было задумано. И стали они нашимъ посадникамъ и тѣмъ людямъ говорить: „Посадники псковскіе, бояре и всѣ, кто пришелъ жаловаться! государь велѣлъ всѣмъ вамъ сполна собираться на государевъ дворъ, а кто не пойдетъ, пусть боится государевой казни, потому что государь всѣмъ вамъ хочетъ дать управу“. И посадники псковскіе, и бояре всѣ до одного пошли съ воды на дворъ ко владыкѣ. И бояре спросили посадниковъ: „Всѣ ли вы уже сполна собралися?“ И посадниковъ, бояръ и купцовъ ввели въ палату, а младшіе люди стояли на дворѣ. Вошли они въ палату; и бояре сказали посадникамъ, боярамъ и купцамъ псковскимъ: „Вы захвачены Богомъ и великимъ княземъ Василюемъ Ивановичемъ всеи Руси“.

И посадники были посажены тутъ же, до прїѣзда ихъ жень, а младшихъ людей, переписавши, отдали новгородцамъ по разнымъ улицамъ стеречь и кормить ихъ до управы.

Вѣсть объ этомъ захватѣ псковичи получили отъ псковскаго купца, Филиппа Поповича: онъ ѣхалъ къ Новгороду, и остановился у Веряжи; услышавши злую вѣсть, онъ, оставивъ товаръ, погналъ ко Пскову и сказалъ псковичамъ, что великій князь взялъ-де въ плѣнъ нашихъ посадниковъ, бояръ и людей, пришедшихъ съ жалобой.

И напалъ на псковичей страхъ и трепеть, и тоска; отъ скорби и печали пересохла горла и пересмякли уста: много разъ нѣмцы приходили на нихъ войной, а скорби и печали тогда не бывало такой, какъ теперь. И, собравши вѣче, начали они думать, воевать ли противъ государя, запирается ли въ городъ? Но вспомнили они крестное цѣлованіе, по которому нельзя поднять руки противъ государя, да и посадники, и бояре и всѣ лучшіе люди были въ его рукахъ. И послали псковичи къ великому князю своего гонца, сотника Евстафія, чтобы онъ отъ всѣхъ, отъ малаго до великаго, со слезами билъ челомъ великому князю: „Ты бы, государь нашъ, великій князь Василій Ивановичъ, свою вотчину старинную пожаловалъ; а мы, твои сироты, и ранѣе и теперь не отступали отъ тебя, государя, и не противились тебѣ, государю; Богъ воленъ и ты въ своей вотчинѣ и въ насъ, людишкахъ твоихъ“.

И послалъ князь своего дьяка Третьяка Далматова и псковичи обрадовались, ожидая отъ государя милости и возстановленія старины, а Третьякъ на вѣчѣ объявилъ имъ первую новинку — поклонъ отъ великаго князя: „Что де, если только вы, вотчина моя, псковскіе посадники и псковичи, желаете еще прожить по старинѣ, то исполните двѣ мои воли: чтобъ у васъ вѣча не было, и вѣчевой колоколъ вы бы сняли, и чтобъ было здѣсь два намѣстника, и по пригородамъ то же были бы намѣстники;—тогда проживете еще по старинѣ. Если же вы этихъ двухъ воль не исполните, тогда какъ государю Богъ на сердце положить; а у него много силы готовой, и кто не исполнитъ государевой воли, на тѣхъ будетъ кровопролитіе. А впрочемъ государь нашъ великій князь хочетъ побывать на поклонъ къ церкви св. Троицы во Псковѣ“. Отговоривъ это, дьякъ сѣлъ на ступени.

И псковичи ударили челомъ въ землю и не могли ему дать отвѣта, потому что очи ихъ были полны слезъ. Они были, какъ грудные младенцы, только что тѣ бы не проливали слезъ по младости и неразумію; — они отвѣчали ему однако: „Посоль государевъ! дасть Богъ, утромъ мы все обдумаемъ и тебѣ все скажемъ“. И тутъ только псковичи горько заплакали. Какъ зѣнцы не выпали у нихъ вмѣстѣ со слезами? какъ сердце не оторвалось отъ корня?

Утромъ же, на разсвѣтѣ воскреснаго дня, зазвонили на вѣче. И Третьякъ пришелъ на вѣче, и посадники псковскіе и псковичи начали ему говорить: „У насъ въ Лѣтописи написано такъ: Съ великими князьями прадѣдами, дѣдами и отцомъ великаго князя у насъ положено крестное цѣлованіе, что намъ, псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, какой бы онъ ни былъ на Москвѣ, не отходить ни въ Литву, ни къ нѣмцамъ, а жить намъ по старинѣ и вольно; если же мы, псковичи, уйдемъ отъ великаго князя въ Литву или къ нѣмцамъ, или начнемъ жить безъ государя, то на насъ падетъ гнѣвъ Божій, голодъ, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ; если же государь нашъ великій князь перестанетъ соблюдать то крестное цѣлованіе и перестанетъ держаться нашей старины, то и на него падетъ такая же обѣщанная кара, какъ и на насъ“. А теперь Богъ воленъ да государь въ своей вотчинѣ, въ городѣ Псковѣ, и въ насъ и въ колоколѣ нашемъ. Мы не хотимъ измѣнять прежнему своему цѣлованію и принимать на себя кровопролитіе; мы не хотимъ ни поднимать руки на государя, ни запирается въ городѣ. А если государь нашъ великій князь хочетъ помолиться Живоначальной Троицѣ и побывать въ своей вотчинѣ во Псковѣ, то мы ему, государю, рады всѣмъ сердцемъ за то, что не погубилъ насъ до конца“.

13-го января мѣсяца, въ день памяти святыхъ мучениковъ Ермила и Стратоника, спустили вѣчевой колоколъ у церкви Святой Живоначальной Троицы, и начали псковичи, на колоколъ смотря, плакать по своей дворнѣ и по своей волѣ. И повезли его на Снѣтогорскій старикъ къ церкви Ивана Богослова, гдѣ теперь намѣстничій дворъ. Въ ту же ночь Третьякъ повезъ колоколъ къ великому князю въ Новгородъ...

„О славный и великій городъ Псковъ! отчего ты сътуешь и плачешь?“ И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ:

„Какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустѣніи! прилетѣль на меня многокрылый орель, съ крыльями, полными львиныхъ когтей, и взялъ у меня три кедра Ливановыхъ: и красоту мою, и богатство, и дѣтей моихъ похитилъ, попущеніемъ Божиимъ за наши грѣхи! Землю нашу опустошили, городъ нашъ разорили, и людей моихъ взяли въ плѣнъ, и одни рынки мои раскопали, а другіе засыпали конскимъ навозомъ, увели отцовъ и братьевъ нашихъ, и отцевъ, братьевъ и друзей нашихъ завели туда, гдѣ не бывали и отцы, и дѣды и прадѣды наши¹⁾; матерей и сестеръ нашихъ отдали на поруганіе. Многіе въ городѣ постриглись въ монахи, а жены ихъ въ монахини, и пошли въ монастыри, не желая итти въ плѣнъ изъ своего города въ другіе города. Видя все это, теперь, братья, убоимся страшной грозы, припадемъ къ Господу своему, исповѣдая свои грѣхи, чтобъ не впасть намъ въ еще большій гнѣвъ Господень, не навести на себя казни еще болѣе тяжелой, чѣмъ первая. Богъ еще ждетъ нашего покаянія и обращенія, а мы не покаались, но обратились къ еще большему грѣху, на злую клевету и на лихія дѣла, на такой крикъ на вѣчѣ, въ которомъ языкъ самъ не знаетъ, что говорить. Мы хотимъ городами управлять, не умѣя и своего дома устроить. Вслѣдствіе этого своевольства и не желанія послушать другъ друга и обрушилось на васъ все это бѣдствіе.

12. Изъ Матицы Златой.

Помѣщенные здѣсь отрывки изъ Матицы Златой, Румянцевскаго Сборника (XV в.) и Азбуковника (XVII в.) имѣютъ въ виду показать, какія знанія о природѣ могъ почерпнуть изъ своего чтенія старинный русскій грамотникъ. Главными источниками естественно-историческаго знанія для нашихъ предковъ были извѣстные у насъ съ первыхъ временъ письменности: „Шестодневъ“ Іоанна Экзарха болгарскаго, гдѣ изложенъ разсказъ о шести дняхъ творенія съ

¹⁾ „Сказаніе“ говорить объ историческомъ фактѣ. Изъ Пскова тогда было увезено въ Москву 300 семей знатнѣйшихъ гражданъ, которые сидѣли подъ арестомъ на епископскомъ дворѣ: „молодшихъ“ людей, которые были розданы „до управы“ на руки Новгородцамъ, отпустили въ Псковъ съ обѣщаніемъ, что ихъ не выселятъ. Но многіе не вѣрили обѣщанію и, боясь ссылки, постригались въ монахи, чтобы остаться на родинѣ. Объ этомъ и говорится ниже.

Рис. 4. Вращение небесныхъ свѣтилъ по Козьмѣ Индикоплову. (Изъ рукописи XVI в.; объясненіе см. въ вступленіи къ „Матицѣ Златой“)

поясненіями не только богословскими и нравственными, но и естественно-историческими; затѣмъ Палей Толковая, или изложеніе Ветхаго Завета, гдѣ библейскій разсказъ смѣшивался съ полемикой противъ евреевъ и магометанъ, съ апокрифами и естественно-историческими разсказами. Затѣмъ у насъ, вѣроятно, съ XIV в. читалась книга греческаго писателя VI вѣка Козьмы Индикоплова—нѣчто вродѣ физической географіи, согласованной съ священнымъ Писаніемъ; кромѣ того надо упомянуть переведенную у насъ въ XIV в. поэму византійскаго писателя VII-го вѣка Георгія Писидійскаго подъ заглавіемъ: „Похвала Богу о сотвореніи всякой твари“. Наконецъ, свѣдѣнія о природѣ почерпались изъ различныхъ сборниковъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный „Физиологъ“—собраніе свѣдѣній о животныхъ и птицахъ, рыбахъ, камняхъ. Всѣ эти источники нерѣдко повторяли другъ друга, заимствуя одинъ отъ другого отдѣльныя статьи и свѣдѣнія; такъ многое изъ указанныхъ книгъ переходило въ „Азбуковникъ“—составленный на Руси въ XVI в. словарь непонятныхъ словъ.—Общій характеръ естественно-историческихъ свѣдѣній, доставлявшихся этими книгами, былъ одинъ и тотъ же: они были не научны; полуфантастичность или полная баснословность, отрывочность и пестрота—ихъ постоянныя свойства. Это вполне соответствуетъ общей цѣли всѣхъ такихъ книгъ, родившихся на византійской почвѣ: онѣ не стремились къ изслѣдованію и къ научной истинѣ, а были вызваны желаніемъ замѣнить для христіанина древнюю греческую, „языческую“ науку новой, богословской, согласованной съ Писаніемъ. Пестрота свѣдѣній ярко сказывается въ томъ, что самыя нелѣпыя толкованія и извѣстія нерѣдко стоятъ рядомъ съ взглядами, близкими къ научности, съ фактами достовѣрными или съ попытками искать разумнаго объясненія вещей.

Для наглядности здѣсь дано три рисунка изъ русскаго перевода Козьмы Индикоплова XVI в. Два первые иллюстрируютъ космографическія понятія автора. Землю онъ изображаетъ въ видѣ плоскаго четвероугольника, покрытаго небомъ, какъ сводомъ, и окруженнаго океаномъ; ночью солнце заходитъ за высокую гору въ сѣверной части земли. Солнце, луна и звѣзды укрѣплены, словно колеса, на небесномъ столбѣ и вращаются приставленными на то отъ Бога ангелами. Третій рисунокъ изображаетъ того самого „дивьяго вола“, о которомъ говорится также въ Азбуковникѣ.

О природѣ. Насколько солнечный кругъ больше земнаго, настолько земной больше луннаго. Такъ говорятъ тѣ, кто хорошо изучили астрономію; они полагаютъ, что земной кругъ заключаетъ въ себѣ 25 темъ стадій, а поперечникъ ея болѣе 8 темъ... Солнце въ поперечникѣ считаютъ болѣе 300 темъ стадій, а на видъ кажется намъ его поперечникъ величиною въ локоть, но писаніе справедливо говоритъ, что не свѣтило такъ мало, а наше зрѣніе уменьшаетъ его, смотря въ высоту... Взойди на высокую гору и посмотри

на ровное мѣсто: какими покажутся тебѣ пасущіяся стада— не въ родѣ ли муравьевъ или мухъ? Или взойди на вершину высокихъ холмовъ и посмотри оттуда на море: какими покажутся тебѣ плавающіе по немъ корабли? не представится ли каждый твоему глазу меньше голубя? а въ немъ бывають огромные грузы. Или какъ велики морскіе острова? На нихъ бывають безчисленные города и села, а ты представляешь ихъ себѣ какой-то плавающей черной точкой. Или гдѣ высокія горы изрѣзаны глубокими пропастями, а когда смотримъ на нихъ, онѣ кажутся гладкими. Какъ мы уже сказали, зрѣніе наше, устремляясь въ пространство, постепенно теряетъ способность видѣть. Итакъ, когда мы смотримъ въ ту безмѣрную высоту, какъ можемъ опредѣлить величину свѣтила?

Господь сказалъ; да будутъ знаменія на дни, на времена и годы; поэтому и бывають знаменія въ тѣхъ свѣтилахъ на бурю, на тихую погоду... И вотъ если по обѣ стороны солнца явится знаменіе, блестящее на подобіе солнца, это означаетъ сильный дождь и вѣтеръ. Если же такое знаменіе явится съ одной сѣверной стороны, значитъ, будетъ сѣверный вѣтеръ, а когда оно явится съ южной стороны, то означаетъ вѣтеръ съ юга...

Подобно тому и луна тоже представляетъ много различныхъ знаменій. Если въ 4-й день (новолунія) она будетъ чиста и тонка, предвѣщаетъ долгую тихую погоду; если же будетъ тонка, но не чиста, а словно огненная, это означаетъ сильный вѣтеръ, если при этомъ оба рога мѣсяца одинаковы по виду; если же сѣверный рогъ луны на ущербѣ будетъ болѣе чистъ, это означаетъ западные вѣтры. Когда же полная луна потемнѣетъ, это къ дождю... Эти знаменія составляютъ великую милость и заботливость Творца Бога: они предвѣщаютъ какое нибудь неожиданное зло. Мы слышали, что нѣкоторые пустые люди говорятъ, будто люди рождаются подъ той или другой звѣздой, и потому одинъ бываетъ русь, другой бѣлокурь, третій красень, четвертый черень. Эта ложь явилась отъ невѣрныхъ эллиновъ. Кромѣ того эти люди рассказываютъ, прельщая насъ, будто можно знать, какимъ возрастетъ человѣкъ тѣлесно, считаютъ себя знающими по теченію звѣздъ о болѣзняхъ и о смерти человѣческой, предсказываютъ о подвигахъ храбрости, о жизни и богатствѣ... Намъ же слѣдуетъ изболѣчить ихъ... Богъ сотворилъ всѣ эти свѣтила въ 4-й день; тогда Адама еще

нѣзтворенѣ слнцѣ прно свѣтлци лхнѣ шпогда швлачающѣ свѣло
 о когда свлачающѣ добротѣ свѣта. Се оубо въ првато днѣ тво
 рѣнѣ. ч првато свѣта лхнѣ сама по еста оубы дае. но зрѣ свѣ
 та своего стрлты дае. егда во прн стѣ на екс слнцѣ. то свѣт сво пр

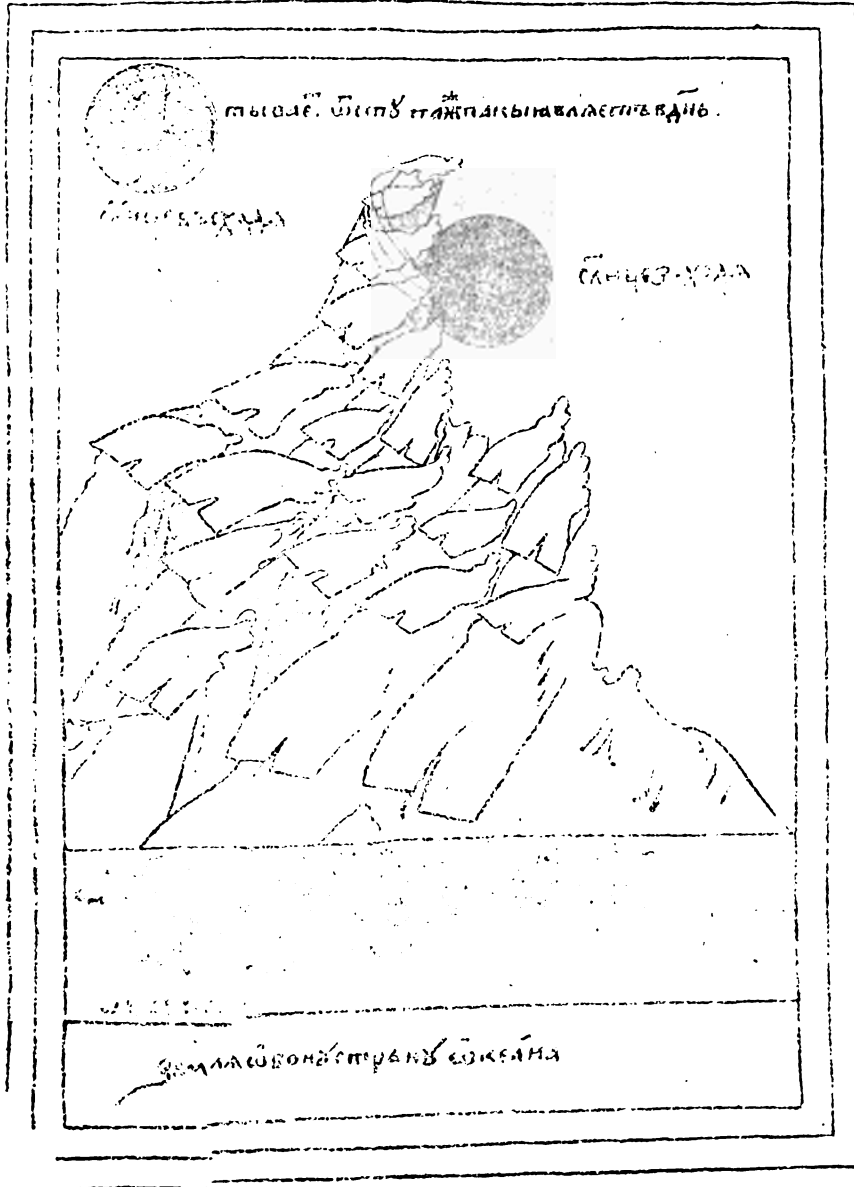

Рис. 5. Устройство земли по Козьмѣ Индикоплову (объясненіе см. выше).

не было на землѣ,—чье же рожденіе предназначено было такое множество звѣздъ?... Обличимъ ихъ и насчетъ русости и бѣлости человѣческой: неужели всѣ эіопляне родятся подъ одной и той же звѣздой, что они страшно черны, словно демоны?..

О птицѣ алконоств¹⁾. Есть птица именемъ алконоствъ; гнѣздо свое имѣетъ на песчаномъ берегу моря, у самой воды, туда и кладетъ свои яйца. Птенцы ея выводятся зимою, и когда почуветь, что время имъ вылупляться изъ яицъ, она беретъ яйца, несетъ на средину моря и опускаетъ въ глубину; въ это время море сильно бушуетъ и бьетъ о берегъ. Но когда алконоствъ снесетъ всѣ яйца въ одно мѣсто, опуститъ въ глубину, а самъ сядетъ надъ ними сверхъ воды, то море станетъ неподвижно на 7 дней, пока птенцы алконостовы не вылупятся въ глубинѣ и, вышедши наверхъ, не узнаютъ родителя своего.

О птицѣ Фюнискъ. Есть птица въ великой Индіи, называемая фюнискъ, о ней пророкъ Давидъ сказалъ въ 91 псалмѣ: „Праведникъ, яко фюнискъ процвѣте“²⁾. Эта птица—одногнѣздница, не имѣетъ ни подруги, ни дѣтей, но одна въ своемъ гнѣздѣ живетъ. Питаться она летаетъ къ кедромъ ливанскимъ и, летая тамъ, наполняетъ крылья свои ароматомъ, поэтому всегда она благоухаетъ. Когда же состарится, валетаетъ въ высь, беретъ огонь небесный и, спустясь, зажигаетъ гнѣздо свое, тутъ же она сгораетъ и сама, но изъ пепла гнѣзда своего опять рождается, и какою была прежде птицей, такою же является и потомъ, съ тѣмъ же правомъ и тѣмъ же свойствомъ.

О птицѣ Харадръ. Есть птица, называемая харадръ, о которой написано въ книгѣ Второзаконія. Птица эта вся бѣлая и нѣтъ въ ней никакой пестроты; внутренности ея исцѣляютъ очи слѣпымъ. Если кто заболѣетъ, то посредствомъ харадра можно узнать, останется живъ человѣкъ, или умретъ: если умереть больному, то харадръ отвернется отъ него, а если выздоровѣть, то харадръ съ веселиемъ возлетаетъ на воздухъ противъ солнца, и окружающіе думаютъ, что харадръ беретъ болѣзнь и распускаетъ ее по воздуху.

¹⁾ Рѣчь идетъ о гальціонѣ (зимородокъ); алконоствъ получило изъ слиянія двухъ словъ: алкюнъ есть.

²⁾ Псаломъ говоритъ о финиковой пальмѣ; слово было невѣрно истолковано.

О радугѣ. Дуга солнцезарными лучами, словно ка-кимъ нибудь ртомъ тянетъ воду испареніемъ теплоты и осушаетъ водоточныя жилы и мокроту и въ видѣ облака превращается въ дождь. Эту дугу (Господь) положилъ какъ знаменіе и повелѣлъ ей вбирать въ себя водное излитіе, чтобы не повторилось того, что было до этого знаменія, когда облака наводнили и потопили поднебесную; этимъ знаменіемъ Богъ указываетъ человѣческому роду не бояться потопа. Самъ Господь сказалъ: „Это будетъ знаменіемъ между Мною и вами и твоимъ племенемъ послѣ тебя“. Итакъ эта дуга по повелѣнію Божію собираетъ воду морскую, какъ будто въ мѣхъ.

13. Изъ Румянцевскаго Сборника.

О землѣ. Земля не четвероугольна, не треугольна и не кругла, а устроена на подобіе яйца. Подобно тому, какъ устроено яйцо: снаружи имѣетъ бѣлокъ и скорлупу, а въ срединѣ стоитъ жолчь,—такъ же разумѣи и о землѣ. Земля есть желтокъ въ срединѣ яйца, а воздухъ и небо—бѣлокъ и скорлупа яйца. Какъ скорлупа окружаетъ внутреннее яйца, такъ окружаетъ небо землю и воздухъ; и насколько отстоитъ отъ земли видимое нами небо, настолько же отстоитъ оно и подъ землею съ четырехъ сторонъ, то-есть съ востока и запада, съ вера и юга. Ото всюду земля окружена небомъ—и наверху, и внизу и со всѣхъ четырехъ сторонъ; какъ середина яйца окружена скорлупой, такъ же земля окружена небомъ. Она стоитъ по срединѣ, а небо вращается и безостановочно движется подъ нею и надъ нею, какъ мы это видимъ. Земля виситъ на воздухъ посреди небеснаго пространства, не прикасаясь нигдѣ къ небесному веществу... Нѣкоторые же говорятъ, будто земля стоитъ на 7 столпахъ, но это—неправда: если бы земля стояла на 7 столпахъ, то во что же были бы водружены эти столпы?

О громъ и о молніи. Громъ и молнія бываютъ такимъ образомъ. Вверху встрѣчается нѣсколько вѣтровъ; одинъ дуетъ въ одну сторону, а другой въ другую, и одинъ несетъ облако, а другой другое; они, встрѣтившись другъ съ другомъ, сталкиваются и испускаютъ грохотъ съ огнемъ.

Подобно тому какъ кремень, ударяясь о желѣзо, гремитъ и даетъ огонь, такъ и облака, сталкиваясь другъ съ другомъ, рождаютъ грохотъ и огонь; грохотъ и есть громъ, а огонь— молнія. Поэтому не иначе бываетъ громъ и молнія, какъ тогда только, когда облака. Громъ бываетъ сперва, а молнія послѣ; мы же сперва видимъ молнію, а потомъ слышимъ громъ,—это потому, что зрѣніе наше болѣе быстро, и человѣкъ видитъ то, что хочетъ, безъ всякаго промедленія, поэтому глазъ сейчасъ же видитъ молнію. Слухъ же воспринимаетъ медленно и не сразу слышитъ звукъ грома и слышитъ его послѣ молніи. Тоже можешь замѣтить, когда рубятъ дрова. Если рубящій далеко отъ насъ, то мы видимъ, какъ топоръ ударяетъ по дереву, стука же не слышимъ, а спустя нѣкоторое время слышимъ и стукъ. Подобно этому и молнію видимъ немедленно, а громъ слышимъ послѣ. Но эти молніи бываютъ отъ столкновения облаковъ, онѣ не вредоносны и никому не вредятъ; если же, во время столкновения облаковъ случится, что упадетъ частица огня небснаго и, падая, соединится съ облачной молніей, тогда такая молнія спускается на землю и поалаетъ, что встрѣтитъ по дорогѣ—человѣка ли, или животное, или дерево.

О денницахъ. Про звѣзды, которыя повидимому падаютъ къ землѣ, люди говорятъ, что это, дѣйствительно звѣзды, а другіе говорятъ, что это мытарства лукавыя. Но это не звѣзды и не мытарства, а пламенные обломки небснаго огня; они падаютъ внизъ и по мѣрѣ паденія растопляются на воздухъ. Поэтому никто никогда не видалъ, чтобы они упали на землю, они всегда на воздухъ сливаются и разсыпаются. Они называются денницами. Звѣзды же никогда не падаютъ; только при второмъ пришествіи Христовомъ спадутъ и звѣзды, и мытарства и духи, тогда пойдутъ въ огонь вѣчный. Это же, какъ мы сказали, суть пламенвидные отломки отъ небснаго круга, и воистину это такъ.

14. Изъ Азбуковника.

Асиди—трава, отъ которой убѣгають нечистые духи; растеть она въ индійскихъ странахъ.

Балена. Рыба морская; величина ея бываетъ въ длину 60 сажень, а поперекъ 30 сажень. Когда она начнетъ

играть, то кричить, какъ лютый звѣрь. На носу у нея поднимаются вверхъ какъ будто двѣ большія дымовыя трубы, а какъ прыснетъ, то этимъ прыскомъ можетъ потопить корабль, если онъ плыветъ близко.

В р е т а н і я — большой островъ, длиной въ тысячу верстъ а шириной въ 300. На немъ живетъ два большихъ племени, одно — каледонцы, другое — меаты. Послѣдніе живутъ на дикихъ горахъ и пустынныхъ равнинахъ, не имѣютъ ни городовъ, ни жилищъ, а переходятъ съ одного мѣста на другое нагіе и босые; земли не пахутъ, а питаются отъ разведенія воловъ и овощами; царя у нихъ нѣтъ.

Дикій волъ видомъ похожъ на вола, а хвостъ у него лошадиный. Если онъ зацѣпится хвостомъ за дерево или за камень, то стоитъ неподвижно, не желая оторвать ни одного волоса. Но тамошніе жители, придя, отсѣкаютъ хвостъ мечемъ, и онъ, прежде жалѣя одинъ волосъ оторвать, теперь лишается всего хвоста и бѣжитъ. И у него хватаетъ смыслу беречь волосы свои, не такъ, какъ у безумныхъ людей, брѣющихъ бороды — армянъ и тому подобныхъ. Изъ хвоста его добываютъ хонень, которымъ красятъ хвосты лошадямъ,

И т а н е с і е с ь называются люди, живущіе за полуночнымъ моремъ. У нихъ такія большія уши, что они могутъ ими закрыть все тѣло...

Цыгане — люди, которые произошли отъ нѣмцевъ. Эти цыгане на всякое зло хитры.

15. Стоглавъ.

Стоглавомъ называются раздѣленные на сто главъ записки о работахъ церковнаго собора, созданнаго въ 1551 г. въ Москвѣ Иваномъ Грознымъ и митрополитомъ Макаріемъ для сужденія о томъ, какъ исправить многочисленные недостатки церковной жизни и жизни мірянъ тогдашней Руси. Стоглавъ содержитъ въ себѣ рѣчи царя при открытіи Собора, цѣлый рядъ царскихъ вопросовъ, указывавшихъ на разные непорядки, и соборные отвѣты на эти вопросы. Памятникъ важенъ болѣе всего фактическими указаніями на состояніе просвѣщенія, быта и нравовъ русскаго общества XVI в. Своей цѣли — улучшенія религіозно-нравственной жизни — Соборъ не достигъ; общая постановка задачи и мѣры, рекомендованныя имъ, показываютъ, что дѣятели Собора не понимали положенія вещей и не были подготовлены къ рѣшенію сложныхъ об-

Сиде мѣцьгонти дѣрь
сво мѣи дѣвѣи дола

Идиш долѣстѣ величѣи дѣвѣи . сѣи до пѣи .
Апн его дѣестѣ рѣи ма пѣра . ёи дѣестѣ рѣи ма пѣра .
> на ио влотни . > Винаполѣ . > рѣи ша .
> шнѣи ма ко ащѣи рѣи ма пѣра . > древои .
> хѣи стѣ . > не по дѣи стѣ ма .
> сѣи стѣ . > пѣи ма ко и ма пѣра .
> гѣи пѣи ма лѣ дѣи стѣ .
> не то . > прѣи стѣи рѣи ма .
> до ма шнѣи ма пѣра .
> на ио пѣи хѣи стѣ .
> и пѣи ма бѣи ма .
> шѣи го хѣи стѣ .
> по го у вѣи ма .
> гла ко до ф .
> сѣи стѣи ма .
> во пѣи ма .
> на .
> г .

Рис. 6. Дивий вольт изъ Козьмы Индикоплова (см. выше).

шественныхъ вопросовъ. Черезъ постановленія Собора проходить мысль, что всё непорядки русской жизни зависятъ отъ забвенія старины, старыхъ обычаевъ прародительскихъ, къ которымъ и слѣдуетъ возвратиться. Въ то время, какъ главной бѣдой русской жизни было глубокое невѣжество, въ которомъ пребывали не только народныя массы, но и ихъ руководители,—отцы Стоглаваго собора ничѣмъ не показали, что они это понимаютъ, и когда они говорятъ объ учени, то разумѣютъ подъ нимъ только умѣнье писать и читать духовныя книги, причѣмъ учителями является у нихъ то самое духовенство, малограмотность котораго признана была ими же на Соборѣ. Грубость религиозной жизни зависѣла во многомъ отъ того, что главное вниманіе устремлялось на обрядность,—Соборъ больше всего былъ занятъ именно внѣшней стороной религіи. Грубость нравовъ народныхъ и уплѣвшіе отъ глубокой старины обычаи, обряды и пѣсни не вызвали въ отцахъ Собора ничего, кромѣ брезгливаго осужденія. Неодготовленность Собора ярко выразилась въ томъ, что онъ въ своихъ сужденіяхъ иногда основывался на апокрифическихъ сказаніяхъ, подложныхъ правилахъ и невѣрныхъ выдержкахъ изъ св. Писанія; онъ узаконилъ подъ страхомъ проклятія двуперстное крестное знаменіе, небритіе бороды и усовъ и т. п. Черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ другой московскій Соборъ (1667 г.) предалъ анафемѣ постановленія Стоглаваго Собора, „за не той Макарій митрополитъ и иже съ нимъ мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно“. Стоглавъ цѣнень, какъ фактическая картина русской жизни; значеніе этой картины плохо понимали тѣ, кто нарисовалъ ее, потому что сами были рождены и вскормлены этой жизнью; они, даже когда видѣли зло, ничего не умѣли съ нимъ сдѣлать. Они—дѣти старины, и ихъ безсиліе—есть самое горькое осужденіе того средства, которымъ они думали исцѣлтъ язвы русской жизни.

1. Царь говоритъ собору (гл. 4): „Преосвященный Макарій, митрополитъ всея Руси и архіепископы и епископы и весь освященный соборъ!..

Попросивъ вмѣстѣ съ нами помощи у Бога, способствуйте (намъ) во всякихъ нуждахъ, поразсудите, и изложите, и утвердите (все) по правиламъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи велись въ нашемъ царствѣ по Божьему, при вашемъ святительскомъ пастырствѣ и при нашемъ управленіи. А о томъ, что съ прежнихъ временъ послѣ отца моего, великаго князя Василя Ивановича всея Руси, и въ настоящее время нѣкоторые обычаи поисшатались или заведены самовольно, нарушены преданія и законы, и дѣло заповѣдей Божіихъ ослабло и въ пренебреженіи, о всякихъ порядкахъ въ землѣ нашей и о заблужденіяхъ нашихъ, обо всемъ этомъ вы тщательно

побесѣдуйте и посовѣтуйтесь, а намъ дайте отвѣтъ. А мы нуждаемся въ вашемъ святительскомъ совѣтѣ и трудѣ и желаемъ совѣтоваться съ вами по Божески, чтобы исправить ко благу то, что разстроилось. Въ чемъ наши нужды и какія неустройства въ землѣ нашей, о томъ мы васъ извѣщаемъ, а вы, разсудивъ по правиламъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ, рѣшайте все вмѣстѣ по общему согласію. О томъ я вамъ, своимъ отцамъ и братіямъ, вмѣстѣ съ своими боярами челомъ бью.“

2. О тридцати семи царскихъ вопросахъ и о церковныхъ порядкахъ (гл. 5). Вопросъ 25. Да по грѣхамъ слабость и небреженіе и нерадѣніе вошли въ миръ въ нынѣшнее время: называемся христіанами, а люди въ тридцать лѣтъ и старики брѣютъ голову и бороду, подстригаютъ усы и носятъ платье иновѣрныхъ земель. По какимъ же признакамъ теперь можно отличить христіанина?

3. О дьячкахъ, хотящихъ стать діаконами и священниками (гл. 25). Есть дьячки, желающіе быть діаконами и священниками, но малограмотные; посвящать ихъ противно священнымъ правиламъ, а не посвящать—святія церкви будутъ безъ пѣнія, а православные христіане станутъ умирать безъ покаянія и безъ причастія. Святителямъ слѣдуетъ по священнымъ правиламъ ставить въ священники 30-лѣтнихъ, а въ діаконы 25-лѣтнихъ, такихъ, которые бы знали грамотѣ, чтобы они могли завѣдывать церковью Божіей и управлять своими духовными дѣтьми по священнымъ правиламъ. Святители съ великою строгостью спрашиваютъ у тѣхъ, кто приходитъ ставиться, почему они мало знаютъ грамотѣ; они отвѣчаютъ: „мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ учителей (мастеровъ), а больше намъ негдѣ учиться; что отцы наши и мастера сами знаютъ, тому и насъ учать“. А отцы ихъ и мастера сами мало знаютъ и смысла божественнаго писанія не понимаютъ, по той же причинѣ, что учиться имъ негдѣ.

4. О училищахъ книжныхъ по всеѣмъ городамъ (гл. 26). Мы по церковному совѣту всеѣмъ соборомъ рѣшили, чтобы въ царствующемъ городѣ Москвѣ и по всеѣмъ городамъ протопопы и старшіе священники со всеѣми священниками и дьяконами, по благословенію своего епископа выбрали въ каждомъ городѣ достойныхъ священниковъ и дьяконовъ, а также и дьячковъ женатыхъ и благо-

честивыхъ, имѣющихъ страхъ Божій въ сердцѣ, могущихъ и другихъ наставить, и гораздыхъ грамотѣ читать и писать. Въ домахъ у этихъ избранныхъ священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ слѣдуетъ устроить училища, чтобы въ каждомъ городѣ священники и дьяконы и всѣ православные христіане отдавали туда дѣтей своихъ для обученія грамотѣ и письму, и церковному пѣнію псалтырному, и церковному напойному чтенію. Эти же избранные священники, дьяконы и дьячки учили бы своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ—писать, пѣть и читать, и всячески духовно наставляли бы ихъ... И учили-бы они грамотѣ своихъ учениковъ какъ слѣдуетъ, сколько сами умѣютъ, и разьясняли бы имъ смыслъ писанія, ничего не скрывая, какъ Богъ далъ самимъ понимать, такъ чтобы ученики знали всѣ книги, принятія нашей Соборной Святой Церковью, и могли послѣ и другихъ научить; пусть бы учителя учили и страху Божію, и всему душеполезному, да и читать, пѣть и писать учили бы, сколько сами умѣютъ, ничего не скрывая. Пусть учителя отъ родителей получаютъ дары и почести по заслугамъ.

5. О святыхъ иконахъ и исправленіи книгъ (гл. 27). Протопопы и старѣйшіе священники и избранные священники вмѣстѣ со всѣми священниками, въ каждомъ городѣ, по всѣмъ святымъ церквамъ должны смотрѣть за святыми иконами и священными сосудами и за всѣмъ церковнымъ порядкомъ, заботиться и о святыхъ антимиусахъ на престолахъ, о священныхъ книгахъ—о святыхъ евангеліяхъ и апостолахъ и прочихъ святыхъ книгахъ, принятыхъ Соборной Церковью. А которыя св. иконы обветшали, ихъ должны велѣть иконникамъ починить, которыя мало олифлены, тѣ велѣть покрыть олифою; какія св. книги—евангелія, апостолы, псалтыри и пр.—окажутся неисправлены и съ описками, тѣ исправлять по общему совѣту съ хорошихъ списковъ; вѣдь священныя правила запрещаютъ это и не позволяютъ ни вносить въ церковь неисправленныя книги, ни пѣть по нимъ.

6. О книжныхъ писцахъ (гл. 28). Писцамъ, которые въ разныхъ городахъ пишутъ книги, вы бы велѣли писать съ хорошихъ списковъ, а написавъ исправлять, тогда уже и продавать, а если какой нибудь писецъ пишетъ книгу и продаетъ безъ исправленія, такимъ вы бы строго запрещали; да и тѣмъ, кто неисправленныя книги

покупаешь, вы бы точно также строго запрещали под страхом отвѣта и для купца и для продавца. И вы у нихъ такія книги отбирайте безъ всякаго стѣсненія и, исправивъ, отдавайте въ церкви, которыя бѣдны книгами; видя такую вашу бдительность, и другіе будутъ опасаться дѣлать тоже. А вы объ всемъ этомъ церковномъ порядкѣ, о честныхъ иконахъ и о святыхъ книгахъ старайтесь заботиться и исправлять все, сколько хватитъ силъ. За это получите отъ Бога великую награду, отъ благочестиваго царя похвалу и честь, и отъ насъ смиренныхъ соборное благословеніе, а отъ всѣхъ людей благохваленіе за ваши священническіе труды и подвиги. И если вы это поставите исправитъ съ благодарностью и съ сердечной охотой, то ожидайте съ радостью сугубой награды отъ Бога по слову Христову: „добрый мой рабъ, благій и вѣрный! въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многими тебя поставлю, войди въ радость Господа твоего“, и прочее.

7. О тафьяхъ безбожнаго Бахмета (гл. 39),
Чтобы отнынѣ впредь всѣ, православные цари, и князья, и бояре, и прочіе вельможи и всѣ православные христіане приходили въ соборныя и прочія святыя церкви ко всякому божественному гнѣнію безъ тафей и безъ шапокъ и стояли на молитвѣ со страхомъ и трепетомъ, обнаживъ головы, согласно божественному Апостолу. А тафьи отнынѣ впредь на православныхъ христіанахъ чтобы никогда не появлялись и были совсѣмъ уничтожены; ибо чуждо православнымъ носить то, что уставлено безбожнымъ Махометомъ. Это священными правилами запрещается и не подобаетъ православнымъ вводить поганскіе обычаи. Въ каждой странѣ есть законы и преданія отцовъ, которые не переходятъ отъ однихъ къ другимъ, но каждый народъ держится своихъ законовъ. Мы же православные, получивъ истинный законъ отъ Бога, осквернились беззаконіями различныхъ странъ и приняли отъ нихъ вредные обычаи; поэтому мы и угнетаемы этими странами и разоряемы вслѣдствіе нашей слабости и нашихъ обычаевъ. За такія преступленія Богъ и казнить насъ.

8. О тридцати двухъ царскихъ вопросахъ и соборные отвѣты по главамъ (гл. 41).

Вопросъ 16. На свадьбахъ у народа играютъ органики, и гусельники, и шуты смѣхотворы и поютъ бѣсовскія пѣсни; а когда поѣдутъ въ церковь вѣнчаться, то священ-

никъ ѣдетъ съ крестомъ, а впереди его рыщутъ со всѣми этими играми бѣсовскими; священники этого не возбраняютъ, а имъ слѣдуетъ это запрещать.

Вопросъ 17. Да въ нашемъ православномъ царствѣ нѣкоторые тяжутся не по правдѣ и, взводя поклепъ на кого нибудь, цѣлуютъ крестъ или образа святыхъ, и бьются на судебномъ поединкѣ, проливая кровь. А въ это время волхвы и кудесники бѣсовскимъ наученіемъ помогаютъ имъ волхвованіемъ, смотрятъ въ Аристотелевы врата и въ Рафли ¹⁾, гадаютъ по звѣздамъ и планетамъ, выбирая день и часъ; этими дьявольскими дѣйствіями они прельщаютъ людей и отлучаютъ ихъ отъ Бога. Надѣясь на эти чарованія, клеветникъ и ябедникъ стоитъ на своемъ, цѣлуетъ крестъ, бьется на поединкѣ и убиваетъ, напрасно оговоривъ.

Вопросъ 19. По глухимъ мѣстамъ ходятъ скоморохи большими ватагами по 60, 70 и по 100 человекъ; они по деревнямъ насильно заставляютъ понтъ и кормить себя, грабятъ имущество изъ вѣтвей и по дорогамъ разбойничаютъ ²⁾.

Вопросъ 20. Дѣти боярскіе и боярскіе люди и всякій гулящій народъ играютъ въ зернь, пропиваются, не несутъ никакой службы и не занимаются промысломъ; отъ нихъ пропеходитъ всякое зло, они крадутъ, разбойничаютъ, душегубствуютъ. Надо бы искоренить это зло.

Вопросъ 21. По погостамъ, селамъ и волостямъ ходятъ лжепророки, мужчины и женщины, дѣвки и старыя бабы, нагія и босыя, съ длинными распущенными волосами, трясушіяся и съ припадками. Они говорятъ, что имъ являются святая Пятница и святая Анастасія и велятъ имъ заповѣдать православнымъ, чтобы заказывали кануны. Они же запрещаютъ въ среду и въ пятницу заниматься ручной работой, а женщинамъ прѣсть, стирать бѣлье и разжигать камни ³⁾...

¹⁾ Аристотелевы Врата—ложно приписанное греческому философу средневѣковое сочиненіе. Рафли — гадательныя тетради, которыя близко напоминаютъ и сейчасъ существующій „Царь-Соломонъ“.

²⁾ Буйныя ватаги народныхъ увеселителей — скомороховъ приносили съ собой не только безчинство: и въ деревнѣ и на барскомъ дворѣ, гдѣ они были негѣдкими гостями, они являлись съ медвѣдемъ и козой или съ кукольнымъ театромъ (вродѣ того, который видѣлъ на московскихъ улицахъ Одеарій) и давали представленія; имъ же принадлежала видная роль въ сохраненіи и распространеніи сказочнаго, былиннаго и вообще пѣсеннаго богатства русской народной поэзіи.

³⁾ Пятница—день смерти Спасителя была священнымъ днемъ. Народъ вѣрится въ особую силу двѣнадцати пятницъ въ году (Сказаніе о 12 пят-

Вопросъ 22. Вотъ злая ереси, которыя знаютъ и которыхъ держатся нѣкоторые: Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Острономій, Зодій, Альманахъ, Звѣздохеты, Аристотелевы Врата и другіе составы и мудрости еретическія и бѣсовскія чары; эти обольщенія отлучаютъ отъ Бога, и многіе люди, вѣруя въ нихъ, отдаляются отъ Бога и погибаютъ ¹⁾).

Вопросъ 23. По селамъ и погостамъ въ Троицкую субботу мужчины и женщины сходятся на кладбищахъ и плачутъ на могилахъ съ великимъ крикомъ. И когда заиграютъ скоморохи и гудочники, они перестаютъ плакать и начинаютъ скакать и плясать, и въ ладоши бить, и пѣть сатанинскія пѣсни; здѣсь же на кладбищахъ бывають разные обманщики и мошенники ²⁾).

Вопросъ 24. На Ивановъ день бывають русалии; и наканунѣ Рождества и Крещенья сходятся мужчины и женщины и дѣвицы ночью на крикъ и безчинный шумъ, на бѣсовскія пѣсни и пляски и скаканіе — богомерзкое дѣло ³⁾).

Вопросъ 25. А на Пасхѣ окличка на Радоницѣ (бываетъ) и въюнецъ и въ это время всяческое бѣснованіе ⁴⁾).

ницахъ относятся къ числу отреченныхъ книгъ, издавна извѣстныхъ; оно до сихъ поръ ходитъ въ спискахъ). Подъ влияніемъ житія св. Параскевы (по гречески значить пятница) Пятницу народъ олицетворилъ въ видѣ женщины, которая ходитъ по деревнямъ и слѣдитъ, чтобы бабы не работали, когда не полагается. Подобному олицетворенію подверглось воскресенье или недѣля („св. Недѣлька“), которая здѣсь названа греческимъ именемъ Анастасіи.

¹⁾ Здѣсь переименованы заглавія отреченныхъ книгъ и примѣты (воронограй). Шестокрыль—хронологическія еврейскія таблицы, которыя были въ ходу у секты жидовствующихъ въ XV в. Подъ „острономіемъ“ разумѣются книги, въ которыхъ астрономическія свѣдѣнія были примѣняемы къ гаданію; сюда относится и „Зодій“ или „сказаніе одвоунадесяти Зодіихъ“ т. е. знакахъ Зодіака, и „Альманахъ“,— календарь съ предсказаніями. Астрологическія книги стали проникать къ намъ съ Запада именно въ XVI в.

²⁾ Въ подлинникѣ мѣсто сборища обозначено словомъ „жалыникъ“. Жалыниками собств. назывались дѣсныя могилы, гдѣ хоронили всѣхъ, кто лишился церковнаго погребенія; здѣсь повидному означаетъ вообще кладбище. Въ народномъ обрядѣ поминовенія умершихъ, какъ видно отсюда, сохранились слѣды языческой тризны, въ которую входили игры и пѣсни.

³⁾ Русалиями называлась посвященная русалкамъ недѣля передъ Троицынымъ днемъ (во нее входилъ „Семикъ“), но здѣсь этимъ словомъ обозначены старыя народныя обряды съ пѣснями, совершавшіеся и наканунѣ Иванова дня (24 іюня) или Ивана Купалы, и на святкахъ—колядованье.

⁴⁾ Здѣсь указаны весеннія игры и обряды, справлявшіеся около Пасхи. Окличали весну, на Радоницу (вторникъ Ѳоиміной недѣли) поминали покойниковъ, Въюнецъ—хороводный обрядъ на Святой недѣлѣ.

Вопросъ 26. А въ великій четвергъ рано утромъ жгутъ солому и кличутъ покойниковъ. Нѣкоторые же попы-невѣжды въ великій четвергъ кладутъ соль подъ престоль и держать до седьмого четверга послѣ Пасхи, а потомъ раздаютъ эту соль лѣчить людей и скотину¹⁾.

Вопросъ 27. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста ходятъ въ рощи и въ Наливки забавляются бѣсовскими потѣхами²⁾.

16. Домострой.

Домострой, приписываемый обыкновенно извѣстному совѣтнику Ивана Грознаго, протопопу Сильвестру, принадлежитъ, вмѣстѣ съ Стоглавомъ, къ цѣлому ряду памятниковъ XVI вѣка, въ которыхъ выразились консервативныя стремленія древне русской жизни, складывавшейся вѣками. Объединившись въ крупное національное государство, Москва почувствовала потребность собрать и формулировать въ опредѣленномъ, связномъ видѣ главныя основы исконнаго міросозерцанія; къ этому побуждало и то, что вся „старина и отчина“ въ бытѣ, нравахъ и воззрѣніяхъ начала шататься подъ вліяніемъ усилившихся сношеній съ Западной Европой и, не менѣе, по внутреннимъ причинамъ. Полное отсутствіе науки и скольконибудь правильной образованности, старинная грубость нравовъ и, въ качествѣ единственнаго духовнаго начала, религія, до значительной степени выродившаяся, благодаря невѣжеству, въ суевѣріе или въ формальный обрядъ, — все это должно было съ теченіемъ времени сказываться все сильнѣе и рѣзче; устои жизни общества переставали отвѣчать его потребностямъ, и русская жизнь нуждалась въ обновленіи. Новые, иноземные обычаи и западныя астрологическія книжки смущали отцовъ Стоглаваго Собора, (какъ можно видѣть изъ разныхъ мѣстъ приведеннаго выше текста), и они выразили опредѣленную мысль, что обычаи и преданія старины должны храниться свято въ каждой странѣ и не переходить отъ одного народа къ другому. То же самое говорить въ началѣ XVI в. бояринъ Берсень-Беклемишевъ Максиму Греку, прибавляя, что та земля, которая „переставливаетъ“ свои обычаи, недолго стоитъ. Самъ Максимъ, не смотря на то, что получилъ западное образованіе и ясно видѣлъ глубину московскаго невѣжества, со страхомъ и скорбью смотрѣлъ на растущій интересъ ко всему западному и

¹⁾ Отсюда видно, что и духовенство дѣлило съ народомъ полуязычское отношеніе къ религіи; кромѣ указаннаго здѣсь Стоглавъ говорить, что священники писали на яблокахъ какіе то заговоры отъ лихорадки и давали ѣсть.

²⁾ Подъ „Наливками“, можетъ быть, разумѣется урочище въ Москвѣ за Москвой рѣкой, гдѣ и сейчасъ есть церковь Спаса въ Наливкахъ.

нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ выясняли душевредность „латинскихъ“ ученій и взглядовъ. Многіе тогда вмѣстѣ съ нимъ боялись, не наступаютъ ли уже страшныя, послѣднія времена міра; православная старина не выдержитъ напора вредныхъ новшествъ, и погибнетъ Москва, единственный и послѣдній оплотъ истиннаго христіанства: Римъ впалъ въ ересь, второй Римъ — Византія въ рукахъ невѣрныхъ басурманъ (съ 1453 г.) остался третій Римъ — Москва. „А четвертому не бывать“, убѣжденно писали тогда. Максимъ Грекъ выражалъ мнѣніе всѣхъ защитниковъ старины, когда рисовалъ московское царство въ образѣ вдовы, сидящей на распутии въ пустынѣ, и окруженной хищными звѣрями.

Питомцы старой Руси искренно задумывались надъ положеніемъ вещей, многіе ясно видѣли, что падаетъ благочестіе, нравственность, во всѣхъ областяхъ жизни укореняются многія нестроенія. Вся ихъ жизнь утверждалась на вѣрѣ въ спасительность старыхъ обычаевъ отцовъ и во всѣхъ своихъ крупныхъ и мелкихъ явленіяхъ была поставлена въ связь съ религіей и нравственностью. Имъ казалось, что всякое измѣненіе этой жизни, даже виѣшнее и неважное, неизбежно потрясаетъ основы ихъ міровоззрѣнія, — да это такъ и было. Поэтому всякая новизна колола имъ глаза; не умѣя и боясь разсуждать и разбираться въ новомъ, они видѣли единственное спасеніе въ полномъ отказѣ отъ всякихъ перемѣнъ и съ вѣрой и надеждой обращались къ прошлому, гдѣ не было, думали они, ничего смущающаго, а все было ясно и свято. Стремясь еще тѣснѣе связать жизнь неподвижными рамками старины и наложить религіозный запретъ на всякія перемѣны, защитники преданія и обряда только приближали развязку: настолько рѣзко подчеркивалось при этомъ противорѣчіе ихъ идеала новымъ требованіямъ жизни.

Домострой, какъ и Стоглавъ, свидѣтельствуетъ о полномъ неумѣннѣ стоявшихъ на виду дѣятелей XVI вѣка понять причины упадка русской жизни и содѣйствовать ея поднятію. Авторъ Домостроя рисуетъ, отчасти какъ священную традицію, отчасти какъ идеаль, такой укладъ семейной, домашней жизни, гдѣ обрядъ и обычай играютъ главенствующую роль, а духовная сторона жизни — второстепенную; гдѣ на правахъ и понятіяхъ осѣлъ для всѣхъ привычный и никого не безпокоящій густой слой грубости и небрежливости; гдѣ даже на добрыхъ и гуманныхъ движеніяхъ сердца лежитъ печать невысокой нравственной пробы; гдѣ наконецъ все замкнуто, все предугадано и предуставлено, все неизмѣнно и неизмѣнимо; гдѣ нѣтъ мѣста просвѣщенію, знанію, разуму, свободѣ мнѣнія, личности. — Для характеристики древне-русской жизни Домострой даетъ богатый и драгоцѣнный матеріалъ.

Домострой явственно раздѣляется на три части. Первая, содержащая церковныя, религіозныя наставленія, взята во многомъ изъ обильнаго запаса старой поучительной литературы и часто повторяетъ чуть не буквально мѣста изъ отдѣльныхъ ея памятниковъ. Это въ меньшей степени относится къ второй части, говорящей „о мірскомъ стросеніи“, т. е. о семейныхъ порядкахъ и отношеніяхъ, и къ третьей, — посвященной хозяйственнымъ наставленіямъ, „домовному

строению“. Бытовые подробности второй и третьей части рисуют передь нами жизнь зажиточной, даже богатой семьи, боярской или купеческой, причѣмъ есть черты, характеризующія скорѣе новгородскій, чѣмъ московскій бытъ. Есть предположенія, что основа Домостроя сложилась въ Новгородѣ и Сильвестру принадлежитъ лишь составленіе изъ имѣвшихся матеріаловъ сборнаго цѣлаго, причѣмъ онъ лично приписалъ послѣднюю, 64-ю главу, въ формѣ прямого обращенія къ сыну своему Анфиму и его женѣ Пелагеѣ. Въ московской редакціи были сглажены нѣкоторыя новгородскія бытовые черты и весь текстъ приуроченъ къ московскимъ порядкамъ; даже, какъ думаютъ, самыя нравственныя воззрѣнія Домостроя приобрѣли подѣ перомъ москвича больше гибкости и практическаго оттѣнка „житейской мудрости“.

1. Наказаніе отъ отца къ сыну (гл. 1). Благо-славляю азъ грѣшный, имя рекъ*), и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего, имя рекъ, и его жену, и ихъ чадъ и домочадцовъ: быти во всякомъ христіанскомъ законѣ, и во всякой чистой совѣсти и правдѣ; съ вѣрою творяще волю Божию, и храняще заповѣди Его; себе утверждающе во всякомъ страхѣ Божіи, и въ законномъ жительствѣ; и жену поучающе, тако же и домочадцевъ своихъ наказующе: не нужею, ни ранами, ни работою тяжкою; имѣюще яко дѣти, во всякомъ покоѣ: сыты и одѣны, и въ тепломъ храмѣ, и во всякомъ устроѣ. И вдаю вамъ христіанскому жителству писаніе се на память, и вразумленіе: вамъ и чадомъ вашимъ. Аще сего моего писанія не внемлете, и наказанія не послушаете, и по тому не учнете жити, и не тако творити, яко же есть писано, — сами себѣ отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда; и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ: кромѣ моя души; азъ о семь, о всякомъ благочиніи благословилъ, и плакалъ, и молилъ, и поучалъ, и писаніе предлагалъ вамъ; и аще воспримете сіе мое худое ученіе и грубое наказаніе со всею чистотою душевною, и прочитая, прося у Бога помощи и разума, по елику возможно, какъ Богъ вразумитъ васъ, и начнете дѣломъ творити вся си: будетъ на васъ милость Божія и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцевъ, и наше благословеніе, отнынѣ и до вѣка; и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ отъ нашего благословенія, и отъ своихъ трудовъ: да

*) Домострой часто переписывался для потребностей отдѣльныхъ лицъ; они и могли вписать нужныя имъ имена сюда, вмѣсто этого „имя рекъ“.

будеть благословенно, исполнено всякихъ благъ, во вѣки, аминь.

2. Какъ царя и князя чтити (гл. 7). Царя бойся и служи ему вѣроу, и всегда о немъ Бога моли и ложно отнюдь не глаголи предъ нимъ; но съ покореніемъ истину отвѣщай ему, яко самому Богу, и во всемъ повинуйся ему. Аще земному царю правдою служиши и боишися его, тако научишися и Небеснаго Царя боятися: сей временень, а Небесный вѣченъ и судія нелицемѣренъ: воздасть комуждо по дѣломъ его. Тако же и княземъ покоряйтеся, и должную ему честь воздавай, яко отъ него посланомъ во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ. Князю своему пріййте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ, не мыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ Апостоль: вся владычества отъ Бога учинена суть: да еще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противится. А царю, и князю и всякому вельможѣ не тщися служить лжею, и клеветою и лукавствомъ: погубить Господь вся глаголящая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай, и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай; маломожныхъ и скорбныхъ любовію привѣчай; юнѣйшихъ яко чада люби; всякому созданію Божію не лихъ буди; славы земныя ни въ чемъ не желай; вѣчныхъ благъ проси у Бога; всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи; обидимъ не мсти; хулимъ моли; зла за зло не воздавай; согрѣшающая не осуждай; вспомяни свои грѣхи: о тѣхъ крѣпко пекися; злыхъ мужей совѣту отвращайся; буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣланія напишуй въ сердцѣ своемъ, и самъ тако же твори.

3. Какъ домъ свой украсить святыми образы, и домъ чистъ имѣти (гл. 8). Въ дому своемъ, всякому христіянину, во всякой храминѣ, святые и честные образы, написаны на иконахъ по существу, стави на стѣнахъ, устрой въ благолѣпно мѣсто, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются на всякомъ славословіи Божіи: и по отпѣтии погашаются; завѣсою закрываются, всякія ради нечистоты, и отъ пыли: благочинія ради и бжеженія; а всегда чистымъ крылышкомъ ометати, и мягкою губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда; а къ святымъ образомъ касатися достойнымъ, въ чистѣй совѣ-

сти; и на славословіи Божіи, и на святомъ пѣніи и молитвѣ, свѣчи вжигати, и кадити благовоннымъ ладономъ и ѳиміаномъ; а образы святыя поставляются иже въ началѣ, по чину, свято почитаеми суть, имены прежеречеными; въ молитвахъ и во бдѣніихъ, и въ поклонѣхъ, и во всякомъ славословіи Божіи, всегда почитати ихъ; со слезами, и съ рыданіемъ, и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдаяся, просяще отпущенія грѣхомъ.

4. Како мужу съ женою и домочадцы въ дому своемъ молитися (гл. 12). По вся дни, въ вечерѣ, мужу съ женою, и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣеть грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила отнюдь ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда; всему тому наукъ. А ложася спати всякому христіанину по три поклона въ землю предъ Богомъ положить. А въ полунощи всегда, тайно вставъ, со слезами прилежно къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи; а утрѣ, возставая, такоже, комуждо по силѣ и по желанію.

5. Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи (гл. 15). А поплеть Богъ, у кого дѣти, сынове или дщери: ино имѣти попеченіе отцу и матери о чадѣхъ своихъ: снабдити ихъ и воспитати въ добрѣ наказаніи, и учити страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію; и, по времени и дѣтямъ смотря и по возрасту, учити рукодѣлію: матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ Богъ дастъ: любить ихъ и беречи, и страхомъ спасати. Уча и наказуя, и разсужая, раны возлагати: наказуй дѣти въ юности, покоить ты на старость твою; и хранити и блюсти о чистотѣ тѣлеснѣй и отъ всякаго грѣха отцемъ чадъ своихъ, яко же зѣницу ока, и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небреженіемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. А дѣти аще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи отцовъ и матерей, аще что согрѣшаютъ, или что зло сотворять, и отцемъ и матеремъ, съ дѣтьми, отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязливыхъ родителей, и у разумныхъ и благоразсудныхъ, чада воспитати

въ страсъ Божіи, и въ добрѣ наказаніи, и въ благоразсудномъ ученіи, всякому разуму и вѣжству и промыслу и рукодѣлю, и тѣ чада съ родители своими бывають отъ Бога помиловани, а отъ священнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими; а егда будутъ въ совершенѣ возрастѣ, добрые люди, съ радостію и съ благодареніемъ, женять сыновеи своихъ по своей верстѣ, по суду Божію: а дщери, за ихъ дѣти, замужъ выдають. И аще отъ такихъ которое чадо Богъ возьметъ, въ покаяніи и съ причастіемъ, то отъ родителю безскверная жертва къ Богу приносится, и въ вѣчныя кровы вселяются; а имѣють дерзновеніе у Бога милости просити, и оставленія грѣхъ и о родителѣхъ своихъ.

6. Како дѣти учити и страхомъ спасти (гл. 17). Казни сына своего отъ юности его, и покоить ты на старость твою, и дасть красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бия младенца: аще бо жезломъ биеши его, не умреть, но здравѣе будетъ; ты бо, бия его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего измлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть примуть враги твои. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ, и обрящещи о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры твоя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболити, скорбя; и послѣ же яко оскомины сотвориши душѣ твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растеть, а, ожесточавъ, не повинеть ти ся; и будетъ ти досаженіе, и болѣзнь душѣ, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властели платежъ и досада зла.

7. Како дѣтемъ отца и матери любити и беречь и повиноватися имъ, и поконтити ихъ во всемъ (гл. 18). Чада, послушайте заповѣди Господни: любите отца своего и мать свою, и послушайте ихъ, и повинуйтесь имъ, по Бозѣ, во всемъ; и старость ихъ чтите; и немощь ихъ, и скорбь всякую, отъ всея душа, понесите на своей выи..... Аще ли кто злословитъ, или оскорбляетъ родителя своя, или клянеть или лаеть: сій предъ Богомъ грѣшенъ, отъ народа проклятъ. Аще кто бьетъ отца и мать, отъ церкви, и отъ всякія святыни да отлучится, и лютою смертію и градскою казнью да умреть. Писано бо есть: „отча

ѿпрекышнѣмъ пребезначалнѣ
 бжткениѣ и жиконауниѣ свще
 ствѣ . пребезначальна бга ѿца .
 и безначална единородна слова
 снабжѣмъ и прносѣща преста и
 жикотворѣща дѣла . ѿпроче
 стѣ и о единствѣ вѣрѣющи оубо
 и почитающи койсправленію їсѣи
 нѣ . не вѣрѣющимъ и не поспѣшамъ

9

Рис. 7. Сборникъ половины XVII в. (Образецъ поздняго письма, заставки „травами“ и вязи; вязью написаны слова: „Слово пребольшее начинаемъ“).

клятва изсушить, а матерня искоренить.“ Сынъ и дщерь не послушливы отцу или матери въ пагубу имъ будетъ; и не проживуть дней своихъ, иже прогнѣвають отца и до-сажаютъ матери..... Вы же, чада, дѣломъ и словомъ угожайте родителемъ своимъ во всякомъ блазѣ совѣтѣ, да благословени будете отъ нихъ. Отчее благословеніе домъ утвердить, и матерня молитва отъ напасти избавить. Аще ли оскудѣють разумомъ въ старости отецъ или мать, не безчествуйте ихъ, ни укоряйте, да отъ своихъ чадъ почтени будете. Не забывайте труда матерня и отцова, яже о васъ болѣзноваша, и печални быща; покойте старость ихъ, и о нихъ болѣзнуйте, якоже они о васъ. Не глаголи: много сотворихъ имъ добра одѣяніемъ и пищею и всякими потребами; бо не си свободи симъ; не можеши бо ею родити, и тако ею болѣти, яко она о тебѣ. Тѣмъ же со страхомъ, раболѣпно, служити имъ, да и сами отъ Бога мзду пріимете, и жизнь вѣчную наслѣдите, яко совершители заповѣди Его.

8. Како врачеватися христіаномъ отъ болѣзни и отъ всякихъ скорбей (гл. 23). Аще Богъ пощлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, ино врачеватися Божію милостію, да слезами, да молитвою, да постомъ, да милостынею къ нищимъ, да истиннымъ поканіемъ. Да благодареніе и прощеніе, и милосердіе, и нелицемѣрная любовь ко всякому. Да отцовъ духовныхъ подвизати на моленіе Богу; и молебны пѣти, и вода святити съ честныхъ крестовъ и со святыхъ мощей, и съ чудотворныхъ образовъ, и масломъ свящатися; да и по чудотворнымъ и по святымъ мѣстомъ обѣщеватися, и приходяще молитися со всякою чистою совѣстію; тѣмъ цѣльба всякимъ различнымъ недугомъ отъ Бога получитьи; да и отъ всякихъ грѣховъ удалятися, и впредь никакого зла не творити, а отцовъ духовныхъ заповѣди хранить и епитемьи исправляти: тѣмъ очиститися отъ грѣха, и душевная и тѣлесная болѣзнь исцѣлится, и Бога милостива сотворити... А кто безстрашенъ и безчиненъ, страху Божію не имѣетъ и воли Божіи не творитъ, и закону христіанскаго и отческаго преданія не хранить, о церкви Божіи и о церковномъ пѣніи, и о келейномъ правилѣ, и о молитвѣ, и о всякомъ славословіи Божіи не радить; ѣсть и пьетъ безъ воздержанія, и во объяденіе и въ пѣяство, и не въ подобно время, и законнаго жительство не хранитъ;... и всяко ска-

редіе творять, и всякія богомерзкія дѣла:... пѣсни бѣсовскія, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣди, и птицы, и собаки ловчія; творящая конская уристанія, всяко бѣсовское угодіе, и всякое безчиніе и безстрашіе; къ сему жѣ чарованіе и волхованіе: и наузы, Звѣздохетѣ, Рафли, Альманахи, чернокнижѣ, воронограй, Шестокрыль; стрѣлки громныя, топорки, усовники, дна каменія, кости волшебныя, и иныя всякія козни бѣсовскія; или кто чародѣйствомъ и зеліемъ, и кореніемъ, и травами на смерть или на потворство окормляетъ, или бѣсовскими словами и мечтаньми и кудесомъ чаруетъ на всякое зло.

9. Како поучати мужу своя жена (гл. 29). Подобаеть поучити мужемъ женъ своихъ съ любовію и благодарсуднымъ наказаніемъ; жены мужей своихъ вопрошають о всякомъ благочиніи: како душа спасти, Богу и мужу угодити; и домъ свой добрѣ строити; и во всемъ ему покарятися; и что мужъ накажетъ, то съ любовію пріимати и со страхомъ внимати, и творити по его наказанію. Первѣе: имѣти страхъ Божій, и тѣлесная чистота, якоже впереди указано бысть. Возставъ отъ ложа своего и молебная совершивъ, женамъ и дѣвкамъ и слугамъ дѣло указати дневное всякому рукодѣлію, и что работы: дневная ѣства варити, и которые хлѣбы печи; ситныя и рѣшетныя; и сама бы знала, какъ мука сѣяти, какъ квашня притворити и замѣсити, и хлѣбы валяти и печи... а колачи и пироги тако же, и колько муки возьмутъ, и колько испекуть. И колько чего родится изъ четверти, или изъ осьмины, или изъ рѣшета, и колько высѣвковъ и колько испекуть,—мѣра знати во всемъ; а ѣству мясную и рыбную, и всякіе пироги, и всякіе блины, и всякія каши, и кисели и всякіе приспѣхи печи и варити, все бы сама государыня умѣла: ино умѣеть и слугъ научити, и все сама знаетъ.

10. По вся дни женѣ съ мужемъ о всемъ спрашиватися и совѣтовати о всемъ (гл. 34). А по вся бы дни у мужа жена спрашивалась и совѣтовала о всякомъ обиходѣ, и воспоминала, что надобѣтъ. А въ гости ходити, и къ себѣ звати: ссылатся, съ кѣмъ велитъ мужъ; а гостѣ коли лучится, или самой гдѣ быти за столомъ сѣсти, лучшее платье перемѣнити; отнюдь беречися женѣ отъ пьянаго питія; пьяный мужъ дурно, а жена пьяна въ міру не пригоже. А съ гостями бесѣдовати о рукодѣлѣ

и о домашнемъ строеніи: какъ порядня вести, и какое рукодѣльце дѣлати... Или у себя въ подворьѣ у которой гостыи услышитъ добрую пословицу: какъ добрыя жены живутъ, и какъ порядню ведутъ, и какъ домъ строятъ, и какъ дѣти и служокъ учать, и какъ мужей своихъ слушаютъ, и какъ съ ними спрашиваются, и какъ повинуются имъ во всемъ: и то въ себѣ внимати; а чего добраго не знаетъ, ино спрашиватися вѣжливо... Съ такими-то добрыми женами пригоже сходитися: ни ѣствы, ни питія для, добрыя ради бесѣды и науку для; да внимать то въ прокъ себѣ; а не пересмѣхатися, и ни о комъ не переговаривати; и спросятъ о чемъ про кого иногда, и учнуть ума пытати; ино отвѣщати: „Не вѣдаю азъ ничего того, и не слыхала, и не знаю; и сама о ненадобномъ не спрашиваю; ни о княгиняхъ, ни о боярыняхъ, ни о сусѣдахъ не пересужаю“.

11. Какъ слугъ наказывати (гл. 35). А слугъ своихъ заповѣдывай о людѣхъ не переговаривати; и гдѣ въ людѣхъ были, и что видѣли недобро,—то дома не сказывали бы; а что дома дѣется, того бы въ людѣхъ не сказывали: о чемъ послано, то и памятуй; и о иномъ о чемъ учнуть спрашивати, того не отвѣчивай, и не вѣдай, и не знай того; борзѣе отдѣлавшися, да домой ходи, да то государю скажи, о чемъ посланъ, а иныхъ вѣстей не приноси, что не приказано; ино промежъ государей никакой ссоры, ни остуды не будеть... А пошлешь куда служку, или сына, и что накажешь говорити, или что сдѣлати, или что купить,—и ты вороти, да спроси ему: что ты ему наказаль? что ему говорити, или что ему сдѣлать, или что ему купити?—И только, по твоему наказу, тебѣ все изговорить, ино добро! А пошлешь со слугою къ кому ѣству или питье, или что-ни буди, да воротивъ, спроси его: куда несеть?—Только какъ скажетъ, какъ наказано, то добро! А посылати питіе вполнѣ, а ѣству цѣлу: ино солгать не умѣть! А товаръ посылай смѣтивъ или смѣрявъ, а деньги счегиши, а что вѣсовое, свѣсивъ; а всего лучше запечатавъ: ино безгрѣшно! Да о томъ наказывати: что съ нимъ послано, безъ государя отдать ли, или домовъ отнести... А куда пошлютъ слугу въ добрые люди, у воротъ легонько поколотить; а по двору идешь, и кто спроситъ: „Какимъ дѣломъ идешь?“—Ино того не сказывати, а отвѣчать: „Не къ тебѣ азъ посланъ: къ кому азъ посланъ, съ тѣмъ то и говорить“. А у сѣней, или у избы, или у кельи, и ноги грязныя отерти, носъ вы-

сморкати и да выкашлятися, да искусно молитва сотворити; а только „аминя“ не отдадутъ,¹⁾ ино въ другое и въ третіе молитва сотворити, побольше перваго; а отвѣта не отдадутъ, ино легонько потолкаться; и, какъ впускать, и вшедъ святымъ иконамъ поклоняться и отъ государя челобитье и посылка править; ино въ ту пору носа не копать перстомъ, ни кашлять, ни сморкать, ни харкати, ни плевати; аще ли нужно, отшедъ на сторону, устроиться; вѣжливенько стоять и на сторону не смотреть, да что наказано, то исправить; а о иномъ ни о чемъ не бесѣдовать, да борзѣ къ себѣ поити, да тотъ отвѣтъ государю сказать, о чемъ посыланъ. А гдѣ лучится быти у кого въ подворьѣ, или въ кельѣ, при государѣ или безъ государя,²⁾—никакой вещи, ни доброй, ни худой, ни дорогой, ни дешевой, не ворошити, ни смотрѣти безъ прошенія; ни съ мѣста на мѣсто не переложити безъ повелѣнія; и съ собою возмья, ничево ни вынести безъ благословенія; а ѣствы и питія такожь не покушати, чего не велѣно: то татство и лакомство; кто на то дерзаетъ безъ благословенія и безъ велѣнія, тому ни въ чемъ не вѣрити, и заочи его никуда не пошлютъ, по Евангелію: *вмалѣ бѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю.*

12. Како избная порядня устроити хорошо и чисто (гл. 38). Ино то, у добрыхъ людей, у порядливой жены, всегда домъ чистъ и устроенъ; все по чину и упрятано, гдѣ что пригоже, и причищено и приметено; всегда въ устрои; какъ въ рай войти! Всего того и всякой порядни жена смотрела и учила бѣ слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ; не иметъ слово,—ино ударить. И увидитъ мужъ что не порядливо у жены и у слугъ, или не потому о всемъ, что въ сей памяти писано,—ино бы умѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсуженіемъ, и учити. Аще внимаетъ, и по тому все творить, и любити и жаловати. Аще жена по тому наученію и наказанію не живетъ, и такъ того всего не творить, и сама того не знаетъ, и слугъ не учитъ—ино достоинтъ мужу жена своя наказывати, и пользовати страхомъ наединѣ; и понаказавъ и пожаловати, и примолвити;

¹⁾ По старинному обычаю, до сихъ поръ встрѣчающемуся въ монастыряхъ, передъ тѣмъ какъ войти въ комнату, стучали и говорили краткую молитву, напр. „Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ Раздавшійся изъ комнаты „аминь“ служилъ разрѣшеніемъ войти.

²⁾ Слово „государь“ здѣсь обыкновенно значить „господинъ“ или „хозяинъ“.

и любовію наказувати, и рассужати. А мужу на жену не гнѣватися, а женѣ на мужа: всегда жити въ чистосердїи. И слуги и дѣти тако же, посмотря по винѣ и по дѣлу, наказувати, и раны возлагати; да наказавъ пожаловати; а государынѣ за слугъ печаловатися,¹⁾ по рассуженію: ино служкамъ надежно. А только жены, или сына или дщери, слово или наказаніе не иметь, не слушаетъ, и не внимаеть, и не боится, и не творить того, какъ мужъ или отецъ, или мати учить,—ино плетью постегать, по винѣ смотря; а побить не передъ людьми, наединѣ: поучити да примолвити и пожаловати: а никако же не гнѣватися ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину по уху, ни по видѣнью, не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ; ни посохомъ не колоты; ни какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бити: кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ,—многои притчи отъ того бывають: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнуть, и персть; и главоболие, и зубная болѣзнь..., а плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно и больно, и страшно и здорово. А только великая вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное ослушаніе, и небреженіе,—ино плеткою вѣжливенько побить, за руки держа; по винѣ смотря: да поучивъ, примолвити: а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слышали; жалоба бы о томъ не была.

13. Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну (гл. 64).

Благословеніе отъ Благовѣщенскаго попа Селивестра возлюбленному моему, единородному сыну Анфиму.

Милое мое чадо, дорогое! Послушай отца своего наказаніе, рождьшаго тя, и воспитавшаго въ добрѣ наказаніи и въ заповѣдѣхъ Господнихъ; и страху Божию и Божественному писанію изучену, и всякому закону христіанскому; и промыслу доброму во всѣхъ торговлѣхъ и во всякихъ товарѣхъ наказану; и святительское благословеніе на себѣ имѣешь, и Царское Государево жалованіе, и Государыни Царицы, и брати его, и всѣхъ боярь; и съ добрыми людьми водишися; и со многими иноземцы великая торговля и дружба есть; все еси доброе получилъ, и умѣи совершить о Бозѣ яко же начато при нашемъ попеченіи, и по насъ тако же бы Богъ соблюлъ по тому жити...

¹⁾ Заступаться, ходатайствовать передъ домовладыкой.

Видѣлъ еси, чадо: како въ житіи семъ жихомъ, во всякомъ благоговѣніи и страхѣ Божіи, и въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи со страхомъ, и Божественнымъ писаніемъ пользуячися всегда; и како былъ, Божією милостію, отъ всѣхъ почитаемъ, и всѣми любимъ, и всякому, и въ потребныхъ, уноровиль; и рукодѣлемъ и службою и покореніемъ, а не гордынею, ни прекословіемъ; не осужахъ никого, не просмѣиваль, ни укариваль никого, ни бранивался ни съ кѣмъ; и пришла отъ кого обида, и мы, Бога ради, терпѣли и на себя вину полагали и тѣмъ враги другіи быша... Вспоминахъ Евангельское слово: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянуція вы, молитесь за творяція вамъ пакости, изгоняющая вы; біющему тя въ ланиту, обрати ему и другую, и отъ взимающаго ти ризу, и срачицу не возбрани; и всякому просящему у тебе дай; отъ взимающаго твое не истязуй; аще кто тя поиметь поприще едино, иди съ нимъ и двѣ... Тѣмъ всегда утѣшахъ себе.

Не погрѣшихъ никогда же церковнаго пѣнія, отъ юности своея и до сего времени, кромѣ немощи.

Ни нища, ни странна, ни убога, ни скорбна, ни печална, никогда же презрѣхъ, кромѣ невидѣнія.

И въ темницы больна и плѣнена, и изъ работы должна, и во всякихъ нуждахъ, по силѣ окупихъ, и гладныхъ по силѣ кормихъ.

Работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ; и ины окупихъ изъ работы, и на свободу попускахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны, и добрыми домами живутъ, яко же видиши, и молятъ за ны Бога, и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей воли.

Видѣлъ еси, чадо мое: многихъ пустошныхъ сиротъ и работныхъ и убогихъ, мужеска полу и женска, и въ Новгородѣ, и здѣ на Москвѣ вскормихъ и вспоихъ до совершенна возраста; изучихъ, кто чего достоинъ: многихъ грамотъ, и писати и пѣти, иныхъ иконного письма, иныхъ книжнаго рукодѣлія, овѣхъ серебряново мастерства и иныхъ всякихъ многихъ рукодѣлей, а иныхъ всякими многими торговли изучихъ торговать. А мати твоя многія дѣвицы и вдовы пустошныя и убогія воспитала въ добрѣ наказаніи, изучила рукодѣлю, и всякому домашнему обиходу, и надѣливъ,

замужь давала: а мужескій полъ поженили у добрыхъ людей. И всѣ тѣ, далъ Богъ, свободны: своими добрыми домами живутъ; многи во священническомъ и во дьяконскомъ чину, и во дьяцѣхъ и въ подьячихъ, и во всякихъ чинѣхъ; кто чево дородился, и въ чемъ кому благоволилъ Богъ быти. Ови рукодѣльничаютъ всякими промыслами; а многіе торгуютъ въ лавкахъ, мнози и гостьбы дѣютъ въ различныхъ земляхъ всяки торговлями. А Божіею милостию, во всѣхъ тѣхъ нашихъ скормленницѣхъ и послуживцѣхъ, ни соромота, ни убытокъ, никакая продажа отъ людей, ни людемъ отъ насъ, ни тяжа ни съ кѣмъ не бывала; во всемъ Богъ соблюлъ по ся мѣста; а отъ кого намъ, отъ своихъ скормленниковъ, досада и убытки многи и велики бывали, ино то все на себѣ понесено, никто того не слыхалъ, а намъ то Богъ исполнилъ.

И ты, чадо, тому же ревнуй, и тако твори; на себѣ всякую обиду понеси и претерпи: Богъ сугубо исполнить.

Живи, чадо, по христіанскому закону, во всѣхъ обычаехъ, безъ лукавства и безъ всякія хитрости ко всѣмъ...

17. Григорія Котошихина, о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Григорій Карповъ Котошихинъ былъ подьячимъ посольскаго приказа; во время службы онъ не разъ принималъ участіе въ дипломатическихъ переговорахъ съ Шведами и Поляками и даже исполнялъ самостоятельныя порученія (возилъ царское письмо Шведскому королю въ Стокгольмъ). Въ 1664 году онъ убѣжалъ изъ Россіи сперва въ Польшу, потомъ въ Швецію, гдѣ и поступилъ на службу въ Государственный Архивъ подъ фамиліей Селицкаго. Но не проживъ и двухъ лѣтъ въ Стокгольмѣ, Котошихинъ во время ссоры ненамѣренно убилъ своего сослуживца и былъ казненъ по приговору суда, перейдя передъ смертію въ лютеранство. Свое сочиненіе о Россіи онъ написалъ въ Стокгольмѣ, въ послѣдній годъ жизни; оно было тогда же переведено на шведскій языкъ. Въ Россіи оно стало извѣстно впервые около 1840 года. Котошихинъ былъ человекъ выдающихся дарованій (Шведская біографія называетъ его „мужемъ ума несравненнаго“); его способности ярко выразились въ томъ, что онъ на чужбинѣ, безъ всякихъ справокъ и пособій, въ нѣсколько мѣсяцевъ написалъ большое сочиненіе о государственномъ устройствѣ и управленіи Россіи, о нравахъ и обычаяхъ московскихъ людей,—сочиненіе, высоко цѣнимое историками. Въ біографіи Котошихина есть черты, очень типичныя для

того времени; напр. однажды онъ, будучи уже не очень мелкимъ чиновникомъ посольскаго приказа, былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію—бить батогами—за нечаянный пропускъ слова въ посольскомъ донсеніи царю; вскорѣ послѣ того у него, пока онъ былъ по служебнымъ дѣламъ на шведской границѣ, отняли въ Москвѣ домъ со всеѣмъ имуществомъ, потому что его отецъ, казначей монастыря, былъ обвиненъ въ растратѣ; обвиненіе не подтвердилось, но имущества своего Котошихинъ обратно не получилъ, сколько ни хлопоталъ. При такихъ порядкахъ и при такомъ отношеніи московскаго правительства даже къ своимъ чиновникамъ, немудрено, если и они платили тѣмъ же: Котошихинъ послѣ своихъ злослуженій, за годъ до побѣга, далъ себя подкупить шведскому уполномоченному и доставлялъ ему свѣдѣнія при переговорахъ со Шведами о денежныхъ счетахъ. И Котошихинъ отнюдь не былъ исключеніемъ въ чиновномъ кругу; въ своемъ сочиненіи онъ рассказываетъ, что донесенія русскихъ пословъ царю, какъ общее правило, бываютъ не правдивы; самое бѣгство его на чужбину было вызвано между прочимъ тѣмъ, что одинъ воевода приглашалъ его къ участию въ ложномъ доносѣ на другаго воеводу, и Котошихинъ, не соглашавшійся съ этимъ, долженъ былъ спасаться отъ мщенія за свой отказъ.

Такъ какъ Котошихинъ былъ бѣглець и въ его книгѣ есть неблагоприятные отзывы о русскихъ порядкахъ, то принято было недовѣрчиво относиться къ его словамъ, его указанія дурныхъ сторонъ нашей жизни объясняли озлобленіемъ противъ родины, пристрастіемъ и увлеченіемъ западной жизнью. Но теперь, когда Котошихинское описаніе изучено въ подробностяхъ и проверено, ученые пришли къ другому взгляду. Котошихинъ нигдѣ не лжетъ и не клеветаетъ на русскую жизнь, недостатки ея узаны имъ совершенно вѣрно; мало того,—у него вовсе нѣтъ озлобленія или желанія выставить наружу одни отрицательныя черты; онъ, наконецъ, вовсе не такъ увлеченъ западными порядками, чтобы хулить все свое и хвалить все чужое. О многихъ сторонахъ русской жизни онъ говоритъ сочувственно и въ немъ видѣнъ московскій человекъ, привыкшій издавна къ извѣстнымъ нравамъ и обычаямъ жизни. Критическій духъ не всегда слышенъ въ его описаніяхъ. Но онъ—умный и наблюдательный человекъ, и рѣзкія нарушенія здраваго смысла или справедливости, столь частыя въ окостенѣломъ обрядовомъ строѣ древне русской жизни, не укрываются отъ его пронацательности. Къ чему онъ особенно чутокъ, какъ человекъ, видѣвшій лучшую жизнь за границей, это—къ русскому невѣжеству и къ некультурности образа жизни и привычекъ.

1. О царскомъ воспитаніи. А на воспитаніе царевича или царевны выбираютъ всякихъ чиновъ изъ женъ—жену добрую, и чистую, и млекою сладостну, и здорову, и живетъ та жена у царицы въ Верху на воспитаніе годъ; а какъ годъ отойдетъ, и ежели та жена дворянска рода, мужа ея пожалуетъ царь на воеводство въ городъ, или вот-

Тригоран Капоца Кошихина Лодискоу Армиаза
 плаваю а г р т б Явни Александр Селуца
 зовиоае . работи в то х о а м б 1886 и 887

Съгъ Ищра. Иощра. Иощра. Иощра. Иощра.
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра

Явни Киза Иванъ Шайкинъ Иощра Иощра Иощра
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра
 Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра Иощра

85

Рис. 8. Начало сочин. Котошихина. (По рукописи Упсальскаго университета. Текстъ писанъ самимъ авторомъ, но верхняя надпись сдѣлана, какъ полагають, шведскимъ лингвистомъ Спарвенфельдомъ).

чину дать,—а подьяческая, или инаго служиваго чину, прибавятъ чести и дадутъ жалованья немало,—а посадскаго человѣка, и такимъ по тому жъ дано будетъ жалованье немалое, а тягла и податей на царя съ мужа ея не емлютъ, по ихъ животъ. Да у того жъ царевича или у царевны бываетъ приставлена для досмотру мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянька и инья прислужницы. А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ для береженія и наученія боярина, честию великаго, тиха и разумна, а къ нему придадутъ товарища окольничаго или думнаго человѣка; также изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и въ стольники такихъ же молодыхъ, что и царевичъ. А какъ приспѣетъ время учить того царевича грамотѣ, и въ учителя выбираютъ учительныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; а писать учить выбираютъ изъ Посольскихъ подьячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческому, нѣмецкому, и некоторымъ, кромѣ русскаго, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ. И бываютъ царевичамъ и царевнамъ всякому свои хоромы и люди, кому ихъ оберегати, особые. А до 15 лѣтъ и больше царевича, окромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены, и окромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ (таковъ бо есть обычай), а по 15 лѣтѣхъ укажутъ его всѣмъ людемъ, какъ ходить со отцемъ своимъ въ церковь и на потѣхи; а какъ увѣдаютъ люди, что ужъ его объявили, и изъ многихъ городовъ люди на дивовище ѣздятъ смотрити его нарочно.

Царевичи же во молодыхъ лѣтѣхъ, и царевны, большія и меньшія, внигда случится имъ идти къ церкви, и тогда около ихъ во всѣ стороны несутъ суконныя полы, что люди зрѣти ихъ не могутъ, также какъ и въ церкви стоятъ, люди видѣти ихъ не могутъ же, кромѣ церковниковъ, а бываютъ въ церкви завѣшены тафтою; и въ то время въ церкви, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, мало иные люди бываютъ. А какъ ѣздятъ молитися по монастыремъ, и тогда каптаны и колымаги ихъ бываютъ закрыты тафтами жъ. А учинены бываютъ царицѣ и царевнамъ, для зимнія ѣзды, каптаны на саняхъ избушками, обиты бархатомъ или сукномъ краснымъ, по обѣ стороны двери съ затворами слюдяными и съ завѣсами тафтяными; а для лѣтнія ѣзды колымаги сдѣланы на рыдванную стать, покрыты сукномъ же; входятъ въ нихъ по лѣстницамъ, а сдѣланы бываютъ на колесахъ просто, какъ и простая телѣга, а не такъ, какъ бываютъ кареты

висячія на ремняхъ; и тѣ колымаги и каптаны бывають о двухъ оглобляхъ, а дышелъ не бываетъ, и лошадей въ нихъ запрягають по одной, а потомъ прибавливають и иныя лошади въ припряжъ.

2. О царевнахъ. Сестры жъ царскія, или и дщери, царевны, имѣяя свои особые же покои разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди; по всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху... А государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопи и въ челобитьѣ своемъ пишутся холопами, и то поставлено въ вѣчной позоръ, ежели за раба выдати госпожа; а иныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не повелось, для того что не одной вѣры, и вѣры своей отмѣнити не учинять, ставять своей вѣрѣ въ поруганіе, да и для того, что иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ, и отъ того бѣ имъ было въ стыдѣ.

3. О боярской думѣ. И какъ царю лучится сидѣти съ тѣми бояры и думными людьми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлѣхъ, и въ то время бояре и окольнічіе и думные дворяне садятся по чиномъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породю ниже, а не тѣмъ, кто выше и прежь въ чину, окольнічіе подъ боярами противъ тогожъ, подъ окольнічими думные дворяне по томужъ по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дѣяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велить имъ сидѣть; и о чемъ лучится мыслити, мыслять съ царемъ, яко обычай и индѣ въ государствахъ. А лучится царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля, къ этому дѣлу дали способъ; и кто изъ тѣхъ бояръ побольши и разумнѣе, или кто и изъ меньшихъ, и они мысль свою къ способу объявливають; а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуеть многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные, однако сыщется и окромѣ ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ.

4. О приѣздѣ боярскомъ къ царю. Бояре и окольнічіе и думные и ближніе люди приѣзжаютъ къ царю челомъ ударить съ утра рано, на всякій день; и приѣхавъ, въ церквѣ или въ полатѣ, увидѣвъ царя, кланяются передъ

нимъ въ землю; а котораго дни они бояре въ прїѣздѣ своемъ запоздають, или по нихъ посылаеть, а они будутъ къ нему не вскорѣ, или что малое учинять не по его мысли, и онъ на нихъ гнѣвается словами, или велить изъ полаты выслать вонъ, или посылаеть въ тюрьму—и они за свои вины по тому жъ кланяются въ землю, многажды, доколѣ простить; а какъ они и на прїѣздѣ кланяются, а онъ въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ, и противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда. А когда лучится ему сидѣти въ покояхъ своихъ и слушаетъ дѣль, или слова разговорныя говорить, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ,—а пристануть стоя, и они выходятъ отдыхать сидѣть на дворъ; такъ же и послѣ обѣда прїѣзжаютъ къ нему въ вечерни, по вся дни. А прїѣзжаючи они бояре къ царскому двору на лошадахъ верхами, или въ коретахъ и въ саняхъ, и съ лошадей слезаютъ, или изъ коретъ и изъ саней выходятъ, не доѣзжая двора и не близко крыльца; а къ самому крыльцу, или на дворъ его царскій, не ѣздятъ никогда, и лошадей ихъ боярскихъ черезъ дворъ не пускають, а обводятъ кругомъ двора (а ѣздятъ бояря въ коретахъ старыя, которые на лошадахъ сидѣть не могутъ).

5. О мѣстничествѣ. Да у бояръ же, и у думныхъ и у ближнихъ людей, и у иныхъ чиновъ, у стольниковъ, у дворянъ, у дьяковъ и у стряпчихъ и у жильцовъ, обычай таковъ: кого съ кѣмъ царь похочеть послати въ товарищахъ, въ посольство и въ иныя во всякія посылки, и тѣ люди, кому съ кѣмъ велеть быти, свѣдавъ о томъ напередъ, а имъ быти съ ними зачѣмъ будетъ не мочно, учинятся нарочнымъ дѣломъ больны, чтобъ тою приметною болѣзнью тоя службы избыть... И иныя такіе люди съ сердца прикинувся въ болѣзнь умирають многіе, не хотя роду своего передъ другимъ родомъ обезчестить.

Такъ же какъ у царя бываетъ столъ на властей и на бояръ, и власти у царя садятся за столомъ по правой сторонѣ, въ другомъ столѣ, а бояре по лѣвой сторонѣ въ своемъ особомъ столѣ. И какъ тѣ бояре учнутъ садиться за столъ, по чину своему, бояринъ подъ бояриномъ, окольничій подъ окольничимъ и подъ боярами, думный человекъ подъ думнымъ человекомъ и подъ окольничими и подъ боярами, а иныя изъ нихъ, вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность, подъ тѣми людьми садятся за столомъ не

учнуть, поѣдутъ по домоу, или у царя того дни отпрашиваются куда къ кому въ гости; и такихъ царь отпускаетъ. А будетъ царь увѣдаетъ, что они у него учнуть проситися въ гости на обманство, не хотя подь которымъ челоуѣкомъ сидѣть, или не прошався у царя поѣдетъ къ себѣ домоу: и такимъ велить быть и за столомъ сидѣть, подь кѣмъ доведется. И они садитися не учнуть, а учнуть бити челоуѣкомъ, что ему ниже того боярина или окольничаго или думнаго челоуѣка сидѣти не мочно, потому что онъ родомъ съ ними ровень, или и честнѣе, и на службѣ и за столомъ прежь того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подь которымъ велятъ сидѣть, не быввалъ: и такого царь велить посадити сильно; и онъ посадити себя не дастъ, и того боярина безчеститъ и лаеетъ. А какъ его посадятъ сильно, и онъ подь нимъ не сидитъ же и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пуцаютъ и разговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричить: „хотя де царь ему велить голову отсѣчь, а ему подь тѣмъ не сидѣть“ и спустится подь столъ; и царь укажетъ его вывестъ вонъ и послать въ тюрьму или до указу къ себѣ на очи пуцати не велить. А послѣ того, за то ослушаніе, отнимается у нихъ честь, боярство, или окольничество и думное дворянство, и потомъ тѣ люди старья своея службы дослуживаются вновь.

6. Объ отъѣздѣ въ инья земли. Благоразумный читателю! чтучи сего писанія не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ инья государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычай и вольность благую, начали бѣ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домоу своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили. И о поѣздкѣ московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими¹⁾, ни для какихъ дѣлъ ѣзати никому не поволено. А хотя торговые люди ѣзятъ для торговли въ инья государства, и по нихъ по знатныхъ нарочитыхъ людехъ собираютъ поручныя записи за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и съ животами въ иныхъ государствахъ не останися, а возвратитися назадъ совсѣмъ. А который бы челоуѣкъ,

¹⁾ Значить: съ проѣзжими грамотами.

князь или бояринъ, или кто нибудь, самъ или сына или брата своего, послалъ для какого нибудь дѣла въ иное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, — и такому бѣ человѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бѣ были на царя; и ежели бѣ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его остались сродственники, — и ихъ бы пытали, не вѣдали-ль они мысли сродственника своего.

7. О боярскихъ женахъ. Бояръ и окольниковъ, и думныхъ, и ближнихъ людей жены, вдовы и мужни жены, и дочери, вдовы жѣ, и дѣвцы, когда лучится по нихъ для чего нибудь послати царицѣ, или царевнамъ, или онѣ и сами для чего нибудь къ царицѣ и къ царевнамъ ѣхати похотятъ, и онѣ ѣздятъ зимою въ каптанахъ, а лѣтомъ въ колымагахъ. А пріѣзжаячи къ царицыну двору, изъ колымагъ и изъ каптанъ выходятъ у воротъ, а на дворъ не въѣзжаютъ, и приходя къ царицынымъ или царевнинымъ покаямъ, посылаютъ боярынъ сказати о своемъ пріѣздѣ царицѣ или царевнамъ: и будетъ царицѣ или царевнамъ время, и онѣ имъ велятъ быть къ себѣ, а будетъ не время, и имъ отказываютъ; и онѣ боярскія и ближнихъ людей жены, или и дочери, не бывъ у нихъ, поѣдутъ къ себѣ. А когда онѣ бывають у царицы и у царевенъ, и онѣ пришедъ царицѣ и царевнамъ кланяются въ землю, и царица или царевны спрашиваютъ ихъ о здоровьѣ и о чемъ онѣ пріѣдутъ бить челомъ; и подають челобитныя, и царицы и царевны, или и царевичи, челобитья ихъ выслушиваютъ и челобитныя принимаютъ, и по ихъ челобитью бьютъ челомъ царица или царевны, или царевичи, царю — и царь тѣ дѣла, о которыхъ будетъ челобитье, по ихъ прошенію, дѣлаеть, хотя бѣ который князь или бояринъ, или иныхъ большихъ и меньшихъ чиновъ человѣкъ, въ какой бѣдѣ ни былъ, или бѣ о чемъ ни билъ челомъ, или бѣ кто и къ смерти былъ приговоренъ, и, по ихъ прошенію, можетъ царь все доброе учинити и чинитъ; и такихъ дѣлъ множество бываетъ, что царица, и царевичи, и царевны многихъ людей отъ напрасныхъ и не отъ напрасныхъ бѣдъ и смертей освобождаютъ, а иныхъ въ честь возвышаютъ и въ богатство приводятъ.

8. О пирахъ боярскихъ. А въ которые дни бывають праздники Господскіе, или иные нарочитые именныя, и родильные, и крестильные дни: и тѣ дни другъ съ другомъ пиршествуютъ почасту.

Ѣствы жъ обычай готовить, попросту, безъ приправъ, безъ ягодъ и сахару, и безъ перцу, и имбирю, и иныхъ способовъ, малосольны и безукусны. А какъ начнутъ Ѣсти, и въ то время Ѣствы ставятъ на столъ по одному блюду, а инныя Ѣствы приносятъ съ поварни и держатъ въ рукахъ люди ихъ, и въ которой Ѣствѣ мало укусу, и соли, и перцу, и въ тѣ Ѣствы прибавливаютъ на столъ; а бываетъ всякихъ Ѣствъ по 50 и по 100.

Обычай же таковой есть: предъ обѣдомъ велеть выходити къ гостямъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостемъ придутъ, и станутъ въ полатѣ, или въ избѣ, гдѣ гостемъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостемъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дому бьетъ челомъ гостемъ и кланяется въ землю жъ; чтобъ гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости одинъ по единому кланяются женамъ ихъ въ землю жъ, и пришедъ цѣлуютъ, и поцѣловавъ отшедъ по тому жъ кланяются въ землю, а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостемъ малымъ обычаемъ; а потомъ того господина жена учнетъ поднести гостемъ по чаркѣ вина двойнаго, или тройнаго, съ зелья, величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартара, или малымъ больше; и тотъ господинъ учнетъ бити челомъ гостемъ и кланяется въ землю жъ, сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пити вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пити напередъ вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ, и подносятъ гостемъ, и гости предъ питьемъ вина и выпивъ, отдавъ чарку назадъ, кланяются въ землю жъ; а кто вина не пьетъ, и ему вмѣсто вина романей, или ренскаго, или инаго питья по кубку; и по томъ питіи, того господина жена, поклоняся гостемъ, пойдетъ въ свои покои, къ гостемъ же, къ боярынямъ, тѣхъ гостей къ женамъ. А жена того господина, и тѣхъ гостей жены, съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые сродственные, а чужихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ вмѣстѣ. Такимъ же обычаемъ, и въ обѣдъ, за всякою Ѣствою господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романею, и ренское, и пива поддѣльныя и простыя, и меды разные. И въ обѣдъ же,

какъ приносятъ на столъ ѣствы, круглыя пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ того господина сыновни жены, или дочери замужня, или кого сродственныхъ людей жены, и тѣ гости, вставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ, тѣмъ женамъ кланяются, и мужья тѣхъ женъ по тому же кланяются и бьютъ челомъ, чтобъ гости женъ ихъ цѣловали и вино у нихъ пили; и гости, цѣловавъ тѣхъ женъ, и пивъ вино, садятся за столъ, а тѣ жены пойдуть по прежнему, гдѣ сперва были. А дочерей они своихъ, дѣвицъ, къ гостемъ не выводятъ и не указываютъ никому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, и по обѣдѣ господинъ и гости по тому жъ веселятся и пьютъ другъ про друга за здоровья, разѣдуются по домоу. Такимъ же обычаемъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоинству, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужскаго полу, кромѣ женъ и дѣвицъ, у нихъ не бываетъ ни кого.

9. О свадьбахъ. А лучится которому боярину и ближнему человѣку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити, или дочь, или сестру и племянницу выдать замужь: и они межъ себя, кто свѣдавъ у кого невѣсту, посылаютъ къ отцу тоя невѣсты, или къ матери, или къ брату, говорити друзей своихъ, мужескъ полъ или женскій, что тотъ человѣкъ прислалъ къ нему, велѣлъ говорить и спросити, ежели они похотятъ дочь свою или иного кого выдать замужь за него за самого, или за иного кого, что будетъ за тою дѣвицею приданаго, платьемъ, и деньгами, и вотчинами, и дворовыми людьми. И тотъ человѣкъ, будетъ хочеть дочь свою, или иного кого, выдать замужь, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужь радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и съ родичами, а подумавъ учинить имъ отповѣдь, котораго дня мочно; а будетъ дать за него не хочеть, вѣдая его, что онъ пьяница, или шаленой, и иной какой дурной обычай за нимъ вѣдаетъ, и тѣмъ людямъ откажетъ, что ему дати за такого человѣка не мочно, или чѣмъ ни-будь отговорится и откажетъ.

А будетъ умыслить за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ: и онъ, изготова роспись, сколько за тою дѣвицею дастъ приданаго, денегъ, и серебряныя и иныя посуды, и платья, и вотчинъ, и дворовыхъ людей, пошлетъ къ тѣмъ людямъ, которые къ нему отъ жениха приходили,

а тѣ люди отдадутъ жениху; а дочери, или кому ни буди, о томъ не скажутъ, и не вѣдаетъ до замужества своего. И будетъ тому жениху по тому приданому та невѣста полюбится, посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери говорить, черезъ ихъ же людей, чтобъ они ему тое невѣсту показали; а какъ тѣ посланные люди придутъ и говорить о томъ учнутъ, и отецъ или мать тоя невѣсты скажутъ, что они дочь свою показать ради, только не ему самому жениху, а отцу или матери, или сестрѣ, или сродственной женѣ, кому онъ женихъ самъ вѣритъ. И по тѣмъ ихъ словамъ посылаетъ женихъ смотрити мать свою или сестру, на который день приговорять: и тоя невѣсты отецъ и мать къ тому дни готовятся, и невѣсту нарядятъ въ доброе платье, и созовутъ гостей, сродственныхъ людей, и посадятъ тое невѣсту за столъ; а какъ та смотрильщица прѣдетъ, и ей честь воздавъ, посадятъ за столъ подлѣ тоя невѣсты;—и сидячи за столомъ, за обѣдомъ, та смотрильщица съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, извѣдываячи ея разуму и рѣчи, и высматриваетъ въ лицо, и въ очи, и въ примѣты, чтобъ сѣказать, прѣхавъ къ жениху, какова она есть; и бывъ малое или многое время, поѣдетъ къ жениху. И будетъ той смотрильщицѣ та невѣста не полюбится, и она скажетъ жениху, чтобъ онъ къ ней больше того не сватался, присмотритъ ее, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или безъязычна, — и тотъ женихъ отъ тоя невѣсты отстанетъ прочь, и больше того свататься не учнетъ; а будетъ та невѣста полюбилась, и скажетъ тому жениху, что добра и разумна, и рѣчью и всѣмъ исполнена, и тотъ женихъ посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери тѣхъ же первыхъ людей, что онъ тое невѣсту излюбилъ, и хочетъ съ нимъ учинить сговоръ и записи написать, что ему на ней жениться на поставленный срокъ, а они бѣ по тому жъ тое невѣсту за него выдали на тотъ же срокъ. И тоя невѣсты отецъ и мать приказываютъ съ тѣми присланными людьми къ жениху, чтобъ онъ прѣхалъ къ нимъ для сговору съ небольшими людьми, кому онъ въ такомъ дѣлѣ вѣритъ, того дни до обѣда или по обѣдѣ; и скажетъ имъ день, когда къ нему быть, и къ тому дни готовиться. И женихъ, дождався того дни, нарядясь съ отцомъ своимъ, или сродичами, или съ друзьями, кого любить, поѣдетъ къ невѣстину отцу или матери; а прѣхавъ, и невѣстину

отецъ и сродственные встрѣчаютъ ихъ и честь воздадутъ, какъ годится, и идутъ въ хоромы и садятся по чину; а посидѣвъ учтеть говорить отъ жениха отецъ, или иной сродственникъ, что они пріѣхали къ нимъ для добраго дѣла, по его приказу; и господинъ дому своего отвѣщаетъ, что онъ радъ ихъ пріѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. И они межъ себя, съ обѣ стороны, учнутъ уговариваться о всякихъ свадебныхъ статьяхъ и положить свадьбѣ срокъ, какъ кому мочно къ тому времени изготovitъся, за недѣлю, и за мѣсяць, и за полгода, и за годъ, и больше; и учнутъ межъ себя писати въ записѣхъ своихъ имена, и третьихъ, и невѣстино, а напишутъ, что ему по сговору тое невѣсту взять на прямой установленный срокъ, безъ премѣненія, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ, безъ премѣненія; и положить въ томъ письмѣ межъ собою зарядъ: будетъ тотъ человѣкъ на тотъ установленный срокъ тоя дѣвицы не возьметъ, или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взяти на виноватомъ 1000, или 5000, или 10,000 рублей денегъ, сколько кто напишетъ въ записи. И сидѣвъ у него въ гостяхъ, ѣдчи и пивъ, поѣдутъ къ себѣ, а невѣсты ему не покажутъ, и невѣста его жениха не выдаетъ; а выходить въ то время ширинкою дарити жениха отъ невѣсты мать, или замужняя сестра, или чья сродственная жена.

И послѣ того сговору женихъ провѣдаетъ про тое невѣсту, или кто со стороны, хотя тое невѣсту взять за себя, или за сына, нарочно тому жениху разобьетъ, что она глуха, или нѣма, или увѣчна, и что нибудь худое за нею провѣдаетъ, или скажутъ, и тотъ человѣкъ тоя невѣсты за себя не возьметъ:—и тоя невѣсты отецъ и мать бьютъ челомъ о томъ патриарху, что онъ по сговору своему и по заряду тоя невѣсты на срокъ не взялъ, и взяти не хочетъ, и тѣмъ ее обезчестилъ; или тоя невѣсты отецъ и мать, провѣдавъ про того жениха, что онъ пьяница, или зернщикъ, или уродливъ, или что нибудь свѣдавъ худое, за него не выдастъ и выдать не хочетъ, и тотъ женихъ бьетъ челомъ о томъ патриарху. И патриархъ велитъ про то сыскать, и по сыску по заряднымъ записямъ на виноватомъ возьмутъ зарядъ, что будетъ въ записи написано, и отдадутъ правому жениху, или невѣстѣ; а послѣ того вольно ему жениться на комъ хочетъ, или невѣсту вольно выдать, за кого хочетъ же.

Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываетъ противъ того жъ обычая, во всемъ; но только въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ съ дворянскимъ чиномъ рознится, сколько кого станетъ.

А будетъ у котораго отца, или матери, есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очми, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другія сестры ростомъ и красотою, и рѣчью исполнены и во всемъ здоровы; и будетъ кто учнетъ свататься у того человѣка на дочери его, и посылаетъ смотрити мать свою или сестру, и кому вѣрить, и тѣ люди вмѣсто тоя своея увѣчныя дочери, назвавъ именовъ тоя дочери, за которую не вѣдаючи учнутъ свататься, показываютъ другую или третью дочь, п та присланная, смотря дѣвицы тоя, излюбитъ и скажетъ жениху, что она добра и жениться на ней мочно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ, и о свадьбѣ у нихъ съ отцемъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именовъ дѣвицѣ жениться на срокъ, а тому человѣку тое свою дѣвицу за него выдать на тотъ же уставленный срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ заряды великіе, что платить виноватому не мочно; а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочь, которая имя въ записяхъ своихъ нишутъ, а не тое, которую сперва смотрильщицѣ показывали, и тотъ человѣкъ, женися на ней, того дни въ лицо ея не усмотритъ, что она слѣпа, или крива, или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ, что она нѣма или глуха, потому что въ тое свадьбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также ежели хрома и руками увѣчна, и того потому жъ не узнаетъ, потому что въ то время ее водятъ свахи подъ руки... А какъ отвѣчався ее увидитъ, что не добръ добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучиться, и потомъ умыслить надъ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинить, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески, до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричься сама.

А котораго человѣка обмануть, выдаютъ за него дѣвицу, не тое, которую показывали смотрильщицѣ, бьетъ челомъ о томъ патриарху и властемъ: и по его челобитью возьмутъ у нихъ зарядныя записи и допрашиваютъ сосѣдей и дворовыхъ людей, по душамъ, что впрямь ли вы-

дана та, которая въ записи стоитъ именемъ? И будетъ та, и по тому такъ и быти противъ записей, и что скажутъ люди,—а тому не вѣрять, которую смотрилъ, для того: не провѣдавъ подлинно, не женися. А будетъ сосѣди и сторонніе, и дворовые люди скажутъ, что выдалъ дочь свою не тое, которая въ записи написана, и такихъ мужа и жену разведутъ, да сверхъ того, кто не правдою выдалъ, возьмутъ пеню большую и убытки жениховы, да его жъ за такое воровство бьютъ кнутомъ, или еще временемъ бьваетъ больше того, каково полюбится царю.

Также у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ ни буди худымъ, и вмѣсто ея на обманство показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ именемъ инымъ и нарядя въ платье въ иное. А будетъ которая дѣвица ростомъ невелика, и подъ нея подставляютъ стулы, потому что видится добродна, а на чемъ стоитъ, того не видѣтъ.

А которыя дѣвицы бьвають увѣчны, и стары, и замужъ ихъ взять за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастырехъ, безъ замужества.

А который человекъ женихъ похочетъ смотрити невѣсты самъ, и по его прошенію отецъ или мать, вѣдая дочь свою, что ее предъ людьми показать не въ стыдъ, укажутъ тому жениху; и тотъ женихъ, смотря тоя невѣсты, а послѣ того ему не полюбится, и тое невѣсту начнетъ хулить и поносить худыми и позорными словами, и другихъ жениховъ учнетъ отъ нея отбивать прочь; и тоя невѣсты отецъ, или мать, или кто нибудь, провѣдавъ о томъ, учнетъ о томъ бить челомъ патриарху или властемъ, что тотъ человекъ невѣсты ихъ смотрилъ самъ, а послѣ ее хулить и безчестить, и другимъ людямъ разбиваетъ, чтобъ о томъ они указъ чинили: и по сыску патриархъ и власти, кто смотря хулилъ и безчестилъ тое невѣсту, велятъ женити его на ней сильно; а будетъ онъ женится до того челолюбится на иной, той невѣстѣ возьмутъ безчестье по указу.

Благоразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися временемъ съ невѣстою самому.

10. О женскомъ полѣ. Московскаго государства женскій полъ грамотъ неученныя, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты и на отговоры не смышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покаяхъ, и oprичъ самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ и они людей видѣти не могутъ — и потому мочно дознаться, отъ чего бѣ имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ; также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потомужъ люди видають мало.

11. О слугахъ боярскихъ. Да бояре жъ, и думные, и ближніе люди, въ домѣхъ своихъ держать людей, мужскаго полу и женскаго, челоуѣкъ по 100 и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000, сколько кому мочно, смотря по своей чести и по животамъ; и дають тѣмъ людемъ жалованье, погодное, женатымъ рубли по 2 и по 3, и по 5, и по 10, смотря по челоуѣку и по службѣ ихъ, да имъ же платье какое прилучится, хлѣбъ и всякій харчъ, помѣсячно; а живутъ они своими покоями, на томъ же боярскомъ дворѣ. Да ихъ же женатыхъ добрыхъ людей посылають бояре погодно въ вотчины свои, въ села и въ деревни, по приказомъ, по перемѣнамъ, и укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ имати жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ было поживиться. А холостымъ людемъ, большихъ статей, дають жалованье денежное не по большому, а меньшей статьи жалованья не дается, да имъ же дается всякое платье, и шапки, и рубашки, и сапоги; и живутъ тѣ холостые люди, большихъ статей, въ нижнихъ дальнихъ покаяхъ, а меньшей статьи живутъ въ верхнихъ покаяхъ, и пьютъ и ѣдятъ съ боярской поварни; да имъ же въ праздничные дни всѣмъ дается по двѣ чарки вина. А женскій полъ, вдовы живутъ въ своихъ мужнихъ домѣхъ, и дается имъ годовое жалованье и мѣсячный кормъ; а инныя вдовы и дѣвицы живутъ у женъ ихъ боярскихъ и у дочерей въ покаяхъ, и дають имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ съ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдають они бояре замужъ, съ надѣлкомъ, за своихъ дворовыхъ людей, кого кто ивлюбитъ, или временемъ бываетъ, выдають чрезъ неволю; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромѣхъ, какъ чинъ повелся всякого чину людемъ женитися; и ѣства и питье, и платье парядное, бываетъ все боярское;

а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ, мужской и женской полъ, вѣчные и кабальные. Да въ домѣхъ ихъ боярскихъ учинены приказы, для всякихъ домовыхъ дѣлъ, и и приходовъ, и расходовъ, и для сыску, и расправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ.

12. О жизни меньшихъ чиновъ. А въ домѣхъ они своихъ живутъ противъ того, кто какой чести и чиномъ, безъ великаго устроения. И самымъ меньшимъ чиномъ домовъ своихъ построить добрыхъ не мочно, потому что разумѣютъ о нихъ: богатство многое имѣютъ; и ежели построятся домомъ какой приказной человекъ, оболгутъ царю и многія кривды учинять, что будто онъ былъ посульникъ и злоиматель и царскія казны не берегъ, или казну воровски кралъ, и отъ того злого слова тому человеку и не во время будетъ болѣзнь и печаль; или ненавидя его пошлютъ на иную царскую службу, которого ему дѣла исправить не мочно, и наказъ ему напишутъ, что онъ изъ него выразумѣть не умѣетъ, и тою службою прослужится, и ему бываетъ наказаніе, и домъ, и животы и вотчины возьмутъ на царя и продадутъ, кто хочетъ купити. А ежели торговый человекъ и крестьянинъ построятся добрымъ самымъ обычаемъ, и на него положить на всякой годъ податей больше. И отъ того Московскаго государства люди домами своими живутъ негораздо устроенными, и города и слободы безъ устроения жъ.

18. Изъ сочиненій протопопа Аввакума.

Въ исторіи умственного движенія XVII вѣка въ Россіи особенное и очень важное мѣсто занимаетъ столкновение ревнителей закоснѣлой русской старины съ новыми требованіями жизни, съ новыми теченіями мысли, шедшими къ намъ съ Запада.

„Чтобы понять личность и реформу Петра, — говоритъ Н. С. Тихонравовъ, — нужно пристально взглянуть въ суровыя лица братьевъ поборниковъ русской старины, нужно вслушаться въ сильныя, подхваченныя стоустою толпою рѣчи ихъ о необходимости умирать за крестъ и молитву, за свою брану честную, нужно оцѣнить высокое историческое значеніе XVII вѣка для Россіи — вѣка, пытавшаго тяжелою внутреннею борьбою силы русскаго народа и недаромъ представлявшагося современникамъ „антихристовымъ временемъ“. Много жертвъ пало съ той и другой стороны. Исторія

разсѣть взаимныя недоразумѣнія. Возможно спокойное, свободное и безпристрастное изученіе минувшихъ судебъ русскаго старообръчества должно немало тому содѣйствовать“.

Первое мѣсто среди такихъ подвижниковъ занимаетъ извѣстный расколоучитель, протопопъ г. Юрьевца Поволжскаго, Аввакумъ Петровичъ (1610—1681 г.)—могучій и узкій фанатикъ, человекъ необычайной нравственной силы, суровый аскетъ. Жизнь прот. Аввакума — рядъ непрерывныхъ испытаний: заточеній въ земляныхъ ямахъ, пытокъ, ссылокъ, оскорбленій и издѣвательствъ, съ рѣдкими минутами кратковременнаго и далеко неполнаго нравственнаго отдыха. Среди всѣхъ этихъ испытаний нельзя указать ни одного, которое бы сколько-нибудь его пригнуло; наоборотъ, всякое преслѣдованіе встрѣчалъ онъ самой вызывающей, самой горячей и прямой отвѣдью. Аввакумъ всюду непоколебимъ. Героническая смерть достойно завершила полную страданія жизнь. Мельниковъ-Печерскій, основываясь на преданіи старообръцовъ, такъ рассказываетъ о сожженіи Аввакума съ товарищами въ 1681 г. на площади г. Пустозерска, въ которомъ Аввакумъ провелъ послѣдніе годы жизни въ заточеніи:

„Собрался народъ и снялъ шапки... дрова подожгли, — замолчали всѣ: Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ и началъ говорить народу: „вотъ, будете этимъ крестомъ молиться, во вѣкъ не погибнете, а оставите его—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ: а погибнетъ городокъ—настанетъ и свѣту конецъ!“ Огонь охватилъ казнимыхъ и одинъ изъ нихъ закричалъ, — Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли“.

Эта предсмертная просьба молиться *двуперстнымъ* знаменіемъ хорошо опредѣляетъ то, что Аввакумъ считаетъ важнѣйшимъ въ своемъ ученіи. Это была борьба главнымъ образомъ за букву, за обрядъ, за все, завѣщанное стариной.

Аввакуму приписываютъ до 43 сочиненій; изъ нихъ II. Субботиннымъ въ „Матеріалахъ для исторіи раскола“ (т. I и V) напечатаны 37; въ томъ числѣ его знаменитая автобіографія („Житіе“). Сочиненія Аввакума — „Житіе“ и посланія, изъ которыхъ мы приводимъ ниже отрывки, даютъ великолѣпный образецъ простого, сильнаго языка XVII в., то наивно трогательнаго, то грубо реальнаго. Выбранные эпизоды его біографіи хорошо рисуютъ ту наивную и жестокою эпоху и даютъ понять, что приходилось испытывать этому убѣжденному ревнителю старины. Его рассказъ вмѣстѣ съ посланіями даетъ намъ вѣрное представленіе и объ его взглядахъ и о героической силѣ его непреклонной личности.

Биографическій очеркъ, составленный проф. В. А. Мякотиннымъ (изд. Павленкова), хорошо знакомитъ съ жизнью Аввакума.

I. Изъ „Житія“.

1. Аввакумъ-священникъ въ селѣ Лопатицахъ на Волгѣ. Придоша въ село мое плясовые мед.

вѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, — одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле. И за сіе меня Василей Петровичъ Шереметевъ, пловучи Волгою въ Казань на воеводство, взялъ на судно и браня много велѣлъ благословить сына своего Матвѣя, брито-брадца. Азъ же не благословилъ, но отъ писанія его порицалъ, видя блудоносный образъ. Боляринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали, а опослѣ учинились добры до меня: у царя на сѣняхъ прощались, а брату моему меньшому боярыня Васильева и дочь духовная была. Такъ то Богъ строитъ своя люди!

2. Переходъ въ городъ Юрьевецъ. По малѣ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста того вдругорядъ. Азъ же сволокся къ Москвѣ и Божією волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевцѣ Повольскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволъ научилъ поповъ, и мужиковъ и бабъ: пришли къ патриархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа собраніемъ (человѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было), среди улицы били батожемъ и топтали, а бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжалъ и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворішко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы вопятъ: „убить вора, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ“. — Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Даніила изгнали. Охъ, горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ къ Москвѣ; духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинися печалень: на что де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ; — опять кручина: На что де городъ покинулъ? А жена, и дѣти и домочадцы человѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались — невѣдомо живы, невѣдомо прибиты, — тутъ паки горе!

3. Въ Москвѣ; борьба съ Никономъ, начало преслѣдованія. Таже меня взяли отъ всеобщаго, Борисъ Нелединскій со стрѣльцами; человѣкъ со мною съ шесть-

десять взяли; ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріарховѣ дворѣ на чѣпъ посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андропьева монастыря. И тутъ на чѣпи кинули въ темную палатку,—ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ,—во тьмѣ сидя, кланялся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я въ третій день приалченъ, сирѣчь ѣсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною, не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ чело-вѣкъ,—и по се время не знаю,—токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ чѣпію къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и ложку въ руки далъ, и хлѣбца немножко, и штець далъ похлебать,—зѣло превкусны хороши, и реклъ мнѣ: „полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію“. Да и не стало его. Двери не отворялись, а его не стало. Дивно только чело-вѣкъ, а что же ангелъ, ино не чему дивиться: вездѣ ему не загорожено. На утро архимандритъ съ братією пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую чѣпъ да малую наложили, отдали чернцу подъ начальъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы деруть, и подъ бока толкають, и за чѣпъ торгають, и въ глаза плюють. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли.

4. Въ Сибири (первая ссылка). Также сѣлъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми,—что выше сего рекохъ,—поѣхалъ на Лену. А какъ приѣхалъ въ Енисейской, другої указъ пришелъ: велѣно въ Дауры везти,—двадцать тысячъ и больше будетъ отъ Москвы. И отдали меня Аѳанасью Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 чело-вѣкъ; и, грѣхъ ради моихъ, суровъ чело-вѣкъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ. И я его много уговаривалъ, да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ будемъ въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурею дощеникъ мой: совсѣмъ налился среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребятъ кое какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: „Господи, спаси! Господи, помози!“

На другомъ, Долгомъ порогѣ сталъ (Пашковъ) меня изъ дощеника выбивать: „для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи“. О, горе стало! Горы высоки, дерби непроходимыя, утесъ каменной, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть, заламя голову! Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зми великіе; въ нихъ же витають гуси и утицы—періе красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри многіе дикіе: козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе—во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрми и птицами витати, и азъ ему малое писаньице написалъ, сице начало: „Человѣче! убойся Бога сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Егоже трепещуть небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь.“ и прочая, тамъ многонько писано. И послать къ нему. А се бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдныя и ѣдятъ, и дрожать, а иныя плачутъ, глядя на меня; жалѣють по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ и дрожить; началъ мнѣ говорить: „попъ-ли или распопъ?“¹⁾ И азъ отвѣщалъ: „Азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори: что тебѣ дѣло до меня?“ Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, таже по другой и паки въ голову и сбиль меня съ ногъ и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ. И я говорю: „Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ“. Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: „пощади“. Ко всякому удару молитву говорилъ, да среди побой вскричалъ я къ нему: „полно бить то!“ Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: „за что ты меня бьешь: знаешь ли?“ И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ; и отпустили: я задрожалъ да и упалъ, и онъ велѣлъ меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть²⁾ кинули. Осень была, дождь на меня шель; всю ночь подъ капелью лежалъ...

¹⁾ Аввакуму въ это время было запрещено служить.

²⁾ Беть—поперечная скрѣпа барокъ.

5. Возвращеніе изъ ссылки. Таже съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русѣ. Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робята и подъ рухлядишко даль¹⁾ двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣшіе, убивающесе о ледь. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и томные люди. Протопопица бѣдная бредеть, бредеть, да и повалится: скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной томной же человекъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричить: „матушко государыня! прости!“ А протопопица: „что ты, батько, меня задавилъ?“ Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняеть, говоря: „долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?“ И я говорю: „Марковна, до самыя смерти!“ Она, вздохня, отвѣчала: „Добро, Петровничъ; ино еще побредемъ.“

Курочка у насъ черненька была: по два яичка на день приносила робяти на пищу Божіимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая: Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ. И нынѣча жалъ мнѣ курочки той, какъ на разумъ придеть. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублевъ при ней плюново дѣло! жалю! И та курочка, одушевленное Божіе твореніе, насъ кормила, а сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала, и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали; такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала: чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобны ей куры. Молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки Божіимъ мановеніемъ изцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того то племени и наша курочка была. Да полно того говорить: у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Ковма и Даміанъ человекомъ и скотомъ благодѣйствовали и цѣлили о Христѣ. Богу

¹⁾ Пашковъ.

вся надобна: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго Владыки, еще и человекъ ради.

Десять лѣтъ онъ¹⁾ меня мучилъ—или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка. Перемяна ему пришла, а мнѣ грамота: велѣно ѣхать на Русь. Онъ поѣхалъ, а меня не взялъ, умы шлялъ въ умѣ своемъ: „хотя де онъ одинъ и поѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы.“ Онъ въ дощеникахъ со оружіемъ и людьми уплылъ, а слышалъ я, ѣдучи, отъ иноземцевъ дрожали и боялись. А я мѣсяць спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ не годны, человекъ съ десятокъ, да я съ женой и дѣтьми, 17 насъ человекъ въ лодку сѣдше, уповаю на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, аможе Богъ наставитъ, ничего не бояся. Книгу Кормчую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Да друга моего Василия выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моя голова искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ. А послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смерти убить, и я выпросилъ у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго! либо покается о грѣсѣхъ своихъ. Да и другаго такого же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ ушелъ въ лѣсъ отъ смерти и, дождався меня на пути, плачучи кинулся мнѣ въ карбасъ. Ано за нимъ погоня, дѣтъ стало негдѣ. Я-су, простите, своровалъ: яко Раавъ блудница во Іерихонѣ Іесуса Навина людей, спряталъ его, положи на дно въ суднѣ и постелю накинулъ и велѣлъ протопопицѣ и дочери лечь на него. Вездѣ искали, а жены моей съ мѣста не тронули, лишь говорятъ: „матушка! опочивайте; итакъ ты, государыня, горя натерпѣлась.“ А я, простите, Бога ради,—лгалъ въ тѣ поры и сказывалъ: нѣту его у меня!“—не хотя его на смерть выдать. Поискавъ, пошли ни съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Старецъ да и рабъ Христовъ! Простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется, не велико ли мое согрѣшеніе?

6. Въ Москвѣ. Милость царя. Таже къ Москвѣ приѣхалъ и, яко ангела Божія пріяша мя, Государь и бояра; всѣ мнѣ рады. Къ Ѳедору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня

¹⁾ Пашковъ.

и учили говорить съ нимъ много: три дня и три нощи домою меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставитъ велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: „здорово ли де, протопопъ, живешь? еще-де видѣться Богъ велѣлъ“. И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: „Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ“. Онъ же, миленькой, вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему. И иное кое что было, да что много говорить— прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: „благослови-де меня и помолися о мнѣ“! И шапку въ иную пору мурманку снимаючи съ головы, уронилъ ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ. Таже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: „Протопопъ, благослови и молися о насъ“. Какъ су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль о су! видишь, каковы были добры: давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа приобрящу и смерть поминая, яко вся сія мимоидеть.

7. Возобновленіе борьбы. Ссылка на Мезень. Видятъ они, что я не соединяюсь съ ними; приказалъ государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: царь, то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ, либо помаленьку исправится. А се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на Печатномъ дворѣ книги править; и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества.... Такъ то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ,—паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика... Съ тѣхъ мѣсть царь на меня кручиновать сталъ: не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. А власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже раби Христовы многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить.

И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: „власти-де на тебя жалуются, церкви де ты запустошилъ; поѣдь-де въ ссылку опять“, — сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень; надавали было кое чего во имя Христова люди добрые много, да и все осталось тутъ; токмо съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы повезли. По городамъ паки людей Божьихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень.

8. Снова въ Москвѣ. Лишеніе сана и судъ надъ Аввакумомъ. Полтора года державъ, паки одного къ Москвѣ взяли¹⁾ да два сына со мною, Иванъ да Прокопій, съѣхали же, а протопопица и прочія на Мезени остались всѣ. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ начальъ въ Пафнутьевъ монастырь²⁾; и туда присылка была, тоже да тоже говорятъ: „долго ли тебѣ мучить насъ? Соединись съ нами, Аввакумушко!“ Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ и послалъ...

Таже, державъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на чѣпи, взяли меня паки въ Москву и въ крестовой³⁾ стяжашася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносѣ⁴⁾ меня идиакона Ѳедора, потомъ и проклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было мятежно въ обѣдню ту. И подержавъ на патриарховѣ дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь. И бороду враги Божьи отрѣзали у меня. Чему быть! волки то есть, не жалѣютъ овецъ; оборвали, что собаки, одинъ хохоль оставили, что у поляка, на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не вѣдали: сами видятъ, что дуруютъ, а отстать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволь; что на нихъ и пенять...

1) Это было уже во время разрыва между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и Никономъ. Въ Москвѣ было рѣшено собрать въ 1666 г. соборъ духовенства для суда надъ раскольниками, а къ слѣдующему 1667 г. на соборъ были приглашены патриархи Александрійскій и Антиохійскій, которые должны были высказаться и по поводу раскольничьяго движенія и по поводу распри между царемъ и Никономъ. Къ 1 марта 1666 г. Аввакумъ былъ привезенъ съ Мезени въ Москву, 13 мая онъ былъ разстриженъ. Передъ вселенскими патриархами онъ былъ поставленъ 17 июня 1667 года.

2) Пафнутьевъ Боровскій монастырь, основанный Іосифомъ Волоколамскимъ, съ его временъ служилъ тюрьмой для еретиковъ.

3) Т. е. въ патриаршей крестовой палатѣ.

4) Послѣ „малаго выхода“ за обѣдней, когда Св. Дары переносятся съ жертвенника на престолъ.

Держали меня у Никола въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ Божіе присѣщеніе было; чти въ царевѣ посланіи, тамо обрящеши. И царь приходилъ въ монастырь: около темницы моей походилъ и, постовавъ, опять пошелъ отъ монастыря; кажется по тому, и жаль ему меня, да что воля Божья такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе въ Верху¹⁾ у нихъ бысть съ царицей съ покойницей: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня. О томъ много говорить; Богъ ихъ простить!..

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна держали годъ безъ мала...

Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворье и, волоча многжды въ Чудовъ, поставили передъ вселенскихъ патріарховъ; и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли. Отъ писанія съ патріархами говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и: посрамилъ ихъ Христось. Послѣднее слово ко мнѣ рекли „что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де трема персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты; такъ не подобаетъ“. И я имъ о Христѣ отвѣщаль сице: „Вселенстїи учителїе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православїе пестро стало отъ насилїя турскаго Магмета, немощни есте стали. И впредь прїѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божїей благодатїю самодержство, до Никона отступника въ нашей Россїи у благочестивыхъ князей и царей все было православїе чисто и непорочно и церковь немятежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали трема персты креститься; а первые наши пастыри, яко же сами пятїю персты крестились, тако же и благословляли по преданїю святыхъ отецъ нашихъ Мелетїя Антіохійскаго, Феодорита блаженнаго, епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московскїй помѣстный бывшїй соборъ при царѣ Иванѣ, также слагая персты креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же прежнїи святїи отцы, Мелетїи и прочїи, научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша на соборѣ

¹⁾ Т. е. въ жилыхъ комнатахъ дворца.

знаменосцы Гурій и Варсанофій, казанскіе чудотворцы, и Филипъ, соловецкій игумень, отъ святыхъ русскихъ“. — И патріарси задумалися; а наши, что волченки, вскоча, завыли, и плевать стали на отцевъ своихъ, говоря: „глупы де были и не смыслени наши русскіе святыне; неученные де люди были: чему имъ вѣрить? они де грамотѣ не умѣли!“ О Боже святой! како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало; побранилъ ихъ, сколько могъ, и послѣднее слово рекъ: „Чистъ есмь азъ и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному; лучше единъ, творяй волю Божію, нежели тмы беззаконныхъ“. Такъ на меня и пуще закричали: „возьми, возьми его: всѣхъ насъ обезчестилъ“; да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человекъ съ 40 ихъ, чаю, было,—велико антихристово войско собралось. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ; и я закричалъ: „Постойте, не бейте!“ Такъ они всѣ отскочили и я толмачу архимандриту говорить сталъ: „Говори патріархомъ: Апостоль Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и проч., а вы, убивше человекъ, какъ литоргисать станете?“ Такъ они сѣли. А я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: „посидите вы, а я полежу“,—говорю имъ. Такъ они смѣются: „дуракъ-де протопогъ, и патріарховъ не почитаетъ!“ И я говорю: „мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны“. Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали говорить со мною, и мнѣ Христось подалъ, посрамилъ я въ нихъ римскую (ересь) Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Евфимей, чудовской келарь, молвилъ: „Правъ де ты, нечего-де намъ больше того говорить съ тобою“; да и повели меня на чѣпъ. Потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повезли меня на Воробьевы горы...

Въ концѣ августа 1667 г. Аввакумъ съ товарищами были вывезены изъ Москвы въ Пустозерскъ. 14 лѣтъ провелъ неуязвимый протопогъ въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ своего заключенія. Онъ не переставалъ и тамъ проповѣдовать и бороться съ „никоніанами“. Извѣстность его была такъ велика и уваженіе къ нему такъ сильно, что далекія ссылки и заточеніе въ земляной тюрьмѣ не помѣшали ему остаться учителемъ вѣрныхъ его послѣдователей, число которыхъ все увеличивалось. Неизвѣстно какъ, онъ получилъ возмож-

ность свободно писать: всё его многочисленныя письма и посланія къ вѣрнымъ, самая автобіографія его—все это было написано тутъ, въ засыпанной землею ямѣ Пустозерска, на маленькихъ лоскуткахъ бумаги. Невѣдомыми путями всё эти листочки расходились по Руси, читались и переписывались, какъ драгоценныя слова наставника-мученика; они пересылались въ Москву; таинственныя руки доставили по адресу даже два посланія Аввакума къ царю Алексѣю Михайловичу. Правительство усиливало строгости тюремнаго заключенія,—все было бесполезно; наконецъ, когда умеръ царь Алексѣй, и Аввакумъ отправилъ новому царю Ѳедору Алексѣевичу посланіе, гдѣ говорилъ: „Богъ судить между мной и царемъ Алексѣемъ; въ мукахъ онъ сидитъ,—слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду,“—приказано было „за великія на царскій домъ хулы“ сжечь Аввакума съ товарищами.

Ниже предлагаются отрывки изъ писемъ и посланій Аввакума, характерныя для его взглядовъ на различные вопросы вѣры и жизни.

II. Изъ посланій Аввакума.

1. О церковныхъ новшествахъ. По попущенію Божію умножилось въ русской землѣ иконнаго письма неподобнаго. Изографы пишутъ, а власти соблаговоляютъ имъ, и всё грядутъ въ пропасть гибели, другъ за друга уцѣпившеся.. Пишутъ Спасовъ образъ Эммануила—лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявыя, руки и мышцы толстыя, тако же и у ногъ бедра толстыя, и весь яко Нѣмчинъ учиненъ, лишь сабли при бедрѣ не написано. А все то Никонъ-врагъ умыслилъ будто живыхъ писати. А устрояетъ все по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому, яко же фрязи пишутъ... Не поклоняйся ты, рабе Божій, неподобнымъ образамъ, писаннымъ по нѣмецкому преданію, яко же трое отроци въ Вавилонѣ тельцу златому на полѣ Деирѣ. Толсто тоже телище было вылито и велико, что нынѣшнія иконы. Старые добрые изографы писали не такъ подобіе святыхъ: лицо, и руки, и всё чувства отончали, измождали отъ поста, и труда и всякія скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ измѣнили, пишете таковыхъ же, каковы сами.

Русскіе возлюбили обычаи и поступки римскаго костела, а свои истинные возненавидѣли и держащихся православія токмо жги да пали! Охъ, охъ, бѣдная Русь! чего тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ обычаевъ?

2. О свѣтской мудрости и западной наукѣ. Я не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философій, а разумъ Христовъ въ себѣ имѣю... Не нищи глаголь высокословныхъ,

$\begin{array}{r} 14 \\ 30 \\ \hline 1859 \\ \hline 1573 \end{array}$	$\begin{array}{r} 14 \\ 1573 \\ \hline 286 \end{array}$	$\begin{array}{r} 286 \\ \hline 143 \end{array}$	$\begin{array}{r} 14 \\ 1573 \\ \hline 11 \\ 1433 \end{array}$	$\begin{array}{r} 12 \\ 440 \\ \hline 1879 \\ \hline 13 \\ 1433 \end{array}$	$\begin{array}{r} 11 \\ \hline 13 \end{array}$
		15	14	14	

64

Статья чиленная убои предрое Дилогикое. Оид
ниль долах улаз

Для ти право хався пидить дом вууфаркид
 сете. понемеукид землямь влатниб нвоффа
 индишн землв, улаздить пи два дима, ддо
 рудо наархд адрото виподи. Аирме имн е
 ста, втржее дило мардита мато долн взати ай
 копее дило мардита нажолно долн радробитца дило
 золотника им дила им сто пидитя. бажно им маю
 шце. $\frac{3}{4}$ по вать кипокее дило налетуре оом. радроби
 ло, сазди ютхд три долн. ино станать три дити
 по шце $\frac{3}{4}$ айше поамбже смитри здр $\frac{2}{3}$ по
 дна пидитца, айше $\frac{5}{8}$ пое пидитинв. айше $\frac{2}{10}$
 пое ддрбидитини, айше $\frac{2}{3}$ пое ддрбидити. айше
 $\frac{5}{7}$ пое шце ситив, айше $\frac{10}{11}$ пое ддрбидитини

Рис. 9. Изъ рукописной Арифметики 1684 года.

но смиренномудрія. А кто гордостью движется, Платонски на судѣ поучается говорить, таковой всяко изнеможетъ и отвержется. Гордоусцевъ тѣхъ не любитъ Господь. Молись передъ Владыкою, да будетъ проклято всякое еретическое мудрованіе. Не затекайте во многомъ мудрованіи, отъ гордости той, что черви капустные, пропадете.

Древле дьяволъ сказалъ: „поставлю престоль свой на небеси и буду подобенъ Вышнему“; такъ и альманашники¹⁾ глаголютъ: „мы разумѣемъ небесная и земная и кто намъ подобенъ?“... Христіане достигають не мудрости внѣшнія пораумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ и тѣла ихъ нетлѣнны пребываютъ на земли. Видишь, гордоусецъ-альманашникъ, гдѣ твои Пиеагоръ и Платонъ: всѣхъ ихъ, яко свиней, черви съѣли. Мои же святые смиренія ради отъ Бога прославлены... Свиньи и коровы больше васъ знаютъ: передъ погодой вязжатъ да ревуть, да подъ повѣти бѣгутъ, и послѣ того дождь бываетъ. А вы, разумныя свиньи, лице неба и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умереть. Горе да и только съ вами, съ толстыми быками!

3. О необходимости крѣпко стоять за вѣру и быть готовымъ пострадать. Любо мнѣ, что вы охаете: „охъ, охъ! Какъ спастися? Искушеніе прииде!“ — Чаю-су, охъ. Да ладно, такъ меньше спите; убужайте другъ друга. А я себѣ играю, въ землѣ сидя.. Я уже нынѣча не плачу самъ: вамъ велю плакать о всѣхъ и о мнѣ. А надъ всѣмъ мудрость змѣину имѣй, а цѣлость голубину. Разумѣешь, чего для Господь на змію-ту указываетъ и на голубя? А то: змію-ту какъ бьетъ кто, такъ она все тѣло предаетъ біемо быти, главу же свою соблюдаетъ, елико возможно: свернется въ клубокъ, а голову ту въ землю хоронитъ. Я ихъ бивалъ смолода ума. Какъ главы не разобьешь, такъ и опять оживетъ, а голову то какъ разобьешь, такъ она и цѣла, а мертва. Такъ и христіанинъ, безъ головы умретъ смертью вѣчной, сирѣчь безъ вѣры Христовы непорочной; хотя онъ и цѣлъ, не разоренъ и не убитъ, да безъ вѣры мертвъ. А аще разграбленъ и уязвенъ, да глава непорочна, еже есть православная вѣра въ души его —

¹⁾ Такъ постоянно Аввакумъ зоветъ любителей читать астрологическія книги-альманахи, а затѣмъ и вообще послѣдователей свѣтскаго, „языческаго“ знанія.

живъ есть таковой животомъ вѣчнымъ. Еще же и незлобіе во время гоненія подобаетъ имѣти голубино. Понеже голубь, птенцовъ своихъ лишаемъ, не гнѣвается и отъ владыки своего не отлетаетъ, паки гнѣздо строить и иныхъ дѣтей заводить. Я ихъ смолода держалъ—поповичъ я, голубятникъ былъ. Какъ нехороши дѣтенки-тѣ, и лишаешь отъ родителей, а они, бѣдные, свитаются и другихъ стануть заводить. Тако и христіанину безгнѣвно подобаетъ жити,—аще и жену и дѣтей отымуть, не гнѣватися, а о имѣнны и слова не говорю. Пускай дьяволъ емлетъ: онъ владыка вѣку сему. Христось заплатитъ въ будущій вѣкъ. А жену-ту и дѣтей Христось сохранить же въ нечестивыхъ рукахъ. У меня Марковна сидитъ себѣ въ землѣ съ дѣтьми, будто въ клѣткѣ, Божіей благодатью снабдѣваема¹⁾. А я пою Богу моему, дондеже есмь...

Душе моя, душе моя! возстани, что спиши? Виждь, мотылюбная, кто при тебѣ: боярыня Феодосія Прокопьевна Морозова, и сестра ея Евдокія Прокопьевна княгиня Урусова, и Даниловыхъ дворянская жена Марья Герасимовна съ прочими. Мучатся въ Боровскѣ, въ землю живы закопаны по многихъ мукахъ и домовъ разореніи, алчутъ и гладуютъ. Жены суть, немощнѣйшая чадь, а со звѣремъ по человѣку борются. Чудо, да только подивиться чуду сему! Какъ такъ! 50 тысячъ крестьянъ имѣла, да домового заводу тысячь больше двухсотъ было—дѣти мнѣ духовныя и знаю про нихъ — сына не пощадѣла единороднаго, къ сему и другая также дѣтей. А нынѣ вмѣсто позлащенныхъ одровъ въ землѣ закопаны сидятъ, за старое православіе мучатся. А ты, душе, много ли имѣешь при нихъ? Развѣ мѣшокъ, да горшокъ, а третье—лапти на ногахъ. Безумная, путко опрянися и исповѣждь Сына Божія явственнѣ! Полно укрыватися! Иного времени долго ждать. Само царство небесное валится въ ротъ; а ты откладываешь, говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется! А того не видишь, какую честь-ту бросили боярыни-тѣ! Да еще жены суть. А ты мужикъ, да безумнѣе бабъ, не имѣешь цѣла ума. Ну, дѣтей-то переженишь, жену-ту утѣшишь, а затѣмъ что? Не гробъ ли? И та же смерть, да не та, понеже не Христа ради, но общій всемірный конецъ. Блаженни умирающіе о Господѣ!..

¹⁾ Жена Аввакума съ младшими дѣтьми оставалась въ Мезенской тюрьмѣ.

А хотя и бить стануть или жечь: ино и слава Господу Богу о семь. На се бо изыдохомъ изъ чрева матери своея. А во огнѣ то здѣсь небольшое время потерпѣть — аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступить. Боишься печи той? Дерзай, плюнь на нее, не бойся! До печи страхъ-отъ; а егда въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорится, а ты и видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ; емлютъ душу тѣ отъ тѣлесъ, да и приносятъ ко Христу, а Онъ, надежа, и благословляетъ и силу ей подаютъ божественную, не уже кому бываетъ тяжка, но яко восперенна, туды жъ со ангелы летаетъ, равно яко птичка попархиваетъ, рада—изъ темницы той вылетѣла. Темница горитъ въ печи, а душа яко бисеръ, и яко злато чисто взимается со ангелы выпсрь во славу Богу и Отцу. А темницу никоніане бердышами сѣкутъ въ огнѣ, да уже не слышитъ ничего: персть бо есть, яко камень горитъ, или земля...

Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей и не задумывайся, гряди съ дерзновеніемъ въ огнь и съ радостью Христа ради постражди. Много никоніане людей перегубили, думая службу приносить Богу. Мнѣ сіе гораздо любо: освятилась русская земля кровью мученическою. Не лѣнитесь, бѣдныя, подвизайтесь гораздо. Русачки бѣдныя рады, что мучителя дождались: полками дерзають въ огнь за Христа. Я бы умеръ, да и паки бы умеръ по Христъ Божѣ нашемъ. Сладокъ вѣдь Исусъ-то! Помнишь ли трехъ отроковъ въ печи огненной? Навуходносоръ глядитъ, анъ Сынъ Божій четвертый съ ними гуляетъ. Не бось, не покинетъ и васъ Сынъ Божій. Дерзайте всенадежнымъ упованіемъ; таки размахавъ, да и въ пламя. На вотъ, дьяволъ, еже мое тѣло, до души моей тебѣ дѣла нѣтъ!

19. Юліанія Лазаревская¹⁾.

Въ началѣ XVII вѣка сыновняя любовь вдохновила нѣкотораго Каллистрата, по прозванію Дружину, Осорьяна описать житіе своей матери, Юліаніи Лазаревской. Житіе озаглавлено такъ: „Мѣсяца

¹⁾ Приводимъ эту глубокоинтересную біографію-повѣсть изъ жизни русской жеѣщины XVI вѣка по тексту, данному въ „Очеркахъ“ Буслаева, съ вступленіемъ и заключеніемъ, взятыми изъ его статьи. И текстъ повѣсти, и изложеніе Буслаева взяты въ выборкахъ.

января во 2-ой день преставленіе святыя и праведныя матере Іуліаніи Лазаревскія. Списано сыномъ ея Каллистратомъ, пореклу Дружиною, Осорьянымъ“. За введеніемъ собственно повѣствованіе начинается слѣдующими словами въ красной строкѣ: „Сказую вамъ, братіе, повѣсть дивну, бывшу въ родѣ нашемъ“....

Каллистратъ Осорьянъ, воодушевленный сыновнимъ чувствомъ, видѣлъ въ своей матери совершеннѣйшій идеалъ женщины, по понятіямъ той эпохи, т. е. женщину святую, и сохранилъ о ней память не только въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ, но и въ свѣдѣтельство о своемъ благородномъ, любящемъ сердцѣ...

Особенный интересъ этой повѣсти состоитъ въ томъ, что она переноситъ насъ въ боярскую семью XVI вѣка, такъ мало намъ извѣстную, и вращается около особы, которая составляетъ ея средоточіе—около вѣрной жены и нѣжной матери. Можетъ быть, читатель не найдетъ въ изображеніи героини ни яркихъ очерковъ, ни энергіи характера, но не можетъ отказать ей въ своемъ уваженіи, не можетъ не признать за ней нѣжной граціи, не смотря на нѣкоторую жесткость ея аскетическихъ убѣжденій.

Во дни благовѣрнаго царя великаго князя Ивана Васильевича¹⁾ отъ его царскаго двора былъ нѣкоторый мужъ благовѣренъ и нищелюбивъ, именовъ Іустинъ, по прозванію Недюревъ, саномъ ключникъ. И имѣлъ онъ жену боголюбиву и нищелюбиву, именовъ Стефаниду, Григорьеву дочь, Лукина, отъ предѣловъ города Мурома. И жили они во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ, и было у нихъ много сыновей и дочерей, много богатства и рабовъ множество. Отъ нихъ же родилась и блаженная Іуліанія. И когда ей было шесть лѣтъ отъ роду, мать ея померла; и взяла ее себѣ въ предѣлы города Мурома бабка ея, — матери ея мать, вдова, именовъ Анастасія, Григорьева жена, Лукина, Никифорова дочь, Дубенскаго. И воспитывала ее шесть лѣтъ во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ. А когда исполнилось блаженной 12 лѣтъ, бабка ея преставилась отъ житія сего. И заповѣдала она дочери своей Натальѣ, Путиловѣ женѣ Арапова, взять внуку свою Іуліанію къ себѣ въ домъ, и воспитатъ ее во всякомъ благочестїи; потому что тетка ея имѣла своихъ дочерей и дѣвицъ и одного сына. Блаженная же отъ молодыхъ лѣтъ возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестеръ и во всемъ была имъ послушна, любила смиреніе и молчаніе, молитвѣ и посту прилежала. И за то тетка много ее бранила, а сестры надъ ней смѣялись, потому что въ такой

¹⁾ Языкъ повѣсти нѣсколько подновленъ Ѳ. И. Буслаевымъ.

молодости томила она свое тѣло; и говорили ей ежедневно: „О, безумная! зачѣмъ въ такой молодости плоть свою изнуряешь и красоту дѣвственную губишь!“ И часто понуждали ее съ ранняго утра ѣсть и пить; но она не вдалася ихъ волѣ, хотя съ благодарностью все принимала. Чаше же съ молчаніемъ отъ нихъ отходила, потому что она была послушлива ко всякому человѣку и съ дѣтскаго возраста кротка и молчалива, не величава. Отъ смѣха и всякой игры удалялась, и хотя много разъ отъ сверстницъ своихъ на игры и пѣсни пустошныя была принуждаема, однако не приставала къ ихъ сборищу, и такимъ образомъ таила свои добродѣтели. Только о пряжѣ и пялечномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла, и во всю ночь не угасаль свѣтильникъ ея. А сиротъ и вдовъ и немощныхъ въ веси той всѣхъ обшивала; и всѣхъ нуждающихся и больныхъ не оставляла безъ призрѣнія. И всѣ дивились ея разуму и благовѣрью. И вселился въ нее страхъ Божій.

Не было въ той веси церкви, ни вблизи ея, а была версты за двѣ. И не случилось блаженной въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу быть въ церкви, ни слышать божественныхъ словесъ прочитаемыхъ, ни учителя, учащаго на спасеніе. Только смысломъ благимъ была наставляема нраву добродѣтельному, какъ говоритъ Великій Антоній: „Имѣющимъ цѣль умъ не требовати писанія“. Слово это блаженная собою исправила. И не учившись книгамъ, ни учителемъ наставляемая, еще въ дѣвственномъ возрастѣ всѣ заповѣди исправила, и, какъ бисеръ многоцѣнный, свѣтилась среди тины. О благочестіи подвизалась и желала слышать слово Божіе, но въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу того не получила. И отъ невѣждъ была осмѣяна за свои добрыя дѣла.

Когда достигла блаженная шестнадцатаго года, была отдана замужъ въ предѣлы города Мурома мужу добродуну и богату, именовъ Георгію, по прозванію Осорыну...

Когда же мужъ ея пребываль въ царскихъ службахъ, лѣто или два, а иногда и три лѣта, въ то время она всѣ ночи безъ сна проводила, много Богу молилась, и не угасаль свѣщникъ ея всю ночь. Прилежно локти свои на веретено утверждала и на пялечное дѣло, и, продавая работу свою, деньги раздавала нищимъ. Была она хитра пялечному дѣлу. Многою милостыню тайно отъ свекра и свекрови творила. Только вѣдала это одна малая рабыня,

съ которою посылала милостыню нуждающимся, и все это дѣлала по ночамъ, чтобы никто не узналъ. А днемъ домовное хозяйство безъ лѣности правила, о вдовахъ и сиротахъ, какъ настоящая мать заботилась, своими руками поила и кормила, омывала и обшивала. И совершилось на ней премудраго Соломона слово: „Жену добру, аще кто обрящетъ, дражайши камня многоцѣннаго таковая. Богатства не лишится и радуется о ней сердце мужа, аще гдѣ коснись, не печется ни о чесомъ же“. Всѣ въ дому ея были одѣты и насыщены, и каждому дѣло по силѣ его давала. А гордости и величанія не любила, простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобы ей кто на руки воды подаль, или отъ ногъ ея сапоги отрѣшили, но все сама собою творила. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себя въ тяжесть вмѣняла. И всегда со смиреніемъ укоряя душу свою, говорила: „Кто же я сама убогая, что предстоять мнѣ такіе же человѣки, созданія Божіи“.

Вскорѣ послѣ того гнѣвъ Божій постигъ Русскую землю, наказуя насъ за грѣхи наши. Наступилъ великій голодъ, отъ котораго много людей помирало. Она же многую милостыню творила тайно отъ всѣхъ. Брала у свекрови себѣ пищу, будто бы на утреннее и полуденное яденіе, и отдавала нищимъ, а сама издѣтства только дважды въ день вкушала пищу. А до обѣда и послѣ обѣда до ужина никогда не ѣла. Видѣвши то, свекровь говорила ей: „Радуюсь я, невѣстушка, что ты чаще стала ѣсть, но дивлюсь, какъ измѣнилась ты нравомъ: когда хлѣба было въ изобиліи, не могли мы тебя принудить къ раннему и полуденному яденію; теперь же въ мѣрѣ оскудѣніе пищи, а ты берешь себѣ завтракъ и полудникъ“. Она же, желая утаиться, отвѣчала: „Когда я еще не родила дѣтей, не хотѣлось мнѣ ѣсть, а, какъ начала родить, обезсилѣла, и не могу досыта наѣсться. И не только днемъ, но и ночью много разъ хочется мнѣ ѣсть. И мнѣ стыдно просить у тебя пищи“. Слыша это, очень рада была свекровь и посылала ей пищу довольно и на день, и на ночь. Потому что у нихъ въ дому нимало не было оскудѣнія; въ прежніе годы скоплено было много жита. Она же, принимая пищу отъ свекрови, сама не ѣла, но все раздавала нуждающимся.

Вскорѣ послѣ голоду былъ на людей сильный моръ.

Многіе помирали болѣзнью, прозванною пострѣломъ. И многіе неразумныя въ домахъ своихъ запирались и язвенныхъ пострѣломъ къ себѣ не пускали и къ одеждѣ ихъ не прикасались. Блаженная же, тайно отъ свекра и свекрови, зараженныхъ многихъ въ банѣ обмывая, исцѣляла и Бога молила объ исцѣленіи.

Итакъ поживши съ мужемъ своимъ довольно лѣтъ въ добродѣтели и чистотѣ, по закону Божію, родила десятирхъ сыновей и три дочери. Изъ нихъ четверо сыновей и двѣ дочери въ младенчествѣ померли, а шестерыхъ сыновей и одну дочь она съ супругомъ воспитала, прославляя Бога...

Ненавидящій же добро дьяволъ всячески старался бѣду и искушеніе ей сотворить и воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и рабами. Но она все смысленно и разумно рассуждала и усмирjala. И не могъ врагъ сотворить ей зла, и навадилъ одного изъ рабовъ, и этотъ рабъ убилъ ея старшаго сына. Или врагъ хотѣлъ ее въ отчаяніе ввести и отъ Бога отлучить, или же, думаю, было то нѣкое смотрѣніе Божіе, какъ Давидъ сказалъ: „Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ твоимъ“; для того, чтобы блаженная еще болѣе о душѣ своей прилежала.

Такъ и сбылось. И злато, сказано, безъ искушенія не бываетъ совершенно. Видя сына своего умершаго, блаженная очень скорбѣла, но не о смерти его, а о душѣ его. Однако не смутилась, и мужа своего утѣшительными словами увѣщевала. Вскорѣ послѣ того и другого сына ея на царской службѣ убили. Хотя она и скорбѣла, но душевно, а не тѣлесно: не кричала, не терзала на себѣ волосъ, какъ дѣлаютъ другія женщины, но днемъ поминала дѣтей своихъ милостыней и кормлею нищихъ, а ночи безъ сна проводила, моля Бога со слезами объ отпущеніи грѣховъ своихъ умершихъ чадъ.

Тогда начала она молить своего мужа, чтобы отпустилъ ее въ монастырь, но тотъ никакъ не преклонялся къ ея просьбѣ. Она же говорила: „Если не отпустишь, то бѣгомъ изъ дома своего утаюсь“. Но мужъ заклиналъ ее не оставлять его; самъ онъ состарѣлся, а дѣти еще малы, и читалъ онъ ей книги блаженнаго Космы пресвитера и прочихъ святыхъ отцовъ. Не спасутъ насъ, сказано, ризы черныя, если не по монашескому чину живемъ, и не погубятъ ризы бѣлыя, если богоугодное творимъ. Кто, не стерпя нищеты,

отходить въ монастырь, не думая пещись о дѣтяхъ, тотъ не труда ищетъ и не любви Божіей, но хочетъ только отдыхать. А дѣти, осиротѣвши, плачутся и клянутъ, говоря: „зачѣмъ же родители наши, родивъ насъ, оставили въ такой бѣдности и нуждѣ“? Если и чужихъ сиротъ велѣно кормить, то тѣмъ больше не морить своихъ. И многія другія Божественныя писанія читать онъ передъ нею. Она же, послушавъ, оставила свое намѣреніе, сказавъ: воля Господня да будетъ. Сама же, какъ птичка изъ сѣтей вырвалась, отверглась отъ всего мірскаго и къ единому Богу всею душою своею обратилась. Постъ и воздержаніе паче мѣры воспріяла. По пятницамъ вовсе не вкушала, и затворялась одна въ клѣти и тамъ въ молитвахъ упражнялась; по понедѣльникамъ же и по средамъ однажды въ день сухояденіе безъ варева вкушала. А по субботамъ и воскресеньямъ въ дому своемъ трапезу поставляла попамъ и вдовамъ и сиротамъ и своимъ домочадцамъ; тогда и сама выпивала одну чарку вина, не потому, чтобы любила вино, но не хотѣла оскорблять гостей. Сна же только съ вечера часъ одинъ или два принимала и ложилась на печи безъ постели; только дрова вострой стороною къ тѣлу подстилала; дрова же и подъ головы клала, а подъ ребра желѣзные ключи; и такъ тѣло свое удручала. Не желала она покоя; но ложилась, пока не засыпали ея рабы, а потомъ вставала на молитву, и всю ночь безъ сна пребывала; и со слезами Богу молилась до заутренняго благовѣста. Потомъ шла къ заутрени, и къ литургии. Въ теченіе же дня руководѣлью прилежала, домъ свой богоугодно устроила, рабовъ своихъ пищею и одеждою довольствовала, и дѣло каждому по силѣ задавала. Бѣднымъ во всемъ помогала и всякой добродѣтели образъ проходила, и, просто сказать, по Іову, — была она око слѣпымъ, нога хромымъ, безкровнымъ — покровъ, и нагимъ — одежда...

Иныхъ же ея добрыхъ дѣлъ невозможно пересказать, ни на письмѣ передать. Не знаю, какого бы добраго дѣла она не сотворила. Какими словами восхвалить труды ея? Плачь ея кто испишетъ? Милостыни ея кто изочтетъ? Гдѣ же говорящіе, будто въ миру нельзя спастись? Не мѣсто спасаетъ, но умъ и изволеніе къ Богу. Адамъ и въ раю, яко въ великомъ отишѣ, утомился, а Лотъ въ Содомѣ, какъ въ морскихъ волнахъ, спасся. Скажешь, что нельзя среди чади спастись? А вотъ блаженная Юліанія и съ му-

жемъ пожила, и дѣтей раждала, и рабами владѣла, а Богу угодила, и Богъ прославилъ ее.

Преставилъся и мужъ ея черезъ 10 лѣтъ. Тогда она еще больше отверглась отъ всего мірскаго, и съ того времени постъ къ посту приложила и молитву къ молитвѣ, и къ слезамъ слезы, и милостыню паче мѣры показала. Случалось, что ни одной сребрянницы въ домѣ ея не оставалось, и она занимала, и обычную милостыню нуждающимся подавала, и ежедневно ходила въ церковь на молитву. Когда наступала зима, брала у дѣтей своихъ на теплую одежду, но и то все нищимъ раздавала, а сама безъ теплой одежды зимой оставалась. Сапоги на босыя ноги обувала, а подъ подошвой, вмѣсто стелекъ, орѣховыя скорлупы и вострыя черепки подкладывала, и такъ тѣло свое удручала...

И такъ пожила она во вдовствѣ 10 лѣтъ, многую добродѣтель во всемъ показывая, и дожила до Борисова царства, Годунова. И былъ въ то время сильный голодъ по всей Русской землѣ, такъ что многіе ѣли всякое скверное мясо и человѣчью плотъ. И множество народу перемерло голодомъ. Тогда въ дому блаженной великое было скудѣніе пици, потому что не выросло всѣянное въ землю жито, а кони ея и рогатый скотъ поколѣли. Только молила она дѣтей и рабовъ своихъ, чтобы ничего чужого не трогали, не воровали, а что осталось у нея отъ скота, а также ризы, сосуды, все распродала на жито, и тѣмъ челядь свою кормила и милостыню довольную просящимъ подавала. И дошла она до послѣдней нищеты, такъ что въ дому ея ни единого зерна жита не осталось; но и отъ этого не смутилась, возлагая упованіе на Бога. Въ то время переселилась она въ село, называемое Вочнево, въ предѣлахъ Нижегородскихъ. И не было тамъ церкви ближе двухъ верствъ, потому, старостью и нищетою будучи одержима, не ходила она въ церковь, но дома молилась, и о томъ не мало скорбѣла... Когда великая нищета умножилась въ дому ея, она собрала своихъ рабовъ и сказала имъ: „Голодъ обдержитъ насъ, видите сами. Если кто изъ васъ хочетъ, пусть идетъ на свободу, и не изнуряется ради меня“. Благомыслящіе между ними обѣщались съ нею терпѣть, а другіе отошли. Съ благословеніемъ и молитвою отпустила она ихъ, не держала на нихъ гнѣва. И велѣла оставшимся рабамъ собирать траву, рекомую лебеду, и кору древесную, рекомую

илемъ, и въ томъ велѣла готовить хлѣбы, и тѣмъ сама питалась и дѣтей и рабовъ кормила.

Когда приблизилось честное ея преставленіе, разболѣлась она мѣсяца декабря въ 26-й день, и была больна 6 дней. Но что была болѣзнь ея? Днемъ на постели лежала, а молитву творила непрестанно, ночью же сама вставала и молилась Богу, никѣмъ не поддерживаемая. А рабыни ея посмѣивались, говоря: „Невправду хвораешь; днемъ лежишь, а ночью встаетъ и молится“. Она же, уразумѣвъ, говорила имъ: „Что вы меня посмѣхаете? Развѣ не знаете, что и у больного истязуетъ Богъ молитвы духовныя“. И иное многое говорила отъ святыхъ книгъ.

Января во 2-й день на разсвѣтѣ призвала отца своего духовнаго Аванасія и причастилась животворящихъ таинъ, тѣла и крови Христа, Бога нашего. Сѣла на одрѣ своемъ и призвала дѣтей своихъ и рабовъ и всѣхъ живущихъ въ селѣ томъ. И поучала ихъ о любви, и о молитвѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ, присовокупивъ: „Желаніемъ возжелала я великаго ангельскаго образа еще отъ юности моея, но не сподобилась по грѣхамъ моимъ. Такъ угодно было Богу; слава праведному суду Его“. И велѣла уготовить кадило и фиміамъ вложить въ него, и цѣловала всѣхъ, бывшихъ при ней, и всѣмъ миръ и прощеніе подавала. Потомъ легла, трижды перекрестилась, обвила четки около своей руки, и сказала послѣднее слово: „Слава Богу всѣхъ ради! Въ руцѣ Твои предаю духъ мой! Аминь!“ И предала, душу свою въ руки Господа, котораго измлада полюбила...

Въ лѣто 1605-е, января въ 10-й день.

Такъ пожила блаженная Юліанія; таковы ея подвиги и труды! Вы же, братіе и отцы, не зарите мнѣ, что написала, будучи грубъ и нечистъ. И не думайте, что это все ложно, ради родства материнскаго. Видитъ всевидящее око Владыко Христось, Богъ нашъ, что не лгу.

Сколь ни умилительна нѣжная, благочестивая личность самой героини, все же нельзя не сознаться, что житье-бытье и вся внѣшняя обстановка накладываютъ темный, печальный колоритъ на весь рассказъ, даже не смотря на то, что онъ согрѣтъ непритворной сыновней любовью автора. Кругомъ все печально и сумрачно, какъ сѣрое непривѣтливое небо, висящее надъ темными лѣсами и пустынями Муромскаго края. Не зацѣпили скромной жизни Юліаніи ни погромы татарскіе, ни смуты бояръ, ни опала и гроза царя

Ивана Васильевича. Все же досталось на ее долю много невзгоды и бѣдствій, которыми такъ часто казнилась и искушалась древняя Русь. Сначала голодь, потомъ моровая язва, потомъ еще голодь,— и такой страшный, что люди поѣдали человѣческое мясо. Повсюду безчисленныя толпы нищихъ просятъ хлѣба, а дать нечего. Непривѣтна и домашняя жизнь, окруженная раболѣпьемъ холоповъ, которое было естественно по тогдашнимъ понятіямъ наддачей всякаго благосостоянія: „Много богатствъ и рабъ множество“ имѣли родители Юліаніи. Грустна и невзрачна была тогдашняя семейная жизнь, лишенная благотворныхъ средствъ общественнаго образованія и предоставленная себѣ самой въ тѣсномъ, жалкомъ кругу раболѣпной челяди. Каково могло быть въ древней русской семьѣ воспитаніе дѣвницы, всего лучше можно судить по жизни Юліаніи. Это бы еще ничего, что она не знала грамотѣ и не смотря на свое благочестіе не успѣла выучиться, когда вышла замужъ,—но она даже ни разу не была въ церкви за все время своего дѣвичьяго возраста, ни разу не слышала божественной службы, ни разу не слышала, кто бы ей сказалъ или прочелъ божественное слово спасенія. Мудрено ли, что всѣ ея сверстницы о томъ только и думали, что лелѣяли свою дѣвичью красу, спозаранку ѣли и пили, да насмѣхались надъ Юліаніей, что она въ такой молодости плоть изнуряла постомъ и молитвою. Единственнымъ занятіемъ русской боярышни 16-го вѣка было прядиво и плечное дѣло...

Все, сказанное о достоинствахъ Юліаніи, съ немногими видоизмѣненіями относится ко всѣмъ благочестивымъ людямъ древней Руси. Подвижничество во имя Христа, постъ и лишенія, милостыня и молитва—все это общія черты древне-русскаго благочестія. Но, кромѣ того, въ характерѣ Юліаніи есть одна черта, которая, не смотря на всю суровость воображенія этой женщины, придаетъ необыкновенную нѣжность ея глубоко-любящей натурѣ. Человѣколюбивое ея сердце не могло не отозваться на одно изъ величайшихъ бѣдствій, которое не приходило случайно, и не миновало, подобно моровой язвѣ или голоду. Бѣдствіе это, такъ жестоко отозвавшееся въ собственной семьѣ Юліаніи, было гнусное рабство, съ которымъ никогда не могла примириться, глубоко проникнутая ученіемъ Христа, возвышенная и любящая душа Юліаніи.

Не напрасно обнаруживала въ грубый, нечеловѣколюбивый вѣкъ свое нѣжное человѣколюбіе эта достойная женщина. Если и не была понята она людьми своего времени, то могла утѣшить себя тѣмъ, что могла найти себѣ сочувствіе въ подростящемъ, юномъ поколѣніи, могла радоваться, что тѣ же благородныя чувства, то же христіанское уваженіе къ человѣчеству она посылала въ сердца своего сына, который, описавъ жизнь своей матери, вполне оцѣнилъ это истинно-христіанское чувство...

Ея благочестіе было дѣятельное. Ей должно было спастись въ той неблагопріятной для спасенія средѣ, въ которой суждено было ей провести свою жизнь. Сначала рѣдко ходила она въ церковь и усердно молилась Богу дома: но и домашняя молитва спасаетъ. Не суждено было ей облечься въ монашескій санъ: но и въ міру можно спастись. Вотъ тѣ идеи, на которыхъ любить останавли-

ваться нашъ повѣствователь. Вѣтъ свѣжимъ духомъ въ смѣломъ выраженіи этихъ идей, примиряющихъ древне-русскаго благочестиваго писателя и съ семейнымъ счастьемъ и съ семейными добродѣтелями женщины, какъ супруги и матери.

20. Девгеніево дѣяніе.

Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ старый русскій переводъ-перелѣлка греческой поэмы X вѣка, посвященной подвигамъ героя Василія Дигениса, превратившагося въ русское текетъ въ Девгенія. Греческій герой является защитникомъ византійскихъ границъ отъ мусульманъ—Сарацинъ, сражается съ разбойниками. Кромѣ историческаго и національнаго интереса въ поэмѣ видное мѣсто занимаютъ необыкновенныя приключенія, а также романическій элементъ. Дигенисъ—сынъ гречанки и сарацинскаго царя Амира; мать его была похищена и братья выручали ее, но Амиръ изъ за любви къ плѣнницѣ крестился и взялъ ее въ замужество. Отъ этого брака и родился Дигенисъ. Необыкновенная сила и храбрость его обнаруживалась съ дѣтскаго возраста; выросши, онъ началъ совершать воинскіе подвиги. Интересна исторія его женитьбы. Услыхавъ о необычайной красотѣ Евдокіи, дочери стратига (военачальника) Дуки, онъ ѣдетъ мимо ея мраморнаго дворца и поетъ пѣсню, въ которой выражаетъ свою любовь. Дѣвушка проситъ кормилицу выглянуть въ окно, а потомъ сама смотреть въ щелку. Дигенисъ подходитъ къ окну и говорить: „Дай мнѣ знать, любишь ли ты меня или любишь другого,—я не хочу дѣйствовать противъ твоей воли“. Евдокія посылаетъ кормилицу сказать ему: „Богъ покажетъ тебѣ, что я ношу тебя въ сердцѣ; но берегись, юноша: мой отецъ жестокъ и не пощадитъ тебя“. По просьбѣ Дигениса она показывается въ окнѣ и говорить: „иди съ радостью, о юноша, и не забывай меня“. Послѣ свадьбы Дигенисъ съ женой отправляется къ границамъ для ихъ защиты. Изъ его подвиговъ надо упомянуть о побѣдѣ надъ знаменитымъ предводителемъ разбойниковъ, Филопапомъ, который, желая отмстить, призываетъ на помощь воинственную красавицу-амазонку Максимо. Два раза бьется съ ней Дигенисъ; побѣжденная въ первый разъ, Максимо является на другой день въ золотомъ панцырѣ на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ. Дигенисъ ранитъ ее въ пальцы правой руки, она роняетъ мечъ и трепещетъ за свою жизнь, но Дигенисъ не въ силахъ былъ причинить какое нибудь зло красавицѣ.

Русская повѣсть дошла до насъ въ неполномъ видѣ (списокъ кончается приготовленіями Девгенія къ похищенію своей жены (которая называется просто Стратигонной, т. е. дочерью Стратига (принято за собственное имя), но эпизодъ съ амазонкой „Максимилиной“ есть, онъ поставленъ раньше свадьбы. Главное же отличіе русскаго пересказа состоитъ въ общемъ тонѣ; національная роль героя-защитника родины и историческія условія борьбы греческаго

народа съ мусульманствомъ забыты или отодвинулись на задній планъ, и вся повѣсть рассказана, какъ занимательная сказка. Почти пропалъ и романическій элементъ, поэтическое чувство природы, любовь, какъ смягчающій элементъ, культурный характеръ нравовъ и понятій—все это или исчезло или огрубѣло. Для примѣра стоитъ сравнить эпизодъ съ Максимомъ, переданный выше, съ его изложеніемъ въ русской повѣсти (см. ниже въ текстѣ). Девгеньево дѣяніе извѣстно было издавна на Руси: оно находилось въ томъ же Сборникѣ (XV или XVI вѣка), въ которомъ было и Слово о Полку Игоревѣ.

... Книжницы начаша проповѣдывать о рожденіи Девгеніевѣ, и потомъ царица Амира царя.....родить сына, и нарекоша имя ему Акритъ, и ввергоша его въ божественное крещеніе и нарекоша имя ему прекрасный Девгеній, а крестниша¹⁾ его самъ патріархъ, а мати крестная царица града того,—и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лѣтъ, на первоенадесять лѣто и на второе начаша копьемъ играти, а на третеенадесять лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздити, и бысть гораздъ на драгантъ²⁾ храбровать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велми великія яко чаши, пристрашно зрѣти на него. Отецъ же его избра ему конь бѣль, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе злонцы—отъ прегуданія и умъ человекъ не можетъ смыслить, а какъ юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, и (отъ) тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ человекъ исхититца. На четвертое же лѣто на 10 ѣздиша прекрасный Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить: „чадо, рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити“, и повелѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣхати съ юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многія поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чудеси, како сій юноша прекрасный, младъ, хоцетъ звѣриную дерзость имѣти. Отецъ же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеней посмѣваясь и рече: „отче, не тако звѣрей ловятъ, но поѣдемъ въ дальныя пустыя лѣса“. Отецъ же его поѣде съ нимъ, и многія

¹⁾ 3-е лицо множ. числа здѣсь часто стоитъ вмѣсто единств. числа.

²⁾ И *драгантъ*, и *фаръ* (фарыжь) означаютъ богатырскаго коня.

люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темна лѣсу, и слѣзе съ коня своего, и нача по лѣсу ходить и смотрити какова звѣря, и видѣ прекрасный Девгеній лося бѣгуща и сугна его пѣшь, яко борзѣе... борзаго фарыжа, и догнавъ, ухвативъ его за заднія ноги и раздра его на двое, и влече его положи на руку и видѣвъ же медвѣдя лѣсомъ бѣгуща. Девгеній же храбрый видѣвъ медвѣдя и поскочи, и догнавъ медвѣдя, разодравъ его челюсти и разодравъ его на двое; и видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вси людѣ и удивишася зѣло; людѣ же многи ту стояху и дивляхуся. По малѣ же времени видѣвше отецъ его изъ острову бѣгуща, изъ густова лѣсу, лютый звѣрь разѣемше челюсти своя и хотяще проглотити юношу; отецъ же его рекоша: „чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвая, зри живаго — на тя бѣжитъ и хоцетъ тя поглотить; той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему“. И видѣвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря, и ухвативъ мечъ свой и скочи къ нему встрѣчу, и удари его мечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ его изъ острова и радостенъ бысть зѣло, и приѣхавъ къ сыну своему и поцѣлова его во уста и во очію, како дарова ему Богъ таковаго отрока и подасть силу надо всѣми храбрыми и п сильными, и рече отецъ сыну своему: „о свѣтозарное солнце, преславный Девгеній, отъ поту звѣринова и отъ хля медвѣжая порты на тебѣ изрудилися¹⁾), но идемъ мы, сыне, отъ сего лѣсу темнаго — есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему ни кто пріити, понеже бо въ немъ многая чудеса творятся, и нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебѣ своими руками омыю лице твое и руцѣ и нозѣ“. И видѣша же то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чудеса, и приидоша ко источнику, и нача отецъ сынъ своему лице омывати и руцѣ и нозѣ, и рече сынъ, прекрасный Девгеній; „отче, руцѣ мои моешь, а еще имъ калнымъ быть“; по томъ же словеси прилетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя имѣя яко человекѣ, и видѣвъ же то преславный Девгеній, и взя

¹⁾ Собств. значить: *окровавились* (отъ руда—кровь), но здѣсь употреблено въ смыслѣ *испачкались*.

мечь свой и поскочи противу его и удари мечемъ его, и отня ему всѣ главы прочь. Видѣвъ же то отецъ его и вси людіе дивишася чудеси его, и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на него драгоцѣнные порты съ драгимъ златомъ аравитьскимъ, а перерукавіе съ драгимъ магнитомъ. И потомъ же юноша сяде на конь свой, рекомый на борзый фарь, и нача скакать, а подъ нимъ конь играть, звонцы же его доброгласныи начаша прегудать, и приѣхаша въ домъ къ матери своей, и нача же мати его радоватися, видѣвше сына своего, и любезно цѣлова его, и съ тое поры прекрасный Девгеней царевичъ нача помышляти о дѣлехъ ратныхъ...

Слышавъ же то Филипать и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко зайца въ тенето. Филипать же храбръ и силенъ добръ и много у себя войска имѣеть; также и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣеть, и войско ихъ силно и храбро добръ, яко Македоняне. И поидоста на преславнаго Девгенія царевича и не доидоша града Греческаго и сташа на рѣкѣ Ефрантѣ, и послаша Максимьяна грамоты съ прелестію ко преславному Девгенію, а въ грамотѣ пишетъ: „о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней, ты царствуешы во всѣхъ насъ храбрыхъ и сильныхъ, яко май мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ май мѣсяцѣ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа листьвенные листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, прииди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Ефрантѣ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже нѣсть помышленія никакова жъ“. И прочтеть же тое грамоту преславный Девгеній и посмѣявся и рече отцу своему: „отче, хошу ѣхать видѣти преславна и храбра Филипата и Максимьяну дѣву“. Рече же къ нему отецъ его, Амиръ царь: „чадо мое милое, преславный Девгеней, рано тебѣ въ сильную рать ѣхать; еще ты въ ратехъ не бываль, и ничего ратного дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипать въ ратехъ храбръ и силенъ, также и Максимьяна; дщерь его, мужескую дерзость имѣеть, и войско ихъ храбро и много зѣло“. Девгеній же отписавъ грамоту и посла Грека мужа, а въ грамотѣ пишетъ: „срамъ ми есть великъ въ томъ—противо дѣвицы ѣхать битися, а ты, старый Филипать, во

мнозѣ силѣ пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко мнѣ“. Прочеть же грамоту Максимьяна дѣвица и рече Греку мужу; „никакоже, свѣтозарное солнце и преславный Девгеній, и не имѣи помысла во умѣ своемъ никакова, занеже прѣхали мы юности твоей видѣти“. Девгеній же день отъ дни помышляше, какъ бы ему видѣти храбрость Филипата, и поять съ собою Грековъ немного и возме молитву у отца своего и у матери, и вборзѣ сѣде на конь свой и рече отцу своему: „отче и мати моя, въ томъ вы помышленія никакова не имѣйте, никакоже отъ руки человѣческія на телѣ моемъ не будетъ ранъ, занеже надѣюся на Бога и на силу Божию и на вашу молитву“. И поѣде въ путь свой и прѣде на рѣку, рекомую Ефрантъ, и ста на берегу и посла Грековъ своихъ къ Филипату и къ Максимьянѣ дѣвицѣ; и видѣвъ же то Филипата, Девгеніевыхъ людей не много, и нача за ними гонять со всѣмъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстоящихъ, и ухвативъ копье свое и попре въ рѣку концемъ и перескочи чрезъ рѣку пѣшъ, яко соколь дюжей отъ руку ловца, и завопи гласомъ веліимъ, велегласно: „дайте мои борзы конь, рекомый фаръ“, и всѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву косить: въ первомъ поскокѣ тысячу побилъ войска Филипата, а въ другой рядъ скочилъ, такожде 1000 жъ побилъ, а въ третій нагна Филипата самого и удари ево копьемъ, тупымъ концемъ, межъ плечъ и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній вяжуще отца ея Филипата, и заправя копье свое хотяще пробости преславнаго Девгенія создади его; Девгеній же, видѣвъ то, и ухвати копье ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу, и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обоихъ, а войско ихъ, иныхъ побилъ, а иныхъ живыхъ поимаша и гнаша ихъ предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища, и перегнаша ихъ чрезъ рѣку. Въ ту жь пору старый Филипата обратился къ Девгенію и рече: „о златокрылатый ястрябъ, преславный Девгеній, ты славенъ еси и силенъ во всѣхъ насъ сильныхъ и храбрыхъ, а еще ты есть храбре и сильнѣе на семь свѣтъ преславный Стратигъ, имѣя у себя четыре сына, а протчая воинства его не можетъ земля держати; и бѣ у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, имѣя и она мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея нѣсть

на семь свѣтъ краше, — мнози цари и короли храбри и силнии суть, а никто не можетъ ея пояти, — что ни прїѣдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отгѣхати; развѣ тебя Богъ одарить, а нынѣ пощади мя и старость мою, отпусти мя“. Рече же ему преславный Девгеній: „хошу прежде провѣдати, аще истину сказалъ ми еси; тогда пущу тя, только возложу знаменіе на лице твое протчаго ради времени“. Преславный же Девгеній нача мыслить во умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ, а Максимьяну дѣвицу повелѣша матери своей беречь и держати въ великомъ бреженіи, и нача прекрасный и преславный Девгеній у отца своего и у матери безпрестани умоляти, како бы ему видѣть преславнаго Стратига царя и сыновъ его и все ихъ воинство и прекрасную Стратиговну. Отець же его нача унимать: „чадо мое милое, уймися отъ сего помысла; многіе то помышляша о самомъ Стратигѣ и о Стратиговнѣ, како бы имъ видѣти, да не збылося имъ видѣти ея“. Преславный же Девгеній вая молитву у отца своего и матери, и совокупи воя своя много, и взя съ собою драгоценныя порты и коня своего съ звончатыми гусли и сяде на борзой свой фарь, и поѣде съ войскомъ своимъ къ Стратигу царю. И доиде сумежья Стратиговы земли, и недоѣзжая до града за пять верствъ и устави воинство свое и повелѣ имъ межъ себе около стражу крѣпку имѣти, дабы не скрали ихъ, а самъ поѣде прекрасный Девгеній на своемъ конѣ, которой въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову. И прїѣде во градъ, во врата града Стратигова, и встрѣте юношу Стратигова двора, и вопрошаше юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынѣхъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Отвѣщавъ же ему юноша: „нѣсть господина нашего Стратига царя дома, но въ иной странѣ ловы дѣеть и съ четырьмя сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, ино нѣсть таковыя прекрасныя на семь свѣтъ; многіе суть прїѣзжали къ ней цари, царевичи, короли, королевичи, а никто въ очи ея не видалъ, и никто живъ изъ царства сего не выѣзживалъ, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричь воинства его, а воинству его и смѣты нѣтъ, а храбри суть такови: единъ на сто напустить, и сама Стратиговна мужескую дерзость имѣеть, иному никому на ея зрѣть неподобно... развѣе тебе“. И слышавъ же то Девгеній прекрасный радостенъ бысть зѣло, зане... и въ книгѣ

указано ему прикасаться ко Стратиговнѣ и жить ему тридесять 6 лѣтъ съ нею; поѣде же Девгеній прекрасный градомъ Стратиговымъ, и прииде ко двору Стратигову, и нача възирати на дворъ Стратиговъ. И видѣвъ же то сама Стратиговна и приниче ко оконцу и видѣ красоту Девгеніеву и нача во умѣ своемъ помышлять, занеже есть красенъ; а не силенъ; Девгеній же ѣздиша по двору и возвратися назадъ...

21. Бова королевичъ.

Эта, очень известная въ низшемъ классѣ книга, которую многіе считаютъ за народную русскую сказку, имѣетъ западное происхождение и представляетъ переводъ средневѣковаго итальянскаго рыцарскаго романа, который появился въ Европѣ не позднѣе начала XIV вѣка. У насъ „Сказаніе про храбраго витязя Бову Королевича“ имѣется въ рукописяхъ XVII в., но и тамъ оно носитъ уже такой обрусѣлый характеръ, что, очевидно, Бова вошелъ въ нашу литературу значительно раньше XVII вѣка. Исторія о Бовѣ помѣщалась постоянно на лубочныхъ картинкахъ, причѣмъ имѣла два текста: полный текстъ распредѣлялся въ видѣ подписей къ 32 картинкамъ, а краткій—къ 8 картинкамъ. Въ этихъ двухъ видахъ она продолжаетъ переиздаваться лубочными издателями до нашихъ дней; старинный текстъ отличается болѣе чистымъ народнымъ складомъ. Итальянское происхождение повѣсти ясно видно на именахъ: самъ Бова называется въ итальянскомъ романѣ Buovo или Bovo, отецъ его Гвидонъ—Guido, король Додонъ—Duodo, жена Бовы Дружневна или Дружевна—Drusiana, богатырь Лукаперъ—Luciferro, Полканъ—Pulicane и т. д. Прочное мѣсто, занятое Бовой въ народномъ чтеніи, можетъ быть объяснено не одною занимательностью приключеній, а также тѣмъ, что въ самой идеѣ западнаго романа и въ подробностяхъ сюжета русской человѣкъ находилъ не чуждые себѣ мотивы, привычныя ему въ сказкахъ. Исторія Бовы есть исторія типичнаго сказочнаго героя, добраго и безхитростнаго, который сперва терпитъ много злоключеній, но благополучно избавляется отъ всѣхъ опасностей и получаетъ красавицу и царство. Бова въ юности едва не погубъ отъ руки матери, которая погубила мужа, чтобы выйти за другого, и преслѣдовала сына. Спасшись съ помощью вѣрнаго дядьки, Бова идетъ въ „градъ Арменъ“ и нанимается въ конюхи къ королю Зинзовею. Здѣсь онъ приобретаетъ любовь царской дочери Дружневны и, еще не открывая своего происхождения, побѣждаетъ сватавшихся за нее жениховъ. Пребываніе Бовы на службѣ у Зинзовея и составляетъ содержаніе перваго отрывка, помѣщеннаго здѣсь.

И въ тѣ поры приде подъ градъ Армень изъ Поморья король Маркобрунъ, а съ нимъ войска своего двѣсти тысячъ, и скоро посылаетъ къ королю Зинзовею посланья титла, чтобъ король Зинзовей далъ за меня дщерь свою, прекрасную Дружневну: „аще не дашь дщери своей, царство твое все поплѣню, а тебя подъ мечъ преклоню, а прекрасную Дружневну во свою волю возьму“. Король же Зинзовей, слышавъ тѣ посланья титлы и прочитавъ самъ грамоты, и не можетъ противъ его стояти. И нарече король Зинзовей короля Маркобруна себѣ зятемъ и зва его къ себѣ хлѣба ѣсть и войску его повелѣ по слободамъ стати. И послѣ стола поѣхалъ король Маркобрунъ съ дворяны своими на поле тѣшиться; и приде Бова отъ конюшни своея къ королю Зинзовею: О государь мой, король Зинзовей Андоровичъ, отпусти, государь, меня, хлопа своего посмотрѣть, какъ ся тѣшитъ король Маркобрунъ съ дворяны своими. Король же Зинзовей повелѣ Бовѣ ѣхати на поле; Бова-же себѣ осѣдлалъ своего добраго коня надежнаго и поѣхалъ въ поле смотрѣть, какъ ся тѣшитъ король Маркобрунъ съ дворяны. И напустиша на Бову по два и по три, Бова-же ихъ мечеть съ коней, что сноповъ. Прекрасная-же Дружневна все зреть на Бовину храбрость; и напустиша на Бову по 20 и по 30, Бова-же ихъ всѣхъ мечеть съ коней, что сноповъ. Король-же Маркобрунъ вельми возъярився и повелѣ Бову убити на смерть и самъ на него напустилъ, Бова-жъ и самого короля скинулъ съ коня. Прекрасная-же Дружневна видѣ Бову вельми истомна и повелѣ въ рогъ трубити, чтобъ войско унялось отъ рванія конскаго. И въ тѣ поры войско унялось отъ рванія конскаго. Бова-же приѣхалъ на конюшню и нача спати по 3 дня и по 3 ноци не просыпаяся. И въ тѣ поры приде изъ Задонія града царь Салтанъ Салтановичъ да съ нимъ сынъ его Лукаперъ, а войска съ ними 100 тысящъ. Лукаперъ же славный богатырь, вышину имѣя трехъ сажень, промежъ очима пядь. И скоро посылаетъ къ королю Зинзовею посланья титлы, чтобъ король Зинзовей далъ дщерь свою прекрасную Дружневну за его сына Лукапера: „аще не дашь дщерь свою, то царство твое все поплѣню, а тебя подъ мечъ преклоню, а прекрасную Дружневну во свою волю возьму“. Король же Зинзовей, слышавъ тѣ посланья титлы и прочитавъ самъ грамоты, и призва къ себѣ нареченнаго зятя своего короля Маркобруна и рече ему: О ко-

ролю Маркобруне! у тебя есть войска своего 30 тысящъ, а у меня столько же, и сложимся обое вмѣстѣ, и будетъ войска нашего 60 тысящъ, и пойдемъ противъ царя Салтана и сына его Лукапера. Король же Маркобрунъ рече королю Зинзовею: Слово твое паче меда устомъ моимъ. И повелѣ въ рогъ трубити и собра войска своего 60 тысящъ и поидоша противъ царя Салтана и сына его Лукапера. Лукаперъ же, не допуская до царскихъ знаменей, войско ихъ все побилъ и короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣихъ въ полонъ полонилъ. Бова-жъ, слышавъ за градомъ зукъ и топоть конской, прииде къ прекрасной Дружневнѣ и рече ей: О госпожа прекрасная Дружневна, что есть за градомъ нашимъ зукъ великъ и топоть конской? Прекрасная-же Дружневна рече Бовѣ: Тоднесъ прииде изъ Задонія града царь Салтанъ Салтановичъ да сынъ его Лукаперъ, а войска съ ними 100 тысящъ, отца моего короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣихъ полонилъ и войско наше все побилъ. Бова-же рече: О госпожа прекрасная Дружневна; я ѣду на помощь отцу твоему и королю Маркобруну. Прекрасная Дружневна рече Бовѣ: Господине Бова, не ѣди на бой, отбей силу отъ града прочь, а сами затворимся во градъ своемъ: уже тебѣ батюшковой смерти, королю Зинзовею и королю Маркобруну не пособить; и меня возьми женою себѣ и буди батюшковой душѣ поминокъ, а царству его сдержатель. Бова-же рече ей: О госпоже, прекрасная Дружневна, что же ми будетъ? Никако Бовы не можетъ уняти и сама говорить таково слово: Господине Бова, не ускоряй ѣхати, но помедли, я тебѣ дамъ мечъ кладенецъ, отъ того-же меча не можетъ никакое желѣзо стоять; я тебѣ дамъ кольчугу добраго короля Молганского, тое-же кольчуги не можетъ никакое желѣзо пробить. Прекрасная-же Дружневна принесе Бовѣ мечъ кладенецъ и щить, и копье; и садится на конь Бова, въ стремя не вступая, и въ тѣ поры тутъ прекрасная Дружневна сама Бовѣ въ стремяна кладетъ ноги и говоритъ такъ: Господине Бова, уже ты ѣдешъ на смертное дѣло, либо ми съ тобою судить Богъ видѣться, либо и нѣтъ; повѣждь ми, какого еси отца сынъ? Бова-жъ ей рече: О госпожа, прекрасная Дружневна, азъ есмь отъ града Онтона, сынъ добраго короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы. Прекрасная-же Дружневна, видѣ Бовино отчество, вельми прослезися; и въ тѣ поры тутъ прилучися кралевой дво-

рецкой короля Маркобруна и говорить такъ: О госпожа прекрасная Дружневна, не подобаетъ тебѣ холопа на конь сажати и на ратное дѣло отпущати. Бова-же ево ударилъ мечемъ тупымъ концомъ, дворецкой же паде аки мертвъ на землю и лежа три дни и три нощи безъ языка. Бова-же поѣхалъ вонъ изъ града противъ царя Салтана и сына его Лукапера. И съѣзжаются два богатыря, Бова и Лукаперъ; прекрасная-же Дружневна все зреть, какъ съѣзжаются два богатыря, Бова и Лукаперъ. Бова-же ему рече: Господине Лукапере, ты надѣешься на силу и величество, а я надѣюсь на Спаса и на Пречистую и на небесныя силы. Лукаперъ же ему рече: Бова, ты ли хочешь градъ Армень отстояти отъ челоувѣкъ. Бова-же рече ему: Господине Лукапере, помяни пророка Давида. Глаголаша и оба сразишася вмѣстѣ: Бова-же его ударилъ мечемъ по главѣ и разсѣче ему главу надвое, Лукаперъ же паде мертвъ на землю, Бова-же поѣхалъ по войску его, аки по лѣсу; ужь у Бовы въ трупѣ челоувѣческомъ конь не скочить, а весь въ крови ходить; и добивается до царскихъ знаменей. И единъ богатырь, Кухазъ именованъ, много съ Бовою бися и не можетъ противъ его стояти и нача отъ него бѣжати; а на немъ бысть четыре раны мечевыхъ да пять ранъ копейныхъ, и прибѣже въ шатры и повѣда царю Салтану, что выѣхалъ изъ града витязь именованъ Бова, сына твоего Лукапера убилъ и войско твое все побилъ. Царь же Салтанъ побѣже по морю въ кораблѣ, а съ нимъ бысть войска 50 челоувѣкъ; Бова же пріѣхалъ къ шатру, ажно король Зинзоей лежитъ связанъ, и онъ его развязалъ и посадилъ его на конь; и поѣхалъ Бова къ другому шатру, ажно король Маркобрунъ лежитъ связанъ же, и онъ его развязалъ и посадилъ его на конь, и поѣхали ко граду Армену, и ѣдучи говорить вслухъ таково слово: Нѣкій господинъ купилъ себѣ холопа и далъ за него 30 литръ злата, а нынѣ ему холопъ такову службу сослужилъ, избавилъ его отъ смерти; и нынѣ бы его государь пожаловалъ, свободилъ на свою волю. Король же Зинзоей рече ему: Еще тотъ холопъ не вѣдаетъ, чѣмъ его государь хочетъ пожаловать. И пріѣхали въ градъ Армень, и встрѣчаетъ его, короля Зинзоея, дочь его, прекрасная Дружневна: О государь мой батюшка, король Зинзоей Андоровичъ, не давай, государь, меня за короля Маркобруна, и дай меня за Бову королевича, вѣдь онъ отца сынъ добраго, короля Гвидона

и матери госпожи Милитрисы отъ града Овтона. Король же Зипзовой рече ей: О госпожа дочь моя, прекрасная Дружневна, буди на твоей волѣ. Бова-же прѣхаль на конюшню, нача спати по три дни и по три ноци не просыпаяся.

Дальше идутъ несчастія Бовы. Обманомъ онъ былъ удаленъ отъ Дружневны и посланъ на погибель въ руки своего врага царя Салтана, отца Лукапера. Дружневна, не зная, куда пропалъ Бова, едва выпросила годъ отсрочки у отца, желавшаго выдать ее за Маркобруна. Бова не погибъ, хотя испыталъ много опасностей; до него дошла вѣсть, что Дружневна уже переѣхала въ царство Маркобруна, и онъ стремится къ ней. Годъ и три мѣсяца прошло съ его исчезновенія, и Дружневна уже скоро должна стать женою Маркобруна, когда наконецъ Бовъ удалось добратся до царства своего соперника; только что передъ тѣмъ онъ получилъ отъ старца-пилигрима черное и бѣлое зелье; если потереться однимъ, будешь аки уголь черенъ, умыться другимъ—и аки цвѣтъ процвѣтешь. Бова избѣнилъ свою наружность при помощи чернаго зелья и принялъ видъ стараго нищаго, когда собрался выручать отъ Маркобруна свою невѣсту.

И взя Бова свой мечъ кладенець и поиде въ Поморье къ королю Маркобруну. И прииде во градъ и тутъ стоятъ три юноши, иже бяше при единой странѣ, Бова-же прииде къ нимъ пилигримомъ и рече имъ: дайте ми про Бога, про Христа и для вашего витязя, Бовы королевича, милостину. И единъ вывернися ударилъ его по лицу: О старче пилигриме, ты сей заповѣди у насъ не вѣдаешь! Здѣсь заповѣдь такова: кто про Бову помянетъ, тотъ имать повѣшенъ быть. Бова-же ему поклонився и поиде на королевской дворъ и прииде на поварню, и рече Бова поварамъ королевскимъ; дайте ми для Бога и для вашего витязя Бовы королевича милостину. И единъ поваръ, выхватя головню горящую и удари его по главѣ и опали ему голову; старецъ же пилигримъ взя его за ногу и удари его о стѣну. И восташа на него многіе повары, онъ же и тѣхъ поваровъ всѣхъ побилъ. И прииде тутъ королевской дворецкой, коего Бова ушибъ мечемъ тупымъ концомъ: О старче пилигриме, про что еси побилъ поваровъ королевскихъ? Онъ же ему рече: Азь, господине, у нихъ попрошалъ для Бога и для Христа и для витязя Бовы королевича милостины, и они меня опалили всего, и азь отъ нихъ поборонился. Дворецкой же рече ему: о старче пилигриме, поиди подъ комору, тамъ сидитъ прекрасная Дружневна, она тебѣ дастъ

для Бовы милостину. Онъ же ему поклонився до земли и поиде подъ комору и возопи гласомъ великимъ и рече: О госпоже прекрасная Дружневна, дай ми для Бога, для Христа и для витязя Бовы королевича милостину. Прекрасная-же Дружневна высунулась по плеча въ окно и рече: Поиди, старче пилигриме, ко мнѣ въ комору. Бова-же прииде къ ней; и рече ему прекрасная Дружневна: о старче пилигриме, гдѣ еси про Бову слыхалъ, или гдѣ его видалъ, что для его просишь? Онъ же рече ей: Какъ мнѣ его не знати? я съ Бовою у царя Салтана сидѣлъ въ одной темницѣ. Прекрасная-же Дружневна нача плакати; и прииде въ полату король Маркобрунъ и рече: О госпожа прекрасная Дружневна, что сей за старецъ? съ нимъ глаголешь, а сама все плачешь? Она-же ему рече ложными словесы: То, господине, старецъ отъ отца моего; повѣдаетъ ми, что мать моя умерла. Король же Маркобрунъ рече ей: Вели, госпоже, ему дать поѣсть. И самъ поиде вонъ изъ полаты. И въ тѣ поры нача конь вельми ржати, и кои тутъ звѣздо-четцы сами говорятъ промежь себя: то де ржетъ конь Бовы королевича, то де слышитъ конь государя своего Бову королевича. Прекрасная-же Дружневна нача вельми плакати, Бова-жъ у нея зоспрошалъ: О госпоже, прекрасная Дружневна, чей то конь ржетъ вельми? Она-же ему рече: То, господине, конь друга моего любимаго, Бовы королевича, а держу я коня того для того: либо государя своего Бову заслышу и я на немъ до него доѣду, или онъ ко мнѣ приѣдетъ и мы отъ короля Маркобруна на немъ уйдемъ; а по ся мѣста все я сама его и пою и кормлю, а уже онъ побилъ больше 3000 юнаковъ. Бова-же рече ей: Я вамъ коня сего излечу, что на немъ станеть сидѣть 3 лѣтъ дѣтище. И прииде въ полату король Маркобрунъ и рече: Поиди, старче, вонъ изъ полаты. Прекрасная-же Дружневна рече ему: О королю Маркобруне, еще хочеть старецъ нашего коня излечить, что на немъ учнетъ ѣздить 3 лѣтъ дѣтище. Король же Маркобрунъ рече: Добро, госпожа прекрасная Дружневна. Бова-же поиде къ конюшнѣ и взявъ короля за руку, а прекрасную Дружневну за другую, и поиде къ конюшнѣ; конь же Бовинъ нача вельми ржать, король же Маркобрунъ трепетенъ бысть отъ ржанія конскаго и не можете итти и возвратися вспять, прекрасная-же Дружневна поиде съ Бовою на конюшню. Бова-же прииде на конюшню и отворилъ двери конюшни тоя; конь же Бовинъ былъ

привязанъ на 70-ти цѣпяхъ, и то все оборвалъ и скокнулъ Бовѣ на горло, а переднія копыта положилъ ему на плеча. И нача конь Бову цѣловати; а только бѣ конь имѣлъ у себя языкъ и онъ такъ бы рекъ: Откуда еси пришолъ и гдѣ еси былъ? Прекрасная-же Дружневна рече Бовѣ: Господине старче пилигриме, что еси скоро коня нашего прельстилъ? Бова-же рече ей: Госпоже прекрасная Дружневна, для того меня конь скоро опозналъ, занеже есмь самъ Бова. Прекрасная-же Дружневна скоро усумнився и рече ему: Коли еси ты Бова, покажи мнѣ мечъ кладенець, коимъ я тебя опоясала. Бова-же поднявъ ризы своя и показалъ мечъ. Прекрасная-же Дружневна рече ему: Господине старче пилигриме, то еси съ Бовою сидѣлъ въ одной темницѣ у царя Салтана и ты еси у Бовы мечъ укралъ. И рече ему: Господине, покажи мнѣ язву, кою я у тебя сама лечила. Бова-же поднявъ клобукъ съ главы своея и показалъ ей язву. Прекрасная-же Дружневна рече Бовѣ: Господине Бова, гдѣ еси ты изнурилъ красоту лица своего? Бова-же скоро потеряся бѣлымъ зеліемъ и бысть аки цвѣтъ процвѣлъ, лице его просіяло, аки солнечные лучи; прекрасная-же Дружневна рече ему: О государь мой милой, Бова королевичъ, откуда еси аки солнце возсіяло ко мнѣ? И нача его любезно цѣловати и рече ему: Здѣ-ли хотимъ быть или прочь ѣхать? Бова-же рече ей: Поѣдемъ, госпоже, прочь.—Добро, господине, сѣдлай себѣ коня, а мнѣ другого, а я къ тебѣ твое оружіе тотъ часъ къ тебѣ сошлю съ дѣвицею. И прииде прекрасная Дружневна къ королю Маркобруну, король же Маркобрунъ рече ей: Живъ ли, госпоже, нашъ старецъ? Она-же ему рече: Живъ, господине, нашъ старецъ, ходитъ близко коня нашего, а конь его познаваеъ. И хочю къ нему послать постельку. И въ тотъ часъ шедъ завертѣ въ постелю щитъ и кольчугу и посла съ дѣвицею къ Бовѣ въ конюшню, а сама поиде къ королю Маркобруну и принесе къ нему кубокъ забвеннаго вина: Испей, господине, за любовь нашу. Король же рече: Испей, госпожа, ты за любовь. Она-же испивъ мало и поднесе ему; опъ же испивъ все и засне твердо. Прекрасная-же Дружневна поиде къ Бовѣ въ конюшню и прииде къ нему, Бова-же ходитъ весь вооруженъ, а носить въ рукѣ своей щитъ и копье и мечъ кладенець. И сяде Бова на конь, а прекрасная Дружневна на другой и поѣхали вонъ изъ града не вѣмъ никому и переѣхали больше 100 верстъ

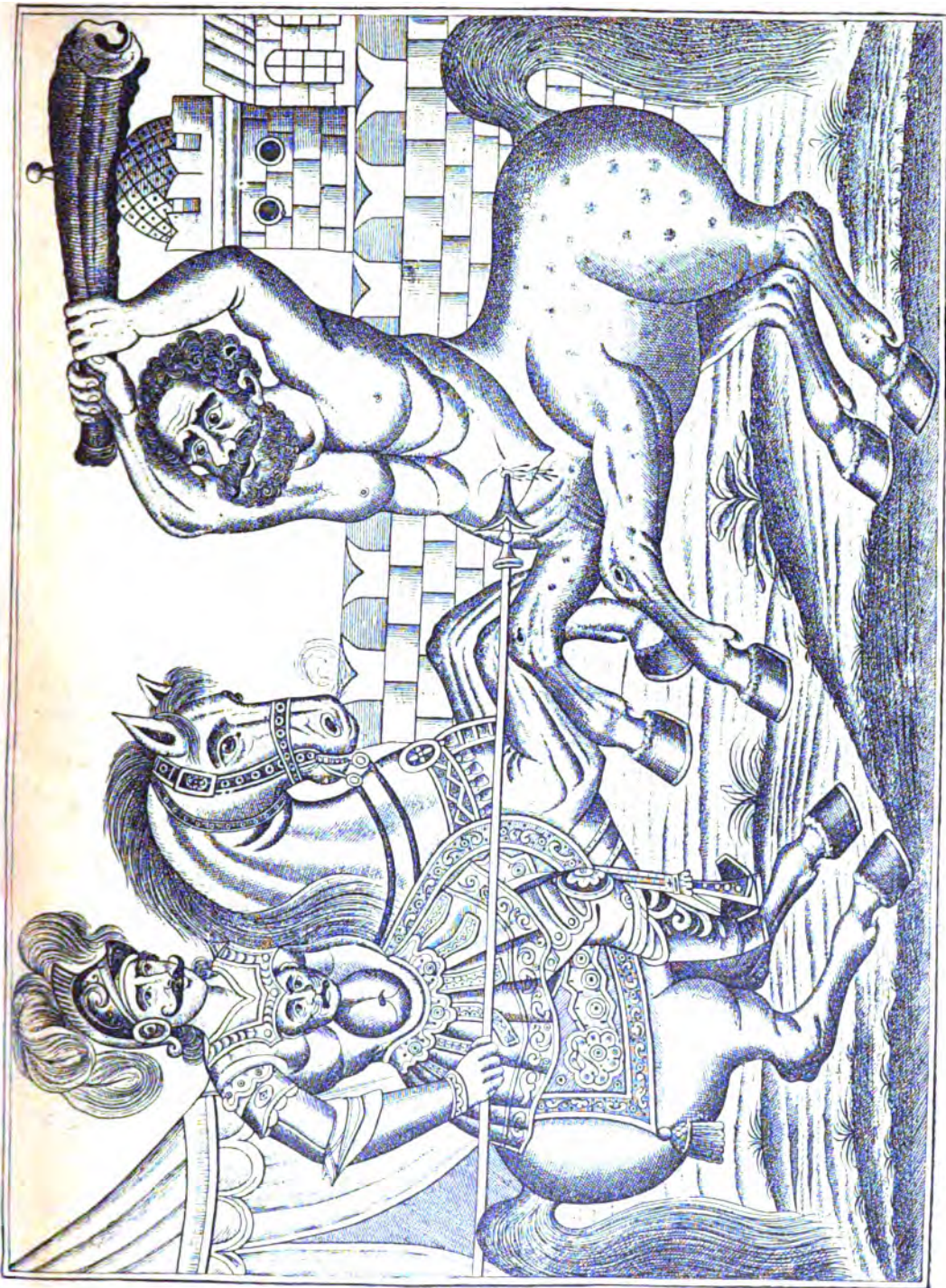

Рис. 10. Лубочная картинка, изображающая бой Говы съ Пользаномъ.

и доѣхали нѣкоего кладезя, и тутъ Бова учаль шатерь ставить и почивъ держати.... И возста отъ сна своего и поѣхаша путемъ своимъ, и рече Бовѣ прекрасная Дружневна: Господине Бова, будетъ за нами погоня отъ короля Маркобруна: есть у него наспѣхъ именовъ Полканъ, сидитъ въ погребѣ, славный богатырь, отъ пояса до главы челоуѣкъ, а отъ пояса къ ногамъ песь, и та ему 100 версть за 10 версть; онъ можетъ добыть. И воста король Маркобрунъ отъ сна своего, не обрѣте своей госпожи прекрасныя Дружневны и повелѣ въ рогъ трубити и собра войска своего 10 тысячъ и рече имъ: О витязи мои и юнаки! прииде ко мнѣ Бова пилигримомъ и уведе у меня госпожу прекрасную Дружневну; подите и поймайте ихъ, и могу Бову повѣсить, а прекрасную Дружневну разстрѣлять. И рече ему витязи и юнаки: О государь нашъ король Маркобрунъ, уже Бова сей ноци переѣхалъ больше 600 версть и намъ его не сугнати, войско идетъ опочиваяся на день по 50 версть; ино есть у тебя наспѣхъ именовъ Полканъ, сидитъ въ погребѣ, и та ему 100 версть за 10 версть, онъ тебѣ можетъ добыть Бову и Дружневну. Маркобрунъ послаше по Полкана; Полканъ же прииде къ королю Маркобруну, и онъ рече ему: Господине Полкане, прииде ко мнѣ Бова пилигримомъ и уведе у меня прекрасную Дружневну, поиди и поймай ихъ, и могу Бову повѣсить, а прекрасную Дружневну разстрѣлять. Полканъ же рече ему: Я тобѣ добуду ихъ, Бову и Дружневну. И побѣже Полканъ за ними; Бова-же и Дружневна зрятъ, ажно Полканъ бѣжитъ пѣшъ, что конемъ же. Бова-же, уготовя мечъ свой и хотя его мечемъ посѣщи, и погрѣши мимо, и шибе мечъ его по черенъ въ землю, Полканъ же, выломивъ дубину изъ корени и удари Бову, Бова-же бысть дряхлѣ; Полканъ же и вторицею шибе о него, Бова-же паде на землю. Полканъ же сяде на конь Бовинъ, конь же нача его мыкать по лѣсу и по деревью и по пустому лѣсу, слыша не государя своего на себѣ, и нача конь тертися и валятися и одралъ на Полканѣ всю кожу его. И побѣже конь съ нимъ мимо Дружневнина шатра, и рече ему прекрасная Дружневна: Господине Полкане, не чините межъ собою съ Бовою бою и побратайтися, ино васъ богатырей славнѣе и сильнѣе и на свѣту не будетъ. Полканъ же рече ей: О госпоже, прекрасная Дружневна, я радъ съ Бовою братство воспріять. Конь же Бовинъ сталь кротко, Полканъ же приѣхалъ къ

Бовѣ и слѣзе съ коня и съ Бовою братство воспріялъ и межъ себя увѣришася. Бова-же всѣдъ на конь, а прекрасная Дружневна на другой и поѣхали путемъ своимъ, а Полканъ за ними побѣже пѣшъ, что конемъ же

Судьба еще разъ разлучаетъ героевъ и только послѣ многихъ и многихъ приключеній они окончательно соединяются для мирной и счастливой жизни среди своей семьи.

22. Исторія о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобеевѣ.

Дѣйствіе повѣсти происходитъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; имена дѣйствующихъ лицъ — подлинныя русскія фамиліи того времени.

Вся обстановка дѣйствія и жизненность бытовыхъ сценъ склоняютъ къ предположенію, что повѣсть и написана въ XVII вѣкѣ.

Исторія о Фролѣ Скобеевѣ представляетъ интересъ для историка литературы, 1) какъ самостоятельное русское произведеніе, 2) какъ произведеніе, показывающее, что въ русской литературѣ того времени возникаетъ новое направленіе. Неизвѣстный авторъ повѣсти далекъ отъ старыхъ книжныхъ обычаевъ, не желаетъ никого наставлять, а весело и шутливо, съ сохраненіемъ бытовыхъ подробностей рассказываетъ продѣлки тонкаго плута. Любопытно, что этотъ плутъ, подобно тому, какъ въ старинныхъ фавль, какъ позднѣе у Бомарше, незнатнаго происхожденія и проводитъ знатнаго боярина.

Любопытно также, что въ рассказѣ о томъ, какъ „Фролка“ обманымъ образомъ женился на знатной и богатой Аннушкѣ Нардинѣ Нащокиной, любовь играетъ очень малую роль. Даже въ первой части повѣсти, гдѣ герой еще нѣсколько интересуется Аннушкой, рассказъ едва упоминаетъ о чувствѣ Фрола и передаетъ его отношенія къ Аннушкѣ въ очень грубыхъ чертахъ. Это весьма характерно для отношенія къ женщинѣ у насъ въ XVII вѣкѣ. Болѣе галантное и идеальное и вмѣстѣ съ тѣмъ жеманное отношеніе къ женщинѣ въ русскомъ обществѣ складывается позже, въ XVIII в.

Фролъ Скобеевъ, главнымъ образомъ, дѣлецъ, ябедникъ, проходимецъ, устроитель собственныхъ дѣлъ. Вся исторія съ Аннушкой для него только средство устроить свою карьеру, и въ одномъ изъ списковъ повѣсть озаглавлена даже словами: „Исторія о новгородскомъ дворянинѣ о Фролѣ Скобеевѣ и Аннушкѣ — какъ онъ себя достигъ за семь рублей благополучіе“.

Въ повѣсти есть художественныя черты: живописна, напр. сцена на площади, гдѣ Фролъ валяется въ ногахъ, на глазахъ собравшейся

толпы, передъ знатымъ, старымъ, опирающимъ на кляку бояринѣмъ; много художественной правды и въ исторіи примиренія разгнѣванныхъ Нащокиныхъ съ дочерью и неожиданнымъ зятемъ.

Языкъ повѣсти соответствуетъ реальности ея содержанія. Это простой разговорный языкъ XVII вѣка, чуждый старой книжности.

Здѣсь приведена часть повѣсти, передающая исторію женитьбы Фрола. Послѣ того какъ онъ познакомился съ Аннушкой въ деревнѣ, отецъ ея, не зная объ ихъ знакомствѣ, вызываетъ Аннушку изъ своей вотчины въ Москву, намѣреваясь выдать ее замужъ.

...Потомъ пишетъ отецъ ей изъ Москвы, Аннушкѣ, стольникъ Нардинъ Нащекинъ, чтобъ она ѣхала немедленно въ Москву для того, что сватаются къ ней женихи хорошіе, стольничьи дѣти. И Аннушка, хотя съ великою неволею, не хотя преслушать воли отца своего, поѣхала къ Москвѣ. Потомъ, провѣдавъ Фроль Скобеевъ, что Аннушка уѣхала въ Москву, и сталъ въ великомъ сумнѣніи,—не знаетъ, что дѣлать, для того, что дворянинъ небогатый и имѣеть пропитаніе, что всегда ходитъ въ Москвѣ за дѣлами повѣренныиъ. И взялъ себѣ намѣреніе, чтобъ имѣющіяся у него пустоши заложить и ѣхать въ Москву, какъ бы Аннушку достать себѣ въ жену, что и учинилъ. И сталъ Фроль Скобеевъ отпраляться въ Москву, а сестра его объ томъ весьма соболѣзнуеть, что, конечно, будетъ въ какой причинѣ¹⁾. И Фроль Скобеевъ сталъ прощаться и сказалъ: „Ну, матушка сестрица, пожалуй, не тужи ни объ чемъ: хотя и животъ мой утрачу, по тѣхъ мѣстъ и жизнь моя кончается, а отъ Аннушки не отстану,—или буду полковникъ, или покойникъ! А если что сдѣлается по намѣренію моему, то и тебя не оставлю; а буде сдѣлается несчастіе, то прошу не позабыть меня поминовеніемъ!“ И простясь поѣхалъ въ Москву.

И по приѣздѣ въ Москву сталъ на квартирѣ близъ двора стольника Нардина-Нащекина. И на другой день пошелъ Фроль Скобеевъ къ обѣднѣ и увидѣлъ въ церкви мамку Аннушкину. И по отшествіи литоргіи, вышелъ Фроль Скобеевъ изъ церкви и сталъ ждть тою мамку. И какъ вышла та мамка изъ церкви, и подшелъ Фроль Скобеевъ къ той мамкѣ и отдалъ ей поклонъ и просилъ ее, чтобъ она объявила объ немъ Аннушкѣ. И она ему обѣщалась всякое добро дѣлать. И пришедъ мамка домой и объявила Аннушкѣ о приѣздѣ Фрола Скобеева. И Аннушка въ ве-

1) Попадетъ въ какую нибудь бѣду.

ликой стала быть радости и просила мамку свою, чтобъ она заутришней день пошла къ обѣднѣ и ваяла бѣ денегъ 20 руб. и отдала бѣ Фролу Скобееву. И мамка то учинила по волѣ ея, Аннушки.

У оного стольника Нардина Нащекина имѣлась сестра пострижена въ Дѣвичьемъ монастырѣ; и тотъ стольникъ поѣхалъ къ сестрѣ своей въ монастырь гулять; и какъ пріѣхалъ, то сестра его встрѣтила по чести, брата своего; и тотъ стольникъ сидѣлъ у сестры своей не малое время. И имѣлись разговоры, промежъ которыхъ просила сестра брата своего: „Покорно васъ, государь мой братецъ, прошу! пожалуй, отпусти любезную свою дочь Аннушку для свиданія со мною, понеже многіе годы не видала ее.“ И стольникъ Нардинъ Нащекинъ обѣщалъ ей дочь свою отпустить. И сестра рече: „Не надѣюсь, государь братецъ, чтобъ сіе для меня учинилъ; или забудешь. Только покорно прошу, изволь приказать въ домѣ своемъ, когда пришло я по нее карету и возниковъ¹⁾, хотя и въ небытность вашу дома, чтобъ ее ко мнѣ отпустили!“ И братъ ей Нардинъ Нащекинъ обѣщался то для просьбы ея учинить. И по нѣкоторомъ времени случился тому стольнику Нардину Нащекину ѣхать въ гости и съ женою своею; и приказываетъ дочери своей: „Слушай, мой другъ Аннушка, ежели приплеть по тебя изъ монастыря сестра моя, а твоя тетка, карету съ возниками, то ты поѣжай къ ней не умедля!“ А самъ поѣхалъ въ гости и съ женою своею.

И Аннушка просить мамки своей, чтобъ она, какъ можно, пошла ко Фролу Скобееву, чтобъ онъ, какъ можно гдѣ, выпросилъ карету и съ возниками и пріѣхалъ самъ къ ней и сказалъ бы, будто отъ сестры стольника Нардина Нащекина изъ монастыря пріѣхалъ по Аннушку. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему приказъ госпожи своей.

И какъ услышалъ Фролъ Скобеевъ, не знаетъ, что и дѣлать и какъ кого обмануть, для того что его изъ знатныхъ дворянъ всѣ знаютъ, что онъ дворянинъ не богатый, — только великая ябеда и ходатайствовать за приказными дѣлами. И пришло въ память Фролу Скобееву, что весьма ему добръ стольникъ Ловчиковъ; и пошелъ къ тому стольнику. И какъ пришелъ Фролъ Скобеевъ къ Ловчикову, и

¹⁾ Лошадей.

Ловчиковъ имѣлъ съ нимъ разговоръ много; и потомъ Фроль Скобеевъ сталъ просить Ловчикова, чтобъ пожаловалъ ему карету и съ возниками ѣхать для смотрѣнія невѣсты. И Ловчиковъ далъ ему по его просьбѣ карету и кучера. И Фроль Скобеевъ поѣхалъ и пріѣхалъ къ себѣ на квартиру, и того кучера спойлъ весьма пьяна, и самъ убрался въ лакейское платье и сѣлъ на козлы и поѣхалъ къ стольнику Нардину Нащекину по Аннушку. И усмотрѣла мамка Аннушкина, что пріѣхалъ Фроль Скобеевъ, сказала Аннушкѣ подъ видомъ другимъ: того дома служителей, якобы прислала тетка по нее изъ монастыря. И та Аннушка убралась и сѣла въ карету и поѣхала на квартиру Фрола Скобеева. И тотъ кучеръ Ловчиковъ пробудился; и усмотрѣлъ Фроль, что кучеръ не въ такомъ сильномъ пьянствѣ, и напоилъ его весьма до пьяна, и положилъ его въ карету, а самъ сѣлъ въ козлы и поѣхалъ къ Ловчикову на дворъ. И пріѣхалъ ко двору, и отворилъ ворота, и пустилъ возниковъ на дворъ и съ каретою, а самъ пошелъ на свою квартиру. И вышли на дворъ люди Ловчикова и видятъ, что стоятъ возники и съ каретою, а кучеръ лежитъ въ каретѣ жестоко пьянъ, спитъ, а кто ихъ привезъ на дворъ, никто не вѣдаетъ. И Ловчиковъ велѣлъ карету и возниковъ убрать и сказалъ: „Еще то хорошо, что всего не уходилъ! На Фроль Скобеевъ взять нечего!“ И на утрѣ сталъ Ловчиковъ кучера спрашивать, гдѣ онъ былъ со Фроломъ Скобеевымъ, и кучеръ сказалъ, что „только помню, какъ былъ на квартирѣ, а куда онъ ѣздилъ и что дѣлалъ, того не знаю“.

Потомъ стольникъ Нардинъ-Нащекинъ пріѣхалъ изъ гостей и спросилъ дочери своей Аннушки; и та мамка сказала, что „по приказу вашему отпущена къ сестрицѣ вашей въ монастырь, для того что она признала карету и возниковъ“. И Нардинъ Нащекинъ сказалъ: „изрядно!“

И стольникъ Нардинъ Нащекинъ долгое время не былъ у сестры своей и думаетъ, что дочь его Аннушка у сестры его въ монастырѣ. А Фроль Скобеевъ на Аннушкѣ уже и женился. Потомъ стольникъ Нардинъ Нащекинъ поѣхалъ къ сестрѣ своей въ монастырь и сидѣлъ не малое время, а дочери своей не видитъ, и спросилъ сестры своей: „Сестра, что я не вижу Аннушки?“ И сестра ему отвѣтствовала: „Полно, братецъ, издѣваться! что жъ мнѣ дѣлать, коли я безсчастная моимъ прошеніемъ къ тебѣ: просила я

у тебя прислать ко мнѣ; знатно, что ты не вѣришь мнѣ въ томъ, а мнѣ время такого нѣту, чтобы прислать по нее!“ И стольникъ Нардинъ Нащекинъ сказалъ: „какъ, государыня сестрица, что ты изволишь говорить? я не могу разсудить, для того, что она отпущена къ тебѣ съ мѣсяцъ, а ты присылала по нее карету и возниковъ, а я въ то время былъ въ гостяхъ и съ женою моею, и по приказу нашему отпущена къ тебѣ!“ И сестра сказала: „Никакъ, братецъ, я кареты и возниковъ не посылала никогда, и Аннушка ко мнѣ не бывала!“ И стольникъ Нардинъ Нащекинъ весьма сожалѣлъ о дочери своей, и горько плакалъ, что безвѣстно пропала дочь его; и пріѣхавъ въ домъ свой, и объявилъ женѣ своей, что Аннушка пропала, и сказалъ, что у сестры въ монастырѣ нѣтъ, и сталъ мамки спрашивать: „Кто пріѣхалъ? и куда она поѣхала?“ Мамка та сказала, что пріѣхалъ съ возниками кучеръ и сказалъ: „Изъ Дѣвичья монастыря, отъ сестры вашей, пріѣхалъ по Аннушку, и по приказу вашему и поѣхала Аннушка“. И о томъ весьма соболѣзновали и горько плакали, а наутрѣ поѣхалъ стольникъ къ государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь его. И велѣлъ государь учинить публикацію о той стольничьей дочери: ежели кто содержитъ ее тайно, чтобъ объявили, а ежели кто не объявитъ и сыщется, то послѣ смертью казненъ будетъ.

И Фроль Скобеевъ, слышавъ такую публикацію, не вѣдаетъ, что дѣлать; и умысливъ Фроль Скобеевъ пришелъ къ Ловчикову, стольнику, для того что тотъ Ловчиковъ весьма къ нему обходился добръ и милостивъ. И Фроль Скобеевъ, пришедши къ Ловчикову, и имѣли много разговоровъ, и стольникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобеева: „Что господинъ Скобеевъ, женился ли и богату ли взялъ?“ И Скобеевъ ему на то отвѣтствовалъ: „Нынѣ еще богатства не вижу, что вдаль время покажетъ“.

— „Ну, господинъ Скобеевъ, живи уже постоянно, а за ябедами не ходи, перестань, а живи ты въ вотчинѣ своей—лучше, здоровѣе“.—Потомъ Фроль Скобеевъ сталъ просить того стольника, чтобъ онъ предстательствовалъ объ немъ, и Ловчиковъ ему сказалъ: „Коли сносно, то буду предстатель, а ежели что не сносно, то не гнѣвайся!“ И Фроль ему объявилъ, что „стольника Нардинъ Нащекина дочь Аннушка у меня, а нынѣ я на ней женился!“ И стольникъ Ловчиковъ сказалъ: „Какъ дѣлалъ ты, такъ самъ и

отвѣтствуй!“ И Фроль Скобеевъ сказалъ: „Ежели ты предстательствовать не будешь обо мнѣ, и тебѣ будетъ не безъ слова! мнѣ уже пришло показать на тебя, для того что ты возникъ и карету давалъ, а ежели бѣ ты не далъ,—и мнѣ бы того не учинить!“ И Ловчиковъ сталъ въ великомъ сомнѣніи и сказалъ ему: „Настоящій ты плутъ! что ты надо мною сдѣлалъ?... Добро, какъ могу, буду предстательствовать!“ И сказалъ ему, чтобъ завтешней день пришелъ въ Успенскій соборъ: „и стольникъ Нардинъ Нащекинъ будетъ завтра у обѣдни и послѣ обѣдни будемъ стоять всѣ мы въ собраніи на Ивановской площади, и въ то время приди и пади предъ нимъ и объяви о дочери его, а я уже, какъ могу, буду предстательствовать!“

И пришелъ Фроль Скобеевъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, и стольникъ Нардинъ Нащекинъ, и Ловчиковъ, и другіе стольники всѣ у обѣдни. И по отшествіи тогда всѣмъ обычай имѣли быть въ собраніи на Ивановской площади противъ Ивана Великаго, и имѣли промежъ собой разговоры, кому что надобно. А стольникъ Нардинъ Нащекинъ больше соболѣзнуетъ о дочери своей, такожь и Ловчиковъ съ нимъ разсуждаетъ о дочери его къ склоненію милости. И на тѣ ихъ разговоры пошелъ Фроль Скобеевъ и отдалъ всѣмъ стольникамъ поклонъ, какъ есть обычай; и всѣмъ стольники Фрола Скобеева знаютъ. И кромѣ всѣхъ палъ передъ стольникомъ Нардинымъ Нащекинымъ и просилъ прощенія: „Милостивый государь и царевъ стольникъ! въ первыхъ отпусти вину мою, яко раба своего, который дерзновенно учинилъ предъ вами“. И стольникъ Нардинъ Нащекинъ имѣлся лѣтами весьма древень и зрѣніемъ отъ древности уже помраченъ, однакоже могъ челоуѣка усмотрѣть. Имѣли въ то время обычай тѣ старые люди носить въ рукахъ трости натуральныя съ клюшками — и поднимаетъ тою клюшкою Фрола Скобеева. „Кто ты таковъ? скажи мнѣ о себѣ и что твоя нужда до насъ? И Фроль Скобеевъ только говоритъ: „Отпусти вину мою!“ И стольникъ Ловчиковъ подошелъ къ Нардину Нащекину и сказалъ: „Лежитъ предъ вами, просить отпущенія вины своей дворянинъ Фроль Скобеевъ!“ И стольникъ Нардинъ Нащекинъ воскричалъ: „Встань, плутъ, знаю тебя давно, плута и бездѣльника! знатно, что наябедничалъ себѣ что! скажи, плутъ,—буде сносно, стану помогать, а что несносно, какъ хочешь; я тебѣ, плуту, давно говорилъ: живи постоянно! Встань, скажи, что твоя вина?“

И Фроль Скобеевъ всталъ отъ ногъ его и объявилъ ему, что дочь его Аннушка у него, и онъ на ней женился. И какъ стольникъ Нардинъ Нащекинъ услышалъ отъ него о дочери своей, изжалился слезами и сталъ въ безпамятствѣ; и мало онамятовался и сталъ говорить: „Что ты, плутъ, сдѣлалъ? Вѣдаешь ли ты о себѣ, кто ты таковъ? нѣсть тебѣ отпущенія вины твоей! тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею? пойду къ государю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ обидѣ!“ И вторично пришедъ къ нему стольникъ Ловчиковъ, и нача его разговаривать, чтобъ вскорѣ не учинилъ доклада къ государю: „Изволишь съѣздить домой и объявить о семъ случаѣ сожительницѣ своей и по совѣту общему, какъ къ лучшему. Уже быть такъ; того не возвратитъ, а онъ, Скобеевъ, отъ гнѣва вашего скрыться никуда не можетъ!“ И стольникъ Нардинъ Нащекинъ послушалъ совѣта Ловчикова, не пошелъ къ государю, сѣлъ въ карету и поѣхалъ домой. А Фроль Скобеевъ пошелъ на квартиру свою и сказалъ Аннушкѣ: „Ну, Аннушка, что будетъ мнѣ съ тобою, не вѣдаю—объявилъ о тебѣ отцу твоему!“

И стольникъ Нардинъ Нащекинъ пріѣхалъ въ домъ свой, идетъ въ покои, жестоко плачетъ и кричитъ: „Жена, что ты вѣдаешь? я нашелъ Аннушку!“ И жена его спрашиваетъ: „Гдѣ она, батюшка?“—„Охъ, мой другъ! воръ, и плутъ, и ябедникъ Фроль Скобеевъ женился на ней!“ И жена его услышала тѣ отъ него рѣчи и не вѣдаетъ, что говорить, соболѣзнуя о дочери своей. И стали оба горько плакать и въ сердцахъ своихъ бранить дочь свою, и не вѣдаютъ, что чинить надъ нею. Потомъ пришли въ память, сожалѣя о дочери своей, и стали разсуждать съ женою: „Надобно послать человѣка и сыскать, гдѣ онъ, плутъ, живетъ, провѣдать о дочери своей, жива ли она“. И призвали къ себѣ человѣка своего и сказали ему; „Поѣзжай и сыщи квартиру Фрола Скобеева и провѣдай про Аннушку, жива ли она, имѣетъ ли пропитаніе какое?“

И пошелъ человѣкъ ихъ по Москвѣ искать квартиру Фрола Скобеева, и по многомъ хожденіи нашелъ и пришелъ ко двору. И усмотрѣлъ Фроль Скобеевъ, что отъ тестя идетъ человѣкъ, и велѣлъ женѣ своей лечь на постель и притворить себя, якобы больна. И Аннушка учинила по волѣ мужа своего. И присланный человѣкъ вошелъ въ покой и отдалъ, какъ по обычаю, поклонъ. И Фроль

Скобеевъ спросилъ: „Что ты за человѣкъ? и какую нужду до меня имѣешь?“ И человѣкъ отвѣчалъ, что онъ присланъ отъ стольника Нащекина провѣдать про дочь его, здравствуетъ ли она. И Фролъ и Скобеевъ говоритъ: „Видишь ты, мой другъ, каково ея здоровье! Таковъ-ти родительскій гнѣвъ,—они ее заочно бранять и клянуть, отъ того она при смерти лежитъ. Донеси ихъ милости, хотя бы они при жизни ее заочно благословили“. И человѣкъ тотъ отдалъ имъ поклонъ и пошелъ.

И пришелъ къ господину своему и донесъ, что „нашелъ квартиру Фрола Скобеева, токмо Аннушка очень больна и просить отъ васъ заочно хотя словеснаго благословенія.“ И пребезмѣрно родители о дочери своей соболѣзнуютъ, токмо разсуждали: „Что съ воромъ и плутомъ дѣлать?“ Но болѣе сожалѣли о дочери своей. Мать ея стала говорить: „Ну, мой другъ, уже быть такъ, что владѣть плуту дочерью нашей! Ужъ такъ Богъ велѣлъ,—надобно послать къ нимъ образъ и благословить ихъ, хотя заочно; а когда сердца наши утоятся, то можемъ видѣться съ ними и сами!“ Сняли со стѣны образъ, который былъ обложенъ золотомъ и драгимъ каменіемъ, такъ какъ прикладу всего на 500 руб., и послали съ тѣмъ же человѣкомъ, приказали, чтобъ онъ тому образу молились: „а плуту и вору Фролкѣ скажи, чтобъ онъ его не промоталъ!“

И человѣкъ ихъ, принявъ оный образъ, и пошелъ на квартиру Фрола Скобеева. И усмотрѣлъ Фролъ Скобеевъ, что пришелъ тотъ же человѣкъ, сказалъ женѣ своей: „встань, Аннушка“. И сѣли оба вмѣстѣ. И человѣкъ тотъ вошелъ въ покой ихъ и отдалъ образъ Фролу Скобееву и сказалъ, что „родители ваши, Богомъ данные, прислали къ вамъ благословеніе!“ И Фролъ Скобеевъ, приложась къ тому образу и съ Аннушкой, и поставили, гдѣ надлежить; и сказалъ Фролъ человѣку тому: „Таково ти родительское благословеніе,—и заочно ихъ не оставили — и Богъ далъ Аннушкѣ здоровье: нынѣ, слава Богу, здорова! благодари ихъ милость, что не оставили заблудшую дочь свою“. И человѣкъ пришелъ къ господину своему и объявилъ объ отдачѣ образа, и о здравіи Аннушкинѣ, и о благодареніи ихъ, и пошелъ въ показанное свое мѣсто. И стольникъ Нардинъ Нащекинъ, поѣхавъ къ государю, и объявилъ, что „дочь свою нашелъ у новгородскаго дворянина Фрола Скобеева, который уже на ней и женился, и прошу вашей государе-

вой милости, чтобъ въ томъ ему Скобееву, вину отпустить;“ и объявилъ ему все подробно. На что великій государь ему сказалъ, что „въ томъ твоя воля, какъ желаешь! и совѣтую тебѣ, что ужь того не возвратить, а онъ твоимъ награжденіемъ, а моею милостью противъ прочихъ своей братьи оставленъ не будетъ,—и въ томъ на старости возымѣешь утѣху“. Стольникъ же Нардинъ Нащекинъ, поклоняся государю и поиде въ домъ свой и стали разсуждать и сожалѣть о дочери своей. И сталъ говорить женѣ своей: „Какъ, другъ мой, быть? конечно, плутъ заморить Аннушку; чѣмъ ему, вору, кормить ее? и самъ какъ собака голодень! надобно, другъ мой, послать какого запаса, хотя на 6-ти лошадахъ“. А жена его сказала: „Конечно, надобно, другъ, послать“. И послали тотъ запасъ и при томъ реэстрѣ. И какъ пришелъ оный запасъ, и Фроль Скобеевъ, не смотря по реэстру, приказалъ положить въ показанныя мѣста и приказалъ тѣмъ людямъ за ихъ родительскія милости благодарить. Уже Фроль Скобеевъ сталъ жить роскошно и ѣздить вездѣ по знатнымъ персонамъ, и весьма Скобееву удивлялися, что онъ сдѣлалъ такую причину и такъ смѣло. Ужъ чрезъ долгое время обратились сердцемъ и соболѣзновали душою о дочери своей, такожъ и о Фролѣ Скобеевѣ, и послали человѣка къ нимъ и приказали просить ихъ кушать къ себѣ. И какъ пришелъ человѣкъ и просить: „Приказалъ батюшко васъ кушать сей день!“ И Фроль Скобеевъ сказалъ: „Донеси государю нашему батюшку, что будемъ не умедля до ихъ здоровья!“

И Фроль Скобеевъ убрался съ женою своею Аннушкою и поѣхалъ въ домъ тестя своего; и пріѣхалъ въ домъ ихъ и пошелъ въ покои съ женою своею; и Аннушка пала предъ ногами родителей своихъ. Усмотрилъ Нардинъ Нащекинъ какъ дочь свою и съ женою своею приносимую вину свою, ¹⁾ стали ее бранить и наказывать своимъ гнѣвомъ родительскимъ; и смотря на нее, весьма плачутъ, что она такъ учинила безъ воли родителей своихъ, проклиная жизнь ея словами своими. И по многомъ глаголаніи ихъ и гнѣву, отпустили вину ея. И приказалъ садиться за столъ съ собою, а Фролу Скобееву сказалъ: „А ты, плутъ, что стоишь? садись тутъ же! тебѣ ли бы, плуту, владѣть дочерью моею!“ И Фроль сказалъ ему: „Государь-батюшко, уже тому такъ

¹⁾ Рѣчь въ этомъ мѣстѣ нѣсколько испорчена.

Богъ судилъ!“ И сѣли всѣ кушать, и стольникъ Нардинъ Нащекинъ приказалъ людямъ своимъ, чтобъ никого въ домъ постороннихъ не пускали, сказывали бы, что время такого нѣтъ стольнику, для того что съ зятемъ своимъ, воромъ и плутомъ Фролкою Скобеевымъ, кушаетъ! И по окончаніи стола сталъ стольникъ говорить зятю своему: „Ну, плутъ, чѣмъ ты станешь жить?“ И Фроль Скобеевъ сказалъ: „Милостивый государь-батюшко! изволишь ты самъ быть извѣстенъ, чѣмъ мнѣ жить,—болѣе не могу пропитанія найти, какъ за приказными дѣлами ходить!“ И стольникъ рече: „Перестань, плутъ, ходить за ябедой;—имѣется вотчина моя въ Симбирскомъ уѣздѣ, которая состоитъ въ 300-хъ дворахъ, да въ Новгородскомъ уѣздѣ въ 200-хъ дворахъ, — справь, плутъ, за собою и живи постоянно!“ И Фроль Скобеевъ отдалъ поклонъ и съ женою своею, приносили благодареніе родителямъ своимъ. И сидѣвъ немного поѣхалъ Фроль Скобеевъ на квартиру свою и съ женою своею. Тестъ же его, стольникъ Нардинъ Нащекинъ приказалъ Скобеева возвратить и сталъ говорить: „Ну, плутъ, есть ли у тебя деньги? чѣмъ ты деревни справишь?“ И Фроль рече: „Извѣстно вамъ, государь-батюшко, какія у меня деньги?“ И стольникъ приказалъ дать дворецкому своему денегъ 500 руб. И простясь Фроль Скобеевъ поѣхалъ на квартиру свою и съ женою своею Аннушкой.

И по многомъ времени справилъ Фроль деревни за собою и сталъ жить очень роскошно и ѣдилъ къ тестю своему безпрестанно и всегда приниманъ былъ съ честью, а за ябедами ходить уже бросилъ. И по нѣкоемъ времени поживе стольникъ Нардинъ Нащекинъ въ глубокой своей старости, въ вѣчную жизнь переселился, и по смерти своей учинилъ Фрола Скобеева наслѣдникомъ во всемъ своемъ движимомъ и недвижимомъ имѣнни. Потомъ, недолгое время поживъ, теща его переставилась,—и тако Фроль Скобеевъ, живя въ великой славѣ и богатствѣ, наслѣдниковъ по себѣ оставя, и умре.

23. Повѣсть о Ершѣ Ершовѣ сычѣ Щетинниковѣ.

Эта сатира на старый судъ сохранилась въ рукописи XVIII вѣка, гдѣ она носитъ заглавіе: „Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ“. Повѣсть, по признанію ученыхъ, сохранила съ поразительной вѣрностью формы словеснаго судопроизводства XVI вѣка и, вѣроятно, принадлежитъ еще этому столѣтію. Сутяжничество, ябеда и продажность суда составляли давнишній, вопіющій недостатокъ старой русской жизни; недаромъ древняя восточная повѣсть о Шемякиномъ судѣ у насъ измѣнила свой первоначальный характеръ и превратилась въ сатиру на судебскіе порядки. Повѣсть о Ершѣ родилась подъ тѣми же жизненными впечатлѣніями.

„Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой рыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярскаго Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, намъ на злаго человѣка, на Ерша Щетинника, и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинниковъ наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ; расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рохатины, и онъ свидится съ нами на стану—и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшенная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями“.

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь-ли?“ Отвѣтчикъ Ершъ рече: „отвѣчаю, господа, за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, и нынѣ наше, а онъ, Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа, Ершъ Божіею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами, не смутчикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я добрый, живу я своею силою, а не чужою; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городехъ князи и бояре, стольники и дворяна,

жильцы московскіе, дьяки и подъячіе и всякихъ чиновъ люди; и покупаютъ меня дорогою цѣною, и варятъ меня съ перцомъ и съ шафраномъ, и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмѣлья и кушавши поздравляютъ.“

Судьи спрашивали истца Леща: „ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?“ Истецъ Лещъ рече: „уличаю его Божіею правдою да вами, праведными судьями“. Судьи спрашивали истца Леща: „кому у тебя вѣдомо про Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ, и на кого плешься?“ Истецъ Лещъ рече: шлюсь я, господа, изъ виноватыхъ на добрыхъ людей разныхъ городовъ и областей; есть, господа, человекъ добрый, живетъ въ нѣмецкой области подъ Ивановымъ городомъ въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, а другой, господа, человекъ добрый, живетъ въ Новгородской области въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга“. Спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, плешься ли на Лещеву правду, на таковыхъ людей?“ И отвѣтчикъ Ершъ рече: „слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣтъ; Сигъ и Лодуга—люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой-же человекъ заводной, плется въ послушество“. И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „почему у тебя такіе люди недрузья и какая у тебя съ ними недружба?“ Отвѣтчикъ Ершъ рече: „господа мои судьи! недружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ — для того, что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человекъ заводной; они хотятъ насъ, маломочныхъ людей, испродать напрасно“.

Судьи спрашивали истца Леща: „еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ, и на кого плешься?“ Истецъ Лещъ рече: „шлюсь я, господа, изъ виноватыхъ есть человекъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ, рыба Сельдь“.

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: ты, Ершъ, плешься ли на Лещевую правду?“ Отвѣтчикъ же Ершъ рече: „Сигъ и Лодуга и Сельдь съ племяни, а Лещъ такой же человекъ заводной: въ сусѣдствѣ имаются, гдѣ судятся—ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ“.

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня¹⁾, приказали взять въ правдѣ

¹⁾ Рыба налимиъ.

переславскую Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ поня-
тыхъ Мня, и Мень Окуню приставу сулить посулы вели-
кіе, и рече: „господине Окуне! азъ не гожуся въ поня-
тыхъ быть: брюхо у меня велико — ходить не могу, а се
глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты—передъ
добрыми людьми говорить не умъю“. Приставъ же Окунь
емлетъ въ понятыхъ Головля и Езя. И Окунь поставилъ
въ правдѣ переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ
правдѣ у переславской Сельди: „Сельдь, скажи ты намъ
про Леща и про Ерша и промежь ими про Ростовское
озеро“. Сельдь же рече въ правдѣ: „Леща съ товарищи
знаеть; Лещъ человѣкъ доброй, христіанинъ Божій, живетъ
своею, а не чужою силою, а Ершъ, господа, злой человѣкъ
Щетинникъ¹⁾).

...Знаешь ли его?“ Осетръ же рече: „Азъ, господа, не
въ правдѣ и не въ послушствѣ, а впрямь скажу: слышалъ
про того Ерша, что варять его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ,
сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу Божіею
правдою о своей обидѣ: когда я шель изъ Волги-рѣки къ
Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня
встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя бра-
томъ, а я лукавства его не вѣдалъ, а спрошать про него,
злого человѣка, никого не лучилось, и онъ меня спроси:
братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду къ
Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ:
братецъ Осетръ, когда азъ шель Волгою-рѣкою, тогда азъ
былъ толще тебя и долъ (длиннѣе), бока мои терли у
Волги-рѣки берега, очи мои были аки полная чаша, хвостъ
же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, бра-
тецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ,
иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ та-
кое его прелестное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро
къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ мо-
рилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ,
господа, скажу: тотъ же Ершъ обманулъ меня, Осетра, ста-
раго мужика, и привеле меня къ неводу и рече ми: бра-
тецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много.
И я его нача посылати напредъ. И онъ, Ершъ, мнѣ рече:

¹⁾ Здѣсь въ рукописи опущена ссылка Леща на новое свидѣтельство. Такимъ свидѣтелемъ выведенъ Осетръ; въ началѣ же сказки онъ поставленъ судьбою: очевидная запутанность въ текстѣ рукописи (прим. Аванасьева).

братецъ Осетръ, коли меньшей братъ ходитъ напредъ большаго? И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ—что боярскій дворъ: идти ворота широки, а вытти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочитъ въ ячею, а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощаться: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!“

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію—бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталь Ракъ своей заднею клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ переславской. Да на того же Ерша выдали правую грамоту: гдѣ его застануть въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речеть Ершъ судьямъ; „господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили“. Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли.

24. Повѣсть о Горѣ-злочастіи.

Эта стихотворная повѣсть, полу-народнаго, полу-книжнаго характера, дошла до насъ въ рукописи XVII вѣка. Въ ней образъ Горя сложился изъ народныхъ представленій о недолѣ, лихой судьбѣ, преслѣдующей человѣка неотвязно безъ всякой вины съ его стороны; въ народной словесности есть рядъ сказокъ и пѣсенъ на эту тему, иногда близко подходящихъ къ нашей повѣсти по языку и подробностямъ. Съ другой стороны въ образъ Горя влились представленія объ исконномъ врагѣ рода человѣческаго, дьяволѣ, который искушаетъ человѣка, стремится отвести отъ правильной жизни и погубить; лишь у святыхъ воротъ монастыря онъ долженъ оставить свою жертву, вступившую на „спасенный путь“. Идея повѣсти—непослушаніе родителямъ и желаніе жить своимъ умомъ

губить человѣка, подвергаетъ его въ несчастія — очень типична для древне-русскаго воспитанія; типиченъ и продуктъ такого воспитанія — добрый молодець, безвольный, несамостоятельный, все время стремящійся жить, „какъ ему любо“, а на самомъ дѣлѣ вѣчно кого нибудь слушающійся и къ кому нибудь прибѣгающій за помощью. Монастырь окончательно сложилъ съ его плечъ непосильную заботу объ устройствѣ своей жизни.

Повѣсть интересна, какъ литературный памятникъ переходной эпохи; она ярко отражаетъ назрѣвавшій разладъ міросозерцанія. Все вступленіе и общая идея повѣсти еще вполне въ духѣ стариннаго, строгаго религіозно-моральнаго отношенія къ жизни, но съ нимъ плохо вяжется интересъ, съ которымъ повѣсть слѣдитъ за приключеніями своего героя. Бытовые подробности, нѣкоторое вниканіе въ психологію молодца, наконецъ лиризмъ отдѣльных мѣстъ, связанный съ народными пѣснями — все это черты новаго, болѣе свободнаго отношенія къ жизни. Тутъ есть даже слѣды выполнения извѣстной литературной задачи, поставленной себѣ авторомъ.

Непонятныя слова объяснены въ словарѣ.

- Изволеніемъ Господа Бога и Спаса нашего,
Исуса Христа Вседержителя,
Отъ начала вѣка человѣческаго.
А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго,
5. Сотворилъ Богъ небо и землю,
Сотворилъ Богъ Адама и Еву;
Повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
Далъ имъ заповѣдь божественну:
Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго,
10. Отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво,
Прельстился Адамъ со Евою,
Позабыли заповѣдь Божію,
Вкусили плода винограднаго
15. Отъ дивнаго древа великаго, —
И за преступленіе великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался,
И изгналъ Богъ Адама со Евою
Изъ святого раю изъ едемскаго,
20. И вселилъ ихъ на землю на низкую,
Благословилъ ихъ раститися-плодотися
И отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть,
Отъ земныхъ плодовъ...
Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
25. Велѣлъ онъ бракамъ и женитьбамъ быть

- Для рожденія человѣческаго и для любимыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческо:
Въ началѣ пошло непокорливо,
Ко отцову ученію зазорчиво,
30. Къ своей матери непокорливо,
И къ совѣтному другу обманчиво;
А се роди пошли слабы, добрѣ убожливы,
А на безуміе обратилися,
И учили жить въ суетѣ и въ враждѣ...
35. А прямое смиреніе отринули.
И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался:
Положилъ ихъ въ напасти великія,
Попустилъ на нихъ скорби великія,
И срамные позоры немѣрные,
40. Безживотіе злое, сопостатные находы,
Злую немѣрную наготу и босоту,
И безконечную нищету и недостатки послѣдніе,
Все смиряючи насъ, наказуя,
И приводя насъ на спасенный путь.
45. Тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери.

-
- Будеть молодець уже въ разумѣ, въ беззлобіи.
И возлюбили его отецъ и мать,
Учить его учили, наказывать,
На добрыя дѣла наставлятъ.
50. „Милое ты наше чадо,
Послушай ученія родительскаго,
Ты послушай пословицы
Добрыя и хитрыя и мудрыя,
Не будетъ тебѣ нужды великія,
55. Ты не будешь въ бѣдности великой.
Не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины;
Не садися ты на мѣсто большее;
Не пей, чадо, двухъ чаръ за одну,
Не прельщайся, чадо, на добрыхъ, красныхъ женъ,
60. На отеческія дочери.
Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное.
Не бойся мудра, бойся глупа,
Чтобы глупые на ты не подумали,
Да не сняли бы съ тебя драгихъ портъ,
65. Не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда великаго,
И племени укору и поносу бездѣльнаго.

- Не ходи, чадо, къ костаремъ и корчемникамъ;
Не знайся, чадо съ головами кабацкими;
Не дружися, чадо, съ глупыми, немудрыми;
70. Не думай украсти, ограбити,
И обмануть, солгать и неправду учинить.
Не прельщайся, чадо, на золото и сребро;
Не собирай богатства неправого;
Не буди послухъ лжесвидѣтельству,
75. А зла не думай на отца и матеръ
И на всякаго человѣка,—
Да и тебе покрыетъ Богъ отъ всякаго зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
А имѣй всѣхъ равно по единому.
80. А знайся, чадо, съ мудрыми,
И съ разумными водися,
И съ други надежными дружися,
Которые бы тебя злу не доставили“.
Молодецъ былъ въ то время се малъ и глупъ,
85. Не въ полномъ разумѣ и несовершенъ разумомъ:
Своему отцу стыдно покоритися,
И матери поклонитися;
А хотѣлъ жити какъ ему любо.
Наживаль молодецъ пятьдесятъ рублевъ,
90. Залѣзъ онъ себѣ пятьдесятъ друговъ;
Честь его яко рѣка текла;
Друговя къ молодцу прибивалися,
Въ родъ-племя причиталися.
Еще у молодца былъ милъ надеженъ другъ;
95. Назвался молодцу названный братъ;
Прельстилъ его рѣчьми прелестными;
Зазвалъ его на кабацкій дворъ,
Завелъ его въ избу кабацкую,
Поднесъ ему чару зелена вина,
100. И кружку поднесъ пива пьянаго,
Самъ говоритъ таково слово:
„Испей ты, братецъ мой названный,
Въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
Испей чару зелена вина,
105. Запей ты чашею меду сладкаго;
Хошь и упьешься, братецъ, до-пьяна,
Ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися;
Надѣйся на меня, брата названаго.

- Я сяду стеречь и досматривать:
110. Въ головахъ у тебя, мила друга,
Я поставлю кружку ишему сладкаго,
Вскрай поставлю зелено вино,
Близъ тебя поставлю пиво пьяное,
Сберегу я, миль другъ, тебя накрѣпко,
115. Сведу я тебя ко отцу твоему и матери.“
Въ тѣ поры молодець понадѣялся
На своего брата названаго;
Не хотѣлось ему друга послушаться.
Принимался онъ за питья за пьяныя.
120. И испиваль чару зелена вина,
Запиваль онъ чашею меду сладкаго,
И пилъ онъ, молодець, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
И гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
125. Понадѣялся онъ на брата названаго.
Какъ будетъ день уже до вечера,
А солнце на западѣ,
Отъ сна молодець пробужается;
Въ тѣ поры молодець озирается:
130. А что сняты съ него драгіе порты,
Чиры и чулочки—все поснимано,
И вся собина у него ограблена,
А кирпичекъ положенъ подъ буѣну его голову,
Онъ накинута гунькою кабацкою,
135. Въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки;
Въ головахъ мила друга и близко нѣтъ.
И вставаль молодець на бѣлы ноги,
Учалъ молодець наряжаться:
Обуваль онъ лапотки-отопочки,
140. Надѣваль онъ гуньку кабацкую,
Покрываль онъ свое тѣло бѣлое,
Умываль онъ лице свое бѣлое;
Стоя, молодець закручинился,
Самъ говоритъ таково слово:
145. „Житіе мнѣ Богъ далъ великое,
Ясти-кушати стало нечего!
Какъ не стало деньги, ни полуденьги,
Такъ не стало ни друга, ни полдруга;
Родъ и племя отчитаются,
150. Всѣ друзи прочъ отпираются!“

- Стало срамно молодцу появиться
Къ своему отцу и матери,
И къ своему роду и племенн,
И къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.
155. Пошелъ онъ на чужу страну, дальну, незнаему.
Нашелъ дворъ, что градъ стоитъ;
Изба на дворъ, что высокъ теремъ;
Въ избѣ идетъ великъ пиръ почестень:
Гости пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
160. Пришелъ молодецъ на честень пиръ,
Крестилъ онъ лице свое бѣлое,
Поклонился чуднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
На всѣ четыре стороны.
165. А что видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ крестится,
Ведетъ онъ все по писанному ученію,
Емлютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ,
170. Не въ бѣльшее мѣсто, не въ меньшее,
Садятъ его въ мѣсто среднее,
Гдѣ сѣдятъ дѣти гостинья.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
И всѣ на пиру гости пьяны, веселы,
175. И сѣдя всѣ похваляются;
Молодецъ на пиру не весель сѣдитъ,
Кручиновать, скорбень, нерадостень,
А не пьеть, ни ѣсть онъ, ни тѣшится,
И ничѣмъ на пиру не хвалится.
180. Говорятъ молодцу люди добрые:
„Что еси ты, добрый молодецъ,
Зачѣмъ ты на пиру не весель сѣдишь,
Кручиновать, скорбень, нерадостень?
Ни пьешь ты, ни тѣшишься,
185. Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не доживала?
Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
Или малыя дѣти тебя изобидѣли?
Или глупые люди не мудрые
190. Чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?“
Говорить имъ сѣдя добрый молодецъ:

- „Государи вы, люди добрые!
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
195. Про свое ослушанье родительское,
И про питье кабацкое, про чашу медвяную,
Про лестное питіе пьяное.
Язъ какъ принялся за питье за пьяное,—
Ослушался язъ отца своего и матери:
200. Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалось;
Господь Богъ на меня разгнѣвался,
И на мою бѣдность велись великія
Многія скорби неисцѣльныя
И печали неутѣшныя,
205. Скучность и недостатки и нищета послѣдняя.
Укротила скучность мой рѣчистый языкъ;
Изсушила печаль мое лицо и бѣлое тѣло:
Ради того мое сердце невесело,
А бѣлое лицо уныливно,
210. И ясныя очи замутились;
Все имѣніе и взоры у мене измѣнились;
Отечество мое потерялося,
Храбрость молодецкая отъ мене миновалась.
Государи вы, люди добрые!
215. Скажите и научите, какъ мнѣ жить
На чужой сторонѣ, въ чужихъ людехъ,
И какъ залѣзти мнѣ милыхъ друзей!“
Говорятъ молодцу люди добрые:
„Доброй еси ты, и разумный молодецъ!
220. Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ:
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися стару и молоду,
А чужихъ ты дѣль не объявлявай,
А что слышишь или видишь—не сказывай.
225. Не льсти ты межъ други и недруги;
Не имѣй ты упадки вилявья—
Не вейся змією лукавою;
Смиреніе ко всѣмъ имѣй,
И ты съ кротостію держися истины съ правдою,
230. То тебѣ будетъ честь и хвала великая.
Первое, тебе люди отвѣдаютъ
И учнутъ тя чтить и жаловать
За твою правду великую,
За твое смиреніе и за вѣжество;

235. И будутъ у тебя милые други—
Названные братья надежные.“
И отуду пошелъ молодець на чужу сторону,
И учаль онъ жити умѣючи.
Отъ великаго разума
240. Наживаль онъ живота больше стараго.
Присмотрилъ невѣсту себѣ по обычаю,
Захотѣлося молодцу жениться.
Срядилъ молодець честенъ пирь,
Отчествомъ и вѣжествомъ,
245. Любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхомъ молодцу, и по Божію попущенію,
А по дѣйству діаволю,
Предъ любовными своими гостями и други
И названными браты похвалился.
250. А всегда гнило слово похвальное:
Похвала живетъ человѣку пагуба.
„Наживаль де — я, молодець — живота больше ста-
раго!“ —
- Подлушало Горе-Злочастіе
Хвастанье молодецкое.
255. Само говоритъ таково слово:
„Не хвались ты, молодець, своимъ счастіемъ.
Не хвастай своимъ богатствомъ.
Бывали люди у меня, Гора,
И мудрая тебя и досужаетъ,
И я, Горе, ихъ перемудрило.
260. Учинися имъ злочастіе великое:
До смерти со мною боролися,
Во зломъ злочастіи позорилися,—
Не могли у мене, Гора уѣхати;
265. Инъ они во гробъ вселились,
Отъ мене на крѣпко они землю накрылись:
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
А Злочастіе на ихъ въ могилѣ осталось!“
270. Еще возгряло: „я, Горе, къ инымъ привязалось.
А мнѣ, Горю и Злочастію, не въ пустѣ же жить:
Хочу я, Горе, въ людехъ жить;
И батогомъ меня не выгонить;
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!“
275. Говоритъ сѣро Горе-горинское:

- „Какъ бы мнѣ молодцу появиться?“
Ино зло то Горе излукавилось,
Во снѣ молодцу привидѣлось:
„Откажи ты, молодець, невѣстѣ своей любимой;
280. Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ тое жены удувлену,
Изъ злата и сребра быть убитому!
Ты пойди, молодець, на царевъ кабаць:
Не жали ты, пропивай свои животы,
285. А скинь ты платье гостиное,
Надежи ты на себя гуньку кабацкую;
Кабакомъ-то Горе избудетя,
Да то злое Злочастіе останется,
За нагимъ-то Горе не погонитя,
290. Да никто къ нагому не привяжется;
А нагому, босому шумить разбой.“
Тому сну молодець не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилось...
Молодцу по прежнему
295. Еще вновь Злочастіе привязалоя:
„Али тебѣ, молодець, не вѣдома
Нагота и босота безмѣрная,
Легота, безпроторица великая?
На себя что купить, то проторится,
300. А ты, удалъ молодець, и такъ живешь!
Да не бьютъ, не мучать нагихъ-босыхъ;
И изъ раю нагихъ, босыхъ не выгонять,
А съ того свѣту сюда не вытепуть; ¹⁾
Да никто къ нему не привяжется;
305. А нагому, босому шумить разбой!“
Тому сну молодець онъ повѣровалъ:
Сошелъ онъ пропивать свои животы,
А скинулъ онъ платье гостиное,
Надѣвалъ онъ гуньку кабацкую,
310. Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое.
Стало молодцу срамно появиться
Своимъ милымъ другомъ.
Пошелъ молодець на чужу страну, дальну, незнаему
На дорогъ пришла ему быстра рѣка.
315. За рѣкою перевозчики,

¹⁾ „Не выбьютъ“ (отъ стар. глагола *мети—тепу*).

- А просять у него перевознаго;
Ино дать молодцу нечего,
Не везуть молодца безденежно.
Съдить молодець день до вечера,
320. Миновался день недобѣднемъ,
Не ѣдалъ молодець ни полу-куса хлѣба.
Вставалъ молодець на скоры ноги,
Стоя, молодець закручинился,
А самъ говорить таково слово:
325. „Ахти мнѣ, Злочастіе горинское!
До бѣды меня, молодца, домыкало,
Уморило меня, молодца, смертью голодною.
Уже три дни мнѣ были нерадошны,
Не ѣдалъ я, молодець, ни полу-куса хлѣба!
330. Ино кинусь я, молодець, въ быстру рѣку:
Полощи мое тѣло, быстра рѣка!
Ино ѣшьте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
Ино лучше мнѣ житія сего позорнаго!
Уиду-ли я у Горя злочастнаго“.
335. И въ тотъ часъ у быстры рѣки
Скочи Горе изъ-за камени,
Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,
Богатырскимъ голосомъ воскликано:
340. „Стой ты, молодець, меня, Горя, не уйдешь никуда!
Не мечися въ быстру рѣку,
Да не буди въ горѣ кручиновать,
А въ горѣ жить — не кручинну быть! ¹⁾.
А кручинну въ горѣ погинути!
345. Спамятуй, молодець, житіе свое первое:
И какъ отецъ тебѣ говорилъ,
И какъ тебѣ мати наказывала.

¹⁾ Приводимъ старинную пѣсню о Горѣ (Сборн. Кириши Данилова), очень близкую многими мѣстами къ повѣсти.

А и Горе, Горе, Гореващице!	А и Горе, Горе Гореващице!
А въ Горѣ жить—не кручинну быть!	А лычкомъ Горе подпоясалось,
Нагому ходить — не стыдиться.	Мочалами ноги изопутаны.
А и денегъ нѣтъ—передъ деньгами.	А я отъ Горя въ темны лѣса,
Появилась гривна—передъ злыми дни.	А Горе прежде векъ зашелъ.
Не бывать плѣштому кудрявому,	А я отъ Горя въ почетный пиръ,
Не бывать гулящему богатому,	А Горе зашелъ, впереди сидитъ.
Не отростить дерева суховерхаго,	А я отъ Горя на царевъ кабакъ,
Не откормить коня сухопараго,	А Горе встрѣчаетъ, ужъ пива тащить.
Не утѣшати дитя безъ матери,	Какъ я нагъ-то сталь—насмѣялся онъ.
Не скронтъ атласу безъ мастера.	

- О чемъ тогда ты ихъ не послушалъ?
Не хотѣлъ ты имъ покориться,
350. Постыдился имъ поклониться,
А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть?
А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе злочастное!
Не къ любому онъ учнетъ упадывать,
355. И учнетъ онъ недругу покоряться!“
Говорить Злочастіе таково слово:
„Покорися мнѣ, Горю нечистому,
Поклонися, мнѣ, Горю, до сыры земли,
А нѣтъ меня, Горя, мудряя на семь свѣтѣ;
360. И ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
Напоятъ тя, накормятъ люди добрые“.
А что видить молодець бѣду неминучую, —
Покорился Горю нечистому,
Поклонился Горю до сыры земли!
365. Пошелъ, поскочилъ доброй молодець,
По круту по красну по бережку,
По желтому песочнику;
Идетъ веселъ, некручиновать;
Утѣшилъ онъ Горе Злочастіе;
370. А самъ, идучи, думу думаетъ:
Когда у меня нѣтъ ничего,
И тужить мнѣ о чемъ!
Да еще молодець не кручиновать,
Запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
375. Отъ великаго крѣпкаго разума:
„Безпечальна мати меня породила,
Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
Драгими порты меня одѣяла,
И отшедъ подъ ручку посмотрела:
380. „Хорошо ли мое чадо въ драгихъ чертахъ?
А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!“
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
Что не класти скарлату безъ мастера,
385. Не утѣшити дитяти безъ матери,
Не бывать бражнику богату,
Не бывать костарю въ славѣ доброй;
Завѣченъ я у своихъ родителей,
Что мнѣ быти бѣлешеньку,

390. А что родился головёнкою! —
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку, —
Перевезли молодца за быстру рѣку,
А не взяли у него перевознаго.
Напоили, накормили люди добрые,
395. Сняли съ него гуньку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.
Говорять молодцу люди добрые:
„А что еси ты, доброй молодець,
Ты поди на свою сторону,
400. Къ любимымъ честнымъ своимъ родителямъ,
Къ отцу своему и къ матери любимой,
Простися ¹⁾ ты съ своими родители,
Со отцемъ и матерію,
Возьми отъ нихъ благословеніе родительское!“
405. И оттуда пошелъ молодець на свою сторону.
Какъ будетъ молодець на чистомъ полѣ,
А что злое Горе напередъ зашло,
На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
Учало надъ молодцомъ гратьи,
410. Что злая ворона надъ соколомъ;
Говорить Горе таково слово:
„Ты стой, не ушелъ, доброй молодець!
Не на часъ я къ тебѣ, Горе злочастное, привязалось;
Хошь до смерти съ тобою помучуся!
415. Не одно я Горе, — еще сродники,
А вся родня наша добрая;
Всѣ мы гладкіе, умильные;
А кто въ семью къ намъ примѣшается, —
Ино тотъ между нами замучится!
420. Такова у насъ участь и лучшая.
Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою, —
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую“.
Полетѣлъ молодець яснымъ соколомъ,
425. А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы;

¹⁾ Т. е. попроси прощенія.

430. Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
„Быть тебѣ, травонька, посѣченной,
Лежать тебѣ, травонька, посѣченной“
435. И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной“.
Пошелъ молодецъ въ море рыбу,
А Горе за нимъ съ частыми неводами,
Еще Горе злочастное насмѣялося:
„Быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленной“
440. Быть тебѣ да и съѣденной,
Умереть будетъ напрасною смертію!“
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую;
Научаетъ молодца богато жить—
445. Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ каменемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттолкъ молодецъ въ монастырь пошелъ постригаться,
450. А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется!
А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
Избави, Господи, вѣчныя муки,
А даи намъ Господи, свѣтлый рай!
455. Во вѣки вѣковъ, аминь.

25. Былины.

Былинами мы называемъ народныя пѣсни эпическаго склада, въ которыхъ отразилось давнее прошлое русскаго народа; самъ народъ, сохранившій ихъ до нашихъ дней, зоветъ ихъ „старинами“ или „старинками“. Онѣ жили издавна въ устной передачѣ и стали записываться въ небольшомъ количествѣ съ XVI вѣка; въ началѣ XIX в. былъ изданъ первый сборникъ былинь, извѣстный подъ именемъ предполагаемаго его собирателя Кириши Данилова; въ началѣ 60-хъ годовъ появилось большое собраніе былинь изъ разныхъ мѣстъ Россіи — Кирѣевскаго; въ это же время впервые было открыто, что недалеко отъ Петербурга, въ Олонецкой губ. крестьянское населеніе хранить огромный запасъ былинь; изслѣдователь Рыбниковъ, а вскорѣ за нимъ Гильфердингъ записали тамъ

нѣсколько сотъ былинг¹⁾. Одновременно началась научная разработка новыхъ богатствъ и предложены были попытки объясненія ихъ смысла.

Сперва въ этихъ попыткахъ сильно увлекались желаніемъ найти общее, единое объясненіе всему эпосу въ цѣломъ его составѣ. Создалась теорія, что русскій народъ, подобно древнимъ грекамъ, сперва воспѣвалъ въ своихъ былинахъ боговъ, выражалъ свои мифологическія вѣрованія, позднѣе сталъ воспѣвать героев-полубоговъ и наконецъ только людей; параллельно съ этимъ народъ якобы отмѣчалъ въ своемъ эпосѣ крупнѣйшіе переходы культурнаго развитія страны. Богатыри были раздѣлены на старшихъ-древнѣйшихъ и младшихъ — болѣе позднихъ. Святогоръ напр., толковался, какъ олицетвореніе горы-тучи, Змѣй Горынычъ—молнія, живущей въ горѣ-тучѣ. Святогоръ же считался выразителемъ кочевого періода жизни русскаго народа, а пахарь Микула—осѣдлаго, земледѣльческаго быта; Микула же былъ апопееозомъ крестьянства, возвеличеніемъ мирнаго труда надъ военнымъ бытомъ (встрѣча съ Вольгой). Подобныя толкованія захватывали иногда и младшихъ богатырей; такъ въ битвѣ Ильи съ Идолищемъ видѣли аллегорію просвѣщенія русской земли христіанствомъ, причѣмъ даже „шляпа земли греческой“, надѣтая на Ильѣ, якобы намекала на то, что христіанство пришло изъ Греціи.

Всѣ такія объясненія должны быть оставлены по своей произвольности и по несоотвѣтствію съ дѣйствительными условіями созданія и развитія народныхъ произведеній. Въ устномъ творчествѣ нельзя открыть подобной систематичности, общаго плана и преднамѣренной аллегоричности; и мифическія, и доисторическія черты существуютъ въ былинахъ, какъ и во всѣхъ другихъ памятникахъ народной поэзіи, но лишь какъ отдѣльные элементы древняго міросозерцанія, въ отдѣльныхъ образахъ, сравненіяхъ и другихъ формахъ выраженія, а никакъ не въ общемъ замыслѣ цѣлыхъ былингъ или богатырскихъ личностей. Наконецъ внимательное изученіе былингъ въ широкомъ кругу сравненія всеобщей литературы во многихъ случаяхъ открыло довольно поздніе книжные или устные источники для тѣхъ самыхъ богатырей (напр. для Святогора), которые считались представителями исконныхъ мифическихъ вѣрованій русскаго народа или выразителями его доисторическаго быта.

Подлинная основа нашего былиннаго эпоса — не мифическая и не доисторическая, а историческая и бытовая. Изъ историческихъ воспоминаній всего явственнѣе выдѣляется въ немъ память о многовѣковой борьбѣ Руси съ южными степными кочевниками, начавшейся въ Киевской области съ первыхъ временъ нашей исторической жизни и законченной уже въ Московскомъ княжествѣ освобожденіемъ отъ татарскаго ига. Въ общемъ, слѣдовательно, былины наши моложе, чѣмъ это представлялось раньше. Въ южной Руси,

¹⁾ Наконецъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ открыто было большое количество былингъ на берегахъ Бѣлаго моря и въ другихъ мѣстахъ Архангельской губ., причѣмъ нашлось нѣсколько новыхъ сюжетовъ, неизвѣстныхъ въ Олонекской губ. (См. сборникъ Маркова и сборникъ Григорьева).

начавшей и наиболее интенсивно ведшей эту борьбу, несомненно и появились первые основы эпических пьесъ, прославлявшихъ выдающихся борцовъ; тутъ сложился и самый типъ богатыря-воина, степного наѣздника, оберегателя русской земли. Но не надо забывать, что этотъ типъ—не единственный и даже не преобладающій въ нашемъ эпосѣ; изъ сорока съ чѣмъ нибудь сюжетовъ нашихъ былинь добрая половина не носитъ боевого, военного характера, и изъ двадцати пяти приблизительно героевъ по крайней мѣрѣ къ половиѣ весьма мало или вовсе не подходитъ названіе богатырей. (Такъ напр., не носятъ „богатырскаго“, боевого характера былины о Садкѣ, Василии Буслаевѣ, Добрынь и Маринѣ, Добрынь и Алешѣ, Ставрѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Дюкѣ, Чурилѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Михаилѣ Потокѣ, Микулѣ, Гостѣ Терентьшѣ). Пестрая смѣсь лицъ и приключеній русскаго эпоса составила въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ и подъ очень различными вліяніями. Обычное отнесеніе той или другой былины къ кievскому или новгородскому циклу на томъ основаніи, что въ ней упоминаются опредѣленные лица и мѣста, само по себѣ также мало доказательно, какъ напр. точное указаніе былинь, будто татары осаждали Кіевъ при Владимірѣ. Есть основаніе думать, что напр., Новгородская Русь создала не только былины о Садкѣ и Василии Буслаевѣ, но и рядъ другихъ, приписываемыхъ Кіеву.

Измѣненія, которыя наложены были на русскій эпосъ тысячелѣтнимъ его пребываніемъ въ народной памяти, были очень многочисленны и глубоки; они касались не формы или подробностей, но могли существенно затрогивать самое содержаніе. Извѣстно, что къ безспорнымъ историческимъ именамъ въ нашемъ эпосѣ во многихъ случаяхъ прикрѣпились сказочныя фабулы, зашедшія иногда изъ огромнаго всемірнаго запаса бродячихъ сюжетовъ черезъ книгу или путемъ прямого устнаго общенія съ разными народами, съ которыми сводила насъ исторія. Такъ напр. не подлежитъ сомнѣнію ясное вліяніе на нашъ эпосъ восточныхъ мотивовъ и сюжетовъ черезъ сношенія особенно съ Половцами, наиболее культурными изъ кочевыхъ нашихъ сосѣдей, а можетъ быть и ранѣе, съ Хозарами и Касогами. Подобныя измѣненія вызывались затѣмъ историческимъ передвиженіемъ эпоса по русской территоріи. Извѣстно, что современная наука застала былины доживающими свой вѣкъ почти исключительно на далекомъ сѣверѣ Россіи и отчасти въ Сибири; такимъ образомъ сюжеты, поводъ къ которымъ несомнѣнно дала древняя исторія Кіевской земли, перекочевали черезъ всю Россію въ Олонецкую губернію, испытавъ при этомъ большія, но не всегда легко услѣдимыя перемѣны и вліянія условій мѣста и времени.

Съ другой стороны былины даже при первомъ своемъ появленіи были прежде всего плодами поэтическаго творчества, которое пользовалось свободно историческими фактами и личностями, комбинируя и окрашивая ихъ по различнымъ побужденіямъ, въ томъ числѣ и по художественнымъ цѣлямъ. Наука теперь отвергаетъ существовавшій взглядъ на народное творчество, какъ на какую то безличную, коллективную работу всего народа, глубоко объективную

и лишенную художественных цѣлей и приѣмовъ; мы должны видѣть въ народной поэзіи работу отдѣльных даровитыхъ личностей, которыя въ своемъ творчествѣ проявляли въ соответственномъ видѣ тѣ же самыя духовныя силы и свойства, какъ и всякій поэтъ-художникъ. Изученіе народной поэзіи различныхъ народовъ показываетъ, что въ ней постоянно примѣняются и особыя художественныя приѣмы изложенія, и типизація лицъ и положеній, и приуроченіе событій и эпохъ къ излюбленнымъ мѣстамъ и героямъ и т. д.

Это же изученіе повезало, что ни одинъ народъ не хранитъ своей поэзіи въ разлитомъ состояніи во всей своей массѣ, что она въ той или другой степени сосредоточивается въ рукахъ особаго класса пѣвцовъ, образовавшагося естественнымъ подборомъ подходящихъ лицъ¹⁾, что пребываніе ея въ этой профессиональной средѣ сообщаетъ ей извѣстную выработку формы и приѣмовъ, создаетъ въ ней новый рядъ измѣненій и закрѣпляетъ ихъ. Нашъ эпосъ не составляетъ исключенія. Хотя въ настоящее время былины поются въ Олонецкомъ краѣ какъ разъ не профессиональными пѣвцами, но анализъ ихъ съ технической стороны (т. е. со стороны стиля и литературнаго построенія) легко открываетъ въ нихъ присутствіе очень стойкихъ, выработанныхъ формъ и приѣмовъ, которые могли сложиться и окрѣпнуть лишь въ профессиональной средѣ, но которые съ другой стороны теперь нерѣдко перепутываются и искажаются. Поэтому ученые признаютъ, что настоящее положеніе былиннаго эпоса на сѣверѣ есть періодъ упадка и умиранія; ему предшествовала пора болѣе жизненная, когда эпосъ выработывалъ свои формы и приѣмы въ рукахъ пѣвцовъ-специалистовъ. Такими профессиональными пѣвцами принято считать старинныхъ нашихъ бродячихъ скоромоховъ, сильно распространенныхъ на Руси до начала XVIII вѣка.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно существующія въ нашихъ былинахъ формы и шаблоны очень важны при изученіи былины, ибо въ этихъ особенностяхъ склада заключается источникъ цѣлаго ряда измѣненій, испытываемыхъ эпическимъ сюжетомъ. Главныя изъ этихъ особенностей склада слѣдующія: 1) постоянныя начала былины или „зачины“ и концы или „исходы“. Можно безъ труда выдѣлить въ нашихъ былинахъ нѣсколько типическихъ началъ и концовъ, которые повторяются во множествѣ случаевъ. Таково, напр. начало: „во славномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова князя у Владиміра, какъ было пированьице — почестный столъ“. Есть начала, не имѣющія отношенія къ содержанію былины, напр. „Высота ли, высота подпобесная, глубота-ль, глубота—окіанъ море“ и т. д. Типичны концы вродѣ: „А и синему морю на тишину, всѣмъ

¹⁾ Въ ряду причинъ, управлявшихъ такимъ подборомъ, важно отмѣтить тѣлесное убожество, калѣчество, особенно слѣпоту. Недаромъ греческое преданіе называетъ Гомера слѣпцомъ; слѣпъ и Демодокъ въ Одиссеѣ. Слѣпоты, выбрасывая челоуѣка изъ числа работниковъ и ставя его въ необходимость жить на счетъ другихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ для него досугъ, столь важный для работы воображенія. Если къ всему этому присоединится хотя нѣкоторая поэтическая одаренность, — вотъ всѣ условія для развитія народнаго поэта.

Рис. 11. Олоецкій „сказитель“ былень, В. П. Щеголенокъ.

добрымъ людямъ на послушанье“ или: Тутъ-то Ильѣ славу поють, во вѣкъ его слава не минуется“. Есть наконецъ начала и концы прибаучаго, шутливаго характера. (Напр. начало: „нашему хозяину честь бы была, намъ бы, ребятамъ, ведро пива было, самъ бы испилъ, да и намъ бы поднесъ“... Или конецъ: „А Дунай, Дунай, болѣ пѣть впередъ не знай“). 2) Постоянныя эпическія формулы или эпическія картинки, которыя, разъ сложившись, свободно переносятся изъ былины въ былинѹ. Сюда относятся описанія природы, описанія многихъ дѣйствій: сѣдланье коня, снаряженіе корабля, поѣздка богатыря, встрѣча и бой богатырей, стрѣлянье изъ лука и т. д.,—для всѣхъ этихъ случаевъ есть готовые, отлитые шаблоны, которые мѣняются только въ незначительныхъ деталяхъ, смотря по памяти или расположенію пѣвца. Благодаря обширному пользованію этими формулами мы встрѣчаемъ такъ много общаго въ былинахъ съ самыми различными сюжетами, а съ другой стороны одинъ и тотъ же сюжетъ даетъ много вариантовъ (Олонекій край даетъ на 40 сюжетовъ больше 300 былинь). Подобныя формулы идутъ далѣе: онѣ есть и для поступковъ героевъ и для ихъ рѣчей въ опредѣленныхъ случаяхъ. 3) Обычное для былинь и для сказокъ медленное развитіе дѣйствія съ буквальными повторенія всего того, что сказано было въ первый разъ о какомъ-нибудь повторяющемся дѣйствіи. 4) Постоянство эпическихъ красокъ—эпитетовъ, сравненій, метафоръ и т. д.

Всѣ указанныя формулы хранились въ памяти пѣвцовъ; онѣ сильно облегчали и запоминаніе былинь и составленіе новыхъ; но онѣ, какъ показываетъ наблюденіе, пускались въ ходъ не всегда сознательно и кстати, а между тѣмъ могли вносить въ сюжетъ перемѣны довольно важныя. Напр. при помощи привычнаго зачина о Киевѣ и Владимірѣ легко пріурочивались къ киевскому циклу сюжеты, не имѣвшіе отношенія къ югу, если въ дальнѣйшемъ отсутствовало или было забыто свое опредѣленное указаніе мѣста и т. д. Ниже въ одномъ изъ примѣчаній помѣщенъ примѣръ неумѣстнаго пользованія одной изъ такихъ формулъ.

Всѣ приведенныя соображенія должны выяснитъ, что исторія современнаго текста нашихъ былинь очень сложна и мало выяснена; поэтому всякія стройныя теоріи о степеняхъ развитія, пройденныхъ эпосомъ и т. п., по крайней мѣрѣ преждевременны: общимъ выводомъ долженъ предшествовать научный анализъ отдѣльныхъ былинь, сюжетовъ, типовъ. Этой работой теперь и заняты ученые.

Былины всегда поются; Олончане называютъ это пѣніе «сказываньемъ», а пѣвца «сказителемъ». Размѣръ былиннаго стиха слѣдствуетъ въ тѣсной связи съ напѣвомъ. Пока былины записывались отъ пѣвцовъ подъ медленную диктовку, въ нихъ не могли открыты правильнаго размѣра, потому что народный пѣвецъ можетъ только въ связи съ напѣвомъ дать правильный текстъ; какъ только ученымъ удалось записывать прямо съ пѣнія, такъ тотчасъ же оказалось, что въ былинномъ стихѣ есть опредѣленный размѣръ. По въ современныя тоническія стопы онъ все же не всегда укладывается: такая стопа выработалась только тогда, когда стихи перестали пѣть, а стали писать и читать; музыкальныя (метрическія)

стоны гибче и свободнѣе нашихъ обычныхъ: одна нота напѣва можетъ разлагаться на нѣсколько нотъ болѣе мелкаго дѣленія, не измѣняя общаго склада мотива; соотвѣтственно съ этимъ будетъ измѣняться число слоговъ въ стихѣ былины. Для уясненія этого стоитъ сравнить 1-й и 4-й стихи 2-го нотнаго примѣра, помѣщеннаго ниже. Прежнее ученіе о народномъ стихѣ съ двумя удареніями и неизбѣжнымъ дактилическимъ окончаніемъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Тексты былинь въ сборникахъ Кирѣевскаго и Рыбникова неточны, какъ записанные подъ диктантъ; начиная съ Гильфердинговскаго сборника, стихъ болѣе сохраненъ, но надо помнить, что вполне правильно передать былинный стихъ можно лишь въ пѣніи или держа въ памяти напѣвъ при чтеніи.

Непонятныя слова объяснены въ словарѣ.

1. Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ.

Оба лица этой былины отличаются нѣкоторой загадочностью. О Вольгѣ извѣстна еще одна былина, гдѣ онъ выставленъ тоже оборотнемъ; онъ родился отъ змѣя, рожденіе его сопровождалось чудными явленіями въ природѣ; онъ, превращаясь въ разные виды, охотится за звѣрями, птицами и рыбами, чтобы кормить дружину, затѣмъ пробирается въ царство Индѣйское и своимъ оборотничествомъ разрушаетъ замыслы царя идти на Русь. Тутъ онъ называется Волхъ. Ученые открываютъ въ той былинѣ слѣды вліянія книжныхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, а также сближаютъ былину со старымъ Новгородскимъ преданіемъ о чародѣѣ Волхѣ; многія черты сѣверной природы тоже заставляютъ относить ту былину къ Новгородскому краю. Въ нашей былинѣ есть также бытовые черты сѣвера: пахота среди камней и корней, Вольга ѣдетъ къ городу Орѣховцу (Орѣховъ или Орѣшекъ, нынѣ Шлисельбургъ, былъ основанъ новгородцами), тамъ же Микула покупаетъ соль (Новгородцы ѣздили на Неву за солью) и т. д. Самъ Микула, можетъ быть, сродни чудеснымъ пахарямъ, которые встрѣчаются у разныхъ народовъ; обычному толкованію его, какъ представителя крестьянскаго труда, противорѣчитъ то, что онъ очень легко соглашается бросить крестьянство и поступаетъ въ дружину Вольги.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославовичъ.

5. Сталь Вольга растѣтъ-матерѣтъ;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,

- Птицей-соколомъ летать подь оболока,
Сърымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
10. Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольгѣ растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинишку хоробрую,
15. Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ еще Вольгѣ во тридцатыхъ.
Жаловалъ его рѣднѣй дядюшка,
Ласковый Владимиръ стольно-Кіевскій,
Трѣя городами со крестьянами:
20. Первымъ городомъ—Гурчевцемъ,
Другимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
Молодой Вольгѣ Святославговичъ
Со своей дружинишкой хороброю
25. Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице-чисто поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратая:
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
30. Омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣхалъ Вольгѣ онъ до ратая,
День съ утра Ѣхалъ до вечера,
Со своей дружинишкой хороброю,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
35. Ѣхалъ Вольгѣ еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
40. Омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣхалъ Вольгѣ еще третій день,
Третій день съ утра до пѣдѣды,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
45. Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе онъ каменья всѣ въ борозду валить.
Кобылка у ратая соловая,

50. Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говориль Вольга такovy слова:
„Божья ти помочь, оратаюшко!
„Орать да пахать, да крестьяновати,
55. „Съ края въ край борозки пометывати,
„Коренья, каменья вывертывати!“
Говорить оратай такovy слова:
— Поди-тко, Вольга Святославговичь,
— Со своею со дружинушкой хороброю,
60. — Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьяновати!
— Далече ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю?—
„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
„Ѣду къ городамъ я за получкою:
65. „Къ первому ко городу ко Гурчѣвцу,
„Къ дрѹгому-то городу къ Орѣховцу,
„Ко третьему городу къ Крестьяновцу“.
Говориль оратай такovy слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
70. — А не давно былъ я въ городѣ, третьѣво-дни,
— На своей кобылкѣ соловоей,
— Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
75. — Они просятъ грошѣвъ подорожныхъ;
А былъ я съ шалыгой подорожною,
Платиль имъ грошій я подорожные:
А кой стоя стоитъ, тотъ и сидя сидить,
А кой сидя сидить, тотъ и лежа лежитъ.—
80. Говориль Вольга такovy слова;
„Ай же, оратай-оратаюшко,
„Да поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ!“
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
85. Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говорить оратай такovy слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
— Оставиль я сошку въ бороздочкѣ,
90. — И не для-ради прохожаго, проѣзжаго,
— Я для-ради мужика деревенщины:

- Какъ бы сошка съ земельки повидернути,
— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути,
— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?—
95. Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинишки хоробрыя
Пять молодцевъ могучихъ,
Чтобы сошку съ земельки повидернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
100. Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинишка хоробрая,
Пять молодцевъ могучихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертять,
105. А не могутъ сошки съ земельки повидернуть,
Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повидернули,
110. Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертять:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
115. Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинишку хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертять,
А не могутъ сошки съ земельки повидернути,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути,
120. Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовой:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
125. Сошку съ земельки повидернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
130. А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь остается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,

- Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
135. „Постой-ка ты, оратай-оратаюшко!
„Этая кобылка конькомъ бы была,
„За эту кобылку пятьсотъ бы далй“.
Говорить оратай таковы слова:
— Глупый Вольга Святославговичъ!
140. — Взялъ я кобылку жеребчикомъ,
— Жеребчикомъ взялъ ю сподъ матушки,
— Заплатилъ я за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была,—
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
145. Говорить Вольга Святославговичъ:
„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
„Какъ-то тебя именёмъ зовуть,
„Какъ звеличаютъ по отечеству?“
Говорить оратай таковы слова:
150. — Ай же, Вольга ты Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, да дома вымолочу;
— Драни надеру, да и пива наварю,
155. — Пива наварю, мужичковъ напою.—
— Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!

2. Святогоръ.

Святогоръ въ другихъ былинахъ изображается величиной съ гору и лежащимъ на горѣ; умирая, онъ передаетъ часть своей силы Ильѣ. Давно замѣчено, что фигура этого богатыря, навѣянная очевидно горными впечатлѣніями, не могла зародиться въ русской народной фантазіи, воспитанной на равнинахъ, на просторѣ степи и въ сумракѣ лѣса. Фигура эта сильно напоминаетъ Кавказскія сказанія о великанахъ, живущихъ въ горахъ; тягота отъ своей силы и угрязаніе въ землю заставляетъ вспомнить объ Иранскомъ богатырѣ Рустемѣ. Въ русскомъ эпосѣ Святогоръ не прижился: о немъ очень мало знаютъ и рѣдко поютъ пѣвцы; въ немногихъ записанныхъ былинахъ о немъ замѣтно разрушеніе стиха и переходъ быliny въ „побывальщину“ или сказку; его путаютъ съ Самсономъ, съ Колываномъ. Все это подтверждаетъ чуждость русскому народу фигуры Святогора.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Заеѣдлаетъ своего добра коня

- И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣяться,
5. А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается:
Грузно отъ сидушки, какъ отъ тяжелаго беременя.
Вотъ и говорить Святогоръ:
„Какъ бы я тяги нашоль,
10. „Такъ я бы всю землю поднйль!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку, переметную;
Береть погонялку, пощупаетъ сумочку,—она не скрывается,
- Двинетъ перстомъ ее,—не сворохнется,
15. Хватить съ коня рукою,—не подымется:
„Много годовъ я по свѣту ѣживаль,
„А эдакова чуда не наѣживаль,
„Такова дива не видываль:
„Маленькая сумочка переметная
20. „Не скрянется, не сворохнется, не подымется“.
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку объѣма руками,
Поднйль сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязь,
25. А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течеть.
Гдѣ Святогоръ угрязь, тутъ и встать не могъ.
Тутъ ему было и конченіе.

3. Илья Муромецъ.

Илья—любимый народный герой, о немъ поется всего болѣе былинь. Повидимому, онъ не былъ историческимъ лицомъ, и фигура его рано стала типизироваться и притягивать къ себѣ различные эпизоды и приключенія. Ученые указываютъ, что его походженія имѣютъ много общаго съ подвигами иранскаго Ростомъ (Рустема). Интересно, что разсказъ о чудесномъ исцѣленіи Ильи весьма рѣдокъ среди огромнаго количества былинь, посвященныхъ этому богатырю: сборникъ Гильфердинга изъ 57 былинь объ Ильѣ даетъ только одну объ исцѣленіи, у Рыбникова на 40 былинь лишь двѣ, у Кырѣвскаго на весь большой сборникъ тоже двѣ. Мало того: во всѣхъ нихъ стихъ почти вовсе отсутствуетъ. Предполагаютъ, что этотъ, повсюду широко извѣстный мотивъ о безпомощности богатыря въ молодости и о чудесномъ дарованіи ему силы, такъ типичный для сказочнаго героя, связанъ съ именемъ Ильи и за-

шелъ въ былинну о немъ очень поздно (въ 17-мъ вѣкѣ), притомъ черезъ сказку, и не успѣлъ обработаться въ прочную былинную форму. Въ эпизодѣ этомъ ясно видно книжное вліяніе (Самсонъ съ силой въ волосахъ; странники—І. Христосъ съ апостолами взяты изъ апокрифа). Общеизвѣстная былинная біографія Ильи очевидно слагалась постепенно и довольно поздно. Въ наиболѣе старыхъ записяхъ былинъ XVIII в. Илья еще не вполне прикрѣпленъ къ Мурому: онъ зовется и Муромецъ, и Муровецъ или Муравецъ; другія старыя извѣстія (восходящія къ XVI в.) называютъ его Моравлинъ и Муравленинъ; ни о селѣ Карачаровѣ, ни о крестьянскомъ происхожденіи Ильи нѣтъ еще и рѣчи въ этихъ старыхъ записяхъ.

I.

- Кто бы намъ сказалъ про старое,
 Про старое про бывалое,
 Про того Илью про Муромца?
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 5. Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года;
 Пришли къ нему нища братія,
 Самъ Исусъ Христосъ, два апостола:
 „Ты поди, Илья, принеси испить!“
 — Нища братія, я безъ рукъ-безъ ногъ!—
10. „Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!“
 Илья сталъ вставать—ровно встрѣпанный;
 Онъ пошолъ—принесъ чашу въ полтора ведра,
 Нищей братіи сталъ поднашивать;
 Ему нищи отворачиваютъ;
15. Нища братія у Ильи спрашивали:
 „Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
 — Отъ земли столбъ былъ бы до пѣбушки,
 — Ко столбу было золото кольцо,
 — За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ!—
20. „Ты поди, Илья, принеси другу чашу!“
 Илья сталъ имъ поднашивать;
 Они Ильѣ отворачиваютъ.
 Выпивалъ Илья безъ отдыха
 Большу чашу въ полтора ведра.
25. Они у Ильи стали спрашивать:
 „Много ли, Илья, чуешь себѣ силушки?“
 — Во мнѣ силушки половинушка.—
 Говорятъ калики перехожіе:
 „Будешь ты, Илья, великій богатырь,

30. „И смерть тебѣ на бою не писана:
„Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
„И со всею поленицею удалою;
„А только не выходи драться
„Съ Святогоромъ богатыремъ:
35. „Его и земля на себѣ черезъ силу носитьъ;
„Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
„У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
„Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
„Его любить матушка-сыра земля;
40. „Не ходи еще на Вольгу Сеславича:
„Онъ не силой возьметъ,
„Такъ хитростью-мудростью.
„Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго:
„Выходи въ раздольице-чисто поле,
45. „Покупай перваго жеребчика,
„Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
„Ты по три noci жеребчика въ саду поваживай,
„И въ три росы жеребчика выкатывай,
„Подводи къ тыну ко высокому:
50. „Какъ станеть жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
„И въ ту сторону и въ другую сторону:
„Повѣжай на немъ куда хочешь,
„Будеть носить тебя“.
Тутъ калки потерялися.
55. Пошелъ Илья къ родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо палъ отъ дубья-кдлодыя!¹⁾
Онъ дубье-колодые все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
60. А самъ и шель домои.

II.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится.
Не бумажные²⁾ листочки разстилаются:
Разстлается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и просить себѣ благословеньица:

¹⁾ Бытовая черта, совсѣмъ не южная и не степная, но обычная въ старину въ сѣверной и отчасти средней Россіи: въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ пашня расчищалась изъ подъ лѣса топоромъ и огнемъ.

²⁾ „Бумажный“ приложено къ листьямъ, какъ украшающій эпитетъ, по бессознательной ассоціаціи его съ словомъ „листъ“.

5. „Охъ ты гой еси, родимый милый батюшка!
„Дай ты мнѣ свое благословеньице:
„Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ,
„Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
„Заложиться за князя Володимира,
10. „Послужить ему вѣрой-правдою,
„Постоять за вѣру хрисянскую“.
Отвѣчаетъ старой хрисянинъ Иванъ Тимоѣевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
— А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
15. — Поѣдешь ты путемъ-дорогою,
— Не помысли зломъ на татарина,
— Не убей въ чистомъ полѣ хрисянина.—
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
20. Поѣхалъ онъ во чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бѣдрамъ,
Пробивать кожу до черна мяса;
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ-земли отдѣляется,
25. Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго.
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ—колодязь сталь.
У колодаяя срубилъ сѣрой дубъ,
30. У колодаяя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подиhsалъ свое имячко:
„Бхалъ такой-то сильный, могучій богатырь,
„Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.“
Въ третій скочилъ—подъ Черниговъ-градъ.

III.

- Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ-градъ:
Подъ Черниговомъ силушки чернымъ чернѣ,
5. Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталь конемъ топтать и копьемъ колоть;
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,

10. И подѣхаль онъ ко городу ко Чернигову.
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ-градъ,
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
15. „Ай же вы, мужики-Черниговцы!
„Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
„А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣжую,
„Прямоѣжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ“.
Говорили ему мужички-Черниговцы:
20. — Ай же, удаленькій дородный добрый молодець,
Славный богатырь свято-русскій!
— Прямоѣжею дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ версть,
— Околбною дорожкой цѣла тысяча.
— Прямоѣжая дороженька заколодила,
25. — Заколодила дорожка, замуравила;
— Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивать,
— Черный воронъ не пролетывать:
— Какъ у тоя у Грязи у Черныя,
— Тоя у березы у покляпця,
30. — У славнаго креста у Леванидова,
— У славенькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ¹⁾.
— Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
— Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному:
35. — Темны лѣсушки къ землѣ приклоняются,
— Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежать.—
Илья Муромецъ спущалъ коня онъ богатырскаго,
Поѣхаль по дорожкѣ прямоѣзжія,
Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
40. Билъ коня онъ по тучной бедрѣ,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую:
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,

¹⁾ Эпизодъ съ Соловьемъ и самая личность этого сказочнаго существа не всегда носили такой характеръ, какъ мы видимъ это сейчасъ. Одно извѣстіе XVI в. называетъ Соловья наряду съ Ильей, какъ однороднаго съ нимъ богатыря—стоятеля за русскую землю; соответственно съ этимъ въ записяхъ XVIII в. Илья не убиваетъ Соловья, въ другомъ мѣстѣ онъ отпускаетъ его на свободу: есть даже одна былина, гдѣ Илья проситъ Соловья помочь ему выручить городъ Кряковъ и оба богатыря исполняютъ это дѣло вмѣстѣ.

45. Мелки рѣченьки, озерка межу ногъ спущать;
Подбѣгаетъ онъ ко Грязи той, ко Черныя,
Ко славныя березы ко покляпыя,
Ко тому кресту ко Леванидову,
Ко славненькой рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
50. Какъ засвищетъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
Засвисталь-то Соловей по-соловьему,
Воскричалъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному:
Темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
Что есть людошекъ, мертвы лежать.
55. Ильи Муромца добрый конь потыкается.
Онъ билъ коня по тучной бедрѣ,
Билъ коня, самъ приговариваль:
„Ай же ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
„Ты итти не хошь, али нести не мошь?
60. „Не слыхаль ты, видно, посвисту соловьеваго,
„И не слыхаль ты покрику звѣринаго,
„И не видалъ, видно, ударовъ богатырскихъ,
„Что ты, собака, потыкаешься!“
Становиль коня онъ богатырскаго,
65. Свой тугой лукъ разрывчатый отстегиваль
Отъ праваго отъ стремячка булатнаго,
Накладываль-то стрѣлочку каленую
И натягиваль тетивочку шелковеньку,
Спущаль-то онъ въ Соловья во разбойника:
70. Вышибъ ему правое око со косицею;
Паль-то Соловей на сыру землю.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Пристегнулъ его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремячку булатному.
75. Онъ поѣхаль по раздольицу-чисту полю,
Ко этому ко гнѣздышку къ Соловьевому.
И съ этого со гнѣздышка Соловьяго
Усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,
Говорить Невея таково слово:
80. — Ёдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ полемъ,
— И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
— И везетъ онъ мужичища-деревенщину,
— Ко стремени булатному прикована.—
Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,
85. Говорить Ненила таковы слова:
„Ёдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ полемъ,

- „И сидить онъ на добромъ конѣ богатырскомъ,
„И везеть онъ мужичища-деревенщину,
„Ко стремени булатному прикована.—
90. Посмотрѣла Пелька, его третья дочь,
Говорить Пелька таковы слова:
— Ъдетъ мужичище-деревенщина
— Раздольищемъ-чистымъ полемъ,
— И везеть-то государя батюшку
95. — Къ стремени булатному прикована:
— Ему выбито право око со косицею.
— Ай же, мужевья наши любимые!
— Хватайте-тко рогатины звѣринья,
— Бѣжите-ка въ раздольище-чисто поле,
100. — Побейте мужичища-деревенщину!—
Эти зятевья Соловьиные
Похватили рогатины звѣринья,
Выбѣгали во раздольище-чисто поле,
Они хочуть бить мужичища-деревенщину.
105. Воскричалъ Соловей имъ во всю голову:
„Ай же, зятевья мои любимые!
„Побросайте-тко рогатины звѣринья,
„Вы ведите-тко богатыря свято-русскаго
„Во мое во гнѣздышко Соловьее,
110. „Кормите его ѣствушкой сахарною,
„Пойте его питьищемъ медвянымъ,
„Дарите ему дары драгоценныя“...
Не поѣхаль онъ во гнѣздышко Соловьее,
А поѣхаль онъ ко городу ко Киеву,
115. Ко ласкову ко князю ко Владимиру.
Приѣхаль онъ ко князю на широкій дворъ,
Становиль онъ коня посередъ двора,
Шель онъ въ полату бѣлокаменну.
А Владимиръ князь вышелъ со Божьей церкви,
120. Отъ той отъ обѣденки Христосскія.
Садился онъ за столики дубовые,
За тья за скамеечки окольные,
Ѣсти ѣстувшекъ сахарныхъ,
Пити питьищевъ медвяныхъ.
125. Илья Муромецъ шель въ полату бѣлокаменну;
Онъ крестъ кладеть по-писаному,
Поклонъ-то ведеть по-ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки поклоняется,

- Самому-то князю Владимиру въ особину,
130. И всёмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Сталь Владимиръ князь выпрашивать:
— Ты откулешный, дородный добрый молодець?
— Тобя какъ молодца именовъ назавать,
— Звеличать удалаго по отечеству?—
135. Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Есть я изъ города изъ Мурома,
„Со славнаго съ села Карачарова,
„Именовъ меня Ильей зовуть,
„Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ“.
140. Сталь Владимиръ повыспрашивать:
— А давно ли ты повыѣхалъ изъ Мурома,
— Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольно-Кіевъ градъ?—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,
145. „Поспѣвалъ-то къ обѣденкѣ въ стольно-Кіевъ-градъ.
„Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:
„Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжую,
„Прямоѣзжую мимо славенъ Черниговъ-градъ.
„Мимо славную рѣченьку Смородинку“.
150. Говорить Владимиръ таковы слова:
— Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
— Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
— Подъ городомъ Черниговомъ стоитъ силушка не-
вѣрная,
— У рѣчки у Смородинки Соловей-разбойникъ Одих-
мантьевъ сынъ,
155. — Свищеть-то Соловей по соловьему,
— Кричитъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному. —
Говорить Илья таковы слова:
„Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
„Соловей-разбойникъ на твоємъ дворѣ,
160. „И прикованъ онъ ко правому ко стремячку къ бу-
латному“.
- Туть Владимиръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко.
165. Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ,
Подходить онъ къ Соловью къ разбойнику,
Говорить онъ Соловью таковы слова:

- Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,
— Воскричи-тко ты, злодѣй, по-звѣриному!—
170. Говорить Соловей князю Владимиру:
„Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
„Я сегодня не у васъ вѣдь обѣдаю,
„Не васъ я хочу и слушати,
„А обѣдаю у стараго казака Ильи Муромца,
175. „И его хочу я слушати“.
Говорилъ Владимиръ Ильѣ Муромцу:
— Ай же старый казакъ Ильѣ Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать по-соловьему,
— Прикажи-тко вскричать по-звѣриному!—
180. Говорилъ Ильѣ Муромецъ разбойнику:
„Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьему,
„Воскричи-ка, Соловей, по-звѣриному!“
Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
„Ай же ты, старый казакъ Ильѣ Муромецъ!
185. „Мои раночки кровавы запечатались,
„И не хотятъ уста мои сахарныя:
„Не могу я засвистать по-соловьему,
„И не могу я вскричать по-звѣриному“.
Говорилъ Ильѣ князю Владимиру:
190. „Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
„Наливай-ка ты чару зелена вина,
„Не малую стопу—полтора ведра,
„И разведи-тко медами стоялыми,
„Подноси-тко ты къ Соловью ко разбойнику:
195. „Туть уста его сахарныя расходятся,
„И онъ засвищеть намъ по-соловьему,
„Воскричить онъ намъ по-звѣриному“..
Владимиръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорешенько шель въ полату бѣлокаменну,
200. Наливаетъ-то чару зелена вина,
И не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ-то медами стоялыми,
Подносилъ-то къ Соловью ко разбойнику.
Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
205. Принималъ онъ эту чару одной рукою,
Испивалъ эту чару за единый духъ.
Говорилъ ему Ильѣ Муромецъ:
„Засвищи-тко ты, Соловей, только въ полсвиста со-
ловьяго,

- „Закричи-тко только въ полкрика звѣринаго“.
210. Какъ засвисталъ Соловей по-соловьему,
Закричалъ, злодѣй, онъ по-звѣриному;
Отъ этого отъ посвиста соловьяго,
Отъ этого отъ покрика звѣринаго
Темные лѣса къ землѣ поклонилися,
215. На теремахъ маковки покривилися,
Околенки хрустальныя поразсыпались:
Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежать,
А Владимиръ, князь стольно-Кіевскій,
Стоить—куньей шубонькой укрывается.
220. Ильѣ Муромцу это дѣло не слюбилось.
Садился-то Илья на добра коня,
Ѣхалъ Илья въ раздольице-чисто поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
225. „Полно-тко тобѣ слезить отцевъ-матерей,
„Полно-тко вдовить женъ молбднихъ,
„Полно спущать сиротатъ малыхъ дѣтушекъ!“
Тутъ Соловью и славу поють.

IV.

- Какъ далече, далече во чистомъ полѣ—
Что ковыль-трава во чистомъ въ полѣ шатается,
А и ѣдитъ въ полѣ старъ-матѣрь человекъ,
Старый ли казакъ Илья Муромецъ.
5. А и конь ли подъ нимъ, какъ бы лютый звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не водилося;
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
10. Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
Почему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
15. А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему по русскому, разбойники,
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбити,

20. Съ душой, съ животомъ его разлучить хотять.
Говорить Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А и гой есте вы, братцы, станишники!
„Убить меня стараго вамъ не за что,
„А взяти у стараго нечего“.
25. Вымалъ онъ изъ налушна крѣпкій лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старый по сыру дубу.
А спѣла тетивка у туга лука,—
30. Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломала въ череня въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго
Того-то станишники испужалися,
35. А и пять они часовъ безъ ума лежать,—
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Сема встаетъ, пересемывааетъ,
А Спирия встаетъ, постыривааетъ,
А всѣ они станишники бьютъ челомъ:
40. „Ты старый козакъ, Илья Муромецъ!
„Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное;
„Дадимъ рукописанье служить до вѣку“.
Говорить Илья Муромецъ Ивановичъ:
— А и гой есть вы, братцы, станишники!
45. — Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
— Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
— Про стараго казака Илью Муромца.

V.

- Походилъ Илья на конюшій дворъ,
Сѣдлалъ своего коня добраго,
Тянулъ двѣнадцать подругъ шелковыхъ,
Бѣлаго шелка Шемаханскаго,
5. Тринадцатую тянулъ черезъ хребетную кость:
Не ради красы, ради крѣпости,
Чтобъ не оставилъ добрый конь во чистомъ полѣ.
Видѣли старика, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли поѣздки богатырскія:
10. Только въ чистомъ полѣ курева стоитъ.
Заѣхалъ онъ на шѣломя высокое,

- Смотрѣль-глядѣль по далечу чисту полю,
Увидѣль поленицу преудалую:
Ѣздитъ поленица на добромъ конѣ,
15. Потѣшается утѣхою дворянскою,
Мечеть копые въ вышину небесную,
Подѣбзжаетъ на конѣ и подхватываетъ,
Самъ копыю наговариваетъ:
— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
20. — Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Ой ты гоѣ еси, поленица преудалая!
„Ты зачѣмъ рано похваляешься?
25. „Не улова ты птицы, теребишь ее,
„Не еваривши птицы, Богу молишься!“
Не двѣ грозны тучушки затѣчили,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались:
Два богатыря събзжались во чистомъ полѣ.
30. Ударились первымъ боѣмъ — палицами желѣзными,—
Тѣмъ боѣмъ другъ друга не ранили,
Въ кольцахъ палицы поломались.
Кололись они копыями муравецкими,—
Въ чивьяхъ копыя поломались,
35. Они тѣмъ боѣмъ другъ друга не ранили.
Хватались они тѣгами желѣзными,
Тянулись черезъ гривы лошадиныя,—
Одинъ одного не перетягивать,
Добры кони пали на-корачъ,
40. Тѣмъ боѣмъ другъ друга не ранили.
Соходили они со добрыхъ коней,
Хватались плотнымъ боѣмъ, рукопашкою,—
Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы полтора года,
45. По колѣнямъ въ землю приобмялися.
У Ильи права нога окатила,
А лѣвая нога подломила:
Падалъ Илья на сыру землю,
Поленица садилась на бѣлы груди.
50. Тутъ Илейко возмолится:
„Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
„Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
„Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,

„За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ
женъ,—

55. „Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
„Онѣ были богомольныя,
„День и ночь онѣ Богу молятся“.
Не сѣрая утица востопорщится:
Илья на землѣ поворотится;
60. Металъ Сокольника подъ вышину небесную,
Выше всякаго жароваго дерева,
Самъ вставалъ, да и подхватывалъ,
Клалъ поленицу на сыру землю,
Садился къ поленицѣ на бѣлы груди,
65. Учалъ онѣ поленицу доспрашивать:
„Коего, молодецъ, города, которой земли,
„Которой Сибирской украины?
„Какъ молодца именѣмъ зовуть,
„Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?“
70. Отвѣчаетъ поленица удалая:
— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ бы ни имени, ни отчины,
— Ни роду бы не спрашивалъ, ни племени,
— Скоро бы спороль груди бѣлыя!—
75. Вопросилъ его Илья второй наконѣ:
„Коего, молодецъ, города, которой земли,
„Которой Сибирской украины?
„Какъ молодца именѣмъ зовуть,
„Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?“
80. — Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
— Много бы я съ тобой не разговаривалъ,
— Скоро бы спороль груди бѣлыя!—
Вопросилъ его Илья третей наконѣ:
„Коего, молодецъ, города, которой земли,
„Которой Сибирской украины?
„Какъ молодца именѣмъ зовуть,
„Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?“
85. Отвѣчаетъ поленица преудалая:
— Отъ моря я отъ Студенаго,
90. — Отъ камени я отъ Латыря,
— Отъ той отъ бабы отъ Латыгорки,
— Именемъ зовуть меня Соколичекъ.—
Соходилъ Илья со бѣлыхъ грудей,
Бралъ его за руку за правую,

100. Цѣловаль во уста во сахарныя:
„Здравствуй, мое чадо милое!“¹⁾

VI.

- Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ,
Стояла застава богатырская;
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ,
5. Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Ясауль Алеша, поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка, боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька долгополый.
Всѣ были братцы въ разѣвадьицѣ:
10. Гришка боярскій въ тѣ-поры кравчимъ жилъ;
Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ-градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
15. Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Во чистомъ полѣ увидѣлъ ископыть великую,
20. Ископыть велика — поль-печи.
Учалъ онъ ископыть досматривать:
„Еще — что же то за богатырь ѣхалъ?
„Изъ этой земли изъ Жидовскія
„Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь
25. На эти степи Цыцарскія!“²⁾
Приѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ-градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
„Ой вы гой еси, братцы, ребяташки!

¹⁾ Въ этомъ эпизодѣ явственно слышны отголоски знаменитаго эпического сюжета о боѣ отца съ сыномъ, широко распространеннаго из Востока (Персія, Кавказъ) и на Западѣ (у Кельтовъ, у Германцевъ). У насъ онъ появился, вѣроятно, благодаря сношеніямъ древней Руси съ Кавказскими племенами. Персидская обработка этого сюжета поэтось Фирдоуси была пересказана по нѣмецки Рюккертомъ и переведена Жуковскимъ (Рустемъ и Зорабъ).

²⁾ „Жидовиномъ“ названъ чужеземный богатырь, можетъ быть, по памяти о хозарахъ, среди которыхъ распространено было еврейство. Въ такомъ случаѣ это — очень древній глухой намекъ, такъ какъ хозары были страшны славянскимъ племенамъ только до X вѣка.

- „Мы что на заставушкѣ устояли?
30. „Что на заставушкѣ углядѣли?
„Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ“.
Собирались они на заставу богатырскую.
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
35. Положили на Ваську долгополага.
Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
„Неладно, ребяташки, положили;
„У Васьки полы долгиа:
40. „По землѣ ходить Васька, заплетается;
„На бою, на дракѣ заплетется;
„Погинеть Васька по-напрасному“.
Положились на Гришку на боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
45. Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
„Неладно, ребяташки, удумали;
„Гришка рода боярскаго:
50. „Боярскіе роды хвастливые;
„На бою-дракѣ призахвастается,
„Погинеть Гришка по-напрасному“.
Положились на Алешу на Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
55. Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.
Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
„Неладно, ребяташки, положили:
60. „Алешенька роду поповскаго,
„Поповскіе глаза завидушіе,
„Поповскія руки загребушія,
„Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
„Много злата-сѣребра;
65. „Злату Алеша позавидуесть,
„Погинеть Алеша по-напрасному“.
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
70. Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,

- По-плечь отѣчь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается,
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
75. Имаеть Добрыня добра коня,
Уздаеть въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаль въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боѣвую —
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
80. На бедра беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую
Посмотрѣль изъ трубочки серебряной,
Увидѣль на полѣ чернѣзину;
85. Поѣхаль прямо на чернѣзину;
Кричаль зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
90. „Подъ-атаманью Добрынь Никитичу?
„Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
„На всю нашу братію наборную?“
Учѣль нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачиваль нахвальщина добра коня,
95. Попущаль на Добрыню Никитича:
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичъ младъ,
100. Господу Богу возмолится,
И мати Пресвятой Богородицѣ:
„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“
Подъ Добрыней конь посправился; —
Уѣхаль на заставу богатырскую.
105. Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братією со приборною....
Говоритъ Илья Муромецъ:
„Больше не кѣмъ замѣнитися:
„Видно ѣхать атаману самому!“
110. Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаеть Илья добра коня,
Уздаеть въ уздечку тесмянную,

- Сѣдлаеть въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боѣвую —
115. Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедра беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
120. Увидѣлъ на полѣ чернѣзину,
Поѣхалъ прямо на чернѣзину,
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
125. „Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
„Подъ-атаманю Добрынѣ Никитичу?
„Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
„На всю нашу братью наборную?“
Услышалъ воръ-нахвальщина зыченъ голосъ;
130. Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попуцалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удрѣбился.
Сѣхался Илья съ нахвальщикомъ.
Впервые палками ударились;
135. У палокъ цѣвья отломалися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились,
Вѣстры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили;
140. Вострыми копьями кололися,
Другъ дружку не ранили;
Бились-дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
145. Съ полуночи бьются до бѣла свѣта.
Махнетъ Илейко ручкой правою,
Поскользится у Илейка ножка лѣвая;
Палъ Илья на сыру землю.
Сѣлъ нахвальщина на бѣлыя груди,
150. Вынималъ чинжалище булатное,
Хочеть вспоротъ груди бѣлыя,
Хочеть закрыть очи ясныя,
По-плечъ отсѣчь буйну голову,
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:

155. „Старый ты старикъ, старый, матерый!
„Зачѣмъ ты ѳздишь на чисто поле?
„Будто не къмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
„Ты поставилъ бы себѣ келейку
„При той пути, при дороженькѣ;
160. „Сбираль бы ты, старикъ, во келейку;
„Тутъ бы ты, старикъ, сытъ-питанень былъ“.
Лежить Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
„Да не ладно у Святыхъ Отцовъ написано,
165. „Неладно у Апостоловъ удумано;
„Написано было у Святыхъ Отцовъ,
„Удумано было у Апостоловъ:
„Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
„А теперъ Илья подъ богатыремъ!“
170. Лежучі у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго,—
Паль нахвальщина на сыру землю;
Въ сыру землю ушелъ до-поясъ.
175. Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхъ много спрашивать,
Скоро спороль груди бѣлыя,
Скоро затьмилъ очи ясныя,
180. По-плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Съ своей братьей приборною.
185. Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
„Бздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
„Экаго чуда не наѳзживалъ“.

VII.

Да изъ Орды, Золотой земли ¹⁾,
Изъ тоя Могозеи богатя,
Какъ да подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичъ,

¹⁾ См. примѣчаніе къ слѣдующей былинѣ о нашествіи Батяя.

5. Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою.
Не дошедъ онъ до Кіева на семь версть,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра:
Собиралося съ нимъ силы на сто версть,
10. Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать-сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяць, солнце померкнуло,
15. Не видѣть луча свѣта бѣлаго,
А отъ духа татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стуль,
Писалъ ярлыки скорописчаты
20. Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Что выбралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ татаринъ трехъ сажень,
Голова на татаринѣ съ пивной котель,
25. Который котель сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
Что возьметъ Калинъ царь стольный Кіевъ—градъ,
А Владиміра князя въ полонъ полонить,
30. Божьи церкви на дымъ пустить.
Дастъ тому татарину ярлыки скорописчаты
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
35. Ко ласкову князю Владиміру.
А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ
Среди двора княжепецкаго,
Скакалъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
40. Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ.
Бросалъ ярлыки на круглый столъ
45. Передъ великаго князя Владиміра;
Отшедъ татаринъ слово выговорилъ:

- „Владимірѣ князь стольный Кіевскій!
„А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
„Безъ бою, безъ драки великія,
50. „И безъ того кроволитія напраснаго.“
Владимірѣ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатываль и просматриваль;
Гляючи въ ярлыки заплакаль, свѣтъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося:
55. Богатырей въ Кіевѣ не случилось;
А Калинѣ царь подъ стѣною стоитъ.
А съ Калиномъ силы написано
Ни много, ни мало—на сто верстѣ,
Во всѣ четыре стороны.
60. Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы,
По три тьмы, по три тысячи.
По праву руку его зять сидитъ,
65. А зятя зовутъ у него Сартакомъ,
А по лѣву руку сынъ сидитъ,
А сына зовутъ Лоншекомъ.
И то у нихъ дѣло не окончено:
Татаринъ изъ Кіева не выѣхаль.—
70. Втапору Василій пьяница
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Берегъ онъ свой тугой лукъ разрывчатый,
Калену стрѣлу переную,
Наводилъ онъ трубками нѣмецкими:
75. А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинѣ царь?
И тотъ-то Василій пьяница
Стрѣляетъ онъ тутъ во Калина царя;
Не попалъ во собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака,
80. Угодила стрѣла ему въ правый глазъ,
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что первую бѣду не утѣшили,
А другую бѣду они загрезили:
85. Убили зятя любимаго
Съ тоя башни со стрѣльня.
Посылалъ другого татарина
Ко тому князю Владиміру,

- Чтобы выдалъ того виноватаго.—
90. А мало время замѣшкавши,
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясный соколь въ перелеть летитъ,
Какъ бѣлый кречеть перепархиваетъ,—
Бѣжитъ поленица удалая,
95. Старый казакъ Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ онъ во стольный Кіевъ градъ;
Среди двора княженецкаго
Скочилъ Илья со добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
100. Идетъ во гридню во свѣтлую,
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны.
А самъ Илья усмѣхается:
105. „Гой еси сударь, Владиміръ князь!
„Что у тебя за болванъ пришелъ?
„Что за дуракъ неотѣсанный?“
Владиміръ князь стольный Кіевскій
Подавалъ ярлыки скорописчаты.
110. Принялъ Илья, самъ прочитывалъ.
Говоритъ тутъ ему Владиміръ князь:
„Гой еси Илья Муромецъ!
„Пособи мнѣ думушку подумати:
„Сдать ли мнѣ—не сдать ли Кіевъ градъ,
115. „Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
„Безъ того кроволитія напраснаго“.
Говоритъ Илья таково слово:
„Владиміръ князь стольный Кіевскій!
„Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся;
120. „Боже-Спасъ оборонитъ насъ.
„А нечтò—Пречистый и всѣхъ сохранить.
„Насыпай ты мису чисту серебра,
„Другую красна золота,
„Третью мису скатнаго жемчуга:
125. Поѣдемъ со мной ко Калину царю
„Со своими честными подарками;
„Тотъ татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ“.
Наряжался князь тутъ поваромъ,
Замарался сажею котельною,
130. Поѣхали они ко Калину царю,

- А прямо ихъ татаринъ въ лагери ведеть.
Пріѣхаль Илья ко Калину царю,
Въ его лагери татарскіе,
Скочилъ Илья со добра коня,
135. Калину царю поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
„Ай Калинъ царь, элодѣй Калиновичъ!
„Прими наши дороги подарочки.
„Отъ великаго князя Владиміра:
140. „Перву мису чиста серебра,
„Другую красна золота,
„Третью мису скатнаго жемчуга;
„А дай ты намъ сроку на три дня
„Въ Кіевѣ намъ пріуправиться:
145. „Отслужить обѣдни съ панафидами,
„Какъ де служатъ по усопшимъ душамъ,
„Другъ съ дружкой проститися“.
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
„Гей еси ты, Илья Муромецъ!
150. „Выдайте вы намъ виноватаго,
„Который стрѣлялъ съ башни со стрѣльня,
„Убилъ моего зятя любимаго“.
Говоритъ ему Илья таково слово:
„А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
155. „Прими наши дороги подарочки
„Отъ великаго князя Владиміра;
„Гдѣ намъ искать такого челоуѣка и вамъ отдать?“
И тутъ принялъ Калинъ золоту казну
Нечестно у него, самъ прибраниваетъ.
160. И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не даль сроку на три дня и на три часа,
Говорилъ Илья таково слово:
„Собака, проклятый ты Калинъ царь!
„Отойди съ татарами отъ Кіева;
165. „Охота ли вамъ, собака, живымъ быть.“
И тутъ Калину царю за бѣду стало,—
Велѣлъ татарамъ сохватать Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковыя.
170. Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ таково слово:
„Собака, проклятый ты Калинъ царь!

- „Отойди прочь съ татарами отъ Кіева:
„Охота ли вамъ, собака, живымъ быть“.
175. И тутъ Калину за бѣду стало,
И плюетъ Ильѣ во ясны очи:
„А русской людѣ всегда хвастливъ,—
„Опутанъ весь, будто лысый бѣсъ,
„Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ“.
180. И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
Что плюетъ Калинъ во ясны очи:
Скочилъ въ пол-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ.
185. Не допускать Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣдны, литы въ три тысячи,—
Схватилъ Илья татарина за ноги,
Который ѣздилъ во Кіевъ-градъ,
190. И зачалъ татаринѣмъ помахивати:
Куда ли махнетъ, тутъ и улицы лежать,
Куда отвернетъ,—съ переулками,
А самъ татарину приговариваетъ:
„А и крѣпокъ татаринъ, не ломится,
195. „А жиловать, собака, не изорвется!“
И только Илья слово выговорилъ,
Оторвется голова его татарская;
Угодила та голова по силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломить, въ конецъ губить.
200. Достальные татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагеря.
Воротился Илья онъ ко Калину царю,
Хваталъ онъ Калина во бѣлы руки,
205. Самъ Калину приговариваетъ:
„Вась-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
„Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ!“
Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буины головы своей,
210. Ударилъ его о горячъ камень,
Расшибъ онъ въ крохи (пирожныя).
Достальные татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
„Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,

215. „Не дай Богъ намъ видѣть русскихъ людей!
„Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы?
„Одинъ человекъ всѣхъ татаръ прибилъ“.
Пошелъ Илья искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатьева,
220. И скоро нашель его на кружалѣ Петровскіемъ,
Привель ко князю Владиміру.
А пьетъ Илья довольно зелено вино
Съ тѣмъ Василюемъ со пьяницей,
И называетъ того пьяницу братомъ названнымъ.
225. То старина, то и дѣянье.

4. Нашествіе Батыя.

Здѣсь взято лишь начало былины о Батыѣ (или Батыгѣ, какъ называетъ его былина) ради прекраснаго и единственнаго по своей оригинальности „зачина“. Вся же эта былина представляетъ яркій примѣръ того, какимъ переменамъ могли подвергаться эпическіе сюжеты. Поэтическое вступленіе создано очевидно подъ впечатлѣніемъ ужаснаго бѣдствія, постигнаго южную Русь въ XIII в., — нашествія татаръ, и въ частности — страшнаго разгрома Кіева въ 1240 году. Фигура дѣвицы, плачущей о судьбѣ Кіева и представляющей не то Богородицу, не то „стѣну городовую“, объясняется кіевскою легендой о мозаичномъ образѣ Божьей Матери на алтарной стѣнѣ Кіевского Софійскаго собора, гдѣ Богородица изображена одна, безъ Спасителя, съ поднятыми молитвенно руками. Образъ этотъ называется „Перушиная стѣна“, такъ какъ по преданію стѣна съ образомъ осталась невредимой при осадѣ города и разрушеніи собора. На основѣ этой легенды и создана печальная картина вступленія, очевидно принадлежавшаго къ древней пѣснѣ о разореніи Кіева, слагавшейся подъ свѣжими впечатлѣніями страшнаго бѣдствія. Но отъ этой древней пѣсни дошедшая до насъ былина сохранила только этотъ „зачинъ“; остальное подмѣнено другимъ матеріаломъ, который и по тону, и по содержанію рѣзко дисгармонируетъ съ началомъ. Во-первыхъ, оказывается, что сокрушеніе и предчувствіе плачущей Богородицы были напрасны: Кіевъ не погибъ, а спасенъ; во-вторыхъ спасителемъ является кабацкій пьяница Василій Игнатьевъ, который самымъ невѣроятнымъ образомъ одурачилъ глупаго Батыгу; наконецъ, кончается былина шуточной прибауткой о бабьихъ сарафанахъ. Эти прибаутки и подробная передача того, гдѣ и какъ опохмелялся пьяница Василій, приводятъ къ мысли, что былина была обработана въ вольной скоморошьей средѣ. Въ нѣсколько иномъ, болѣе серьезномъ эпическомъ тонѣ этотъ сюжетъ вылился въ предыдущей былинѣ о Калинѣ царѣ, гдѣ нѣтъ шутовства и героемъ является любимый народный богатырь, а Василій пьяница, появившись въ началѣ, потомъ надолго забытъ и является только въ послѣднихъ стихахъ былины. Но надо сказать, что и эта обработка сюжета не соответствуетъ поэтической высотѣ и трагическому тону

стариннаго „запѣва“: начинавшаяся имъ утраченная древняя пѣсня несомнѣнно содержала разсказъ о гибели стольнаго города Кіева.

- Изъ подъ той бѣлой березы кудреватая,
Изъ подъ чуднаго креста Леванидова,
Шли—выбѣгали четыре тура златорогіе,
И шли они, бѣжали мимо славенъ Кіевъ-градъ;
5. И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
И по той стѣнѣ городовая
И ходить-гуляетъ душа красная дѣвица,
Въ рукахъ держитъ Божью книгу—Евангеліе,
10. Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ.
Побѣжали туры прочь отъ Кіева,
И встрѣтили турицу, родну матушку,
И встрѣтили турицу, поздоровалися:
„Здравствуй, турица, родна матушка!“
15. — Здравствуйте, туры, малы дѣточки!
— Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали?—
„Шли мы, бѣжали мимо Кіевъ-славенъ градъ,
„Мимо ту, мимо стѣнку городовую,
„Мимо тѣ башни городовая,
20. „И видѣли мы надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
„И видѣли мы надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
„И по той по стѣнѣ городовая
„Ходить-гуляетъ душа красная дѣвица,
„Во рукахъ держитъ Божью книгу—Евангеліе,
25. „Сколько не читаетъ, вдвое плачетъ.“
Говоритъ тутъ турица, родна матушка:
— Ужъ вы глупые туры златорогіе!
— Ничего вы, дѣточки, не знаете:
— Не душа то красна дѣвица гуляла по стѣнѣ,
30. — А ходила то Мать Пресвята Богородица,
— А плакала стѣна-мать городовая,
— По той ли по вѣрѣ христіанскія:—
— Будетъ надъ Кіевъ-градъ погибелье....

5. Добрыня Никитичъ.

Добрыня извѣстенъ въ нашемъ эпосѣ, какъ змѣборецъ и какъ свать, добывающій невѣсту для князя Владиміра. Эти обѣ роли заставляютъ изслѣдователей сближать его съ историческимъ Добрыней, дядей Владиміра — просвѣтителя Руси: существуютъ лѣтописныя извѣстія и о его дѣятельной борьбѣ съ язычествомъ въ

Новгородѣ и о его участіи въ сватовствѣ Владиміра за Рогіѣду. Но около Добрыни, какъ обыкновенно бываетъ со всякимъ виднымъ эпическимъ лицомъ, собралось еще нѣсколько сюжетовъ не историческаго характера, ходившихъ отдѣльно и приходившихъ съ разныхъ сторонъ. Такъ волшебница Маринка превращаетъ его въ тура-золотые рога — мотивъ, извѣстный у разныхъ народовъ и очень распространенный; въ былинѣ объ этомъ встрѣчаются также слѣды вліянія ветхозавѣтныхъ апокрифовъ. Къ такимъ же мотивамъ, широко распространеннымъ въ сказкахъ и преданіяхъ и Запада, и Востока относится сюжетъ предложенной здѣсь былины о Добрынѣ: герой послѣ долгой отлучки возвращается какъ разъ къ свадьбѣ своей жены (невѣсты) съ другимъ, играетъ неузнанный на свадебномъ пиру и открываетъ, кто онъ, не совсѣмъ обычнымъ образомъ. Припомнимъ хотя бы пересказанную Лермонтовымъ турецкую сказку „Ашикъ-Керибъ“. Паша былина — одна изъ выдающихся въ русскомъ эпосѣ по интересу разсказа и выдержанности тона, по богатству чертъ быта и нравовъ и наконецъ по сравнительной мягкости отношеній и сложности душевныхъ движеній.

Говоритъ Добрыня, сынъ Никитичъ

Своей государынѣ родной матушкѣ:

„Ахъ ты ей, государыня родна матушка!

„Ты на что меня Добрынюшку спородила?

5. „Спородила бы, государыня родна матушка,

„Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камушкомъ,

„Завернула въ тонкій въ льняной во рукавичекъ,

„Спустила бы меня во сине море:

„Я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,

10. „Я не ѣдилъ бы, Добрыня, по чисту полю,

„Я не убивалъ, Добрыня, неповинныхъ душъ,

„Не пролилъ бы крови напрасныя,

„Не слезилъ, Добрыня, отцевъ, матерей,

„Не вдовилъ, Добрыня, молодыхъ женъ,

15. „Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ.“

Отвѣтъ держитъ государыня его матушка:

— Я бы рада тебя, дитятко, спородити

— Таланомъ-участью въ Илью Муромца,

— Силой въ Святогора богатыря,

20. — Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,

— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,

— Я походкою бы тебя щепливаю

— Во того Чурилу во Пленковича,

— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича¹⁾.

¹⁾ Характерный примѣръ механическаго воспроизведенія цѣликомъ готоваго эпическаго мѣста, не смотря на явную несообразность.

25. —Сколько тья статьи есть, а другихъ Богъ не далъ,
— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—
Скоро-на-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле.
Провожала Добрыню родна матушка,
30. Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по полатѣ похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнехонько она съ причетью.
35. У тья было у стремены у правья,
Провожала Добрыню любимая семья,
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:
— Когда Добрынюшка домой будетъ,
40. —Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
„Когда у меня ты стала спрашивать,
„Тогда я стану тебѣ сказывать:
„Сожидай Добрынюшку по три года;
45. „Если въ три года не буду, жди друго три;
„А какъ сполнится времени шесть годовъ,
„Да не буду я домой изъ чиста поля,
„Поминай меня, Добрынюшку, убитаго,
„А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
50. „Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
„Хоть за князя поди, хоть за боярина,
„А хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А только не ходи за моего брата за названаго,
„За смѣлаго за Алешу за Поповича.“¹⁾
55. Стала дожидать его по три года.
Какъ день за днемъ, будто дождь дожжить,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжить.
Прошло тому времени да три года,
60. Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три года.
Опять день за днемъ, будто дождь дожжить,

¹⁾ За Алешу Поповича нельзя было выходить, такъ какъ это считалось нарушеніемъ „побратимства“. Древній обычай побратимства, извѣстный и у другихъ славянъ (Сербовъ), соединялъ людей связью, которая считалась не меньше кровной, родственной связи.

- Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжить.
65. Прошло тому времени шесть ужъ лѣтъ,
Не бываль Добрыня изъ чиста поля.
Во тую пору, въ то время
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
70. Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыни родна его матушка
Жалешенько по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лицо бѣлое
75. По своемъ родимомъ дитяткѣ,
По молодомъ Добрынѣ Никитичѣ.
Сталь солнышко-Владимиръ тутъ похаживать,
Настасья Никуличной посватывать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
- 80 „Молодой вѣкъ свой коротати?
„Поди замужъ, хотъ за князя, хотъ за боярина,
„Хотъ за русскаго могучаго богатыря,
„А хотъ за смѣлаго Алешу Поповича.“
Отвѣчала Настасья, дочь Никулична:
85. — Я исполнила заповѣдь мужнюю,
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ;
— Не бываль Добрыня изъ чиста поля;
— Я исполню заповѣдь свою женскую:
— Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ:
90. — Такъ исполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
— Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти.—
Опять день за днемъ, будто дождь дожить.
А недѣля за недѣлей какъ трава растеть,
А годъ за годомъ какъ рѣка бѣжить.
95. Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ:
Не бываль Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталь солнышко-Владимиръ тутъ похаживать,
Настасья Никуличной посватывать,
100. Посватывать, подговаривать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
„Молодой свой вѣкъ коротати?
„Поди замужъ хотъ за князя, хотъ за боярина,
„А хотъ за русскаго могучаго богатыря,

105. „А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.“
Не пошла замужь ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужь за смѣлаго Алешу Поповича.
Пирь идетъ у нихъ по третій день;
110. Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается.
„Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть,
115. Зачѣмъ сегодня спотыкаешься?“
Исповѣщится ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
120. — Твоя молода Настасья дочь Никулична замужь пошла
— За смѣлаго Алешу за Поповича;
— Пирь идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
— Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—
125. Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги промежу заднія;
Что сталь его бурушка поскакивать
130. Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пуцать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летить:
Добрый молодець перегонъ гонить.
135. Не воротми вѣхаль, черезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную¹⁾.....
Идетъ на княженецкой дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивать у воротъ приворотниковъ,
140. У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ полаты княженецкія.

¹⁾ Затѣмъ нѣсколько стиховъ здѣсь пропущено. Сначала Добрыня заѣзжаетъ къ себѣ домой и узнаетъ отъ матери о вѣроломствѣ Алешы Поповича, потомъ, перерядившись скomorохомъ, отправляется на свадебный пирь къ кн. Владимиру.

- Онъ крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому,
145. Солнышку-Владимиру въ особину,
Самъ говорить таково слово:
„Здравствуй, солнышко-Владимиръ стольно-Кіевскій
„Со своей княгиней со Апраксіей!“
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творять:
150. Солнышко-Владимиръ стольно-Кіевскій!
„Какъ этотъ удалый добрый молодець
„Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
„И теперича идетъ скоморошиной;
„Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
155. „У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
„Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
„Скоро проходилъ въ полаты княженецкія“.
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
— Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
160. — На княженецкій дворъ безобсылочно,
— Во полаты идешь бездокладочно,
— Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ.
— Скоро проходилъ въ полаты княженецкія?—
165. Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется:
„Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?“
Съ сердцемъ говоритъ Владимиръ стольно-Кіевскій:
— Что ваше мѣсто скоморошское
170. — На той на печкѣ на муравленой,
— На муравленой печкѣ—на запечкѣ.—
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковныя,
175. На тья струночки золоченыя,
Учалъ по струнамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать.
Играеть-то онъ въ Царѣ-градѣ,
А на вынгрышъ беретъ все въ Кіевѣ,
180. Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго ¹⁾.

¹⁾ Смыслъ мѣста таковъ: Добрыню сочили сперва за пріѣзжаго (византійскаго?) скомороха, и онъ поддержалъ это мнѣніе тѣмъ, что бралъ греческіе напѣвы; но когда онъ запѣлъ, то увидали, что онъ знаетъ про всѣхъ въ Кіевѣ отъ стараго до малаго; тогда догадались, что это — кто нибудь свой.

- Тутъ всё на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
„Что не быть это удалой скоморошинѣ,
„А кому ни надо быть русскому,
185. „Быть удалому доброму молодцу!“
Говорилъ Владимиръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
— Опускайся изъ печки изъ-за-печки;
— Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
190. — Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
— За твою игру за веселую
— Дамъ тебѣ три мѣста любимыхъ:
— Первое мѣсто—сядь подлѣ мѣня,
— Другое мѣсто супротивъ мѣня,
195. — А третье мѣсто, куда самъ захошь,
— Куда самъ захошь, еще пожалуешь.—
Не сѣла скоморошина подлѣ князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамеечку
200. Супротивъ княжны порученія¹⁾.
Говорить удала скоморошина:
„Что солнышко-Владимиръ стольно-Кіевскій!
„Бласлови мнѣ налить чару зелена вина,
„Поднести эту чару, кому я знаю,
205. „Кому я знаю, еще пожалую.“
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжнѣ порученія,
Самъ говоритъ таково слово:
210. „Молода Настасья, дочь Никулична!
„Прими сію чару единой рукой,
„Да выпей-ка чару единымъ духомъ;
„Буде пьешь до дна, такъ видашь добра,
„А не пьешь до дна, не видашь добра“.
215. Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единымъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чарѣ свой золоченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:

¹⁾ „Порученая“=обрученная; „Княжной“, „княгиней“ и до сихъ поръ называется невѣста и жена въ народныхъ свадебныхъ пѣсняхъ.

220. Солнышко-Владимиръ стольно-Кіевскій!
— Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
— А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
— Сидить мой мужъ на скамеечкѣ,
— Подносить мнѣ чару зелена вина.—
225. Сама выскочить изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Упала Добрынѣ въ рѣзвы ноги:
— Прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
— Въ той винѣ прости меня, въ глупости,
— Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
230. — Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла.—
Говорилъ Добрыня, сынъ Никитичъ:
„Что не дивую я разуму то женскому,
„Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
„Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
235. Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
„А дивую я солнышку-Владимиру
„Съ молодой княгиней со Апраксіей:
„Солнышко-Владимиръ, тотъ тутъ сватомъ былъ,
„А княгини Апраксія свахою,
240. „Они у живаго мужа жену просватали“.
Тутъ солнышку-Владимиру къ стыду пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
— Прости, прости, братецъ мой названный,
— Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи,
245. — Подлѣ молодой Настасьи Никуличной.—
„Въ той винѣ, братецъ, тебя Богъ простить,
„Что ты посидѣлъ подлѣ моей любимой семьи,
„Подлѣ молодой Настасьи Никуличной;
„А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
250. „Какъ прѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ
шесть лѣтъ,
„Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
„Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
„Убить лежитъ во чистомъ полѣ,
„Буйна голова испроломана,
255. „Могучи плечи испрострѣлены,
„Головой лежитъ черезъ ракитовъ куеть,—
„Такъ тогда государыни родна матушка
„Жалешенько по мнѣ плакала,
„Слезила свои очи ясныя,
260. „Скорбила свое лицо бѣлое:

„Съ этой вины тебѣ не прощу!¹⁾
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпичень мостъ.
265. Повыдернетъ шалыгу подорожную,
Учалъ шалыжищемъ охаживать,
Что хлопанье и что оханье, не слышно вѣдь²⁾).

6. Садко купецъ, богатый гость.

Личность былиннаго Садки сложилась изъ нѣсколькихъ элементовъ, наслоившихся другъ на друга. Во-первыхъ, Новгородскія лѣтописи сохранили извѣстiе о богатѣ по имени Садко Сытинецъ (или Сотко Сытиничъ) который въ 1167 г. построилъ въ Новгородѣ каменную церковь св. Бориса и Глѣба. Эти данныя вошли въ былинный обликъ Садко, богатаго гостя, строящаго и украшающаго церкви. Но съ ними сплелся образъ гусляра, увлекающаго своей игрой Морскаго царя, который выходитъ къ нему изъ озера Ильменя и надѣляется его богатствомъ; этотъ образъ сложился подъ влияниемъ финскихъ преданій, связанныхъ съ Ильменемъ, съ морскимъ богомъ Ахто и съ музыкантомъ Вейнемейненомъ. Затѣмъ многія черты походженій Садко на дѣ морскомъ навѣяны сказками (герой попадаетъ въ подводное или подземное царство, и царь, чтобы удержать его у себя, женить его, но герою удастся выбраться на землю — все это часто встрѣчается тамъ); наконецъ легенды, обычно ходящія въ мѣстностяхъ, гдѣ населенію приходится имѣть дѣло съ моремъ, могли дать въ былинну мотивъ спасенія гибнущаго въ морѣ чловѣка чудесной силой какого-нибудь святаго (именно, св. Николай издавна считается покровителемъ на морѣ); въ житіи Исидора Ростовскаго есть подобный рассказъ, довольно близкій къ былинѣ: тутъ есть и внезапная остановка корабля

¹⁾ Типично-народная черта; разница въ отношеніи къ матери и женѣ приводится и въ лирическихъ пѣсняхъ; см. ниже въ „удалыхъ“ пѣсняхъ.

²⁾ Приводимъ вариантъ конца, характерный по миролюбивому заступничеству Ильи Муромца:

Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Кинетъ о кирпичень полъ
И хочетъ переправить второй—отъ разъ;
Какъ скочилъ казакъ Илья Муромецъ,
Захватилъ за плечики, за могутныя, за молодецкія;
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
— Не убей ты смертью напрасноу
— Меньшаго братца Алешу Поповича!—
Тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Вралъ Настасью за бѣлы руки;
Цѣловалъ въ уста сахарня
И повелъ ю во-въ высокъ теремъ.
Глядитъ честна вдова Мамелфа Тимофѣвна:
Красное солнышко пороспекло,
И свѣтелъ мѣсяцъ поросвѣтилъ.

среди моря, и исканіе виноватаго при помощи жребія, и спусканіе указаннаго жребіемъ человѣка на доскѣ въ море, и немедленное послѣ того освобожденіе корабля отъ таинственной задержки.

Во славномъ во-Новѣградѣ
Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;

5. По пирамъ ходилъ—игралъ Садко.
Садка день не зовуть на почестень пирь,
Другой не зовуть на почестень пирь,
И третій не зовуть на почестень пирь:
По томъ Садко соскучился.
10. Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ то Садко перепался,
15. Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовуть на почестень пирь,
Другой не зовуть на почестень пирь,
И третій не зовуть на почестень пирь:
По томъ Садко соскучился.
20. Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ то Садко перепался,
25. Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовуть на почестень пирь
Другой не зовуть на почестень пирь
И третій не зовуть на почестень пирь:
По томъ Садко соскучился.
30. Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ то во озерѣ вода всколыбалася,
Показался Царь морской,
35. Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Садко Новгородскій!?!
— Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
— За твои за утѣхи великія,

40. — За твою то игру нѣжную:
— Аль безсчетной золотой казной?
— А не то ступай во Новгородъ
— И ударь о великъ закладъ,
— Заложь свою буйну голову,
45. И выряжай¹⁾ съ прочихъ купцовъ
— Лавки товара краснаго,
— И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
— Есть рыба—золоты перья.
— Какъ ударишь о великъ закладъ,
50. — И поди-свяжи шелковый неводъ,
— И прѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
— Дамъ три рыбины—золоты перья.
— Тогда ты, Садко, счастливъ будешь.—
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера.
55. Какъ приходилъ Садко въ свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко Новгородскій
Сталъ играть во гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садка попаивать,
60. Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ то Садко сталъ похваствовать:
„Ай же вы, купцы новгородскіе!
„Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень-озерѣ:
„А есть рыба—золоты перья въ Ильмень-озерѣ“.
65. Какъ тутъ то купцы новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
— Не знаешь ты чуда чуднаго,
— Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба—золоты
перья.—
- „Ай же вы, купцы новгородскіе!
70. „О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
„Ударимъ-ка о великъ закладъ:
„Я заложу свою буйну голову,
„А вы залагайте лавки товару краснаго“.
Три купца повыкинулись,
75. Заложили по три лавки товару краснаго.
Какъ тутъ то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень-озеро.
Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,

1) Отъ слова *ряда*, *рядиться*—уговариваться.

- Добыли рыбку—золоты перья;
80. Закинули другую тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Туть купцы новгородскіе
85. Отдали по три лавки товару краснаго.
Сталь Садко поторговывать,
Сталь получать барыши великіе.
Во своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
90. На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяць—и въ палатахъ мѣсяць;
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды¹⁾.

II.

- Потомъ Садко купецъ богатый гость
Зазвалъ къ себѣ на почестень пиръ
Тныхъ мужиковъ новгородскіихъ
И тныхъ настоятелей новгородскіихъ:
5. Оуму Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иной хвастаетъ безсчетомъ золотой казной,
10. Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ.
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
15. Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новгородскіе:
„Всѣ мы на пиру наѣдалися,
„Всѣ на почестномъ напивалися,
„Похвальбами всѣ похвалялися.
20. „Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ?

¹⁾ Въ старой Руси былъ обычай расписывать потолки царскихъ палатъ въ видѣ небснаго свода, гдѣ изображались всѣ „бѣги небесныя“ (т. е. свѣтила).

- „Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?“
Говорить Садко купецъ богатый гость:
— А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
— Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
25. — У меня золотà казна не тóщится,
— Цвѣтно платьице не носится,
— Дружина хоробра не измѣняется.
— А похвастать — не похвастать безсчетной золотой
казной:
— На свою безсчетну золоту казну
30. — Повыкуплю товары новгородскіе,
— Худые товары и добрые!—
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новгородскіе
Ударили о великъ закладъ
35. О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣе не
было.
40. Ставалъ Садко на другой день ранымъ-рано,
Будиль свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ во гостинный рядъ:
45. Какъ повыкупилъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Будиль свою дружину хоробрую,
50. Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ во гостинный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ привавезено
На тую на славу на великую новгородскую.
55. Опять выкупалъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Будиль свою дружину хоробрую,
60. Безъ счета давалъ золотой казны

- И распуцалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шель во гостинный рядъ:
Втрройнѣ товаровъ привавезено,
Втрройнѣ товаровъ принаполнено,
65. Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта—
„Още повыкуплю товары московскіе,
70. „Подоспѣютъ товары заморскіе.
„Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій:
„Побогаче меня славный Новгородъ“.
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

III.

- На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленныхъ;
На ты корабли на черленые
5. Свалилъ товары новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-рѣку,
А съ Невы рѣки во сине море.
10. Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары новгородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки-сороковки красна золота, чиста серебра,
15. Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
А волной то бьетъ, паруса рветъ,
20. Ломаеть кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость
Ко своей дружины ко хоробрый:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
25. „Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,

- „А морскому царю дани не плачивали:
„Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
„Требуетъ дани во сине море.
„Ай же братцы, дружинушка хоробрая!
30. „Взимайте бочку сороковку чиста сѣребра,
„Спускайте бочку во синѣ море“.
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста сѣребра,
Спускала бочку во сине море:
35. А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаеть кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Туть его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
40. Спускали бочку во сине море:
А волной то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаеть кораблики черленые;
А кораблики все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
45. „Видно, царь морской требуетъ
„Живой головы во сине море.
„Дѣлайте, братцы, жеребья волжаны,
„Я самъ сдѣлаю на красномъ на золотѣ,
„Всякъ свои имена подписывайте,
50. „Спускайте жеребья на сине море:
„Чей жеребей ко дну пойдетъ,
„Таковому итти во синѣ море“.
Дѣлали жеребья волжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красномъ на золотѣ,
55. Всякъ свое имя подписывалъ,
Спускали жеребья во синѣ море:
Какъ у всей дружины хороброя
Жеребья гоголемъ по воды пловать,
А у Садка купца ключемъ на дно.
60. Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же братцы, дружина хоробрая!
„Этыя жеребья неправильны:
„Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
„А я сдѣлаю жеребей волжаны“.
65. Дѣлали жеребья на красномъ на золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребей волжаны,
Всякъ свое имя подписывалъ.

- Спускали жеребья на синё море:
Какъ у всей дружины хоробрѣя .
70. Жеребья гоголемъ по воды пловать,
А у Садка купца ключемъ на дно¹⁾...
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же братцы, дружина хоробрѣя!
„Видно, царь морской требуетъ
75. „Самого Садка богатаго въ синё море.
„Несите мою чернилицу вальяхнужную,
„Перо лебединое, листъ бумаги гербовый“²⁾.
Несли ему чернилицу вальяхнужную,
Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
80. Онъ сталъ имѣннице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье—нищей брати,
Иное имѣнье—молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрѣя.
85. Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же братцы, дружина хоробрѣя!
„Давайте мнѣ гусельки яровчаты.
„Поиграть ли мнѣ въ остатнее:
„Больше мнѣ въ гусельки не играть.
90. „Али взять мнѣ гусли съ собой во синё море?“
Взнимаетъ онъ гусельки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Свалите дощечку дубовую на воду:
„Хоть я свалюсь на доску дубовую,
95. „Не толь мнѣ страшно принять смерть на синёмъ морѣ“ .
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли, какъ черные вороны.
Остался Садко на синемъ морѣ.
100. Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.

¹⁾ Далѣе Садко еще два раза мѣняетъ жеребья и оба раза ему выпадаетъ судьба идти на дно. Смыслъ этой сложной жеребьевки нѣсколько запутанъ пѣвцомъ даннаго варианта былинны; ясно одно: Садко хитритъ и плутуетъ, не желая идти на дно морское, но судьба разрушаетъ всё его плутни и ему остается подчиниться. Здѣсь типично сказался купецъ-хозяинъ, всячески изворачивающійся чтобы выгородить себя и не стѣсняющійся съ своей безотвѣтной дружиной—прикащиками.

²⁾ Подробность поздняя: гербовая или „орленая“ бумага введена была у насъ при Петрѣ.

- Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ, на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
105. Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ:
Стоить палата бѣлокаменная,
Заходитъ Садко въ палату бѣлокаменную:
Сидить въ палатѣ царь морской,
110. Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говорить царь таковы слова:
— Ай же ты Садко купецъ, богатый гость!
— Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживаль,
— Мнѣ, царю, дани не плачиваль.
115. — А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
— Скажутъ, мастеръ играть во гуселки яровчаты:
— Поиграй же мнѣ во гуселки яровчаты.—
Какъ началъ играть Садко во гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
120. Играль Садко сутки, играль и другіе,
Да играль още Садко и третій;
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.—
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода сомутилася,
125. Стало много гинуть имѣнницевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому ¹⁾.
Какъ тронуло Садка во плечо во правое:
— Ай же ты, Садко Новгородскій!
130. — Полно играть во гуселышки яровчаты!—
Обернулся—глядитъ Садко Новгородскій:
Ажно стонтъ старикъ сѣдатый.
Говориль Садко Новгородскій:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ,
135. „Приказано играть въ гуселки яровчаты“.
Говорить старикъ таковы слова:
— А ты струночки повырывавай,
— А ты шпенечки повыломавай.
— Скажи: у меня струночекъ не случилось,
140. — А шпенечковъ не пригодилось;

¹⁾ Эта поздняя подробность говоритъ объ иконѣ — статуѣ св. Николая въ соборѣ г. Можайска, Московской губерніи.

- Не во что больше играть:
— Приломались гуселки яровчаты.
— Скажетъ тебѣ царь морской:
— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ?
145. — На душечкѣ на красныя дѣвушки?
— Говори ему таковы слова:
— У меня воля не своя во синемъ морѣ.
— Опять скажетъ царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
150. — Выбери себѣ дѣвицу-красавицу.
— Какъ станешь выбирать дѣвицу-красавицу,
— Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
— И друго триста дѣвицъ пропусти,
— И третье триста дѣвицъ пропусти:
155. — Позади идетъ дѣвица красавица,
— Красавица дѣвушка Чернавушка.
— Бери тую Чернаву за себя замужь ¹⁾...
— Будешь, Садко, въ Новѣградѣ.
— А на свою безсчетну золоту казну
160. — Построй церковь соборную Миколы Можайскому.—
Садко струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки въ яровчатыхъ повыломалъ.
Говорить ему Царь морской:
— Ай же ты, Садко Новгородскій!
165. — Что же не играешь въ гуселки яровчаты? —
„У меня струночки въ гуселкахъ выдернулись,
„А шпенечки въ яровчатыхъ повыломались,
„А струночекъ запасныхъ не случилось,
„А шпенечковъ не пригодилось“.
170. Говорить Царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
— На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?—
Говорить ему Садко новгородскій:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.
175. Опять говоритъ Царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
— Выбери себѣ дѣвицу-красавицу.—
Вставалъ Садко по утру ранешенько,
Поглядитъ—идетъ триста дѣвушекъ красныхъ;

¹⁾ Выборъ невѣсты часто обставляется подобнымъ образомъ въ сказкахъ; даже имя ея сказочное: дѣвка-чернавка, замарашка (Сандрильона, т. е. запачканная пепломъ кухоннымъ).

180. Онъ перво триста дѣвиць пропустилъ,
И друго триста дѣвиць пропустилъ,
И третье триста дѣвиць пропустилъ:
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Черनावушка;
185. Бралъ тую Чернаву за себя замужъ...
Какъ проснулся Садко въ Новѣградѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу,
Какъ поглядить, ажно бѣжать
Свои черленые кораблики по Волхову.
190. Поминаетъ жена Садка со дружиной въ синемъ морѣ:
— Не бывать Садку со синя моря!—
А дружина поминаетъ одного Садка:
„Остался Садко въ синемъ морѣ!“
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
195. Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова,
Туть его ли дружина сдивовалася:
„Остался Садко во синемъ морѣ,
„Очутился впереди насъ въ Новѣградѣ,
„Встрѣчаетъ дружину со Волхова!“—
200. Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повель въ полаты бѣлокаменны.
Туть его жена зрадовалася,
Брала Садко за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія.
205. Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣннице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыхъ со кораблей,—
Состроилъ церковь соборную Миколы Можайскому,
Не сталъ больше ѣздить Садко за синѣ море,
210. Сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

7. Василий Буслаевъ.

Въ былинахъ о Василии Буслаевѣ нѣтъ ничего богатырскаго, ничего сверхестественнаго или сказочнаго; кромѣ нѣкоторыхъ обычныхъ гиперболическихъ обозначеній силы, и т. п. всѣ приключенія Васьки могли произойти приблизительно такъ, какъ говорятъ былинны. Основой былинъ этихъ служатъ бытовья особенности новгородскаго склада жизни. Изъ политическаго и экономическаго строя Новгородскаго общества легко объясняется личность Васьки Буслаева, богатаго боярскаго или купеческаго сына, который съ малолѣтства практиковался въ уличномъ озорствѣ надъ ребятами,

а выросши развить свои подвиги шире, собравъ около себя при помощи денегъ и угощенья цѣлую шайку головорѣзовъ изъ голи кабацкой, падкой на то, чтобы „пить-ѣсть изъ готоваго“. Вполнѣ понятно и озлобленіе большинства городского населенія противъ буяна и его шумной ватаги, и желаніе сжить его со свѣта и т. д. Но невольно встаетъ вопросъ: какъ могъ уличный драчунъ и забіяка стать героемъ пѣсни, которая хотя не скрываетъ его пороковъ, но относится къ нему вполнѣ серьезно и внимательно слѣдитъ за его походами? Для объясненія этого надо припомнить, какую роль играла въ исторіи Новгорода извѣстная „вольница“, — ушкуйники или просто „молодцы“, какъ ихъ зовутъ лѣтописи. Типъ удалаго повольника сложился и выработался въ широкихъ завоевательныхъ и колонизаторскихъ экспедиціяхъ, которыми Новгородъ постоянно занимался съ очень давнихъ временъ: древнѣйшія лѣтописныя извѣстія уже застаютъ Новгородцевъ берущими дань съ Перми и Печоры, Ижоры и Корелы. Сперва это были правильныя дружины подъ начальствомъ князей и воеводъ, и въ лѣтописяхъ, начиная съ XI в., встрѣчаются нерѣдко упоминанія о ихъ походахъ на Чудь, Емь, на Литву. Но съ XIII в. извѣстія говорятъ иногда уже о военныхъ экспедиціяхъ вольныхъ дружинъ изъ охочихъ „молодыхъ людей“, причемъ видно, что эти походы бывали „безъ новгородскаго слова“, т. е. безъ воли или вопреки волѣ Новгородскаго правительства. Съ половины XIV в. видно, что ушкуйничество начинаетъ вырождаться въ разбойничество; ушкуйники новгородскіе идутъ уже не въ Сибирь или къ сѣвернымъ инородцамъ, а плаваютъ по Волгѣ, грабятъ и „бесермень“, и своихъ, и нѣсколько разъ захватываютъ и разоряютъ Ярославль, Кострому, Нижній, Вятку, Казань, доходя до Астрахани. Въ концѣ XIV в. Новгороду приходилось имѣть непріятности изъ за нихъ и платиться Московскому князю, но долгое время на своеволіе ушкуйниковъ онъ смотрѣлъ снисходительно, такъ какъ они бывали и полезны родному городу, нападая на „бесермень“ или заглаживая грѣхи своей удали службой Новгороду. Мы знаемъ напр., что одинъ изъ такихъ ушкуйниковъ, Александръ Аввакумовичъ, въ 1371 году начальствовалъ надъ войскомъ, посланнымъ новгородцами для защиты Торжка, и лѣтопись съ уваженіемъ говоритъ о немъ: „и ту костью паде за Св. Спасъ и за обиду за новгородскую“. Другой ушкуйникъ, Онисифоръ Лукичъ, ходившій въ набѣги противъ воли Великаго Новгорода, черезъ восемь лѣтъ послѣ этого (въ 1350 г.) былъ поставленъ посадникомъ. Итакъ, разбойническія черты повольника совмѣщались и съ полезной дѣятельностью его своей родиной, и съ почетомъ. Неудивительно, что могъ быть отмѣченъ народной памятью и почтенъ пѣсней и Василій Буслаевъ, типичный предводитель шайки ушкуйниковъ (Былины говорятъ о его плаваньи съ дружиной въ Каспійскомъ морѣ и о встрѣчахъ съ „казачьими атаманами“, не пропускавшими проѣзжихъ — т. е. съ волжскими разбойниками). Самое имя его есть въ лѣтописи: подъ 1171 годомъ упоминается „Васька Буслаевичъ“ какъ разъ въ качествѣ Новгородскаго посадника. Возможно, что древнѣйшія пѣсни о немъ знали его и какъ посадника, говорили о какихъ нибудь болѣе достойныхъ

похожденіяхъ его, но это забылось, и типъ его огрубѣлъ и выро-
дился въ грубой скоморошьей средѣ, которая съ любовью разра-
ботала въ немъ черты безудержнаго гуляки и буяна.

- Жиль Буславьюшка—не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо роженое,
5. Молодой Васильюшка Буславьевичъ.
Сталь Васенька на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ—рука прочь,
За ногу возьметъ—нога прочь;
10. А котораго ударить по горбу,
Тоть поидеть—самъ сутулится.
И говорятъ мужики новгородскіе:
„Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
„Тебѣ съ этою удачей молодецкою
15. „Наквасити рѣка будетъ Волхова“.
Идетъ Василій съ широкія улочки,
Не весель домой идетъ, не радошень,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
20. — Ай же ты мое чадо милое,
— Милое чадо роженое,
— Молодой Васильюшка Буславьевичъ!
— Что идешь не весель, не радошень?
— Кто же те на улушкѣ приобидѣлъ?—
25. „А никто меня на улушкѣ не обидѣлъ.
„Я кого возьму за руку—рука прочь,
„За ногу кого возьму—нога прочь,
„А котораго ударю по горбу,
„Тоть поидеть—самъ сутулится.
30. „А говорили мужики новгородскіе,
„Что мнѣ съ этою удачей молодецкою
„Наквасити рѣка будетъ Волхова“.
А говорить мать таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
35. — Прибирай-ко себѣ дружину хоробрую,
— Чтобъ никто те въ Новѣградѣ не обидѣлъ.—
И налилъ Василій чашу зелена вина,
Мѣрой чашу полтора ведра,

- Становиль чашу среди двора,
40. И самъ ко чашѣ приговариваль:
„Кто эту чашу приметъ одной рукой,
„И выпьетъ чашу за единый духъ,
„Тотъ моя будетъ дружина хоробрая!“
И садился на ременчатъ стуль,
45. Писаль скорописчатые ярлыки,
Въ ярлыкахъ Васенька прописываль:
„Зоветь—жалуетъ на почестень пирь“;
Ярлыки привязываль къ стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣляль по Новуграду ¹⁾.
50. И пошли мужики новгородскіе
Изъ тоя изъ церкви изъ соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,
Господа стали стрѣлочки посматривать:
„Зоветь—жалуетъ Василій на почестень пирь“.
55. И собирались мужики новгородскіе увалами,
Увалами собралися, перевалами,
И пошли къ Василью на почестень пирь.
И будутъ у Василья на широкомъ на дворѣ,
И сами говорятъ таковы слова:
60. „Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
„Мы теперь стали на твоёмъ на дворѣ,
„Всю мы у тя ѣству выѣдимъ,
„И всѣ напитки у тя выпьемъ,
„Цвѣтно платице повыносимъ,
65. „Красно-золото повытачимъ“.
Этыя рѣчи ему не слюбилися.
Выскочилъ Василій на широкій дворъ,
Хваталь-то Василій черленый вязъ,
И зачалъ Василій по двору похаживати,
70. И зачалъ онъ вязомъ похаживати;
Куды махнетъ—туды улочка,
Перемахнетъ—переулочекъ:
И лежать то мужики увалами,
Увалами лежать, перевалами,
75. Набило мужиковъ, какъ погодую.
И зашелъ Василій въ терема златоверхіе:
Мало тотъ идетъ, мало новій идетъ,
Кю Васильюшкѣ на широкій дворъ.

¹⁾ Сказочная подробность.

- Идетъ то Костя Новоторжанинъ
80. Ко той ко чары зелена вина,
И бралъ ту чару одной рукой,
Выпилъ эту чару за единый духъ,
Какъ выскочить Василій съ новыхъ сѣней,
Хваталъ то Василій черленный вязъ,
85. Какъ ударилъ Костю то по горбу:
Стоить-то Костя—не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
„Ай же ты, Костя Новоторжанинъ!
„Будь моя дружина хоробрая,
90. „Поди въ мои палаты бѣлокаменны“.
Мало тотъ идетъ, мало новѣй идетъ,
Идетъ то Потанюшка Хроменькій
Къ Василью на широкій дворъ,
Ко той ко чары зелена вина,
95. Бралъ тоѣ чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Какъ выскочить Василій со новыхъ сѣней,
Хваталъ то Василій черленный вязъ,
Ударить Потанюшку по хромымъ ногамъ:
100. Стоить Потанюшка и не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
„Ай же, Потанюшка Хроменькій!
„Будь моя дружина хоробрая,
„Поди въ мои палаты бѣлокаменны“.
105. Мало тотъ идетъ, мало новѣй идетъ,
Идетъ то Хомушка Горбатенькій
Ко той ко чары зелена вина,
Бралъ ту чару одной рукой,
И выпилъ чару за единый духъ.
110. Того и бить не шель со новѣхъ сѣней:
„Ступай ко въ палаты бѣлокаменны.
„Пить намъ напитки сладкіе,
„Вства то вѣсть сахарнія,
„А бояться намъ въ Новѣградѣ некого!“
115. И прибралъ Василій три дружины въ Новѣградѣ.
И завелся у князя новгородскаго почестенъ ширь
На многихъ князей, на бѣаръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей,
А молодца Василья не почествовали.
120. Говорить матери таковы слова:

„Ай же ты, государыня матушка,
„Честна вдова Авдотья Васильевна!
„Я пойду къ князьямъ на почестень пирь.“
Возговорить Авдотья Васильевна:

125. — Ай же ты мое чадо милое,
— Милое чадо роженое!
— Званому гостю мѣсто есть,
— А не званому гостю мѣста нѣтъ.—
Онъ Василій матери не слушался,
130. А взялъ свою дружину хоробрую
И пошелъ къ князю на почестень пирь.
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ во гридню столовую;
135. Онъ лѣвой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый столъ,
За дубовый столъ, въ большой уголь ¹⁾.
И тронулся на лавочку къ пестно-углу,
И попехнулъ Василій правой рукой,
140. Правой рукой и правой ногой:
Всѣ стали гости въ пестно-углу;
И тронулся на лавочку къ верно-углу,
И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой:
Всѣ стали гости на новѣхъ сѣняхъ.
145. Другіе гости перепѣлись,
Отъ страху по домамъ разбѣжались.
И зашелъ Василій за дубовый столъ
Со своей дружиною хоробрую.
Опять всѣ на пирь собирались,
150. Всѣ на пиру наѣдались,
Всѣ на почестномъ напивались,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Возговорить Костя Новоторжанинъ ²⁾:
— А нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати:
155. — Я остался отъ батюшки малешенекъ,
— Малешенекъ остался и зелешенекъ:

¹⁾ Мѣста за столомъ въ древней Руси различались по достоинству; самымъ почетнымъ былъ *большой уголь* стола, самый дальній отъ двери у правой стѣны, гдѣ иконы; противоположный ему назывался (*дверно-уголь* (около двери), сосѣдній съ нимъ—*пестно-уголь* или *печно-уголь*—около печи.

²⁾ Пѣвецъ спуталъ лица: говорить это долженъ Василій Буслаевъ, какъ и видно изъ дальнѣйшаго.

- Развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати:
— Ударить съ вами о великъ закладъ.
— О буйной головы на весь на Новгородъ,
160. — Окромѣ трехъ монастырей—
— Спаса Преображенія,
— Матушки Пресвятой Богородицы,
— Да еще монастыря Смоленскаго.—
Ударили они о великъ закладъ,
165. И записи написали,
И руки приложили,
И головы преклонили:
„Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мость;
„Хоть свалятъ Василья до мосту,
170. „Везти на казень на смертную,
„Отрубить ему буйна голова;
„Хоть свалятъ Василья у моста,
„Везти на казень на смертную,
„Отрубить ему буйна голова;
175. „Хоть свалятъ Василья посередъ моста,
„Везти на казень на смертную
„Отрубить ему буйна голова.
„А ужъ какъ пройдетъ третью заставу,
„Тожно больше дѣлать нечего.“
180. И пошелъ Василій со пира домой,
Невеселъ идетъ домой, не радошенъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
185. Милое чадо роженое!
— Что идешь невеселъ, не радошенъ?—
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
„Я ударилъ съ мужиками о великъ закладъ—
„Итти съ утра на Волховъ мость:
190. „Хоть свалятъ меня до моста,
„Хоть свалятъ меня у моста,
„Хоть свалятъ посередъ моста,
„Везти меня на казнь на смертную,
„Отрубить мнѣ буйна голова.
195. „А ужъ какъ пройду третью заставу,
„Тожно больше дѣлать нечего.“
Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ клѣточку желѣзную,

- Подперла двери желѣзныя
200. Тымъ ли вязомъ черленнымъ;
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла въ дары князю новгородскому,
205. Чтобъ простилъ сына любимаго.
Говорить князь новгородскій:
„Тожно прощу, когда голову срублю!“
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась пошла, запечалилась,
210. Разсѣяла красно золото и чисто серебро
И скатенъ жемчугъ по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:
— Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ
жемчугъ,
— А дорога мнѣ буйная головушка
215. — Своего сына любимаго,
— Молодѣ Васильюшки Буславьева. —
И спить Василій, не пробудится.
Какъ собирались мужики увалами,
Увалами собирались, перевалами,
220. Съ тѣма шалыгами подорожнымъ,
Кричатъ они во всю голову:
„Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мость,
„Рушай-ко завѣты великіе!“
И выскочилъ Хомушка Горбатенькій,
225. Убилъ-то онъ силы за цѣло сто,
И убилъ-то онъ силы за другое сто,
Убилъ то онъ силы за третье сто,
Убилъ-то онъ силы до пятисотъ.
На смѣну выскочилъ Потанюшка Хроменькій,
230. И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.
И мыла служанка, Васильева портомойница ¹⁾,
Платица на рѣкѣ на Волховѣ,
И стало у дѣвушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать,
235. Убило силы то за цѣло сто,

¹⁾ И здѣсь, какъ въ сказкахъ, въ извѣстномъ отношеніи къ герою стоитъ и устраиваетъ его судьбу та же служанка, „дѣвка чернавка“ (въ другихъ вариантахъ этой былины она и называется Чернавкой).

- Убило силы то за другое сто,
Убило силы то за третье сто,
Убило силы то до пяти сотъ.
И прискочила ко клѣточкѣ желѣзныя,
240. Сама говорить таковы слова;
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
— Ты спишь, Василий, не пробудисься,
— А твоя то дружина хоробрая
— Во крови ходить, по колѣнъ бродить.—
245. Со сна Василий пробуждается,
А самъ говорить таковы слова:
„Ай же ты, любезная моя служаночка!
„Отпри-ка двери желѣзныя.“
Какъ отперла ему двери желѣзныя,
250. Хваталь Василий свой черленый вязъ,
И пришелъ ко мосту ко Волховскому,
Самъ говорить таковы слова:
„Ай же любезна моя дружина хоробрая!
„Поди-тко теперъ опочивъ держать,
255. „А я теперъ стану съ ребятами поигрывать.“
И зачалъ Василий по мосту похаживать,
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ—туды улица,
Перемахнетъ—переулочекъ.
260. И лежать то мужики увалами,
Увалами лежать, перевалами,
Набило мужиковъ, какъ погодою.
И встрѣту идетъ крестовый братъ,
Во рукахъ несетъ шалыгу девяносто пудъ,
265. А самъ говорить таковы слова;
— Ай же ты, мой крестовый брателко,
— Молодой курень, не попархивай,
— На своего крестоваго брата не наскакивай!
— Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
270. — Я надъ тобой былъ втѣпоры бѣльшій братъ,
— И нынь-то я надъ тобой буду бѣльшій братъ.—
Говорить Василий таковы слова:
„Ай же ты, мой крестовый брателко!
„Тебя ли чортъ несетъ на встрѣчу мнѣ?
275. „А у насъ то вѣдь дѣло дѣется:
„Головами, братецъ, играемся!“
И ладить крестовый его брателко

- Шалыгой хватить Василья въ буйну голову.
Василій хватилъ шалыгу правой рукой,
280. И бить то брателка лѣвой рукой,
И пиналъ то онъ лѣвой ногой:
Давно у брата души нѣтъ;
И самъ говоритъ таковы слова:
„Нѣтъ на друга на стараго,
285. „На того ли брата крестоваго:
„Какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ“.)
И пошелъ Василій по мосту съ шалыгой.
И на встрѣту Васильюшку Буславьеву
Идетъ крестовый батюшка, Старичище Пилигримище:
290. На буйной головы колоколъ пудовъ во тысячу,
Въ правой рукъ языкъ во пятьсотъ пудовъ.
Говоритъ Старичище Пилигримище:
— Ай же ты, мое чаделко крестовое,
— Молодой курень, не попархивай,
295. — На своего крестоваго батюшка не насакивай!—
И возгворитъ Василій Буславьевичъ:
„Ай же ты, мой крестовый батюшка!
„Тебя ли чортъ несетъ во той поры
„На своего любимаго крестничка?
300. „А у насъ то вѣдь дѣло дѣется,
„Головами, батюшка, играемся!“
И здынулъ шалыгу девяноста пудъ,
Какъ хлыснулъ своего батюшка въ буйну голову,
Такъ разсыпался колоколъ на ножевыя черенья:
305. Стоитъ крестный—не кренется,
Желты кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлестнулъ то крестнаго батюшка
Въ буйну голову промежъ ясны очи:
310. И выскочили ясны очи, яко пивны чаши.
И напустился тутъ Василій на дома на каменные.
И вышла мать Пресвятая Богородица
Съ того монастыря Смоленскаго:
„Ай же ты, Авдотья Васильевна!
315. „Закличь своего чада милаго,
„Милаго чада роженаго,

1) Смыслъ его словъ проницескій: Никто, никакой другъ, не можетъ сравняться со старымъ другомъ—крестовымъ братомъ; никто такъ не могъ бы услужить, какъ онъ, своимъ оружіемъ.

- „Молода Васильюшка Буслаева:
„Хоть бы оставилъ народу на сѣмена.“
Выходила Авдотья Васильевна со новѣхъ сѣней,
320. Закликала своего чада милаго.

II.

- Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ,
По славному озеру по Ильмену
Плаваешь, поплаваешь сѣрь селезень;
Какъ бы ярый гоголь поныриваетъ:
5. А плаваешь, поплаваешь червленъ корабль
Какъ бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною хораброу,
Тридцать удалыхъ молодцовъ;
Костя Никитинъ корму держить,
10. Маленькій Потаня на носу стоитъ,
А Василій то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Свѣтъ, моя дружина хорабрая,
Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ!
15. Ставьте корабль поперекъ Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду“.
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережокъ.
Походить тутъ Василій ко своему онъ двору дворян-
скому,
20. И за нимъ идетъ дружинушка хорабрая;
Только караулы оставили.
Приходить Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ—матушкѣ,
25. Матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофѣевнѣ,
Какъ вьюнъ около ея увивается,
Просить благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофѣевна!
30. Дай мнѣ благословеніе великое,
Итти мнѣ, Василью, въ Ерусалимъ-градъ,
Со своей дружиной хораброу,
Мнѣ ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,

35. Во Ерданѣ-рѣкѣ искупатися.“
Что взговорить матеря вдова,
Матера Амелфа Тимофѣевна;
„Гой еси ты, мое чадо милое,
„Молодой Василій Буслаевичь!
40. „То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
„Тебѣ дамъ благословеніе великое;
„То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
„И не дамъ благословенья великаго,
„А и не носи Василья сыра-земля.“
45. Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается:
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбныя,
45. И даетъ оружіе долгомѣрное:
„Побереги ты, Василій, буйну голову свою“.
Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
50. Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильмену....
Бѣгутъ они ужь сутки—другія,
А бѣгутъ уже недѣлю—другую,
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
55. „Здравствуй, Василій Буслаевичь!
„Куда молодець поизволилъ гулять?
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичь:
„Гой еси вы, гости корабельщики!
„А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
60. „Смолоду бито много, граблено,
„Подъ старость надо душа спасти“¹⁾
Будуть они во Ерданѣ-рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на круть бережокъ;
65. Походилъ тутъ Василій Буслаевичь,
Со своей дружиною хораброю,
Въ Ерусалимѣ-градѣ;
Пришелъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки

¹⁾ Дальше пропущена встрѣча Василья въ „Каспичкомъ“ морѣ съ казачьими атаманами.

70. И за себя, Василия Буславевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
75. Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко святой-святынѣ приложился онъ,
И въ Ердань-рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и дьяконами,
80. И которые старцы при церкви живутъ,
Дають золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Іерусалима на свой червленъ корабль;
Въ та поры его дружина хорабрая
85. Купалася во Ердань-рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
„Почто вы купаетесь во Ердань-рѣкѣ?
— А некому купатися, опричь Василья Буславевича.—
90. „Въ Ердань-рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Хри-
стосъ;
„Потерять его вамъ будетъ
„Большого атамана, Василья Буслаевича“.
И они говорятъ таково слово:
„Нашъ Василій тому не вѣруеть ни въ сонъ, ни въ чохъ“¹⁾
95. И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань-рѣки;
Подняли тонки паруса полотняны,
100. Побѣжали по морю Каспійскому ко Новугороду²⁾.
А и ѣдутъ недѣлю споряду,
А и ѣдутъ уже другую;
И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую,
Захотѣлось Василью на горѣ побывать—
105. Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій со дружиною;
И будетъ онъ въ поль-горы,

¹⁾ Т. е. ни въ какія примѣты; „чихъ“—чиханье.

²⁾ Выпущена вторичная встрѣча съ атаманами.

- И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость.
110. Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщитъ пуста голова:
„Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
„Къ чему ты меня, голову, попинываешь,
„И къ чему побрасываешь?
115. „Я, молодець, не хуже тебя былъ,
„Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
„Гдѣ лежитъ пуста голова,
„Лежать будетъ и Васильевой головѣ“.
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
120. Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокої камень,
Въ вышину три сажени печатня,
И черезъ его только топоромъ подать ¹⁾,
125. Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
— А и кто-де у камня станетъ тѣшиться,
— А и тѣшиться, забавлятися,
— Вдоль скакать по камню,
130. — Сломить будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруеть,
Сталь со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперекъ камню поскакивати.
Захотѣлось Василью вдоль скакать:
135. Разбѣжался, скочилъ вдоль по камню,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убилъ подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья скоронили.
140. Побѣжала дружина съ той Сорочинскої горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали ко Новугороду;
И будутъ у Новагорода,
145. Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ, не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣ Тимофѣевнѣ,

¹⁾ „Печатная“ сажень=съ клеймомъ, освидѣтельствованная и провѣренная. Интересно наглядное измѣреніе ширины камня; оно ярко и живо для крестьянина, рабочаго человѣка.

- Пришли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали¹⁾);
150. Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
„У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего:
„Подите въ подвалы глубокие,
155. „Берите золотой казны не считаючи“.
Повела ихъ дѣвушка чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
160. Взаговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелфа Тимофѣевна!
„Что пошла, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ мо-
лодцовъ“.
- Въ та поры матера вдова Амелфа Тимофѣевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
165. Подноситъ дѣвушка чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

8. Взятіе Казанскаго царства²⁾.

- Среди было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны полаты,
А изъ спальни бѣлокаменной полаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
5. Царица Елена Симеону царю она сонъ рассказала:
„А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
„Что ночесъ мнѣ, царицѣ мало спалося,
„Въ сновидѣнницѣ много видѣлося:
„Какъ отъ сильнаго Московскаго царства,

¹⁾ Примѣръ механическаго пользованья готовой эпической формулой: дружина не могла привезти никакого письма и въ немъ не было нужды, но въ эпосѣ часто извѣстія передаются черезъ посланцевъ съ письмами, и эта подробность взошла по бессознательной ассоціаціи.

²⁾ Начиная съ этой былины, помѣщено нѣсколько эпическихъ пѣсней о болѣе позднихъ событіяхъ; ихъ называютъ обычно „историческими пѣснями“.

10. „Кабы сизый орлище встрепенулся,
„Кабы грозная туча подымалась,
„Что на наше вѣдь царство наплывала“. —
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымаяся великій князь Московскій,
15. А Иванъ сударь Васильевичъ, прозоритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать версть,
Становились они подкопью подъ Булакь-рѣку,
20. Подходили подъ другую подъ рѣку, подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
25. А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ.
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣе;
Воспалился тутъ великій князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозоритель,
30. И началъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началась отъ канонеровъ измѣна.
Что большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣту.
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
35. „Ты великій, сударь, князь Московскій!
„Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
„Что на вѣтрѣ свѣча горить скорѣе,
„А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе.“
Позадумался князь Московскій,
40. Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,—
45. Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны полаты.
И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
50. Гдѣ стояли царскія полаты.
Что царица Елена догадалась:

- Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана сударь Васильевича, прозрителя;
55. И за то онъ царицу пожаловаль
И привель въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя,
60. Онъ и вынялъ ясны очи со косицами;
Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру.
Онъ царской костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
65. И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

9. Грозный хочетъ казнить сына.

Лежащій въ основѣ этой пѣсни историческій фактъ — убійство Грознымъ старшаго сына Ивана—отразился въ народной фантазіи въ видѣ казни, причемъ народъ никакъ не могъ себѣ представить въ качествѣ пострадавшаго—старшаго царевича, про котораго было извѣстно, что онъ „правомъ въ отца“. Легче было вообразить себѣ гнѣвъ отца на младшаго сына, добраго и кроткаго. Такимъ образомъ, фактическія ошибки народнаго творчества искупаются психологической вѣрностью характеровъ.

- Въ старыя годы, прежніе,
При починѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный царь,
Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
5. А втапоры у царя былъ почетный столъ,
Почетный столъ, пированье великое
Про всѣхъ про князей, про бояръ,
Про гостиныхъ людей, купцовъ Сибирскихъхъ.
А и столъ былъ во полустолъ,
10. А и пиръ былъ во полупиръ,
Гости царскіе на веселъ;
Стали они промежду себя похвалятися:
Сильный хвалится своей силою,
Богатый хвалится своимъ богатствомъ.
15. Не золотая трубонька вострубливала,
Не серебряна сиполица возъигрывала,

Возгворилъ Грозный царь
Иванъ сударь Васильевичъ:

- „Ужь какъ я ли могу похвалиться,
20. „Что и взялъ я Казанское царство,
„Рязань городъ, славну Астрахань,
„Ужь и я ли вывелъ измѣну изъ Пскова,
„Изъ Пскова и изъ Новгорода“.
Какъ возговорить молодой царевичъ:¹⁾
25. — Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичъ!
— Что и взялъ ты царство Казанское,
— Рязань городъ, еще Астрахань,
— Ужь ты вывелъ измѣну изъ Пскова,
— Изъ Пскова и изъ Новгорода,
30. — Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
— Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,
— Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
— Онъ и ѣсть съ тобой съ одного блюда,
— Съ одного плеча носить платье цвѣтное.—²⁾
35. Какъ и тутъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ дога-
дается,

Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,
Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:

- „А и кто есть у меня слуги вѣрные!
— Берите царевича за бѣлы руки,
40. — Ведите царевича за Москву рѣку,
— Ко тому ли болоту стоячему,
— Ко той ли лужѣ кровавой,
— Ко той ли плахѣ поганой.—
Какъ тутъ всѣ князья-бояре испужались,
45. Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжались.
Оставался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
И ведетъ его за Москву рѣку,
50. Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавой,
Ко той ли плахѣ поганой.
Распровѣдалъ про то большой бояринъ,

¹⁾ Подразумѣвается старшій сынъ, Иванъ.

²⁾ Иванъ намекаетъ на своего брата Феодора; изъ другихъ вариантовъ видно, что Феодору ставилось въ вину укрывательство тѣхъ, кто попадалъ подъ гнѣвъ Грознаго. Дальше подъ „царевичемъ“ вездѣ надо разумѣть Феодора.

- Что честной Никита свѣтъ Романычъ;
55. Онъ садится на добра коня,
На добра коня невъжаннаго,
И онъ скачетъ за матушку за Москву рѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной.
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
60. „Ой, народъ православный, разступися,
„Люди добрые, сторонитесь,
„Давайте мнѣ, боярину, дорогу“.
Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ
Ко тому ли болоту стоячему,
65. Ко той лужѣ кровавой,
Ко то ли плахѣ поганой,
Вырываетъ царевича у Малюты,
У Малюты злодѣя Скурлатовича,
Онъ беретъ его за бѣлы руки,
70. Приводитъ его на царскій дворъ.
А тутъ Грозный царь
Иванъ сударь Васильевичъ возрадовался,
Онъ на шеюшку царевичу кидался,
А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
75. „А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
„А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
„Ты бери у меня что вздумаешь,
„Со конюшни ли что ни лучшаго коня,
„Съ царскихъ плечъ моихъ шубу кунью,
80. „Золотой ли казны сколько надобно.“
Какъ возговорить честной бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычъ:
— Ой ты гой еси, Государь Царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
85. — Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
— Не хочу я твоей золотой казны;
— Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
— Повели мнѣ его, сударь казнити.—

10. Смерть Грознаго.

Охъ вы, горы, горы крутыя!
Охъ вы, головы златыя православныхъ церквей!
Охъ, косящеты окошки царскихъ теремовъ!
Какъ во теремѣ живетъ православный царь,

5. Православный царь Иванъ Васильевичъ;
Онъ грозёнъ, батюшка, и милостивъ,
Онъ за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ.
Ужъ настали годы злые на Московскій народъ,
Какъ и сталъ православный Царь грознѣй прежняго,
10. Онъ за правду—за неправду дѣлалъ казни лютыя.
Какъ восплачется народъ русскій на Грознаго царя.
Переставился Грозной царь на восьмидесятомъ году,
А сынъ его Ѳеодоръ сталъ Русью управлять.

11. Гришка Разстрига.

Здѣсь многія историческія черты сохранены вѣрно пѣсней, начинающія съ подозрѣній, которыя внушилъ Лжедмитрій москвичамъ своими отступленіями отъ исконныхъ русскихъ обычаевъ (Пѣсня очень тщательно подчеркиваетъ и свадьбу наканунѣ пятницы и Николаина дня, и скромное кушанье въ постный день), кончая подробностями смерти самозванца, дѣйствительно спасавшагося изъ дворца черезъ окно и искавшаго защиты у стрѣльцовъ.

- Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый!
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался?
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго Разстригу Гришку Отрепьева.
5. Уже ли онъ, Разстрига, на царство сѣлъ,
Называется Разстрига прямымъ царемъ,
Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ.
Не долго Разстрига на царствѣ сидѣлъ,
Похотѣлъ Разстрига жениться;
10. Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ, Разстрига, въ проклятой Литвѣ,
У Юрья пана Сендомирскаго
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу, безбожницу.
15. На вешній праздникъ Николинъ день,
Въ четвергъ у Разстриги свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день:...
Выходитъ Разстрига на Красный крылецъ,
Кричитъ, реветъ зычнымъ голосомъ:
20. „Гои еси, ключники мои, приспѣшники!
„Приспѣвайте кушанье разное,
„А и постное, и скромное;
„Заутра будетъ ко мнѣ гость дорогой,
„Юрья панъ со паньей“.

25. А втапоры стрѣльцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
Въ Боголюбовъ монастырь металися
Къ царицѣ Марѣѣ Матвѣевнѣ:
„Царица ты, Марѣя Матвѣевна!
30. „Твое ли это чадо на царствѣ сидить,
„Царевичъ Димитрій Ивановичъ?“
А втапоры царица Марѣя Матвѣевна заплакала
И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
„А глупы стрѣльцы вы, недогадливы!
35. „Какое мое чадо на царствѣ сидить?
„На царствѣ у васъ сидить
„Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
„Потерянь мой сынъ Царевичъ Димитрій Ивановичъ
„На Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыхихъ;—
40. „Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
„У чудной Софіи премудрыя¹⁾);—
„У того ли-то Ивана Великаго
„Завсегда звонять въ Царь-колсколь,
„Соборны попы собираются,
45. „За всякіе праздники совершаютъ панихиды
„За память царевича Димитрія Ивановича,—
„А Годуновыхъ бояръ проклинаятъ завсегда“.
Тутъ стрѣльцы догадалися:
Всѣ они собиралися,
50. Ко Красному царскому крылечку металися,
И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
Гришка Разстрига догадается,
Самъ въ верхни чердаки убирается,
И накрѣпко запирается;
55. А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася,
И изъ полать вонъ она вылетѣла.
А Гришка Разстрига втапоры догадливъ былъ,
Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острия
60. Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ;
И тутъ ему такова смерть случилась.

¹⁾ Храмъ св. Софіи попалъ въ Москву по привычной ассоціаціи такого храма со многими излюбленными городами нашего эпоса: св. Софія была и въ Царьградѣ, и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ.

12. Пѣсня царевны Ксеніи Борисовны.

Эта пѣсня, какъ и предыдущая, были записаны въ Москвѣ въ началѣ 17 в. для члена англійскаго посольства, Ричарда Джемса. Въ исторіи народной поэзіи очень рѣдки такіе случаи, когда пѣсня могла быть записана всего нѣсколько лѣтъ спустя послѣ событія, по поводу котораго она возникла. Помимо этой свѣжести, пѣсня о Ксеніи интересна также общимъ характеромъ своимъ: это — лирическій плачь, причитанье начала 17 в. Параллелизмъ начала (плачень бѣлая перепелка о гибели гвѣзда, плачень на Москвѣ царевна) представляетъ собой поэтическій приѣмъ, очень типичный для первобытной лирической поэзіи.

- Всплачется мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
„Охти мнѣ молодѣ горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
5. Мое гвѣздышко разорити,
Мои малыя дѣти побити,
Меня пелепелку поимати“.
Всплачется на Москвѣ царевна:
„Охти мнѣ молодѣ горевати,
10. Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ Розстрига,
Что хочеть меня полонити
А полонивъ меня, хочеть постричи,
Чернеческій чинъ наложити.
15. Ино мнѣ постричи ся не хочеть,
Чернеческаго чину не сдержати:
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити.
Ино охъ, милые наши переходы!
20. А кому будетъ по васъ да ходити,
Послѣ царскаго нашего житья,
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы!
А кому будетъ въ васъ да сѣдѣти,
25. Послѣ царскаго нашего житья,
И послѣ Бориса Годунова?“
А заплачется на Москвѣ царевна,
Бориса дочь Годунова:
„Ино Боже, Спасъ милосердый!
30. За что наше царство загибло?
За батюшково ли согрѣшенье,

- За матушкино ли немоленье?
А свѣты вы наши—высокіе хоромы!
Кому вами будетъ владѣти,
35. Послѣ нашего царскаго житья?
А свѣты браные убрусы!
Береза ли вами крутити?
А свѣты золоты ширинки!
Лѣсы ли вами дарити?
40. А свѣты яхонты-сережки!
На сучье ли васъ задѣвати,
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова представленья,
А свѣта Бориса Годунова?
45. А что ѣдетъ къ Москвѣ Розстрига,
Да хочеть теремы ломати,
Меня хочеть царевну поимати,
А на Устюжну на Желѣзаную отослати,
Меня хочеть царевну постричи,
50. А въ рѣшетчатый садъ засадити.
Ино охти мнѣ горевати,
Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
У игуменьи благословиться.

13. На рожденіе Петра Великаго:

- Какъ да свѣтель, радошень
Въ Москвѣ благовѣрный царь
Алексѣй царь Михайловичъ:
Народилъ Богъ ему сына царевича,
5. Петра Алексѣевича,
Перваго Императора
По землѣ все-то русскія.
Какъ плотники—мастеры
Во всю ноченьку нѣ спали,
10. Колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу.
А и нянюшки-мамушки,
Сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку нѣ спали,
15. Шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату
Онѣ краснымъ золотомъ.

- Тюрьмы съ покаянными
Онъ всѣ распушались,
20. А и погребы царскіе
Они всѣ растворялися.
У царя благовѣрнаго
Еще пиръ и столъ на радости,
А князи собиралися,
25. Бояра съѣзжались,
И дворяна сходилися,
А все народъ Божій.
На пиру пьютъ—ѣдятъ, прохлажаются.
Во весельи, въ радости
30. Не видали, какъ дни прошли
Для младого царевича,
Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.

14. Про французовъ въ 1812 году.

- Не пыль во полѣ пылить,
Не дубровушка шумить:
Французъ съ арміей валить.
Онъ валить таки, валить,
5. Самъ подваливаетъ;
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
„Еще много генераловъ
Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
10. Всеѣ матушку Россеюшку
Въ полонъ себѣ возьму;
Въ полонъ себѣ возьму;
Въ каменнѣ Москву зайду“.
Генералы испугались,
15. Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
„Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ,
Не видать тебѣ, злодѣю,
20. Бѣлокаменныхъ церквей,
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ“.

26. ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

1. Стихъ о Голубиной книгѣ.

Здѣсь предлагаются четыре образчика духовныхъ стиховъ различныхъ типовъ. Первый стихъ о Голубиной книгѣ основанъ на нѣсколькихъ старыхъ византійскихъ апокрифахъ, которыя въ свою очередь вобрали въ себя многое изъ устныхъ народныхъ сказаній; въ ближайшей связи съ стихомъ о Голубиной книгѣ стоятъ апокрифы: 1) Повѣсть града Иерусалима (иначе—Бесѣда Иерусалимская или еще—Повѣсть о Волотѣ Волотовичѣ); 2) Вопросы Іоанну Богослову Господу на Фаворской горѣ и 3) Бесѣда трехъ Святителей. Второй стихъ о Страшномъ Судѣ относится къ разряду очень позднихъ; онъ несомнѣнно книжнаго происхожденія; такихъ стиховъ писали множество питомцы югозападныхъ схоластическихъ школъ въ XVII в.; ихъ называютъ *кантами* или *псалмами*. Третій стихъ о нищей братіи, очевидно, сложенъ въ той самой средѣ, интересамъ которой онъ посвященъ; для него до сихъ поръ не найдено никакого литературнаго источника.

Послѣдній стихъ, изображающій аскетическое порываніе юной души въ пустыню, источникомъ своимъ имѣетъ повѣсть восточнаго происхожденія о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Сюжетъ идетъ изъ Индіи, гдѣ онъ представлялъ эпизодъ изъ житія Будды; передѣлка его на христіанскія понятія приписывается Іоанну Дамаскину. Народный стихъ этотъ, восхваляющій пустыню и уединеніе, прекрасно подошелъ къ настроенію раскольниковъ, когда имъ пришлось спасаться отъ преслѣдованій правительства въ XVII и XVIII вв.; они усвоили его и разработали во многихъ вариантахъ. Разговоръ съ пустыней царевича Асафа (Алисахвей, Олексафій) составляетъ собственно часть сюжета: ему предшествуетъ исторія обращенія царевича къ аскетическому образу мыслей подъ влияніемъ старца Варлаама; этотъ эпизодъ тоже имѣется въ формѣ стиха поздняго происхожденія.

Духовные стихи составляютъ обычный и излюбленный репертуаръ слѣпыхъ пѣвцовъ, которые нерѣдко встрѣчаются и теперь по всей Россіи на ярмаркахъ и церковныхъ праздникахъ, особенно у монастырей. Во многихъ мѣстахъ (къ югу отъ средней Россіи) они обыкновенно поютъ подъ аккомпанементъ трехструнной „лиры“, почему и зовутся „лирниками“.

Восходила туча сільна, грозная;

Выпадала книга Голубиная;

И не малая, не великая:

Долинѣ книга сорокѣ сажень.

5. Поперечины двадцати сажень.

Ко той книгѣ ко божественной

Соходилися, соѣжались

- Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
10. Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкихъ,
Христіанъ православныхъ.—
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришѣтнется.
15. Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ:
До Божьей до книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Всѣ божественное писаніе ему объявляется.
20. Ещё приходилъ ко книгѣ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ.
Возгворилъ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ;
„Ой ты гой еси, премудрый царь,
25. „Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ!
„Прочти, сударь, книгу Божію!
„Объяви, сударь, дѣла Божіи;
„Про наше житіе про свято-Русское,
„Про наше житіе свѣту вольнаго!—
30. „Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
„Отъ чего у насъ солнце красное?
„Отъ чего у насъ младъ свѣтѣль мѣсяцъ?
„Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
„Отъ чего у насъ ночи тѣмныя?
35. „Отъ чего у насъ зори утренни?
„Отъ чего у насъ вѣтры буйныя?
„Отъ чего у насъ дробѣнь дождѣкъ?
„Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
„Отъ чего наши помыслы?
40. „Отъ чего у насъ мръ-народъ?
„Отъ чего кости крѣпкія?
„Отъ чего тѣлеса наши?
„Отъ чего кровь-руда наша?“—
Возгворить премудрый царь,
45. Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ:
„Ой ты гой еси, Володимиръ князь,
„Володимиръ князь Володимировичъ!
„Не могу я прочесть книгу Божію!
„Ужъ мнѣ честь книгу, не прочесть Божью:

Рис. 13. Лирникъ въ Киевской губерни.

50. „Эта книга не малая,
„Эта книга великая!
„На рукахъ держать — не сдержать будетъ;
„На налое положить Божій, — не уложится.
„Я по старой по своей памяти
55. „Разкажу вамъ, какъ по грамотѣ:
„У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда
Божья;
„Солнце красное отъ лица Божьяго,
„Самого Христа Царя Небеснаго;
„Младъ свѣтѣль мѣсяць отъ груди его;
60. „Звѣзды частыя отъ ризъ Божинхъ;
„Ночи тѣмныя отъ думъ Господнихъ;
„Зори утренни отъ очей Господнихъ;
„Вѣтры буйныя отъ Свята Духа;
„У насъ умъ-разумъ Самого Христа,
65. „Самого Христа, Царя Небеснаго;
„Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
„У насъ мѣръ-народъ отъ Адамія;
„Кости крѣпкія отъ камени;
„Тѣлеса наши отъ сырой земли;
70. „Кровь-руда наша отъ черна моря“.
Возгворитъ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ:
„Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ!
„Скажи ты намъ, проповѣдай:
75. „Который царь надъ царями царь?
„Который городъ городамъ отецъ?
„Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?
„Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
„Кое древо всѣмъ древамъ мати?
80. „Коя трава всѣмъ травамъ мати?
„Которое море всѣмъ морямъ мати?
„Коя рыба всѣмъ рыбама мати?
„Коя птица всѣмъ птицама мати?
„Который звѣрь всѣмъ звѣряма отецъ?“
85. Возгворитъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ:
„У насъ бѣлый царь надъ царями царь“.
— „Почему жъ бѣлый царь надъ царями царь?“—
„И онъ держитъ вѣру крещѣную,
90. „Вѣру крещѣную, богомольную;

- „Стоить за вѣру Христіанскую,
„За домъ Пресвятыя Богородицы.
„Всѣ орды ему преклонилися,
„Всѣ языцы ему покорилися.
95. „Потому бѣлый царь надъ царями царь.—
„Іерусалимъ городъ городамъ отецъ“.
— „Почему тотъ городъ городамъ отецъ?“
„Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
„Во томъ во градѣ во Іерусалимѣ
100. „Туть у насъ пупъ землѣ.—
„Соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати?“—
— „Почему же соборъ-церковь церквамъ мати?“—
„Стоить соборъ-церква посреди града Іерусалима;
„Во той во церкви во соборной
105. „Стоить престоль божественный:
„На томъ на престолѣ на божественномъ
„Стоить гробница бѣла каменная;
„Во той гробницѣ бѣлой каменной
„Почиваютъ ризы Самогó Христа,
110. „Самогó Христа Царя Небеснаго.
„Потому соборъ-церква церквамъ мати.—
„Іорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати“.
— „Почему Іорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?“—
„Окрестился въ ней Самъ Иусъ Христось,
115. „Со силою съ небесною,
„Со ангелами со хранителями,
„Со Іоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ,
„Потому Іорданъ всѣмъ рѣкамъ мати.—
„Ѡаворъ гора всѣмъ горамъ мати“.
120. — „Почему Ѡаворъ гора горамъ мати?“—
„Преобразился на ней Самъ Иусъ Христось,
„Иусъ Христось, Царь Небесный, свѣтъ,
„Съ Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковомъ,
„Съ двунадесятью Апостолами:
125. „Показаль славу ученикамъ Своимъ.
„Потому Ѡаворъ гора горамъ мати.—
„Кипарисъ дерево всѣмъ древамъ мати“.
— „Почему то древо всѣмъ древамъ мати?“—
„На томъ дрѣвѣ на кипарисѣ
130. „Объявился намъ животворящій крестъ,
„На томъ на крестѣ на животворящемъ
„Распятъ былъ Самъ Иусъ Христось,

- „Исусъ Христосъ, Царь Небесный, свѣтъ.
„Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати.—
135. „Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати“.
— „Почему плакунъ всѣмъ травамъ мати?“ —
„Когда жидовья Христа рѣспяли,
„Святую кровь Его прѣлили,
„Мать Пречистая Богородица
140. „По Исусу Христу сильно плакала,
„По Своемъ Сыну по возлюбленномъ,
„Ронила слезы пречистыя
„На матушку на сырую землю;
„Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыхъ
145. „Зарождалася плакунъ-трава.
„Потому плакунъ-трава травамъ мати ¹⁾.—
„Океанъ море всѣмъ морямъ мати“.
— „Почему Океанъ всѣмъ морямъ мати?“ —
„Посреди моря Океанскаго
150. „Выходила церковь соборная,
„Соборная, богомольная,
„Святаго Климента Попá Римскаго: ²⁾.
„На церкви главы мраморныя,
„На главахъ кресты золотые.
155. „Изъ той изъ церкви изъ соборной,
„Изъ соборной, изъ богомольной,
„Выходила Царица Небесная;
„Изъ Океана моря Она умывалася,
„На соборъ-церковь Она Богу молилася.
160. „Отъ того Океанъ всѣмъ морямъ мати.—
„Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати“.
— „Почему же Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати?“ —
„На трехъ рыбахъ земля основана:
„Какъ Китъ-рыба потронется,
165. „Вся земля всколебается.
„Потому Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.

¹⁾ И теперь сухія ягоды одного растенія, изъ которыхъ дѣлаютъ четки, называются „Богородицыными слезками“.

²⁾ Мѣсто объясняется церковнымъ преданіемъ о Климентѣ, папѣ Римскомъ, при Траянѣ брошенномъ въ Корсуни въ Черное море. Мощи его, по этому преданію, вышли изъ глубины моря на поверхность въ IX в. и были перевезены въ Римъ первоучителемъ Кирилломъ. Само собою разумѣется, что слово „Океанъ“ здѣсь не имѣетъ опредѣленнаго географическаго значенія; оно означаетъ тотъ легендарный „Океанъ-море“, который по стариннымъ космографическимъ книгамъ (напр. по Козьмѣ Индикоплову) и по сказкамъ окружаетъ всю землю.

- „Основана земля Святымъ Духомъ,
„А содержана Словомъ Божиимъ.—
„Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати“ ¹⁾.
170. — „Почему она всѣмъ птицамъ мати?“—
„Живётъ Стратимъ-птица на Океанѣ-морѣ,
„И дѣтей производитъ на Океанѣ-морѣ.
„По Божьему всё повелѣнію,
„Стратимъ-птица вострепѣнется,
175. „Океанъ море восколѣхнется;
„Топить она корабли гостинные
„Со товарами драгоцѣнными.
„Потому Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати.—
„У насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ“ ²⁾.
180. — „Почему Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?—
„Ходитъ онъ по подаемелю,
„Пропускаетъ рѣки, кладязи студѣные.
„Живетъ онъ во святой горѣ,
„Пьетъ и ѣсть во святой горѣ.
185. „Куды хочеть, идетъ по подзѣмелью,
„Какъ солнушко по поднѣбесью,
„Потому же у насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ
отецъ“.—

- Возгворилъ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ:
190. „Ой ты гой еси, премудрый царь,
„Премудрый царь Давыдъ Есеевичъ!
„Мнѣ ночѣсь, сударь, мало спалось;
„Мнѣ во снѣ много видѣлось:
„Кабы съ той страны со восточной,
195. „А съ другой страны съ полудѣнной,
„Кабы два звѣря собиралися,
„Кабы два лютые собѣгалися;
„Промежду собой дралися, билися;

¹⁾ Стратимъ (иногда Страфиль) есть искаженное греческое название страуса; въ томъ, что приписано этой птицѣ, звучать отголоски сказанія объ алконостѣ (см. выше № 12 изъ Матицы Златой).

²⁾ Этотъ звѣрь называется въ разныхъ вариантахъ стиха и въ апокрифахъ еще индра, вындрикъ, индрокъ, инорогъ. И названіе, и свойства звѣря заставляютъ думать о смѣшеніи двухъ животныхъ съ баснословными свойствами: 1) единорога (носорога); кубокъ изъ его рога предохраняетъ отъ отравы, размельченный въ порошокъ рогъ принимали отъ болѣзней (инороговъ песокъ); 2) греческаго баснословнаго животнаго гидры, имѣвшаго отношеніе къ водѣ. „Пропускаетъ“—значитъ даетъ ходъ подземнымъ ключамъ и рѣкамъ или задерживаетъ ихъ.

- „Одинъ одного звѣрь одолѣть хочеть“.—
200. Возгворилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ:
„Это не два звѣря собиралися,
„ Не два лютые собѣгалися;
„ Это кривда съ правдою соходилися,
205. „Промежду собой бились, дрѣлися;
„ Кривда правду одолѣть хочеть.
„ Правда кривду переспорила.
„ Правда пошла на небеса,
„ Къ Самому Христу, Царю Небесному;
210. „А кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
„ По всей землѣ по свѣтъ — Руской,
„ По всему народу Христіанскому.
„ Отъ кривды земля восколебалася.
„ Отъ того народъ весь возмущается;
215. „Отъ кривды сталъ народъ неправильный,
„ Неправильный сталъ, злопамятный:
„ Они другъ друга обмануть хотять;
„ Другъ друга поѣсть хотять.
„ Кто будетъ кривдой жить,
220. „Тотъ отчаянный отъ Господа;
„ Та душа не наслѣдуетъ себѣ царства небеснаго;
„ А кто будетъ правдой жить,
„ Тотъ причаянный ко Господу;
„ Та душа наслѣдуетъ себѣ царство небесное“.—
225. Старымъ людямъ на послушанье;
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поёмъ Давыду Ессеевичу,
Во вѣки его слава не минуется!

2. О Страшномъ Судѣ.

- Плачу ся и ужасаю,
Егда онъ часъ помышляю,
Какъ прїидеть Судья правый
Въ божествѣ своя славы
5. Судъ праведный судити
И страшный отвѣтъ творити.
Тогда земля потрясется,
Каменіе распадется;
Тогда небеса погибнуть

10. И звѣзды на землю падуть;
Рѣка огненна потечеть
И всяку тварь въ себѣ пожретъ.
Ангелы въ трубы затрубятъ,
Мертвыхъ отъ гробовъ возбуждять,
15. И равны возрастомъ стануть
Предъ тѣмъ судищемъ Христовымъ.
Ангели престолъ поставятъ,
Приходъ Судіи прославятъ.
Апостоли, вси пророци,
20. Святители, мученици,
Патріарси и праведніи,
Преподобніи и святіи
Около будутъ стояти,
На нечестивыхъ взирати.
25. Охъ, какъ стерпимъ страха того,
Какъ явимся лицу Его!
Тогда на всѣхъ возопіетъ,
А на грѣшныхъ отвѣщаетъ:
„Идите тамъ, проклятыя,
30. До тьмы и муки вѣчныя!
Тамъ вамъ пропасть пекельная,
Бѣда и мука вѣчная.“
Того насъ, Христе, сохрани,
Отъ тѣхъ насъ мукъ избави,
35. Боже, отъ Дѣвы рожденный
И ко кресту пригвожденный!

3. О Христовѣ Вознесеніи.

Стихъ „о Христовѣ Вознесеніи“ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнъ. Это — чисто крестьянское произведеніе. Здѣсь наши свое отраженіе два крестьянскихъ взгляда: 1) взглядъ на нищаго, 2) взглядъ на знатное и властное боярство. Крестьянскій взглядъ на нищаго существенно отличается отъ взгляда образованнаго общества: крестьянинъ въ нищемъ гораздо больше видитъ своего брата, онъ больше чувствуетъ возможность самому впасть въ подобное же положеніе; онъ много проще смотритъ на нищенство и гораздо ближе къ нему стоитъ; подача милостыни „несчастному“, „убоному“ чело-вѣку для крестьянина есть душевное религіозное дѣло, и этотъ крестьянско-христіанскій взглядъ, это оправданіе „идущихъ по міру Христовымъ именемъ,“ въ стихѣ выражены очень цѣльно.

Чисто крестьянское, можетъ быть, и болѣе позднее воззрѣніе на боярство звучитъ также въ оцѣнкѣ Іоанномъ Златоустымъ предло-

женія Христа, Царя небснаго. Языкъ стиха необыкновенно искренень и сердечень.

- Среди было теплаго лѣта,
Наканунѣ Вознесенія Христова,
Расплакалась нищая братья:
„Гой еси Христось, Царь Небесный!
5. На кого-то ты насъ оставляешь?
На кого-то ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить-кормить станеть,
Одѣвати станеть, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?“
10. Проглаголетъ Христось Царь Небесный:
„Не плачьте вы, нища братья!
Дамъ я вамъ, нищимъ-убогимъ,
Гору крутую — золотую.
Умѣйте горою владати,
15. Промежду собой раздѣляти;
Будете вы сыты и довольны,
Обуты и одѣты,
И отъ темныя ночи приукрты.“
Проглаголетъ Іоаннъ Златоустый:
20. „Гой еси Христось, Царь Небесный!
Благослови меня слово промолвить
За нищую братью, за убогую:
Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору, золотую;
25. Не умѣть имъ горою владати,
Не умѣть имъ золотыя поверстати,
Промежду собой раздѣляти.
Зазнають гору князи и бояра,
Зазнають гору пастыри и власти,
30. Зазнають гору торговые гости;
Отоймутъ у нихъ гору крутую,
Отоймутъ у нихъ гору золотую;
По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстають.
35. Да нищую братью не допустятъ;
Много у нихъ будетъ убійства,
Много у нихъ будетъ кроволитства,
Промежду собой уголовствія;
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,

40. Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися
И отъ темныя ночи пріукрытися.
Дадимъ мы нищимъ-убогимъ
Имя Твое святое:
Будуть нищіе по міру ходити,
45. Тебя, Христа величати,
Въ каждой часъ прославляти;
Будуть они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.“
50. Проглаголетъ Христось Царь Небесный:
— „Исполать тебѣ, Іоаннъ Златоустый!
Умѣль ты словечко промолвить
За нищюю за братью, за убогую;
Да вотъ тебѣ уста золотыя.“—
55. Мы пѣснь поемъ: аллилуйя!

4. Стихъ объ Асафѣ Царевичѣ.

- Во прекрасной во пустынь,
Во зеленой во дубравѣ,
Я пойду же, разгуляюсь.
— Моя матушка вторая,
5. — Ты, прекрасная пустыня!
— Со премногими грѣхами
— Со горячими слезами,
— Пріими меня, пустыня,
— Аки мати свое чадо,
10. — На свои то бѣлы руки;
— Научи мя на вся благо
— Волю Божію творити,
— Мнѣ-ка Богу молиться
— За младыя свои лѣта,
15. — За премногая согрѣшенья.
Отвѣщаетъ мати пустыня
Архангельскимъ своимъ гласомъ:
„Охъ ты, младый еси юношъ,
„Сынъ Асафій, свѣтъ царевичъ!
20. „У меня же во пустынь
„Нѣту сладкія-то пици,
„У меня же во пустынь
„Нѣту питья медвянаго,

- „У меня же во пустынь
25. „Нѣту свѣтлаго платья,
„У меня же во пустынь
„Нѣту царскія полаты,
„У меня же во пустынь
„Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить,
30. „У меня же во пустынь
„Тебѣ не съ кѣмъ разгуляться.“
Отвѣщаетъ младый юношъ,
Сынъ Асафій, свѣтъ царевичъ:
— Охъ ты, матушка моя вторая,
35. — Ты прекрасная пустыня!
— Не стращай мя своимъ страхомъ,
— Да не въ радость будетъ врагомъ;
— Я того ищу, желаю:
— Мнѣ-ка сладкая то пища —
40. — Мнѣ гнилая-то колода;
— Мнѣ-ка питье медвяное —
— И горькая вода болотная;
— Мнѣ-ка цвѣтное платье —
— И сія же черная схи́ма;
45. — Мнѣ-ка царская палата —
— Сія же малая хижа;
— Мнѣ-ка слово-то промолвить
— Со тобою, со пустыней,
— Я пойду же, разгуляюсь
50. — По зеленой дубравѣ“.
Отвѣщаетъ мать пустыня
Архангельскимъ своимъ гласомъ:
„Охъ ты млада сей юноша,
„Сынъ Асафій, свѣтъ царевичъ!
55. „Какъ придетъ же весна красная,
„Налетятъ же да съ моря пташки,
„Горегорькія кокушки;
„Онѣ стануть коковати,
„Жалобно будутъ причитати,
60. „А ты станешь тосковати,
„И ты станешь слезно плакать“.

Въ другихъ вариантахъ стихъ заканчивается увѣреніемъ Асафа царевича, что онъ устоитъ противъ всѣхъ искушеній и останется вѣренъ пустынь.

27. Сказки ¹⁾.

1. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

У мужика съ медвѣдемъ была большая дружба. Вотъ и вздумали они рѣпу сѣять; посѣяли и начали уговариваться, кому что братъ. Мужикъ сказааль: „Мнѣ корешокъ, тебѣ, Миша, вершокъ“. Выросла у нихъ рѣпа; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша—вершки. Видитъ Миша, что ошибся, и говоритъ мужику: „Ты, братъ, меня надуль! Когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужъ меня такъ не проведешь“. Прошелъ годъ. Мужикъ и говоритъ медвѣдю: „Давай, Миша, сѣять пшеницу“.—„Давай“, говоритъ Миша. Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница; мужикъ и говоритъ: „Теперь ты что возьмешь, Миша? корешокъ али вершокъ?“—„Нѣтъ, братъ, теперь меня не надуешь! подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ“. Вотъ собрали они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ намолотилъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ, пришелъ къ Мишѣ и говоритъ ему: „Вотъ, Миша, какая верхушка-то!“—„Ну, мужикъ!“ говоритъ медвѣдь, „я теперь на тебя сердить, сѣмъ тебя!“ Мужикъ отошелъ и заплакалъ. Вотъ идетъ лиса и говоритъ мужику: „Что ты плачешь?“—„Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить? меня медвѣдь хочеть съѣсть“.—„Не бойся, дядя, не съѣстъ!“—и пошла сама въ кустья, а мужику велѣла стоять на томъ же мѣстѣ; вышла оттуда и спрашиваетъ: „Мужикъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ?“ А медвѣдь подошелъ къ мужику и говоритъ: „Ой мужикъ! не сказывай, не буду тебя ѣсть“.

¹⁾ При выборѣ сказокъ обращено было вниманіе на то, чтобы дать образцы самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ и типовъ сказки. Здѣсь предложены образчики животнаго эпоса (№ 1), сказокъ о падчерницѣ (№ 2), о трехъ братьяхъ съ героемъ—„дурнемъ“ въ особомъ смыслѣ (№ 3), на ряду съ этимъ есть сказка о подлинномъ дуракѣ „набитомъ“, (№ 10). № 4 даетъ сказку съ нравственной идеей о превосходствѣ правды; №№ 5 и 6 представляютъ сложные сюжеты о добываніи невестъ (сюда примыкаетъ и № 3) съ сложной цѣпью приключеній, причемъ во второй изъ нихъ есть особая оригинальность формы (отмѣченная въ примѣчаніи); № 7 основанъ на древнемъ суевѣрномъ отношеніи къ природѣ; № 9 соединяетъ вѣру въ нечистую силу и ея власть надъ человѣкомъ съ современной бытовой обстановкой; № 8 даетъ образчикъ такъ называемаго бродячаго сюжета. Наконецъ два послѣднихъ №№ представляютъ позднія сказки, проникнутыя народнымъ юморомъ, направленнымъ въ одномъ случаѣ на „барина“, въ другихъ—на различныхъ инородцевъ.

Мужикъ говорить лисѣ: „Нѣту!“ Лиса засмѣялась и сказала: „А у телѣги то, что лежитъ?“ Медвѣдь потихоньку и говорить мужику: „Скажи, что колода“.—„Кабы была колода“, отвѣчаетъ лиса: „она бы на телѣгѣ была увязана!“—а сама убѣжала опять въ кустья. Медвѣдь сказалъ мужику: „Свяжи меня и уложи въ телѣгу“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ лиса опять воротилась и спрашиваетъ мужика: „Мужикъ, нѣтъ ли у тебя тутъ волковъ-бирюковъ, медвѣдь?“—„Нѣту!“ сказалъ мужикъ.—„А на телѣгѣ-то что лежитъ?“—„Колода“.—„Кабы была колода, въ нее бы топоръ былъ воткнутъ!“ Медвѣдь и говорить мужику потихоньку: „Воткни въ меня топоръ“. Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, и медвѣдь издохъ. Вотъ лиса и говорить мужику: „Что теперь, мужикъ, ты мнѣ за работу дашь?“—„Дамъ тебѣ пару бѣлыхъ куръ, а ты неси—не гляди“. Она взяла у мужика мѣшокъ и пошла; неслала-несла и думаетъ: „Дай, погляжу“. Глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Собаки, какъ выскочутъ изъ мѣшка, да за нею. Лиса отъ нихъ бѣгла-бѣгла, да подъ пенекъ въ нору и ушла и, сидя тамъ, говорить съ собою: „Что вы, ушки, дѣлали?“—„Мы все слушали“.—„А вы, ножки, что дѣлали?“—„Мы все бѣжали!“—„А вы, глазки?“—„Мы все глядѣли“.—„А ты, хвостъ?“—„Я все мѣшалъ тебѣ бѣжать“.—„А, ты все мѣшалъ! Пстой же, я тебѣ дамъ!“—и высунула хвостъ собакамъ. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

(Записана въ Тамбовской губерніи).

2. М о р о з к о.

У мачихи была падчерица да родная дочка; родная, что ни сдѣлаешь, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица, какъ ни угождаетъ, ничѣмъ не угодить: все не такъ, все худо. А надо правду сказать, дѣвочка была золото—въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумить, да затихнетъ, а старая баба расходится—нескоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачиха падчерицу со двора согнать: „Вези, вези, старикъ, ее, куда хочешь, чтобъ мои глаза ее не видали, чтобъ мои уши о ней не слышали; да не вози къ роднымъ

въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ морозъ!“ Старикъ затужилъ-заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой—и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ въ сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая—трясется и тихонько молитву творить. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ—красной носъ!“ — „Добро пожаловать, Морозъ: знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную“. Морозъ хотѣлъ ее тукнуть и заморозить, но полюбились ему ея умныя рѣчи, жаль стало! Бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, подожмала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ—красной носъ!“ — „Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную“. Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу; онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокой да тяжелой, полный всякаго приданого. Усѣлась она въ шубочкѣ, на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ—красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ и золотомъ. Надѣла она, и стала какая красавица, какая нарядница. Сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачиха по ней поминки справляетъ: напекла блиновъ. „Ступай, мужъ! вези хоронить дочь“. Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: „Тявь! тявь! Старикову дочь въ златѣ, серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!“ — „Молчи, дура! на блинъ, скажи: „Старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ!“ Собачка съѣла блинъ, да опять: „Тявь! тявь! Старикову дочь въ златѣ, серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!“ Старуха и блины давала и была ея, а собачка все свое: „Старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!“

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокой, тяжелой, идетъ падчерица—панья-паньей сіяетъ! Мачиха глянула—и руки врозь. „Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на тоже поле, на тоже мѣсто“. Повезъ старикъ на тоже поле,

посадила на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ—красной нощю, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ. „Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!“ А собачка подъ столонъ: „Тявь! тявь! Старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везуть!“— „Не ври! на пирога, скажи: „старухину въ златѣ, въ серебрѣ везуть!“ Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣтъ (чатъ) дочь, да вмѣсто нея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно.

(Записано въ Курской губерніи).

3. Н о р к а - з в ѣ р ь .

(Приводится въ оригинальной записи, съ соблюденіемъ мѣстнаго говора).

Живъ сабѣ царь да царица. У нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. У царя бывъ звѣринецъ, у каторамъ множества (о) было разныхъ звѣрей. Въ етатъ звѣринецъ унадився ¹⁾ великій звѣрь.—Норка яго звали, богата рабивъ шкоды ²⁾: каждую ночь поѣдавъ звѣрей. Царь чаго не рабивъ—не могъ истребить яго; во упаслѣ ³⁾ съывая своихъ сыновъ, да и кажа ⁴⁾: „Хто истребить Норку-звѣря, дамъ тому палавину царства“. Во старшій и помався ⁵⁾: якъ только наступила ночь, іонъ взявъ аружіе и пашовъ; да не пашодши въ звѣринецъ, зайшовъ у трактиръ и тамъ прагулявъ цѣлаю ночь. Схамянувся ⁶⁾, якъ разсвядо, да поздно. Стыдно яму было передъ ацдомъ, да нечаго рабить. На другій день и средній братъ зрабивъ такжа; батько лаявъ-лаявъ ихъ да и переставъ.

Во на третій день собрався меньшій. Смѣялись всѣ з'яго, бо бувъ дурный, и яны думали, што іонъ ничего не зроя; а іонъ, узавши аружія, пашовъ прямо у звѣринецъ, да и сѣвъ надъ дерномъ ⁷⁾, штобъ якъ только начне засыпать, яны яго кальнули, іонъ (бы) и проснувся.

Уже звярнуло съ павночи ⁸⁾. Во застагнала земля; то

¹⁾ Повадился.

²⁾ Много причинялъ вреда.

³⁾ Потомъ, наконецъ.

⁴⁾ Говорить.

⁵⁾ Взяться.

⁶⁾ Спohватился.

⁷⁾ Колочій терновый кустъ.

⁸⁾ Послѣ полуночи; ночь своротила на вторую половину.

Норка-звѣрь бѣжитъ и прямо черезъ аграду въ звѣринець, бо такій бывъ великій. Царевичъ схамянувся, уставъ ¹⁾, перекрестився и пашовъ прямо на звѣря: іонъ назадъ, царевичъ за имъ, а дале бача ²⁾, што не догѣня пѣшкомъ, пабѣгъ у канюшню, узявъ самага лучшаго жеребца, да у пагоню: дагнавъ таго звѣря, да и давай бицца. Бились яны, бились. Царевичъ давъ звѣрю три раны. Во ў(о)бое выбились ізъ мочи, да и лягли аддыхать. Якъ только царевичъ заснувъ, звѣрь уставъ, да й на утѣки ³⁾. Конь будя царевича; іонъ схапився ⁴⁾ да у пагоню; догнавши изнова начали бицца. Царевичъ и тутъ зрабивъ звѣрю три раны, а далѣ лягли отдыхать. Звѣрь утѣкъ: царевичъ, догнавши, знова зрабивъ три раны: а далѣ, якъ у четвертый разъ ставъ даганяты, звѣрь добѣгъ да великаго бѣлаго камня, паднявъ яго и пашовъ на теѣ свѣтъ, сказавши царевичу: „Тагда мене пабѣдишь, якъ сюда придешь“.

Царевичъ паѣхавъ и разказавъ аццу свайму все и прасивъ яго, штобъ іонъ вялѣвъ звить кожаный канатъ, такій довгий ⁵⁾, штобъ доставъ да таго свѣту. Атець вялѣвъ. Якъ зрабили канатъ, царевичъ, забравши своихъ братовъ, набравши слугъ и всяго, што треба было на цѣлый годъ, паѣхавъ туда, гдѣ звѣрь пашовъ подъ камень. Пріѣхавши, яны пастроили тамъ дворець и стали жить. Приготовились: мѣньшій братъ и кажа старшимъ: „Ну, братцы! хто падыма сей камень?“

Ни адинъ и з'мѣста не двинувъ, а іонъ якъ хвативъ, дакъ камень далеко полетѣвъ, а бувъ вяликій, вяликій—з'гару. Кинувши камень, іонъ изнова и кажа братамъ: „А хто паидя на теѣ свѣтъ пабивать Норку-звѣря?“ Ни адинъ не взявъ; іонъ, насмѣявся надъ ими, што яны трусы, гавѣря: „Ну, братцы! прощайта; апускайта мене на теѣ свѣтъ, а самы не отходтя адъ сяго мѣста, и якъ только закалишитца канатъ—тащитя“. Браты апустили яго.

Ачнувшись на томъ свѣтъ, падъ землю, царевичъ пашовъ; ишовъ да ишовъ, дивицца ⁶⁾ ажъ ходя конь въ богатой збруѣ и кажа ему: „А зрастуй (здравствуй) Иванъ-царевичъ; долга я дажидавъ тебе!“ . Іонъ сѣвъ на таго

1) Всталъ.

2) Видитъ.

3) Пустился бѣжать (на утѣкъ).

4) Вскочилъ.

5) Длинный.

6) Смотритъ.

коня и паѣхавъ; ѣдя да ѣдя, глядять, ажъ станть мѣд-
ный дворець. Іонъ взѣхавъ на дворъ, привязавъ коня,
да и пашовъ у комнаты. Тамъ наготована обѣдать: іонъ
сѣвъ, паабѣдавъ, пашовъ у спальню; тамъ постель, и іонъ
легъ аддыхать. Во приходя панночка, да такая красивая,
што не здумать, не згадать, толька въ казцѣ ¹⁾ сказать, да
и кажа: „Хто въ маемъ домѣ—азавися: кали старый—
будешь батюшка, кали среднихъ лѣтъ—братъ, а кали ма-
ладой—мужъ любезный; а кали женщина (да) старая—
будешь бабушка, среднихъ лѣтъ—матушка, а кали мала-
дая—сестра родная“. Іонъ вышавъ. Яна, якъ побачила ²⁾
яго, взрадавалась да и кажа: „чаго Иванъ-царевичъ (мужъ
ты будешь любезный), чаго суда приѣхавъ?“. Іонъ расска-
завъ ей, што и якъ. Яна и кажа: „Теѣ звѣрь, што ты
хочешь пабѣдить, мой братъ. Іонъ теперь у средняѣ ся-
стры, што живе недалеко отсуда въ серебряномъ дворцѣ:
я яму залячила три раны, што ты зрабивъ“.

Во упаслі сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали ³⁾,
а далѣ царевичъ, папращавшись, паѣхавъ да другой ся-
стры, што въ серебряномъ дворцѣ, и въ той также пага-
стивъ. Яна сказала яму, што братъ еѣ Норка тяперь у
мѣньшай сястры. Іонъ паѣхавъ да мѣньшай, што жила въ
залатомъ дворцѣ. Ета сказала яму, што братъ яѣ тяперь
спить на синѣмъ морѣ, а далѣ дала ему напицца сильнай
воды, дала мечъ-кладенець и сказала, штобъ іонъ рубавъ
галаву брату адъ разу⁴⁾. Іонъ, выслухавши ета, паѣхавъ.
Приѣзжая царевичъ къ синяму морю, дивница—ажъ спить
Норка на камнѣ, на серединѣ моря, и якъ храпнѣ — адъ
таго на семь верстѣ ажъ вална бѣе. Іонъ перекрестився,
падѣхавъ къ яму, ударивъ мечомъ па галавѣ. Галава
адскачила, да и кажа: „Ну, тяперь жа я пропавъ!“, а далѣ
и павалився у море.

Убивши звѣря, царевичъ вярнувся, пабравъ всѣхъ трехъ
сястеръ съ сабою, штобъ вывести ихъ на етатъ свѣтъ; бо
всѣ яго любили и не хатѣли з'ѣмъ растаца. Каждая изъ
ихъ изъ свайго дворца зрабила яичко (бо были валшеб-
ницы); яго научили, якъ изъ яичка зрабить дворець и
наабаротъ, аддали яму яички и пашли къ таму мѣсту, гдѣ
треба было подымацца на сеѣ свѣтъ. Якъ пришли яны къ

¹⁾ Въ сказкѣ.

²⁾ Увидала.

³⁾ Имѣли.

⁴⁾ Съ одного удара.

канату, царевичъ посадивъ дѣвушекъ, дерганувъ за канатъ; іонъ закалѣхався, браты потащили. Якъ вытащили да пабачили диковинныхъ красавицъ, аташли адъ ихъ, да и кажутъ: „Пустимъ канатъ, падымемъ брата, канатъ перярѣжимъ: нехай убьецца, а то іонъ намъ не дастъ сихъ красавицъ замужъ“. Во, сгаварившись, пустили канатъ; братъ бывъ не промахъ, догадався, што братья думаютъ, узавъ да и палаживъ камень, дерганувъ; братья падняли яго высбка, да и перярѣзали канатъ. Той камень упавъ и разбився. Іонъ заплакавъ да и пашовъ.

Ишовъ-ишовъ царевичъ. Во якъ поднялась буря, заблискала маланья, загремѣвъ громъ, поливая дождь. Іонъ пришовъ къ деряву, штобъ захавацца ¹⁾ подъ имъ; глядять, ажъ на томъ дерявѣ маленькія птушки ²⁾ савсѣмъ измокли; іонъ и знявъ съ себе адѣжу, да и накрывъ ихъ, а самъ сѣвъ падъ деревьямъ. Кали лятить птица, да такая вяликая, што и свѣтъ затмився: то было тѣмна, а то яще патямнѣло. То матка тыхъ птушакъ, што накрывъ царевичъ. Прилятѣвши, тая птица якъ пабачила, што яѣ дятѣнашы адѣты, и кажа: „Хто накутавъ ³⁾ маихъ птушакъ?“. А далѣ, пабачивши царевича и кажа: „Ето ты зрабивъ? спасибо тябѣ. Чаго хочешь, праси адъ мене за ета: все сдѣлаю для тебѣ!“ Іонъ кажа: „Выняси мѣне на тей свѣтъ“. Яна гаворя: „Зраби жъ ты вяликіѣ засѣкъ ⁴⁾, налави всякой дичи, да накидай туда, а въ другую палавину наліѣй вады, штобъ было чимъ мене кармить“. Царевичъ все зрабилъ. Тая птица, взявши етатъ засѣкъ на сябе,—а царевичъ сѣвъ у серядинѣ,—палятѣла. Лятѣвши—чи багата, чи мала ⁵⁾—вынесла его, папращалась и палятѣла; а іонъ пашовъ, да и приставъ къ аднаму партному у хлопцы ⁶⁾; такіѣ іонъ бывъ абодранныѣ, такъ перемѣнився, што и не въ дамекъ, што царскіѣ сынъ. Ставши у таго хозяина за работника, царевичъ начавъ распрашувать, што у ихъ царствѣ и якъ? Той хазяинъ и кажа: „Наши два царевича (бо третіѣ прапавъ) привязали съ таго свѣта невѣсты ⁷⁾ и хочуть жаницца, да тыя невѣсты упирають ⁷⁾); хочуть, штобъ имъ къ вявцу

1) Спрятаться.

2) Птенцы.

3) Закутавъ, закрылъ.

4) Кадку или чанъ.

5) Много-ли, мало-ли.

6) Въ работники.

7) Упираются.

пашити всякага платья, такога, якъ у ихъ было на томъ свѣтѣ, и безъ мѣрки. Царь звавъ всихъ мастяровъ, да не одинъ не бяреца“. Выслухавши все ета, царевичъ и кажа: „Иди, хазяинъ, къ царю и скажи, што ты нашіешъ все па твайму ремяслу“. Хозяинъ и кажа: „Чи минн жъ брацца за такое платье? я шію на простанародья“. Царевичъ кажа: „Иди, хазяинъ! я отвѣчаю за все“. Той хазяинъ пашовъ. Царь бывъ радъ, что пашовся хотъ одинъ мастяръ, давъ яму денегъ, сколько іонъ хатѣвъ. Хазяинъ той, справившись, прихѣдя дамовъ ¹⁾). Царевичъ и гавѣря яму: „Ну, мались Богу да лажись спать: завтра все будя готова“. Іонъ паслухавъ свайго паробка, легъ спать.

Звярнуло съ павночи. Царевичъ вставъ, пашовъ за гордъ—на поле, вынявъ изъ кармана тья яички, што дали яму невѣсты, и, якъ научили яго, здѣлавъ изъ ихъ три дварцы; вавовъ, пабравъ у каждамъ ихъ платья, вышавъ, звярнувъ тье дварцы въ яички и пашовъ дамовъ. Пришовши, развѣшавъ платья на стянѣ, да и легъ спать. Рано проснувся хазяинъ, глядь—ажъ виситъ такая платья, што іонъ и не видавъ! все сѣе златомъ, да серебромъ, да камнями самоцвѣтными. Іонъ зрадовавъ, взявъ-панѣсь тоя платья къ царю. Царевны, якъ убачили, што то платья, што у ихъ на томъ свѣтѣ, дагадались, што Иванъ-царевичъ на семъ свѣтѣ, переглянулись, да и замовкли ²⁾). Хазяинъ тей, аддавши платья, пашовъ домовъ, да не заставъ уже свайго дарагова работника. Іонъ пашовъ да приставъ къ башмашнику, да и таго паславъ къ царю, и той зарабавъ ³⁾); только абхадивъ іонъ всихъ мастяровъ, и усѣ благодарили яго, што паживились черезъ яго у царя.

Якъ абхадивъ царевичъ-работникъ всихъ мастяровъ, царевны получили своё желанье: у ихъ все платья было такая, якъ на томъ свѣтѣ; только яны горько плакали, што царевичъ не прихѣдя, а наравитъ ⁴⁾ было нельзя, нада бѣла вяпчаца. Якъ сабрались къ вянцу, меньшая невѣста и кажа царю: „Позвольте мнѣ, батюшка, пайти самой падаритъ нищихъ!“. Іонъ позволивъ. Яна пашла и начала даритъ да приглядаца. Падхѣдя къ аднаму; якъ стала давать яму деньги, пабачила кольцо, што дала царевичу на

¹⁾ Домой.

²⁾ Замолчали (собств. ни слова не сказали).

³⁾ Заработалъ.

⁴⁾ Откладывать, упрямыться

томъ свѣтъ, и кольца сятѣрь своихъ (бо то бывъ іонъ)—хватила яго за руку и привяла яго въ комнату и кажа царю: „Во той, што насъ вывявъ изъ таго свѣту! Братья, кажа, запрятали гаварить намъ, што іонъ живъ, и абѣщали пабить насъ, кали мы скажемъ“. Царь на тыхъ сыновъ разсердився, наказавъ ихъ, якъ самъ знавъ; а послѣ гуляли три свадьбы, и я тамъ бывъ, медъ-вино пивъ, въ ротѣ не было, а толька па барадѣ тякло.

(Записана въ городѣ Погарѣ, Черниговск. губ. учителемъ Н. Матросовымъ).

4. Правда и кривда.

Вотъ было какое дѣло, скажу твоему здоровью. Вотъ, знашь, не во гнѣвъ твоёй милости къ рѣчи сказать, какъ мы таперича съ тобой, раскалякались промежъ себя двое нашей братьи мужичковъ, бѣднѣющіе, пребѣднѣющіе. Одинъ-атъ жилъ коё-какъ, колотился всёми неправдамъ; гораздъ былъ на обману и прчворнуть его было дѣло, а и другой-ятъ шелъ по правдѣ, кабы, знашь, трудами вѣкъ прожить. Вотъ эвтимъ дѣломъ то они и заспорили. Одинъ—атъ говорить: лутче жить кривдой, а другой—ятъ говоритъ: кривдой вѣкъ прожить не сможешь; лутче жить какъ ни на есть, да правдой. Вотъ спорили они, спорили, никто, слышь, не переспорилъ. Вотъ и пошли они, братецъ мой, на дорогу; пошли на дорогу и рѣшили спросить до трехъ разъ, кто имъ на встрѣчу попадетъ и что на эвто скажетъ. Вотъ они шли-шли, братецъ мой, и увидали: барскій мужичекъ пашетъ. Вотъ, знашь, и подошли къ нему; подошли и говорятъ: „Богъ на помощь тебѣ, знакомой! Разрѣши ты нашъ споръ: какъ лутче жить на бѣломъ свѣтъ—правдой али кривдой?“ „Нѣтъ, братцы! правдой вѣкъ прожить не сможешь; кривдой жить вольготнѣй. Вотъ и наше дѣло: бѣзперечь у насъ господа дни отнимають¹⁾ работатъ на себя некогда; изъ за неволи прикинешься, быдто что поиритчилось—хворь, знаешь, нашла,—а самъ межъ эвтимъ временемъ - то въ лѣсишко съѣздишь по дровицы, не днемъ,

¹⁾ При крѣпостномъ правѣ бывалъ иногда такой порядокъ, что крестьянинъ по уговору нѣсколько дней въ недѣлю работалъ на помѣщика, а остальное время на себя. Здѣсь мужикъ говоритъ о нарушении помѣщичьими такимъ образомъ.

такъ ночью, коли есть запретъ“. — Ну, слышь, моя правда! говорить криводушный-ять правдивому-то. Вотъ пошли опять по дорогѣ, знашь, что скажетъ имъ другой. Шли-шли и видять: ѣдетъ на пары въ повозкѣ съ кибиткой купецъ. Вотъ подошли они къ нему, подошли и спрашиваютъ: „Остановись-ка, слышь, на часикъ, не во гнѣвъ твоей милости, о чемъ мы тебя спросимъ... Рѣши, слышь, нашъ споръ: какъ лутче жить на свѣтѣ—правдой али кривдой?“ — „Нѣтъ, рабята, правдой мудрено жить, лутче кривдой. Насъ обманываютъ и мы обманываемъ“. — „Ну, слышь, моя правда!“ , говорить опять криводушный—ять правдивому-то.

Вотъ пошли они опять по дорогѣ, что скажетъ третій. Шли-шли, вотъ и видять: ѣдетъ прикащикъ на встрѣчу. Вотъ они подошли къ нему; подошли къ нему и спрашиваютъ: „Остановись-ка на часочекъ; рѣши ты нашъ споръ, какъ лутче жить на свѣтѣ — правдой или кривдой?“ — „Вотъ, слышь, нашли, о чемъ спрашивать! знамо дѣло, что кривдой. Какая нонче правда? За правду въ Сибирь угодишь, скажутъ—кляузникъ“... — „Ну, слышь! говорить криводушный-ять правдивому-то: вотъ всѣ говорятъ, что кривдой лутче жить“. — „Нѣтъ, слышь, надо жить по Божью, какъ, знаешь, Богъ велитъ: что будетъ, то и будетъ, а кривдой жить не хочу!“ говорить правдивый-ять криводушному-то.

Вотъ пошли опять дорогой вмѣстѣ. Шли-шли; криводушный-ять всяко, знашь, сѣумѣеть ко всѣмъ прилаживаться; вездѣ его кормятъ и калачи у него есть; а правдивый-ять гдѣ водицы изопьетъ, гдѣ поработаетъ, его за эвто покормятъ. А тотъ, знашь, криводушный-ять все смѣется надъ нимъ. Вотъ разъ правдивый-ять попросилъ кусочекъ хлѣбца у криводушнаго-то: „Дай мнѣ кусочекъ хлѣбца“. — „А что за него мнѣ дашь?“ говорить криводушный-ять. — „Что хошь возьми, что у меня есть“, говорить правдивый-ять. „Дай, слышь, я глазъ тебѣ выколую?“ — „Ну, выколи!“ знашь, онъ ему говорить. Вотъ эвтимъ дѣломъ-то криводушный-ять и выкололъ правдивому-то глазъ, выкололъ и далъ ему маленько хлѣбца. Тотъ слышь, стерпѣлъ, взялъ кусочекъ хлѣбца, съѣлъ, и пошли опять по дорогѣ. Шли-шли; опять правдивый-ять у криводушнаго-то сталъ просить хлѣбца кусочекъ. Вотъ тотъ опять разно сталъ надъ нимъ насмѣхаться: „Дай, другой глазъ я тебѣ

выколю, ну тогда дамъ кусочекъ.“ — „Ахъ, братецъ, пожалѣй, я слѣпой буду!“ знашь, правдивый-ять упрашивалъ его. „Нѣтъ, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой“, криводушный-ять ему говорилъ.— „Что дѣлать! ну, такъ тому дѣлу и быть: на, коли и другой, коли грѣха не боишься!“ правдивый-ять, знашь, говорить криводушному-то. Вотъ, братецъ мой, выкололъ ему и другой-ять глазъ, выкололъ и далъ ему маленько хлѣбца; далъ хлѣбца и оставилъ его на дорогѣ: „Вотъ, стану я тебя водить!“

Ну, что дѣлать! Слѣпой съѣлъ кусочекъ хлѣбца и пошелъ потихоньку ощупью съ палочкой. Шель, шель кое-какъ и сбился съ дороги и не знаетъ, куда ему итти. Вотъ и началъ онъ просить Бога: „Господи, не оставь меня, грѣшнаго раба Твоего!“ Молился, молился, вотъ и услышалъ онъ голосъ, кто-то, слышь, ему говорить: „Иди ты направо! Какъ пойдешь направо, придешь къ лѣсу; придешь къ лѣсу, найди ты ощупью тропинку; найдешь тропинку, поиди ты по той тропинкѣ; пойдешь по тропинкѣ, придешь на гремячій ключъ; какъ придешь ты къ гремячему ключу, умойся, слышь, изъ него водою, испей той воды и намочи ею глаза: ты, слышь, прозрѣешь! Какъ прозрѣешь, поиди ты вверхъ по ключу тому и увидишь большой дубъ; увидишь дубъ, подойди къ нему и залѣзь на него; какъ залѣзешь на него, дождись ночи; дождедешься ты ночи, слушай, что будутъ говорить подъ этимъ дубомъ нечистые духи: они тутъ, слышь, слетаются на токовище“. Вотъ онъ кое-какъ добрелъ до лѣса; добрелъ до лѣса, полозилъ, полозилъ по немъ, напалъ кое-какъ на тропинку; пошелъ по той тропинкѣ, дошелъ до гремячаго ключа; дошелъ до ключа, умылся водою; умылся водою, испилъ и примочилъ глаза; примочилъ глаза и вдругъ увидѣлъ опять свѣтъ Божій—знаешь, прозрѣлъ! Вотъ, какъ прозрѣлъ, и пошелъ вверхъ по тому ключу; шель, шель по немъ, вотъ и видитъ большой дубъ,—подъ нимъ все утопано. Вотъ онъ влѣзь на тотъ дубъ—влѣзь и дождался ночи. Начали подъ тотъ дубъ слетаться со всѣхъ сторонъ бѣсы; слетались-слетались... вотъ начали рассказывать, гдѣ, знашь, кто былъ. Вотъ одинъ бѣсъ и говорить: „Я былъ у такой-то царевны; десять годовъ ее мучаю. Всяко меня выгоняютъ изъ нея; никто, слышь, меня не сможетъ выгнать, а выгнать тотъ, кто вотъ у такого-то богатаго купца

достанеть образъ Смоленской Божьей Матери, что у него на воротахъ въ куотѣ удѣланъ“. Вотъ на утро, какъ всѣ бѣсы разлетѣлись, правдивый-ять слѣзъ съ дуба и пошелъ искать того купца. Искать, искать, кое-какъ нашель его; нашель и просится работатъ на него: „Хоть годъ проработаю, ништо мнѣ не надо, только дай мнѣ образъ Божьей Матери съ воротъ.“ Купецъ согласился, принялъ его къ себѣ въ работники. Вотъ работалъ онъ у него, что ни есть мочи, круглый годъ. Проработавши годъ, онъ и проситъ тотъ образъ. Вотъ купецъ, слышь, говоритъ: „Ну, братецъ, доволенъ я твоей работой, только жаль мнѣ образа; возьми лутче деньги“.—„Нѣтъ, не надо денегъ, а дай мнѣ его по уговору“.—„Нѣтъ, не дамъ образъ! Проработай еще годъ; ну, такъ и быть, тогда отдамъ тебѣ его“. Вотъ этимъ дѣломъ-то правдивый-ять мужичекъ работалъ еще годъ; ни дня, ни ночи не зналъ, все работалъ, такой старательный былъ. Вотъ проработалъ годъ, опять, знаешь, сталъ просить образъ Божьей Матери съ воротъ. Купцу опять жаль и его отпустить и образъ отдать: „Нѣтъ, лучше я тебя казною награжу; а коли хочешь, то поработай еще годъ,—ну, такъ отдамъ тебѣ образъ“. Вотъ такъ тому дѣлу и быть—опять сталъ работатъ годъ. Работалъ еще пуще того: всѣмъ на диво, какой былъ работающій. Вотъ проработалъ и третій годъ; проработалъ и опять просить образъ. Купецъ, дѣлать нечего, снялъ образъ съ воротъ и отдалъ ему: „На, слышь, возьми и ступай съ Богомъ!“ Напоилъ, накормилъ его и деньгами наградилъ малую толику.

Вотъ этимъ дѣломъ-то взялъ онъ образъ Смоленской Божьей Матери, взялъ его и повѣсилъ на себя; повѣсилъ на себя и пошелъ, слышь, къ тому царю царевну лѣчить, у которой бѣсъ-ать мучитель сидитъ. Шель, шель и пришелъ къ тому царю. Пришелъ къ царю и говоритъ: Я де вашу царевну излѣчить смогу“. Вотъ, знашь, этимъ дѣлемъ-то впустили его въ хоромы царскіе, впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вотъ онъ спросилъ воды. Подали воды. Вотъ онъ перекрестился и три земныхъ поклона положилъ—знашь, помолился Богу; помолился Богу и снялъ съ себя образъ Божьей Матери, снялъ его и съ молитвой три раза въ воду опустил; опустилъ, знашь, и надѣлъ его на царевну; надѣлъ на царевну и велѣлъ ей той водой умываться.

Вотъ какъ она, матушка, надѣла на себя тотъ образъ и умылась тою водою, вдругъ изъ-за нея недугъ-ать, знашь—вражья-то нечистая сила, клубомъ вылетѣль вонъ; вылетѣль вонъ и она стала здорова по прежнему. Вотъ эвтимъ дѣломъ-то нѣвѣсть какъ всѣ обрадовались и не знали чѣмъ наградить эвтого мужичка: и земли давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали. „Нѣтъ, слышь, ничего не надо!“ Вотъ царевна-то и говоритъ царю: Я замужъ за него иду“. — „Ладно!“ царь-ать сказалъ. Вотъ эвтимъ дѣломъ-то и повѣнчались; повѣнчались, и сталъ нашъ мужичекъ ходить, знашь, въ одежѣ царской, жить въ царскихъ хоромахъ, пить-ѣсть все на все за одно съ ними. Жиль, жиль и принаторѣль ¹⁾ къ нимъ.

Вотъ какъ принаторѣль онъ къ нимъ—и говорить: „Пустите меня на родину; у меня есть мать-старушка бѣдная. — „Ладно!“ — царевна, знашь, жена-то его, сказала: „поѣдемъ вмѣстѣ“. Вотъ и поѣхали они вмѣстѣ, вдвоемъ съ царевной. Ёхали-ѣхали и подѣзжаютъ они къ его родинѣ; подѣзжаютъ къ родинѣ, вотъ и попадается навстрѣчу имъ тотъ криводушный, что, знашь, спорилъ-то съ нимъ, что лутче жить кривдой, чѣмъ правдой. Идетъ навстрѣчу; вотъ правдивый-ать, царскій сынъ и говоритъ: „Здравствуй, братецъ мой!“ называетъ его по имени. Тому знашь, въ диковинку, что въ коляскѣ такой знатный баринъ его знаетъ, и не узналъ его. — „Помнишь, ты спорилъ со мной, что лутче жить кривдой, чѣмъ правдой, и выколлъ мнѣ глаза? Эвто я самый!“ Вотъ, знашь, онъ оробѣль и не зналъ, что дѣлать. „Нѣтъ, не бойся! Я на тебя не сержусь, а желаю и тебѣ такого же счастья. Вотъ пойдн ты въ такой-то лѣсъ—знашь, научатъ его, какъ его Богъ научилъ; въ томъ лѣсѣ увидишь ты тропинку, пойдн по той тропинкѣ, придешъ ты къ гремячему ключу, напейся изъ того ключа воды и умойся; какъ умоешься, подн ты вверхъ по ключу, увидишь тамъ ты большой дубъ; влѣзь на него и просиди всю ночь на немъ. Подъ нимъ, слышь, токовище нечистыхъ духовъ, и ты слушай и услышишь свое счастье!“

Вотъ, знашь, криводушный-ять по его слову, какъ по писанному, все эвто здѣлалъ: нашелъ лѣсъ и ту тропинку; пошелъ по тропинкѣ и пришелъ къ гремячему ключу, на-

¹⁾ Прижился, привыкъ.

пился и умылся; умылся и пошелъ, знашь, вверхъ по немъ; пошелъ вверхъ и увидѣлъ большой дубъ—подъ нимъ все утопано. Вотъ онъ и залѣзъ на эвототъ дубъ; залѣзъ на дубъ и дождался ночи; дождался ночи и слышитъ, знашь, какъ со всѣхъ сторонъ слетались на токовище нечистые духи. Вотъ какъ слетѣлись, и услышали по духу его на дубу; услышали по духу и растерзали его на мелкія части. Такъ тѣмъ эвто дѣло и покончилось, что правдивый-ять сталъ царскимъ сыномъ, а криводушнаго-то загрызли черти.

(Записана въ Чистопольск. уѣздѣ, Казанской губ.).

5. Безногой и слѣпой богатыри.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицей; у нихъ былъ Иванъ царевичъ, а смотрѣть—глядѣть за царевичемъ приставленъ былъ Катом-дядька, дубовая шапка. Царь съ царицею достигли древнихъ лѣтъ, заболѣли и не чаютъ ужъ выздоровѣть; призываютъ Ивана царевича и наказываютъ: „Когда мы помремъ, ты во всемъ слушайся и почитай Катому-дядьку, дубовую шапку; станешь слушаться, счастливъ будешь, а захочешь быть ослушникомъ—пропадешь, какъ муха“. На другой день царь съ царицей померли; Иванъ царевичъ похоронилъ родителей и сталъ жить по ихъ наказу: что ни дѣлаеть, обо всемъ съ дядькой совѣтъ держить. Долго ли—коротко ли, дошелъ царевичъ до совершенныхъ лѣтъ и надумалъ жениться; приходитъ къ дядькѣ и говоритъ ему: „Катома-дядька, дубовая шапка! скучно мнѣ одному, хочу ожениться“. „Чтоже, царевичъ! Зачѣмъ дѣло стало? Лѣта твои таковы, что пора и о невѣстѣ думать; поди въ большую палату, тамъ всѣхъ царевенъ, всѣхъ королевенъ портреты собраны; погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся“. Иванъ царевичъ пришелъ въ большую палату, началъ пересматривать портреты, и пришла къ нему по мысли королева Анна Прекрасная—такая красавица, какой во всѣмъ свѣтѣ другой нѣтъ! На ея портретѣ подписано: коли кто задасть ей загадку, а королева не отгадаетъ, за того пойдетъ она замужъ; а чью загадку отгадаетъ, съ того голова долой. Иванъ царевичъ прочиталъ эту подпись, раскручинился и идетъ къ своему дядькѣ! „Былъ я, говорить, въ большой палатѣ, высмотрѣлъ себѣ

невѣсту Анну Прекрасную; только не вѣдаю, можно ли ее высватать“. „Да, царевичъ! трудно ее достать; коли одинъ поѣдешь, ни за что не высватаешь; а возьмешь меня съ собой, да будешь дѣлать, какъ я скажу, можетъ, дѣло и уладится“. Иванъ царевичъ просить Катома-дядьку, дубовую шапку ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даетъ ему вѣрное слово слушаться его и въ горѣ и въ радости. Вотъ собрались они въ путь-дорогу и поѣхали сватать Анну Прекрасную королевну. Ъдутъ они годъ, и другой, и третій, и заѣхали за много земель. Говоритъ Иванъ царевичъ:

„Ъдемъ мы, дядя, столько времени, приближаемся къ землямъ Анны Прекрасной королевны, а не знаемъ, какую загадку загадать“. — „Еще успѣемъ выдумать!“ Ъдутъ дальше; Катома-дядька, дубовая шапка глянулъ на дорогу, — на дорогѣ лежитъ кошелекъ, — и говоритъ: „Вотъ тебѣ и загадка, Иванъ царевичъ! Какъ пріѣдешь къ королевнѣ—загадай ей такими словами: „ѣхали де мы путемъ-дорогою, увидали: на дорогѣ добро лежитъ; мы добро добромъ взяли да въ свое добро положили.“ Эту загадку ей въ жизнь не разгадать; а всякую другую сейчасъ узнаетъ—только взглянуть въ свою волшебную книгу; а какъ узнаетъ, то и велитъ отрубить тебѣ голову.“ Вотъ наконецъ пріѣхалъ Иванъ царевичъ съ дядькою къ высокому дворцу, гдѣ проживала прекрасная королева; въ ту пору времячко была она на балх(к)онѣ, увидала пріѣзжихъ и послала узнать: откуда они и зачѣмъ прибыли. Отвѣчаетъ Иванъ царевичъ: „Пріѣхалъ я изъ такого то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну“. Доложили о томъ королевнѣ; она приказала, чтобы царевичъ во дворецъ шелъ да при всѣхъ ея думныхъ князьяхъ и боярахъ загадку загадывалъ; „у меня, молвила, такой завѣтъ положень: если не отгадаю чьей загадки, за того мнѣ итти замужъ, а чью отгадаю, того мнѣ злой смерти предать.“ — „Слушай, прекрасная королевна, мою загадку, говоритъ Иванъ царевичъ: ѣхали мы путемъ-дорогою, увидали—на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли да въ добро положили.“ Анна Прекрасная королевна беретъ свою волшебную книгу, начала ее пересматривать, да отгадки разыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добила. Тутъ думные князья и бояре присудили королевнѣ выходить замужъ за Ивана царевича; хоть она и не рада, а дѣлать нечего—стала готовиться къ свадьбѣ. Думаетъ сама съ собой королевна: какъ бы время

протянуть, да жениха отбыть? и вадумала утрудить его великими службами. Призываетъ она Ивана царевича и говоритъ ему: „Милой мой Иванъ царевичъ, мужъ нареченный! надо намъ къ свадьбѣ наготовиться; сослужи-ка мнѣ службу невеликую: въ моемъ королевствѣ, на такомъ-то мѣстѣ, стоитъ большой чугунной столбъ; перетащи его въ дворцовую кухню и сруби въ мелкія полѣнья—повару на дрова.“—„Помилуй, королева! нешто я пріѣхалъ сюда дрова рубить? мое ли это дѣло? на то у меня слуга есть: Катом-дядька, дубовая шапка.“ Сейчасъ призываетъ царевичъ дядьку и приказываетъ ему притащить въ кухню чугунной столбъ—и срубить его въ мелкія полѣнья повару на дрова. Катом-дядька пошелъ на сказанное мѣсто, схватилъ столбъ въ охапку, принесъ въ дворцовую кухню и разбилъ на мелкія части; четыре чугунныхъ полѣна взялъ себѣ въ карманъ: „для пѣреду годится!“ На другой день говоритъ королева Ивану царевичу: „Милой мой царевичъ, нареченный мужъ! Завтра намъ къ вѣнцу ѣхать: я поѣду въ коляскѣ, а ты верхомъ на богатырскомъ жеребцѣ; надо тебѣ загода объѣздить того коня.“—„Стану я самъ объѣзжать коня! на то у меня слуга есть.“ Призываетъ Иванъ царевичъ Катому-дядьку, дубовую шапку: „Ступай, говорить, на конюшню, вели конюхамъ вывести богатырскаго жеребца, сядь на него и объѣзди; завтра я на немъ къ вѣнцу поѣду.“ Катом-дядька смекнулъ хитрости королевы, не сталъ долго разговаривать, пошелъ на конюшню и велѣлъ конюхамъ вывести богатырскаго жеребца. Собралось двѣнадцать конюховъ: отперли двѣнадцать замковъ, открыли двѣнадцать дверей и вывели волшебнаго коня на двѣнадцати желѣзныхъ цѣпяхъ. Катом-дядька дубовая шапка подошелъ къ нему; только успѣлъ сѣсть—волшебный конь отъ земли отдѣляется, выше лѣсу подымается, что повыше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго. Катом-дядька крѣпко сидитъ, одной рукой за гриву держится, а другой вынимаетъ изъ кармана чугунное полѣно и начинаетъ этимъ полѣномъ промежду ушей коня осаживать. Избилъ одно полѣно, взялся за другое; два избилъ, взялся за третье; три избилъ, пошло въ ходъ четвертое. И такъ донялъ онъ богатырскаго жеребца, что не выдержалъ конь, возговорилъ человѣческимъ голосомъ: Батюшка Катом! отпусти хоть живого на бѣлый свѣтъ. Что хочешь, то и приказывай: все будетъ по твоему“.—„Слушай, собачье мясо!

отвѣчаетъ ему Катома-дядька, дубовая шапка; завтра поѣдетъ на тебѣ къ вѣнцу Иванъ царевичъ. Смотри же: какъ выведутъ тебя конюхи на широкій дворъ, да подойдетъ къ тебѣ царевичъ и положитъ свою руку, — ты стой смирно, ухомъ не пошевели; а какъ сядетъ онъ верхомъ — ты по самыя щетки въ землю подайся, да иди подъ нимъ тяжелымъ шагомъ, словно у тебя на спинѣ непомѣрная тягота наложена“. Богатырскій конь выслушалъ приказъ и опустился еле живъ на землю. Катома ухватилъ его за хвостъ и бросилъ возлѣ конюшни: „Эй, кучера и конюхи! уберите въ стойло это собачье мясо.“ Дождались другого дня; подошло время къ вѣнцу ѣхать: королевнѣ коляску подали, а Ивану царевичу богатырскаго жеребца повели. Со всѣхъ сторонъ народъ сбѣжался — видимо - невидимо! Вышли изъ палатъ бѣлокаменныхъ женихъ съ невѣстою; королевна сѣла въ коляску и дожидается, что-то будетъ съ Иваномъ царевичемъ? волшебный конь разнесетъ его кудри по вѣтру, размычетъ его кости по чисту полю. Подходить Иванъ царевичъ къ жеребцу, накладываетъ руку на спину, ногу въ стремя, — жеребецъ стоитъ словно вкопанный, ухомъ не шевельнетъ! Сѣлъ царевичъ верхомъ, — волшебный конь по щетки въ землю ушелъ; сняли съ него двѣнадцать цѣпей — сталъ конь выступать ровнымъ, тяжелымъ шагомъ, а съ самого потъ градомъ такъ и катится. „Экой богатырь! экая сила непомѣрная!“ говоритъ народъ, глядя на царевича. Перевѣнчали жениха съ невѣстою; стали они выходить изъ церкви, взяли другъ дружку за руки. Вздумалось королевнѣ еще разъ попытать силу Ивана царевича; сжала ему руку такъ сильно, что онъ не смогъ выдержать: кровь въ лицо кинулась, глаза подъ лобъ ушли. „Такъ ты эдакой-то богатырь, думаетъ королевна: славно же твой дядька меня опуталъ... только даромъ вамъ это не пройдетъ!“

Живетъ Анна Прекрасная королевна съ Иваномъ царевичемъ, какъ подобаеетъ женѣ съ богоданнымъ мужемъ, всячески его словами улещаетъ, а сама одно мыслить, какимъ бы то способомъ извести Катому-дядьку, дубовую шапку; съ царевичемъ безъ дядьки нетрудно управиться! Сколько не вымышляла она всякихъ наговоровъ, Иванъ царевичъ не поддавался на ея рѣчи, все сожалѣлъ своего дядьку. Черезъ годъ времени говоритъ онъ своей женѣ: „Любезная моя супружница, прекрасная королевна! же-

ляется мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ тобой въ свое государство.“ — „Пожалуй, поѣдемъ; мнѣ самой давно хочется увидеть твое государство.“ Вотъ собрались и поѣхали; дядьку Катому за кучера посадили. Ёхали—ёхали; Иванъ царевичъ заснулъ дорогой. Вдругъ Анна Прекрасная королева стала его будить да жалобу приносить: „Послушай, царевичъ! Ты все спишь—ничего не слышишь! А твой дядька совсѣмъ меня не слушаетъ, нарочно править лошадей на кочки да рытвины—словно извести насъ собирается; стала я ему добромъ говорить, а онъ надо мной насмѣхается. Жить не хочу, коли его не накажешь!“ Иванъ царевичъ крѣпко съ просонокъ разсердился на своего дядьку и отдалъ его на всю волю королевнину: „Дѣлай съ нимъ, что сама знаешь!“ Королева приказала отрубить ему ноги. Катомъ дался ей на поруганіе: „Пусть, думаетъ, пострадаю, да и царевичъ узнаетъ—каковѣ горе мыкать!“ Отрубили Катомъ-дядькѣ обѣ ноги. Глянула королева кругомъ и увидала: стоитъ въ сторонѣ высокій пенъ; позвала слугъ и приказала посадить его на этотъ пенъ, а Ивана царевича привязала на веревкѣ къ коляскѣ, повернула назадъ и поѣхала въ свое королевство. Катомъ-дядька, дубовая шапка на пнѣ сидитъ, горькими слезами плачетъ: „Процай, говорить, Иванъ царевичъ! вспомнишь и меня“. А Иванъ царевичъ въ припрыжку за коляской бѣжитъ; самъ знаетъ, что маху далъ, да воротить нельзя. Пріѣхала королева Анна Прекрасная въ свое государство и заставила Ивана царевича коровъ пасти. Каждый день по утру ходитъ онъ со стадомъ въ чистое поле, а вечеромъ назадъ на королевскій дворъ гонить; въ то время королева на балконѣ сидитъ и повѣряетъ, всѣ ли счетомъ коровы. Пересчитываетъ и велитъ ихъ царевичу въ сарай загонять, да послѣднюю корову въ хвостъ цѣловать: эта корова такъ ужъ и знаетъ—дойдетъ до воротъ, остановится и хвостъ подыметъ,

Катомъ-дядька сидитъ на пнѣ день, и другой, и третій, не пивши, не ѣвши; слѣзть никакъ не можетъ, приходится помирать голодной смертью. Невдалекѣ отъ этого мѣста былъ густой лѣсъ; въ томъ лѣсу проживалъ слѣпой сильно-могучій богатырь; только тѣмъ и кормился, что какъ услышитъ по духу, что мимо его какой звѣрь пробѣжалъ: заяцъ, лиса ли, медвѣдь ли—сейчасъ за нимъ въ погоню: поймаешь—и обѣдъ готовъ. Былъ богатырь на

ногу скорь и ни одному звѣрю прыскучему не удавалось убѣжать отъ него. Вотъ и случилось такъ: проскользнула мимо лиса; богатырь услыхалъ, да вслѣдъ за нею; она добѣжала до того высокаго пня и дала колѣно въ сторону, а слѣпой богатырь поторопился, да съ разбѣгу какъ ударился лбомъ о пень—такъ съ корнемъ его и выворотилъ. Катома свалился на землю и спрашиваетъ: „Ты кто таковъ?“—„Я—слѣпой богатырь; живу въ лѣсу тридцать лѣтъ, только тѣмъ и кормлюсь, коли какого звѣря поймаю да на кострѣ зажарю; а то бѣ давно померъ голодною смертію,“—„Неужели жъ ты отъ роду слѣпой?“—„Нѣтъ, не отъ роду; а мнѣ выколола глаза Анна Прекрасная королева.“—„Ну, братъ! говорить Катома-дядька, дубовая шапка: и я черезъ нее безъ ногъ остался; обѣ отрубил, проклятая!“ Разговорились богатыри промежъ собой и согласились вмѣстѣ жить, вмѣстѣ хлѣбъ добывать. Слѣпой говоритъ безногому: „Садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебѣ своими ногами, а ты мнѣ своими глазами“. Взялъ онъ безногаго и понесъ на себѣ, а Катома сидитъ, по сторонамъ поглядываетъ да знай покрикиваетъ: „Направо! налево! прямо!..“ Жили они такъ нѣкоторое время въ лѣсу и ловили себѣ на обѣдъ и зайцевъ, и лисицъ, и медвѣдей. Говоритъ разъ безногий: „Неужели жъ намъ весь вѣкъ безъ людей прожить? Слышалъ я, что въ такомъ то городѣ живетъ богатый купецъ съ дочкою, и та купеческая дочь куда какъ милостива къ убогимъ и увѣчнымъ: сама всѣмъ милостину подаетъ. Увеземъ-ка, братъ, ее! пусть у насъ за хозяйку живетъ.“ Слѣпой взялъ телѣжку, посадилъ въ нее безногаго и повезъ въ городъ, прямо къ богатому купцу на дворъ; увидала ихъ изъ окна купеческая дочь, тотчасъ выскочила и пошла обдѣлять ихъ милостиной. Подошла къ безногому: „Прими, убоженькой, Христа ради!“ Сталъ онъ принимать подаваніе, ухватилъ ее за руки да въ телѣжку, закричалъ на слѣпого—тотъ побѣжалъ такъ скоро, что и на лошадахъ не поймать. Купецъ послалъ погоню—нѣтъ, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь въ свою лѣсную избушку и говорятъ ей: „Будь намъ замѣсто родной сестры, живи у насъ, хозяйничай; а то намъ увѣчнымъ, некому обѣда сварить, рубашекъ помыть. Богъ тебя за это не оставитъ.“ Осталась съ ними купеческая дочь; богатыри ее почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то и дѣло на охотѣ,

а названная сестра завсегда дома: всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ, обѣдъ готовить, бѣлье моетъ. Вотъ и повадилась къ нимъ въ избушку ходить баба-яга, костяная нога. Только богатыри на охоту уйдутъ, а баба-яга тутъ какъ тутъ! Долго-ли, коротко-ли—спала съ лица красная дѣвица, похудѣла—захирѣла; слѣпой ничего не видитъ, а Катома-дядька, дубовая шапка замѣчаетъ, что дѣло не ладно; сказалъ про то слѣпому, и пристали они вдвоемъ къ своей названной сестрицѣ, начали допрашивать, а баба-яга ей накрѣпко запретила признаваться. Долго боялась она повѣрить имъ свое горе, долго крѣпилась, да наконецъ братья ее уговорили, и она все дочиста рассказала: „Всякій разъ, какъ уйдете вы на охоту, тотчасъ является въ избушку древняя старуха—лицо злющее, волоса длинные, сѣдые! и заставляетъ меня въ головѣ ей искать, а сама сосетъ изъ меня кровь“.—„А! говоритъ слѣпой, это—баба-яга; погоди же, надо съ ней по своему раздѣлаться! Завтра мы не пойдемъ на охоту, а постараемся залучить ее да поймать“... Утромъ на другой день богатыри не идутъ на охоту. „Ну, дядя безногий! говоритъ слѣпой, полѣзай ты подъ лавку, смирененько сиди, а я пойду на дворъ—подъ окномъ стану. А ты, сестрица, какъ придетъ баба-яга, садись вотъ здѣсь, у этого окна, въ головѣ-то у ней ищи, да потихоньку пряди волосъ отдѣляй, да за оконницу на дворъ пропускай: я ее за сѣдья-то космы и сграбастаю!“ Сказано—сдѣлаю. Ухватилъ слѣпой бабу-ягу за сѣдья космы и кричитъ: „Эй, дядя Катома! вылѣзай-ка изъ подъ лавки, да придержи ехидную бабу, пока я въ избу войду“. Баба-яга услышала бѣду, хочетъ вскочить, голову приподнять—куда тебѣ! нѣтъ совсѣмъ ходу! рвалась-рвалась—ничего не пособляетъ! А тутъ вылѣзъ изъ подъ лавки дядя Катома, навалился на нее словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажно небо съ овчинку ей показалось. Вскочилъ въ избушку слѣпой, говоритъ безногому: „Надо намъ теперь развести большой костеръ, сжечь ее, проклятую, на огнѣ, а пенель по вѣтру пустить“. Возмолилась баба-яга: „Батюшки, голубчики! простите!.. что угодно, все вамъ сдѣлаю!“—„Хорошо, старая вѣдьма! сказали богатыри: покажи-ка намъ колодезь съ цѣлющей и живущей водой.“—„Только не бейте, сейчасъ покажу!“ Вотъ Катома-дядька, дубовая шапка сѣлъ на слѣпого; слѣпой взялъ бабу-ягу за косы; баба-яга повела ихъ въ лѣс-

ную трущобу, привела къ колодезю и говоритъ: „Это и есть цѣлющая и живущая вода!“— „Смотри, дядя Катома! вымолвилъ слѣпой: не давай маху; коли она теперь обманеть—ввѣкъ не поправимся!“ Катома-дядька, дубовая шапка сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодезь: не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ ужъ вся огнемъ вспыхнула. „Э! да ты еще на обманъ пошла!“ Принялись богатыри душиить бабу-ягу, хотятъ кинуть ее проклятую въ огненный колодезь. Пуще прежняго взмолилась баба-яга, даетъ клятву великую, что теперь не станеть хитрить: „Право-слово, доведу до хорошей воды!“ Согласились богатыри попытать еще разъ, и привела ихъ баба-яга къ другому колодезю. Дядька Катома отломилъ отъ дерева сухой сучокъ и бросилъ въ колодезь: не успѣлъ тотъ сучокъ до воды долетѣть, какъ ужъ ростки пустилъ, зазеленѣлъ и разцвѣлъ. „Ну, это вода хорошая!“ сказалъ Катома, слѣпой помочилъ ею свои глаза—и въ мигъ проарѣлъ; опустилъ безногаго въ воду—и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорятъ межъ собой: „Вотъ когда мы поправимся! все свое воротимъ. Только напередъ надо съ бабой-ягой порѣшить: коли намъ ее теперь простить, такъ самимъ добра не видать—она всю жизнь будетъ зло мыслить!“ Воротились они къ огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу; такъ она и сгинула!

Послѣ того Катома-дядька, дубовая шапка женился на купеческой дочери, и всѣ трое отправились они въ королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить къ столичному городу, смотрятъ: Иванъ-царевичъ гонить стадо коровъ. „Стой, пастухъ! говоритъ Катома дядька, куда ты этихъ коровъ гонишь?“ Отвѣчаетъ ему царевичъ: „На королевскій дворъ гоню; королева всякій разъ сама повѣряетъ, всѣ-ли коровы“.— „Ну-ка, пастухъ! на тебѣ мою одежду, надѣвай на себя, а я твою надѣну и коровъ погоню“.— „Нѣтъ, братъ! этого нельзя сдѣлать; коли королева увидаеть—бѣда мнѣ будетъ!“— „Не бойся, ничего не будетъ! Въ томъ тебѣ порука Катома-дядька, дубовая шапка!“ Иванъ-царевичъ вздохнулъ и говоритъ: „Эхъ, добрый человекъ! если бы живъ былъ Катома-дядька, я бы не пасъ въ полѣ этихъ коровъ!“ Тутъ Катома-дядька, дубовая шапка сознался ему, кто онъ таковъ есть; Иванъ царевичъ обнялъ его крѣпко и залился слезами: „Не чаялъ и видѣть тебя!“ Помѣнялись они своими одѣждами; погналъ дядька коровъ на

королевскій дворъ; Анна Прекрасная вышла на балконъ, повѣрила, всё-ли коровы счетомъ, и приказала загонять ихъ въ сарай. Вотъ всё коровы въ сарай пошли, только послѣдняя у воротъ остановилась и хвостъ оттопырила. Катома подскочилъ: „Ты чего, собачье мясо, дожидаясь?“ схватилъ ее за хвостъ, дернулъ, такъ и стащилъ шкуру. Королевна увидала и кричить громкимъ голосомъ: „Что это мерзавецъ пастухъ дѣлаетъ? взять его и привести ко мнѣ!“ Тутъ слуги подхватили Катома и потащили во дворецъ; онъ идетъ—не отговаривается, на себя надѣется. Привели его къ королевнѣ; она взглянула и спрашиваетъ: „Ты кто таковъ? откуда явился?“ — „А я тотъ самый, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовутъ меня Катома—дядька, дубовая шапка!“ — „Ну, думаетъ королевна, когда онъ ноги свои воротилъ, то съ нимъ мудрить больше нечего!“ и стала у него и у царевича просить прощенія; покаялась во своихъ грѣхахъ и дала клятву вѣчно Ивана-царевича любить и во всемъ слушаться. Иванъ-царевичъ ее простилъ, и началъ жить съ ней въ тишинѣ и согласіи; при нихъ остался слѣпой богатырь, а Катома-дядька уѣхалъ съ своей женой къ богатому купцу и поселился въ его домѣ.

6. Морской царь и Василиса Премудрая¹⁾.

Посѣялъ мужикъ рожь и уродилъ ему Господь на диво: едва могъ съ поля собрать! Вотъ перевѣзъ онъ снопы домой, смолотилъ и насыпалъ зерномъ полнѣхонекъ амбаръ; насыпалъ и думаетъ: „Теперь-то я стану жить, не тужить!“. И повадились къ мужику въ амбаръ мышь да воробей; каждой Божій день разъ по пяти слазаяютъ, наѣдятся и назадъ: мышь юркнетъ въ свою конурку, а воробей улетитъ въ свое гнѣздо. Жили они вдвоемъ такъ-то дружно цѣлые три года; все зерно приѣли, остается въ закромѣ самая малость, съ четверикъ—не больше. Видитъ мышь, что запасъ къ концу приходитъ, и ну ухитряться, какъ бы воробья обмануть, да всёмъ достальнымъ добромъ одной завладать. И таки ухит-

¹⁾ Въ этой сказкѣ видимъ примѣръ нерѣдкаго въ народной поэзіи „зачина“ или вступленія, „присказки“. Здѣсь эта присказка разрослась до самостоятельной сказки, вполне развитой и связанной лишь внѣшнимъ образомъ съ главной сказкой. Нѣчто подобное можно найти и въ „запѣвахъ“ былинъ (ср. напр. запѣвъ о турахъ златорогихъ въ отдѣлѣ былинъ).

рилась: собралась темною ночью, прогрызла въ полу большущую дыру и спустила въ подполье всю рожь до единого зернышка. По утру прилетаетъ воробей въ амбаръ, захотѣлось ему позавтракать; глянулъ — нѣтъ ничего! Вылетѣлъ, бѣдняжка, голодный и думаетъ про себя: „Обидѣла, проклятая! полечу-ка я, доброй молодець, къ ихнему царю, ко льву, стану просить на мышь — пусть онъ насъ разсудитъ по правдѣ“. Снялся и полетѣлъ ко льву. „Левъ, царь звѣриной!“ бьетъ ему челомъ воробей: „жилъ я съ твоимъ звѣремъ — мышью зубастою; цѣлые три года кормились изъ одного закрома, и не было промежъ насъ никакой ссоры. А какъ сталъ запасъ къ концу подходить, пошла она на хитрости: прогрызла въ закромѣ дыру, спустила все зерно въ подполье къ себѣ, а меня, бѣднаго, голодать оставила. Разсуди насъ по правдѣ; не разсудишь—полечу искать суда—расправы у своего царя орла“. — „Ну, и лети съ Богомъ“, сказалъ левъ. Воробей бросился съ челобитьемъ къ орлу, рассказалъ ему всю свою обиду, какъ мышь своровала, а левъ ей потатчикъ. Сильно разгнѣвался вътѣпоры царь орелъ и тотчасъ же отправилъ ко льву легкаго гонца: „приходи завтра съ своимъ-де звѣринымъ воинствомъ на такое-то поле, а я соберу всѣхъ птицъ и дамъ тебѣ сраженіе“. Нечего дѣлать, послалъ царь левъ кличъ кликать, на войну звѣрей созывать. Собралось ихъ видимо-невидимо, и только пришли на чистое поле—летитъ на нихъ орелъ со всѣмъ своимъ крылатымъ воинствомъ, словно туча небесная. Началась битва великая. Бились они три часа и три минутки; побѣдилъ царь орелъ, завалилъ все поле трупами звѣриными и распустилъ птицъ по домамъ, а самъ полетѣлъ въ дремучій лѣсъ, усѣлся на высокій дубъ—избитъ, израненъ, и сталъ думать думу крѣпкую, какъ бы назадъ воротить всю силу прежнюю.

Давно это было, а жилъ-былъ тогда купецъ съ купчихою одни-одинѣхоньки, не было у нихъ ни единого дѣтища. Всталъ купецъ по-утру и говоритъ женѣ: „не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся: навязалась будто къ намъ большая птица, жретъ заразъ по цѣлому быку, выпиваетъ по полному ушату; а нельзя отбить, нельзя птицы не кормить! Пойду-ка я въ лѣсъ, авось поразгуляюся“. Захватилъ ружье и пошелъ въ лѣсъ. Долго-ли, коротко-ли бродилъ онъ по лѣсу, подошелъ наконецъ къ дубу, увидѣлъ орла и хочетъ стрѣлять по нѣмъ. „Не бей меня, доброй молодець! провѣщальъ ему орелъ

человѣческимъ голосомъ. „Убьешь—мало будетъ прибыли. Возьми лучше меня къ себѣ въ домъ, да прокорми три года, три мѣсяца и три дня; я у тебя поправлюся, отрощу свои крылья; соберуся съ силами, и тебѣ добромъ заплачу!“— „Какой заплаты отъ орла ожидать?“ думаетъ купецъ, и прицѣлился въ другой разъ. Орелъ провѣщаль то же самое. Прицѣлился купецъ въ третій разъ, и опять орелъ просить: „Не бей меня, добрый молодець; прокорми меня три года, три мѣсяца и три дня; какъ поправлюся, отрощу свои крылья да соберуся съ силами—все тебѣ добромъ заплачу!“ Сжалился купецъ, взялъ птицу орла и понесъ домой. Тотчасъ убилъ быка и налилъ полной ушатъ медовой сыты; надолго, думаетъ, хватить орлу корму; а орелъ все заразы пріѣлъ и выпилъ. Плохо пришлось купцу отъ незваннаго гостя, совсѣмъ разорился. Видитъ орелъ, что купецъ-то обѣднялъ, и говоритъ ему: „Послушай, хозяинъ! поѣзжай въ чистое поле: много тамъ разныхъ звѣрей побитыхъ и пораненныхъ. Сними съ нихъ дорогіе мѣха и вези продавать въ городъ; на тѣ деньги и меня и себя прокормишь, еще про запасъ останется“. Поѣхалъ купецъ въ чистое поле, видетъ: много на полѣ лежитъ звѣрей побитыхъ, пораненныхъ, снималъ съ нихъ самые дорогіе мѣха, повезъ продавать въ городъ и продалъ за большія деньги.

Прошелъ годъ; велитъ орелъ хозяинъ везти его на то мѣсто, гдѣ высокіе дубы стоятъ. Заложилъ купецъ повозку и привѣзъ его на то мѣсто. Орелъ взвился за тучи, и съ разлѣту ударилъ грудью въ одно дерево; дубъ раскололся надвое. „Ну, купецъ, доброй молодець!“ говоритъ орелъ, „не собрался я съ прежнею силою, корми меня еще круглый годъ“. Прошелъ и другой годъ; опять взвился орелъ за темныя тучи, разлетѣлся сверху и ударилъ грудью дерево; раскололся дубъ на мелкія части: „Приходится тебѣ, купецъ, доброй молодець, еще цѣлый годъ меня кормить; не собрался я съ прежнею силою“. Вотъ какъ прошло три года, три мѣсяца и три дня, говоритъ орелъ купцу: „Вези меня опять на то же мѣсто, къ высокимъ дубамъ“. Привезъ его купецъ къ высокимъ дубамъ. Взвился орелъ повыше прежняго, сильнымъ вихремъ ударилъ сверху въ самый большой дубъ, расшилъ его въ щелки съ верхушки до корня, ажно лѣсъ кругомъ зашатался. „Спасибо тебѣ, купецъ, доброй молодець!“ сказалъ орелъ. „Теперь вся моя старая сила со мною. Бросай-ка лошадь да садись ко мнѣ на крылья;

я понесу тебя на свою сторону и расплачусь съ тобой за все добро“. Съль купецъ орлу на крылья; понесся орель на синее море, и поднялся высоко-высоко. „Посмотри, говорить, на синё море, велико-ли?“ — „Съ колесо“, отвѣчаетъ купецъ. Орель встряхнулъ крыльями и сбросилъ купца внизъ, далъ ему спознать смёртнoй страхъ и подхватилъ не допустя до воды. Подхватилъ и поднялся съ нимъ еще выше. — „Посмотри на синё море, велико-ли?“ — „Съ куриное яйцо!“ — Встряхнулъ орель крыльями, сбросилъ купца внизъ, и опять, не допустя до воды, подхватилъ его и поднялся вверхъ повыше прежняго. „Посмотри на синё море, велико-ли?“ — „Съ маковое зернышко!“ — И въ третій разъ встряхнулъ орель крыльями и бросилъ купца съ поднебесья, да опять таки не допустилъ его до воды, подхватилъ на крылья и спрашиваетъ; „Что, купецъ, доброй мблodeцъ, спозналъ—каковъ смёртнoй страхъ?“ — „Спозналъ, говорить купецъ: я думалъ, совсѣмъ пропаду!“ — „Да, вѣдь, и я то же думалъ, какъ ты въ меня ружьемъ цѣлилъ“.

Полетѣлъ орель съ купцомъ за море, прямо къ мѣдному царству. „Вотъ здѣсь живетъ моя старшая сестра; какъ будемъ у ней въ гостяхъ, и станеть она дары подносить, ты ничего не бери, а проси себѣ мѣдный ларчикъ“. Сказалъ такъ-то орель, ударился о сырую землю и обратился добрымъ молодцемъ. Идутъ они широкимъ дворомъ. Увидала сестра, обрадовалась: „Ахъ, братецъ родимой! какъ тебя Богъ принесъ? вѣдь, болѣ трехъ лѣтъ тебя не видала: думала—совсѣмъ пропалъ! Ну, чѣмъ же тебя угощать, чѣмъ подчивать?“ — „Не меня проси, не меня угощай, родима сестрица! я—свой человѣкъ; проси—угощай вотъ этого добраго мблodeца: онъ меня три года поилъ-кормилъ, съ голоду не уморилъ“. Посадила она ихъ за столы дубовые, за скатерти бранныя, угостила-уподчивала; повела потомъ въ кладовыя, показываетъ богатства несмѣтныя и говоритъ купцу, доброму мблodeцу: „Вотъ золото и серебро и каменя самоцвѣтныя, бери себѣ, что душа желаетъ!“ Отвѣчаетъ купецъ, доброй мблodeцъ: „Не надобно мнѣ ни золота, ни серебра, ни каменя самоцвѣтнаго; подари мѣдной ларчикъ“. — „Какъ бы не такъ! не тотъ ты сапогъ не на ту ногу надѣваешь!“ Осердился братъ на такія рѣчи сестрины, оборотился орломъ, птицейъ быстрою, подхватилъ купца и полетѣлъ прочь. „Братецъ родимой, воротися!“ кричитъ сестра: „не постою и за ларчикъ!“ — „Опоздала, сестра!“.

Летить орелъ по поднебесью. „Посмотри, купецъ, доброй молодець! что назади и что впереди дѣется? Посмотрѣль купецъ и сказываетъ: „Назади пожаръ виднѣется, впереди цвѣты цвѣтутъ!“ — „То мѣдное царство горитъ, а цвѣты цвѣтутъ въ серебряномъ царствѣ, у моей средней сестры. Какъ будемъ у ней въ гостяхъ, и станетъ она дары дарить, ты ничего не бери, а проси серебряный ларчикъ“. Прилетѣль орелъ, ударился о сырую землю и оборотился добрымъ мѣлодцемъ. „Ахъ, братецъ родимый! „говоритъ ему сестра, „отколь взялся? гдѣ пропадалъ? что такъ долго въ гостяхъ не бывалъ? Чѣмъ-же тебя, друга подчивать?“ — „Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица!—я свой чело-вѣкъ; проси-угощай вотъ добраго мѣлодца, что меня три года и поиль, и кормиль, съ голоду не умориль“. Посадила она за столы дубовые, за скатерти бранныя, угостила—уподчивала и повела въ кладовыя: „Вотъ злато, и серебро, и каменя самоцвѣтные; бери, купецъ, что душа желаетъ!“ — „Не надобно мнѣ ни злата, ни серебра, ни каменя само-цвѣтнаго, подари мнѣ одинъ серебряной ларчикъ“. — „Нѣтъ, доброй мѣлодецъ, не тотъ кусокъ хватаешь! не равенъ часъ-подавишься“. Осердился братъ орелъ, оборотился птицею, подхватилъ купца и полетѣль прочь. „Братецъ родимой, воротися! не постояю и за ларчикъ!“ — „Опоздала, сестра!“

Опять летить орелъ по поднебесью. „Посмотри, купецъ, добрый мѣлодецъ, что назади и что впереди?“ — „Назади пожаръ горитъ, впереди цвѣты цвѣтутъ“. — „То горитъ се-ребряное царство, а цвѣты цвѣтутъ въ золотомъ, у моей меньшей сестры. Какъ будемъ у ней въ гостяхъ, и станетъ она дары дарить, ты ничего не бери, а проси золотой лар-чикъ“. Прилетѣль орелъ къ золотому царству и оборотился добрымъ мѣлодцемъ. „Ахъ, братецъ родненькой! говоритъ сестра; отколь взялся? гдѣ пропадалъ? что такъ долго въ гостяхъ не бывалъ? Ну, чѣмъ же велишь себя подчивать?“ — „Не меня проси, не меня угощай: я—свой чело-вѣкъ; проси—угощай вотъ этого купца, добраго молодца: онъ меня три года поиль и кормиль, съ голоду не умориль“. Посадила она ихъ за столы дубовые, за скатерти бранныя, угостила—уподчивало; повела купца въ кладовыя, дарить его и златомъ, и серебромъ, и камнями самоцвѣтными. — „Ничего мнѣ не надобно; только подари золотой ларчикъ“. — Бери себѣ на счастье! вѣдь, ты брата моего три года поиль и кормиль, съ голоду не умориль; а ради брата ничего мнѣ

не жалко!“ Вотъ пожилъ, попиравалъ купецъ въ золотомъ царствѣ; пришло время разставаться, въ путь-дорогу отправляться. „Прощай, говоритъ ему орелъ: не поминай лихомъ, да смотри: не отмыкай ларчика, пока домой не воротишься“.

Пошелъ купецъ домой; долго ли, коротко-ли шелъ онъ, приусталъ, и захотѣлось ему отдохнуть. Остановился на чужомъ лугу, на землѣ царя Некрещеного Лба¹⁾, смотрѣлъ, смотрѣлъ на золотой ларчикъ—не вытерпѣлъ и отомкнулъ. Только отперъ — откуда ни возмись: раскинулся передъ нимъ большой дворецъ, весь изукрашенный; появились слуги многие: „Что угодно, чего надобно?“ Купецъ, добрый молодецъ, наѣлся, напился и спать повалился. Увидалъ царь Некрещеный Лобъ, что стоитъ на его землѣ большой дворецъ, и посылаетъ пословъ: „Подите, разузнайте: что за невѣжа такой проявился, безъ спросу на моей землѣ дворецъ выстроилъ? Чтобъ сейчасъ убирался вонъ по добру— по здорову!“ Какъ пришло къ купцу таково грозное слово, сталъ онъ думать да гадать, какъ бы собрать дворецъ въ ларчикъ по-прежнему; думалъ-думалъ — нѣтъ, ничего не подѣлаешь: „Радъ бы убираться, говоритъ онъ посламъ: да какъ?—и самъ не придумаю“. Послы воротились и донесли про всё царю Некрещеному Лбу. „Пусть отдастъ мнѣ то, чего дома не вѣдаетъ; соберу ему дворецъ въ золотой ларчикъ“. Дѣлать нечего, пообѣщавъ купецъ съ клятвою отдать то, что дома не вѣдаетъ; а царь Некрещеной Лобъ тотчасъ собралъ дворецъ въ золотой ларчикъ. Взявъ купецъ золотой ларчикъ и пустился въ дорогу.

Долго-ли, коротко-ли, приходитъ домой; встрѣчаетъ его купчиха: „здравствуй, свѣтъ! гдѣ былъ-пропадалъ?“ — „Ну, гдѣ былъ—тамъ теперь меня вѣту!“ — „А намъ Господь безъ тебя сынка даровалъ“. — „Вотъ я чего дома не вѣдалъ!“ думаетъ купецъ, и крѣпко приунылъ и пригорюнился. „Что съ тобой? али дому не радъ?“ пристаетъ купчиха. „Не то!“ говоритъ купецъ, и тутъ же рассказалъ ей про все, что съ нимъ было. Погоревали они, поплакали; да не вѣкъ же и плакать? Раскрылъ купецъ свой золотой ларчикъ, и раскинулся передъ нимъ большой дворецъ,

¹⁾ Въ другомъ спискѣ, купецъ останавливается на берегу моря и вмѣсто царя Некрещенаго Лба заключаетъ договоръ съ Морскимъ (Водянымъ) царемъ.

хитро изукрашенный, и сталъ онъ съ женою и сыномъ въ немъ поживать, добра наживать. Прошло лѣтъ съ десятокъ и больше того; выросъ купеческій сынъ, поумнѣлъ, похорошѣлъ и сталъ молодець — молодцомъ. Разъ поутру всталъ онъ невесело и говорить отцу: „Батюшка! снился мнѣ нынѣшней ночью царь Некрещеной Лобъ, приказывалъ къ себѣ приходить: давно де жду, пора и честь знать!“. Прослезились отецъ съ матерью, дали ему свое родительское благословеніе, и отпустили на чужую сторону.

Идетъ онъ дорогою, идетъ широкою, идетъ полями чистыми, степями раздольными, и приходитъ въ дремучій лѣсъ. Пусто кругомъ, не видать души человѣческой; только стоитъ небольшая избушка одна-одинѣхонька, къ лѣсу передомъ, къ Ивану-гостинному сыну задомъ: „Избушка, избушка!“ говоритъ онъ, „повернись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Избушка послушалась и повернулась къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ. Вошелъ въ избушку Иванъ - гостинный сынъ, а тамъ лежитъ баба-яга костяная нога, изъ угла въ уголь... Увидала его баба-яга и говорить: „Доселева русскаго духа слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ русскій духъ въ очью проявляется! Отколь идешь, добрый молодець? и куда путь держишь?“ — „Эхъ ты, старая вѣдьма! не накормила, не напоила прохожаго человѣка, да ужъ вѣстей спрашиваешь“. Баба-яга поставила на столъ напитки и наѣдки разные, накормила его, напоила, и спать уложила, а по утру ранѣхонько будить и давай спрашивать. Иванъ-гостинный сынъ рассказалъ ей всю подноготную, и просить: „Научи, бабушка, какъ до царя Некрещенаго Лба дойти“. — „Ну, хорошо, что ты ко мнѣ зашелъ, а то не бывать бы тебѣ живому: царь Некрещеной Лобъ крѣпко на тебя сердить, что долго къ нему не являлся. Послушай же, ступай по этой тропинкѣ, и дойдешь до пруда, спрячься за дерево и выжидай время: прилетятъ туда три голубицы — красныя дѣвицы, дочери царскія; отвязжутъ свои крылышки, поснимаютъ платья и станутъ въ водѣ плескаться. У одной крылышки будутъ пѣстренькія; вотъ ты улучи минуточку и захвати ихъ къ себѣ, и до тѣхъ поръ не отдавай, пока не согласишься она пойти за тебя замужъ. Тогда все хорошо будетъ!“. Попрошался Иванъ-гостинный сынъ съ бабою-ягою и пошелъ по указанной тропинкѣ.

Шель, шель, увидалъ прудъ и спрятался за густое де-

рево. Немного спустя прилетѣли три голубицы, одна съ пестрыми крылышками, ударились о землю и обернулись красными дѣвицами; сняли свои крылышки, сняли свое платье, и начали купаться. И Иванъ—гостинный сынъ держитъ ухо острѣ, подползъ потихоньку и утащилъ пѣстрыя крылышки. Смотритъ, что-то будетъ! Выкупались красныя дѣвицы, вышли изъ воды; двѣ тотчасъ же нарядились, прицѣпили свои крылышки, обернулись голубицами и улетѣли, а третья осталась пропажи искать. Ищетъ, сама приговариваетъ: „Скажись, отзовись, кто взялъ мои крылышки; если старый старичокъ—будь мнѣ батюшкой, если среднихъ лѣтъ—милымъ дядюшкой, если жъ доброй мѣлодецъ—пойду за него замужъ.“ Иванъ - гостинный сынъ вышелъ изъ-за дерева: „Вотъ твои крылышки!“ — „Ну, скажи теперь, доброй мѣлодецъ, нареченный мужъ, какого ты роду-племени и куда путь держишь?“ „Я — Иванъ-гостинный сынъ, а путь держу къ твоему батюшкѣ, царю Некрещеному Лбу“. — „А меня зовутъ Василиса-Премудрая“. А была Василиса-Премудрая любимая дочь у царя; и умомъ и красотой взяла! Указала она жениху своему дорогу къ царю Некрещеному Лбу, вспорхнула голубицею и полетѣла вслѣдъ за сестрами.

Пришелъ Иванъ-гостинный сынъ къ царю Некрещеному Лбу, заставилъ его царь на кухнѣ служить, дрова рубить, воду таскать. Не взлюбилъ его поварь Чумичка, сталъ на него царю наговаривать: „Ваше царское величество! Иванъ-гостинный сынъ похваляется, что можетъ онъ за единую ночь вырубить большой дремучій лѣсъ, бревна въ кучи скласть, коренья повыкопать, а землю вспахать и засѣять пшеницею, ту пшеницу сжать, смлотить и въ мукѣ смолоть; изъ той мукѣ пироговъ напечь, вашему величеству на завтракъ поднести“. — „Хорошо“, говоритъ царь, „позвать его ко мнѣ!“ Явился Иванъ - гостинный сынъ. „Что ты тамъ похваляешься, что за единую ночь можешь вырубить дремучій лѣсъ, землю вспахать—словно поле чистое, и засѣять пшеницею; ту пшеницу сжать, смлотить и въ мукѣ обратить; изъ той мукѣ пироговъ напечь, мнѣ на завтракъ поднести? Смотри же, чтобъ къ утру все было готово; не то—мой мечъ, твоя голова съ плечъ!“ Сколько ни отпирался Иванъ-гостинный сынъ, ничего не помогло; приказъ данъ—надо исполнять. Идетъ онъ отъ царя, и буйну голову свою повѣсилъ съ горя. Увидала его цар-

ская дочь Василиса-Премудрая и спрашивает: „Что такъ пригорюнился?“— „Что тебѣ и говорить! вѣдь, ты моему горю не пособишь?“— „Почемъ знать, можетъ, и пособию!“ Разсказалъ ей Иванъ-гостинный сынъ, какую службу приказалъ ему царь Некрещеный Лобъ. „Ну, это что за служба! это— службишка, служба будетъ впереди! Ступай, Богу молись да спать ложись; утро вечера мудренѣе, къ утру все будетъ сдѣлано“. Равно въ полночь вышла Василиса-Премудрая на красное крыльцо, закричала зычнымъ голосомъ— и въ минуту сбѣжались со всѣхъ сторонъ работники: видимо-невидимо ихъ! Кто деревья валить, кто деревья копаютъ, а кто землю пашетъ; въ одномъ мѣстѣ сѣютъ, а въ другомъ ужъ жнутъ и молотятъ! Пошла пыль столбомъ; а къ разсвѣту ужъ зерно смолото и пироги напечены. Понёсъ Иванъ-гостинный сынъ пироги на завтракъ царю Некрещеному Лбу. „Молодецъ!“ сказалъ царь, и велѣлъ наградить его изъ своей царской казны. Поваръ Чумичка пуще прежняго озлобился на Ивана-гостиннаго сына; сталъ опять наговаривать: „Ваше царское величество! Иванъ-гостинный сынъ похваляется, что можетъ за единую ночь сдѣлать такой корабль, что будетъ летать по поднебесью“.— „Хорошо, позвать его сюда!“ Позвали Ивана-гостиннаго сына. „Что ты слугамъ моимъ похваляешься, что можешь за единую ночь сдѣлать чудесный корабль, и тотъ корабль будетъ летать по поднебесью; а мнѣ ничего не сказываешь? Смотри же, у меня чтобъ къ утру все поспѣло; не то—мой мечъ, твоя голова съ плечъ!“ Иванъ-гостинный сынъ повѣсилъ съ горя свою буйную голову ниже могучихъ плечъ, идетъ отъ царя самъ не свой. Увидала его Василиса Премудрая: „О чемъ пригорюнился, о чемъ запечалился?“— „Какъ мнѣ не печалиться? Приказалъ Некрещеный Лобъ построить за единую ночь корабль-самолётъ.“— „Это что за служба! это-службишка, служба будетъ впереди! Ступай, Богу молись, да спать ложись; утро вечера мудренѣе, къ утру все будетъ сдѣлано“. Въ полночь вышла Василиса-Премудрая на красное крыльцо, закричала зычнымъ голосомъ—и въ минуту сбѣжались со всѣхъ сторонъ плотники. Принялись топорами постукивать; живо работа кипитъ! Къ утру совсѣмъ готово! „Молодецъ! сказалъ царь Ивану-гостиному сыну: поѣдемъ теперь кататься“. Сѣли вдвоемъ, да третьяго прихватили съ собою повара Чумичку, и полетѣли по поднебесью. Пролетаютъ

они надъ звѣринымъ дворомъ; нагнулся поваръ внизъ по-смотреть, а Иванъ-гостинный сынъ тѣмъ временемъ взялъ и столкнулъ его съ корабля. Лютые звѣри тотчасъ разорвали его на мелкія части. „Ахъ“, кричитъ Иванъ-гостинный сынъ: „Чумичка свалился“. — „Чортъ съ нимъ“, сказала царь Некрещеный Лобъ: „собакъ собачья и смерть!“ Воротились во дворецъ. „Хитѣрь ты Иванъ-гостинный сынъ!“ говоритъ царь. „Вотъ тебѣ третья задача: объѣзди мнѣ неѣзжалаго жеребца, чтобы могъ подъ верхомъ ходить. Объѣздишь жеребца—отдамъ за тебя замужъ дочь мою, а не то—мой мечъ, твоя голова съ плечъ!“ — „Ну, это работа легкая!“ думаетъ Иванъ-гостинный сынъ; идетъ отъ царя, самъ усмѣхается. Увидала его Василиса Премудрая, спросила про все, и говоритъ: „Не умѣнь ты, Иванъ-гостинный сынъ! теперь задана тебѣ служба трудная, работа нелегкая: вѣдь, жеребецъ-то будетъ самъ царь Некрещеный Лобъ; понесетъ онъ тебя по поднебесью выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго, и размычетъ всѣ твои косточки по чистому полю. Ступай скорѣй къ кузнецамъ, закажи, чтобы сдѣлали тебѣ желѣзной молотъ пуда въ три; а какъ сядешь на жеребца, покрѣпче держись да желѣзнымъ молотомъ по головѣ осаживай“. На другой день вывели конюхи жеребца неѣзжалаго: еле держутъ его: храпитъ, рвется, на дыбы становится! Только сѣлъ на него Иванъ-гостинный сынъ, поднялся жеребецъ выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго, и полетѣлъ по поднебесью быстрѣй сильнаго вѣтра. А ѣздокъ крѣпко держится, да все молотомъ по головѣ его осаживаетъ. Выбился жеребецъ изъ силъ и опустился на сырую землю; Иванъ-гостинный сынъ отдалъ жеребца конюхамъ, а самъ отдохнулъ и пошелъ во дворецъ. Встрѣчаетъ его царь Некрещеный Лобъ съ завязаной головою. „Объѣздилъ коня, ваше величество!“ — „Хорошо, приходи завтра невѣсту выбирать, а нынѣ у меня голова болить.“

Путру говоритъ Ивану-гостиному сыну Василиса Премудрая: „Насъ у батюшки три сестры: обернуть онъ насъ кобылицами и заставить тебя выбирать невѣсту. Смотри, примѣчай: на моей уздечкѣ одна блесточка потускнѣетъ. Потомъ выпустить насъ голубицами; сестры будутъ тихохонько гречиху клевать, а я нѣтъ-нѣтъ, да взмахну крылышкомъ. Въ третій разъ выведетъ насъ дѣвницами—одна въ одну лицомъ, и ростомъ, и волосомъ; я нарочно платочкомъ махну,

по тому меня узнавай!“ Какъ сказано, вывелъ царь Некрещенный Лобъ трехъ кобылицъ—одна въ одну, и поставилъ въ рядъ. „Выбирай за себя люблю!“ Иванъ-гостинный сынъ зорко оглянулъ; видитъ—на одной уздечкѣ блѣсточка потускнѣла, схватилъ за ту уздечку, и говорить: „Вотъ моя невѣста!“—„Дурную берешь! Можно и получше выбрать.“—„Ничего, мнѣ и эта хороша!“—„Выбирай въ другой разъ.“ Выпустилъ царь трехъ голубицъ—перо въ перо, и насыпалъ имъ гречихи; Иванъ-гостинный сынъ запримѣтилъ, что одна все крылышкомъ потряхиваетъ, схватилъ её за крыло: „Вотъ моя невѣста!“—„Не тотъ кусъ хватаешь; скоро подавишься! Выбирай въ третій разъ.“ Вывелъ царь трехъ дѣвицъ—одна въ одну и лицомъ, и ростомъ, и волосомъ. Иванъ-гостинный сынъ увидалъ, что одна платочкомъ махнула, схватилъ её за руку: „Вотъ моя невѣста!“ Дѣлать было нечего, отдалъ за него царь Некрещенный Лобъ Василису Премудрую, и сыграли свадьбу веселую.

Ни мало, ни много прошло времени, задумалъ Иванъ-гостинный сынъ бѣжать съ Василисой Премудрою въ свою землю. Осѣдлали они коней и уѣхали темною ночью. Поутру хватился царь Некрещенный Лобъ и послалъ за ними погоню. „Припади къ сырой землѣ“, говоритъ Василиса Премудрая мужу: „не услышишь ли чего?“ Онъ припалъ къ сырой землѣ, послушалъ и отвѣчаетъ: „Слышу конское ржаніе!“ Василиса Премудрая сдѣлала его огородомъ, а себя кочномъ капусты. Воротилась погоня къ царю съ пустыми руками: „Ваше царское величество! не видать ничего въ чистомъ полѣ, только и видѣли одинъ огородъ, а въ томъ огородѣ кочанъ капусты“.—„Поѣзжайте, привезите мнѣ тотъ кочанъ капусты: вѣдь, это они умудряются!“ Опять поскакала погоня, опять Иванъ-гостинный сынъ припалъ къ сырой землѣ: „Слышу, говоритъ, конское, ржаніе!“ Василиса Премудрая сдѣлалась колодцемъ, а его обратила яснымъ соколомъ; сидитъ соколъ на срубѣ да пьетъ воду. Приѣхала погоня къ колодцу—нѣтъ дальше дороги! и поворотила назадъ. „Ваше царское величество! не видать ничего въ чистомъ полѣ; только и видѣли одинъ колодецъ, изъ того колодца ясный соколъ воду пьетъ.“ Поскакалъ догонять самъ царь Некрещенный Лобъ. „Припади-ка къ сырой землѣ, не услышишь ли чего?“ говоритъ Василиса Премудрая своему мужу.—„Охъ стучить-громить пуще прежняго!“—„То отецъ за нами гонится! Не знаю, не пре-

думаю, что дѣлать!“—„Я и поготово не вѣдаю!“ Были у Василисы Премудрой три вещи: щетка, гребенка и полотенце; вспомнила про нихъ и говорить: „Еще Богъ милостивъ! есть у меня оборона отъ царя Некрещенаго Лба!“ Махнула назадъ щеткою и сдѣлался большой дремучій лѣсъ: руки не просунешь, а кругомъ въ три года не обойдешь! Вотъ царь Некрещеный Лобъ грызъ-грызъ дремучій лѣсъ, проложилъ себѣ тропочку, пробился и опять въ погоню. Близко нагоняетъ, только рукой схватить; Василиса Премудрая махнула назадъ гребенкою—и сдѣлалась большая—большая гора; не пройти, не проѣхать! Царь Некрещеный Лобъ копаль-копаль гору, проложилъ тропочку, и опять погнался за ними. Тутъ Василиса Премудрая махнула назадъ полотенцемъ—и сдѣлалось великое море. Царь прискакать къ морю, видитъ, что дорога заставлена, и поворотилъ домой.

Сталъ подходить Иванъ-гостинный сынъ съ Василисою Премудрою къ своей землѣ и сказываетъ ей: „Я впередъ пойду, извѣщу о тебѣ отца съ матерью, а ты меня здѣсь подожди“.—„Смотри же“, говоритъ ему Василиса Премудрая: „какъ пойдешь домой, со всеми цѣлуйся; не цѣлуйся только съ своей крестной матерью, а то меня позабудешь!“ Иванъ-гостинный сынъ воротился домой, всехъ перепцѣловаль на радостяхъ, поцѣловаль и крестную мать, да и забылъ про Василису Премудрую. Стоитъ она, бѣдная, на дорогѣ, дожидается; ждала-ждала—нейдетъ за ней Иванъ-гостинный сынъ; пошла въ городъ и нанялась въ работницы къ одной старушкѣ. А Иванъ-гостинный сынъ задумалъ жениться, сваталъ себѣ невѣсту и затѣялъ пиръ на весь мѣръ. Василиса Премудрая узнала про то, нарядилась нищенкой и пошла на купеческой дворъ просить милостинку. „Погоди“, говоритъ купчиха: „я тебѣ маленькой пирожокъ испеку; отъ большого рѣзать не стану“.—„И за то спасибо, матушка!“ Только бильшой порогъ пригорѣлъ, а маленькій хорошъ вышелъ. Купчиха отдала ей горѣлой пирогъ, а маленькой за столъ подала. Разрѣзали тотъ пирожокъ—и тотчасъ вылетѣли изъ него два голубя. „Поцѣлуй меня“, говоритъ голубь голубкѣ.—„Нѣтъ, ты меня забудешь, какъ забылъ Иванъ-гостинный сынъ Василису Премудрую!“ И въ другой, и въ третій разъ говоритъ голубь голубкѣ: „Поцѣлуй меня!“—„Нѣтъ, ты меня забудешь, какъ забылъ Иванъ-гостинный сынъ Василису Премудрую.“ Опомился

Иванъ-гостинный сынъ, узналъ—кто такая нищенка, и говоритъ отцу, матери и гостямъ: „Вотъ моя жена!—„Ну, коли у тебя есть жена, такъ и живи съ нею!“ Новую невѣсту богато одарили и домой отпустили; а Иванъ-гостинный сынъ съ Василисою Премудрою стали жить-поживать, да добра наживать, лиха избывать.

7. Гадючья каша.

Ѣхалъ чумакъ съ наймитомъ; остановились на пспасъ и развели огонь. Чумакъ отошелъ въ сторону, свистнулъ—и сползлась къ нему цѣлая куча гаду; набравши гадюкъ, онъ вкинулъ ихъ котелокъ и началъ варить. Когда вода закипѣла, чумакъ слилъ ее на-земь, слилъ и другую воду и уже въ третью всыпалъ пшена. Приготовилъ кашу, поѣлъ ее и велѣлъ наймиту вымыть котелокъ и ложку. „Да смотри, говоритъ, не отвѣдывай моей каши!“ Наймитъ не утерпѣлъ, наскребъ полную ложку гадючьей каши и съѣлъ. Чудно ему стало! видитъ и слышитъ онъ, что всякая трава на степи колышется, одна къ другой наклоняется и шепчуть: „Я отъ такой то болѣзни!“—„А у меня такая то сила!“ Сталъ подходить къ возу, а волю говорятъ межъ собою: „Вонъ идетъ закладывать насъ въ ярмо“. Ёдучи степью, услыхалъ наймитъ, отъ какой болѣсти помогаетъ бодякъ, и размѣялся, потомъ подслушалъ разговоръ кобылы съ жеребцомъ и опять засмѣялся. Примѣтилъ то чумакъ. „Э, сучій сынъ! яжъ не велѣлъ тебѣ коштовать моей каши?“ Всталъ съ воза, вырвалъ стебель чернобыли, облупилъ его и говоритъ: „На, съѣшь!“ Наймитъ съѣлъ и пересталъ слышать, что говорятъ травы, и понимать языкъ животныхъ. Оттого то чернобыль зовется на Украинѣ „забудьками“.

8. Лихо одноглазое ¹⁾.

Жилъ одинъ кузнецъ. „Что, говоритъ, я горя никакого не видалъ? Говорять, лихо на свѣтѣ есть. Пойду, поищу себѣ лиха“. Взялъ и пошелъ; выпилъ хорошенько и пошелъ искать лиха. Навстрѣчу ему портной. „Здравствуй!“—

¹⁾ Рѣзко бросается въ глаза сходство сказки съ греческимъ преданіемъ о Полифемѣ, которое нашло себѣ мѣсто въ Одиссеѣ.

„Здравствуй!“ — „Куда идешь!“ — „Что, братъ, всё говорить, лихо на свѣтъ есть. Я никакого лиха не видалъ. Иду искать“. — „Пойдемъ вмѣстѣ; и я хорошо живу и не видалъ лиха. Пойдемъ-поищемъ“. Вотъ они шли-шли, зашли въ лѣсъ въ густой, темный. Нашли маленьку дорожку; пошли по ней, по узенькой дорожкѣ. Шли-шли по этой дорожкѣ — видятъ, изба стоитъ большая. Ночь — некуда идти. „Сѣмъ“, говорятъ, „зайдемъ въ эту избу“. Вошли, никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. „А, говоритъ, у меня гости! здравствуйте!“ — „Здравствуй, бабушка, мы пришли почевать къ тебѣ“. — „Ну, хорошо, будетъ что поужинать мнѣ“. Они перепугались. Вотъ она беремя дровъ большое принесла; принесла беремя дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного портного и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: „Что дѣлать? какъ быть?“ Она взяла-поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говоритъ: „Бабушка, я кузнецъ“. — „Что умѣешь дѣлать-ковать?“ — „Да я все умѣю“. — „Скуй мнѣ глазъ“. — „Хорошо, говоритъ, да есть ли у тебя веревка? надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебѣ вковалъ глазъ“. Она пошла, принесла двѣ веревки: одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одной, которая была потоньше. „Ну-ка, бабушка, повернися!“ Она повернулась и разорвала веревку. „Ну, говоритъ: „нѣтъ, бабушка, эта не годится!“ Взялъ онъ толстую веревку, да этой веревкой скрутилъ ее хорошенько. „Повернись-ка, бабушка!“ Вотъ она повернулась — не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжегъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ, да обухомъ какъ вдарить по шилу; она какъ повернется, и разорвала веревку, да и сѣла на порогъ. „А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня“. Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу почевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать; онъ взялъ шубу да повернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава то надѣлъ, и подползъ къ ней, какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватить за спинку, такъ и выкинетъ её. И онъ подползъ. Она и егохватила за спинку и выкинула. Выкинула его; онъ всталъ и говоритъ: „Прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха;

теперь ничего не сдѣлаешь“. Она говоритъ: „Постой! еще натерпишься: ты не ушелъ!“

И пошелъ кузнецъ опять въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ — въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ—идетъ къ нему Лихо и кричитъ: „Вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!“ Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить. Отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню, и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ лихо. „Вотъ, говоритъ, посмотрите, каково оно: я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего совсѣмъ съѣло“. Тутъ и сказкѣ конецъ.

9. Неосторожное слово.

Одинъ молодой промышленникъ остался зимовать на Грумантѣ ¹⁾. Каждый вечеръ ложился онъ въ своей гальѣтѣ ²⁾ и игралъ въ гусли, и какъ только заиграетъ—слышно было, что кто-то невидимкой передъ нимъ пляшетъ—только платье шумитъ. Захотѣлось ему увидать, кто такое пляшетъ. Однако что ни дѣлалъ, какъ ни ухитрялся—все даромъ. Разказалъ про это диво своему товарищу: „Эхъ, пріятель!“ сказалъ ему товарищъ: „да ты возьми салнуную свѣчку, зажги и накрой ее черепкомъ, а самъ лягъ на койку и заиграй въ гусли; коли опять невидимка плясать станетъ,—ты въ ту жъ минуту открой свѣчку: ну, тогда и увидишь, кто пляшетъ“. Парень поблагодарилъ товарища за совѣтъ, вечеромъ пошелъ на гальѣту и, какъ сказано, такъ и сдѣлалъ: взялъ свѣчку, зажегъ и покрылъ черепкомъ, а самъ заигралъ въ гусли. Прислушался—опять кто то пляшетъ подъ его музыку, только платье шумитъ. Открылъ огонь, а передъ нимъ дѣвица красоты неописанной. „Ну, добрый молодецъ“, сказала она: „догадался ты меня подсмотрѣть, буду жъ я тебя любить по правдѣ“. Съ той самой поры зачала она къ нему ходить каждый вечеръ, и жили они въ любви дѣлныхъ три года. Подъ конецъ третьяго года говоритъ парню дѣвица: „Ну, милый другъ, не долго осталось намъ

¹⁾ Островъ Шницбергенъ.

²⁾ Морское судно (галіотъ).

съ тобою въ любви жить: приходитъ время совсѣмъ разставаться“.—„Отчего такъ?“ „Да вишь, отдають меня замужъ въ Питеръ, подъ Калиновый мостъ,—за чорта“.—„Какъ за чорта? Тебѣ что за дѣло до нечистой силы? Али ты сама такая же чертовка?“—„Нѣтъ, я родилась въ большомъ, славномъ городѣ; отецъ у меня былъ богатый купецъ, а попала я къ нечистымъ оттого, что отецъ меня проклиналъ. Какъ была я малыхъ лѣтъ, подавала ему въ одинъ жаркій день стаканъ меду, да нечаянно и уронила стаканъ на полъ; отецъ осерчалъ, прикрикнулъ на меня: „Экая дурища безрукая! хоть бы чортъ тебя взялъ!“ Только вымолвилъ онъ это слово, въ ту жъ минуту очутилась я въ морской глубинѣ, въ каменномъ домѣ, у чертей подъ началомъ“. Попрощалась красная дѣвица съ парнемъ и даетъ ему ширинку узорчатую. „Возьми“, говоритъ: „сама вышивала; когда станешь ты по мнѣ скучать, найдетъ на тебя грусть-тоска великая, ты только взгляни на эту ширинку—тебѣ веселѣй будетъ“. Остался добрый молодецъ одинъ, и какъ только ему придетъ на мысли прежняя любовь, тяжело ему сдѣлается, хоть руки на себя наложи!—возьметъ онъ ширинку, взглянетъ, и тоска пройдетъ. Протекло съ годъ времени. Сказалъ онъ про ту ширинку своему товарищу, а тотъ и укралъ её. Съ этой самой поры началъ парень тосковать, да съ горя запдемъ пить, и до того дошелъ, что совсѣмъ пропился. „Пойду“, говоритъ, „въ Питеръ, на Калиновый мостъ, и брошусь въ воду: за одно пропадать!“ Пришелъ на Калиновый мостъ и бросился въ воду. Въ ту жъ минуту очутился онъ въ подводномъ царствѣ. Кругомъ зеленя поля, сады и рощи. Идетъ дальше—стоитъ большой каменный домъ, въ окно смотритъ купеческая дочь; увидала его и кричить: „Эй, милый, приворачивай сюда, я здѣсь живу“. Выбѣжала къ нему на встрѣчу: „Здравствуй, голубчикъ! давно тебя не видала; ужъ и видѣть то не чаяла“. Начала его цѣловать—миловать, всякими закусками и напитками угощать, а послѣ спрятала его въ особую горницу, и говоритъ: „Скоро мой мужъ придетъ, и громкимъ голосомъ закричитъ: „Русакъ, зачѣмъ пришелъ?“ Ты разъ промолчи и въ другой промолчи, а какъ въ третій разъ вскричитъ, ты ему отвѣчай: „А что въ зыбкѣ у тебя—то мое“. Онъ станетъ тебѣ за ребенка давать сто рублей—ты молчи; станетъ давать двѣсти,—все молчи. А какъ закричитъ съ сердца: „Что,

русакъ, молчишь? возьми триста рублей“ . Тутъ ты и скажи: „Кабы жару кулёкъ, я бы взялъ“ .—Только успѣли разговоръ покончить, какъ пришелъ нечистый и громко закричалъ: „Русакъ, зачѣмъ пришелъ?“ Парень молчить. Нечистый въ другой разъ еще громче закричалъ—тотъ все молчить; а на третій спросъ говорить: „Что въ зыбкѣ у тебя, то мое; хочу съ собой унести“ .—Не уноси, братъ, возьми сто рублей“ . Русакъ молчить. „Возьми двѣсти!“ Опять молчить. Нечистый осерчалъ: „Что жъ ты молчишь? хочешь триста рублей?“—„Нѣтъ, не хочу; кабы жару кулёкъ, я бы взялъ, и то съ такимъ уговоромъ чтобы ты меня съ тѣмъ кулёкомъ на Русь вынесъ“ . Чортъ тотчасъ принесъ кулёкъ жару, посадилъ парня къ себѣ на плечи и говорить ему: „Закрой глаза“ . Парень закрылъ глаза, и нечистый вихремъ вынесъ его на святую Русь: очутился добрый молодецъ опять на Калиновомъ мосту, а подлѣ него кулёкъ съ золотомъ. Вотъ такъ-то разбогатѣлъ онъ, женился на хорошей дѣвицѣ и зажилъ себѣ счастливо. А кабы польстился онъ на деньги, чортъ павѣрно обманулъ бы его: вмѣсто денегъ насыпалъ бы конскаго помету и всякой дряни.

10. Набитый дуракъ.

Въ одной семьѣ жилъ былъ дуракъ набитый, и, бывало, нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидить, либо кого прибить. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ. Бывало, куда дуракъ срядится итти, мать съ полчаса ему толкуетъ: „Ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то“ . Вотъ однажды пошелъ дуракъ мимо гумень и увидалъ, молотятъ горохъ, и закричалъ: „Молотить вамъ три дня и намолотить три зерна“ . Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришелъ дуракъ къ матери и вопить: „Матушка, матушка! нынѣ били хохла, колотили хохла!“ — „Тебя чтоль, дитятко?“ — „Да!“ — „За что?“ — „Вотъ я шелъ мимо Дормидошкинова гумна, а на гумнѣ молотили горохъ его семейные“ ...— „Ты что же, дитятко?“ — Да я имъ прогутарилъ: молотить вамъ три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили“ . — „Охъ! дитятко! ты бы сказалъ имъ: „Возить вамъ — не перевозить, носить — не переносить, таскать — не перетаскать!“

Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу. Вотъ на встрѣчу ему несутъ упокойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, зашумѣлъ въ превеликой голосъ: „Носить вамъ — не переносить, таскать — не перетаскать!“ Опять отдули его. Дуракъ воротился къ матери и рассказалъ ей, за что его прибили. — „Ты бы, дитяtko, сказалъ имъ: канунъ да ладанъ!“ Такія слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ. На другой день опять пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ свадьба и ѣдетъ ему на встрѣчу. Дуракъ откашлялся, закричалъ, какъ только свадьба съ нимъ поравнялась: „Канунъ да ладанъ!“ Пьяные мужики соскочили съ телѣги и прибили его жестоко. Дуракъ пошелъ домой, кричитъ: „Охъ, мать моя родимая! какъ больно-то прибили меня!“ — „За что, дитяtko?“ Дуракъ рассказалъ ей, за что прибили. Мать сказала: „Ты бы, дитяtko, поигралъ да поплясалъ имъ“. — „Спасибо тебѣ, матушка моя!“ И ушелъ опять на село да взялъ съ собою дудочку. Вотъ въ концѣ села занялся (загорѣлся) овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда; забѣжалъ противъ овина и ну плясать да играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ опять пришелъ къ матери со слезами и рассказалъ, за что его побили. Мать ему сказала: „Ты бы, дитяtko, взялъ воды, да заливалъ съ ними“. Черезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ онъ: мужикъ свинью палить. Дуракъ схватилъ у мимо шедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, побѣжалъ туда и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и рассказалъ, за что его били. Мать заклалась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

11. В о р о в а т ы и м у ж и к ѣ .

Жила была старуха; у ней было два сына: одинъ то померъ, а другой въ дальнюю сторону уѣхалъ. Дня три спустя, какъ уѣхалъ сынъ, приходитъ къ ней солдатъ и просится: „Бабушка, пусти ночевать!“ — „Иди родимой, да ты откуда?“ — „Я, бабушка, Никонецъ — съ того свѣту выходецъ.“ — „Ахъ, золотой мой, у меня сыночекъ померъ; не видалъ ли ты его?“ — „Какъ же, видѣлъ — мы съ нимъ въ одной горницѣ жили?“ — „Что ты!“ — „Онъ, бабушка, на

томъ свѣтъ журавлей пасеть“ — „Ахъ, родненькой! чай, онъ съ ними замаялся!“ — „Еще какъ замаялся! Вѣдь, журавли то, бабушка, все по шиповнику бродятъ“. — „Чай, онъ обносился?“ — „Еще какъ обносился то: совсѣмъ въ лохмотьяхъ“. — „Есть у меня, родимый, аршинъ сорокъ холста, да рублевъ съ десятокъ денегъ; отнеси къ сынку“. — „Изволь, бабушка!“ Долго-ли, коротко-ли—пріѣзжаетъ сынъ. „Здравствуй, матушка!“ — „А ко мнѣ безъ тебя приходилъ Нико-нецъ, съ того свѣту выходець; про покойнаго сынка ска-зывалъ; они вмѣстѣ въ одной горницѣ жили. Я услала съ нимъ туда холстикъ да десять рублевъ денегъ“. — „Коли такъ, говоритъ сынъ, прощай, матушка! я поѣду по вольному свѣту—когда найду дураковатѣе тебя, буду тебя и поить, и кормить; а не найду—со двора спихну“. Повернулся и пошелъ въ путь-дорогу.

Приходить въ господску деревню, остановился возлѣ барскаго двора, а на дворѣ ходитъ свинья съ поросятами. Вотъ мужикъ сталъ на колѣни и кланяется свиньѣ въ землю. Увидала то изъ окна барыня и говоритъ дѣвкѣ: „Ступай, спроси, чего мужикъ кланяется“. Спрашиваетъ дѣвка: „Мужичокъ! чего ты на колѣняхъ стоишь, да свиньѣ поклоны бьешь?“ — „Матушка, доложи барынькѣ, что свинья то ваша пестра—моей женѣ сестра, а у меня сынъ завтра женится — такъ на свадьбу прошу: не отпустить ли свинью въ свахи, а поросятъ въ поѣздъ?“ Барыня, какъ выслушала эти рѣчи, и говоритъ дѣвкѣ: „Какой дуракъ! просить свинью на свадьбу, да еще съ поросятами. Ну что жъ! пусть съ него люди посмѣются: наряди поскорѣй свинью въ мою шубу, да вели запречь въ повозку пару лошадей; пусть не пѣшкомъ идетъ на свадьбу“. Запрягли повозку, посадили въ нее наряджену свинью съ поросятами и отдали мужику. Онъ сѣлъ и поѣхалъ назадъ. Вотъ воротился домой баринъ, а онъ былъ въ то время на охотѣ. Барыня его встрѣчаетъ, сама со смѣху помпираетъ: „Ахъ! душенька, не было тебя, не съ кѣмъ было посмѣяться. Былъ здѣсь мужичокъ, кланялся нашей свиньѣ: ваша свинья, говорилъ, пестра—моей женѣ сестра; и просилъ ее къ своему сыну въ свахи, а поросятъ въ поѣздъ“. — „Я знаю, говоритъ баринъ: „ты ее отдала“. — „Отпустила, душенька! нарядила въ свою шубу и дала повозку съ парой лошадей“. — „Да откуда мужикъ-то?“ — „Не знаю, голубчикъ“. — „Это, выходитъ, не мужикъ—дуракъ, а ты—дура!“ Разсердился баринъ, что жену

обманули; выбѣжалъ изъ хоромъ, сѣлъ на виноходца и поскакалъ въ погоню. Слышитъ мужикъ, что баринъ его нагоняетъ, завелъ лошадей съ повозкою въ густой лѣсъ, а самъ снялъ съ головы шляпу, опрокинулъ на земь и сѣлъ возлѣ. „Эй ты, борода! закричалъ баринъ: „не видалъ ли, не проѣхалъ ли здѣсь мужикъ на парѣ лошадей? Еще у него свинья съ поросятами въ повозкѣ“. — „Какъ не видать, ужъ онъ давно проѣхалъ“. — „Въ какую сторону? какъ бы мнѣ его догнать?“ — „Догнать—не устать, да повертокъ много: того и смотри заплутаешься; тебѣ, чай, дороги невѣдомы!“ — „Поѣзжай, братецъ, ты; поймай мнѣ этого мужика!“ — „Нѣтъ, баринъ, мнѣ никакъ нельзя; у меня подъ шляпою соколъ сидитъ“. — „Ничего, я постерегу твоего сокола.“ — „Смотри; еще выпустишь! птица дорогая! меня хозяинъ тогда со свѣту сживетъ“. — „А что она стоитъ?“ — „Да рублевъ триста будетъ“. — „Ну, коли упушу, такъ заплачу!“ — „Нѣтъ, баринъ, хоть теперь ты сулишь, а что послѣ будетъ, не вѣдаю“. — „Экой невѣра! ну вотъ тебѣ триста рублевъ про всякій случай“. Мужикъ взялъ деньги, сѣлъ на виноходца и поскакалъ въ лѣсъ, а баринъ остался пустую шляпу караулить. Долго ждалъ баринъ; ужъ и солнышко закатывается, а мужика нѣтъ, какъ нѣтъ. „Постой, посмотрю; есть ли подъ шляпою соколъ; коли есть, такъ пріѣдетъ, а коли нѣтъ, такъ и ждать нечего“. Поднял шляпу, а сокола и не бывало. „Экой мерзавецъ! вѣдь, навѣрно, это былъ тотъ самый мужикъ, что барыню обманулъ“. Плюнулъ съ досады баринъ и поплелся къ женѣ, а мужикъ ужъ давно дома. „Ну, матушка, говоритъ старухѣ: „живи у меня; есть на свѣтѣ и тебя дурашливѣе: вотъ ни за что, ни про что дали тройку лошадей съ повозкой, триста рублей денегъ, да свинью съ поросятами“.

12. Разказы объ инородцахъ¹⁾.

1. Цыганъ разбилъ палатку возлѣ озера. Лежитъ на берегу ровно три дня, да все въ воду смотреть, какъ рыба

¹⁾ Въ этихъ разказахъ о встрѣчахъ великорусса съ малороссомъ („хохлою“) цыганомъ, евреемъ, татаринномъ и т. д. характеренъ торжествующій тонъ господствующей народности, которая сознаетъ свое превосходство въ духовномъ отношеніи; изъ самихъ разказовъ, однако видно, что это превосходство состоитъ обыкновенно въ большей бойкости, изворотливости и умѣньи лучше обмануть. Повсюду, гдѣ сталкиваются различные

въ озерѣ гуляетъ: гулять-то она гуляетъ, да цыгану въ ротъ не попадаетъ. Глядь—пріѣхаль чумакъ на быкахъ степь орать, развелъ огонь и началъ кашницу варить. Вотъ цыганъ и думаетъ думку, какъ бы ухитриться—у чумака около котла поживиться. Приходитъ къ нему: „Здравствуй, батинька!“—„Здоровъ бувъ, цыганъ!“—„А что, батинька! мнѣ ужасно тошнить съ постнаго“.—„Что такъ?“—„Да за- всегда вижу рыбу въ глазахъ. Ъшь—не хочу: больно при- скучила. А ты что ѣшь, батинька?“—„Да сало“.—„Давай же другъ съ дружкой подѣлимся: ты мнѣ хоть сальца ку- сокъ удѣли, а я тебя рыбкой поподчую“. Чумакъ отрѣзалъ ему кусокъ сала. „Спасибо, батинька; да, вѣдь, къ салу и хлѣба надобно“. Чумакъ далъ ему паляницу. „Дай ужъ и пшена горсточку“. Чумакъ отсыпалъ ему и пшена. „Спа- сибо, добрый человекъ, пріѣзжай ко мнѣ за рыбою. Ты мнѣ изъ своихъ рукъ давай, а я тебя подведу къ моему добру, да, сколько хочешь, столько и бери“. Пришелъ цы- ганъ въ свой шатерь, сварилъ кашницу и всласть поѣлъ. Лежить надъ озеромъ, да на рыбу смотреть. Чумакъ по- слалъ своего хлопца къ чумаку за рыбою. „Здоровъ бувъ, цыганъ! тятка за рыбою прислалъ“. — „Да, что же, ба- тинька, твой отецъ самъ не пріѣхаль? Вотъ ужъ и не знаю, что теперь дѣлать; много дать—ты не подынешь, а мало дать—пожалуй, онъ обидится. Лучше пускай самъ пріѣз- жаешь“. Хлопчикъ прибѣжалъ къ чумаку, сказалъ ему эти рѣчи. Чумакъ запрегъ лошадь и поѣхалъ къ цыгану. „Здравствуй, батинька, здравствуй! что хорошаго ска- жешь?“—„Да за рыбой пріѣхаль“.—„Ну, вотъ тебѣ ложка; пойдемъ, сперва уши похлебаемъ“. Привелъ его къ озеру: „Садись, батинька! какъ выхлебаешь эту уху, тогда хотъ всю рыбу бери“. Чумакъ наплевалъ цыгану въ глаза и по- ѣхалъ ни съ чѣмъ.

2. Жилъ былъ мужикъ — парень бойкій, ловкій; при- сталъ онъ въ работники къ одному цыгану. Вотъ какъ-то

этнографическіе элементы, ходятъ подобные грубоватые рассказы—остатки старой племенной отчужденности и вражды; они исчезаютъ по мѣрѣ куль- турнаго развитія народа и тѣснаго слиянія его составныхъ частей. По- добное отношеніе у насъ въ старину шло еще дальше — въ глубь самого великорусскаго племени; объ этомъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшія до на- шихъ дней, хотя въ ослабленномъ и полузабытомъ видѣ, насмѣшливыя и бранныя клички, прозвища и намеки, которыми дразнили и отчасти драз- нять другъ друга отдѣльныя области, города, села или ихъ части (Раз- сказы о пошехонцахъ). Живучесть подобныхъ вещей въ народной памяти— показатель медленности объединяющаго культурнаго развитія страны.

случилось цыгану ѣхать на ярмарку. Взялъ онъ съ собою и работника; собрались и поѣхали. Ёхали-ѣхали, и пристига ихъ въ дорогѣ тѣмная ночь: надо въ чистомъ полѣ почевать. Отложили они лошадей, поужинали, пора и на покой.— „А что, батиньку“, говорить цыганъ: „надо одному спать ложиться, а другому лошадей караулить“. — „Ну, что жъ“, отвѣчаетъ работникъ: „ложись ты впередъ, а какъ выспишься, тогда я залягу, а ты сторожить будешь“. Сталь цыганъ постель себѣ готовить, постлалъ ее къ мѣсяцу головами — а мѣсяць только-что-только зачалъ всходить — улегся и говорить работнику: „Послушай, батиньку: ты смотри на этого чудака (и указываетъ ему на мѣсяць); когда уйдетъ онъ отсюда и станетъ у моихъ ногъ, тогда и буди меня, а раньше не трогай“. — „Ладно!“ — „Ну, думаетъ цыганъ: „важно надулъ мужика — теперь всю ночь до свѣта просплю“. Повернулся на бокъ и захрапѣлъ на все поле. Мужикъ подождать немного; видитъ, что цыганъ крѣпко уснулъ, подошелъ къ нему взялъ за ноги, да собою постелью и повернулъ налѣво кругомъ: очутился мѣсяць какъ разъ въ ногахъ у цыгана; потомъ будить цыгана: „Эй, хозяинъ! время вставать, посмотри-ка: вонъ гдѣ чудакъ“. Цыганъ проснулся, поглядѣлъ — мѣсяць въ ногахъ, и говорить: „Ну, батиньку! ложись да усни немножко: вишь, чудакъ-то заходить; скоро свѣтать будетъ“. Мужикъ легъ спать, а цыганъ сталъ на часы лошадей караулить. Стоитъ онъ часъ, стоитъ другой: нѣтъ — не свѣтаетъ, а мѣсяць не только не спускается ниже, а все выше, выше забираетъ. „Что такое съ чудакомъ случилось?“ думаетъ цыганъ: „опять въ гору лѣзетъ“. Часовъ шесть прошло; надоѣло цыгану караулить — не вытерпѣлъ, давай будить мужика. „Вставай, батиньку! да смотри на небо: нашъ чудакъ совсѣмъ взбѣсился — назадъ воротился! видно, намъ эту ночь не дожидаться свѣту. Запрягай-ка лошадей, да поѣдемъ дальше!“

3. Цыганъ залѣзъ въ чужой садъ и набузовалъ яблочьковъ полны карманы. На его бѣду пришелъ хозяинъ. Цыганъ бѣжать, а хозяинъ догонять. Бѣгали-бѣгали, насилу поймалъ. „Эхъ, батинька, какъ же ты уморилъ меня“, говорить цыганъ.

4. Русскій съ мордвиномъ работали вмѣстѣ на Волгѣ, да вмѣстѣ оттолева и домой пошли. Вотъ они шли путемъ-

дорогой, да оба и приустиали. Мордвинъ и выдумалъ штуку. „Давай, баеть, рускій, попеременно одинъ другого нести за коргешками. Поколѣ я тебя буду нести, ты пѣсню пой, а какъ ты споешь пѣсню, я на тебя сяду—ты меня неси до тѣхъ поръ, пока я пѣсню спою“. Рускій дѣлами смекнулся: „Пожалуй“, баеть, „мордвинушка! я на это согласенъ. Давай жеребій метнемъ, кому кого напередъ достанется нести“. Метнули жеребій. Напередъ досталось русскому везти мордвина. Мордвинъ сѣлъ русскому за коргешки; сидитъ да пѣсню поеть, а рускій слушаетъ да везётъ. Вотъ мордвинъ спѣлъ пѣсню; рускій сѣлъ на мордвина, да и запѣлъ безконечну пѣсенку: ти-ли-ли, ти-ли-ли! сидитъ да поётъ, а мордвинъ слушаетъ да везетъ. Версть десять провѣзъ русскаго, да и спрашиваетъ: „Что, рускій, вся ли твоя пѣсня?“—„Нѣтъ, мордвинушка, не вся еще!“—Мордвинъ вѣзъ, вѣзъ, безъ мѣчи сталь; упалъ съ устатку, а у русскаго пѣсня не вся еще. „Ну“, баеть, „рускій, хоть вся, хоть не вся твоя пѣсня, а мнѣ отдыхать пришлось. Твои ти-ли-ли меня съ ногъ свалили!“ Мордвинъ остался, а рускій еще версть десять ушелъ. Вотъ тебѣ Мордвинъ! затѣялъ на свою шею возиться; ну гдѣ мордвину обмануть русскаго? Ужь обманетъ ли, нѣтъ ли—рускій мордвина!

5. Рускій и татаринъ ѣхали вмѣстѣ. Случилось имъ ночевать въ полѣ. Сварили они кашу, поѣли, и начали разговаривать, кому лошадей караулить. У русскаго лошадь была сивая да плохая, а у татарина вороная да хорошая. Ночь была темная. Рускій говоритъ татарину: „Мнѣ не надо караулить свою бѣлую лошадь: я проснусь и тотчасъ ее увижу. А ты не спи, карауль свою черную лошадь“. Татарину не хотѣлось караулить; онъ промѣнялъ свою лошадь русскому. „Рускій взялъ хорошую лошадь за плохую и сталъ смѣяться надъ татаринѣмъ: „Теперь, говорить, я вовсе не буду караулить своей черной лошади; пройдетъ воръ—моей черной лошади не найдеть въ потьмахъ, а твою бѣлую сейчасъ же увидитъ и украдетъ“.

28. Лирическія пѣсни.

Колыбельныя и дѣтскія.

1.

Сонъ ходитъ по снѣжамъ—
Дрема по новѣмъ,
Сонъ ищетъ Дрему,
Дрема спрашиваетъ:
„А и гдѣ же колыбель
„Да Ванюшенькина?“
— „А его ли колыбель
„Во высокомъ терему,
„Во высокомъ терему,
„Въ шитомъ-браномъ пологу“.

2.

Баю, баюшки, баю,
Баю милую дитю:
Мое милое дитя
Накричалось вопѣ.
Ты спи-усни,
Угомонъ тебя возьми:
Сонъ да дрема
Моей милой въ голова.
Ты спи по ночамъ
И расти по часамъ.
Спи, Господь надъ тобой!
Глазки ангельски закрой!
Выростешь большой,
Будешь въ золотѣ ходить,
Будешь въ золотѣ ходить—
Чисто сѣребро носить,
Мамушкамъ-нянюшкамъ
Обносочки дарить—
Младымъ дѣвицамъ
По ленточкѣ,
Старымъ старушкамъ
По повойничку!

3.

Гуркота, гуркота!
А Митенькѣ дремота.
Сонъ да дрема
Вдоль по улицѣ прошла,
Къ моему Митенькѣ зашла,
Подъ головушку спать легла.
Баюшки, баю,
Баю дѣточку мою!
Прилетѣли гулюшки,
Садилась на люлюшку,
Они стали гурковать,
Стали Митеньку качать,
Прибаюкивати:
„Спи, Митенька, засни,
Угомонъ тебя возьми.
Лучше выспишься—
Не закуражишься,
Пойдешь въ садъ—
Разгуляешься,
Да и съ нянюшками,
Да и съ мамушками.
Будешь въ золотѣ ходить,
Много серебра носить“.
Баю, баюшки-баю,
Баю дѣточку мою!

4.

Долгоногій журавель
На мельницу ѣздить.
Диковинку видѣлъ:
Коза муку мелеть,
Козель засыпаетъ,
А маленьки козленочки
Муку выгребають,
А барашки—круты рожки
Въ дудочку играютъ,
А сороки—бѣлобоки
Пошли танцовати,

А вороны стережѣны
Пошли примѣчати.
Сова изъ-за угла смотрить,
Ногами топчѣть,
Головой вертѣть.

5.

Сова, совинька, сова,
Большая голова,
На колу сидѣла,
Въ стороны глядѣла,
Головой вертѣла.

Гуля, гуля—голубокъ,
Гуля сизенькій,
Сизокрыленькій,
Всѣмъ миленькій.

Синичка, синичка,
Воробью сестричка.
Воробей-воришка
Залѣзъ въ амбаришко,—
Клевать просо
Своимъ носомъ.

6.

Какъ у бабушки козель,
У старой бабы сѣдой.
Тпру-ка, ну-ка, тили-ли,
Тили люшеньки мои! ¹⁾
Онъ на шѣсточкѣ лежалъ,
Судомоечку лизалъ.
Отпросился козель,
Отпросился сѣдой
На часокъ во лѣсокъ:
„Ахъ ты, бабушка,
„Ты, Варварушка!
„Отпусти-ка ты козла,

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двухъ стиховъ.

„Отпусти-ка удалца.
„Я поймаю тебѣ
„Волка сѣренькаго,
„Волка сѣренькаго,
„Лису желтенькую,
„А волчицу на капоть,
„А лисицу на салопъ“.
Какъ на встрѣчу козлу
Идутъ семь волковъ,
Осьмой-отъ волкъ —
Подопрѣлый бокъ:
Онъ семь лѣтъ говѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.
Испугался козелъ,
Испугался сѣдой:
Онъ бородкой трясеть,
Точно вѣничкомъ,
Онъ ножками стучитъ,
Словно ступочками.
„Ахъ ты, бабушка,
„Ты, Варварушка!
„Отвори-ка ворота,
„Принимай-ка козла!“

Семейныя.

1.

Свѣтель мѣсяць, родимый батюшка!
Красно солнышко, родимая матушка!
Не бейте вы полу о полу ¹⁾,
Не хлопайте пирогъ о пирогъ,
Не пропивайте вы меня, бѣдную,
Не отдавайте вы меня, горькую,
На чужу дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу, ко чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:

¹⁾ Торговый обычай, бывший въ ходу также при сватаньи: брачный договоръ, какъ и коммерческая сдѣлка, скрѣплялся „рукобительемъ“, причѣмъ рука прикрывалась полой платя.

Безъ огня у нихъ сердце разгарается,
Безъ соломы у нихъ гнѣвъ раскипается,
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
На концѣ стола дубоваго,
Нагляжусь то я—наплачуся.

2.

× Матушка, что во полѣ пыльно?
Сударыня ты моя,
Что во полѣ пыльно?
Дитятко, кони разыгрались,
Свѣтъ милое ты мое,
Кони разыгрались.
Матушка, во дворъ гости ѣдутъ,
Сударыня ты моя,
На крылечко идутъ!
Дитятко, не бойсь, не пужайся,
Свѣтъ милое ты мое,
Не бойсь, не пужайся.
Матушка, во горенку идутъ,
Сударыня ты моя,
За столы садятся!
Дитятко, не бойсь, не кручинься,
Свѣтъ милое ты мое,
Не бойсь, не кручинься!
Матушка, пожалѣй ты свое дитятко,
Сударыня ты моя,
Пожалѣй свое родимое!
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ милое ты мое,
Не бойся, не выдамъ.
Матушка, со стѣны образъ снимають,
Сударыня ты моя,
Со стѣны образъ снимають!..
Дитятко, образумься, пташечка!
Свѣтъ милое ты мое,
Образумься, пташечка!
Матушка, меня благословляють,
Сударыня ты моя,
Меня благословляють!..
Дитятко, Господь Богъ съ тобою,

Свѣтъ милое ты мое,
Господь Богъ съ тобою!..

3.

Ахъ ты, ель моя, ёлочка,
Золотая ты макушечка!
Покачнися ты туды-сюды,
Туды-сюды—на всѣ стороны,
Посмотри-ка ты вокругъ себя:
Ти все ли тутъ твое вѣтвице,
Все ли буйное кореньице?
„Мое вѣтвице все при мнѣ,
„Только нѣтъ одной макушечки,—
„Ту макушку вѣтры сбили“.
Молодая ты невѣстушка,
Оглянися ты туды-сюды,
Туды-сюды—на всѣ стороны:
Вся ли тутъ твоя родина?
„Моя родина вся при мнѣ,
„Только нѣтъ одного батюшки,—
„Мово батюшку пески взяли.
„Ужъ ты, братецъ мой родименькій,
„Ты ступай-ка на конюшенку,
„Осѣдай-ка коня вѣрона,
„Повзжай-ка къ Божьей церковкѣ,
„Ты ударь-ка въ большой колоколь...“
Подымитесь, буйны вѣтры,
Вы разсыпьте желты пески,
Взбудите мово батюшку;
Пусть посмотритъ на свое дитя,
Хорошо ли оно собрано,
И на мѣстѣ ли посажено..
„А спасибо добрымъ людямъ,
„Добрымъ людямъ, сосѣдушкамъ:
„Хорошо дитя собрано
„И на мѣстѣ посажено:
„Снарядить-одѣть меня есть кому,
„Благословить меня нѣкому!“

4.

Охъ ты, мать моя, матушка!
Охъ ты, мать, государыня;

Ты взойди, моя матушка,
Ты взойди въ мой высокъ теремъ,
И ты сядь подъ окошечкомъ,—
Что севоднешну ноченьку
Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
Какъ у насъ на широкомъ дворѣ,
Что пустая хоромина—
Углы прочь отвалилися;
По бревну раскатилися;
На печѣищѣ котѣще лежитъ,
По полѹ ходитъ гѹсыня,
А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впереди младъ ясѣнь соколь.
— Ты дитя-ль мое, дитятко!
Ужъ какъ я тебѣ сонъ расскажу,
По словамъ я тебѣ разсужу:
Что пустая хоромина—
Чужа дальная сторонушка;
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,—
Родъ-племя отступилися;
На печѣище котѣще лежитъ—
То лютой свекорь-батьюшка;
По полѹ ходитъ гѹсыня—
То люта свекровь-матушка;
А по лавочкамъ голуби—
Деверья ясны соколы;
По окошечкамъ ласточки—
То золовки голубушки;
Впереди младъ-ясѣнь соколь—
То *(имя и отчество жениха)*.

5.

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку;
Свекоръ батьюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

Хоръ.

Стучить-гремятъ, стучить-гремятъ,
Снохѣ спать не даетъ:

„Встань, встань, встань, ты сонливая!
„Встань, встань, встань, ты дремливая!
„Сонливая, дремливая, неурядливая!“

* * *

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку.
Свекровь матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

Хоръ.

Стучить-гремять, стучить-гремять,
Снохѣ спать не даетъ:
„Встань, встань, встань, ты сонливая,
„Встань, встань, встань, ты дремливая,
„Сонливая, дремливая, неурядливая!“

* * *

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку.
Милъ любезный по сѣничкамъ похаживаетъ,
Легохонько, тихохонько поговариваетъ:

Хоръ.

„Спи, спи, спи, ты моя умница,
„Спи, спи, спи, ты разумница!
„Загонена, забронена, рано выдана.“

6.

„Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
;Сколько тебѣ лѣтушекъ?“
— Семьдесятъ, бабушка, семьдесятъ,
— Семьдесятъ, Пахомовна, семьдесятъ.
„Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
„Сколько у тебя дѣтушекъ?“
— Семеро, бабушка, семеро;
— Семеро, Пахомовна, семеро.
„Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
„Что они ѣсть то будутъ?“
— Хлѣбушка, бабушка, хлѣбушка.
„Хлѣбушка, Пахомовна, хлѣбушка.
„Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
„Гдѣ жъ они хлѣбушка возьмутъ?“

Сидоръ Карповичъ

— По міру, бабушка, по міру,
— По міру, Пахомовна, по міру.
„Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
„По міру ходитъ—собаки съѣдятъ.“
— Съ палочкой, бабушка, съ палочкой,
— Съ палочкой, Пахомовна, съ палочкой.
„Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
„Зимой по міру—ноги озябнуть“.
— Въ лапоткахъ, бабушка, въ лапоткахъ.
— Въ лапоткахъ, Пахомовна, въ лапоткахъ.

Причитанья.

1 ¹⁾.

Порастроньтесь, люди добрые!
Припаду я ко могилушкѣ,
Я послушаю, безсчастная,
Ночь не стонетъ ли сыра земля,
Не вопить ли моя матушка,
Не жалѣеть ли обидушки.
Ой, не стонетъ мать-сыра земля—
Не вопить моя родитель жалостливая!
Съ горъ катитесь, ручьи вѣшніе,
Вы размойте пески желтые,
Поднимите гробову доску,
Вы откройте полотенечка;
Дайте разъ взглянуть горющицѣ
На родитель-мою матушку!
Ой, не лютя ручьи вѣшніе,
Не размоютъ песковъ желтыхъ,
Не покажутъ моей матушки!
Возбушуйте, вѣтры буйные,
Со всѣхъ ли четырехъ сторонъ,
Понеситесь вы къ Божьей церкви,
Размечите вы сыру землю,
Вы ударьте въ большой колоколь,
Разбудите мою матушку!

¹⁾ Дочь плачетъ на могилѣ матери тотчасъ по окончаніи похоронъ.

Не бушуютъ-то вѣтры съ четырехъ сторонѣ,
Не ударятъ они въ большой колоколъ,
Не разбудятъ моей матушки.—
Налетите съ небесъ, Ангелы-Архангелы,
Вовложите вы душу въ грудь умершую,
Въ бѣлы рученьки маханьице,
Въ быстры ноженьки ходаньице!—
Не летятъ да съ неба Ангелы-Архангелы,
Не влагаютъ душу въ грудь умершую.—
Знать не вѣстать синю камешку съ синя моря,
Не бывать въ живыхъ родитель-моей матушкѣ.
Охъ, тошнѣмъ да мнѣ тошнѣшенько!
Пройдетъ зимушка холодная,
Какъ наступитъ весна красная,
Потекутъ да рѣчки быстрыя,
Зацвѣтутъ въ рощахъ деревьица,
Запогуркиваютъ голуби,
Запосвистываютъ солóвушко;
У меня-жъ, бѣднѣ горющицы
Не сойдетъ съ сердца кручинушка,
Не убавится обѣдушка;
Распекѣтъ да красно солнышко
Среди да лѣта теплаго,
Не согрѣетъ сиротинушки,
Лишь притеплить меня бѣднушку
Зеленая дубравушка—
На могилѣ моей матушки!

2 ¹⁾.

Какъ о свѣтломъ Владычномъ Божьемъ праздникѣ,
На ранней на заутренѣ воскресной,
Пресвятой Илья пророкъ-свѣтъ преподобный,
Пролеталъ онъ ко престолу ко Господнему.
Проречетъ Илья Владыкѣ многомилостивому:
„Ужъ я дамъ да эту тучу неспособную,

¹⁾ Это сошедка причитаетъ по сошедѣ, убитомъ въ полѣ грозой. Причитаніе замѣчательно по своему эпическому тону, мало свойственному такимъ произведеніямъ, и по общей картинности и выразительности. Оригинальное вступленіе — нѣчто вродѣ „Пролога на небѣ“ къ послѣдующей драмѣ,—простота и стройность разсказа, художественно разработанная картина наступленія грозы — все это такія черты, которыя сдѣлали бы честь крупному поэту-художнику. Причитаніе это принадлежитъ выдающейся причитальщицѣ („вопленицѣ“) Олонеккой губ., Иринѣ Федосовой, умершей всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

„Ужь я на́ это на чистое на полюшко,
„Я стрѣлу спущу въ крестьянина могучаго,
„Заражу да я грудь то его бѣлю;
„Не могу терпѣть велика беззаконія:
„Онъ не ходитъ-то крестьянинъ во Божью церковь,
„Онъ не молится-то Богу отъ желаньца,
„О душѣ своей крестьянинъ не спашается,
„Да онъ въ тяжкихъ грѣхахъ попу не кается.“
Испроговорить Владыка свѣтъ тутъ милостивый,
Преподобному Ильѣ да онъ громовному:
„Что ты хочешь, Илья—въ волюшку все творишь.“
Какъ по этой по разливной красной вѣснущкѣ,
На троицкой то было на недѣлюшкѣ,
Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали пахари на полѣ объявлятися;
Тутъ повыѣхалъ спорядной нашъ сусѣдушко,
Онъ въ раздольице повыѣхалъ, въ чисто поле,
На эти распашисты полосушки.
Съ утра жалобно вѣдь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на улничкѣ;
На часу вдругъ тутъ е да объявилося:
Стало солнышко за облака тулятися,
Наставала туча темна—неспособная,
Съ громомъ да эта туча со толкучимъ,
Вдругъ со молніей-то тученька свистучей,
Со этимъ огнемъ да она плящимъ.
На горы шла туча на высокія—
Горы съ этой тучи порастрескались,
Мелки камешки со страсти покатилися.
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лѣсамъ шла она по дремучимъ,—
Лѣса къ земли съ этой тучи приклонилися,
По кóрешку они всѣ приломалися;
Уже такъ да шла грозна эта тученька,
Въ темномъ лѣсѣ дики звѣри убоялися,
По своимъ мѣстамъ звѣри убиралися.
Становилась туча темна на сине море, —
Сине море со дна все расходилося,
Страшно-ужасно тутъ море расшумѣлося;
Съ луды камни оно тутъ вырывало,
Волной на берегъ оно да ихъ бросало;
Въ сивемъ морѣ бѣлы рыбы убоялися,

По своимъ станамъ рыбы разметалися.
По селамъ пошла туча деревенскимъ,
Знать, деревнями та туча разгремѣлася,
Мать сыра земля со грому надрожалася;
Съ тучи добрые дома да пошатилися;
Со чиста поля крестьяна убиралися,
Во своихъ домахъ они да сохранялися;
Съ этой страсти крестьяна, съ перепѣлоху,
Затопляли свѣщи да воску яраго,
Туть молили они Бога отъ желаньица,
Они кланялись во матушку сыру землю:
„Спаси, Господи, вѣдь душъ да нашихъ грѣшныхъ,
„Отъ стрѣлы ты сохрани да насъ, отъ молніи,
„Пронеси, Господи, тучу на чисто поле,
„На чисто поле тучу, за сине море!“
На чисто поле туть туча своротилася,—
Страшно-ужасно туть туча разгромѣлася,
Очень плящѣ огни да разгорѣлися.
Все вѣдь думаль-то спорядной нашъ сусѣдушко,
Торокомъ да пройдетъ темна эта тученька;
Становился подъ кудряву деревиночку....
Стрѣла Божья туть вдругъ да разлетѣлася,
Не на воду вѣдь стрѣлушка, не на землю,
Не на звѣря въ темномъ лѣсушкѣ съѣдучаго,
Она пала на сусѣда спорядоваго—
Изорвала все ретливое сердечушко;—
Заразилъ-побилъ Илья-свѣтъ преподобный
Да онъ славнаго крестьянина могучаго.
Туча темная заразь же уходилася,
Стрѣла-молнія заразь же приукрылася,
Вдругъ порѣспекло туть красно это солнышко....
Какъ схватилася спорядная сусѣдушка
За свою она надежную головушку:
Гдѣ отъ тучи—отъ молніи сохраняется?
Подъ какой да деревиночкой спасается?
Подъ малымъ ли ракитовымъ подъ кустышкомъ?
Аль сидитъ онъ на катучемъ бѣломъ камышкѣ?
Туть вѣдь бросилась спорядная сусѣдушка,
По селу она пошла по деревенскому,
Туть въ раздольице бросилась во чисто поле,
Скоро шла да по распашистымъ полосушкамъ,
Вдругъ увидѣла ступистую лошадушку:

Добрый конь стоит—головушка наклонена;
Тутъ ужახнулось ретливое сердечушко,
Не видать да все надежной головушки.
Тутъ глядѣть стала по чистому по полюшку,
Какъ взглянула на курчаву деревиночку,
Стоить деревце теперь—въ щепу разломано,
Ко сырой землѣ вѣдь деревце приклонено,
Тутъ бросилася къ кудрявой деревиночкѣ,—
Какъ лежитъ ейна надежная головушка,
На матушкѣ лежитъ да на сырой землѣ,
Бѣла грудь его стрѣлою той прострѣлена,
Ретливо сердце все молніей разорвано,
Бѣлы рученьки его да пораскинуты.
Задрожала тутъ побѣдная семейшка,
Испугалася надежной головушки:
Нѣту душеньки его да во бѣлой груди,
Нѣту зрѣнья у него да во ясныхъ очахъ,
Во устахъ его языкъ да не воротится,
Какъ убитъ лежитъ надеженька подстрѣленный,
Отъ страсти онъ, надежа, тучи темной....
Воротилася побѣдная сусѣдушка
Она взадъ да во село тутъ деревенское,
Со раздольица—побѣдна—со чиста поля,
Объявила тутъ сусѣдамъ спорядовымъ,
Какъ надѣлала тревоги всему обществу,
Безпокойства-то крестьянамъ православнымъ;
Караулъ да къ тѣлу мертву полагали,
Къ становому тутъ нарочныхъ отправляли.

Удалыя и разбойничьи¹⁾.

1.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;

¹⁾ Интересъ и даже сочувствіе, съ какимъ относится народное творчество къ разнымъ удалыямъ и разбойникамъ, объясняются тѣмъ, что въ старину эти люди часто вовсе не были худшимъ элементомъ населенія; выбрасывался изъ правильныхъ общихъ рамокъ жизни и становился во враждебныя отношенія къ обществу всякій, кто почему либо не могъ ужиться въ обычныхъ формахъ: нерѣдко это были сильные, энергичные люди съ развитымъ чувствомъ личности, которые бѣжали отъ тяжелаго родоваго или семейнаго гнета, отъ жесткихъ и несправедливыхъ условий старой го-

Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече въ чистомъ полѣ,
Куруется огонечекъ малешенекъ.
У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикъ лежить удалый добрый молодець,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь горячую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочеть вымолвить своему хозяину:
„Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодець!
Ты садись на меня, своего слугу.
Отвезу я добра молодца на родну сторону
Къ отцу-матери родимой, къ роду-племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!“
Какъ вдохнеть тутъ добрый молодець;
Подымалась у удалаго его крѣпка грудь,
Опустились у молодца бѣлы руки.
Растворилась его рана смертельная,
Полилась ручьемъ кровь горячая.
Тутъ промолвилъ добрый молодець своему коню:
„Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской;
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.“

2.

Ужъ вы горы, горы крутыя!
Ничего въ горахъ не породило,
Только породило кустъ ракитовый.

сударственности. Невольное сочувствіе къ этой силѣ духа, проявленной въ рѣшимости бросить нормальную жизнь и смѣнить ее на полное опасности и лишеній, но свободное кочеванье по лѣсамъ и степямъ, вызывало интересъ къ такимъ личностямъ со стороны тѣхъ, кто чувствовалъ гнетъ жизни, но не рѣшался сбросить его съ себя. Въ этомъ интересѣ могла, разумѣется, играть извѣстную роль и грубость идеаловъ. См. напр. пѣсню № 6, гдѣ героями являются простые грабители, составляющіе правильную шайку.

Ужь на этомъ кустѣ сидитъ младъ сизой орель;
У когтяхъ держитъ чернаго ворона,
Онъ бить не бьетъ, только спрашиваетъ:
„Гдѣ воронъ былъ, гдѣ черныи былъ?...“
— Я былъ-побывалъ на Саратовскихъ степяхъ,
Я видѣлъ чуду дивную; тамъ лежитъ тѣло бѣлое,
Никто къ тѣлу не приступается...
Приступились (къ тѣлу) три птички:
Первая пташечка—родная матушка,
Вторая пташечка—родная сестрица,
Третья пташечка—молода жена.
Гдѣ мать плачетъ—тамъ рѣчка прошла.
Гдѣ сестра плачетъ—тамъ колодези.
Гдѣ жена—тамъ роса стоитъ.
Солнышко взойдетъ—роса опадѣтъ.

3.

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ долиною, надъ широкою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодецвъ....
Какъ повыше-то было села Юркова,
Какъ пониже-то было села Лыскова,
Протекала тамъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, славна Стерженка,
Что никто по ней не проѣзживалъ,
Никто слѣдку не прокладывалъ.
Что плыла косна лодочка,
Косна лодочка, все разбойничья.
На носу-то стоитъ эсаулъ съ багромъ,
На кормѣ-то стоитъ атаманъ съ ружьемъ;
Посередѣ лодки бѣлъ тонкой шатеръ,
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Говоритъ она таково слово:
„Ужь какъ мнѣ, молодой, мало спалоса,
Мало спалоса, много видѣлось;
Нехорошъ-то мнѣ сонъ пригрезился:
Атаману-то быть повѣшену,
Эсаулу-то быть застрѣлену,
Вамъ-то, молодцамъ, всѣмъ по тюрмамъ сидѣть,
Мнѣ-то, дѣвушкѣ, быть на волюшкѣ“.

4.

Какъ и шель молодець дорогою;
Пристигла молодца темная ночь,
Темная ночь—осенняя.

Что и гдѣ молодцу ночь ночевать?
Ночевать молодцу въ сыромъ бору,
Въ сыромъ бору, подь сосною.
Какъ не сырой боръ шумить, гудить—
Зеленая сосна шатается,
Молодецкое сердце пугается.
„Не шуми ты, не гуди, сырой боръ!
Не качайся ты, сосна зеленая!—
Не пугай ты меня, молодца,
Не мѣшай ты мнѣ думу думати:
Что завтра мнѣ молодцу во допросъ иттить.
Передъ грознымъ судьей, передъ самимъ царемъ.
Что и станетъ государь царь меня спрашивати:
— Ты скажи, молодець, правду мнѣ,
Съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбойничалъ,
Еще много ли у тебя было товарищей?
„Товарищей со мною было только четверо:
Первый мой товарищъ—ночка темная,
А другой мой товарищъ—конь-добра лошадь,
А третій мой товарищъ—тугой мой лукъ,
А четвертый мой товарищъ—мой булатный ножъ“.
— Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ ты отвѣтъ держать!
За то я тебя, молодчика, пожалуйю
Во чистомъ полѣ хоромами:
Двумя столбами съ перекладиной.

5.

Мимо лѣсу, мимо темнаго,
Мимо садику зеленаго,
Пролежала путь-дороженька,
Широка, торна, пробойная.
Ой по той ли по дороженькѣ
Тамъ идутъ—идутъ солдатушки,
Они ведутъ-ведутъ удалаго мблнца,
Удалаго молодца—разбойничка:
Рѣзвы ноженьки закованы,

Назадъ рученьки завязаны,
Ясны оченьки заплаканы.
Они ведутъ его въ каменну Москву,
Въ каменну Москву, къ Грозному царю.
Сталь царь молодца допрашивати:
„Ты скажи мнѣ, вдалый молодець,
„Съ кѣмъ вороваль, съ кѣмъ разбой держаль,
„Ой и кто твои товарищи?“
— Я скажу тебѣ, православный царь,
— Съ кѣмъ я вороваль, съ кѣмъ разбой держаль,
— Ой и кто мои товарищи:
— Какъ и первый то товарищъ—
— Да и темная ночь;
— А другой ли мой товарищъ—
— Да и воронъ конь;
— Какъ и третій мой товарищъ—
— Да и вострый ножъ.

6.

Ахъ, доселева усовъ и слыхомъ не слышать,
А слыхомъ ихъ не слышать и видомъ не видать;
А нонеча усы проявились на Руси;
А въ Новомъ Усоли у Строгонова.
Они щепетко по городу похаживаютъ,
А кораблики бобровы, верхи бархатные,
На нихъ смурые кафтаны съ подпушечками,
(Съ подпушечками), съ камчатными,
А и сиіе чулки, астрахански черевики,
А красныя рубашки, косы воротники,
(Косы воротники), золотые плетни.
Собиралися усы на царевъ на кабакъ,
А сажалися молодцы во единый кругъ;
Большой усище и всѣмъ атаманъ,
А Гришка Мурышка, дворянскій сынъ,
Самъ говорить, самъ усомъ шевелить:
„А братцы—усы, удалые молодцы!
„А и лѣто проходить, зима настаетъ;
„А и надо чѣмъ усамъ голова кормить,
„На полатяхъ спать и намъ сытымъ быть.
„Ахъ, нуте-тко, усы, за свои промыслы:
„А мечитесь по кузницамъ, накуйте топоры

„(Накуйте топоры) съ подбородышами,
„А накуйте ножей по три четверти,
„Да сдѣлайте бердыши и рогатины,
„(Да сдѣлайте бердыши) и готовьтесь всё.
„Ахъ, знаю я крестьянина, — богатъ добръ:
„Живеть на высокой горѣ, далеко въ сторонѣ,
„Хлѣба онъ не пашеть, да рожь продаетъ,
„Онъ деньги беретъ, да въ кубышку кладетъ,
„Онъ пива не варить и сосѣдей не поить,
„А' прохожихъ-то людей ночевать не пуцать,
„А прямыя дороги не сказываетъ.
„Ахъ, надо-де къ крестьянину умѣючи идти:
„А по полю идти — не посвистывати,
„А и по бору идти — не покашливати,
„Ко двору его идти — не пошаркивати.
„У крестьянина-то въ домѣ борзые кобели,
„И ограда крѣпка, избушка заперта,
„У крестьянина ворота крѣпко заперты“.
Пришли они, усы, ко крестьянскому двору,
А хватались за заборъ, да метались на дворъ,
Ахъ, кто-де въ двери, атаманъ въ окно,
А и тотъ съ боркѹ, иной съ борку,
Ужъ полна избушка принабуркалася.
А Гришка Мурышка, дворянскій сынъ,
Сѣлъ подъ окномъ, самъ и локоть на окно,
Онъ самъ говорить и усомъ шевелить:
„А и ну-тка ты, крестьянинъ, поворачивайся!
„А и дай намъ, усамъ, и попить и поѣсть,
„И попить, и поѣсть, и позавтракати“.
Охъ, метался крестьянинъ въ большой амбаръ,
И крестьянинъ-атъ несетъ пять пудъ толокна,
А старуха-то несетъ три ушата молока.
Ахъ, увидѣли усы, молодые молодцы,
А и кады большу, въ чемъ пиво варять,
Замѣшали молодцы они теплушечку,
А нашли въ молокъ лягушечку.
Атаманъ говорить: „ахъ вы, добры молодцы,
„(Ахъ вы, добры молодцы), вы не брезгуйте:
„А и по нашему, по русски — холодѣнушка“.
Они по кусу хватили, только голодъ заманили,
По другому хватили, приоправилися,
Какъ по третьему хватили, ему кланялися:

„А спасибо те, крестьянинъ, на хлѣбѣ на соли,
„И на кисломъ молокѣ, на овсяномъ толокнѣ.
„Напоилъ насъ, накормилъ, да и животомъ надѣли:
„Надѣли ты насъ, усовъ, по пятидесять рублей,
„А большому атаману полтора ста рублей“.
А крестьянинъ-ать божится: „Право, денегъ нѣтъ!“
А старуха ротится: „Ни полушечки!“
А дуракъ на печи что клеить-говорить:
„А братцы усы, удали молодцы!
„А и есть-де вѣдь у батюшки денежки;
„А и будетъ васъ, усовъ, всѣхъ одѣлять,
„А мнѣ-де, дураку, не достанется“.
А проговорить усище—большой атаманъ:
„Братцы усы, за свои промыслы!
„Охъ, ну-тка, Афанась, доведи его до насъ,
„Ахъ, ну-тка, Агафонъ, вали его на огонь,
„А берите топоры съ подбородышами,
„Ахъ, колите заслонъ, добывайте огонь,
„Кладите огонь среди избы,
„Валите крестьянина брюхомъ въ огонь“.
Не могъ крестьянинъ огня стерпѣть...
Побѣжалъ крестьянинъ въ большой амбаръ,
Вынималъ изъ подъ каменю кубышечку,
Приносилъ крестьянинъ, да брякъ на столъ:
„Вотъ вамъ, усамъ, по пятидесять рублей,
„А большому-то усищу полтора ста рублей“.
Вставали усы, они кланяются:
„Да спасибо же, крестьянинъ, на хлѣбѣ на соли,
„На овсяномъ толокнѣ и на кисломъ молокѣ;
„Напоилъ насъ, накормилъ, животомъ надѣлилъ,
„Ахъ, мы дворъ твой знаемъ и опять зайдемъ,
„И тебя убьемъ и дочерей уведемъ,
„А дурака твоего въ есаулы возьмемъ“.

Обрядовыя.

1¹⁾.

Слава Богу на небѣ,

Слава!

1) Эта пѣсня поется „хлѣбу“; кусокъ хлѣба съ солью кладется на блюдо вмѣстѣ съ уголькомъ изъ печки. Послѣ пѣсни дѣвушки ломаютъ хлѣбъ и берутъ каждая по кусочку. Тогда уже поютъ другія „подблюдныя“ пѣсни съ загадываніемъ и выниманіемъ колецъ и т. п.

Государю нашему на всей землѣ,
Слава!
Чтобы нашему государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Краше солнца свѣтла,
Слава!
Чтобы царева золота казна,
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна,
Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ,
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы,
Слава!
А и эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшенье,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышанье,
Слава!

2.

Пришла Коляда,
Наканунъ Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку,
А дай Богъ тому,
Хто въ эвтомъ дому—
Ему рожь густа,

Рожь ужиниста:
Ему съ колосу осьмина,
Изъ зерна ему коврига,
Изъ полужерна пирогъ.
Надѣлили бы васъ, Господь,
И житьемъ, и бытьемъ,
И богатствомъ,
И создай вамъ, Господи,
Еще лучше того!

2.

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества,
За горою за крутою,
За рѣчкою за быстрою.
За горою за крутою,
За рѣкою за быстрою
Стоять лѣса дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горять,
Огни горять пылающіе.
Вокругъ огней люди стоятъ,
Люди стоятъ—колядуютъ:
„Ой Коляда, Коляда,
Ты бываешь, Коляда,
Наканунѣ Рождества“.

4.

Весна красна!
На чемъ пришла?
— На жердочкѣ,
На бороздочкѣ,
На овсяномъ колосочкѣ.
На пшеничномъ пирожочкѣ.
А мы весну ждали,
Клочки допрядали.
Летѣлъ куликъ
Изъ за моря,
Принесъ куликъ
Девять замковъ.
„Куликъ, куликъ!
Замыкай зиму,
Замыкай зиму,

Отпирай весну—
Теплое лѣто.

Эта пѣсня поется, (въ Тимск. у. Курской губ.) дѣтьми въ сороки, т. е. въ день сорока мучениковъ (9 марта) — первый весенній праздникъ. Дѣти собираются на огородахъ и приносятъ съ собой куликовъ, которые пекутся изъ шпеничнаго или ржаного теста. Иногда ихъ называютъ жаворонками. Этихъ куликовъ привязываютъ нитками къ шестамъ, которые втыкаютъ въ одонья. Вѣтеръ качаетъ куликовъ, такъ что они представляются какъ бы летящими, а дѣти поютъ:

Весна красна!
На чемъ пришла! и т. д.

29. Малорусскія думы.

Малорусскія думы представляютъ собою оригинальныя произведенія народнаго эпоса южной Россіи временъ казачества. Онѣ воспѣваютъ подвиги и страданія украинскаго народа въ борьбѣ съ татарами, турками и поляками. Сложившись главнымъ образомъ въ XVI—XVII вв., думы пѣлись до послѣдняго времени въ Малороссіи слѣпыми кобзарями-бандуристами. Онѣ отличаются отъ великорусскихъ былинъ и общимъ тономъ, и формой. Характерная черта думъ — сильное развитіе лиризма; онѣ никогда не бываютъ выдержаны въ спокойномъ, эпическомъ тонѣ, какъ былины: элегическое настроеніе, задумчивость, иногда сатирическій тонъ, чуткое отношеніе къ природѣ, довольно развитая психологія героевъ и выдвинутое впередъ чувство личности, — всѣ эти особенности составляютъ постоянную принадлежность думъ. По своимъ поэтическимъ средствамъ и приемамъ думы стоятъ въ довольно близкой связи съ лирическими народными пѣснями Украины, но слогъ ихъ представляетъ соединеніе народнаго и книжнаго элементовъ. Вѣшняя форма ихъ тоже оригинальна; онѣ поются несложнымъ, но очень гибкимъ полу-речитативнымъ напѣвомъ, который легко поддается настроенію пѣвца и способенъ передавать самые разнообразныя оттѣнки чувствъ. Стихотворный размѣръ думъ очень свободный, со стихами неравнаго объема, при чемъ рядомъ могутъ стоять стихи въ 7—8 слоговъ и въ 20, 30 слоговъ; обыкновенно существующая рима тоже своеобразна: она по большей части глагольная и можетъ соединять довольно много стиховъ, не мѣняясь. Здѣсь приводятся двѣ думы, относимыя изслѣдователями къ XVI вѣку; обѣ говорятъ о турецкой неволѣ.

Первая изъ нихъ, о Марусѣ Богуславкѣ, имѣетъ извѣстную историческую подкладку. Существуютъ документальныя извѣстія о томъ, что плѣнницы изъ Малороссіи, попадая въ Турцію, иногда переходили въ магометанство и дѣлались вліятельными женами Па-

шей и даже Султановъ. Такова была Росса или Роксолана, жена Сулеймана I въ XVI в. (интересно, что по некоторымъ извѣстіямъ она была то же поповна, какъ и Маруся Богуславка); извѣстны русскія султанши въ XVII и въ XVIII вѣкахъ.

1. Маруся Богуславка.

Що на Черному морі,
На камені біленькому,
Там стояла темниця камяная.
Що у тій-то темниці пробувало сім-сот козаків,
Бідних невольників.
То вже тридцять літ у неволі пробувають,
Божого світу, сонця праведного въ вічі¹⁾ собі не видають.
То до їх дівка бранка²⁾,
Маруся, попівна³⁾ Богуславка,
Приходить,
Словами промовляє:
„Гей, козаки,
„Ви, бідні невольники!
„Угадайте, що в нашій землі Християнській за день тепера?“
Що тоді бідні невольники зачували⁴⁾,
Дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку
По річахъ познавали,
Словами промовляли:
„Гей, дівко бранко,
Марусю, попівно Богуславко!
Почим ми можем знати,
Що в нашій землі Християнській за день тепера?
Що тридцять літ у неволі пробуваєм,
Божого світу, сонця праведного в вічі собі не видаем.
То ми не можемо знати,
Що въ нашій землі Християнській за день тепера“.
Тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка
Тее зачуває,
До козаків словами промовляє:
„Ой козаки,
Ви, бідні невольники!

1) Въ очи.
2) Плітниця.
3) Поповна.
4) Услышали,

Рис. 14. Черниговскій кобзарь Пархоменко.

Що сёгодня у нашій землі Християнській Великодняя
субота¹⁾,

А завтра святий праздник, роковий день Велик-день²⁾“.

То тоді ті казаки тее зачували,

Білим лицем до сирої землі припадали,

Дівку бранку,

Марусю, попівну Богуславку,

Кляли—проклинали:

„Та бодай³⁾ ти, дивко бранко,

Марусю, попівно Богуславко,

Щастя й долі собі не мала⁴⁾,

Як ти намъ святий праздник, роковий день Велик-день
сказала!“

То тоді дівка бранка,

Маруся, попівна Богуславка,

Тее зачувала,

Словами промовляла:

„Ой козаки,

Ви, бідні невольники!

Та не лайте мене, не проклиняйте;

Бо як буде наш пан турецький до мечети відъїжжати,

То буде мині, дівці бранці,

Марусі, попівні Богуславці,

На руки ключи віддавати:

То буду я до темниці прихождати,

Темницю відмикати⁵⁾,

Вас всіх, бідних невольників, на волю випускати“.

То на святий праздник, роковий день Велик-день,

Ставъ пан турецький до мечети відъїжжати,

Став дівці бранці,

Марусі, попівні Богуславці,

На руки ключи віддавати.

Тоді дівка бранка,

Маруся, попівна Богуславка,

Добре дбає⁶⁾ —

До темниці прихождає,

1) Страстная суббота.

2) Пасха.

3) Пусть, чтобы (собственно: дай Богъ, чтобы).

4) Не имѣла..

5) Отмыкать, отпирать.

6) Дѣлаетъ, старается, заботится.

Темницю відмикає,
Всіх козаків,
Бідних невольників,
На волю випускає
І словами промовляє:
„Ой козаки,
Ви, бідні невольники!
Кажу я вам, добре дбайте,
В городи християнські утікайте;
Тільки прошу я вас, одного города Богуслава не минайте,
Моєму батьку й матері знати давайте:
Та нехай мій батько добре дбає,
Гуртів, великих маєтків нехай не збуває¹⁾,
Великих скарбів²⁾ не збірає,
Та нехай мене, дівки бранки,
Марусі, попівни Богуславки,
З неволі не викупає;
Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоші турецької,
Для лакомства нещастного!“ —
Ой визволи, Боже, нас всіх, бідних невольників,
З тяжкої неволі,
З віри бусурменської,
На ясні зорі,
На тихі воді,
У край веселий,
У мир хрещений!

2. Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.

Из города из Азова не великіи тумани вставали,
Три брата ридненьких з тяжкої неволі втікали³⁾.
Два кінних⁴⁾, третій піший за ними підбігає,
На сире коріння, на біле каміння
Ніжки свої козацькіи посікає, кровю сліди зативає,
До кінних братив добігає, словами промовляє⁵⁾:
„Станьте ви, братця! Коней попасіте, мене подождіте,

1) Пусть не распродаетъ имущества.

2) Деньги, казна.

3) Убѣгали.

4) Конныхъ.

5) Говорить.

З собою візьміте, до городів хрестянських підвезіте“.
То середульшій¹⁾ тее зачував²⁾, старшого питава³⁾;

То старшій ёму словами промовляв:

— Чи ще-ж тобі не далася тяжкая неволя знати?..

— Якъ будемъ ми брата дожидати,

— Буде нас погонь догоняти,

— Буде нас стріляти, рубати,

— Або в тяжкій роботі будем пропадати.—

„Коли-ж мене, братця, не хочете ждати,

Став меншій промовляти,—

„То прошу вас, братця: на праву сторону звертайте,

„Шаблі из піхв⁴⁾ винімайте,

„Тіло мое порубайте,

„Въ чистімъ степу поховайте⁵⁾,

„Звіру та птиці на поталу⁶⁾ не дайте!“

То середульшій тее зачував,

Словами промовляв:

„Сёго, брате, из роду нигде не чували,

Щоб рідною кровю шаблі обмивали,

Або гострим списом⁷⁾ опрощенне брали“.

— „Коли-ж не хочете, братця, мене рубати,

То прошу вас, братця, якбудете до байраків⁸⁾ прибувати,

Тернові вітки в запілле⁹⁾ рубайте,

Мині на признаку покидайте¹⁰⁾“.

То вже два козаки в байраки віїжжае;

Середульшій брат милосердіе мае:

Верховіття¹¹⁾ у тернів зтинае¹²⁾,

Меншому брату приміту покидае.

А як стали на Муравський шлях¹³⁾ віїжжати,

Ничім ёму признаків покидати;

Він червону китайку¹⁴⁾ з підъ жупана видирае,

1) Средній.

2) Услышалъ.

3) Спрашивалъ.

4) Изъ ноженъ.

5) Похороните.

6) На съѣденіе.

7) Копье.

8) Лѣсная долина, лѣсистый оврагъ.

9) Въ поды жупановъ.

10) Бросайте мнѣ какъ примѣту (куда идти).

11) Верхнія вѣтки.

12) Рубить.

13) Обычный путь Крымскихъ татаръ на Русь, по водораздѣлу Днѣ-провскаго и Азовско-донецкаго бассейновъ.

14) Красную матерію—подкладку кафтана.

По шляху розкидає,
Меншому брату приміту зоставляє.
То як став пішеходець з тернів виходити,
Став чернову китайку находити:
У руки хватає, дрібними слізаами обливає.
„Не дурно¹⁾, примовляє, червона китайка по шляху
валяє,

Мабуть²⁾ моїх братів на світі не має³⁾!..
Мабуть за ними з города Азова погоня вставала,
Мене в тернах на спочиві⁴⁾ минала,
Братів моїх догоняла, стріляла, рубала!
Коли б міні Біг⁵⁾
Милосердій поміг
Тіло козацьке находити,
В чистім степу хоронити!“
Що одно безвідде⁶⁾ друге безхлібе,
Трете—буйний вітер в полі повіває,
Біднаго козака з ног валяє..
„Ой годі-ж⁷⁾ міні за кінними братами уганяти,
Час міні козацьким ногам пільгу⁸⁾ дати!“
То тее промовляв,
До Савор—могили⁹⁾ прибував,
Під Савор—могилою спочивав.
В той час сизі орли налітали,
Пильно¹⁰⁾ в очі козакові заглядали.
Козак тее забачає¹¹⁾,
Словами промовляє:
„Орли сизопери,
Гості мої милі!
Прошу я вас тоді налітати,
З лобу очі міні висмикати¹²⁾,
Як не буду я світа Божого видати“...

1) Не спроста, не къ добру.

2) Может быть.

3) Нѣтъ (не имѣется).

4) На отдыхъ.

5) Богъ.

6) Безводіе.

7) Довольно.

8) Отдыхъ, покой.

9) Саворъ или Сауръ могила — курганъ, и сейчасъ существующій въ южной степи около рѣки Міуса.

10) Внимательно, выжидая.

11) Видитъ, замѣчаетъ.

12) Выдирать.

То тее промовляв,
За час за годину милосердому Богу душу оддав.
Тоді орли налітали, з лобу очі висмикали,
Тоди ще й дрібна¹⁾ птиця налітала,
Коло жовтої²⁾ кості тіло оббірала.
Вовки—сіроманці³⁾ набігали, тіло козацьке рвали,
По тернах, по балках жовту кость жваковали⁴⁾,
Жалобненько квилили⁵⁾, проквильяли:
То ж вони⁶⁾ козацькі похорони одправляли!
Десь взялася сиза зозуленька⁷⁾,
В головках сідала, жалобно кувала,
Як сестра брата, або мати сина оплакала.
Стали кінни брати до городів хрестянських доходити,
Стала к їх серцям туга налягати.
То середульший брат до старшого брата словами про-
мовляє:

„Не дурно кь нашим серцям велика туга налягає:
„Мабуть нашого брата живого на світі немає!
„Як будемо, брате, до отця й матері прибувати,
„Як будуть вони нас питати, та що станемо казати?“

То старший брат тее зачуває,
До середульшого словами промовляє:
„Скажем: не в одного пана в неволі бували,
„Нічної доби⁸⁾ з неволі втікали,
„Его сонного будили, не збудили,
„Там его в неволі й зостановили“.

То середульший брат тее зачуває,
До старшого брата словами промовляє:
„Як не будем отцю й матері правді казати,
„То буде нас отцевська й материнська молитва карати“.
Тоді старші браті на поля Самарські виїжджають,
Над річкою Самарською⁹⁾ опочивку собі мають,
Коней попасають.
В той час безбожний басурмани набігали,
И тих двух братів порубали,

1) Медкая.

2) Желтой.

3) Эпитетъ волковъ: сѣрые.

4) Голодали, грызли.

5) Выли, кричали.

6) Они.

7) Кукушка.

8) Въ ночную пору.

9) Р. Самара — притокъ Дѣпра въ Екатеринославской губ.

Тіло козацьке карбовали¹⁾,
В чистім полі розкидали,
Головы на шаблі вадиймали, долго глумовали²⁾.

(Изъ Украинскихъ пѣсенъ Максимовича 1834 г.).

По другимъ вариантамъ старшій братъ еще безсердечнѣе: онъ говоритъ среднему, что имъ выгоднѣе дѣлится отцовское наслѣдство на двоихъ, чѣмъ на троихъ, а вернувшись домой, пытается обмануть родителей, которые спрашиваютъ, гдѣ младшій; но средній кается въ томъ, что они бросили брата въ степи, и родители, простивъ его, ъгоняють и проклинають старшого. Наконецъ, иногда дума кончается такъ: возвратившись, братья стараются отомлить грѣхъ, жертвуютъ на церкви и проклинають Турокъ, видя въ страхѣ передъ ними причину своего поступка:

Ой земле, земле турецькая,
Віро басурманьская,
Розлуко христьянська!
Розлучила брата з сестрою,
И мужа з жоною,
Товарища з товарищем
На пути—дороги!

30. Народная драма.

Этотъ отдѣлъ вводится въ Хрестоматію для того, чтобы учащіяся могли получить болѣе правильное представленіе о разнообразныхъ формахъ народнаго творчества. Русскій народъ не менѣе, чѣмъ какой-либо другой, былъ богатъ зачатками драматической поэзіи въ своихъ играхъ и обрядахъ, но послѣ принятія христіанства преслѣдованія, которымъ подвергалось все, связанное съ языческимъ культомъ, и недовѣрчивое отношеніе ко всякимъ пережиткамъ народно-поэтической старины не дали свободно и самостоятельно развиваться этимъ начаткамъ драмы въ теченіе всего древняго періода нашей литературы. А въ концѣ его (на югъ-западѣ съ XVI в.) пришли готовые драматическія формы съ Запада—вертепъ, школьная драма, интерлюдіи—и началось ихъ вліяніе. Тѣмъ не менѣе народное творчество проявляло себя и тутъ: заимствованныя формы и переходившіе книжнымъ путемъ образцы и сю-

¹⁾ Рубили на части.

²⁾ Глумились.

жеты часто такъ перерабатывались, что становились отраженіемъ русской жизни, народныхъ вкусовъ и понятій, и въ результатъ приживались такъ прочно въ народѣ, что служили ему вплоть до нашихъ дней; вертепъ былъ распространенъ на югѣ Россіи до 60-хъ годовъ 19 в., а „Петрушка“ и „Царь-Максимилианъ“ живутъ и сейчасъ въ различныхъ мѣстностяхъ.

Какъ образцы первоначальныхъ зародышей драмы, предлагаются двѣ пѣсни, сопровождаемая „игрой“, затѣмъ довольно сложный обрядъ похоронъ „Костромы“ и наконецъ своеобразная „медвѣжья комедія“. Далѣе слѣдуютъ сцены изъ южнаго вертепа и кукольный „Петрушка“. Для характеристики литературнаго творчества 17 в., стремившагося пользоваться народными мотивами, приведены сцены съ пастухами изъ „Рождественской драмы“ Дмитрія Ростовскаго. Нѣсколько интерлюдіевъ различнаго характера—однѣ болѣе книжныя, другія — въ чисто народномъ духѣ — переводятъ читателя изъ 17 вѣка въ Петровскую эпоху. Наконецъ „Царь-Максимилианъ“ даетъ образчикъ народной драмы, своеобразно сложившейся на несомнѣнно книжной основѣ, но вобравшей въ себя много народныхъ элементовъ.

1.

Дѣвушки, взявшись за руку, становятся въ двѣ линіи, другъ противъ друга на нѣкоторомъ разстояніи и поютъ поочереді. (Иногда одна сторона состоитъ изъ парней). Каждая сторона, когда поетъ, приближается къ другой и отступаетъ назадъ во время отвѣтной строфы той стороны.

1-я сторона: А мы просо сѣяли, сѣяли.

Ой, дидо ладо! сѣяли, сѣяли.

2-я сторона: А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ.

Ой, дидо ладо! вытопчемъ, вытопчемъ.

(Припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха).

1-я сторона: А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?

2-я сторона: А мы коней выпустимъ, выпустимъ.

1-я сторона: А мы коней переймемъ, переймемъ.

2-я сторона: А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?

1-я сторона: А шелковымъ поводомъ, поводомъ.

2-я сторона: А мы коней выкупимъ, выкупимъ.

1-я сторона: А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?

2-я сторона: А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.

1-я сторона: Не надо намъ тысячи, тысячи.

2-я сторона: А что же вамъ надобно, надобно?

1-я сторона: А намъ надо дѣвицу, дѣвицу.

При этихъ словахъ 2-я сторона разступается и 1-я, продолжая движеніе, проходитъ въ образовавшійся промежутокъ; при этомъ

она захватываетъ изъ 2-й стороны одну дѣвушку и уводитъ съ собой. Въ это время поютъ:

2-я сторона: У насъ въ полку убыль есть, убыль есть.

1-я сторона: У насъ въ полку прибыль есть, прибыль есть.

2.

Вдоль по уличкѣ, вдоль по широкой—

Ой люли, вдоль по широкой!

(Притѣвъ повторяется послѣ каждого стиха).

Идутъ дѣвушки, ой молодушки.

„Ой вы кумушки, вы подруженьки!

Вы постойте-ка, подождите-ка,

Рѣзвы ноженьки становите-ка,

Бѣлы рученьки подожмите-ка!

Я схожу домой, я спрошаюся,

Я спрошаюся свекра-батюшка:

„Свекоръ-батюшка, отпусти гулять!“

При послѣднемъ стихѣ одна дѣвушка подходитъ къ другой и кланяется, изображая этимъ, что просится погулять. Дѣвушка, которой кланяются, изображаетъ собою свекра и на поклонъ какъ бы не обращаетъ вниманія; свекоръ не согласенъ отпустить.

3. Похороны Костромы въ Муромскомъ уѣздѣ¹⁾.

Обычай хоронить Кострому очень разнообразенъ своими обрядовыми подробностями, но однако идея одна и таже: это проводы весны... Съ весельемъ, гиканьемъ, шумомъ и смѣхомъ бѣжить цѣлая ватага молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ и парней хоронить Кострому.

Изъ избы выносятъ деревянную скамью и ставятъ ее посреди улицы, на скамью ставятъ корыто и начинается дѣланіе Костромы. Притаскивается большой пукъ соломы, и всѣ находящіяся тутъ парни и дѣвки дѣлаютъ куклу на подобіе женщины, при чемъ поютъ слѣдующее:

Кострома, моя Костромушка,

Моя бѣлая лебедушка.

У моей ли Костромы

Много золота, казны.

У костромского купца

Была дочка хороша,

¹⁾ Весь обрядъ описанъ въ сборникѣ П. Шейна „Великорусскѣ“.

То Костромушка была!
Костромушка, Кострома,
Лебедушка-лебедя!
У Костромы-то родства —
Кострома полна была;
У Костромина отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,
Кострома-то расхвалилась.
Какъ Костроминъ-то отецъ
Сталъ гостей собирать,
Гостей собирать,
Большой пиръ затѣвать;
Кострома пошла плясать,
А чужіе-то притаптывать:
Кострома, Кострома,
То Костромушка была.
Я къ теѣ, кума, незваная пришла;
Я ли тея, Костромушка,
За рученьку возьму,
Виномъ съ макомъ напою,
Въ хороводъ тебя введу.
Стала Кострома поворачиваться,
Съ вина-маку покачиваться,
Вдоль по улицѣ пошла,
На подворьице зашла,
На подворье костромское,
На купецкое.
Кострома ли, Кострома,
То Костромушка была.
Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина съ макомъ нализалась.
Вдругъ Костромка повалилась:
Костромушка умерла.
Костромушка, Кострома!
Къ Костромѣ стали сходитьсь
Костромушку убирать
И во гробъ полагать.
Какъ родные-то стали тужить,
По Костромушкѣ выплакивати:
„Была Кострома весела.

„Была Кострома хороша“.
Костромушка, Кострома,
Наша бѣлая лебедушка!

(Пѣсня эта принадлежитъ мѣстности села Климова).

Въ продолженіе этой-же пѣсни женщины и дѣвушки одѣваютъ чучело въ сарафанъ и рубашку, голову повязываютъ косынкою и убираютъ цвѣтами, на ноги надѣваютъ бапки и, убравъ такимъ образомъ Кострому, и дѣвушки и женщины кладутъ ее въ корыто... Всѣ тутъ стоящіе парни одѣваются въ рогожи и идутъ впередъ, одинъ изъ нихъ беретъ лапотъ.... всѣ шествуютъ медленно, не спѣша. А женщины и дѣвушки, покрывъ головы бѣлыми платками берутъ корыто съ куклою на руки и точно также медленно несутъ ее по направленію къ рѣкѣ; при чемъ одна группа дѣвушекъ, изображающая собою плакальщицъ, поетъ:

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гробъ легла!
И къ тебѣ-ли, Костромѣ,
Сошлись незваныя сюда.
Стали Кострому собирать, одѣвать,
Собирать, одѣвать и оплакивать:
„Кострома, Кострома,
Костромушка моя!
У тея ль, Кострома,
Блины масляные,
Браги сыченныя,
Ложки крашенныя,
Чашки липовыя.

(Пѣсня села Климова).

Пришедши къ рѣкѣ или озеру, Кострому разоблачаютъ, снимаютъ съ нея всѣ уборы и бросаютъ ее въ воду, при чемъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Во полѣ было, во полѣ,
Стояла береза.
Она ростомъ высока,
Листомъ широка.
Какъ подъ этой подъ березой

Лежала Кострома;
Она убита не убита,
Тафтою покрыта.
Дѣвица красавица
Къ ней подходила,
Тафту открывала,
Въ лице признавала:
„Спишь-ли, милая Костромка,
Или чего чувствуешь?
Твои кони воронные
Во полѣ кочуютъ,
Дороженьку чуютъ“.
Дѣвица красавица
Водицу носила,
Дождичка просила:
„Сздай, Боже, дождя,
Дождичка частѣва,
Чтобъ травынку смочило,
Костромѣ косу остру притупило“.
Какъ за рѣчкой, за рѣчкой,
Кострома сѣно косить;
Бросила косу
Среди покосу.

(Пѣсня Акиманской слободы).

Этотъ обычай называется правожаніемъ весны, или хороненіемъ Костромы и совершается онъ въ послѣднее воскресенье передъ Петровымъ постомъ въ пригородныхъ слободахъ Мурома и другихъ селеніяхъ, расположенныхъ по сѣю сторону рѣки Оки, однако съ нѣкоторыми измѣненіями...

Подвигаясь далѣе на остальное пространство той части Муромскаго уѣзда, этотъ обычай исчезъ совершенно между взрослыми, которые считаютъ его за грѣховную забаву и приписываютъ ему голодъ, болѣзни и другія народныя бѣдствія. И такъ обычай хороненія Костромы здѣсь между взрослыми не существуетъ; но между дѣтьми (дѣвочками) онъ составляетъ любимую игру въ весеннее и перволѣтнее время. Въ дер. Чулковѣ и другихъ береговыхъ селеніяхъ, дѣвочки играютъ Костромой такъ: одна изъ играющихъ садится на траву, другая ложится къ ней на колѣна, изобра-

жая собою Кострому: нѣсколько другихъ дѣвочекъ ходять вокругъ и поютъ:

Костромушка, Кострома.
Лебедушка—лебеда,
Бѣлая, румяная!
У Костромушки, Костромы
Блины съ творогомъ,
Кисель съ молокомъ,
Теща ласковая.
Каша масляная,

Когда вся эта пѣсня пропоется ходящими вокругъ дѣвочками, то онѣ начинаютъ спрашивать у дѣвочки, сидящей на землѣ: „Жива-ль Кострома?“ Дѣвочка отвѣчаетъ: „Жива“. Такъ разспросы продолжаются до трехъ разъ. Когда-же, послѣ послѣдняго вопроса, получаютъ отвѣтъ, что Кострома *переставилась*, всѣ дѣвочки начинаютъ тащить Кострому за руки и за ноги, потомъ бросятъ и побѣгутъ отъ нея, крича: „Зелены глаза!“ Умершая Кострома вскакиваетъ и ловить бѣгущихъ. Кого она поймаетъ, съ тѣмъ они уже вдвоемъ ловятъ остальныхъ, затѣмъ изловивъ третью—вторую и т. д. до послѣдней, тѣмъ и оканчивается игра.

На этомъ примѣрѣ удобно наблюдать вымираніе обряда и паденіе его до дѣтской игры.

4. Медвѣдь.

Ровинскій, Русск. нар. картинки. V т. 228—229.

„Представленіе производится обыкновенно на небольшой лужайкѣ; вожакъ—коренастый пошехонецъ; у него къ поясу привязанъ барабанъ; помощникъ—коза, мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати, и наконецъ главный сюжетъ—Ярославскій медвѣдь Михайло Иванычъ, съ подпиленными зубами и кольцомъ продѣтымъ сквозь ноздри; къ кольцу придѣлана цѣпь, за которую вожакъ и водить Михайлу Иваныча.

— „Нутка, Мишенька,—начинаетъ вожакъ: „поклонись честнымъ господамъ, да покажи-ка свою науку, чему въ школѣ тебя пономарь училъ, какимъ разумомъ наградилъ. И какъ красныя дѣвицы молодежи, бѣлятся, румянятся, въ зеркальцѣ смотрятся, прихорашиваются?“—Миша садится на землю, треть себѣ одной лапой морду, а другой вертитъ передъ рыломъ.... Это значитъ: дѣвица въ зеркало смотрится.

— „А какъ Миша, малыя дѣти лазять горохъ воровать?“—Миша ползеть на брюхѣ въ сторону.

— „А какъ, бабушка Ерофѣевна блины на масляной печь собралась, блиновъ не напекла, только со слѣпу руки сожгла, да отъ дровъ угорѣла? Ахъ блинцы, блины!“—Мишка лижетъ себѣ лапу, мотаеъ головой, и охаеъ. „А какъ бабы на барскую работу не слѣша бредуть?“—Мишенька едва передвигаетъ лапу за лапой.—„И какъ бабы съ барской работы домой бѣгутъ?“—Мишенька принимается шатать въ сторону....

Затѣмъ жокакъ пристраиваетъ барабанъ, а мальчикъ его устраиваетъ изъ себя козу, т. е. надѣваетъ на голову мѣшокъ, сквозь который, вверху, проткнута налка, съ козлиной головой и рожками. Къ головѣ этой придѣланъ деревянный языкъ, отъ хлопанья котораго происходитъ страшный шумъ. Жокакъ начинаетъ выбивать дробь, дергаетъ медвѣдя за кольцо, а коза выплясываетъ около Михайла Ивановича трепака, клюеъ его деревяннымъ языкомъ и дразнить; Михайло Ивановичъ бѣсится, рычитъ, вытягивается во весь ростъ, и кружится на заднихъ лапахъ около жокака—это значить: онъ танцуетъ. Послѣ такой неуклюжей пляски жокакъ даетъ ему въ руки шляпу, и Михайло Ивановичъ обходитъ съ нею честную публику, которая бросаетъ туда свои гроши и копѣйки“.

5. Вертепная драма.

(„Малорусскій вертепъ“ ст. Галагана. Кіевск. Стар. 1882 г. № 10).

Вертепомъ называется занесенный въ XVI в. изъ Польши въ Малороссію небольшой ящикъ или домикъ для представленій съ куклами. Первоначально въ немъ показывали Рождество Христово и сцена представляла вертепъ, въ которомъ родился Спаситель,—отсюда названіе. Вертепъ раздѣлялся на два яруса: верхній назначался для серьезной части драмы, а нижній для бытовыхъ, комическихкихъ сенокъ—интермедій. За вертепомъ прятался человекъ, который управлялъ куклами, двигавшимися по прорѣзамъ въ полу сцены, и говорилъ за дѣйствующихъ лицъ. Вмѣстѣ съ вертепомъ носили обыкновенно и *звѣзду*—большой звѣздообразный фонарь изъ промасленной бумаги на высокоомъ шестѣ. Носили вертепъ и звѣзду на святкахъ, большей частью школьники—бурсаки, отпущенные на праздникъ; они пѣли колядки и „канты“, служившіе вступленіемъ къ вертепной драмѣ. Главное содержаніе вертепной драмы составляла смерть Ирода; ей предшествовали сцены покло-

неія пастырей і волхвоў, ізбіеніе младенцевъ Вифлеемскихъ и плачь Рахили о своихъ дѣтяхъ. Комическія народныя сцены въ малорусскомъ вертепѣ не перемѣшивались съ серьезными, какъ въ западныхъ мистеріяхъ и въ польскомъ вертепѣ, а составляли особую, вторую часть драмы, почти ничѣмъ не связанную съ первой. Эта вторая часть представляла рядъ отдѣльныхъ сценокъ, тоже слабо связанныхъ между собой или совсѣмъ самостоятельныхъ; въ нихъ являлись представители разныхъ національностей или сословія парами (мужчина и женщина), пѣли и плясали. — Здѣсь приведены отрывки изъ той и другой части вертепной драмы.

1. Рахиль осыпаетъ Ирода проклятіями, появляется воинъ и выталкиваетъ ее.

Послѣ сцены съ Рахилью, Иродъ, оставшись одинъ, въ раздумьи говорить:

„Увы! Какая сила временъ, вдругъ сдѣлалась переміна,
Думаль жить вѣчно, напротивъ того приходитъ и кончина.
Однакожь еще со смертію воевать буду“...

Онъ приказываетъ воинамъ стать у порога и, чтобы не въѣжала смерть, ловить её, „яко мога“. Воины исполняютъ приказаніе царя, а хоръ поетъ грозную пѣсню, возвѣщающую приближеніе смерти:

Туть смерть выходитъ,
Рече къ нему вину:
Почто дерзнувъ пролить
Кровь неповинну,
За нюже реку
Стяжутъ твою душу,
И пригласити други
Своя мушу ¹⁾.
О, Ироде преокаянный!

Между тѣмъ въ дверь врывается и страшная гостя, изображенная, какъ обыкновенно, въ видѣ скелета, съ ко-сою въ рукахъ. Воины въ страхѣ убѣгаютъ, а смерть обращается ко Ироду со словами:

„Что ты, Ироде несытый,
Почто сіе болтаешь,
Мене убити—
Своимъ воинамъ повеліваешь?

¹⁾ Намѣрень, хочу, долженъ—отъ глаг. мусить (нѣмецк. müssen).

Я въ помощь призову
И своего брата,
Изъ пропасти ада,
Выйди, брате, друже любезный, пособи, .
Кровопійцу Ирода отъ земли истребити!

По вызову смерти является чортъ. Наружный видъ его снятъ съ обычныхъ рисунковъ церковной живописи: цвѣта онъ чернаго, съ выпученными глазами, съ красною грудью, съ хвостомъ, рогами и черными крыльями. При входѣ его за сценой слышится:

„Гу, гу, гу, гу!
Почто, другиня, требуеши на пораду?“

Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, онъ приказываетъ сестрѣ своей, смерти, поднять косу и убить Ирода,

Во главу,
Щобъ знали повсюду нашу державу!

Въ виду смерти Иродъ обнаруживаетъ бесполезную заносчивость, говоритъ о своей славѣ и силѣ, но смерть прекращаетъ жизнь жестокаго, властолюбиваго царя, ударяя его своею косою, а хоръ провожаетъ душу его въ адъ, выражая желаніе, чтобы она тамъ вѣчно пребывала.

Дерзай: отъ смерти
Посіченъ косою
Да идетъ во адъ
И живетъ съ тобою;
И будетъ тамъ
Всегда пребывати
И безъ конца непрестанно.

Вслѣдъ за тѣмъ чортъ подходитъ къ убитому Ироду, заключаетъ его въ свои объятія и говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глубочайшій бездні...

При этомъ за стѣной вертепа произносится нравоученіе:

Отъ-такъ берутъ, а такъ несутъ
Роскошниківъ сего свѣта,

Понеже вони не можуть
Отдать передь Богомъ одвіта.

Ту же мысль выражаетъ и хоръ въ заключительныхъ
стихахъ:

Не відавъ же вінъ,
Що вже истребится,
И царство его
Въ конецъ разорится.
Заслуга ёго
Знатна всімъ и явна,
За те жъ и пекельна
Бездна изготованна.
О, Ироде преокаянный!

Тутъ являються „дидъ и баба“ и пляшуть подь звуки
малорусской пѣсни. За ними—солдаты-великоруссы, кото-
раго смѣняеть цыгань.

2. Цыгань выѣзжаетъ верхомъ на клячѣ. Его рѣчь
испещрена исковерканными словами. Цыгань, сидя вер-
хомъ, говорить:

Діги, діги,
Забувъ батько дуги!
На шляхъ да-ри-да-ти,
Бо йду съ празникомъ поздравляти...

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:
Гей! Криця—не лошиця,
Кремінь—не кобыла.
Якъ біжить, ажъ дрожить,
Якъ впаде, то й лежить!

При этомъ кобыла падаетъ, и цыгань летитъ на землю.
Цыгань продолжаетъ:

Иху! побила-бъ тебе нещастлива година,
Пре-пре-прекаторжного ты батька сѣкотина!
Щобъ тобі ні стрило, ні брило,
Щобъ тебе на світі не було!
Одинъ однимъ зубъ держався!
Та й той теперъ у снігу zostався!

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, продолжаетъ:

Панове! Хто хоче — будемъ міняти,
Бо далєбі, що стоїть її продати.

.....

Цыганъ бьеть кобылу и кричить:

До шатра! До шатра! До шатра!

Кобыла вскакиваетъ и убѣгаетъ. Цыганъ мечтаєтъ:

Охъ юсти, юсти (вѣроятно: йісти)
Смаженої капусти!
Хочь-бы сальцемъ замаровати,
Та добре попировати!

Но старому цыгану не суждено было попробовать ка-
пусты съ любимымъ „сальцемъ“.

— Иди, батьку, кличе мати вечеряти, — говорить ему
сынъ.

— А що тамъ доброго, сынку, варили?

— Казала мати: „нічого“.

— А хлїбъ же є?

— Де бъ вінъ взявся? нема!

— Такъ дарма! Вечеряйте собі на здоровье, а я зъ
добрими людьми погомоню!...

3. Появляется передъ зрителями польскій панъ, одѣ-
тый въ кунтушь со рукавами на вылетѣ. На головѣ у
него конфедератка. За нимъ слѣдуетъ молодой хлопъ.
Панъ говоритъ по-польски нѣсколько уже искаженнымъ
нарѣчіємъ:

А цо тута слыхаць голась?
Нѣхъ даябло вѣзмъ гайдамацѣ!
Идзъ, хлопку, до женской палацѣ!

Мальчикъ уходитъ, а полякъ, обращаясь къ зрителямъ,
говорить:

А цо, панове?
Я изъ даяда, изъ прадаяда
Уродзоний естемъ шляхтичъ!
Былемъ ве Львовѣ,
Былемъ въ Краковѣ,
Былемъ въ Кієвѣ,
Былемъ въ Варшавѣ и Платавѣ,

А теперъ естемъ у ясновельможного пана (имя рекъ)

Кторому до нугъ падамъ,
Жичу здрувья и много лята!

Затѣмъ слѣдуетъ обычное появленіе женщины соотвѣтственно народности дѣйствующаго лица. Полька цѣлуется съ мужемъ, и оба танцуютъ подѣ звуки краковяка. Мальчикъ выглядываетъ изъ-за дверей и тоже танцуетъ, наконецъ выскакиваетъ на сцену и начинаетъ танцовать за спиною пана; оба сталкиваются, панъ падаетъ и кричить:

„А пудзь до дзябла, лайдакъ:
Я цѣ батогами забію!“

Тогда полька обращается къ мужу со словами:

Пшепрашамъ пана Яна!
Идзь зе мнѣ.
Бо ціебѣ гайдамака забіе.

Полякъ заносчиво отвѣчаетъ:

„Цо ты, не эдукована кобіто ¹⁾, мувишь?
Якъ Бога кохамъ,
Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!“

4. Здѣсь происходитъ сцена весьма характеристическая. Только что полякъ произнесъ свои хвастливыя слова, какъ раздается за сценой пѣсня запорожца:

Та не буде лучше,
Та не буде крашче,
Якъ у насъ, та на Украині!
Що немає жида,
Що немає ляха,
Не буде изміні!

.....

Заслышавъ звуки пѣсни запорожца, полякъ быстро убѣгаетъ и на сцену является запорожець. Онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ фигуръ вертена, одѣтъ въ широкія красныя шаровары и синюю куртку, общитую галуномъ. Въ правой рукѣ у него булава, съ выбритой головы виситъ чуприна.

¹⁾ Необразованная женщина.

Запорожець—главный герой пьесы, но авторъ уже чувствовалъ, что старое козачество отжило свой вѣкъ (тексты пьесы относятся къ концу 17-го или даже началу 18-го в); поэтому козакъ грустно говорить зрителямъ: „Ай, панове, что это было, когда я молодъ былъ; то-то у меня была сила!“ Теперь же его подвиги состоятъ въ томъ, что онъ дерется со всѣми направо и налево. Характерно, что одна изъ стычекъ происходитъ съ попомъ-уніатомъ.

5. Слѣдуетъ народная сцена. Мужикъ Климъ съ женой гонять свою ледащую свинью, которая изрыла весь огородъ; мужикъ рѣшаетъ ее „дякамъ на школу дать, бо вона вже давно хотіла издохать“. Является „пан-дякъ“, т. е. дьячокъ-учитель. Климъ говоритъ:

Здоровъ бувъ, пане бакаляру ¹⁾
И нашъ таки пан-дяче!
Возьми собі оцю свиню,
Хай въ городъ не скаче!

Дьячокъ въ радости зоветъ своего товарища, причесть для показанія своей учености называетъ его не по просту: Иване, а такъ:

Иже, віди, азъ, нашъ, есть!
Спіши сюда зіло!
Климій сотворивъ намъ честь,
Давъ свиняче тіло!

Потомъ дьячекъ благодарить Клима нелѣпо—высокопарной рѣчью, хорошо передающей ухищренія школьнаго краснорѣчія:

Геваль, Амонъ и Амалікъ,
И всі живуши въ Тирі
Возрадуются доброті
И воспоють въ эфирі!
Мы вашу обреченну жертву,
Хотя живу, хотя мертву,
Со благодарностью пріємлемъ
И выю вамъ обьемлемъ.

¹⁾ Дьячекъ учился въ семинаріи и мужикъ даетъ ему школьный титулъ бакалавра.

Дьячокъ уходитъ, а Климмъ въ раздумьѣ говоритъ: „Дивись, якъ пресучій дякъ подякувавъ гарно! ¹⁾ Ажъ въ мене слезы навернулись!.. Правда, панове (*къ публикѣ*), есть за що и дякувать: свиня хочъ куды свиня, — ребра такъ и свитятця!“

Окончательный юмористическій штрихъ состоитъ въ томъ, что Климмъ, повернувшись къ женѣ, объясняетъ ей, что свинья и безъ того бы скоро издохла, а дьячку все-равно надо было платить за ученье сына.

6. „Петрушка“.

(Народная кукольная комедія).

Представленія Петрушки, постоянно сопровождаемыя показываніемъ медвѣдя и козы, которая „била въ ложки“, уже давались въ XVII ст. Образованному иностранному путешественнику по Россіи, Олеарію пришлось видѣть эту піесу въ XVII столѣтіи подъ Москвой и, по описанію, имъ сдѣланному, и по приложенной къ путешествію картинкѣ, „комедь о Петрушкѣ“ производилась слѣдующимъ незатѣйливымъ образомъ: комедіантъ надѣвалъ родъ короткой тунки, въ подолъ которой былъ продѣтъ обручъ; онъ подымалъ обручъ вверху, и голова его такимъ образомъ оказывалась какъ будто въ вазѣ; изъ за краевъ этой вазы онъ показывалъ исполненную драками комедію о Петрушкѣ...

Современный Петрушка, кромѣ грубаго жаргона и уродливой внѣшности, сохранилъ отъ старины дубинку, гнусавый пищикъ, музыку, и нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ—жену, доктора, полицейскаго, клоуна въ бѣломъ костюмѣ, который является подъ названіемъ нѣмца—но все это нѣсколько обрусѣло. Вотъ вкратцѣ содержаніе одного изъ вариантовъ.

Шарманка сипло наигрываетъ русскую пѣсню; изъ-за ширмъ слышатся то рѣзкіе, гнусавые возгласы, то крикѣніе, то подпѣваніе Петрушки, и въ одну изъ минутъ усталаго ожиданія, когда публика готова уже развлечься постороннимъ, онъ неожиданно показывается изъ-за ширмъ и кричитъ: „Здравствуйте, господа!“ и пускается въ разговоръ съ музыкантомъ, проситъ его сыграть плясовую и танцуетъ сначала одинъ, потомъ съ супругой (которую по нѣкоторымъ вариантамъ зовутъ „Маланьей Пелагевной“; а по другимъ „Пигасей Николавной“) и наконецъ прогоняетъ ее.

¹⁾ Хорошо поблагодарилъ.

Является цыганъ и продаетъ ему лошадь; Петрушка ее уморительно осматриваетъ, тащитъ за хвостъ, за уши, садится и гарцуетъ и поетъ:

„Какъ по Питерской,
По Тверской-Ямской...

Лошадь начинаетъ брыкаться, сбрасываетъ его, и Петрушка падаетъ, громко стучая деревяннымъ лицомъ о рамку ширмы, охаетъ, кричитъ, стонетъ и зоветъ доктора.

Приходитъ „докторъ-лѣкаръ, изъ подъ Каменнаго моста аптекаръ“ и, рекомендуясь публикѣ, говоритъ, что онъ былъ въ Итали, былъ и далѣе“, и спрашиваетъ у Петрушки:

— Что у тебя болитъ?

„Какой же ты докторъ“, кричитъ ему Петрушка—„коли спрашиваешь, гдѣ болитъ? На что ты учился? Самъ долженъ знать, гдѣ болитъ“.

Начинается осмотръ Петрушки; докторъ ищетъ больного мѣста, тыкаетъ Петрушку пальцемъ и спрашиваетъ: „Тутъ? тутъ?..“ а Петрушка все время кричитъ: „Повыше! Пониже! Крошечку повыше... и вдругъ неожиданно вскакиваетъ и колотитъ доктора. Докторъ скрывается.

Затѣмъ появляется клоунъ-нѣмецъ; Петрушка его убиваетъ, и нѣмецъ мертвый лежитъ на краю ширмъ. Музыкантъ говоритъ Петрушкѣ: „Что вы надѣлали, Петръ Ивановичъ? Сейчасъ полиція придетъ“. Петрушка сначала храбрится и, весело заглядывая въ физиономію лежащаго нѣмца, говоритъ: „Нѣмецъ-то притворился мертвымъ“. Затѣмъ вваливаетъ его себѣ на спину, тащитъ его домой, кричитъ безпечно: „Картофелю, картофелю! Поросятъ, поросятъ!..“

Появляется татаринъ, продаетъ халаты, а Петрушка думаетъ, что его берутъ въ солдаты; татаринъ рекомендуется незатѣйливой остротой:

Я татарскій попь,
Пришелъ ударить тебя въ лобъ!

И исчезаетъ, преслѣдуемый Петрушкой. Петрушка возвращается одинъ. Онъ въ тревогѣ: боится наказанія, обращается къ музыканту и говоритъ: „Что, меня никто не спрашивалъ?“ Старается спрятаться, наконецъ садится, пригорюнившись, и поетъ жалобную пѣсню:

Пропала моя головушка
Съ колпачкомъ и съ кисточкой...

Изъ-за ширмы показывается квартальный и Петрушку берутъ въ солдаты; онъ протестуетъ и говоритъ, что горбать—служить не можетъ. Квартальный возражаетъ: „Гдѣ жъ у тебя горбъ? У тебя нѣтъ горба!“ Петрушка кричитъ: „Потерять!“

Слѣдуетъ комическая сцена обученія Петрушки воинскому артикулу, и, дѣлая дубиной ружейные приемы, онъ ударяетъ ею своего учителя; тотъ кричитъ на него, а Петрушка вытягивается во фронтъ и говоритъ: „Споткнулся, ваше сквородіе!“ И затѣмъ прогоняетъ квартального, а между тѣмъ приближается возмездіе за его безобразное поведеніе.

Прибѣгаетъ рычащая собака.

Петрушка видитъ, что его дѣло уже плохо, пробуетъ обратиться за помощью къ музыканту, но получаетъ отказъ, и старается умаслить собаку ласковыми названіями, гладить и приговариваетъ: „Шавочка, душечка! Орелочка!“ но собака неожиданно хватается его за носъ и тащитъ, а Петрушка, не успѣвъ поблагодарить публику за вниманіе, только кричитъ, намекая на свой носъ: „Моя табакерка! моя табакерка! Моя скворешница!..“ и при общемъ хотѣ скрывается за ширмами. Приумолкнувшій шарманщикъ опять начиняетъ вертѣть шарманку и наигрываетъ русскую пѣсню.

7. Изъ „Рождественской драмы“.

Дмитрія Ростовскаго.

Пастыріе.

*(Два будто пошли въ городъ для покупки, а третій при
общахъ былъ; наступившей же ноци, пошелъ тѣхъ искать
и прочее).*

Пастырь 1-й. Борисъ. *(Къ публикѣ).*

Сударги мои свѣты! Здорово ль живете?
Вы въ семь мѣстъ собраны подавно сѣдете:
Не видали ли моихъ товарищъ, идущихъ

Въ городъ или зъ города кошели несущихъ?
Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,
Кривъ на глазъ, имя ему Аврамъ сторожатый;
Другой молодъ, именемъ Афоня названный,
Въ старомъ шубионку, что намъ въ подпасочки данный.
Пошли въ городъ хлѣба на ужину купити,
А мене оставили овечокъ хранить.
Замѣшкали; а уже ночь темна приходитъ,
А на мене одного страхъ великъ находить.
Я, бросивъ и овечки, пошолъ ихъ искати,
Въ городъ далеко, страшно, здѣ ихъ буду ждати.

(Сядетъ).

Ой, Аврамъ, Аврамъ! Той же зайшолъ на кружало?
Когда бъ ему какое тамъ лихо не стало!

Пастырь 2-й, Аврамъ.

Борисе! Чего ты здѣ, а овцы покинулъ?

Борисъ.

А ты для чего, въ городъ пошодши, загинулъ?
Пришолъ вечеръ, я овцы загналъ во ограду,
А самъ уже пошолъ былъ васъ искать ко граду.
Кое васъ тамъ такъ долго лихо удержало?

Аврамъ.

Не покручинься, братецъ: зайшолъ на кружало,
За алтынецъ винишка и съ парнишкомъ испивъ.

Борисъ.

Отъ вѣдь я догадался! А мнѣ-то не купивъ?

Аврамъ.

Никакъ, купилъ и тебѣ: какъ вѣдь не купити!
Малецъ, вынь ми съ кошеля! На, зволишь испити?

Борисъ.

Хутко сядте жъ и сами поразу напьемся.
Нлѣба купили-ль?

Афоня (*говоритъ*).

Есть.

Борись.

Гораздо подкрѣпѣмся.

Афоня.

Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
Кушай, старичокъ, здоровъ, а на насъ не ворчи.

Аврамъ.

Да кушаймо жѣ поскорѣй, пора итти къ стаду,
Штобъ иногда какой волкъ не влѣзъ во ограду.

*(Запоютъ ангели, а они забудутся, кусы въ ротѣхъ. Думаютъ
долго, одинъ на одного смотритъ, нескоро въ небо).*

Аврамъ.

Што, братъ? Гдѣ же то гетакъ поютъ хорошонько?
Еще я такъ не слыхавъ; ты слышишь, Афонько?

Афоня.

Я вже слышу и вижду, ей, птички высоко.
Смотрѣте! Еднакъ ваше не досмотритъ око:
Ты старъ, а ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите!

.....

Борись и Аврамъ.

Е! е! е! Видимъ, видимъ!

Афоня.

А што, правда птички?

Аврамъ.

Братъ! Кажется, ребятка стоятъ невелички.

Афоня.

Сударь! И кто видалъ ребята съ крылами?
Птицы то залетѣли межи облаками:
Етакъ бы хорошонько ребята не пѣли.
Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.

Борисъ.

Летѣте жь здоровеньки, а мы поседѣмо;
Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо.

Аврамъ.

Когда бь же такъ надь стадомъ нашимъ всю ночь пѣли,
То бь мы, ихъ слушаючи, спати не хотѣли.
Афоня! ты учися на дудкѣ играти,
Штобы мы не хотѣли, да и ты, дремати.

Я В Л Е Н І Е 3-е.

Ангель (*къ пастыремъ. Убоятся*).

Радость, о пастыріе, отъ меня пріймѣте
И не ужасайтесь, но словамъ внемлѣте.
Радость нынѣ велія мірови явися,
Спасъ человѣческому роду днесъ родися
Отъ пренепорочныя Маріи дѣвицы,
Небесныхъ, купно земныхъ жителей царицы.
Близъ града Вифлеема въ вертепѣ глубокомъ,
Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высокомъ,
Въ яслѣхъ на остромъ сѣнѣ, пеленами ввитый,
Нищъ лежитъ всего міра царь презнаменитый.
Тамъ убо веселыма ногами идѣте,
Достойную ему честь и поклонъ дадѣте.

Борисъ.

Осударь! Кто ты таковъ? Ты княжего рода?
Чаю, что князь твой отецъ или воевода.

Ангель.

Азь есмь архангель, не отъ земна рода,
Но отъ небесныхъ ликовъ воевода,
Неприступну престолу Бога услугую,
И тайны того міру азь благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ Его посланный:
Тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

Аврамъ.

Чаю, тебе, государь, ко княземъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ: гэто ты заблудить,
Или не вслухалъ. Вѣстникъ къ намъ такой не ходить.

Ангель.

Аще и царь есть царемъ, пинѣ же смиренный,
Волею между скоти въ стайнѣ положенный,
Нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ;
Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ, пастырей, часть.

Борисъ.

Осударь! Надобно ли что въ поклонъ понести?
Штобъ не велѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести!

Ангель.

Господь вашъ и Богъ благихъ вашихъ не требуетъ,
Не хочеть себѣ даровъ, но Онъ да дарствуетъ.
Чисто сердце за дары Тому принесите,
Вѣру, надежду, любовь ему предложите.
Глаголанная мною скоро сотворѣте,
Азь буду невидимъ; вы въ вертепъ идѣте.

Борисъ.

Штоже такъ итти худо? Ходѣмъ, украсѣмся,
Въ чулки, лапти новые, пойдѣмъ, приберемъ.
Афоня! позабирай калачи и вино,
Да и ты приберися; пойдѣмъ всѣ за одно.

Пѣніе.

Ангель пастыремъ вѣстилъ:
„Христось ся вамъ днесь родить
Въ Вифлеемѣ, градѣ Давидовомъ,
Въ колѣнѣ Іудовомъ
Отъ Дѣвы Маріи“.
Хотяще знать извѣстно,
Еже имъ благовѣстно,
Въ Вифлеемъ скоро пошли,

Отроча въ яслѣхъ знашли,
Матерь съ Іосифомъ.
То дивное рождество
Не изречетъ вѣтъѣство:
Зачала Дѣва Сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего ¹⁾.

der 8. Интерлюдіи XVII—XVIII в.в. ²⁾

(Н. Тихонравовъ „Русскія драматич. произведенія“).

1.

Изыдетъ Астрологъ съ трубкою и глаголетъ:

Изыду въ люди, въ мірѣ проявлюся,
Многимъ на пользу пожити потщуся.
Прежихъ весь мой вѣкъ въ наукахъ премногихъ,
Вѣмъ пользоваться богатыхъ, убогихъ.
Наипаче буду на звѣзды глядати
И будущая людемъ провѣщати.

(Вынетъ трубку и смотритъ на звѣзды и глаголетъ:)

Доброе лѣто имать нынѣ быти,
Жито, пшеницу хочетъ намъ родити.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Ученымъ людемъ мало будетъ чести,
Едва довольно дадутъ птти, ѣсти.

¹⁾ Интересно отмѣтить, что послѣдній хоръ представляетъ буквальный переводъ одной польской „кантычки“, вѣроятно, входившей въ польскую Рождественскую драму, которой пользовался Дмитрій Ростовскій.

²⁾ Эти интерлюдіи, вѣроятно, сочинялись въ средѣ воспитанниковъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи въ Петровское время. Онѣ могли и разыгрываться ими же въ театрѣ при Госпитальной школѣ. Когда устроенная Петромъ въ 1703 г. въ Москвѣ „Комидійная хранина“ спустя нѣсколько лѣтъ перестала дѣйствовать, то спектакли продолжались въ разныхъ мѣстахъ; дѣйствовали частные театры у царевны Натальи въ Преображенскомъ, у царицы Прасковьи въ Измайловѣ. Но особенно слѣдуетъ отмѣтить театръ въ большомъ Госпиталѣ на Яузѣ, гдѣ актерами были ученики хирургической школы. Въ 20-хъ годахъ XVIII в. въ эту школу поступало очень много воспитанниковъ Греко-Латинской Академіи; имъ, конечно, было близко знакомо театральное дѣло по академической практикѣ.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Правды не станеть, лжа по градомъ ходить,
Гнѣвъ Божій весьма по себѣ приводить.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Добро жити совѣщаю,
Хищниковъ много быти познаваю.

*(Ту, снявъ съ себя одежду и положя, смотритъ паки: въ
то время тать покрадетъ, а онъ глаголетъ:)*

Благое ведро нынѣ имать быти,
Ни капли дождя восхоцеть мочити.
Всуе, опанчю носящи, трудихся:
Нигдѣ водою азъ, мню, омочихся.

(Паки смотритъ и глаголетъ:)

Въ чюжихъ потребахъ мудрыми бывають,
Сами въ своей бѣдѣ ничесо же знають.

(Въ то время дождь его оболъетъ, онъ же глаголетъ:)

Откуда дождь сей? Звѣзды не являху;
Паче ведро велие вѣщаху;
Взяти опанчю, чтобы ся открыти.
Не чаяхъ дождемъ днесь омоченъ быти.

(Кинется до опанчи; не обрѣтъ же ея, глаголетъ:)

Увы мнѣ, яко въ небо засмотрихся!
Опанчи, шапки чрезъ воровъ лишихся.
Обаче еще имамъ усмотрати,
Егда возмогу татя понмати.

(Паки посмотривъ и глаголетъ:)

Щастливый путь мнѣ небо проявляетъ,
За татьми скоро въ путь итти повелѣваетъ.

*(Ту бѣжитъ скоро и впадетъ въ яму; а Мужикъ, пришедъ,
просты и глаголетъ:)*

Се тебѣ, глупче, что высоко зриши,
А на землю подъ ноги не смотриши.
Ты будущая дерзну провѣщати,
Твоихъ случаевъ не возмогъ познати;

Впаль еси въ яму темную глубоко
За то, что въ небѣ зрѣль еси высоко.
Лучше подѣ ноги прилежно смотрѣти,
Землю орати, неже въ звѣзды зрѣти.
Полежи въ ямѣ мало, потружайся;
Да тя извлеку, три дня дожидайся.

(И отходитъ за завѣсу).

Дс

2.

(Выходитъ маркигантъ и продаетъ пироги, вельми ихъ похваляя).

Маркигантъ.

Кте тутъ спрашиваетъ подовыхъ, господа честные?
Вотъ у меня куды хорошіе какіе!
То здѣсь пироги горячи,
Ѣдятъ голодны подъячи.
Вотъ у меня съ лучкомъ, съ перцомъ,
Съ свѣжимъ говяжимъ сердцомъ.
Масло черезъ край льется,
И подлить его еще довольно найдется.
Теперь только испечены,
Куды какъ воложно начинены!
То пироги здобны, то скляны;
Покушайте, господа дворяны!
Вотъ теперь только изъ печи взяты.
Ну, убирай-же, бурлаче, ухваты!
Небось брюхо не буде ворчать.
Изволите хотъ за то даромъ взятъ:
Хотъ денегъ поубавятъ,
Да животь приуправятъ!

Приходитъ дячокъ (онъ же ставленникъ)¹⁾.

Ну-ка, съ легкой руки на починѣ!
Кто купить, удалые молодчины?
Что-ста, бачка, не изволишь ли подовыхъ? Что усы ты
разчищаешь?

¹⁾ Т. е. идущій „ставиться“ въ попы.

Никакъ, право, ты озябъ, что руками тѣ посыкаешь.
Коли озябъ, то на-тко изволь покушать горяченькихъ сразу.

Ставленникъ отказывается, говоря, что у него нѣтъ денегъ.
Являются мошенники и начинаютъ разузнавать, что есть у дьячка.

Мошенникъ 1.

. . . . А какъ-ста ты издалеча, а?

Ставленникъ.

Куда даль какая! Иванъ Предтеча
Есть церковь—у той меня по указу дьячкомъ опредѣлили,
А нынѣ опять прихожана приговорили,
Чтобъ мнѣ итти въ попы какъ-нибудь добиваться.

Мошенникъ 1.

Куды-ста право даль какую изволилъ подняться!
Да взялъ ли хоть ты денежонокъ сколько-нибудь съ собою?

Ставленникъ.

Небольшое число на дорогу взялъ со мною.

Мошенникъ 1.

Какъ же ты идешь ставиться съ простыми руками?
Вѣдь, къ секретарямъ надобно идти съ дарами.

Ставленникъ.

Ты, пожалуй, о томъ не зоблись, они всё меня знаютъ.

Мошенникъ 2.

Они такихъ знакомыхъ тыхъ пуще одувають!

Мошенникъ 3.

Еще прежде секретарей немало претерпишь муки,
Какъ попадешь къ подъячимъ въ руки.

Мошенникъ 4.

Да-ить канцеляристамъ надобно сахару снестъ пол-десятокъ
головокъ:

Ставленникъ.

Нѣтъ, братъ, печово имъ у меня вырвать, я на это ловокъ,
Самъ на обухѣ рожь молочу, а зерна не уроню:
Пустяки у меня возьмутъ подъячн.

Маркитантъ.

Ну, кутейникъ, разбалакался, ѣшь, пока пироги то горячи,
Вѣдь мнѣ недосугъ съ тобой забавляться—
Надобно еще въ другое и въ третье мѣсто поспѣ-
шаться.

Ставленникъ.

Молчи, мужичокъ, не вздоръ, лучше право безъ крику,
Вѣдь, нѣкакую тебѣ убыль сдѣлаемъ велику.

Затѣмъ слѣдуетъ брань и драка, потомъ мошенники уходятъ,
а ставленникъ продолжаетъ опять ѣсть пироги; при расплатѣ ока-
зывается, что у него украдены деньги; маркитантъ удерживаетъ за
долгъ шапку.

3.

Подъячій приходитъ къ дьячку чтобы взять дѣтей его въ се-
минарію. Дьячекъ отвѣчаетъ:

Знаю я вашу братью: вы, вѣдь, ребята просты.
Аже у ково обдуть, огладить—путные охлесты.

Подъячій.

Что мнѣ съ тобой балакать,
Будешь еще о нихъ и плакать!
Только, какъ этотъ указъ прочитаешь,
То въ тотъ часъ познаешь.

Дьячокъ.

Лучше мнѣ теперь умереть,
Нежели на это смотрѣть.
Какъ монхъ дѣтей они лишаютъ
И въ серимарію на муку обираютъ.
Пожалуй, батюшко, умилосердись надъ нами,
Напиши, пожалуй, что они еще негодны лѣтами.

Подъячій.

Догадался, какъ проигрался, схватился Малахъ,
Какъ нѣтъ ничего въ головахъ!

Предъ нами давѣчь такъ ты и шапки снять не хотѣлъ,
Да нетокмо шапки снять, еще и слова не хотѣлъ сказать.
Ну, давай скорѣй, дьячишко, могильня муха,
Смотри, чтобъ я тебѣ не скроишь треуха.

Дьячокъ.

Возьми съ меня, пожалуй, хоть рублишковъ } полдесятокъ.

Подъячій.

Добро, я съ тобою сдѣлаюсь, ежели къ тѣмъ прибавишь
десятокъ.

Дьячокъ.

Ну, я ужъ тебѣ прибавлю.

Подъячій.

Такъ я дѣтей твоихъ отъ семинари избавлю.

Дьячокъ.

Вправду ль ты только дѣтей моихъ избавишь?

Подъячій.

Конечно, избавлю, если посуленое исправишь.

Дьячокъ.

Какъ же намъ этое дѣло-то сдѣлать и секретаря обманить?

Подъячій.

Небось, давай деньги смѣло —
Мы ужъ знаемъ какъ—обманывать-то наше дѣло;
Да, сверхъ того, они съ вашей брати
Одуваютъ деньги и платіе.
А какъ тебѣ дѣлать надобно, я тя научу,
И какъ сказать предъ секретаремъ, тогда подъ ухомъ по-
шепчу.
Этому, скажи, пять лѣтъ, какъ родился.

Подъячій 2.

Я чаю, што ты ужъ задавился,
Ты еще здѣсь съ дьячкомъ тѣмъ изволишь балакать,
А намъ, право, тамъ лишь плакать:
Ужъ третью промеморію изъ семинари прислали,
Штобъ вы скорѣя ихъ сыскали.

Подъячій 1.

Ну, братъ, какъ нибудь свободы его дѣтей.

Подъячій 2.

Но я боюсь: за это, вѣдь, въ приказѣ схватишь плетей!

Ну, дьячокъ, давай ихъ скорая,

Ни мало не отлагая!

Дьячокъ.

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, соберитесь сюда,

Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!

Дѣтей моихъ отъ меня отнимають,

И въ проклятую серимарію на муку обирають.

О, мои дѣтушки сердечныя,

Не на ученіе васъ берутъ, но на мученье безконечное,

Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родиться,

Того жъ часа киселемъ задавиться и въ воду уто-
питься.

О, мои милыя дѣтушки!

О бѣлыя лебедушки,

Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопать,

Нежели въ семинарію на муку отдать!

Прощайте, мои дѣтушки, ужъ мнѣ васъ не видать,

И съ вами ужъ никогда не живать.

Подъячій 1.

О, у тя, какъ вижу, плачу конца не дожждаться;

Пора уже намъ и къ городу подвигаться.

Ну, дьячокъ, прощай, добрый человекъ,

Дай тѣ Богъ множество лѣтъ,

А впредь, пожалуй, знайся съ нами,

Съ подъячими, съ приказными строками!

Дьячокъ.

Прямь, што не отъ дурова добрые люди говорятъ,

Што подъячи-ты люди,

Ажно люты они, да и не худы.

Вотъ теперь денежки тѣ съ меня схолодили,

А дѣтей тыхъ отъ семинаріи таки не свободили.

Впредь же я ихъ теперь буду знать,

А когда случай придетъ, не такъ буду поступать.

9. Царь Максимилианъ.

Среди солдатъ, фабричныхъ и ремесленниковъ въ самыхъ различныхъ частяхъ Россіи до сихъ поръ иногда на Святкахъ разыгрывается эта пьеса, несомнѣнно книжнаго происхожденія, но еще не приведенная учеными ни къ какому опредѣленному литературному источнику. Основное содержаніе ея заставляетъ вспомнить о житіяхъ мучениковъ: Царь Максимилианъ, женившись на какой-то язычницѣ (иногда она называется богиней Венерой), переходитъ въ ея вѣру и требуетъ отъ сына Адольфа, чтобы онъ поклонился „кумирческому богамъ“; тотъ отказывается, отецъ сажаетъ его въ темницу, а потомъ казнить. Но этотъ остовъ пьесы осложненъ появленіемъ нѣсколькихъ лицъ, которыя не связаны съ дѣйствіемъ: они являются въ видѣ храбрыхъ рыцарей, сражаются, убиваютъ другъ друга или ихъ побѣждаетъ Смерть. Число этихъ лицъ и ихъ имена различны въ разныхъ вариантахъ. Затѣмъ выводится нѣсколько комическихъ личностей вродѣ тѣхъ, которыя являются въ вертепѣ: пѣніе, пляска, драка, убійство, незатѣйливыя остроты составляютъ постоянныя черты этихъ лицъ. Иногда въ пьесу входятъ эпизоды, извѣстные въ отдѣльномъ самостоятельномъ видѣ, напр. игра—діалогъ „Лодка“, гдѣ играющіе изображаютъ разбойниковъ и, сидя на землѣ, дѣлаютъ видъ, что гребутъ, распѣвая: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, а „атаманъ“ и „эсаулъ“ ведутъ діалогъ о томъ, куда направлять лодку, что видно впереди и т. д. Другой подобный эпизодъ—сраженіе Аники-воина со Смертью и его гибель—извѣстенъ въ старой книжной литературѣ въ формѣ стариннаго сказанія „Преніе живота со смертью“. Въ числѣ пѣсень, которыхъ въ „Царѣ Максимилианѣ“ бываетъ довольно много, попадаются извѣстные романсы вродѣ „Гусарь, на саблю опираясь“, или стихотворенія нашихъ поэтовъ; встрѣчается пересказъ „Братьевъ Разбойниковъ“ Пушкина и др. Рѣчи и обращенія къ публикѣ дѣйствующихъ лицъ иногда близко напоминаютъ подписи на старыхъ лубочныхъ картинкахъ и вообще впадаютъ въ тонъ народныхъ прибаутокъ.—Помѣщенный здѣсь текстъ записанъ въ городѣ Глуховѣ Черниговской губъ и напечатанъ г. Каллашемъ въ Этнографич. Обзорѣніи № XXXIX.

Дѣйствіе первое.

(На сценѣ стоитъ стулъ, изображающій тронъ, возлѣ него „скороходъ-фельдмаршалъ“, обыкновенно самый младшій членъ труппы. На немъ солдатскій или офицерскій мундиръ, сообразно съ тѣмъ, какой удалось достать артистамъ; на мундирѣ погоны или висячіе эполеты, подлинныя или сдѣланныя изъ картона, цветной бумаги и шумихи, сабля или тесакъ, черезъ плечо красная лента. На груди орденъ и звезда. На головѣ шлемъ съ султаномъ, сдѣланный или изъ жести, или изъ картона и сусального золота.)

Входитъ „царь Максимилианъ“, одѣтый такъ же, какъ скороходъ. Въслѣдствіи ему приносятъ корону такого вида: обручъ, охватывающій голову; къ нему придѣланы сверху двѣ полосы накрестъ, правильно изогнутыя. Наверху или на лбу короны иногда находится звѣзда. Лентъ у царя двѣ—красная, голубая или зеленая; орденовъ и звѣздъ побольше, чѣмъ у скорохода).

Максимилианъ (къ публикѣ). Здравствуйте, всепочтенѣйшіе господа! Вотъ и я къ вамъ явился сюда. За кого вы меня признаете: за короля прусскаго или за принца ханцюзькаго? Я не есть король прусскій, ни принцъ ханцюзкій, а есть царь Максимилианъ! (Къ скороходу). Для кого сей тронъ сооруженъ?

Скороходъ. Для вашего царскаго величества! (уходитъ).

Максимилианъ. Сяду я на этотъ тронъ, приму въ руки скипетръ и рукодержаву и буду судить свой народъ. (Садится на тронъ). Скороходъ-хитъмаршаль, явись предъ тронъ твоего монарха!

Скороходъ (быстро появляется, шага за три передъ царемъ становится на одно колено, вынимаетъ саблю, салютуетъ и вонзаетъ ее въ землю съ лѣвой стороны, продолжая держаться за нее рукой). Почто, царь Максимилианъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимилианъ. Пойди и принеси мнѣ скипетръ, корону и рукодержаву, чтобы судить мнѣ мой народъ.

Скороходъ. Пойду и принесу тебѣ скипетръ, корону и рукодержаву, чтобы судить тебѣ твой народъ. (Встаетъ, вкладываетъ саблю въ ножны и уходитъ).

(Появляется процессія: скороходъ среди двухъ дѣвъ, несущихъ корону, скипетръ—палку, обклеенную сусальнымъ золотомъ съ сусальной звѣздой на верхушкѣ, и державу—шаръ, обклеенный сусальнымъ золотомъ. Вся трое—иногда процессія состоитъ и изъ большаго количества лицъ—поютъ):

Я къ царю иду,
Златой вѣнецъ несу,
На голову надѣну,
Хвалу произнесу.

(Этотъ куплетъ исполняютъ три раза, при чемъ третій и четвертый стихъ поютъ каждый разъ, стоя на коленяхъ. По окончаніи пѣнія скороходъ вручаетъ царю ски-

петръ и державу и надѣваетъ на его голову корону. Процессія удаляется).

Максимиліанъ. Скороходъ-хитъмаршалъ, явись передъ тронъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываетъ, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и приведи ко мнѣ моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву.

Скороходъ. Пойду и приведу къ тебѣ твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхву (*уходитъ*).

Адольфъ (*является одѣтый, какъ скороходъ, только пышище*). Почто, отецъ, меня такъ скоро призываетъ, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Поклонись моимъ кумирическимъ богамъ!

Адольфъ. Не поклонюсь я твоимъ кумирическимъ богамъ: я твои кумирическіе боги подвергаю подъ ноги (*топаютъ для большей выразительности ногой*).

Максимиліанъ (*яростно кричитъ*). Скороходъ-хитъмаршалъ, явись передъ тронъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываетъ, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и отведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву на три дня въ пустыню: авось, онъ одумается!

Скороходъ. Пойду и отведу твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхву на три дня въ пустыню: авось, онъ одумается (*уводитъ Адольфа, при чемъ послѣдній поетъ, остальные же артисты, еще не участвовавшіе, подтягиваютъ*).

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ...
Сколько горестей, печалей
Мнѣ въ пустынѣ должно снестъ!

Максимиліанъ. Скороходъ-хитъмаршалъ, явись передъ тронъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываетъ, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и приведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву изъ пустыни: авось, онъ одумался.

Скорородъ. Пойду и приведу твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхву изъ пустыни: авось, онъ одумался (*уходитъ и возвращается съ Адольфомъ*).

Адольфъ. Почто, отецъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

(Повторяется слово въ слово предыдущая сцена, и Максимилианъ, призвавъ скорохода, отправляетъ Адольфа на три недѣли въ пустыню. Адольфъ съ тѣмъ же стиховъ удаляется. Его опять призываютъ. Максимилианъ въ третій разъ принуждаетъ Адольфа поклониться кумирамъ и за непослушаніе отправляетъ его въ пустыню на три мѣсяца, куда Адольфъ удаляется и на этотъ разъ съ тѣмъ же).

Максимилианъ. Скороходъ, и т. д. **Скорородъ.** Почто, и т. д.

Максимилианъ. Пойди и приведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву: авось, онъ одумался.

Скорородъ. Пойду и т. д.

Адольфъ. Почто, отецъ, и т. д.

Максимилианъ. Поклонись моимъ кумирическимъ богамъ!

Адольфъ. Не поклонюсь я твоимъ кумирическимъ богамъ. Я твои кумирическіе боги подвергаю подъ ноги.

Максимилианъ. Скороходъ, и пр. **Скорородъ.** Почто, и пр.

Максимилианъ. Пойди и приведи моего палача Брамбеуса: пусть онъ на моихъ глазахъ сниметъ съ моего гордаго и непокорнаго сына Адольхвѣ ордена, ленты, кавалеріи, а съ плечъ его голову.

Скорородъ. Пойду и приведу къ тебѣ палача Брамбеуса. Пусть онъ на твоихъ глазахъ и пр. (*уходитъ*).

Брамбеусъ (*въ черной маскѣ, съ чернымъ шлемомъ на голову, съ черными перьями на шлемѣ, въ засученныхъ рукахъ, выкрашенныхъ въ красную краску, обнаженная сабля; одѣтъ онъ въ красную рубашку*). Почто, царь, меня такъ скоро призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимилианъ. Пойди и отведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву на лобное мѣсто, сними съ него ордена, ленты, кавалеріи и на моихъ глазахъ голову.

Брамбеусъ. Пойду и отведу твоего непокорнаго и т. д. (*отводитъ Адольфа въ сторону, идъ стоитъ дерево*).

Хоръ (*поетъ, не появляясь на сцену*):

Какъ на лобномъ мѣстѣ
Молодецъ стоитъ,
Думушку думаетъ,
Дышитъ тяжело.
Знать, приходитъ времечко,
Добро прошло,
Съ плечъ его могучихъ
Сняли ордена.

(Брамбеусъ при пѣніи этихъ стиховъ снимаетъ ордена и эполеты съ Адольфа).

Скованъ онъ, скованъ,
Скованъ по рукамъ;
Скованъ онъ, скованъ,
Скованъ по ногамъ.

(Брамбеусъ обматываетъ цѣпью его руки и ноги).

Брамбеусъ. Охъ, жаль мнѣ царскаго сына, да нельзя измѣнить царскаго слова. *(Рубитъ Адольфу голову, затѣмъ декламируетъ).*

Подъ зеленою ракитой
Лежить царскій сынъ убитый.
Солнце и мѣсяцъ померкамши,
Я на свою душу острый мечъ накла-
дамши *(закалывается).*

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. **Скороходъ.** Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи дѣдушку - гробокопателя!

Скороходъ. Пойду и пр. *(Уходитъ и возвращается съ дѣдушкой-гробокопателемъ).*

Дѣдушна-гробокоп. *(съ длинной клочковатой бородой, въ полушубкѣ овчиной наружу, сгорбленный, съ палкой въ руку).* Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и отнеси эти тѣла и закопай такъ, чтобы ихъ птицы не клевали и звѣрье не таскало!

Дѣдушна-гробокоп. Чтобы ихъ птицы клевали и звѣрье таскало? Хорошо, батюшка, сдѣлаю!

Максимиліанъ. Нѣтъ, чтобы ихъ птицы не клевали и звѣрье не таскало.

Дѣдушна-гробокоп. Хорошо! *(Уноситъ тѣла).*

Дѣйствиѣ второе.

(Максимиліанъ сидитъ на тронѣ; въ противоположномъ углу сидитъ король Мамай, одѣтый, какъ Максимиліанъ, но въ зубчатой коронѣ (обручъ, отдѣланный сверху зубчиками) съ полумѣсяцемъ на ней. Возлѣ короля Мамай стоитъ его племянникъ. Мамай держитъ въ рукахъ скипетръ и державу съ полумѣсяцемъ наверху).

Мамай (племяннику). Возьми и отнеси царю Максимиліану въ подарокъ пули, ядро, картечи и огненныя стрѣлы, а скоро и я самъ къ нему приду въ гости.

Племянникъ. Возьму и отнесу и т. д.

(Идетъ и несетъ Максимиліану ящикъ съ огненными стрѣлами). Мой дядя прислалъ тебѣ въ подарокъ пули, ядро, картечи и огненныя стрѣлы и велѣлъ сказать, что скоро онъ и самъ будетъ къ тебѣ въ гости.

Максимиліанъ. Скажи своему дядѣ, что я ни пуль его, ни его самого не боюсь.

Племянникъ. Пойду и скажу *(уходитъ)*.

(Мамай идетъ къ Максимиліану и сражается съ нимъ. Максимиліанъ убиваетъ Мамай).

Племянникъ *(является и, увидѣвъ лежащаго дядю, восклицаетъ)*:

Ли мой дядя убитъ, ли онъ такъ лежитъ? *(наклоняется къ Мамаю)*. Солнце и мѣсяцъ померкамши, я на свою душу острый мечъ накладамши. *(Закалывается)*.

(Максимиліанъ призываетъ скорохода и посылаетъ его за гробоконателемъ. Дальше повторяется конецъ перваго дѣйствія).

Дѣйствиѣ третье.

(Максимиліанъ сидитъ на тронѣ. На противоположной сторонѣ показывается гетманъ-малороссъ, одѣтый такъ же, какъ Максимиліанъ, только корона у него на головѣ зубчатая съ крестомъ наверху, съ поперечными полосами или просто зубчатая съ крестомъ спереди, или такая, какъ у Максимиліана, но съ крестомъ наверху).

Гетманъ-малороссъ *(обращаясь къ публикѣ)*. Здравствуйте, всепочтеннѣйшіе господа! За кого вы меня признаете: за короля прусскаго, или за принца ханцюзькаго? Я не есть

король пруській, ни принць хранцюзькой, а я есть гетмань-малороссъ (*идетъ къ Максимилиану*). Здравствуйте, ваше царское величество!

Максимилианъ (*сходитъ съ трона, кладетъ на тронъ скипетръ и державу, здороваётся за руку съ гетманомъ*). Здравствуйте, гетмань - малороссъ! (*начинаютъ прохаживаться по сцену*). Гдѣ бывали, что видали?

Гетмань-малороссъ. Бываль я по всёмъ четыремъ сторонамъ: въ Парижѣ, къ вамъ поближе, въ Итали, отъ васъ подалѣе. Но самое интересное, такъ это въ нашемъ государствѣ. Я прошу васъ показать жида: у него очень много денегъ, лошадей, и онъ очень хорошо танцуетъ.

Максимилианъ. А, не можетъ быть? Я и не зналъ! (*садится на тронъ, беретъ въ руки скипетръ и державу и зоветъ скорохода*). Скороходъ, и пр. **Скороходъ**. Почто, и пр.

Максимилианъ. Пойди и разыщи жида, у котораго много денегъ, лошадей, и который хорошо танцуетъ.

Скороходъ. Пойду и разыщу жида, и пр. (*Уходитъ и возвращается съ жидомъ*).

Максимилианъ. Правда, Янкель, что у тебя много денегъ?

Жидъ. Ай вей, ваше царское и императорское величество! Яки у зида греси?

Максимилианъ. А ну какъ я тебя велю казнить!

Жидъ (*бросаясь въ ноги Максимилиану*). Ай вей, тателе, мамеле! У меня е, е греси, богато гресей, три катули: въ одной густо, въ другой пусто, въ третьей нѣтъ ницаво.

Максимилианъ. Ну, вотъ хорошо. А вотъ еще у тебя кони хороши?

Жидъ. Ваше императорское величество! Ну, яки у зида кони?

Максимилианъ. Придется мнѣ, кажется, съ тобой расправиться!

Жидъ. Ай вей, у мене богато коней! Тройка синихъ, тройка сырыхъ, тройка нѣтъ никакихъ!...

Максимилианъ. А, хорошо. Ну, теперь повесели насъ, сынани что-нибудь!

Жидъ. Ну каково у зида танцы?!

Максимилианъ. Вижу, придется мнѣ расправиться съ тобой по-своески!

Жидъ. Ну, за цево такова рахуба! Ну, я вамъ и протанцую. Я хоросо танци понимаю: якъ цуцькъ на морозы.

(Потомъ хоръ поетъ какую нибудь пьсню, жидъ танцуетъ. Когда прохаживающіеся царь и гетманъ поворачиваются къ жиду спиной, онъ садится на тронъ, беретъ въ руки скипетръ и державу и самодовольно провозглашаетъ: „Я царю, царю!“ Жидъ уходитъ, танцуя).

Гетманъ-малороссъ. Слыхалъ я, ваше царское величество, что у васъ въ темницѣ 33 года сидитъ непобѣдимый рыцарь Аника-воинъ: интересно было бы увидѣть его и побиться съ нимъ.

Максимиліанъ. Хорошо *(садится на тронъ)*. Скороходъ, и пр. **Скороходъ.** Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи Анику-воина изъ темницы, гдѣ онъ сидитъ 33 года.

Скороходъ. Пойду и приведу и пр. *(уходитъ и возвращается съ Аникой-воиномъ, одѣтымъ въ черный панцирь и черный шлемъ съ черными перьями)*.

Аника. Почто, царь, меня призываешь?

Максимиліанъ. Вотъ, Аника-воинъ, хочеть съ тобой мой пріятель Гетманъ-малороссъ помѣряться силами.

Аника. Вели расковать.

(Скороходъ снимаетъ цѣпь съ Аники и даетъ ему свою саблю, Аника и гетманъ сражаются, гетманъ падаетъ убитымъ, Аника уходитъ).

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. **Скороходъ.** Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди, позови доктора.

Скороходъ. Пойду и позову доктора *(уходитъ)*.

Докторъ-нѣмецъ. Што герръ тсарь меня присывай?

Максимиліанъ. Вотъ вылъчи! *(указываетъ на гетмана)*.

Докторъ. О, хорошо! Где мой нехотяй? Ты, фельтшеръ! Приступай скорѣй!

(Фельдшеръ появляется пьяный съ громадной бутылкой, паявая: „Дуетъ, дуетъ вътерокъ... Подходитъ къ гетману и довольно непочтительно хватаетъ его за носъ. Докторъ суетъ гетману подъ носъ пузырекъ).

Гетманъ (вставая). Фу, какъ я крѣпко спалъ!

Максимиліанъ. Ваше царское величество еще дольше спали бы, если бы не докторъ!

(Появляется Престрашный Исполнѣ. На немъ маска, панцырь и шлемъ — все черное).

Престрашный Исполнѣ или **Господинѣ** (*обращаясь къ публикѣ*). Здравствуйте, всепочтеннѣйшіе господа! За кого вы меня признаете: за короля пруськаго или за принца францюзькаго? Я не есть король пруській, ни принцъ францюзькій, а я есть Престрашный Господинѣ. (*Подходитъ къ Максимиліану и, вынимая саблю изъ ноженъ, бьетъ его по его саблѣ*). Царь Максимиліанъ, чего хочешь: биться или мириться?

Максимиліанъ. Хочу биться! (*Сражаются, гетманъ, докторъ и фельдшеръ въ страхъ убѣгаютъ. Исполнѣ убиваетъ Максимиліана и садится на тронъ, чѣмъ и кончается трагедія*).

1. Изборникъ Святославовъ, 1073 г.

1. Вопросъ. Аште вждеть кзто старъ или немоштынъ и отзнемоглзса, ти не можеть чьрнць быти, или чьрнцьскыхъ творити, то како тз можеть поканатиса и спастиса;

Отвѣтъ. Гѣу глѣштоу: гарьмъ мой блгъ ксть и врьма мое лъзко, добръ вѣдомо к, тако и старыи и немоштынни можеть хранити законъ кго. Писано бо к, тако прави пѣтиє гѣи и правдѣнни пондоуть по нимъ, нечѣстивни же отзнемогоутьса въ нихъ. и всѣа прѣди соуть по разумѣваемштинимъ и права обрѣтавштинимъ разумъ. и ако право к слово гѣе и всѣа дѣла кго въ вѣрѣ. Не бо ни безвѣрчига намъ, ни всего въ мирѣ отзшѣствига, изъ любви бѣ и ближняаго, сѣмѣратиса, и миловати, и молнатиса, тьрпѣти скзрби, кротзкоу быти, мирникоу, зловы не държати, не осуждати, не лзгати.... Видиши ли тако ничьто же тажько и немоштно намъ оуставлено ксть. Въ лѣпотоу оубо глѣаше тѣ: Шрьмъ мои блгъ и врьма мое лъзко ксть.

2. Изъ статьи Сѣааго кѣпифаниа ѡ вѣ. казикоу, иже вѣахоу на логий сватителевѣ насаждани.

Анфракзъ зѣло чрьвенъ ксть обрѣзмъ. взывають же въ карѣхонѣ ливоуисцѣмъ, иже наричетьса африкий. глѣють же, не дьнымъ, изъ ноштьмъ са обрѣтлѣгъ, издмечъ бо, акзи доуплатица или акзи обгль, искрами мьчьштѣ, и кдинъ часъ прѣстане. разумѣвше же иштѣштѣи кго, тако тз ксть, идоуть на вѣскъ кго и обрѣштѣти и. носимъ же кацѣми люво ризами да обвьѣтѣса, вѣскъ кго взитъ риза снѣають.

Обакийѣз акзи мчрьмень ксть, обрѣтають же са въ обтрьнни варварий сюриисцѣй, скоуѣнѣ же м нарицають ветзсий, страноу тоу всѣмъ сѣверскоумъ, иже соуть гсѣѣн. и давнѣис. да тоу обво въ мѣтръ въ поуствини великзиа скоуѣнѣ ксть дзвьр, зѣло глѣвока

и человекомъ невзходьна, стѣнами камнями обоядоу оградивъ-
шиса: да тѣмъ съ горы приникшоу комѣ любо аки съ стѣнъ не
мошти дозрѣти дьна дьверн тои, нз ѓтъ глоубинъи мракъ кѣсть,
аки пропасть нѣкаѣ. посылаемъи же ѓтъ влижнѣиухъ тоу цѣсарнѣи
ѓсужденици нѣдъми заклавъше агньца и ѓбравъше, съмештъятъ съ
горы ѓтъ каменнѣи въ пропасть дьверн тоѣ. и прилпаты каменнѣи
на мѣсѣхъ тѣхъ. ѓрлы обво, въ каменнѣи томъ живоуще, на вонъ
мѣсноуѣи съходатъ и възносатъ агньца съ лыпашемъ каменнѣи.
и кѣгда нѣдѣатъ мѣса, каменнѣи ѓстѣютъ на врѣхоу горы. ѓсоуж-
деници же, смотривъше, кѣде възносатъ ѓрлы мѣса, ндоуть, и тако
приносатъ каменнѣи. нмоуть же дѣйство сице, намештемъ бо на
ѓбли ѓгньизнѣи, сами не врѣждѣютъса, нз ѓбли ѓбгашѣтъ.

3. Лѣтописецъ въ кратъцѣ ѓтъ Авъгоуста даже и до
Кѣнстантина и Зѣта црѣ грѣчьскыѣхъ*).

а. Авъгоустъ. Иже и ѓсмородыный лѣ нс. мѣ. а. днъ а. въ
мг лѣ его родиса хс бз нашъ въ лѣ всего мира хѣфа:

б. Тиверносъ. лѣ. кв. мѣцъ. з. днѣи. гѣ.

г. Гайдъсъ. лѣ. г. мѣцъ. г.

д. Клавдидъсъ. лѣ. г. мѣцъ. и. днѣи. гѣ:

г. Нершнъ. лѣ. г. мѣцъ. з. днѣи. гз. съ вѣрховьнѣи аплѣ
въ Римѣ оуби:

з. Галъвасъ. мѣцъ. з. днѣи. з.

з. 'Офонъ мѣцъ. г. днѣи. е:

б. Оуйттелиѓс. мѣцъ. з. днѣи. а.

б. Оуйспаснѣносъ. лѣ. г. При семь иѣроусалимъ полонкнъ вьсть:

г. Титосъ. лѣ. г. и оубиенъ бѣ ѿ Дѣметриана.

и. Дѣметрианосъ снъ его. лѣ. к. днѣи. е. съ бѣгословьца потѣчи:

и. Нероуасъ. лѣ. а. мѣцъ. а. днѣи. г:

4. О составѣ человекскаго тѣла: И тѣло же
ѓво чловѣче ѓтъ четырь составъ глѣмъ създано. имать во ѓтъ
ѓгнѣи теплоу. ѓтъ въздоуха же студеньство. ѓтъ землѣи же соухотоу.
ѓтъ воды же мокроту.

*) Этотъ „Лѣтописецъ вкратцѣ“ составленъ константинопольскимъ
патрiархомъ Никифоромъ въ началѣ IX вѣка. Здѣсь видно, что Никифоръ
считаетъ ѓтъ сотворенiя мiра до Рожд. Христова не 5508 лѣтъ, какъ обычно
считалось тогда, а 5500 лѣтъ. Въ хрестоматiю взято начало „Лѣтописца“.

5. О злой женѣ.

Оу́не жити въ землі поусть. Или съ женою ꙗзычьныѣ и которивоуѣ. И а́кы чрвь въ дрѣвѣ. тако же мужа погубитъ жена злодѣйца. и ꙗкоже капла изгонати члвкѣ въ днь слотнз. отъ хлѣвины своѣѣ. такоже и жена ꙗзычна отъ хлѣвины ѣго. и ꙗкоже оу́сервзъ златъ въ нозарьхъ свиний. тако же и женѣ злосмыслнѣ краса.

Никый же оубо звѣрь тчннз женѣ злѣ и ꙗзычьнѣ. чьто бо ѣсть льва лютьѣ въ четвьрьножинахъ. чьто ли боугакѣ змыѣ плѣжштийхъ. нз ничьтоже тѣхъ развѣ злы жены.

2. Изборникъ Святославовъ, 1076 г.

О чтеніи книгъ. Добро есть, братне, почитанье книжное, паче всякому хрьстьяноу: блаженн бо, рече, испыташтен свѣдѣннѣя его, всѣмъ сьрдцьмъ възшштють его. Чьто бо рече: испыташтен свѣдѣннѣя его? Егда чьтеши книги, не тыштися бързо иштити до дроугья главизны, нъ поразоумѣи, чьто глѣють книги и словеса та, и тришды обращяся о единой главизнѣ. Рече бо: въ сьрдци моемъ ськрыхъ словеса твоя, да не сьгрѣшу тебѣ. Не рече: оусты тчью изглаахъ, нъ и въ сьрдци ськрыхъ, да не сьгрѣшу тебѣ. И поразоумѣвая оубо истипнѣ писания правимъ есть ими. Рекоу же: оузда коневн правитель есть и въздържанне, правѣднику же книги. Не сьставиь бо ся корабль без гвозднн, ни правѣдникъ бес почитаннѣя книжьнааго: и якоже плѣньникомъ оумъ стоить оу родитель своихъ, тако и правѣднику о почитаннѣ книжьнѣмъ. Красота воиноу оружене и кораблу вѣтрила, тако и правѣднику почитаннѣ книжное.

3. Феодосія Печерскаго слово о вѣрѣ латинской или варяжской.

Слово ми есть къ тобѣ, княже боголюбивый. Азь Федось, худый робъ пресвятнѣя Троица, Отыца и Сына и Святаго Духа, въ чистѣй и въ правовѣрнѣй вѣрѣ роженъ и воспитанъ въ добрѣ наказаннѣ, правовѣрнымъ отцемъ и

матерью, наказывающе мя добру закону. Вѣрѣ же латынь-стѣи не прилучатися, ни обычая ихъ держати, и комканья ихъ бѣгати, и всякаго ученья ихъ бѣгати, и норова ихъ гнушатися, и блюсти своихъ дочерей, не давати за нихъ, ни у нихъ поимати: ни брататися, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни съ нимъ изъ единого судьна ясти, ни пити, ни брашна ихъ пріимати. Тѣмъ же паки у насъ просящимъ Бога ради ясти и пити, дати имъ, но въ ихъ судѣхъ; аще не будетъ у нихъ судьна, въ своемъ дати; потомъ измывъше дати молитву, занеже неправо вѣрують и нечисто живутъ, ядятъ со псы и съ кошками..... ядятъ же львы и дикыя кони, и ослы, и удавленину, и мертвечину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровъ, и въ говѣнне ядятъ мясо, пущающе въ воду. 1-я недѣля поста во вторъникъ чернѣи ихъ ядятъ лои, и въ субботу постятъся, побывъшесе вечеръ ядятъ молока и яйца. А согрѣшають, не отъ Бога просятъ прощенья, но прощаютъ попове ихъ на дару. А попове ихъ не женятся законною женитвою..... и на войну ходятъ и оплаткомъ служатъ. Иконъ не цѣлуютъ, ни мощей святыхъ, а крестъ цѣлуютъ, написавъше на земли, и, вставъ попирають его ногами, а мертвеца же кладутъ на западъ ногами, а руцѣ подонъ подложивъше. Женяще же ся у нихъ понимаютъ 2 сестрѣ, а крещаются во едино погруженъе, а мы въ 3; мы же крещаемое мажемъся муромъ и масломъ, а они соль сыплотъ крещаемому въ ротъ; имя же не нарицають святаго, но како прозовуть родители, въ то имя крестятъ. А глаголютъ Духа Святаго исходяща отъ Отца и отъ Сына; ина многа злая дѣла суть у нихъ..... Мнѣ же рече отъць мой: Ты же, чадо, блюдися кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ словесъ; зане исполнися и наша земля злыя тоя вѣры: да кто съпасая съпасеть душу свою, въ правовѣрнѣи вѣрѣ живучи; нѣсть бо иноя вѣры лучше нашей, яко же наша чиста и свята си вѣра правовѣрная; сею бо вѣрою живущи, грѣховъ избыти и муки вѣчныя гонѣзнути, но жизни вѣчныя причастнику быти, и безъ коньца со святыми радоватися..... Аще ли видиши нага, или голодъна, или зимою, или бѣдою одержима, аще ли ти будетъ жидовинъ, или срацинъ, или болгаринъ, или еретикъ, или латынянинъ, или ото всѣхъ поганыхъ, всякаго помилуй и отъ бѣды избави я, яже можеша, и мзды отъ Бога не лишень будеша.

4. Начальная лѣтопись.

1. Обычай славянскихъ племенъ. Имяху бо обычай свой, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней что владуче. А древляне живяху звѣришьскимъ образомъ, жиуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкываху у воды дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякый звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами; браци не бваху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умьряше, творяху трызну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложакуть на кладу мертвеца, сожьжаху, и по семь собравше кости, вложакху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ.

2. Основаніе Кіева. Быша 3 брата, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сидяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдьяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревница; и сътвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне. Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кій княжаше въ родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде

къ Дунаевн, възлюбн мѣсто и срубн градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живуцин; еже и доннѣ наречють Дунайци городнице Кіевецъ. Кіевн же пришедшю въ свой градъ Кіевъ, ту животь свой сконча; а братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

3. Смерть Олега. И живяше Олегъ миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда на нь. Бѣ бо преже въпрошалъ волхвовъ кудесникъ: „Отъ чего ми есть умрети“? И рече ему одинъ кудесникъ: „княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети“. Олегъ же примъ въ умѣ, си рече: „николи же всяду на конь, ни вижю его болѣ того“; и повелѣ кормити ѣ и не водити его къ нему, и пребывъ нѣколко лѣтъ не дѣя его, дондеже и на Греки иде. И пришедшю ему къ Києву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же бяху рекъли волхви умрети Ольгови, и призва старѣйшину конюхомъ, река: „къдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его“? Онъ же рече: „умерлъ есть“. Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: „то тѣ неправо молвятъ волхви, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ“. И повелѣ осѣдлати конь: „да тѣ вижю кости его“. И приѣха на мѣсто, идѣже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ; и сълѣзъ съ коня, посмѣяся река: „отъ сего ли лъба смерть мнѣ възяти“? и вѣступи ногою на лобъ; и выниклучи змѣя, и уклону и въ ногу, и съ того разболѣвся умре. И плакашася по немъ вси людіе плачемъ великомъ, и несоша и, и погребоша и на горѣ, иже глаголетъся Щековица; есть же могила его до сего дне, словеть могила Ольгова. И бысть всѣхъ лѣтъ его княженія 33. Се же дивно есть, яко отъ волхвованія сбывается чародѣйствомъ.

4. Смерть Игоря. Въ лѣто 6453. Въ се же лѣто рекоша дружина Игоревн: „отроци Свѣнльжи изодѣлися суть оружемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляше имъ, и мужи его; возма дань поиде въ градъ свой. Идуцю же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: „идѣте съ данью домовн, а я възвращюся, похожо и еще“. Пусти дружиню свою домовн, съ маломъ же дру-

жины возвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, съдумавше со княземъ своимъ Маломъ: „аще ся вѣвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить“. Посла къ нему глаголюще: „почто идеши опять? поималъ еси всю дань“. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкорьстѣня Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искорьстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дъне.

5. Мщеніе Ольги. Вольга же баше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тѣ же отецъ Мстишинъ. Рѣша же Деревляне: „се князя убихомъ Русьскаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему якоже хоцемъ“. И посълаша Деревляне лучшіе мужи, числомъ 20, въ лодыи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодыи. Бѣ бо тогда вода текуци въздолѣ горы Киевьскыя, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возъва я Ольга къ собѣ: „добри гостье придоша“; и рѣша Деревляне: „придохомъ, княгыне“. И рече имъ Ольга: „да глаголете, чьсо ради придосте сѣмо“? Рѣша же Деревляне: „посла ны Деревьска земля, рькуще сиче: мужа твоего убихомъ, баше бо мужъ твой акы волкъ восхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да пойди за князь нашъ за Малъ“; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: „люба ми есть рѣчь ваша; уже мнѣ мужа своего не кресити; но хочю вы почтити на утрія предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою и ляжите въ лодыи величающесе, азъ утро посълю по вы, вы же рыцѣте: не ѣдемъ на конихъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодѣ; и възнесутъ вы въ лодыи“; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоко, на дворѣ теремьстѣмъ, вѣнѣ града. И заутра Ольга, сѣдючи въ теремѣ, посла по гости; и придоша къ нимъ глаголюще: „зоветь вы Ольга на честь велику“. Они же рѣша: „не ѣдемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодыи“. Рѣша же Кыяне: „намъ неволя; князь нашъ убьенъ, а княгыни наша хочеть за вашъ князь“; и понесоша я въ лодыи. Они же сѣдяху въ перегьбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящесе; и принесоша

я на дворъ къ Ользѣ, несше винуша я въ яму съ лодьею. Приникъши Ольга п рече имъ: „добра ли вы честь“? они же рѣша: „пуци ны Игоревы смерти“; и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревлянѣмъ, рече имъ: „да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не пустятъ мене людѣ Киевьстѣн“. Се слышавше Деревляне, собъраша лучыише мужи, иже держаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревлянѣмъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовѣ сътворити, рькуще сице: „измывъшесе придѣте ко мнѣ“. Они же пережъгоша истобьку, и вълѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобьку, и повелѣ зажечи ю отъ дверей, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревлянѣмъ; рькущи сице: „се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многы въ градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему“. Они же то слышавше, съвезоша меды многы зѣло, възвариша. Ольга же, понмъше мало дружины, легько идущи приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ; и повелѣ людемъ своимъ съсути могылу велику, яко сосъпоша, и повелѣ трызну творити. По семь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне къ Ользѣ: „кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя“? она же рече: „идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего“. Яко унишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ понти на ня, а сама отыде кромѣ, и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне. И псѣкоша ихъ 5000; а Ольга възвратися Киеву, и пристрои вон на прокъ ихъ.

6. Смерть Ольги. Въ лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ болярѣмъ своимъ: „нелюбо ми есть къ Киевѣ быти, хочю жити въ Переяславьци на Дунаѣ, яко то есть середѣ въ земли моей, яко ту вся блага съхоятся: отъ Грекъ злато, паволокы, вина, оwoщеве розноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь“. Рече ему Ольга: „видиши мя больну суцю, камо хочешши отъ мене ити“? бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: „погребъ мя, иди же яможе хочешши“. По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людѣ вси плачемъ великомъ, не соша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутерь, сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущя кресть-

яньстѣй земли акы деньница предъ солнцемъ и акы зоря предъ свѣтомъ, си бо съяше акы луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтящеса акы бисеръ въ калѣ; кальни бо бѣша, грѣхъ неомовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеса грѣховныя одежда ветхаго челоуѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеса, еже есть Христось. Мы же рцѣмъ къ ней: радуйся, Русьское познанье къ Богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сию бо хвалятъ Русьстии сынове акы начальницю: ибо по смерти моляше Бога за Русь.

7. Крещеніе Руси. Въ лѣто 6496. Володимеръ же посемъ поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньскы, съ мощми святого Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя, иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу, яже церкы стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею; якоже невѣдуще мнать я мрамаряны суща. Власть же за вѣно Грекомъ Корсунѣ опять царицѣ дѣля, а самъ приде Кыеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣчи, а другыя огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневн къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше симъ образомъ челоуѣкы, да възмездье пріиметь отъ челоуѣкѣ. Велии еси, Господи, и чюдна дѣла твоя! вчера чѣтимъ отъ челоуѣкѣ, а днесъ поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: „аще гдѣ пристанеть вы, то отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги проидеть: то тогда охабитеса его“; они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнѣ, и отголѣ прослу Перуняна рѣнѣ, якоже и до сего дне словеть. По семъ же Володимеръ посла по всему граду глаголя: „аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ“. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеса и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли“. Наутрѣя же изиде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсуньскыми на Днѣпръ, и свидеса безъ

числа людій: влѣзоша въ воду и стояху ови до шіѣ, а друзи до персіи, младіи же отъ берега, друзи же млади держаше, свершеніи же бродяху; попове же стояще молитвы творяху. И быше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ; а дьяволъ стень глаголаше: „увѣ мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сдѣ бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сдѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ“. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ дома своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и люде его, възрѣвъ на небо рече: „Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тебе истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири; и постави церковь святаго Василія на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потреби князь и люде; и нача ставити по градомъ церкви и попы. И люди на крещенье приводяти по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитоѣ чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакаху по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвечи плакахуся.

8. Бой съ Печенѣгомъ. Въ лѣто 6500. Иде на Хорваты. Пришедшю бо ему съ войны Хорватскыя и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срѣте и на Трубежи на бродѣ, кдѣ нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смѣяху си на ону страну, ни они на сю страну. И пріѣха князь Печенѣжскый къ рѣцѣ, возва Володимера и рече ему: „выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета; да аще твой мужъ ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашъ мужъ ударить, да воюемъ за три лѣта“. И разидостася разво. Володимеръ же приде въ товары, посла биричи по товаромъ, глаголя: „спѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ“? и не обрѣтесе никдѣже. Заутра пріѣхаша Печенѣзи и свой мужъ приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити

Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: „княже! есть у мене единъ сынъ меньшій дома, а съ четырьми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтства бо его нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми и сварящу, и оному мьнущу усніе, разгнѣвавъся на мя, преторже черевѣ руками“. Князь же се слышавъ радъ бысть, посла по нь, и приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся; се же рече: „княже! не вѣдѣ, могу ли съ нь, и да искусите мя: нѣту ли быка велика и сильна“? И нагѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражнити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожу съ мяса, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: „можешѣи ся съ нимъ бороти“. И наутрїя придоша Печенѣзи, почаша звати: „нѣ ли мужа? се нашъ доспѣлъ“. Володимеръ же повелѣ той ноци облещися въ оружье; и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужъ свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшень; и выступи мужъ Володимеръ, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середній тѣломъ. И размѣривше межѣ обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почаста ся крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣап побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложѣ городъ на бродѣ томъ и парече и Переяславль, зане перея славу отроко-тъ. Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володимеръ же вѣзвратися въ Къевъ съ побѣдою и съ славою великою.

9. Пирѣ Владимира. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля: уставѣ на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и сотьскимъ, и десятьскимъ и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множество отъ мяса, отъ скота и отъ звѣрины, баше по избылью отъ всего. Егда же подѣпяхуться, начыняхуть роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лъжицами, а не серебряными“. Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лъжицѣ серебряны ясти дружинѣ, рекъ сице: „яко серебромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу серебро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и серебра“. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ.

10. О убьенъи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Къевѣ по отци своемъ, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ. Борису же възвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: „отець ти умерлъ“. И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ; и ста на Лытѣ пришедь. Рѣша же ему дружина отъня: „се дружина у тебе отъня и вои; поиди, сяди Къевѣ на столѣ отъни“; онъ же рече: „не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто“. И се слышавше вои, разидошася отъ него, Борисъ же стояше съ отроки своими. Святополкъ же исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ примъ, посылая къ Борису, глаголаше: „яко съ тобою хочю любовь имѣти, и къ отъню придамъ ти“, а лъстя подъ нимъ, како бы и погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и Вышегородскыѣ болярѣцѣ, и рече имъ: „пріяете ли ми всѣмъ сердцемъ“? Рече же Путьша съ Вышегородьци: „можемъ главы своя сложити за тя“. Онъ же рече имъ: „не повѣдуче никому же, шедше убійте брата моего Бориса“; они же вскорѣ обѣщася ему се створити. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: скоры суть пролити кровь безъ правды; ти бо обьщаются крови, собирають собѣ злая; сихъ путѣ суть скончавающихъ безаконье, нечестьемъ бо свою душу емлютъ“. Посланіи же придоша на Лыто ночью, и подѣступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и. И вставъ нача пѣти, глаголя: Господи! что ся умножиша стужающіи мнѣ? мнози вѣстають на мя“..... И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемъ. И се нападоша акы звѣрье дивіи около шатра, и насунуша и копыи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на немъ, прободоша съ нимъ; бѣ бо се любимъ Борисомъ. Бяше отрокъ съ родомъ сынъ Угърескъ, именемъ Георгіи, его же любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, въ ней же предстояше предъ нимъ: избиша же и ины отроки Борисовы многы. Георгіеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривни съ шіѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша; и тѣмъже послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупіи. Бориса же убивше оканьни, увертѣвше въ шатерь, възложивше на кола, повезоша и, и еще дышюцю ему. Увѣдѣвше же се оканьный Святополкъ, яко

еще дышать, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко еще живъ есть, единъ ео извлекъ мечъ, пронъзе и къ сердцю. И тако скончася блаженный Борисъ, вѣнецъ приѣмъ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророки и апостолы, съ лики мученичьскими водваряся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся въ лику святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкви святаго Василья. Оканьнии же си убиѣицѣ придоша къ Святополку, аки хвалу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшко; отецъ же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бываютъ; бѣси бо на злое посылаеми бываютъ, ангели на благое посылаеми. Ангелъ бо челоуѣку зла не створяеть, но благое мыслить ему всегда, паче же хрестьяномъ помагають и заступають отъ супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять челоуѣка Богомъ почыщена, и завидяще ему, на зло слеми скорни суть. Золь бо челоуѣкъ, тѣсая на злое, хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золь челоуѣкъ ни Бога боится, ни челоуѣкъ ся стыдитъ; бѣси бо креста ся боять Господня, а челоуѣкъ золь ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рекъ: „се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба“? И приѣмъ помыслъ Каиновъ, съ лестью посла къ Глѣбу, глаголя сиче: „пойди вборзѣ, отецъ тя зоветъ, не сдравить бо вельми“. Глѣбъ же вборзѣ вѣдъ на конѣ, съ малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшию ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало; и приде къ Смоленську, и поиде отъ Смоленська яко зрѣмо, и ста на Смядинѣ въ насадѣ. Въ се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передѣславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: „не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка“. Се слышавъ Глѣбъ възъпи вельми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: „увы мнѣ, Господи! луче бы ми умрети съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, умерлъ быхъ съ тобою: нынѣ же чьсо ради остахъ азъ единъ? кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? нынѣ уже не услышу тихаго твоего наказанья: да аще еси получилъ дерзновенье у Бога, молися о мнѣ, да

и азъ быхъ ту же страсть пріяль; луче бо ми было съ тобою умрети, неже въ свѣтъ семь прелестнѣмъ жити“. И сице ему молящюся съ слезами, се внезапно придоша посланіи отъ Святополка на погубленье Глѣбу и ту абе посланіи яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови уныша; оканьный же посланный Горясѣръ повелѣ въорзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезъ ножъ, зарѣза Глѣба. Аки агня непорочно принесеса на жертву Богови, въ вою благоуханья, жертва словесная, и прія вѣнецъ; вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемо брата своего, и радовашеса съ нимъ неиздреченною радостью, юже улущиста братолюбьемъ своимъ. Се коль добро и коль красно, еже жити братома въкупъ! Глѣбу же убьену бывшую и повержену на брезѣ межи двѣма колодами, посемъ же вземше везоша и, и положиша и у брата своего Бориса у церкви святаго Василья. И съвъкуплена тѣломъ, паче же душама, у Владыкы Всецаря пребывающа, въ радости безконечнѣй, во свѣтъ неиздреченнѣмъ, подающа и цѣлебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ съ вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣльбы, окованымъ разрѣшенье, темницамъ отверзенье, печальнымъ утѣха, напастнымъ избавленье; и еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сіяюща и молящася воину къ Владыцѣ о своихъ людехъ. Тѣмже и мы должны есмы хвалити достойно страсотерпца Христова, молящася прилежно къ нима, рекуще: радуйтася, страсотерпца Христова Русьскыя земля, яже ицѣленье подаета приходящимъ къ вамъ вѣрою и любовью.

11. Смерть Святополка. Въ лѣто 6527. Приде Святополкъ съ Печенѣгы въ силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множество вой, и взиде противу ему на Лѣто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идѣже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: „кровь брата моего вопьеть къ тебѣ, Владыко! мести отъ крове праведнаго сего, якоже мстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; тако положи и на семь“. Помоливъся и рекъ: „брата моя! аще еста и отошла тѣломъ отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убійцю и гордаго“. И се ему рекшу, поидоша противу собѣ, и покрыша поле Летьское обои отъ множества вой. Бѣ же пятокъ тогда, възходящю солнцю; и съступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была въ Руси, и за руки емлече сѣцяхуся, и съступашася трижды, яко по

удольемъ крови тещи; къ вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему нападе на нь бѣсъ и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти, и несяхуть и на носилѣхъ; принесоша и къ Берестю, бѣгающе съ нимъ, онъ же глаголаше: „побѣгнѣте со мною, женуть по насъ“. Отроци же его всылаху противу, „еда кто женеть по насъ“, и не бѣ никого же въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ; онъ же въ немощи лежа, въскопивъся глаголаше: „осе женуть, побѣгнѣте“. Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа Лядскую землю, гонимъ Божимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой. Его же по правдѣ, яко неправедна, суду нашедшю на нь по отшествіи сего свѣта пріяша муки оканнаго: показоваше явѣ посланая пагубная рана, въ смерть немилостивно въгна, и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ. Есть же могила его въ пустыни и до сего дне, исходить же отъ нея смрадъ золь. Се же Богъ показа на наказанье княземъ Русьскимъ, да аще сии еще сице же створять, се слышавше, ту же казнь примуть; но и больши сея, понеже вѣдая се, створять тако же зло убійство.

12. Ярославъ. Заботы о просвѣщеніи. Въ лѣто 6545. Заложилъ Ярославъ городъ великій Кыевъ, у него же града суть Златая врата; заложилъ же и церковь святыя Софѣя, митрополью, и по семь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святое Богородицѣ Благовѣщенье, по семь святаго Георгія монастырь и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестыаньска плодити ся и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыревѣ починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежалъ и почитая ѣ часто въ ноци и въ дне: и собѣра писецѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское письмо, и списаша книги многы, и сниска, ими же поучащеся вѣрніи людье наслажаются ученья божественнаго. Якоже бо се иѣкто землю разореть, другой же насѣть, ини же пожинають и ядятъ пищю бескудну: тако и съ; отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ: съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное. Велика бо бываетъ польза отъ ученья книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяюще

вселеную, се суть исходища мудрости: книгамъ бо есть неенсчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаемы есмы, си суть узла въздержанью. Ярославъ же съ, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ; многы написавъ положи въ святѣй Софьи церкви, юже созда самъ; украси ю златомъ и серебромъ и съсуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. И нынѣ церкви ставляше по трѣдомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учить люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутери, людье хрестьянѣстии. Радовашеся Ярославъ, видя множество церквей и люди хрестьяны зѣло; а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьянскими.

13. Явленіе кометы (6572 г.). Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, възходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 днѣй; се же проявляше не на добро: по семь бо быша усобицѣ много и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляюща кровипролитье бяше. Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть; его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю... Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, не благо бывають, но знаменья сиця на зло бывають: ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляеть.

14. Нашествіе Половцевъ. Въ лѣто 6576. Придоша иноплеменники на Русьскую землю, Половци мнози. Пяславъ же, и Святославъ, и Всеволодъ изидоша противу имъ на Лѣто; и бывши пощи, подѣидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ попусти Богъ на ны поганья: и побѣдоша Русьскыи князи, и побѣдиша Половци. Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменники на землю, и тако съкрушенымъ имъ възспоманутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла челоувкомъ, но блага; а дьяволь радуется злomu убійству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнью, клеветы. Земли же согрѣшившей которѣи любо, казнить Богъ смертью, ли голодомъ, ли наведенемъ поганыхъ, ли вѣредомъ, ли гусѣницею, ли ипѣми казнями, аще ли покаяшеся будемъ въ немъ же ны Богъ велить жити... Се бо не поганскы ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращаетъ,

ли единецъ, ли свинью: то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволу наученью кобъ сію держать, друзи же и закъханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ. Но сими дьяволъ льститъ, и другими нравы, всячьскими лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гуслими и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множество, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоятъ: егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни приѣмлемъ отъ Бога всячьскыя и нахоженье ратныхъ, по Божью повелѣнью, приѣмлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ. Мы же на предълежащее възвратимся.

15. Волхвы въ Кіевѣ и на сѣверѣ Руси. Въ лѣто 6579. Въ си времена приде волхвъ, прельщенъ, бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьстѣй земли на Русьской, а Русьстѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, вѣрнии же насмѣхаются, глаголюще ему: „бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ“. Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подѣтокше на зло вводятъ, посемъ же насмисаются ввергъше и въ пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ, бѣсовское наученье и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области, вѣстаста два волхва отъ Ярославля, глаголюща: „яко вѣ свѣвѣ, кто обилые держить“; и поидоста по Волзѣ: кдѣ придуть въ погостѣ, ту же нарицаху лучшіѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вымаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отпмашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нею людій пѣ 300. Въ се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатины; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ и пришла еста сѣмо. Янь же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ иже около ею суть, рече имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя“; они же сего не послушаша. Янь же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроки его: „на ходи безъ оружья, осоромятъ тя“; онъ же повелѣ взяти

оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимъ, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же стапа исполчившися противу. Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: „вида идеши на смерть, не ходи“; оному повелѣвшю обити я, къ прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ, Янь же оборотя топоръ удари и тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я; они же бѣжаша въ лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янь же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: „аще не имѣте волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто“. Бѣлозер и же шедше япа я, и приведоша я къ Яневи, и рече има: „ѣсо ради погубиста толико человекъ?“ Онѣма же рекшема: „яко ти держать обилъе, да аще истребивѣ сихъ, •будеть гобино: аще ли хоцеша, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что“. Янь же рече: „по истинѣ лжа то: створилъ Богъ человекъ отъ землѣ, съставленъ костями и жылами отъ крове, нѣсть въ немъ ничьсоже; и не вѣсть ничтоже, но токѣмо единъ Богъ вѣсть“. Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ, како есть человекъ створенъ“. Онъ же рече: „како?“ Она же рекоста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отресе ветъхомъ, и верже съ небесе на землю: и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человекъ? и створи дьяволъ человекъ, а Богъ душу въ не вложи; тѣмже аще умреть человекъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу“. Рече има Янь: „по истинѣ прельстилъ васъ есть бѣсъ: коему Богу вѣруета?“ Она же рекоста: „антихристу“. Онъ же рече има: „то гдѣ есть?“ Она же рекоста: „сѣдитъ въ безднѣ“. Рече има Янь: „какий то Богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси сѣдя, на престолѣ, славимъ отъ ангелъ, иже предстоятъ ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти, сихъ бо ангелъ сверженъ бысть, егоже вы глаголета антихрестъ, за величанье его низъверженъ бысть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то вы глаголета, яда, егда придетъ Богъ съ небесе, сего имъ антихриста свяжеть узами и посадить и, емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣрують: вама же и здѣ муку пріяти отъ мене, и по смерти тамо“. Онѣма же рекшема: „нама бози повѣдають: не можеша нама створити ничьсоже“, онъ же рече има: „лжють вама бози“. Она же рекоста: „нама стати предъ Святославомъ, а ты не можьшь створити ничьсоже“. Янь же повелѣ бити я, и потъргати брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею

поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янь: „что вама бози молвять“? Онѣма же рекшема: „стати намъ предъ Святославомъ“, и повелѣ Янь вложити рубль въ уста има, и привязати я къ упругу, и пусти предъ собою лодѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: „что вама бози молвять“? Она же рѣста: „сице нама бози молвять, не быти нама живымъ отъ тебе“. И рече има Янь: „то ти вама право повѣдали“. Она же рекоста: „но аще наю пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погубиши, многу печаль примеша и зло“. Онъ же рече има: „аще ваю пуцю, то зло ми будетъ отъ Бога“. И рече Янь повозникомъ: „ци кому васъ кто роднь убьенъ отъ сею?“ Они же рѣша: „мнѣ мати, другому сестра, иному рожене“. Онъ же рѣче имъ: „мьстите своихъ“. Они же поимше, убиша я и повѣсиша я на дубѣ: отмьстье примеша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идуцю домови, въ другую ношь медвѣдъ възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть; и тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовскимъ, инѣмъ вѣдуще, а своя пагубы не вѣдуче. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идѣже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: „не умрети нама“, оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовское наученье: бѣси бо не вѣдятъ мысли человѣчское, но влагають помысль въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчская, бѣси же не свѣдаютъ ничьсоже; суть бо немощни и худи взоромъ. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченъи ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключиса нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдъ, и приде къ кудеснику, хотя волхованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: „бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся“. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тоя; онъ же нача опять призывати бѣсы; бѣси же метавше имъ, повѣдаша, чьсо ради пришелъ есть. По семь же поча прашати его: „что ради боятся того, егоже се носимъ на собѣ, креста“? Онъ же рече, „что есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся“. Онъ же рече: „то кади суть бози ваши, кдѣ живутъ?“ Онъ же рече: „въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще,

всходятъ же и подъ небомъ, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть; аще кто умреть отъ вашихъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну". Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творя ся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града: глаголашеть бо, яко провѣдь вся, и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо: „яко переиду по Волхову передъ всѣми“. И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же ваемъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: „иже хочеть вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идетъ“. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ skutомъ, приде въ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хочеть быти, и что ли до вечера?“ Онъ же рече: „провѣжь вся“. И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что хочеть быти днесъ?“ „Чюдеса велика створю“ рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя и, и паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же погыбе тѣломъ и душею, предавъся дьяволу.

16. Знаменія. Въ се же лѣто знаменье въ солнци: яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть въ часъ 2 дне, мѣсяца маія 21 день. Въ се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣринны за Вышегородомъ, заматавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша. Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

17. Моровая язва. Въ лѣто 6600. Предивно бысть Полотскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ ноци тутѣнь, станяше по улицы, яко человекъ рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абе уязвень будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху; и не смѣяху излазити изъ хоромъ; посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотскыя и его область; тѣмъ и человекъ глаголаху: яко навье бьютъ Полочаны; се же знаменье почаша быти отъ Дръютска. Въ си же времена бысть знаменье въ небеси: яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ. Въ се же лѣто ведро баше, яко изгараше земля,

и мнози борове възгарахуся сами и болота; многа знаменья бываху по мѣстомъ, и рать велика бяше отъ Половецъ и отвсюду: взяша 3 грады, Пѣсочень, Переволоку, и многа села воеваша, по обѣма страномъ... Въ си же времена мнози чловѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты, яко продахомъ корсты отъ Филиппова дне до мясопуста 7 тысячъ; се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды; се же наведе на ны Богъ, веля намъ имѣти покаянье и вѣстягнутися отъ грѣха, и отъ зависти, и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ непріязней.

18. Сказаніе о народѣ, запертомъ въ горахъ. Се же хоцю сказати, яже слысахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же люде есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: „дивьно мы находимъ чюдо, его же нѣсмы слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти: суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощнѣ“. Мнѣ же реkishю къ Гюрятѣ: „си суть люде заклепеніи Александромъ Македоньскимъ царемъ“. Якоже сказаетъ о нихъ Меѳодіѣ Патарійскъ: „и взиде на всточныя страны до моря, наричемое Солнце мѣсто, и видѣ ту чловѣкы нечистыя, отъ племени Афетова; ихъ же нечистоту видѣвъ: ядыху скверну всяку, комары и мухы, коткы, змѣѣ, и мертвецъ не погребяху, но ядыху, и скоты вся нечистыя; то видѣвъ Александръ убоися, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны и въ горы высокія; Богу повелѣвшю, съступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не съступишася о нихъ горы на 12 локоть; и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогутъ ижещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огонь можетъ вжещи

его, ни желѣзо его приметь; въ послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣвъ отъ пустыня Тривьскыя, изидуть и си скверніи языкъ, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божію. Но мы на предняя возвратимся, якоже бяхомъ преже глаголали.

5. Новгородская первая лѣтопись.

Голодѣ. Лѣто 6738. Того же Богъ, видя наше безаконія, и братоненавидѣніе, и непокореніе другъ къ другу, и зависть, и крестомъ вѣрящесе во лжю; его же ангели не могутъ зрѣти и многоочити крылы закрываються, того же мы въ рукахъ дѣржаще скверными усты цѣлуемъ; и за то Богъ на насъ поганыя наведе и землю нашу пусту положиша; а иное сами не блюдуче безъ милости истеряхомъ свою власть, и тако бысть пусто; и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Иази мразъ на Въздвигеніе честнаго хреста обилье по волости нашеи, и оттолѣ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривнъ; а въ дворѣхъ по полъ—30, а пшеницѣ по 40 гривнъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривнъ, и разъидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чюжія грады и страны братьѣ нашеи и сестрѣ, а останкъ почаша мерети, и кто не прослѣзится о семъ, видяще мѣртвѣца по уличамъ лежаща и младенця отъ пьсъ изѣдаемыя...

Мы же на преднее възвратимся, на горкую и бѣдную память тоя весны. Что бо рещи, или что глаголати о бывшей на насъ отъ Бога казни? ини же мѣхъ ядыху, ушь, сосну, кору липову и листь ильмъ, кто что замысля, а ини пакы зліи чловѣци почаша добрыхъ людіи дома зажигати, кдѣ чююче рожь, и тако разграблывахуть имѣніе ихъ...

То же бы намъ все видяще предѣ очима, лучшымъ быти, мы же быхомъ нуцъши: братъ брату не скаляшется, ни отецъ сынови, ни мати дѣчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба; не бысть милости межи нами, нѣ баше туга и печаль, на уличи скѣрбь другъ съ другомъ, дома тѣска, зряще дѣти плачюще хлѣба, а другая умирающа; и купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшо, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра; и даяху отци и матери дѣти свое одѣренъ, изъ хлѣба, гостымъ. Се же

горе бысть не въ нашей земли во одиной, нъ по всей области Русьстѣи, кромѣ Кыева одинаго; и тако ны Богъ възда по дѣламъ нашимъ.

6. Изъ Ипатъевскаго списка.

1. О походѣ Игоря 1185 года.

Въ то же время Святославичъ Игорь, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поймя со собою брата Всеволода изъ Трубецка, и Святослава Олговича, сыновця своего, изъ Рыльска, и Володимера, сына своего, изъ Путивля, и у Ярослава испроси помочъ Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Коун Черниговъскими; и тако идяхуть тихо, собираюче дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкѣ, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце, стояще яко мѣсяць, и рече боярамъ своимъ и дружинѣ своей: „видите ли что есть знаменіе се?“ Они же уарѣвше, и видѣша вси и поникоша главами и рекоша мужи: „княже, се есть не на добро знаменіе се.“ Игорь же рече: „братья и дружино! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творецъ Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити“. И то рекъ, перебрѣде Донецъ и тако прійде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ баше шель инѣмъ путемъ изъ Курьска; и оттуда поидоша къ Салницѣ, ту же къ нимъ и сторожеви пріѣхавша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловить, и рекоша пріѣхавше: „видихомся съ ратными, ратницы ваши со dospѣхомъ ѣздить; да или поѣдете борзо, или возворотися домовъ; яко не наше есть веремя“. Игорь же рече съ братьею своею: „оже ны будетъ не бившися возворотитися, то соромъ ны будетъ пущей смерти, но како ны Богъ дастъ.“ И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь, заутра же пятъку наставшу, во обѣднее время усрѣтоша полкы Половецкїе, бяхуть бо до нихъ dospѣлѣ, вѣжѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюрлія. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу брата

его Всеволожь, а полъву Святославль сыновця его, напередъ ему сынъ Володимерь и другій полкъ Ярославль, иже бяху съ Ольстиномъ Коуеве, а третій полкъ напередѣ же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князій выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: „братья, сего есмы искалъ, а потягнемъ“, и тако пойдоша къ нимъ, положаче на Бозъ упованіе свое. И яко быша къ рѣцѣ ко Скурлію, и выѣхаша изъ Половецкихъ полковъ стрѣлци, и пустивше по стрѣлѣ на Русь и такъ поскочиша, Русь же бяхуть не переѣхалъ еще рѣкъ Скурлія; поскочиша же и ти Половци силы Половецкіи, которіѣ же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Ольговичъ, и Володимерь Игоревичъ, и Ольстинъ съ Коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодь по малу идяста, не роспускаста полку своего, передніи же ти Русь биша ѣ, имапа; Половцѣ же пробѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжъ и ополонишася, друзіи же ночь пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ. И яко собрашася Половци вси, и рече Игорь ко братома и къ мужемъ своимъ: „се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомъ полки Половецкіи, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? Нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто поѣдетъ завтра по насъ, то ци вси поѣдутъ, но лучшіи коньници переберуться, а самѣми какъ ны Богъ дастъ“. И рече Святославъ Ольговичъ строема своима: „далеча есмь гонихъ по Половцехъ, а кони мои не могутъ; аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то толико ми будетъ на дорожѣ остати“—и поможе ему Всеволодь, акоже облечи ту. И рече Игорь: „да недивно есть разумѣюци, братья, умрети“,—и облегоша ту. Свѣтаюци же суботѣ, начаша выступати полки Половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи Рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество. И рече Игорь: „се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица, и Етебича, и Терьтробича“. И тако угадавше вси съсѣдоша съ коніи, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвахуть бо: „оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будетъ грѣхъ сихъ выдавше: пойдемъ, но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ“. И та рекше вси сосѣдоша съ коней и поидоша бьющеся; и тако божимъ попущеніемъ, уязвиша Игоря въ руку и умрѣвшиша шюйцу

его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напередѣ язвѣнь бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнози ранени и мертви быша въ полкахъ Русскихъ; наставши же ноци суботній, и поидоша бьuchia; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшетъ въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, поиде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ; уразумѣвъ же яко далече шельсть отъ людѣй, и сойма шеломъ погна опять къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюргевичъ, познавъ князя, возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярскихъ, добри бо вси бяхуться идуще пѣши— и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко дабы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бывшася, яко и оружья въ руку его не доста, и бяху бо идуще вокругъ при сзерѣ. И тако, во день святаго воскресенія, наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселья мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: „помянухъ азъ грѣхы своя передъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьянствѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ крестьянъ, но взяхъ на щить городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии крестьяни, отлучаеми отецъ отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подруги своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живии мертвымъ завидять, а мертвѣи радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаемѣ и разсѣкаемѣ бывають, жены же оскверняемѣ; и та вся створивъ азъ“, рече Игорь, „не достойно ми бяшетъ жити; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо роженія моего? гдѣ бояре думашчи, гдѣ

мужи хроборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣнная? не ото всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ руки незаконнымъ тѣмъ? се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моеи на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою, истиненъ Господь и прави суди его зѣло, азъ же убо не имамъ со живыми части; се нынѣ вижу другая мученія вѣнца приѣмлюще, почто азъ единъ повинный не пріяхъ страсти за вся си? но Владыко Господи Боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ“. И тогда кончавшюся полку, разведени быша, поиде каждо во своя вѣжа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужъ именовъ Чилбукъ, а Всеволода брата его яль Романъ Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ въ Вобурчевичехъ, а Володимера Копти въ Улашевичихъ. Тогда же на полчищи Концакъ поручися по свата Игоря, заня бяшетъ раненъ. Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть, нѣкаккомъ полученіемъ, не бяшетъ бо лзѣ ни бѣгающимъ утечи, зане яко стѣнами сильными огорожени бяху полкы Половецкыми; ношахуть Русь съ 15 мужъ утекши, а Ковуемъ мнѣе, а прочіи въ морѣ истопоша... Въ то же время великій князь Всеволодичъ Святославъ шель бяшетъ въ Корачевъ, и сбирашетъ отъ верхнихъ земель вой, хотя ити на Половци къ Донову на все лѣто. Яко возвратися Святославъ и бысть у Новгорода Сѣверьского, и слыша о братьи своей, оже шли суть на Половци, утанвшеся его: и не любо бысть ему. Святославъ же идяше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во тѣ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичъ, и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же, то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: „о любя моя братья и сынове и мужъ землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити поганья, но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю, воля Господня да будетъ о всемъ; да како жаль ми бяшетъ на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ“. По семъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье: то бо слышавше возмятошася городи Посемьскіе, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговской, князи изымани и дружина изымана, избита...

Половци же аки стыдящася воеводства его и не тво-

рахуть ему пакости, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: но волю ему даяхуть; гдѣ хочеть, ту ѣздяшеть и ястробомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть; сторожеве же тѣ слушахуть его и чѣстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, безъ прѣтворяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со святою службою: не ѣздяшеть бо божія промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ мужъ родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ; и тотъ примъ мысль благу, и рече: „пойду съ тобою въ Русь“. Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль високу своя уности, мышляшеть бо, имше мужъ, и бѣжати въ Русь, молвяшеть бо: „азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ неславнымъ путемъ не имамъ пойти“. Съ нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудяста и глаголюща: „пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхоцеть Богъ избавить тя“; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но яко же преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци; и рекоша Игореву думци его: „мысль високу и неугодну Господеву имѣшъ въ собѣ, ты ищещи няти мужа и бѣжати съ нимъ; а о семъ чему не разгадаешъ, оже прѣйдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? да не будетъ славы тобѣ, ни живота“. Князь же Игорь, примъ во сердце съвѣтъ ихъ, уполошися прѣзда ихъ и возыска бѣжати: не бяшеть бо ему лѣзъ бѣжати въ день и въ ночь, иже сторожеве стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврову конюшого своего, река ему: „переѣди на ону сторону Тора съ конемъ поводнымъ“: бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ то же время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореву, яко ждеть его Лаворъ. Сей же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію и кресту честному, глаголя: „Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго“ — и возма на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сн

же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозъ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 день до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ—и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣхъ ко Кіеву къ великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ свать его.

2. Изъ Волынской лѣтописи. По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божиимъ: устремилъбося баше на поганья яко и левъ, сердить же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орель, храборъ бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганья Измалтяны, рекомья Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шолбмомъ Донъ, приемиши землю ихъ всю и загнавши оканьныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставшю у Сыръчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы, река: „Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именовъ евшапъ“. Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рче: „Да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нели на чужѣ славу быти“. И приде во свою землю.

7. Хожденіе игумена Данила въ святую землю.

1. Вступленіе. Се азъ недостойный игумень Даниль Русьскыя земля хужшій въ всѣхъ мнисѣхъ, смиренъ сый многими грѣхы и невѣжъствомъ, недоволенъ сый во всякомъ дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслию своею и нетерпѣніемъ своимъ, въсхотѣвъ видѣти святыи градъ Іерусалимъ и землю обѣтованьную Богомъ Аврааму. Волею же Божіею хранимый доходихъ святаго града Іерусалима

и видѣхъ всю землю Галилейскую и святѣя мѣста, и вся обѣидохъ, всю ту землю, удуже Христось Богъ нашъ походи своима ногама и много чудесъ показа преславно святымъ апостоломъ и своимъ ученикомъ, да то все видѣхъ очима своима грѣшныма, и все ми Богъ показа видѣти, егоже жадахъ азъ по многы дѣни, мыслию своею мучимъ. Но, братіе и отци, господіе мои, простите мя, и не зазрите моему худоумію и грубости моей, еже съписахъ о святѣмъ градѣ Іерусалимѣ, и о землѣ блазѣ, и о пути семь святѣмъ: иже бо кто путемъ симъ ходитъ съ страхомъ и съ смиреніемъ, то не погрѣшитъ милости Божіа николиже. Азъ же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ, въ всякой слабости и лѣности, пѣя и ядя и вся неподобная твоя, но обаче надѣюся на милость Божію и на вашу молитву, негли Христось Богъ проститъ мя грѣховъ моихъ безчисленьныхъ, да се и съписахъ путь сей и мѣста си святая, не вѣношаяся, ни величаяся путемъ симъ: не буди то, ничтоже бо не сътворихъ добра на пути семь, но любве ради святыхъ мѣсть написахъ все, еже видѣхъ очима своима грѣшныма, дабы не въ забытїи то было, еже ми показа Богъ видѣти недостойному, и убояхъся осуженія онога раба лѣниваго, скрывѣшаго талантъ господина своего и прикупа не сътвори имъ; да и се написахъ вѣрныхъ ради человекъ, дабы кто слышавъ о мѣстѣхъ святыхъ и потѣщался душею и мыслию къ святымъ симъ мѣстомъ и равну мѣду примуть съ тѣми, иже будутъ ходили до святыхъ сихъ мѣсть. Мнози же дома суще въ своихъ мѣстѣхъ добрии человекъци милостынями къ убогимъ и добрыми дѣлы своими достизають сихъ мѣсть святыхъ, иже большую мѣзду примуть отъ Бога; мнози же и доходивше святыхъ сихъ мѣсть и видѣвше святой градъ Іерусалимъ, и вознесъшеся умомъ, яко нѣчто добро сътворше, и пакы погубляють мѣзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ.

2. О Іерусалимѣ. Есть же святой той градъ Іерусалимъ въ дебрехъ, и около же его горы каменны велики и высоки, ольно пришедъ близъ къ граду тоже видѣти святой градъ Іерусалимъ: первое видѣти столпъ Давидовъ, а потомъ мало пошедъ, видѣти Елеонская гора и Святая Святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти. И ту же есть гора равна у пути близъ Іерусалима, яко версты одной въдалѣ и на той горѣ съсѣдають люди съ коней, и пѣши ходять

всѣи людѣи и поклоняются христiяне святому Вѣскресенiю; и бываетъ радость велика всякому христiянину, увидѣвшему святой градъ Иерусалимъ: никто же бо можетъ не прослезитися, видѣвъше зѣмлю желанную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашъ, нашего ради спасенiя походи; и идутъ всѣи пѣши съ радостiю великою ко граду Иерусалиму.

3. О пупѣ земномъ и о церкви. И есть церкви та Вѣскресенiе Господне круга образомъ, всямокачъна, вѣдѣтъ и вѣпреки имать 30 сажень. Суть же у нея полаты просторны, и вѣ тѣхъ полатахъ, горѣ, патриархъ живеть. И есть отъ дверей Гроба Господня до стѣны великаго олтаря 12 сажень; и ту есть, вѣнѣ стѣны за олтаремъ, пупъ земной; сѣздана же надъ нимъ комора, и горѣ написанъ Христосъ мусiею, и глаголетъ грамота: „се пядiю моею измѣрихъ небо, а дланiю землю“. Отъ пупа земнаго до распятiя Господня и до Кранiева мѣста 12 сажень. И есть бо распятiе Господне отъ Вѣскресенiя къ востоку лицъ; есть же на камени высоко было, яко стружкiе вѣзвыше. Кругль же есть камень тотъ, яко горька мала; посреди же камене того на верху есть скважня, лакъти вѣглубльше, а вѣ ширѣ мьнiй пяди кругло, и ту былъ вѣдруженъ крестъ Господнiй. Исподи же подъ тѣмъ каменемъ лежить первозданнаго Адама глава. Вѣ распятiе же Господне, егда на крестѣ Господъ нашъ Исусъ Христосъ предасть духъ свой, и тогда раздрася церковна катапетазма и камение распадеся: тогда и той камень просѣдеся надъ главою Адамовою, и тою расѣлиною сѣниде кровь и вода изъ ребрѣ Владычень на главу Адамлю, и омы грѣхы рода чловѣча; и есть расѣлина та на камени томъ, и до днѣшняго днѣ знати есть на деснѣй странѣ распятiя Господня знаменiе то чествное.

4. О Иерданьстѣй рѣцѣ. Иерданъ же рѣка течеть быстро, берегы же имать обонъполь прикруты, а отъсюду пологы; вода же его мутьна и сладька пити вельми и нѣсть сыти пiющимъ воду ту святую, и здрава бысть вода та пiющимъ ю, ни съ нея болитъ, ни пакости вѣ чревѣ нѣсть; вѣсѣмъ же есть подобенъ Иерданъ къ рѣцѣ Сновьстѣй¹⁾, вѣшире и глубле, лукаво же вельми и быстро те-

¹⁾ Рѣка Сновь есть вѣ Черниговской губ., повѣтому предполагають, что Даниилъ былъ оттуда родомъ.

четь; болонія же имать якоже и Сновь рѣка; глубле же есть четырей сажень среди самоѣ купѣли; якоже самъ собою искусихъ и измѣрихъ и пребродихъ на ону страну Іердана, и много походихъ по берегу тому Іерданову любовію; въшире же есть Іерданъ рѣка якоже на устьи Сновь рѣка есть. И есть же по сей странѣ купѣли тоя яко лѣсокъ малъ, дровіе много по берегу Іорданову превысоко, яко вербіе есть, и подобно, но нѣсть верба; выше купѣли яко лозіе много по берегу Іердана; но нѣсть наша лоза, но инака... И есть бо ту тростіе много... И сподоби же мя Богъ трижды быти на Іерданѣ, и въ самый праздникъ воды крещенія быхъ на Іерданѣ съ всею дружиною моею, и видѣхомъ благодать Божию, приходящую на воду Іерданскую, и множество народа безчислено тогда приходятъ къ водѣ съ свѣщами, и всю ту ночь бываетъ пѣніе изрядно и свѣщъ безъ числа горящъ; въ полунощи же бываетъ крещеніе водѣ: тогда бо Духъ Святыи исходитъ съ небесе на воды Іерданскыя, чловѣци же достойни добрѣ видятъ, како всходитъ Духъ Святыи, а вси народи не видятъ, но токмо всякому чловѣку радость бываетъ тогда въ сердци. Да егда погружать священники крестъ честный и егда рекутъ „въ Іерданѣ крещающу Ти ся, Господи“,—и тогда вси людіе въскачють въ Іерданъ, крещающеся въ Іерданьстѣи рѣцѣ, якоже бо Христосъ въ полунощи крестился отъ Іоанна.

5. О свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе къ гробу Господню. И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему Данилу иноку; и видѣхъ очима своимъ грѣшнымъ по истинѣ, како сходитъ свѣтъ святыи къ Гробу животворящему Господа Спаса нашего Іисуса Христа. Мнози бо иніи страньници неправо глаголють о схожденіи свѣта святаго: инъ убо глаголетъ, яко голубемъ сходитъ Духъ Святыи къ Гробу Господню, а друзи глаголють, яко молнія сходитъ и въжигаетъ кандила надъ Гробомъ Господнимъ: то есть лъжа; ничтоже бо есть тогда видѣти, ни голуби, ни мълнія, но тако невидимо сходитъ благодѣть Божія, и въжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ. Да и о томъ скажу, еже видѣхъ по истинѣ. Въ великую пятницу по вечерній потирають Гробъ Господень и помывають кандила, сущая надъ Гробомъ Господнимъ, и наливають кандила та масла древянаго чиста безъ воды, одного и воткнувъше свѣтильна во оловца,

и не въжигаютъ свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляютъ свѣ-
тильна та не въжъжена, и запечатаютъ Гробъ Господень
въ 2 часъ ночи; и тогда изгасятъ вся кандила, не токмо
ту сущая, но и по всѣмъ церквамъ яже въ Иерусалимѣ.
Тогда и азъ худый идохъ въ ту пятницу великую въ 1
часъ дъне къ князю Балдвину¹⁾, и поклонихомъся ему до
земля; онъ же видѣвъ мя худаго поклонивъшася, и призъва
мя къ себѣ съ любовію, и рече: „что хочещи, игумене
Русьскій?“—позналъ бо мя добръ и любляше мя вельми,
якоже баше мужъ благъ и смиренъ и не гордить ни мало.
Азъ же рекохъ ему: „Княже мой, господине мой! Молю ти
ся Бога дѣля и князей дѣля русьскихъ, повели ми, да
быхъ и азъ поставилъ свое кандило на Гробъ святѣмъ отъ
всѣя русьскыя земля“. Тогда же онъ со тѣщаніемъ и съ лю-
бовію повелѣ ми поставити кандило на Гробъ Господни
и посъла со мною мужа, своего слугу лучшаго, къ ико-
ному святаго Въскресенія и къ тому, иже держитъ ключъ
гробный. И повелѣста ми оба, икономъ и ключарь Гроба
Господня, принести ми кандило свое съ масломъ; азъ же
поклонихъся има съ радостію великою и шедъ на торгъ и
купихъ кандило сткляньное велико и наліяхъ масла дре-
вянаго чистаго безъ воды, и принесохъ къ Гробу Господню,
уже вечеру сущу, и упрсихъ ключаря того, единаго вънутрь
Гроба суща, и обѣстихся ему; онъ же отъверзе ми двери
святыя, и повелѣ ми выступити изъ калигъ, и тако босаго
въведе мя единаго въ святыи Гробъ Господень съ канди-
ломъ, еже ношахъ азъ рукама своима грѣшныма, и повелѣ
ми поставити кандило на Гробъ Господни, и поставихъ
своима рукама грѣшныма въ ногахъ, идѣже лежаста пре-
чистѣи нозѣ Господа нашего Иисуса Христа: въ главахъ бо
стояше кандило Гречское, на персехъ поставлено баше
кандило святаго Савы и всѣхъ монастырей; тако бо обы-
чай имуть, по вся лѣта поставляютъ кандило Гречское
и святаго Савы. Благодѣтію же Божіею та три кандила
въжъглися дольняя, а Фряжская кандила повѣшена суть
горѣ, а отъ тѣхъ кандилъ ни единаго же не возгорѣся
тогда, толико тѣ 3 едина въжъглася. Азъ же поставихъ
кандило свое на святѣмъ Гробъ Господа нашего Иисуса Хри-
ста и поклонихъся честному Гробу Господню, и облобы-

¹⁾ Иерусалимъ въ то время былъ въ рукахъ крестоносцевъ и королемъ тамъ былъ Балдуинъ I.

захъ съ любовію и съ слезами мѣсто то святое и честное, идѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего Иисуса Христа; и изыдохомъ изъ Гроба того святаго съ радостію великою и идохомъ къждо въ келью свою. Заутра же въ великую субботу въ шестый часъ дѣне събираются вси людіе предъ церковію Въскресенія Христова безчислено много множество людій отъ всѣхъ странъ, пришельцы и тоземци; и отъ Вавилона, и отъ Египта, и отъ Антіохія и отъ всѣхъ странъ ту ся събирають въ тотъ день несказанно много людій, и наполняются вся та мѣста около церкѣве и около Распятія Господня; велика же тѣснота и томленіе лютѣ людемъ ту бываетъ; мнози бо тогда задыхаются отъ тѣсноты людій тѣхъ безчисленныхъ; и ти вси людіе съ свѣщами стоятъ невѣжьженами и жьдуть отверзенія дверій церковныхъ. Внутри же церкѣве тогда токмо попове едини суть, и жьдуть попове и вси людіе, донѣдеже придетъ князь Балдвинъ съ дружиною своею, и бываетъ тогда отверзеніе дверемъ церковнымъ, и входятъ тогда вси людіе въ церковь въ тѣснотѣ велицѣ и въ гнетеніи, и наполняютъ церковь ту и полати, всѣ полъны будутъ; не могутъ бо ся вмѣстити вси людіе въ церковь ту, но ту стоятъ внѣ церкѣви людіе мнози зѣло около Голгоѣы и около Краніева мѣста и дотолѣ, идеже налѣзенъ крестъ Господень, все полно будетъ людій безъ числа много множество. Иного не глаголють ничьсоже, но токмо „Господи помилуй“ зовуть неослабно и вопіють сильно, яко тутѣнати и възгремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ; и ту источникъ слезамъ проливаются отъ вѣрныхъ чловѣкъ; аще бо кто окамененъ сердцемъ своимъ, да и той тогда можетъ прослезитися; всякъ бо чловѣкъ тогда зазрить себе и помнаетъ грѣхы своя и глаголетъ въ себѣ: „егда моихъ дѣля грѣховъ не снидетъ свѣтъ святыи!“ И тако стоятъ вси вѣрніи, слезно и сокрушено сердце имуще; и той самъ князь Балдвинъ стоитъ съ страхомъ и смиреніемъ великимъ, источникъ слезъ проливается отъ очію его; также и дружина его стоятъ около его прямо Гробу близъ олтаря великаго. Яко бысть 7 часъ¹⁾ субботнаго дѣне, поиде князь Балдвинъ изъ дому своего къ Гробу Господню и съ дру-

¹⁾ Въ Палестинѣ часы считаются отъ восхода солнца, такъ что первый часъ дня, есть по нашему счету, седьмой часъ утра, а первый часъ ночи—седьмой часъ вечера.

жиною своею, и вси боси пѣшіи идутъ съ нимъ. И присѣла князь въ метухю святаго Савы, и позъва игумена съ черноризьци его; и поиде игумень съ братією къ Гробу Господню, и азъ худый тутъ же идохъ съ игуменомъ тѣмъ и съ братією, и придохомъ къ князю тому, и поклонихомъся ему вси. Тогда и онъ поклонися игумену святаго Савы. И повелѣ князь игумену святаго Савы и мнѣ худому съ ними поити близъ себе, а инѣмъ повелѣ предъ собою ити, а дружинѣ повелѣ по собѣ ити. И придохомъ въ церковь Вскресенія Христова къ западнымъ дверемъ, и се множество людій заступиша двери церковныя, и не могахомъ внити въ церковь. Тогда повелѣ князь Балдвинъ во емъ своимъ разгнати люди насильствомъ; и сътвориша яко улицу сквозѣ люди нольно и до Гроба Господня, и тако възмогахомъ проити. И придохомъ къ восточнымъ дверемъ Господнимъ гробнымъ, а князь по насъ приде и ста на мѣстѣ своемъ на десной странѣ у перегороды великаго олтаря противу восточнымъ дверемъ гробнымъ: ту бо есть мѣсто княже создано высоко; и повелѣ князь игумену святаго Савы стати надъ Гробомъ съ всѣми чернъци и съ правовѣрными попы, мнѣ же худому повелѣ стати высоко надъ самыми дверьми гробными противу великому олтарю, яко дозрѣти ми льѣ баше въ гробныя двери; двери же гробныя всѣ троѣ замъчены бяху запечатаны царскою печатію. Латынстїи же попове въ велицѣмъ олтари стояху. И бысть яко 8 часъ дъне, и начаша пѣти вечернюю правовѣрнїи попове на Гробѣ горѣ, и вси мужи духовнїи, черноризьци же и пустыньници мнози ту бяху пришлы; а Латыня же въ велицѣмъ олтари начаша верещати свойскы, и тако поющимъ имъ, азъ же ту стояхъ и прилежно зряхъ къ дверемъ гробнымъ. И яко начаша паремїи чести субботы великыя, и изыде епископъ съ діакономъ своимъ изъ великаго олтаря и приде къ дверемъ гробнымъ, и позрѣвъ Гробъ Господень сквозѣ крестца дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта въ Гробѣ и възвратися опять въ олтарь. Яко начаша чести 6-ю паремїю, и той же епископъ со діакономъ приде пакы къ дверемъ гробнымъ, и не увидѣ ничтоже въ Гробѣ Господни; и тогда вси людїе възпиша съ слезами: „кирѣ елейсонъ“. Якоже бысть девятый часъ дъни мимоходящю, и начаша пѣти пѣснь преходъную „Господевї поемъ“, и тогда внезапу приде туча отъ вѣстока мала и ста надъ върхомъ

непокрытымъ тоя церкѣве и одожди мало надъ Гробомъ святымъ и смочи ны добръ стоящихъ надъ Гробомъ Господьнимъ; и тогда вѣнезапу облиста свѣтъ святыи въ Гробѣ Господьни, и изыде блистаніе свѣта того страшно и свѣтло зѣло изъ Гроба того святаго. И пришедъ епископъ съ четырьми діаконы, отверзаша двери Господьня Гроба, и въземъ свѣщю у князя, и вниде епископъ въ Гробъ Господень и възъже первое ту свѣщю княжу отъ свѣта того святаго, и изнесъ изъ Гроба свѣщю ту, и вдасть ю самому князю въ руцѣ; и ста князетъ¹⁾ на мѣстѣ своемъ държа свѣщю ту съ радостію великою зѣло, и отъ тоя свѣща мы възъгохомъ вси своя свѣща, а отъ нашихъ свѣщъ вси людіе своя възъгоша свѣща. Свѣтъ же святыи не тако, яко огонь земленый, но чюдно инако свѣтитъся изърядно и пламень его червленъ есть, яко киноваръ и отънудъ не сказанно свѣтитъся. И тако людіе стоятъ съ свѣщами горящими и вопіють же вси непрестанно съ радостію великою зѣло и съ веселіемъ, видѣвъше свѣтъ святыи Божій.

8. Поученіе Владимира Мономаха.

...Да дѣти моя, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но кому же любо дѣтій моихъ, а приметь ю въ сердце свое и не лѣнитися начьнетъ, такоже и тружатися. Первое, Бога дѣля и душа своя, страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ и милостыню творя неоскудну; то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотица си, а не поохритаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ. Усерѣтоша бо мя съли отъ братія моя на Волзѣ, рѣша: „потѣснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отънимемъ; оже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“. И рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“. И отрядивъ я, въземъ Псалтырю въ печали, разгнухъ ю, и то ми ся вына: „вѣскую печалуеши, душе? вѣскую смущаеши мя?“ и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по

¹⁾ Въмѣсто: князь-тъ.

ряду и написахъ: аще вы послѣдняя не любя, а передняя прїимайте...

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекѣ-колюбець Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человекѣци грѣшныи суще и съмертъни, то оже ны зъло сътворить, то хоцемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣя и животомъ и съмертью, согрѣшеня наша выше главы нашея терпять, и паки и до живота нашего, яко отецъ чадо свое любя, бѣя, и паки привлечь е къ собѣ. Такоже и Господь нашъ показаль ны есть на врага побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаянемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствїя не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжька: ни одиночство, ни чернечство, ни голодъ, яко инїи добріи терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити милость Божью. Что есть человекъ, яко помнїши и? Велиї еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никакъ же разумъ человекѣскъ не можетъ исповѣдати чудесъ твоихъ. И паки речемъ: велиї еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвально имя твое въ вѣкы по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляетъ силы твоея и твоихъ великихъ чудесъ и добротъ, устроеныхъ на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солныце, како ли луна, како ли звѣзды и тьма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимъ промыслемъ! звѣрье розьноличьнии, и пѣтица и рыбы, украшено твоимъ промыслемъ, Господи! И сему чюду дивуемъся, како отъ персти созьдавъ человекѣка, како образи разноличьнии въ человекѣчскихъ лицихъ, аще и весь мїръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лицъ образомъ, по Божїи мудрости. И сему ся подивуемы, како пѣтица небесныя изъ ирѣя идуть,.... и не ставяться на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божїимъ повелѣнемъ, да наполняться лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угодые человекѣкомъ, на свѣдъ, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на насъ, яже та угодыя сътвориль еси человекѣка дѣля грѣшна. И ты же пѣтица небесныя умудрены тобою, Господи: егда повелиши, то въспоютъ и человекѣкы веселять тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣющѣ онѣмѣють. А благословенъ еси, Господи, и хваленъ

зѣло, всяка чюдеса и ты доброты сътворивъ и съдѣлавъ! Да иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть въсьмъ сердцьемъ и въсею душею во имя Отца и Сына и святаго Духа, да будетъ проклять ¹⁾. Си словьца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите Бога, давъшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене; аще не въсего прїимите, то половину. Аще вы Богъ умякѣчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ рекуще: „якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй“. И въ церкѣви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь: аще можете, поклонитесь до земли, али вы ся начьнетъ не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитесь; тѣмъ бо ночьюмъ поклономъ и пѣньемъ челоувѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ челоувѣкъ изъбываетъ. Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни съ кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а „Господи помилуй“ зовѣте беспрестани, втайнѣ; та бо есть молитва въсѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю. Въсего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ, и въдовицю оправьдите сами, а не въдавайте сильнымъ погубити челоувѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ съмерти, а душа не погубляйте никакая же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь Богомъ, ни хреститесь; нѣту бо ти нужна никоея же. Аще ли вы будетъ крестъ цѣловати къ братѣи, или къ кому, али управивъше сердце свое, на немъ же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавъше блюдѣте, да не преступни погубите душа своя. Епископы и попы и игумены, съ любовью възимайте отъ нихъ благословенье, и не устраняйтесь отъ нихъ, и по силѣ любите и набѣдите, да прїимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче въсего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ, по рыцѣмъ: съмертѣни есмы, днесь живы, а заутра въ гробѣ; се все, что ны еси въдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало днѣи. И въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя

¹⁾ Все это мѣсто, начиная отъ словъ: „Велїй еси, Господи“ представляетъ рядъ выписокъ изъ Псалтири, свободно истолкованныхъ и развитыхъ Мономахомъ. Имѣя въ виду Псалтирную основу этой части, онъ и называетъ ее „божественными словцами“.

чѣти яко отца, а молодя яко братью. Въ дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящей къ вамъ, ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отъвсюду нарядивъше, около вой тоже ляжѣте, а рано встанѣте; а оружья не снимайте съ себе, вборзѣ не розглядавъше, лѣнощами вънезапу бо челоувѣкъ погыбаеть. Лъжѣ блюдися и пьянства.....; въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начьнуть. Куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите уенна; и болѣе же чѣтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или солъ; аще не можете даромъ,— брашьномъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ челоувѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ. Больнаго присѣтните; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы; и челоувѣка не мипѣте не привѣчавъше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ Божій имѣйте выше всего. Аще забываете всего, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ безъ сорама, и вамъ будетъ добро. Егоже умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ. Въ томъ бо честь есть отъ ипѣхъ земль. Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозѣте ся лѣнити ни на что же доброе. Первое къ церкви; да не застанеть васъ солныце на постели. Тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и вси добрии мужи съвершеніи. Заутреню отдавъше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвъше солныце, и прославити Бога съ радостью, рекуще: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красьный; и еще: Господи, приложи ми тѣто къ лѣту, да прокъ грѣховъ своихъ покааявъся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога. И сѣдъше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати; спанье есть отъ Бога присуждено полудне; в-отъ чинъ бо почиваетъ и звѣрь, пѣтица, и челоувѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятича, посъла мя отецъ, а самъ иде Курьску; и паки 2-е къ Смолиньску со Ставкомъ Скордятичемъ, той паки и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посъла Смолиньску; то изъ Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и посъласта Берестію брата на головня, идѣ бяху пожыгли, то и ту блюдь городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отьцю, а по Велицѣ дѣни изъ Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творить съ Ляхы: оттуда паки на лѣто Володимерю опять. Та посъла мя Святославъ въ Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяцѣ... И потомъ Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 дѣній о малу греблю, и не въдадуче имъ въ острогъ. Съжаливъся хрестыанскыхъ душъ и сель горящихъ и монастырь, и рѣхъ: „не хвалитися поганымъ“. И въдахъ брату отьца своего мѣсто, а самъ идохъ на отьца своего мѣсто Переяславлю. И вынидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова и ѣххомъ сквозѣ полкы Половечьскыя нѣ съ 100 дружины, и съ дѣтьми и съ женами; и облизахуться на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза и съ горъ; Богъ и святыи Борисъ не да имъ мене въ користь, неврежени доидохомъ Переяславлю. И сѣдѣвъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды пріяхомъ отъ рати и отъ голода...

А изъ Чернигова до Кыева..... ѣздихъ къ отцю, дньемъ есмь переѣзидилъ до вечернѣ; а всѣхъ путій 80 и 3 великихъ, а прока не испомню меньшихъ. И мировъ есмь сѣтворилъ съ Половечьскыи князи безъ одинаго 20, и при отьци и кромѣ отьца, а дая скота много и многы порты своя. И пустилъ есмь Половечьскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князей инѣхъ 100; а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусъ съ сыномъ, Акланъ Бурчевичъ, Таревскыи князь Азгулуй, и инѣхъ кметій молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, изсѣкъ, въметахъ въ ту рѣчку въ Сальну; по чередамъ избьено нѣ съ 200 въ то время лѣпшихъ.

А се тружахъся ловы дѣя... А се въ Черниговѣ дѣялъ есмь: конь дикыхъ своима рукама связалъ есмь въ пуцахъ

10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того еже по Роси ѣздя ималъ есмь своиа рукама тѣ же кони дикыя. Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 доси, одинъ ногама топѣталъ, а другой рогама боль, вепръ ми на бедрѣ мечъ отѣялъ, медвѣдь ми у колѣна подѣклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра, и конь со мною поверже: и Богъ неврежена мя съблюде. И съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и позѣ свои вередихъ, въ юности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сѣтворилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадьники не зря, ни на биричѣ, самъ творилъ что было надобѣ; весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловьчихъ ловьчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ. Тоже и худаго смерда и убогя вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковьнаго наряда и службы самъ есмь приизиралъ. Да не зазрите ми, дѣти моя, ни инъ кто прочеть: не хвалю бо ся, ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославлю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ съблюде отъ тѣхъ часъ съмертьныхъ, и не лѣнива мя былъ сѣтворилъ худаго на вся дѣла чело-вѣчьская потребьна. Да сю грамотицю прочитаючи, потѣшѣтесе на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Съмерти бо ся, дѣти, не боячи, ни отъ рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть,— еже бо язъ отъ рати и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня съпадаяся; то никтоже васъ не можетъ вредити ся и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а еже отъ Бога будетъ съмерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти; но аче добро есть блюсти, Божіе блюденье лѣпле есть чело-вѣчьскаго.

9. Слово о полку Игоревѣ.

(Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, пачати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъслав-лича! Начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому

хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, сизымъ орломъ подѣ облакъ. Помыняшеть бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей: которыя дотечаше, та преди пѣснь поаше старому Ярославу, храброму Мъстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пѣлки касожьскими, красному Романови Святъславличу. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пушаше, нѣ своя вѣщяя пѣрсты на живыя струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже стягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, напѣлнивъся ратьнаго духа, наведе своя храбрыя пѣлки на землю Половецкую за землю русьскую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солныце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! лучше же бы потяту быти, неже полонену быти; а вѣсядемъ, братіе, на своя бѣрзыя комони, да позыримъ синяго Дону“... „Хощу бо,— рече,— копіе приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону“. О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сія пѣлки ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подѣ облакъ, съвивая, славію, оба полы сего времени. Рица въ тропу Бояню, чрезъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореву, того внуку: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжатъ къ Дону великому“. Чили вѣспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: „Комони ржють за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ“. Стоять стязи въ Путивлѣ, Игорь жьдетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй-туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи ты, Игорю! оба есвѣ Святъславлича. Сѣдлай, брате, своя бѣрзыя комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряне свѣдоми кѣмети: подѣ трубами повити, подѣ шелома вѣзлетѣяни, конецъ копія вѣскърмленни, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострены, сами скачють акы сѣрыи вѣлци въ полѣ, нищючи себѣ чѣти, а князю славы“.

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянъ и поѣха

по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонуши ему грозою пѣтичь убуди; свистъ звѣринъ... дивъ кличеть върху древа, велить послушати земли незнаемъ, Вълзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожю, и Корсуню, и тебѣ, тьмуроканьскій бълванъ! А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычатъ телѣгы полунощи, рѣци—лебеди распужени. Игорь къ Дону вон ведетъ... Вълци грозу въсрожать по яругамъ; орлы клектьомъ на кости звѣри зовуть: лисици брешуть на чърленя щиты. О русьская земле! уже за шеломенемъ еси.

Дълго почь мъркнеть. Заря-свѣтъ запала; мъгла поля покрыла; щекоть славій усьпе; говоръ галичъ убудися. Русичи великая поля чърлеными щиты прегородиша, нищюци себѣ чѣти, а князю славы.

Съ заранія въ пятъкъ потопташа поганя пълки Половецкыя и, засушася стрѣлами по полю, помѣчаша красныя дѣвѣкы половецкыя, а съ ними золото и паволокы и драгыя оксамиты; ... япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всьякыми узорочьи половецкыми. Чърленъ стягъ, бѣла хоругвь, чърлена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю! Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло. Не было къ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чърный воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вълкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дѣне вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чърныя туча съ моря идутъ, хотять прикрыти 4 солныца; а въ нихъ трепещють синія мълнія: быти грому великому, ити дождю стрѣлами съ Дону великаго; ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шелома половецкыя, на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О русьская земле! уже за шеломенемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя пълки Игоревы; земля тутънетъ, рѣкы мутьно текутъ; пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ; Половци идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, русьскыя пълки оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрій Русичи преградиша чърлеными щиты. Ярѣ-туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщещи на вон стрѣлами, гремлеши о шелома мечи харалужьными: камо, туръ, поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,

тамо лежать поганья головы половецькыя; поскепани саблями калеными шеломи оварьстѣи отъ тебе, ярь-туре Всеволоде!..

Были вѣщи Бояни, минула лѣта Ярославля; были пѣлци Ольговы, Ольга Святъславлича: тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ градъ Тьмутороканъ. Тоже звонъ слыша давнѣйшій великѣй Ярославль сынъ Всеволодъ; а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе... за обиду Ольгову; храбра и млада князя... Тогда при Ольгѣ Гориславличѣ сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ сократишася. Тогда по русьской земли рѣдко ратаеве кыкахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупѣа себѣ дѣляче, а галлицѣ свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдѣе. То было въ ты рати и въ ты пѣлцы, а сицей рати не слышано. Съ заранѣя до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломи, трещать копѣя харалужная въ полѣ незнаемѣ среди земли половецькыя. Чърна земля подъ копыты костьми посѣяна, а кровію подъяна,—тугою възидоша по русьской земли.

(Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь пѣлцы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другѣй, третьяго дне къ полуднѣю падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ доконьчаша храбрѣи Русичи: сваты попонша, а сами полегоша за землю Русьскую. Ничеть трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонилось.) Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала; уже пустыни силу прикрыла: вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вѣступила дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебединными крилы на синѣмъ морѣ, у Дону плещючи, убуди жирна времена. Усобица княземъ... рекоста бо братъ брату: „се мое, а то—мое же“. И начаста князи про малое „се великое“ мѣлвити, а сами на себе крамолу ковати; а погани съ вѣсѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русьскую. О! далече зайде соколь, пѣтиць бя,—къ морю. А Игорева храбраго пѣлку не кресити... Жены русьскыя вѣсплакашася, а рѣкучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслѣю съмыслити, не думою съдумати, ни очима сѣгля-

дати, а злата и сребра ни мало того потрепати“. А възстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастыми; тоска разліяся по русьской земли: печаль жирьна тече средь земли русьскыя. А князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарицюще на русьскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора... Святъславъ грозный, великій кыевскыи... наступи на землю половецкую; при-топѣта хѣлмы и яругы, възмути рѣкы и озера, изсуши потоки и болота; а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ пѣлковъ половецкыхъ яко вихрь выторже; и падесе Кобякъ въ градъ Кыевъ, въ гридьници Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирь въ днѣи Каялы, рѣкы половецкыя. Русьскаго злата насыпаша ту. Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощеево; уныша бо градамъ забрала, а веселіе пониче.

(А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кыевъ на горахъ. „Синочь съ вечера одѣвасте мя, рече, чьрною паполомоу на кровати тисовѣ; чьрпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы... великій женьчугъ на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дѣски безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовѣрѣмъ. Всю ноць съ вечера... врани възграху“.... И рькоша бояре князю: „Уже, княже, туга умъ полонила: се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону; уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самую опутоша въ путины желѣзны“). Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркости, оба багряная стѣлпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмоу ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по русьской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо.... Се бо готьскыя красьныя дѣвы възпѣша на брезѣ синему морю, звоня русьскымъ златомъ: поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадьни веселія.

Тогда великій Святъславъ изрони злато слово, съ слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновьца, Игорю и Всеволоде! рано еста начала половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; нѣ нечестно одолѣсте; нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердыца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моеи сребренѣи сѣдинѣ!“....

А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко пѣтиць възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду....

Великій княже Всеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча, отъня злата стола поблюсти: ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти; аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ....

Ты, буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злаченіи шелома по крови плаваша? не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранени саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Въступита, господина, въ злата стремена за обиду сего времени, за землю русьскую, за раны Игоревы, буюго Святѣславлича.

Галичкый Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокванѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыя своими желѣзными пѣлкъ, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота,.. суды ряды до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ: отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отъня злата стола салтаны за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощей, за землю русьскую, за раны Игоревы, буюго Святѣславлича!

А ты, буй Романе и Мьстиславе! храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло: высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколь на вѣтрѣхъ ширяеся, хотя пѣтицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныя паперси подѣ шелома латиньскыми. Тѣми тресну земля и многы страны.... Литва, Ятвязи.. и Половци сулицы своя повѣргоша, а главы свои подклониша подѣ тья мечи харалужьныя.

Ярославниѣ гласъ слышитъся; зегзицею незнаема рано кычетъ: „Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бобрянѣ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавныя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а рыкучи: „О вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хыновскыя стрѣлькы на своею нетрудною крыльцю на моя лады вои? Мало ли ти башеть горѣ подѣ облакъ вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?“ Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, а рыкучи: „О Днѣпре Словутичю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю половецькую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до пѣлку Кобякова: възлелѣй, господине, мою ладу къ

миѣ, абыхъ не сълала къ нему слезъ на море рано“. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а рыкучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое сълнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на лады вон? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ луки съпряже, тугою имъ тулы затче?“

Присну море полунощи; идутъ сморчи мѣглами: Игоревн князю Богъ путь кажетъ изъ земли половецкой на землю русьскую къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорьъ съпитъ, Игорьъ бѣдитъ, Игорьъ мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Доньца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою, велитъ князю разумѣти..... Стукну земля, въшумѣ трава, вѣжи ся половецкыя подвизоша. А Игорьъ князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; вѣвржеса на бѣрзъ комонь и скочи съ него босымъ вѣлкомъ, и потече къ лугу Доньца, а полетѣ соколомъ подъ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтраку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорьъ соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вѣлкомъ потече, труся собою студеную росу: претѣргоста бо своя бѣрзая комоня.

Донецъ рече: „Княже Игорю, не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русьской земли веселія“. Игорьъ рече: „О Доньче! не мало ти величія, летѣявъшю князя на вѣлнахъ. сълавѣшю ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавѣшю его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу: стрежаше его гоголемъ по водѣ, чайцами на струяхъ, чѣрнядыми на вѣтрѣхъ“.

А не сорокы вѣстрокоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граяхуть, галици помѣлкоша, сорокы не трокоташа,... дятлове текѣтомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловин веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ. Мѣлвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами“. Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ сокольца опутаевѣ красною дѣвицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвицѣ, то почьнутъ наю пѣтници бити въ полѣ половецкомъ“.

Рекъ Боянь.....: „Тяжко ти, головѣ, кромѣ плечю, зѣло ти, тѣлу, кромѣ головы“,—русьской земли безъ Игоря. Солнце свѣтнеться на небесн, Игорьъ князь въ русьской земли. Дѣвици поють на Дунаи, вѣются голоси чресъ

море до Києва: Игорь ѣдет по Боричеву къ святѣи Бого-
родици Пирогощей; страны рады, гради весели.

Пѣвъши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ,
пѣти: „слава Игорю Святъславличю, буи-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичю; здрави князи и дружина, побарая
за христьяны на поганяя пълкы! Княземъ слава и дру-
жинѣ“. Аминь!

10. Изъ поученій Сераніона, Епископа Влади- мирскаго.

1. Многу печаль въ сердьци своемъ вижю васъ ради,
чада; пожеже никакоже вижю вы премѣнивмаса отъ дѣлъ
неподобныхъ. Не тако скорбитъ мати, видящи чада своя
боляща, якоже азъ, грѣшный отецъ вашъ, видя вы боляща
беззаконными дѣлы. Многажды глаголахъ вы, хотя отставити
отъ васъ злыи обычай: никакоже премѣнивъшася вижю вы.
Аще кто васъ разбойникъ, разбоя не останеть; аще кто
крадетъ, татбы не лишиться; аще кто ненависть на друга
имать, враждуя не почиваетъ; аще кто обидитъ и въсхва-
таетъ, грабя не насытится; аще кто рѣзоимецъ, рѣзъ емля
не престанеть... Страшно есть, чада, впасти въ гнѣвъ Бо-
жий! Чему не видимъ, что приде на ны, въ семь житіи су-
щимъ? Чего не приведохомъ на ся? Какыя казни отъ Бога
не въспрїяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не
възяти ли быша гради наши? Не въскорѣ ли падоша отци
и братія наша трупиемъ на земли? Не ведены ли быша жены
и чада наша въ плѣтъ? Не порабощени ли быхомъ оставше
горькою си работою отъ иноплеменикъ? Се уже къ 40 лѣтъ
приближаетъ томленіе и мука, и дани тяжьци на ны, не
престануть глади, морове животь нашихъ; и въ сласть хлѣба
своего изъѣсти не можемъ; и въздыханіе наше и печаль су-
шитъ кости наши...

2. Почюдимъ, братіе, челоуколюбье Бога нашего, како
ны приводитъ къ себѣ, кыми ли словеса не наказаетъ насъ,
кыми запрещеніи не запрети намъ? Мы же никакоже къ нему
обратихомся. Видѣвъ наша беззаконья умноживъшася, ви-
дѣвъ ны заповѣди его отвергъша, много знаменій показавъ,
много страха пущаще, много рабы своими учаше и ничимъ
же уныше покажахомся. Тогда наведе на ны языкъ неми-

достивъ, языкъ лють, языкъ не щадящъ красы юны, немощи старецъ, младости дѣтій. Двигнухомъ бо на ся ярость Бога нашего, по Давиду, въскорѣ възгорѣся ярость его на ны. Разрушены божественныя церкѣви, осквернены быша съсуди священіи, потоптана быша святая, святители мечю во ядъ быша, плоти преподобныхъ мнихъ пѣтицамъ на снѣдъ повержены быша; кровь и отецъ и братія наша, акы вода много, землю напои; князій нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе; храбріи наши, страха наполнишесе, бѣжаша; множайша же братія и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величество наше смирися, красота наша погыбе, богатство наше инѣмъ въ користь бысть, трудъ нашъ поганіи наслѣдоваша, земля наша иноплеменикомъ въ достояніе бысть. Въ поношеніе быхомъ живущимъ въскрай земли нашей, въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ; ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ Господень...

3. Малъ часъ порадовахъся о васъ, чада, видя вашу любовь и послушаніе къ нашей худости, и мнѣяхъ, яко же утвердистеся и съ радостію приѣмлете божественное писаніе; на съвѣтъ нечестивыхъ не ходите и на сѣдалищи губитель не сѣдите. А еже еще поганьскаго обычая держитесь; волхванію вѣруете и пожигаете огнемъ невинныя челоуѣкы и наводите на весь міръ и градъ убійство. Аще кто и не причастися убійству, но въ сонмѣ бывъ, въ единой мысли убійца же бысть, или могай помощи, а не поможе, акы самъ убити повелѣлъ есть. Отъ которыхъ книгъ или отъ кныхъ писаній се слышасте, яко волхваніемъ глади бывають на земли и пакы волхваніемъ жита умножаются? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? молитесь и чѣтите я дары, и приносите имъ, ать строятъ міръ, дождь пуцають, тепло приводятъ, земли плодити велять? Се нынѣ по 3 лѣтѣхъ житу рода нѣсть не токмо въ Руси, но въ Латинѣ. Се волхове ли сътвориша?.. Молю вы, отступите дѣлъ поганьскихъ. Аще хочете градъ оцѣстити отъ незаконныхъ челоуѣкъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ Пророкъ и царь потребляше отъ града Ерусалима вся творящая беззаконіе: овѣхъ убитіемъ, инѣхъ заточеніемъ, инѣхъ же темьницами; въсегда градъ Господень чистъ творяше отъ грѣхъ. Кто бо такъ бѣ судія, якоже Давидъ? страхомъ Божиимъ судяше, духомъ святымъ видяще, и по правдѣ отвѣтъ даяше. Вы же како осужаете на смерть, сами страсти исполнени суще,

и по правдѣ не судите? Иный по враждѣ творить, иный горькаго того прибытка жадая, а иный, ума не исполненъ, только жадаеть убити, пограбити. А еже за что убити, а того не вѣсть правила божественнаго: повелѣвають многими послухы осудити на смерть челоуѣка. Вы же воду послухоу постависте, и глаголете: аще утапати начынетъ, неповинна есть; аще ли поплоевъ, волховъ есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузиться, дабы вѣврещи въ душъгубство, яко оставльше послушьство боготворенаго челоуѣка, идосте къ бездушну естеству, къ водѣ, пріясте послушьство на прогнѣванье Божіе. Слышасте отъ Бога казнь посылаему на землю отъ первыхъ родъ до потопа, на гыганы огнемъ, при потоуѣ водоу, при Содомѣ жупеломъ, при Фараонѣ 10 казній, при Хананіихъ шершенями, каменемъ огненымъ съ небеси, при Судіяхъ ратьми, при Давидѣ моромъ, при Титѣ плѣненемъ, потомъ же трясенемъ земли и паденемъ града; при нашемъ же языцѣ чего не видѣхомъ? Рати, глади, морове и труси, конечное—еже предани быхомъ иноплеменникомъ не токмо на смерть и на плѣненье, но и горькую работу...

II. Сказаніе о Псковскомъ взятіи.

Отъ начала убо русскія земли сей убо градъ Псковъ ни коимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей волѣ живяху въ немъ сущіе люди. Прежняя же убо удѣльная княженія взятъ князь великій Московскій подъ свою область не во едино время, ратію, но поразну, якоже Лѣтописная книга пишеть: первое Суздальскаго князя Симеона покори себѣ, потомъ Новгородъ, таже Тверь взятъ, а князь Тверскій въ Литву утече, князь Михайло. Псковъ же градъ твердъ стѣнами, и людей бѣ множество въ немъ: и того ради не иде на нихъ ратію, и бояся, чтобъ не отступили въ Литву; и того ради лсты бѣ имъ лукавствомъ злымъ, и миръ имѣ со Псковичи; и крестъ ему цѣловаху Псковичи, что отъ великаго князя не отступити никудѣ. Князь же великій посылаше къ нимъ князей своихъ по ихъ прошенію, коего восхотятъ, того и пошлютъ, а иногда посылаше намѣстники своя въ Псковъ по своей волѣ, коего восхоцеть, не по ихъ волѣ: они же насиловаху, и грабаху,

и продаяху ихъ поклепы и суды неправедными. Пскова же града живуціе и прочіе окрестныхъ градовъ посылаху посадники своя великому князю жаловатися на нихъ. И сице мпогажды бысть тако!

Въ лѣто 7018, мѣсяца октября въ 26, на память Святаго Димитрія, князь великій Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ свою отчину въ великій Новгородъ, и съ своимъ братомъ, удѣльнымъ со княземъ Андреемъ и съ своими бояры. И Псковичи услышавше государя великаго князя Василя Ивановича въ великомъ Новѣгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ великій Новгородъ, Юрья посадника Елисеевича и посадника Михаила Помазова, и бояръ извоу всѣхъ концовъ и даша Псковичи дару великому князю Василю Ивановичу полтораста рублевъ новгородскихъ; и биша челомъ ему о жалованьи и о печалованіи своея отчины, мужей Псковичъ, добровельныхъ людей, что „есмя приобижены отъ твоего намѣстника, а отъ нашего князя Ивана Михайловича Рѣпни, и отъ его людей, и отъ его намѣстниковъ, отъ пригородскихъ, и отъ ихъ людей“. И князь великій отвѣчалъ нашимъ посадникомъ: „Язъ васъ, свою отчину, хоу жаловати и боронити, якоже отецъ нашъ и дѣды наши великіе князи; и что ми повѣстуете о намѣстникѣ моемъ, а о своемъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ Рѣпнѣ, аже только стануть на него многи жалобы, и язъ его обвиню предъ вами“; да и посадниковъ нашихъ и бояръ отпустилъ.

И посадники наши сказываютъ Псковичемъ на вѣчѣ, что князь великій даръ ихъ честно принялъ, а сердечныя мысли никтоже вѣсть, что князь великій сдумалъ на свою отчину и на мужей Псковичъ, и на градъ Псковъ.

Потомъ, тоя же зимы, по малѣ времени поѣхалъ изво Пскова князь Псковскій, Иванъ Михайловичъ Рѣпня Суздальскихъ князей, государю великому князю жаловатися на Псковичъ, что-де его Псковичи безчествовали: а тотъ Рѣпня не пошлипою во Псковъ пріѣхалъ да сѣлъ на княженіи, а не по крестному цѣлованію учалъ въ Псковѣ жити, а не учалъ добра хотѣть святѣй Троицѣ, ни мужемъ Псковичемъ; да тотъ Рѣпня много зла чинилъ дѣтемъ боярскимъ и посадничимъ, и тые дѣти боярскіе да и посадничии, сдумавъ себѣ, что тотъ Рѣпня, князь Псковскій, много зла имъ чинилъ, да поѣхали къ великому князю жаловатися на князя Ивана Михайловича на Рѣпню.

Потомъ, того же времени посадники Псковскіе, сдумавъ со Псковичи такову думу,—а не на пользу себѣ думаша,—учаша грамоты писати по пригородомъ да и по волостемъ, а ркучи такъ: „Аще который человекъ, каковъ ни буди, а жаловался на князя, и вы бы ѣхали къ государю великому князю въ великій Новгородъ противу его бити челомъ“. На той же недѣлѣ поѣхалъ Леонтіи посадникъ бити челомъ на посадника на Юрья на Копыла; и поѣхалъ Юрій въ Новгородъ противу его отзѣчивать и тамо тягаться. И Юрій посадникъ прислалъ грамоту свою изъ великаго Новгорода ко Пскову, а въ грамотѣ написано такъ: „Аще не поѣдутъ посадники изъ Пскова говорити противу князя Ивана Рѣпни, ино будетъ вся земля вповата“.

И въ ту пору Псковичемъ сердце уныло, а на четвертый день по той грамотѣ поѣхали къ Новгороду 9 посадниковъ, да и купецкіе старосты всѣхъ рядовъ; а князь великій управы имъ никакой не дастъ, а говорить такъ: „Копитесь вы, жалобные люди, на Крещеніе Господне, и язъ вамъ всѣмъ управу подаю; а нынѣ вамъ управы никакой нѣтъ“. И пріѣхаша вси Псковичи въ Псковъ, и егда же приспѣваше срокъ той, поѣхаша посадники въ Новгородъ къ великому князю, и купецкіе старосты, не вѣдуще своя погубели. На самый праздникъ Крещенія Господня князь великій Василій Ивановичъ велѣлъ посадникомъ всѣмъ копиться, да и боярамъ, и купцемъ, и купецкимъ старостамъ велѣлъ ити на рѣку на водокрестіе; а самъ князь великій вышелъ со всѣми бояры своими на рѣку на Волховъ, а священники и дьяконы выидоша со кресты, въ той день приспѣлъ бо праздникъ Крещенія Господня; а владыка въ то время не бысть на Новгородѣ, и крестилъ воду владыка Смоленскій да священники, и воду окрестивъ, да пошли ко святѣй Софіи. И князь великій велѣлъ своимъ бояромъ по своей думѣ творити, какъ себѣ сдумали, да нашимъ посадникомъ, да и людямъ тѣмъ учили говорити: „Посадники Псковскіе, и бояре, и жалобные люди! государь велѣлъ всѣмъ вамъ копиться на государскій дворъ исполна, а кой не поидеть, ино боялся бы государевы казни; занеже государь хочетъ управу всѣмъ вамъ дати“. И посадники Псковскіе, и бояре съ одного пошли съ воды на владычень дворъ; и бояре посадниковъ спросили: „Уже ли есте сполна скопилися“? И посадниковъ, и бояръ, и купцевъ ввели въ полату, а молодшіе

люди на дворѣ стояли. И влѣзли въ полату, и бояре молвили посадникомъ, и бояромъ, и купцомъ Псковскимъ: „Понмани-де есте Богомъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Руси“. И туто посадники сѣдѣша, и до своихъ женъ, а молодшихъ людей переписавъ подаваша Новгородцемъ по улицамъ беречи и кормити до управы.

И переняша Псковичи полоняную свою вѣсть отъ Филипа отъ Поповича, отъ купчины, отъ Псковитина, а онъ ѣхалъ къ Новугороду, и сталъ у Веряжи, и услышавъ злу вѣсть, и оставя товаръ, и погонилъ ко Пскову, и сказалъ Псковичамъ, что князь великій посадниковъ нашихъ и бояръ, и жалобныхъ людей переималъ. И нападе на нихъ страхъ и трепеть, и туга, и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли; якоже многожды приходили Нѣмцы на нихъ, и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, якоже нынѣ. И вѣчь поставя, начаша думати, ставить ли щить противу государя, запирати ли ся во градѣ? Ино помянуша крестное цѣлованіе, что не мощно рука воздвигнути противъ государя, а посадники и бояре, и лучшіе люди вси у него. И послаша Псковичи къ великому князю гонца своего, Евстафья сотскаго бити челомъ къ великому князю со слезами, отъ мала и до велика, „чтобъ ты, государь нашъ князь великій Василій Ивановичъ, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои, прежде сего и нынѣ неотступны были отъ тебя, государя, и непротивны были тебѣ, государю; Богъ воленъ да и ты съ своею отчиною и съ нами, людишками своими“.

И посла князь великій своего дьяка Третьяка Долматова, и Псковичи обрадовалися отъ государя жалованья и старины; аже Третьякъ имъ на вѣчь сказалъ первую новую пошлину, поклонъ отъ великаго князя: что-дей, отчина моя, посадники Псковскіе и Псковичи, только хотите еще въ старинѣ прожити, и вы бы есте двѣ воли мои изволили, чтобъ у васъ вѣчья не было, да и колоколь бы вѣчной свяли, а здѣсь быти двумъ намѣстникомъ, а по пригородомъ намѣстнику же быти, и вы еще въ старинѣ проживете; а только тѣхъ дву волю не сотворите, ино какъ государю Богу по сердцу положить, ино у него много силы готовой, то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто государевы воли не сотворить; да государь нашъ князь великій хочетъ побывати на поклонъ ко святѣи Троицѣ во Псковъ“. Да

отговоривъ то, да сѣлъ на степени. И Псковичи удариша челомъ въ землю и не могли противу его отвѣта дати, ано исполнилися бяше очи слезъ, — что у сосцу матере своя, но токмо тья слезъ не испустили, но не въ разумѣ и млади суще;—только ему отвѣчали: „Посолъ государевъ! дастъ Богъ завтра, и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ расскажемъ“; а Псковичи тутю горько заплакали. Како ли зѣнцы не упали со слезами вкупѣ? како ли не урвалося сердце отъ корени?

Наутрѣ же, свитающу дни недѣльному, позвониша вѣче. И вшедь Третьякъ въ вѣче, и посадники Псковскіе и Псковичи начаша ему говорити: „Тако у насъ написано въ Лѣтописцѣхъ: съ прадѣды и дѣды, и со отцемъ его крестное цѣлованіе, съ великими князьями положено, что намъ Псковичемъ отъ государя своего великаго князя, кой ни будетъ на Москвѣ, и намъ отъ него не отойти ни въ Литву, ни въ Нѣмцы; а намъ жити по старинѣ въ добровольи; а мы Псковичи отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или въ Нѣмцы, или о себѣ учнемъ жити безъ государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огонь, и потопъ, и нашествіе поганыхъ; а государь нашъ князь великій тое крестное цѣлованіе не учнетъ на собѣ держати, ино на него тотъ же обѣтъ, который на насъ, коли насъ не учнетъ въ старинѣ держати. А нынѣ Богъ воленъ да государь въ своей вотчинѣ, во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежняго цѣлованія своего не хотимъ измѣнити и на себя кроволитія приняти, и мы на государя своего руки подняти и въ городѣ заперетися не хотимъ; а государь нашъ князь великій хочеть Живоначальной Троицѣ помолитися, а въ своей отчинѣ побывати, во Псковѣ, и мы своего государя ради всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ до конца“.

Мѣсяца генваря въ 13, на память святыхъ мученикъ Ермила и Стратоника, спустиша вѣчной колоколь у святыхъ Живоначальныхъ Троицы, и начаша Псковичи, на колоколь смотря, плакати по своей старинѣ и по своей волѣ. И повезоша его на Снѣтогорскій дворъ къ Ивану Богослову, гдѣ нынѣ намѣстничъ дворъ; тоя же ноци повезе Третьякъ вѣчной колоколь къ великому князю въ Новгородъ.

О, славнѣйшій граде, Пскове великій! почто бо сѣтуеши и плачеша? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: Како

ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія! прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крылъ львовыхъ ногтей, и взять отъ мене три кедра Ливанова: и красоту, и богатство, и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи наши; и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иныя торжища коневымъ каломъ заметаша, отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы, и дѣды, прадѣды наши, и тамо отцы и братію нашу, други наши заведоша, и матери, и сестры наши въ поруганіе даша. А иныя во градѣ мнози постригахуся въ черницы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града въ иныя грады. Нынѣ же се, братіе, видяще убоимся прещенія сего страшнаго, и припадемъ ко Господу своему, исповѣдающесе грѣховъ своихъ своихъ, да не увидемъ въ большій гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни горши первой; а еще ждетъ нашего покаянія и обращенія, а мы не покаяхомся, но на большій грѣхъ превратихомся, на злыя поклепы и лихія дѣла; и у вѣчи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хотимъ. Сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на вы.

12. Изъ Матицы Златой.

О природѣ. Кольма болѣе есть солнечный кругъ земнаго круга, тольми болѣе есть земный кругъ луннаго круга... Глаголють бо и ти, иже острумѣю той добръ извыкли суть, стадій и мнать круга земна 20 темъ и пять темъ и ти двѣ, а премѣреніе ея болѣ 8 темъ... Солнечныхъ премѣреній мнать болѣ стадій 300 темъ, намъ же убо зрящимъ яко одинаго локте премѣреніе его; но обаче писаніе добръ право рече не свѣтильнику умалшу, по нашему зраку, исходящю къ высотѣ... Взиди на гору високу, возри на равенство поля, и како ти ся узрять пасомая стада,—не аки ли мравіе и мшица суще? Или убо взиди на гору отъ высокихъ холмъ и позри съ него по морю, да кацѣ ти ся мнать корабли, плавающи по морю,—не хужь-

ши ли всякаго голуби мнятся зраку твоєму? въ немъ же множества сущія бывають и превеликая тягости. Кацѣ ли ти убо суть велицѣ и островѣ морстїи,—въ нихъ же грады и села бесчислены бывають? И еже гдѣ горы высокія и глубокими дебрьми прерѣзаны, зрящимъ же намъ аки гладки мнимъ будуща. Но яко уже убо рѣхомъ, кончается убо зракъ призоромъ по воздуху грядый. Зрящимъ убо намъ къ безмѣрной оной высотѣ, како убо возможемъ величество свѣтильнику увѣдѣти? Но яко рече Господь: да будутъ знаменія на дни, на годы и на лѣта. Знаменія бывють свѣтильникома тѣма бурная и утишенія... Егда убо явится обаполы солнца блещащееся знаменіе подобно солнцу на востоцѣ или на западѣ, тогда убо дождь много и рамень вѣтрѣ знаменуеть. Егда ли съ единая страны сѣверныя явится знаменіе то, то сѣверѣ вѣтрѣ знаменуеть будущ. Егда ли съ ужныя страны явится, то угу знаменуеть вѣяти... Такжеже убо и луна также многа различно створить знаменія. Въ 4 бо день егда будетъ чиста и тонка, то долгую тихость; аще ли тонка будетъ, но не чиста, но аки огньна, то вѣтрѣ рамень знаменуеть, аще ли обѣма рогома равно ся являетъ мѣсяцъ. Аще ли сѣверный рогъ чистѣй будетъ, то угыбающа западныя вѣтры назнаменуеть. Но егда почернѣеть луна полна будущи свѣта дождевна бываетъ...

Си бо знаменія велика милость и велико строеніе отъ творца Бога, да тѣми знаменіи имже быти вредомъ внезапу. Мы же слышахомъ нѣкыя пустошники глаголюща, яко человекѣи въ звѣзды ражаются, да того ради бываетъ ово русо, ово бѣло, инъ же чермень, другій чернъ. Се убо прелестъ отъ невѣрныхъ еллинъ приде. И еще возрастъ его тѣлесный сказывають ны лстяще, о болѣзняхъ же и о смертехъ человекѣскихъ мнать ся вѣдуще по звѣздному теченію, и еще и о доблестехъ мужества и о жизнѣхъ и о богатствѣ... Намъ же убо подобаеть обличити тѣхъ. Въ 4 убо день Богъ створи свѣтильники ти, Адама не бѣ и еще на земли, то чіе убо роженіе толь множество звѣздъ прознаменаша?.. Обличимъ же и о прорусости и о бѣлости человекѣчстѣй: или убо вси ефіопляне въ едину звѣзду ражаются, понеже суть злѣ почернѣли аки демоны?

О птицѣ алконость. Есть убо птица именовъ алконость, имѣеть же гнѣздо си на брезѣ песка въскрай

моря и ту износить яйца своя. Время же чадомъ ея въ зимный годъ бываетъ, но егда почить¹⁾ время излѣсти чадомъ ея, и възимаючи яйца своя носить на середь моря и пушаетъ я въ глубину. Тогда убо море многими бурями ко берегу приражается, но егда сносить алконость яйца на едино мѣсто и насыдетъ на нихъ верху моря, яйцамъ его въ глубинѣ сущимъ, и море не поколеблимо будетъ за 7 днєвъ, донелѣже алконостова чада излупятся въ глубинѣ въшедше познають родителя своя.

О птицѣ фюнискъ. Есть убо птица въ величїи Индїи, нарицаемая фюнискъ, о ней же Давыдъ пророкъ въ 91 псалмѣ рече: „Праведникъ яко фюнискъ процвѣте“. То та убо птица одиногнѣздица есть, не имѣеть ни подружїя своего, ни чадъ, но сама токмо въ своемъ гнѣздѣ пребываетъ. Пищу же творить си летающе въ кедры Ливана; и тамо убо летаючи исполняетъ крилѣ свои ароматы и тако всегда благовонна есть. Но егда състарѣеться, възлетитъ на высоту и възимаетъ огня небеснаго, и тако съходящи зажигаетъ гнѣздо свое, и ту и сама съгараеть; но и пакы въ пепелѣ гнѣзда своего опять наражается: первее бываетъ птица, то же и потомъ, тойже правъ, тоже естество имаеть.

О птицѣ харадръ. Есть убо птица, именуема харадръ, яже и въ вторѣмъ законѣ пишеться. Птищъ ть весь бѣль есть и отъинудуже не имы на собѣ пестроты. Внутрняя его слѣпымъ очи цѣлить. И аще кто въ болѣзнь въпадетъ, яко отъ харадра есть разумѣти, или живъ будетъ или умреть; да аще ему будетъ умрѣти, отвратитъ лице свое харадръ; аще ли будетъ ему живу быти, то харадръ веселуяся възлетитъ на аерь противу слнъцу. И ту предстоящи челоуѣци мнятъ, яко харадръ взя язю болящаго и распраше по аеру.

О радугѣ. Дуга убо солнцезарными лучами аки изъ усть нѣкыхъ... привлечь воду въспаренїемъ теплоты и водоточныя жилы посушаетъ и мокроту; облакомъ въ дождь претворяеться. Дугу же сію (Богъ) въ знаменїе положи и пакы взимати ей водное излитїе повелѣваетъ, да не пакы, сему знаменїю не сущу, наводнивше облацѣ потопятъ подѣ небесныя; да тѣмъ знаменїемъ безъ боязни отъ потопа челоуѣчьскому роду повелѣваетъ быти. Рече бо самъ Господь: се знаменїе будетъ межн мною и вами и племенемъ твоимъ по тебѣ. Си же убо дуга повелѣнїемъ Божїимъ събираеть воду морскую аки въ мѣхъ.

¹⁾ Отъ глагола *почути*—почуять

13. Изъ Румянцевскаго сборника.

Земное устроение. (Земля) ниже четверугольна есть, ниже троеугольна, ниже паки округла, и устроена есть яйцевиднымъ устроениемъ; которымъ образомъ имать яйцо — изовнѣюду имать бѣлку и чрепку, жолчь же стоитъ посреди, — сиче ми о земли разумѣй. Земля есть жолчь яйца посреди, небо же, воздухъ — бѣлка, чрепка яйцю. Якоже окружаетъ чрепка яйцю внутренѣшное, сиче окружаетъ землю небо и въздухъ, земля же есть посреди. И елико отстоитъ земли небо, видимое нами, толико отстоитъ подъ землею на 4-хъ странъ, глаголю же востока и запада, сѣвера же и полудня. Всюду же окружаема есть земля небомъ, и горѣ, и долу, и отъ четырехъ странъ; имже образомъ окружаемо посреднее яйцю отъ чрепку его, сиче и земли окружаемо небомъ. И стоитъ насреди, небо же обращается и ходитъ подъ нею непрестанно и надъ нею, яко видимо. Земля же виситъ па въздусъ посреди небесныя правости, не прикасаясь нигдѣ небесному тѣлу. Нѣкоторіи же глаголють, яко на 7 столпѣхъ стоитъ земля, еже нѣсть истина; аще бы на 7 столпѣхъ земля стояла бы, то гдѣ столпы быша въдружени были?

О громномъ устроении, о молніи. Громе же и молнія бывають сиче: умножившимся вѣтромъ горѣ и овому убо сѣмо идущу, иному инамо, инъ убо вѣтеръ инуды инъ облакъ носить, инъ другой облакъ и яко срящются и сотворше сраженіе другъ со другомъ, грехоть испускають со огнемъ. Имже образомъ крень соразиться со желѣзомъ, грехоть испускають со огнемъ, тако и облаци другъ со другомъ сраждаеми грехоть испускають и огонь. Грехоть убо есть громъ, огонь же есть молнія. Сего ради не другоици бывають громе и молнія, но точію егда облаци бывають, тогда и громе бывають. Бываетъ же громъ убо первое, а молнія же послѣди; мы первое видимъ молнію, послѣ же слышимъ громъ, и тако есть, зане зрѣніе человѣчское скорѣйши есть, абіе не коснительнѣ зрить, его же хочеть, узрить не коснить; сего ради и молніи скоро зрить; слышаніе же косно чюствуетъ и коснить слышати громный грехоть и слышитъ его послѣди же молнія. Се же зри да видиши и на сѣкущихъ дрова: да аще отдалече насъ есть

сѣкущей, сѣчиво убо видимъ, ударяющее древо, грохоть же не абіе слышимъ, но мимошедшю нѣколику часу тогда грохоть слышимъ. Тѣмъ же образомъ и молнія убо не косне видимъ, громъ же слышимъ послѣди. Но тыя молнія отъ сраженія облакомъ бывають и есть не вреждена, никого же не вредящи; аще ли паки сраждающимся облакомъ случится отпадетъ часть нѣкая огненна отъ огня небснаго и снисшедъ соединиться со облачною молніею, тогда она молнія нисходитъ на землю и что обрящеть—человѣкъ ли, или скоть, или древо, то попадаеть.

О д е н н и ц а х ъ, Видимыя и къ земли падаемыя звѣзды глаголють человѣци яко звѣзды суть падають; и иніи же глаголють, яко мытарства суть лукавая. Но ниже звѣзды суть, ниже мытарства, но отломленія суть огненная отъ небснаго огня и падають низу; и елико они сходятъ низу, растаплиаются паки на воздухъ. Сего ради ниже на земли видѣ кто когда падшаяся отъ нихъ, но всегда на воздухъ сливаются и разсыпаются, и глаголються деньници. Звѣзды же никогда не падають, точію на второе пришествіе Христова; тогда бо звѣзды спадуть, подобнѣ и мытарстве и духъ тогда поидуть во огонь вѣчный. Но, яко рѣхомъ, отъ небснаго круга суть преломленія пламяно-видна есть и истинна суть се.

14. Изъ Азбуковника.

А сиди есть трава, отъ нея бѣгають нечестивіи души, а растетъ она въ индійскихъ странахъ.

Балена рыба морская, а величество ея бываетъ въ длину 60 сажень, а поперегъ 30 сажень; и егда учнетъ играти, тогда гласомъ кричить, что лютый звѣрь; а на носу у нея вверхъ что двѣ трубы дымныя велики; а какъ прыснетъ, и отъ того прыску корабль потопить, какъ близкое рыбы корабли пловать.

Вретанія есть островъ великъ, 1000 верстъ, а въ ширину 300 верстъ. А живутъ въ немъ два рода велика; первый родъ калидони, второй родъ меате. Пребывають сін на горахъ дивіихъ и въ поляхъ пустыхъ, а градовъ и жилищъ не имѣють, но переходятъ отъ мѣста въ мѣсто назик и необувени; земли не пащутъ, но питаются паствиною волъ и овощемъ; а царя надъ собою не имутъ.

Дивій волъ подобенъ видомъ волу, а хвостъ, что у коня; аще зацѣпитъ хвостъ за древо или за камень, станетъ неподвижимъ, не хотя ни одинаго власа погубити. Тоземци же пришедши отсѣкають хвостъ его мечемъ, онъ же прежде желѣя одинаго власа погубити, а по семь и весь хвостъ оставя бѣжитъ. И сей бо разумъ иматъ власа беречи, наипаче безумныхъ чловѣкъ брадобривцевъ, армень и прочихъ подобныхъ симъ. Отъ хвоста же его исходитъ хонень, ею конемъ красятъ хвосты.

Итанесіесъ нарицаеми люди, а живутъ надъ полунощнымъ моремъ; уши у нихъ велики, яко весь ушима накроется.

Цыгане. Цыгане люди, иже поидоша отъ нѣмецъ. Сіи цыгане на всякое зло хитры.

15. Стоглавъ.

1. Царь глаголетъ къ Собору (гл. 4). Пресвященный Макарій, митрополитъ всея Руси, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ!..

Да попрося у Бога помощи соборнѣ съ нами во всякихъ нуждахъ, пособствуйте, поразсудите и уложите и утвердите по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякія обычаи строилося по Бозѣ въ нашемъ царствіи при вашей святительской паствѣ, а при нашей державѣ. А которые обычаи въ прежнія времена послѣ отца моего, великаго князя Василія Ивановича всея Руси, и до сего настоящаго времени поизшаталося или въ самовластіи учинено по своимъ волямъ или преданія законы порушены или ослабно дѣло и небрегомо Божіихъ заповѣдей что творилося,—и о сихъ всякихъ земскихъ строеніяхъ, и о нашихъ душахъ заблуженія — о всемъ семь довольно себѣ духовнѣ побесѣдуйте и посовѣтуйте и намъ извѣстите. И мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами желаемъ о Бозѣ, утверждати нестройное во благо, а что наши нужды или которыя земскія нестроенія, и мы вамъ о семь возвѣщаемъ, и вы, разсудя по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, утверждайте

въ общемъ согласіи вкупѣ; а азъ вамъ, отцемъ своимъ и братією съ своими бояры челомъ бью.

2. О тридесять и седми царскихъ вопросѣхъ и о церковномъ строеніи (гл. 5). Вопросъ 25. Иже брѣютъ главы и брады. Да по грѣхомъ слабость и небреженіе и нерадѣніе вниде въ миръ въ нынѣшнее время. Наризаемся христіане, а въ тридцать лѣтъ и старыя главы и брады брѣютъ, и усъ подкусываютъ, и платье и одежду иновѣрныхъ земель носятъ; то почему познати христіанина?

3. О дьяцѣхъ хотящихъ въ діаконы и въ попы становитися (гл. 25). Иже есть діяки, которіи хотящїи діаконства и священничества, а грамотѣ мало умѣютъ; и святителемъ ихъ поставити, ино сопротивно священнымъ правиламъ, а не поставити, и святяя церкви безъ пѣнія будутъ, а православныя христіаны безъ покаянія учнутъ умирати и безъ причастїа. И святителемъ избирати по священнымъ правиламъ: въ попы бы ставити 30 лѣтъ, а во діаконы 25 лѣтъ; и грамотѣ бы умѣли, и чтобы могли церковь Божию держати и дѣтей своихъ духовныхъ управити могли по священнымъ правиламъ. Да и о томъ ихъ святители истязаютъ со великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ; и они отвѣты чинятъ: „Мы де учимся у своихъ отцевъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учиться негдѣ, колько отцы наши и мастера умѣютъ, потому и насъ учать“. А отцы ихъ и мастера сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, да и учиться имъ негдѣ.

4. О училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ (гл. 26). И мы о томъ по церковному совѣту соборнѣ уложили, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ градомъ, тѣмъ же протопопомъ, и старѣйшимъ священникомъ, и со всѣми священники и діаконы, коимждо въ своемъ градѣ, по благословенію своего святителя, избирати добрыхъ духовныхъ священниковъ и діаконовъ, и діаковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ бы, и чести, и писати горазди; и у тѣхъ священниковъ, и у діаконовъ и у діаковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священники и діаконы, и всѣ православніи христіане въ коемждо градѣ предавали имъ дѣтей своихъ въ ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго письма, и церковнаго пѣнія

псалтырнаго, и чтенія налойнаго, и тѣ бы священницы, и діаконы, и діаки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію, и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести, со всякимъ наказаніемъ духовнымъ... А учили бы есте своихъ учениковъ грамотѣ довольно, сколько сами умѣете, и силу бы имъ въ писаніи сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши всѣ книги учили, которыя соборная святая Церковь приѣмлетъ, чтобы потомъ и впредь могли не токмо себе, но и прочихъ пользовати, и учити страху Божію, о всѣхъ полезныхъ, также бы учили своихъ учениковъ чести, и пѣти, и писати, сколько сами умѣете, ничтоже скрывающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести приѣмлюще по ихъ достоинству.

5. О святыхъ иконахъ и о исправленіи книжномъ (гл. 27). Да протопопомъ же, и старѣйшимъ священникомъ, и избраннымъ священникомъ, со всѣми священники, въ коемждо градѣ, во всѣхъ святыхъ церквахъ дозирати святыхъ иконъ, и священныхъ сосудовъ, и всякаго церковнаго чину служебнаго, и на престолѣхъ святыхъ антиминовъ дозирати, и священныхъ книгъ, святыхъ евангелій и апостолъ, и прочихъ святыхъ книгъ, ихъ же соборная Церковь приѣмлетъ. И которыя будутъ святыя иконы состарѣлися, и ихъ бы велѣтъ иконникомъ починивати, а которыя будутъ мало олифлены, и они бы тѣ иконы велѣли олифити, а которыя будутъ святыя книги, евангелія, и апостолы, и псалтыри, и прочія книги, — въ коейждо церкви обрящете — неисправлены и описливы, и вы бы тѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ исправливали соборнѣ; заже священная правила о томъ запрещаютъ, и не повелѣваютъ неисправленныхъ книгъ въ церковь вносити, ниже по нихъ пѣти.

6. О книжныхъ писецѣхъ (гл. 28). Также которые писцы по городомъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правила, потомъ же бы продавали; а которой писецъ, написавъ книгу, продастъ не справивъ, и вы бы тѣмъ возбраняли съ всякимъ запрещеніемъ. А кто у него неисправленную книгу купитъ, и вы бы тому по тому же возбраняли, съ великимъ же запрещеніемъ, чтобы впредь такъ не творили, а впредь таковѣи обличены будутъ, продавецъ и купецъ, и вы бы у нихъ тѣ книги имали даромъ безо всякаго зазору, да испра-

вивъ отдавали въ церковь, которыя будутъ книгами скудны, да видячи таковая вашимъ бреженіемъ и прочія страхъ примутъ. И вы бы, о всѣхъ о тѣхъ церковныхъ чинѣхъ, о честныхъ иконахъ и о святыхъ книгахъ, о всемъ потщилися совершити и исправить, елико ваша сила. И за то отъ Бога великую мзду воспримѣте, и отъ благочестиваго царя хвалу и честь, и отъ нашего смиренія соборное благословеніе, а ото всего народу благохваленіе за ваши священническіе труды и подвиги. И аще сія съ благодареніемъ и хотѣніемъ сердечнымъ исправить потщитесь, то съ радостью ожидайте мзды отъ Бога и Царства небснаго по реченному Христову словеси: „добрый мой рабе, благій и вѣрный, о малѣ бысть вѣренъ, надо многими тя поставлю, вниди въ радость Господа своего“ и прочее.

7. О тафьяхъ безбожнаго Бахмета (гл. 39). А о тафьяхъ: также бы отнынѣ и впредь, вси православные царіе, и князи, и бояре, и прочіе вельможи, и всѣ православные христіяне, приходили въ соборныя церкви и въ прочія святыя церкви, ко всякому божественному пѣнію, безъ тафей и безъ шапокъ, и стояли бы на молитвѣ со страхомъ и трепетомъ, откровенными главами, по божественному Апостолу. А тафы бы отнынѣ и впредь на всѣхъ православныхъ христіянѣхъ никогда же не являлися, и попраны были до конца; занеже чуже есть православнымъ таковое носить безбожнаго Махомета преданіе. О таковыхъ бо священныя правила возбраняють, и не подобаетъ православнымъ поганскихъ обычаевъ вводить. Отъ Священныхъ Правиль: Въ коейждо убо странѣ законы и отчина, и не переходятъ другъ ко друзѣи, но своего обычая кійждо законъ держить. Мы же, православные, законъ истинный отъ Бога примше, разныхъ странъ беззаконіи осквернихомся, обычаи злые отъ нихъ примше: тѣмъ же отъ тѣхъ странъ томимы есмы и расточаемы виною нашею похоти и обычая. И сего ради казнить насъ Богъ за таковая преступленія.

8. Изъ статьи о тридесятихъ и о двухъ царскихъ вопросѣхъ, и соборныя отвѣты, по главамъ, на томъ же соборѣ, (гл. 41-я).

Вопросъ 16. Въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы, и органники, и смѣхотворцы, и гусельники и бѣсовскія пѣсни поютъ; и какъ къ церкви вѣнчаться пойдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со

всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщуть; а священницы имъ о томъ не воображаютъ: и священникомъ о томъ достоинъ запрещати.

Вопросъ 17. Да въ нашемъ же православіи тяжутся, нѣдци же не прямо тяжутся: и поклепавъ, крестъ цѣлуютъ, или образа святыхъ; на полѣ біются и кровь проливаютъ ¹⁾. И въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять кудесбою, и во Аристотелева Врата, и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ, и по планитамъ глядають, и смотрять дней и часовъ, и тѣми дѣвольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ. И на тѣ чарованія надѣясь, поклепца и ябедникъ не мирится, и крестъ цѣлуеъ, и на полѣ біется и поклепавъ убиваетъ.

Вопросъ 19. Да по дальнимъ странамъ ходять скомирахи ватагами многими по шестидесять и по семидесять человекъ, и по сту; и по деревнямъ у христіанъ сильно ядятъ и пьютъ, и изъ клѣтей животы грабять, а по дорогамъ людей разбиваютъ.

Вопросъ 20. Да дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всякіе бражники, зернью играютъ и пропиваются, ни службы служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится: крадутъ и разбиваютъ, души губятъ: и то бы зло искоренити.

Вопросъ 21. Да по погостомъ и по селомъ, и по волостемъ ходять лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются. А сказываютъ, что имъ являются святая Пятница и святая Анастасія, и велятъ имъ заповѣдати христіаномъ каноны завѣчивати. Они же заповѣдаютъ христіанамъ: въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разжигати...

Вопросъ 22. Злыя ереси кто знаетъ, ихъ держится: Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Острономіи, Зодій, Альманахъ, Звѣздочетъи, Аристотелевы Врата, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ, и, въ тѣ прелести вѣруючи, многіе люди отъ Бога отдаляются и погибають.

¹⁾ Рѣчь идетъ о судебномъ поединкѣ, который считался тогда послѣдней, рѣшающей уликой при обвиненіи, когда обвиненный не признавалъ за собой преступленія.

Вопросъ 23. Въ Троицкую Субботу, по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ, и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ. И егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудники, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати, и въ долони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти; на тѣхъ же жальникахъ обманщики и мошенники.

Вопросъ 24. Русаліи о Іоанновѣ днѣ; и на вечеріи Рожества Христова и Богоявленія, сходятся мужіе и жены, и дѣвицы на ноцное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на бѣсовскія пѣсни, и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла.

Вопросъ 25. А о Велицѣ Дни окличка, на Радуніцѣ, Вьюнецѣ, и всякое въ нихъ бѣсованіе.

Вопросъ 26. А въ Великій Четвертокъ порану солону палятъ, и мертвыхъ кличутъ; нѣкоторіи же невѣгласи попы въ Великій Четвертокъ соль подъ престоль кладутъ, и до седмаго четвертка по Велицѣ Дни тамо держать, а ту соль даютъ на врачеваніе людемъ и скотомъ.

Вопросъ 27. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста, въ роци ходять и въ Наливки, бѣсовскія потѣхи дѣяти.

С Л О В А Р Ъ.

А.

абіе, тотчасъ, уже.
абы, вотъ бы, если бы.
аеръ, воздухъ.
ажно, а, и (при неожиданно-сти); нѣчто вродѣ; „вдругъ видитъ или вижу“.
азъ или **язъ**, я.
анъ, какъ, чѣмъ, нежели.
алконость, альціона, зимородокъ.
амо, **ямо**, куда (относит.).
ано, а, а только.
атаманъ, предводитель, начальникъ у казаковъ (прилагается также къ богатырской дружинѣ и къ разбойничьей шайкѣ).
ать, **ять**, остатокъ члена въ русскомъ яз. Собственно: **тъ**; а или **я** (иногда **о** и **е**), есть усиленный полугласный **ъ** и **ь**.
аче, **аще**, если, хотя.

Б.

батога, палка.
бебрянъ, бобровый.
безживотіе, нищета.
безлѣлица, нелѣпость, нескладидца.
безобсылочно, не посылая извѣстить о своемъ пріѣздѣ.
ббзперечь, безпрестанно.
безпроторица, безубыточность.
безскверный, чистый, безкровный.

бердышъ, широкій топоръ на длинномъ древкѣ.
бережя, ноша, охабка.
бескудный, обильный.
биричъ, **бирючь**, глашатай
бирюкъ, волкъ.
бисеръ, жемчугъ.
благодѣтъ, благодать.
блѣванъ, идолъ.
блюстися, остерегаться.
бодякъ, сорное растеніе съ колючками.
болій, большій.
болоніе, долина рѣки.
большое мѣсто (въ горницѣ), передній уголъ, гдѣ образъ.
болѣзновать, печалиться, скорбѣть.
Боричевъ, спускъ къ Днѣпру въ Кіевѣ.
борове, лѣса.
боронь, **брань**, битва.
бости, **бодать**.
босый, вм. **бусый**, сѣрый.
бояринъ, высшій чинъ стараго московскаго военно-чиновничьяго класса.
бражнинъ, пьяница, пьющій челоуѣкъ.
бранить, **возбранять**, запрещать.
брань, война, битва.
бранный, (про ткань), шитый или выпитый особымъ образомъ (съ выдергиваньемъ нитокъ).
брателно, уменьшит. отъ **братъ**.
братчина, пиръ въ складчину,

устроенный членами како-
нибудь общества, братства.
брашно, пища.
бреженіе, забота.
брести, бродить, идти бродомъ,
переходить рѣку въ бродъ.
брехать, лаять (о лисицахъ)
будеть, (какъ союзъ), если.
буесть, храбрость, ярость.
буй, злой, ярый, неразумный.
буй-туръ, ярый, дикій туръ.
бухонь, сортъ хлѣба.
быдто, будто.
былина, былъ.
бѣла (бѣлка), монета серебря-
ная.
бѣлка, бѣлокъ (въ яйцѣ)

В.

вабити, манить.
валяжный, валящетый, литой съ
рельефными украшеніями.
вандышъ, смятокъ.
варево, горячая пища.
ведро, ясная погода, зной, за-
суха.
вена или вѣжа, шатеръ, па-
латка.
велий, великій.
Великъ днь, Пасха, Свѣтлое
воскресенье.
величаться, гордиться.
величество, величина.
вельми, очень.
Венецици, венеціанцы.
вепрь, дикая свинья, кабанъ.
вередити, вредить, повреждать.
Верхъ, царскій дворець въ
XVII в.
вершонъ, верхушка.
верещати, нескладно, рѣзко
пѣть, кричать.
верста, мѣра и пространства,
и времени, и условій жизни;
по своей верстѣ, соотвѣт-
ственно своему положенію.
вестись, совершаться по обычаю
(„это ведется издавна, это
не повелось“).
весь, деревня, поселокъ.

ветъхо, ветошка, старая тряпка.
ветъхий, древній, ветъсим, древ-
ніе (люди или писатели).
вечеряти, ужинать (малорус.)
вещь или естество, свойство,
особенность.
взоръ, видъ, наружность.
видѣнье, глаза, лицо.
виноходець, иноходець (лошадь
съ особой поступью).
властель, начальникъ.
влѣзть, войти.
внутренѣшный, внутренній.
водить (поваживать) голосомъ,
говорится о переливахъ го-
лоса при причитаніяхъ.
возводъ, востокъ.
возграять, закаркать.
возъ, повозка.
воину, выну, всегда, непре-
станно.
вой, воинъ.
волжанный или таволжанный, изъ
дерева таволги.
воложно, сочно (отъ волога—
жидкость).
вольготно, свободно, легко,
удобно.
воня, запахъ.
воровство, обманъ (и различныя
преступленія).
воспалиться, разгнѣваться.
востокъ (рѣки), истокъ.
восхитить, похитить, унести.
восхищать, похищать, расхи-
щать.
вотчина, сперва означало уна-
слѣдованное имущество, осо-
бенно земельное, потомъ
стало прилагаться и къ по-
жалованному владѣнію, по-
мѣстью.
врагъ, дѣволъ.
вредъ, вередъ, язва, болѣзнь.
вринуть, бросить во что-нибудь.
вспять, назадъ, обратно.
встати, появиться.
встрѣту, навстрѣчу (предлогъ
въ слить съ старымъ сло-
вомъ с(т)рѣта), изъ этого
образовалось на встрѣту, съ

двумя предлогами, какъ и наше „навстрѣчу“.

втапоры, тогда, въ то время.

вчуться, обратить вниманіе.

въборзѣ, второпяхъ, наскоро.

въвадиться, повидиться.

въвържеса, отъ въвъргнутися, броситься (на коня).

въдлѣ, вдоль.

въздоу, возлѣ, вдоль.

възношатися, гордиться.

възняти, поднять.

въкупѣ, вмѣстѣ.

вънезалу, вдругъ, неожиданно.

въпрены, поперекъ.

въсрожати, издавать звукъ какъ изъ рога.

въстраскотати, трещать (о крикѣ сорокъ).

въсхопитися, встрепенутися, вскочить.

въсямоначый см. оначый.

выжлецъ, борзая собака.

выникать, выскакивать, показываться наружу.

вынзити, вытащить, (противоположн. вънзити).

выставать, выстать, подниматься, подняться.

высѣсть, пересѣсть.

выторгнути, выбросить, выхватить.

вышній, высшій, лучшій.

выя, шея.

въдомость, объявленіе, извѣщеніе.

въмество, умѣнье себя держать.

вънець принимать, вънчатися.

въно, выкупъ за невѣсту.

вътѣство, = витѣство, краснорѣчіе, вообще ученость (стр. 379).

въчной, въчевой.

въцій, знающій, мудрый, чародѣй.

Вятичи, это племя жило въ лѣсистой мѣстности по Окѣ и Волгѣ: путь черезъ ихъ землю былъ такъ труденъ, что древняя пословица говорила про безъ вѣсти пропа-

вшаго: „въ Вятиче поиде“. Поэтому Влад. Мономахъ отмѣтилъ, что одно его путешествіе было „сквозѣ Вятичи“.

Г.

галица, галка.

Гзамъ, иначе Кза,половецкій ханъ, съ которымъ сражался Игорь.

главизна, голова, глава (въ книгѣ), начало, причина.

глумотворецъ, шутъ, комедіантъ.

гнетеніе, тѣснота, давка.

гнѣздо, семья, потомство.

гобино, хлѣбъ, плодородіе.

говоръ, крикъ галокъ.

гоголь, птица изъ породы утокъ.

година, время.

годъ, время, пора.

головья, обгорѣлое полѣно, голешка; на головья, на жарнице.

голодь, строгій постъ.

гомонить, говорить, шумѣть (малорус.)

гоньзнути, избѣгнуть, избавиться.

гораздый, гораздъ, опытный, искусный.

горній, высшій, верхній (о небѣ).

городъ, городская стѣна, ограда.

горѣ,верху.

горюшица, горемыка.

гость, купецъ, пріѣзжій.

гостьба, торговля въ чужой сторонѣ, городъ („гостьбы дѣють всяки торговлями“).

государь (въ домашнемъ быту), хозяинъ, глава дома.

готскій, половецкій („по преданію о готскихъ поселеніяхъ по берегамъ Чернаго моря такъ названы, обитательницы Тмуторокани—“Буслаевъ.“)

градной=градской, гражданскій (въ отличіе отъ духовнаго); градская казнь, казнь по гражданскому суду.

грамота, надпись, писаніе.

граяти, о крикѣ ворона.

гребля, окопъ, валъ, насыпь.
 гривна; ожерелье.
 гридница, комната въ княже-
 скихъ палатахъ.
 гридь, княжескій тѣлохрани-
 тель.
 гробъ, могильная насыпь (отъ
 гребу).
 гроза, страхъ; грозы твои, страхъ
 передъ тобою.
 грубость, неумѣлость.
 грѣшиться, пропустить, миновать,
 не попасть.
 грязивый, грязный.
 гудецъ, музыкантъ, пѣвецъ.
 гуня, гунья, рубище.
 гурковать, ворковать (про голу-
 бей).
 гусли, старинный струнный ин-
 струментъ, на которомъ иг-
 рали „щипкомъ“.

Д.

Дажьбожь, прилаг. отъ Дажь-
 богъ—божество солнца.
 далєбі, малорус. божба.
 дворянинъ московскій, чинъ сто-
 личнаго служилаго класса,
 ниже стольника.
 дебелый, плотный, крѣпкій, тол-
 стый
 деверь, братъ мужа.
 деньница, утренняя звѣзда (какъ
 собствен. имя—Сатана, Лю-
 циферь).
 держать, владѣть.
 знованіе, смѣлость, право.
 дерзость, храбрость.
 десный, правый.
 Деревьсна земля или просто Де-
 рева, Древлянская земля.
 дивовать, удивляться.
 дивовище, поглядѣнье (отъ гл.
 дивиться, дивоваться, смот-
 рѣть).
 дивъ, чудо, диво, ночная зло-
 вѣщая птица.
 дивно, удивительно.
 дна каменія, повидимому, камни
 съ изображеніями („змѣви-

ки“), имѣвшіе значеніе лѣ-
 чебнаго средства отъ болѣзни
 дны, (истеріи).
 добръ, хорошо, очень.
 добрый, знатный, именитый.
 долгомѣрный, эпитетъ оружія,
 вѣроятно, всего болѣе копьа
 (ср. Гомеровскій эпитетъ
 копьа—длиннотѣнное).
 долонь, ладонь (изъ длань).
 долу, внизу.
 дольный, нижній (о землѣ).
 доля, счастье, удача.
 домовъ, домой.
 донележе, до тѣхъ поръ пока.
 дондеже, пока, до тѣхъ поръ
 пока.
 допроводить, довести.
 дородный, славный, сильный.
 досажєніє, досада.
 доспѣть, получить, сдѣлать,
 устроить.
 дострѣль, разстояніе полета
 стрѣлы.
 досумій, ловкій, искусный.
 досящи (досягать), достать.
 дотолѣ, до того времени, до
 того мѣста.
 доуплятица, лампада.
 драгантъ, конь.
 другомци, иначе, въ другомъ слу-
 чаѣ.
 Дрьютьскъ, Друцкъ, въ древности
 былъ городъ Полоцкаго кня-
 жества, одно время даже са-
 мостоят. удѣль (князья
 Друцкіє); теперь мѣстечко
 въ Могилевской губ.
 дряхлый, слабый (Бова послѣ
 удара Полкана „бысть
 дряхлъ“).
 дубье колоды, древесные ство-
 лы, колоды.
 дуга, радуга.
 думать съ кѣмъ, совѣтоваться.
 думный дворянинъ, третій чинъ
 изъ состава боярской думы,
 ниже окольничаго.
 духъ, запахъ.
 дѣбрь, пропасть, дикое мѣсто.
 дѣянь, чиновникъ, начальникъ

канцеляріи или секретарь; дьяки были думные, приказные; дьяки посольскаго приказа ѣздили съ посольствомъ въ чужія страны.

дѣля, дѣля, ради.

дѣти боярскія, провинціальный служилый классъ.

дѣтскій, ребенокъ, малолѣтній.

Е.

еда, а то, ли, развѣ.

едемскій, райскій.

единецъ, одионецъ, кабанъ.

еднанъ, однако, впрочемъ.

елино, насколько.

еретница, еретица, ж. р. отъ еретикъ.

есаулъ (ясаулъ), должностное лицо въ казачьемъ войскѣ (перешло къ богатырской дружинѣ, а также къ разбойничьей шайкѣ).

етерь, другой (греч. ἕτερος).

Ж.

жѣдати, желать, жаждать.

жаднѣть, лишенный чего нибудь и желающій этого.

жалешенько, жалобно.

жалить, древняя форма глагола жалѣть; отсюда не жали, не жалѣи.

жалобный, тотъ, кто жалуется.

жалозанье, милость, пожалованье.

жалощи, (мн. ч. отъ жалоща), жалость, грусть.

жальникъ, могила.

жаровый (дерево), высокій.

жарь, горячіе уголья.

Желѣзные врата, низменный проходъ въ Азію у береговъ Каспійскаго моря.

женуть (отъ гнати), гонять, гонятся.

женьчугъ, жемчугъ.

жестокій, крѣпкій, храбрый, мужественный.

животь, жизнь, имущество („животы“), домашній скоть.

жилецъ, столичный чинъ, ниже московскаго дворянина.

жирный, обильный, счастливый.

жировать, отгуливаться, откармливаться.

жиръ, богатство, изобиліе, счастье.

жито, хлѣбъ, рожь.

жолчь, желтокъ (въ яйцѣ).

З.

забвенный, наводящій забвеніе, усыпительный.

забрало (забороло), городская стѣна, башня.

завѣтъ, зарокъ, условіе.

завѣчивать или завѣчать, давать обѣтъ, обречать.

загодя, заблаговременно.

зазоръ, стыдъ, стѣсненіе.

заярѣти, порицать, упрекать.

закладъ, споръ съ опредѣленнымъ условіемъ при проигрышѣ; пари.

занолодила дорожна, замуравила, заброшенная лѣсная дорога покрывается упавшими деревьями и зарастаетъ травой (муравой).

занромъ, отдѣленіе въ хлѣбномъ амбарѣ.

занурачиться, закапризиться, заплакать (про дѣтей).

заныханье, чиханье.

заложиться за кого, поступить къ кому на службу, отдаться подъ чье покровительство.

залѣзти, найти, пріобрѣсти.

замъченъ, запертъ (отъ замъкнути).

заразить, убить.

зараніе, разсвѣтъ, раннее утро.

зарядъ, договоръ съ обозначенной неустойкой или штрафомъ.

заслонъ, деревянная заслонка для прикрытія устья печи.

застава, сторожевой постъ въ степи.

затче, отъ заткати, заткнуть.

зачинъ, начало.

заяти, захватить.

(в) здынуть, поднять, взмахнуть.

зегзица, кукушка.

зелешенекъ вм. зеленешень, оченъ молодой (ср. „молодо-зелено“).

зелье, трава, лѣкарство, ядъ.

землений, земной (огонь).

зернь, игра въ кости.

зерньщикъ, игрокъ въ кости.

знашеніе, знакъ.

знати, видѣть, замѣтить.

зоблится, заботиться.

золонка, сестра мужа.

зукъ, звукъ, шумъ.

зъвати, зывать.

зърѣмо, яко, какъ хватаетъ глазъ.

зърѣти на кого, надѣяться.

зыбна, люлька, колыбель.

зѣло, очень.

И.

игрище, мѣсто для игръ.

идѣже, гдѣ.

избыть, избавиться.

извести, убить, сировадить на тотъ свѣтъ.

изволеніе, устремленіе воли.

изволить, захотѣть, принять.

извыкнуть, навыкнуть, хорошо знать что либо.

издрядно, хорошо.

излиха, особенно.

изобрѣсти, найти, привести въ порядокъ.

изовнѣ-юду, снаружи.

изумѣть, знать, выучиться.

илемъ, дерево (ильмъ).

инано, иначе.

индѣ, въ другомъ мѣстѣ.

ино, то, въ такомъ случаѣ; ставится часто въ главномъ предлож. условнаго періода, причемъ если замѣняется союзами тельно, будетъ (буде),

или совсѣмъ отсутствуетъ всякій союзъ, а условность выражается инверсіей („а пошлетъ Богъ, у кого дѣти, ино“) или просто понимается изъ контекста.

ирей, теплый климатъ.

ископыть, комокъ земли, оторванный копытомъ коня; по его величинѣ заключаютъ о конѣ и о всадникѣ.

Искоростень или Кростень, городъ Древлявъ, память о которомъ живетъ въ имени одного мѣстечка Вольянской губ. „Искорость“.

искусить, попробовать, испытать. исповѣдать, рассказать, объяснить, показать.

исполнить, восполнить, вознаградить.

исправить, исполнить.

ис роврещи, испровергнуть, опрокинуть.

истобѣка, изба (теплое строеніе, гдѣ топятъ).

истоменъ, утомленъ.

истязати, требовать, строго взыскивать.

ити надѣ мертвеца, провожать умершаго.

ити противу собѣ, итти другъ противъ друга.

ити въ страну, странствовать.

ицѣленіе, испѣленіе.

ишемъ, напитокъ.

К.

кабальный, человекъ, попавшій фактически въ рабство, т.-к. не въ силахъ выплатить долга, за который обязался письменнымъ условіемъ (кабалой) служить заимодавцу. кабы, если бы; иногда же (въ народн. яз.) значить какъ бы, какъ будто, будто, словно.

калений, закаленный.

калиги, обувь.

кальный, грязный, нечистый.

мамо, куда (вопросит.).
мандило, лампада.
канонеръ, солдатъ артиллеристъ;
 иностранное современное сло-
 во (канониръ) замѣнило бо-
 лѣе старое пушнаръ.
напище, статуя, колонна.
капитанъ, старинный крытый зим-
 ній экипажъ (возокъ, кибитка).
катапетазма, завѣса.
Каяла, рѣка на югѣ, теперь Ка-
 гальникъ.
каять, упрекать.
квасной (хлѣбъ), кислый, на дрож-
 жяхъ.
Киръ едейсонъ, Господи помилуй.
клада, колода, толстый обрубокъ;
 въ погребальн. обрядѣ — ко-
 стеръ.
Кладенецъ (мечъ), искаженіе
 итальянскаго слова *chiagenza*
 —эпитетъ меча Бовы.
кленѣтъ, крикъ орловъ.
клячана, крччана, загонщики на
 облавѣ.
кметъ, воинъ.
кнѣзь, князекъ, верхній брусъ
 на крышѣ.
княжій, княжескій.
княжна (или княгиня), обрядовое
 обозначеніе невѣсты въ пѣс-
 няхъ.
князеть, князь-тъ (остатокъ чле-
 на).
кобъ, волшебство.
Кобякъ, половецкій ханъ, въ
 1184 г. взятый русскими въ
 плѣнъ и привезенный въ
 Кіевъ.
ковати (крамолу), готовить.
коврига, большой хлѣбъ.
ковыліе, мѣсто, поросшее ковы-
 лемъ.
кождо, каждый.
кожують, тулупъ, мѣховой каф-
 танъ,
кола, повозка.
колько (колино), сколько.
кольма, кольми, насколько
колымага, крытый лѣтній эки-
 пажъ.

коинанье, причастіе.
кошоны, конь.
кошора, сводъ, комната.
конецъ всему, главное дѣло.
Кончакъ, половецкій ханъ, съ ко-
 торымъ сражался Игорь.
кораблинъ, шапка особой формы.
коргешки, закорки; нести за кор-
 гешками, свзди на спинѣ, „на
 закоркахъ“.
користъ, корысть, прибыль; не
 дати въ користъ, не дать
 покорытоваться, попользо-
 ваться.
корму дермать, править кормо-
 вымъ весломъ (рулемъ).
кормилецъ, воспитатель.
корста, гробъ.
корчага (согнуть корчагой), зна-
 чить пригнуть ноги къ го-
 ловѣ; ср. употребительное и
 теперь выраженіе „загнуть
 корчажки“.
косица (у глаза), високъ.
носная (про лодку), особый видъ
 лодокъ на Волгѣ.
коснити, медлить.
косно, медленно.
костаръ, игрокъ въ кости.
косяцетое (окно), окно съ рамой
 и слѣдовательно со встав-
 ленными косяками (въ отли-
 чіе отъ болѣе первобытнаго,
 просто прорубленнаго и за-
 двигавшагося доской).
котка, кошка.
которивый, спорщикъ, бранчивый.
коштовать, ѣсть, питаться;
 (коштъ — содержаніе) нѣмец-
 кое *kost, kosten*.
кощей, рабъ, невольникъ.
кравчій, крайчій, придворный
 чинъ, завѣдывавшій разрѣза-
 ніемъ кушаній.
крамола, мятежъ, коварный умы-
 селъ.
красный, прекрасный.
кренъ, кремень.
кресить, воскресить.
крестьянскій, христіанскій.
крещеная вѣра, христіанская.

кривой, дурной, лживый, несправедливый, неправильный.
кромѣ (мѣстн. отъ крома), въ сторону, въ сторонѣ, безъ.
крумало, питейный домъ, кабакъ.
кручина, печаль, тоска.
крячать (о телѣгахъ) издавать звукъ, скрипѣть.
кряжъ, обрывистый, высокій берегъ или край горы.
кряновистый, эпитетъ дуба въ былинахъ: кривой, извилистый.
крянуться или скрянуться, сдвигнуться, шелохнуться.
кубышна, сосудъ; иносказательно значить деньги, которые въ старину держали въ кубышкахъ и прятали или зарывали въ землю.
кудесба, волхованіе, колдовство.
кудесы, чары, колдованье.
куоть, кіоть.
купѣль, крещеніе.
куревà, пыль, поднимающаяся словно дымъ.
курень, пѣтухъ, пѣтушокъ (отъ стариннаго куръ).
кыкати, кричать.

Л.

лагодить, потворствовать.
ладо, лада, мужъ, милый, жена, милая.
лановство, жадность.
ланита, щека.
ларчикъ, ящичекъ, сундучекъ.
латырь или алатырь, былинный камень, около котораго часто происходитъ дѣйствіе въ былинахъ. По стиху о Голубиной книгѣ онъ — „всѣмъ камнямъ отецъ“. Ученые видятъ въ немъ янтарь, или считаютъ „алатырь“ искаженіемъ слова алтарь.
лаять, бранить.
ладить, собираться, готовиться или собирать, готовить, устраивать.

Леванидовъ крестъ, постоянный эпитетъ креста; отъ горъ Ливанскихъ, откуда по апокрифамъ было взято дерево для креста Господня.
лестъ, обманъ, хитрость, коварство.
линь, собраніе, сонмъ.
лобъ, черепъ, черепная кость.
ловъ, охота; ловы дѣяти, охотиться.
ловчій, охотникъ.
лой, сало, масло.
лоно, грудь.
луда, каменистая отмели на Бѣломъ морѣ.
лукавый, извилистый (о рѣкѣ).
лукоморье, берегъ Чернаго и Азовскаго моря.
луча, лучъ.
луче, лучше.
лучится, случится.
лъма, ложь.
лъзѣ баше, можно было.
лъститъ подъ нѣмъ, обманывать кого съ коварной дѣлюю.
лънощъ, небрежность, невнимательность.
лъпши, лѣпле, лучше.
лъто, годъ.
любимъ бѣ книгамъ, любилъ книги.
любой, хорошій, нравящійся.
лютый звѣрь, волкъ.
лядина, кустарникъ, заросль.

М.

магнитъ, этимъ именемъ въ Девген. дѣянїи названъ какой-то драгоценный камень. маломощный, слабый.
Малюта Смуратовъ или Смурлатовичъ, извѣстный палачъ Грознаго, начальникъ опричниковъ. Это былъ Григорій Яковлевичъ Плещеевъ Бѣльскій, прозванный Малютой (на одномъ изъ восточныхъ языковъ значить шуба), Смуратовъ же есть переводъ слова Малюта (скора—мѣха).

мама, мамка, нянька.
матерѣй, взрослый или даже старый.
матерѣть, выростать, входить въ возрастъ.
маханьце, способность двигать.
мгла, туманъ.
мертвенъ, смертный.
метухія (метохія), монастырское подворье.
мечта, воображеніе.
мечтаніе, хитрость.
мзда, денежная выгода, полученная неправдою; судить по мздѣ, несправедно изъ за денегъ, за взятки, см. мзда.
мишский, монашескій.
мовница, баня.
мовъ, баня, омовеніе.
Могозея, въ былинѣ сибирскаго происхожденія (сборникъ Кирши Давилова) это слово зашло, вѣроятно, по памяти о значительномъ торговомъ городѣ Енисейскаго округа, Мангазеѣ, который процвѣталъ до 17 в. Теперешній гор. Туруханскъ назывался Мангазеей до 1780 г.
могила, курганъ, могильная насыпь.
Морава, моравскіе славяне.
мость, поль.
мочно, можно.
мрамарянь, муроморянь, мраморный.
муравленный, облитый стекловидной массой, глазурью и печна, взразцовая.
мусія, мозаика.
мутный, неясный, дурной, зловщій.
мъшица, мушка, маленькое насекомое.
мзда, награда, вознагражденіе; взятка. См. мзда.
мнѣти, думать, считать.
мыкать, метать, мечтать.
мытъ, липяніе птицъ.
мѣхъ, мѣшокъ (сперва кожаный).

Н.

набѣдѣти, снабжать, заботиться о комъ.
навадить, научить, соблазнить (откуда наважденіе бѣсовское).
навій, мертвецъ.
надобѣ, надобѣть, нужно.
надѣлокъ, приданое.
наймитъ, рабочій, наемный работникъ.
наказаніе, наставленіе, поученіе.
наказывать, наставлять, поучать.
наидиъ, разъ (отъ слова нонъ, начало).
накрывать, настигать, наговяты.
налойный, отъ сл. налой, аналой церковный.
налушно, покрывка для лука.
налѣзть, найти, встрѣтить.
напастыный, находящійся въ бѣдѣ.
напрягать, натягивать (лукъ).
нарочитый, особенный, знаменитый.
нарядъ, порядокъ, уставъ.
наряжать, назначать, устраивать.
насадъ, судно.
наильно, сильно, бурно.
насмисаться, насмѣхаться.
наспѣхъ, для скорости; но въ „Бовѣ королевичѣ“ это слово употреблено какъ будто въ качествѣ существительнаго въ смыслѣ: „человѣкъ на спѣхъ“, скороходъ.
наузъ, навязъ съ лѣчебными или волшебными цѣлями; амулетъ, ладонка.
наукъ, навѣкъ.
невреженный, невредимый.
невѣглась, невѣжда.
негли, можетъ быть, развѣ.
неготовый (о дорогѣ), непроложенный.
недобѣдень, безъ обѣда, безъ стряпни.
недѣля, воскресеніе.
неме, нежеле.

неизрѣченный, великій, несказанный.
 нелюбіе, досада, непріятность.
 немочь, хворать.
 необувень, босой.
 неослабно, непрерывно.
 неотступный, не отступающій.
 неподобно, недостойно, не такъ какъ слѣдуетъ.
 непротивный, не сопротивляющійся.
 неспособный, дурной, вредный.
 нетрудный, легкій.
 неурядливый, нехозяйственный, безпорядочный.
 ниже, ни, и не.
 ницати (ничу, ничешь), никнуть, поникать.
 ничѣмъ зоветь, не обращаетъ ни какого вниманія, относится безъ малѣйшаго уваженія.
 ногата, монета.
 ногъ (птица), грифъ.
 нольно, дажо.
 ночесь, нынче ночью.
 нравъ. норовъ, обычай, образъ, способъ.
 нума, нужда, надобность.
 нѣ, приблизительно, около (при счетѣ).
 нѣговать, нѣжить, ласкать.
 нѣмой, непонятный.

О.

обалопы, съ обѣихъ сторонъ.
 обаче, однако впрочемъ.
 обдержать, владѣть.
 Обезы, Абхазы, племя на Кавказѣ.
 обиднушка, обиженная, несчастная.
 обжи, оглобли у сохи.
 обиліе, урожай, богатство, хлѣбъ.
 обити, обвить, связать.
 облавить, окружить.
 область, власть.
 обонъполь, по другую сторону.
 образъ чернеческій, монашеская жизнь.
 обрѣтать, находить.

обыкъ, привыкъ.
 обычай (про поклонны), различала поклонъ земный или великимъ обычаемъ, и поклонъ малымъ обычаемъ (въ поясъ).
 обычный, установленный.
 обѣтиться, дать знать о себѣ (об-вѣститься).
 овень, баранъ.
 Овлуръ, Влуръ, Половчинъ, помогшій Игорю бѣжать; повидимому, былъ христіанинъ: глѣтопись называетъ его Лавръ.
 овощъ, плодъ.
 овъ, иной, другой.
 одиночество, уединеніе, отшельничество.
 одрень, въ полную собственность, вполнѣ.
 оже, если, когда, что, потому что, какъ.
 озваться, отозваться, откликнуться.
 оканый, окаяный, проклятый.
 окачьный, округленный; всямоокачьный — совершенно круглый.
 околени, окна.
 окольнічій, второй за бояриномъ разрядъ изъ трехъ высшихъ чиновъ, входившихъ въ боярскую думу.
 окольный, идущій около, кругомъ стола (про скамьи).
 оксамить, плотная бархатная парча съ золотомъ и серебромъ.
 октенія, ектенія.
 олифитъ, покрывать олифой, т. е. варенымъ масломъ (въ иконописи).
 оловце, оловянная трубочка для свѣтильни лампадной.
 ольно, ально, такъ что.
 омѣшинъ, рѣзецъ у сохи (лемехъ).
 онъ, краткая форма мѣстоим. оный, тотъ.
 описливый, неисправно списанный, съ ошибками (описками).
 оплатъ, облатка, опрѣснокъ.

опознать, узнать.
опонча, плащъ, верхнее платье (также епанча, япанча).
опочивъ держать, отдыхать, спать.
оправить, оправдать на судѣ.
оправливать, судить.
органникъ, музыкантъ.
орудіе, дѣло, занятіе.
осаживать, бить.
(на) особину, особицу, отдѣльно, особо.
о собѣ, сами по себѣ.
осоромить, обезчестить, причинить бѣду, огорченіе.
остатній, остальной, послѣдній; **во остатнее**, въ послѣдній разъ.
островъ, отдѣльный участокъ лѣса, при охотѣ охватываемый облавой.
острогъ, центръ города, огороженная стѣнами часть города, крѣпость, кремль.
астрономій, **астроумѣй**, такъ называли въ старину астрономію и посвященные ей книги.
остуда, охлажденіе (въ отношеніяхъ людей).
отай, тайно.
отбыть, иногда тоже, что избыть, избавиться.
отворачивать (чану), отказываться пить прежде предлагающаго.
отечество, отчество, связь съ своимъ родомъ—племенемъ; нашъ современный смыслъ есть сѣуженный старый.
откулешный, прилагат. сдѣланное изъ откуль, откуда.
отповѣдь, отвѣтъ (въ важныхъ или официальныхъ случаяхъ).
отрокъ, молодой человекъ, младшій дружинникъ, слуга.
отрѣвать, отталкивать.
отрѣшить, развязать, освободить.
отрядить, отпустить.
отчаянный (отъ Господа), отлученный, отверженный.
отчитаться отъ него, отречься.
отчина, отцовское наслѣдство,

матеріальное и духовное, слѣд. также отцовскіе и дѣдовскіе порядки и обычаи.
отънудъ, огнюдь, совсѣмъ, совершенно (при отрицаніи).
отъній, отцовскій.
охабится, отстраниться.
оцѣпѣти, оцѣпенѣть.
оцѣстити, очистить (характерная для сѣверн. говора смѣна ч на ц и и на ѣ).

П.

пабѣдье, послѣобѣденное время.
паволоки, шелковыя ткани.
пайщинъ, участникъ.
пакость, вредъ, непріятность.
паны, опять, снова.
палата, большая комната; **палаты**, дворецъ, большой домъ.
палица, боевая дубина.
паль, мѣсто, гдѣ палили лѣсъ, расчищая его подя пашню.
паляница, хлѣбъ (малорусское слово).
панья, госпожа, барыня, (польское слово „пани“).
паперси, часть брони, закрывающая грудь.
паполома, покрывало.
пардужь, барсовъ (прилагат.-притяжат. отъ пардусъ).
пардусъ, барсъ, леопардъ, рысь.
паствина, пастбище.
пасти, распасти, управлять, хорошо управлять.
пенельный, адскій, отъ пенло, адъ.
первое, прежде, сперва.
первый, прежній, старинный.
переговаривать, пересуживать, заниматься пересудами.
пéредъ (сущ.), будущее („для пéреду годится“).
перемечь, раскалить.
переметная, см. сумочна.
перепастся, испугаться.
перерукавіе, часть одежды.
переставиться, умереть.
переходы, крытыя галлерей для сообщенія одной части дома

съ другой или одного дома съ другимъ.
персть, прахъ, земля.
печаловаться, ходатайствовать.
печатная самень, саженьная мѣра, клейменал, т. е. осмотрѣнная и признанная правильною.
печеръна, пещерка.
Пирогошяя Богородица, церковь въ Кіевѣ, которую началъ строить Мстиславъ Великій въ 1131 году.
питаненъ, напитанъ, сытъ.
плетни, шнурки, завязки.
плещеваніе, шумъ, гамъ, крикъ.
плѣжуштій, ползушій, пресмыкающійся.
пляшій, паляшій.
по, за (съ мѣстн. въ смыслѣ мѣста или времени: **сзади**, **послѣ**; съ винит. въ смыслѣ **цѣли**: **послать по ного**).
поборати, внести борьбу.
побывъшиться, исчезнуть, пройти, умереть.
побѣднѣй, бѣднѣй, несчастнѣй.
повиненъ, достоинъ.
повойникъ, старинный женскій головной уборъ изъ платка, плотно охватывающій голову.
поволочься, задернутъ, закрытъ.
поганскій, языческій.
погода, буря, ненастье.
погость, селеніе.
пѣготово, подавно, тѣмъ болѣе.
подвизати, возбуждать.
подворье, усадьба, дворъ, домъ.
поддѣльное (пиво), съ приправами.
подколѣнный (князь), младшій, подначальный; отъ колѣно, въ смыслѣ рода.
подлыгаться, лгать.
подонъ—под-онъ, подъ него.
подпушечна, опушка, опушь.
подъяладъ, сѣдельная подстилка, потяникъ.
подътенать, подоспѣвать.
пожаловать, оказать милость, расположеніе чѣмъ нибудь.

пожрети, съѣсть, погубить.
позоръ, зрѣлище; позоры дѣяти, смотрѣть.
покаянная, мѣсто строгаго заключенія.
поклеца, клеветникъ.
покляпый, кривой, нагнутый.
покой, покои, комната.
полдень, югъ.
поле, степь.
поленица, богатырь (и богатырша), развѣзжающій въ степи (въ полѣ).
полкъ, походъ, войско на походѣ.
полночь, сѣверъ.
полоняная вѣсть, вѣсть о плѣнѣ.
Полътескъ, Полоцкъ.
пользовать, приносить пользу, помогать.
Поморіе, мѣстность по берегу моря.
помышлти, подумать.
помѣстье, земли и деревни, давшіяся въ пользованіе за военную службу въ Московск. государствѣ.
помянуть, вспомнить.
понимать—поимать, брать.
понятій, посторонній чоловѣкъ, приглашенный по закону въ качествѣ свидѣтеля при совершеніи извѣстныхъ судебныхъ дѣйствій.
поохритаться, подосадовать.
попась, отъ глаг. пасти; **остановиться на попась**—попасти, покормить воловъ, лошадей.
попереть, упереть.
попимъ, священникъ (попъ).
попритчиться, случиться (обѣдъ или болѣзнь).
попустить, позволить, дать чему совершиться.
порѣда, совѣтъ, помощь (малорус.).
порохъ, (мн. пороси), прахъ, пыль.
порты, платье.
порученый, обрученый.
порядливый, умѣющій соблюдать порядокъ въ домѣ.

порядня, порядокъ, хозяйство.
 поскепать, расщепать, поломать.
 посювица, рѣчь, разговоръ,
 толки.
 послушнѣецъ, тотъ, кто слу-
 жилъ.
 послухъ, свидѣтель (на кого мож-
 но „послаться“, сослаться).
 послушество, свидѣтельство, сви-
 дѣтельское показаніе.
 посредній, середній, срединный.
 Посуліе, мѣстность по рѣкѣ Сулѣ.
 посуль, взятка; посульничъ, взя-
 точникъ.
 посямѣста, до нынѣ.
 потворство, волшебство, отравя,
 порча.
 потергати, дергать.
 потерять, убитъ.
 потеряться, пропасть, исчезнуть.
 потече отъ потещи, побѣжать,
 устремиться.
 по тому же, также, одинаково.
 поточить, заточить, послать въ
 темницу или въ ссылку.
 потреба, нужда, надобность.
 потребы, жертвоприношенія.
 потрепати, поносить.
 потручати, приломаться, при-
 тупиться.
 потъснитися, подвигаться, при-
 ближаться, устремиться.
 потъчеся, (потъкохся отъ потъ-
 ннутися), споткнулся.
 потъщитися, постараться, устре-
 миться.
 потяти, убитъ.
 поухати, понюхать.
 початься, начаться.
 почествовать, оказать почетъ при-
 глашеніемъ, пригласить.
 почитать, почитаніе, читать, чтеніе.
 почувти, почувать.
 пошина, обычай, который пошелъ
 изъ старины; вообще уста-
 новившейся порядокъ: новая
 пошлина, новый порядокъ.
 поѣздъ, поѣздане, провозатые
 на свадьбѣ.
 править, исполнять (челобитье
 править, посылка празить).

правовѣрный, православный.
 превабити, переманить.
 преводъ или переводъ, образецъ,
 оригиналь, съ котораго спи-
 сываютъ или срисовываютъ.
 прегуданіе, звонъ.
 прегудничъ, музыкантъ.
 презвутеръ, пресвитеръ, священ-
 никъ.
 пренладать, переводить (книги).
 прелестъ, обманъ, коварство.
 прелестный, обманный, ковар-
 ный.
 премѣреніе, поперечникъ.
 пресмякнуть, запечься; уста прес-
 мягли, губы запеклись.
 преставленіе, смерть, ковчина.
 преступати, нарушать; переста-
 навливаться, перемѣнять мѣ-
 сто.
 претворяются, превращаться.
 преторгнуги, разорвать, надор-
 вать.
 прещеніе, угроза, предостере-
 женіе.
 приводъ, судебный терминъ: быть
 въ приводѣ, судиться.
 привѣчать, привѣтливо отнестись,
 привѣтствовать.
 пригоже, хорошо, прилично, какъ
 слѣдуетъ.
 прязирать, смотрѣть со внима-
 ніемъ, заботиться.
 призьдати, пристроить.
 прикупъ, прибыль.
 прилежать чему, усердно зани-
 маться чѣмъ, внимательно
 относиться къ чему.
 приложити, положить, прибавить.
 прилучаться, случаться, прибли-
 жаться.
 приметный, притворный (ср. наше
 прикинуться въ см. притво-
 риться).
 приниматься, заниматься, въ смыс-
 лѣ загораться, вспыхивать.
 припѣшати, обрубить, подрѣзать
 (про крылья); птица съ об-
 рубленными крыльями назы-
 вается пѣшалъ.
 приспа, присыпанная земля.

приспѣхи, приготовленія.
 приспѣшники, прислужники (отъ приспѣвать, готовить).
 приставать, пристать, уставать, устать.
 пристроить, устроить, приготовить.
 присѣтить, навѣстить.
 притча, несчастный случай.
 причаянный (но Господу), приверженный, приближенный.
 причеть, причитанье, голошенье, плачь съ приговоромъ.
 причитаться кому или къ кому, причислять себя.
 пріять кому, имѣть расположеніе, пріязнь.
 пробойный (о дорогѣ), торный, хорошо наѣзженный.
 провѣдати, предвидѣть.
 прогутарить, проговорить, сказать.
 продавать, разорять, причинять убытокъ; продажа, судебное взысканіе, убытокъ.
 прожиточный, зажиточный.
 прокъ, остатокъ; въ прокъ, впередъ, для будущаго.
 промысль, занятіе, профессія, которой кормится человѣкъ.
 промыслъ, забота, попеченіе.
 промышленникъ, (стр. 319), рыбакъ или охотникъ на Сѣверѣ, который „промышляетъ“ рыбу, звѣря или другую добычу.
 пропивать (невѣсту), рѣшать вопросъ о выдачѣ замужъ, при чемъ бываетъ рукобитіе и угошеніе водкой.
 прорусость, русый цвѣтъ волосъ.
 проскѣлъ, расщепленный кусокъ дерева, зажимъ.
 прослужиться (службой), дурно исполнить служебную обязанность, провиниться на службѣ.
 прослуги, прослуги, прославиться.
 проститься, просить прощенія.
 просугъ, способность.
 просѣсться, разсѣсться, растре-

скасться, развалиться.
 противу, въ обмѣнъ.
 противъ, сообразно, соответственно съ чѣмъ.
 проториться, издерживаться.
 проѣзжая (подр. грамота), пропускъ, разрѣшеніе на проѣздъ.
 проявлять, предзнаменовывать.
 прыскати (стрѣлами), обильно пускать стрѣлы.
 прыснучій, или рыснучій, эпитетъ звѣря (отъ рыскать).
 прѣтиса, спорить; распрѣтиса, заспорить.
 прямо (съ род.), противъ.
 птицъ, птиць, птица; (иногда въ собирает. значеніи: птицы).
 пустошникъ, пустой, неосновательный человѣкъ.
 пустошный, 1) вздорный, пустой, 2) оставленный, заброшенный.
 пустыни, пустыня, степь.
 путина, путо, перевязка, которой спутываютъ ноги.
 пуца, большой, густой дѣсь.
 пуще, хуже.
 пытать ума, спрашивать мнѣнія.
 пядь, мѣра длины между концами вытянутыхъ большого и указательнаго пальцевъ; четверть.
 пяльное дѣло, вышиванье въ пальцахъ.

Р.

работа, рабство.
 работный, рабъ.
 радощный, радостный.
 разбить (дѣло), разстроить.
 разговаривать (кого), отговаривать, уговаривать.
 разно, въ разные стороны, врознь; различн. способами.
 разорати, распахать.
 рало, соха.
 рамень, сильный.
 расналянасться, разговориться.
 распрати, распростирать, распускать.

рассутиа, разметатъа, раски-
 датъа.
 растекатъа, раскидыватъа, раз-
 брасыватъа.
 ратай или оратай, пахарь; отъ
 гл. орати, пахать.
 ратный, воинскій, воинственный.
 рваніе конское, въ „Бовъ Коро-
 левичъ“ означаетъ военное
 состязаніе на коняхъ.
 ревновать, стремиться къ чему,
 подражать кому.
 ременчатый стулъ, стулъ, у кото-
 раго сидѣнье состоитъ изъ
 переплетенныхъ ремней.
 ретливый, ретивый, горячій.
 риза, одежда.
 риснати, нариснати, бѣжать,
 мчатъа; дѣлать набѣги.
 робъ, рабъ.
 родина, родня.
 родится: „только чего родится
 изъ четверти“, сколько полу-
 чается изъ четверти муки
 хлѣба и др. продуктовъ.
 роженъе, дѣти.
 розноличный, различный.
 рокотать, пѣть, звучать.
 роспудити, распугать.
 ростя, разрубилъ.
 рѣтиться, божиться, клястьа.
 рубить, строить изъ дерева.
 рубль (стр. 413), обрубокъ де-
 рева, клинъ.
 руда, кровь.
 рукодѣліе, ручное занятіе, ре-
 месло.
 русалии, Троицынъ и Духовъ
 день; русальская недѣля, по-
 слѣдняя передъ Троицынымъ
 днемъ, когда являютъа ру-
 салки.
 русинъ, русскій человекъ.
 Ручай (ручей), рѣка Почайна,
 впадающая въ Днѣпръ въ
 самомъ Кіевѣ.
 рушать, рѣзать, раздѣлять.
 рци (скажи), какъ будто.
 рыдванъ, карета (Reitwagen).
 рытый бархатъ, бархатная ткань
 съ узорами.

рѣзана, мелкая монета.
 рѣзоимецъ, ростовщикъ.
 рѣзь, проценты.
 рѣнь, песчаная отмель.
 рѣшетный хлѣбъ, хлѣбъ изъ
 муки, прошедшей только че-
 резъ рѣшето, т. е. болѣе
 грубой и темной, чѣмъ сит-
 ная мука (см. ситный).
 рядъ, уставъ, порядокъ, устрой-
 ство.

С.

самоволіе, своеволіе.
 Самородина (рѣка), былинная
 рѣка, самое имя которой
 указываетъ, что рѣчь идетъ
 не о какой-либо опредѣлен-
 ной рѣкѣ (всякая рѣка „са-
 ма родится“).
 сварити, бранить.
 свеноръ, свекровь, родители
 мужа.
 свистъ (звѣринъ), крикъ.
 свойсны, по своему.
 свѣдомъ, опытный, знающій,
 искусный.
 свѣтильникъ, свѣтило.
 святители, епископы и вообще
 высшія духовныя особыя.
 сдержатель царству, правитель
 царства.
 селино, столько, такъ много.
 семь или сѣмъ, междометіе „ну,
 давай“ и т. п.
 семья, жена.
 середа, середина.
 сидень, калѣка, не могушій хо-
 дить.
 сидѣть, жить, имѣть осѣдлость;
 сидѣть подъ кѣмъ, занимать
 мѣсто ниже кого.
 сила, войско.
 сила, смыслъ („сила писанія“).
 сильно, силой, насильно.
 синочь, нынче ночью.
 сиполица, дудка, музыкальный
 инструментъ, отъ глаг. си-
 пѣть.
 ситный хлѣбъ, ситникъ, хлѣбъ

взъ муки, просѣянной черезъ сито, т. е. болѣе бѣлой и чистой.
 сиць, сице, такой, такъ.
 скаредіе, дурное, мерзкое дѣло.
 скарлатъ, иностранное сукно; скарлатъ „кладуть“.
 скоморохъ, плясунъ, пѣвецъ, комедіантъ.
 скоморошина, скоморохъ.
 скоть, казна, деньги.
 скоро, мѣхъ (шкура).
 сирасть (въ военномъ дѣлѣ), незамѣтно отъ стражи пробраться; сирасть караулъ.
 скудость, голодъ, неурожай.
 скутать, закрыть; подъ скутомъ, подъ закрытіемъ.
 Скуоія, Скифія.
 слезный, покаянный (про сердце).
 Словутичь, прозвище Днѣпра, значить славный, знаменитый; въ малорусской поэзіи Днѣпръ называется Словута.
 слотный, зимній, ненастный.
 служилый класъ, высшее сословіе древне-русскаго общества, обязанное отбывать ратную службу и за то надѣлявшееся вотчинами или помѣстьями.
 смердъ, простолудинъ.
 сморчи, смерчи, отъ смърчь, облако.
 смурый, черно сѣрый.
 смѣренный, смиренный.
 смѣтить, отмѣтить, разсчитать (смѣтя живота, сообразившись съ своими средствами).
 сниматися, снятися, собраться, сойтися.
 снѣдъ, ѣда, пища.
 собина, имущество.
 соборнѣ, сообща, совмѣстно.
 собѣ быти, быть отдѣльно, врознь съ другими.
 совъкуплять, собирать.
 содернати, управлять.
 содѣваться, дѣлаться, совершаться.
 соколичъ, сенольць, соколенокъ.

соньмъ, собраніе людей, толпа.
 сопостать, врагъ, непріятель.
 сопѣль, музыкальный инструментъ, дудка.
 соромота, стыдъ, срамъ.
 сослать, наслать, прислать.
 спяхатся, спохватываться.
 сподобить, удостоить.
 спорядный, спорядовый, сосѣдъ съ той же линіи домовъ („порядка“).
 сражденіе, встрѣча, столкновение; сраждатися, сталкиваться.
 срубъ, бревна, соединенныя въ клѣтку; срубъ избы, колодезя.
 сряжаться, собираться.
 ставить (въ правдѣ), привести на судъ ко допросу.
 ставить щить, защищаться оружіемъ.
 стадія, греческая мѣра длины.
 станъ, сборное мѣсто (о рыбахъ).
 стать, (сущ.), образецъ, подобіе.
 статья, разрядъ, пунктъ.
 стайня, стойло, хлѣвъ.
 столпье, столбы.
 столъ, княжескій престолъ.
 стольникъ, придворная должность стараго московскаго двора и вмѣстѣ высшій чинъ столичнаго служилаго класса изъ не входившихъ въ думу.
 степень, ступень.
 сторожи, стража, караулъ.
 страсть, страданіе.
 страсть, страхъ.
 стремя, стремл.
 Стрибожь, прилагат. отъ Стрибогъ—божество вѣтра.
 строить, (домъ, хозяйство и пр.)—устраивать, вести; строеніе, устройство, порядокъ.
 стружніе, копые.
 стрѣлки громныя, окаменѣлости, белсмнаты, такъ-назыв. чертовы пальцы.
 стряпчій, придворный чинъ московскаго двора, завѣдывав-

шій предметами личнаго пользования царя (скипетръ, шапка, платокъ, панцырь, сабля, и т. п.).

студенство, холодъ.

студерованный, ученый, образованный.

стужать, стѣснять, притѣснять, докучать.

стыдѣніе, уваженіе, стыдливость.

стягнуты, истягнуты, вытянуть, стянуть.

стягъ, знамя.

стяжаніе, имущество.

сугнать, догнать.

судомойна, въ чемъ моютъ посуду.

судъ, смерть.

судьно, посудина.

сулица, конецъ копія, копье.

сумежье, граница; мѣсто, гдѣ сходятся межи двухъ земель или странъ.

сумочка переметная, въ старину всадникъ всегда имѣлъ при сѣдлѣ двѣ сумки, соединенныя ремнемъ, которыя перекидывались по обѣ стороны лошади.

сунклить, искаженное греческое слово *ἀσύνκλιτος*.

Суромъ, Азовское море; по другимъ: Судакъ (въ Крыму).

сути, совать, сыпать, съсути, насыпать.

существо, свойство, особенность; по существу, какъ подобаешь, правильно.

схватиться, спохватиться.

сходня, доска, по которой сходять съ корабля на берегъ.

сѣвершениый, взрослый.

сѣвершити, сдѣлать, окончить, исполнить.

сѣлъ, посоль, посланный.

сѣниснати, отыскать, собрать, приобрѣсти.

сѣпрягати, связывать, соединять.

сѣступитися, сойтись.

сѣтямати, приобрѣсти, получить.

сыновъць, племянникъ, сынъ брата.

сытъ, медъ, разведенный („разсыченый“⁴) водой.

сыть, сытость; (волчья) сыть, кормъ.

сыченый, разведенный медомъ съ водой (сытѣй).

сѣмо, сюда.

сѣни, высокое крыльцо съ переходами.

сѣсть на столѣ, занять княжеское мѣсто.

сѣча, битва, сраженіе

сѣчиво, топоръ, сѣкира.

сѣчь, рубить, убивать.

сяковый, такой.

Т.

таланъ, въ народн. языкѣ значить судьба или удача.

татство, воровство.

тафья, круглая магометанская шапочка, ермолка.

тектъ, стукъ дятла.

тенета, сѣти.

тепелый, битый (отъ тети, теп-у).

тертиса, тереться.

тети, битъ.

тисовый, изъ тисоваго дерева.

титла посланья, письмо, грамота.

тіунъ, тивунъ, низшее довѣренное лицо, исполнявшее порученія князя и наблюдавшее за дѣлами въ его вотчинѣ.

Тштороканъ, мѣстность по Черному и Азовскому морю, занятая въ XII в. половцами.

товары, лагерь, станъ.

тожно, тогда, въ такомъ случаѣ.

тоземьць, туземецъ.

токовище, мѣсто, гдѣ собираются весной птицы токовать. Въ сказкѣ примѣнено къ мѣсту собранія нечистой силы.

толокно, овсяная мука.

только (какъ союзъ) или и (а) только, если, если только.

тольми, настолько.

тоня, каждое отдѣльное закиды-

ваніе невода и вытаскиваніе его.
 топорки, вѣроятно, находимыя въ землѣ кремневыя орудія каменнаго вѣка, къ которымъ было суевѣрное отношеніе.
 торжище, торговая площадь.
 торонѣ, ремешки у сѣдла, къ которымъ приторачивается то, что всадникъ долженъ везти съ собой.
 торонѣ, дорога, путь (отъ гл. торить, проторять), торонѣмъ (пройдетъ туча), стороной.
 тѣщиться, уменьшаться, истощаться.
 тростіе, тростникъ, камышъ.
 Троянъ, прилаг. отъ Троянъ—древне-славянское божество.
 трудный, тяжелый, горестный, бѣдственный.
 трудъ, горе, скорбь, болѣзнь.
 трусить, трясти, отряхатъ.
 трызна, трызна, языческіе похороны, поминки.
 туга, печаль, скорбь.
 тудѣ, туда, тамъ, оттуда.
 тужить, гореватъ.
 туль, колчанъ.
 туляться, прятаться. (Ср. притулиться).
 Туровъ, древній городъ на р. Припети.
 туръ, дикій быкъ.
 тутънати, гудѣть, шумѣть.
 тутънь, громъ, гулъ, стукъ.
 тѣчный, одинаковый, равный, подобный.
 тѣщаніе, стараніе, вниманіе.
 тѣщій, пустой.
 тѣшиться, забавляться какой-нибудь игрой; въ Бовѣ Королевичѣ на полѣ тѣшиться означаетъ военную игру—состязаніе, вѣчто въ родѣ турнира.
 тяжа, тяжба.

У.

убрусъ, платокъ.
 убудиться, проснуться.
 уваль, гряда, валъ, сугробы

снѣга.
 увозъ, см. Боричевъ.
 угодые, надобность, польза.
 Угорьскій, венгерскій; горы Угорьскія, Карпаты.
 угъ, ужный, югъ, южный.
 угърескъ, венгерскій, венгерецъ.
 угыбающа (луна), луна на ущербѣ.
 ударить кѣмъ, одолѣть кого въ борьбѣ.
 удолье, долина, низина.
 удробиться, оробѣть.
 удуже, гдѣ.
 уминистый, говорятъ про рожь, и другой хлѣбъ, когда съ извѣстнаго поля получается больше, чѣмъ обыкновенно, сноповъ.
 узорочье, дорогія ткани съ узорами.
 уключуть, укусить, ужалить.
 украина, окраина.
 улучить, получить, пріобрѣсти.
 ума пытати, спрашивать мнѣнія.
 уне, уньше, лучше.
 унеинъ, просящій.
 уноровить, поноровить, угодить.
 управити сердце, справиться съ сердцемъ.
 упругъ, мачта.
 уристанія (конскія), бѣга.
 уронъ (отъ имѣнья), опредѣленный, назначенная часть.
 усерязь, серьга.
 усніе, бычачья кожа.
 усобица, раздоръ, междоусобная война.
 усовники, какіе-то предметы, имѣвшіе волшебный смыслъ.
 усрѣсти, встрѣтить.
 устати, перестать, прекратиться.
 утолочить, утоптать.
 утрянній, внутренній.
 ухаживать и охаживать, бить.
 учать, начать.
 ущенотать, воспѣть.
 уѣдіе, пища, покормъ.

Ф.

фарь, фарыжъ, конь.
 фряжскій, латинскій, западный.

Х.

харалужный, булатный, стальной.
 хижна, хижина, избушка.
 хитро, премудро, искусно.
 хлѣвина, жилье.
 хля медвѣжая, жидкость, потъ,
 пѣна, слизь.
 ходаньце, способность ходить.
 холоденушка, лягушка.
 хоронить въ земли, зарывать
 кладъ.
 хоругвь, знамя.
 храмъ, храмина, комната, жилое
 помѣщеніе.
 хрестъци, переплеты у дверей.
 худый, малый, слабый, дурной.
 хыновскій, ханскій.

Ц.

цвѣлито, огорчать, дразнить, му-
 чить.
 ци, чи, ти, ли (вопросит. ча-
 стица).
 цѣвье (чивье), рукоять.
 цѣльба, излеченіе.
 цѣлый, чистый, здоровый, непо-
 чатой.

Ч.

чага, плѣнница.
 чаделко, уменьшит. отъ чадо.
 чадъ, домочадцы, челядь (при-
 ближенные ко двору князя).
 челобитье, поклонъ, привѣтствіе;
 потомъ: жалоба. Челобитье
 „отдають“ или „правятъ“
 (когда передають чужой пок-
 лонъ).
 челядь, рабы.
 чежбуръ, поводъ ременный.
 черевики, башмаки, сапоги.
 по чередамъ, въ разное время.
 черень (черенъ), черенокъ, ру-
 коять ножа, копыя, меча.
 черленый (вязъ, корабль), кра-
 сный.
 чернечскій, мовашескій.
 чернизина, черное пятно.

чернобыль, южное названіе по-
 лыни.
 черноризьць, монахъ.
 чести, читать.
 честный, уважаемый, святой.
 Чешскій лѣсъ, Богемскія горы.
 (Bömerwald).
 чивье (цѣвье), рукоять.
 чили, или (при повтореніи во-
 проса).
 чинить, дѣлать.
 чингалище, чинжалище, кинжалъ.
 чинъ, порядокъ, время.
 чирь, обувь. Ср. въ Курск. губ.
 чирки, въ Олонецкой—чирки.
 чистосердіе, чистосердечіе, откоро-
 венность.
 чолна, пучекъ волосъ со лба ло-
 шади, прикрѣплявшійся къ
 знамени, бунчукъ.
 чрепна, черепокъ, скорлупа (въ
 яйцѣ).
 чръвень, чръмень, чръвленъ, чер-
 ленъ, красный, пурпуровый.
 что, въ старинномъ языкѣ, осо-
 бенно въ народной поэзіи,
 нерѣдко начинается собою
 главное предложеніе или сое-
 диняетъ два равносильныхъ
 предложенія.
 чудный (образъ), чудотворный.
 чуманъ, извозчикъ (въ Малорос-
 сіи), перевозящій товаръ.
 чърнядь, порода черныхъ утокъ.
 чьстити, почитать, чтить.

Ш.

шаленой, сумасбродный, безпут-
 ный (иногда просто шаль).
 шалыга, плеть.
 шалыжище, ручка плети (ша-
 лыги).
 шеломъ, шлемъ.
 шеломя, холмъ.
 шепотникъ, наушникъ, доносчикъ.
 шибать, ударять, поражать.
 шизый, сизый.
 ширинна, полотенце.
 ширатися, парить по воздуху,
 широко распустивъ крылья.

шляхъ, проѣзжая дорога (малорус.).

Щ.

щекотъ, пѣніе соловья.
щепетко, щегольски (то же что щепливо).
щепливый, щепливый, щегольской.
щетки, пучки волосъ у лошади надъ копытами.
щлягъ, шлягъ, монета.

Ю. Я.

юнанъ, храбрець, удалой воинъ, богатырь.
ядъ, ѣда, пища.
язва, рана.

язъ, азъ, я.
языкъ, народъ.
язычный, болтливый, долгоязычный.
язя, язва, болѣзнь.
япончица, плащъ.
ярыкъ, татарская грамота, потому всякое письмо.
ярмо, воловь упряжь: деревянный хомутъ для пары воловъ.
яровчатый, яворчатый, т. е. сдѣланный изъ дерева яворъ.
яругъ, оврагъ.
ятися, взятся, схватиться.
ячей, клѣтка сѣти.
ярый, буйный, полный отваги;
ярый всекъ, чистый, бѣлый.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I.	
Изборники Святослава	3
Слово Θεодосія Печерскаго	8
Пачальная лѣтопись	10
Новгородская лѣтопись	31
Ипатьевская и Волынская лѣтопись	33
Хожденіе игумена Данила	39
Поученіе Владиміра Мономаха	47
Слово о полку Игоревѣ	54
Поученія Серапіона Владимірскаго	65
Сказаніе о Псковскомъ взятіи	70
Матица Златая	76
Изъ Румянцовскаго Сборника	84
Изъ Азбуковника	85
Стоглавъ	86
II.	
Домострой	95
Котошихинъ	109
Сочин. Протопопа Аввакума	125
Юліанія Лазаревская	141
Девгеніево дѣяніе	150
Бова Королевичъ	156
Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ	166
Повѣсть о Ершѣ Щетинниковѣ	176
Повѣсть о Горѣ-Злочастіи	179
Былины	191
Духовные стихи	271
Сказки	284
Лирическія пѣсни	328
Малорусскія думы	349
Народная драма	358
III.	
Подлинныя тексты къ первой части	395
Словарь	459

Опечатки.

- Стр. 75 строка 6 и 7 снизу: Перемѣнить мѣстами слоги *двор* и *стари*
" 83 " 16 сверху: читай: *родителей своихъ*.
" 158 " 1 снизу: конецъ строки читай: *дво*
" 201 въ 5-мъ нотномъ примѣрѣ послѣдняя строка также должна имѣть
си *бемоль*.
-